

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Цыбенов Базар Догсонович

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДАУРОВ (XX в.)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Научный консультант
академик РАН, д.и.н., профессор
Б.В. Базаров

Улан-Удэ – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историография и источниковедение	19
1.1. Отечественная и зарубежная историография	19
1.2. Источниковедческая база исследования	76
Глава 2. Место и роль дауров в транснациональной истории монгольского мира в первой трети XX в.	111
2.1. Дауры в XVIII – начале XX в.: история формирования, расселения и социально-экономического положения этнотерриториальных групп	111
2.2. Эволюция политических воззрений даурской правящей элиты и народных лидеров, их отражение в социально-политических мероприятиях (1912–1930 гг.)	130
2.3. Даурская революционная молодежь и ее участие в деятельности Коминтерна, партийном и государственном строительстве на территории МНР и Внутренней Монголии (1917–1930 гг.)	166
Глава 3. Дауры в период Маньчжоу-Го (1932–1945 гг.)	227
3.1. Специфика общественно-политических и экономических нововведений в районах проживания дауров в провинции Синьань	227
3.2. Подпольная и партизанская борьба дауров в контексте истории антияпонской войны на северо-востоке Китая (1932–1945 гг.)	253
Глава 4. Национально-территориальные автономные образования дауров (1945 г. – конец XX в.)	287
4.1. Послевоенные административные реформы Китайской Республики и КНР в отношении национальных автономий дауров	287
4.2. Эволюция национальных автономий дауров (60–90-е гг. XX в.)	320
4.3. Культура и образование дауров (XX в.)	342
Заключение	375
Источники и литература	384
Приложение	537

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. История каждого народа, протекающая в едином русле мирового исторического процесса, тем не менее своеобразна и неповторима. По-своему уникальна и уходящая в глубину веков история дауров, тесно переплетенная с историей монголов, народов Сибири и Дальнего Востока, северо-востока Китая. На фоне тысячелетней истории народа лишь малым фрагментом обозначена новейшая история дауров волею времени и харизматичных деятелей обретшая свои неизгладимые и памятные штрихи.

XX век, особенно его первая половина, ознаменовался в мировой истории небывалыми прежде социальными катаклизмами и потрясениями в виде глобальных революционных движений и масштабных войн. Мировые общественно-политические процессы неизбежно вовлекли в свою орбиту и монгольский мир, неся ему новые вызовы и в то же время перспективы. Оказавшись в зоне достаточно жесткого и длительного противостояния великих держав, вызванного ослаблением и последующим крушением одного из ключевых акторов международного взаимодействия – цинского Китая, народы монгольского корня небезуспешно пытались возродить государственную независимость. Активное участие в этом процессе приняли и дауры, в первой половине XX в. еще считавшиеся неотъемлемой составной частью монгольского мира. Мировая общественность, за редкими исключениями в виде научных изысканий отдельных исследователей, в целом не подозревала о существовании дауров. В работах отечественных авторов их порой именовали «баргинцами» (что в принципе справедливо, поскольку отражает принадлежность дауров к региону – Барга – *авт.*), или баргугами. В период подъема национально-освободительного движения монгольских народов в первой трети XX в. в обиходе был термин «дагур-монгол» (в монгольском мире дауры известны под именем «дагур» – *авт.*), который ясно отражал устремление дауров стать неотъемлемым элементом нового независимого монгольского мироустройства. Это было время, когда Внешняя

Монголия обрела неопределенный статус государства / автономии и было понятно, что с этого пути она уже не свернет. Поэтому все монгольское было чрезвычайно популярным на прилегающих к новому государственному образованию национальных окраинах Китая и России. Возникла ситуация, когда и сами дауры и дауров считали такими же монголами, как баргутов и бурят (проживающие в Китае и Монголии буряты считают себя бурятской этнической группой монгольской нации – *авт.*). Соответственно, история и культура дауров некоторое время рассматривались в русле общемонгольской историко-культурной традиции. Если учесть современные обстоятельства, связанные с самостоятельным статусом дауров, то ныне возникает насущная необходимость в вычленении исторических событий первой трети XX в., связанных с участием даурских деятелей, и создании как можно более объективной картины новейшей истории народа. Лишь детальная реконструкция имен и биографий выходцев из дауров, осуществлявших свою деятельность в этот период, может помочь в восстановлении истинных масштабов участия дауров в национально-освободительном движении монгольских народов.

Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что дауры были не монгольским, а монголоязычным народом, о чем красноречиво свидетельствуют яркие, специфические особенности в языке и культуре дауров, в ряде случаев, очевидно, очень глубокие, свидетельствующие о раннем отпочковании предков дауров от собственно монголов.

Китайцы в первой половине XX в., как рядовые граждане, так и исследователи, не выделяли дауров в качестве самостоятельного этноса. Не выделяли их и японцы в период Маньчжоу-Го. Ситуация изменилась в 50-х гг. XX в. с обретением даурами статуса официально признанного этноса. Даурская элита сыграла особую роль в установлении фактической независимости Хулун-Буира (Барги) в 1912 г. и в процессе вхождения региона в состав Внешней Монголии, и в последующих переменах в многогранных

взаимоотношениях между Китайской Республикой, Россией и Внешней Монголией. Дауры как могли лавировали между ними.

Дауры были связаны с Россией, Коминтерном. Об этом отчетливо свидетельствуют факты их политической истории. Становление даурских революционеров и в целом националистического движения в Хулун-Буире переплетается с именами бурятских общественно-политических деятелей Э.-Д. Ринчино, Ц.-Е. Цыдыпова. Поэтому возникает насущная необходимость в изучении этих вопросов.

Степень научной разработанности темы исследования характеризуется наличием научных работ отечественных и зарубежных ученых. Подробному анализу историографии посвящен первый параграф первой главы диссертации. Массив отечественной научной литературы подразделен на дореволюционный, советский и современный периоды, каждый из которых дает свое видение новейшей истории Хулун-Буира, в целом Внутренней Монголии и северо-восточного Китая. Китайская историография, включая научную литературу на классической монгольской письменности, представлена преимущественно трудами даурских исследователей, освещающих многие аспекты новейшей истории и культуры дауров. В западной, японской и корейской историографии в основном изложены вопросы истории Маньчжурии и Маньчжоу-Го; монгольская историография делает упор на участие Барги в национально-освободительном движении монгольских народов. Вопросы новой истории дауров и деятельность Мэрсэ отражены в немногочисленной по объему немецкой и чешской научной литературе.

Объект исследования – даурский социум как один из знаковых факторов социально-политической трансформации во Внутренней Азии в XX в.

Предмет исследования – политическая история дауров, социально-экономическое и культурное развитие даурских районов в XX в.

Цель работы – формирование целостной картины новейшей истории и культуры даурского народа с особым упором на выявление политической, социально-экономической и культурной составляющих.

Задачи работы:

– реконструировать историю формирования, расселения и социально-экономического положения этнотерриториальных групп дауров, на основе анализа новых архивных данных раскрыть взаимодействие даурских чиновников с российскими военными, эволюцию политических воззрений даурской элиты и народных лидеров, их отражение в социально-политических мероприятиях (1912–1930 гг.);

– дать общую характеристику социально-политической истории дауров в XX в. с учетом проблемы происхождения и выделения в виде отдельной народности - от возникновения фактически независимого Хулун-Буира в 1912 г. до создания даурских национальных автономий во второй половине XX в.;

– основываясь на российских и монгольских архивных материалах, установить деятельность даурской революционной молодежи и ее участие в работе Коминтерна, доказать гипотезу об ее содействии в партийном и государственном строительстве на территории МНР и Внутренней Монголии (1917–1930 гг.), включая работу по созданию Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) и Народно-революционной партии Восточного края (НРПВК); баргинском восстании 1928 г.;

– выявить особенности общественно-политических, административно-территориальных и экономических нововведений в даурских районах в период правления Маньчжоу-Го; обосновать предположение об активизации партизанской и подпольной антияпонской борьбы дауров после казни Линшэна и его соратников в 1936 г.;

– с новых позиций трактовать основные события, связанные с участием дауров в гражданской войне, общественно-политическими, административно-территориальными и экономическими преобразованиями в даурских районах;

уделяя главное внимание вопросам официального признания дауров в качестве самостоятельной народности, политического и социально-экономического развития национальных автономий дауров;

– проанализировать процесс становления и укрепления системы школьного образования, проследить динамику подготовки национальных кадров в начальных, средних и высших учебных заведениях, дать оценку формированию новой культуры дауров в XX в. и определить основные направления и этапы культурного строительства.

Хронологические рамки исследования охватывают XX век. Нижние хронологические рамки (начало XX в.) обусловлены существенным ограничением внутренней автономии на национальных окраинах и началом колонизации Цинской империей районов, населенных даурами. В то же время в ряде случаев, когда затрагивается предыстория тех или иных исторических событий или для более точного понимания некоторых вопросов, нижняя рамка может опускаться до XVII в. и ранее. Верхние хронологические рамки, доходящие до конца XX в., связаны с завершением основных процессов становления даурских национальных автономий (даурский национальный район Мэйлисы был создан в 1988 г.), а также общей стабилизацией и улучшением социально-экономической жизни в даурских районах в 80–90-х гг. XX в.

Территориальные рамки исследования включают в себя территории КНР, населенные компактно проживающим даурским населением: даурский автономный хошун Морин-Дава городского округа Хулун-Буир, эвенкийский автономный хошун Автономного района Внутренняя Монголия, даурский национальный район Мэйлисы городского округа Цицикар провинции Хэйлуцзян, а также другие районы проживания малочисленных групп дауров в провинции Хэйлуцзян (Айгунь (совр. Хэйхэ), Хулан) и уезде Тачэн Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней комплексное исследование социально-политической истории даурского

народа в XX в. впервые проведено на основе анализа отечественной и зарубежной (китайской, монгольской, англоязычной, японской, корейской, немецкой, чешской) научной литературы; широкого корпуса источников, включая опубликованные и неопубликованные архивные документы, материалы периодической печати, мемуары, полевые материалы автора. Был выявлен, исследован, систематизирован и введен в научный оборот массивный пласт документальных источников на русском языке и классической монгольской письменности, содержащийся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном архиве Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ), Монгол Улсын Үндэсний Төв архив (МУУТА) (Центральный национальный архив Монголии) и других архивах, что позволило существенно расширить фактологическую базу и провести реконструкцию многих аспектов социально-политической истории дауров в XX в. В работе, базирующейся на принципах историзма и объективности, реализован методологический синтез нарративного подхода к реконструкции исторических событий в даурских районах с широким кругом специальных исторических методов (сравнительно-исторический, конкретно-исторический, проблемно-хронологический, историко-генетический и др.), вкупе с применением новейших теоретических положений и понятийного аппарата исторической науки.

В диссертации показаны малоисследованные аспекты формирования этнотерриториальных групп дауров (бутхаские, цицикарские, хайларские, синьцзянские и др.) в увязке с социально-политическим и экономическим развитием конкретных регионов проживания, в которых в начале XX в. появились предпосылки для развертывания национально-освободительного движения. По-новому рассмотрено начало баргинского восстания 1912 г.: на основе материалов АВПРИ высказано предположение о взаимодействии даурских руководителей Шэнфу и Цэндэ с российскими офицерами и

казаками Пограничной стражи Заамурского округа, завершившемся взятием повстанцами г. Хайлар в январе 1912 г. Впервые выяснены настроения, ориентации и политическое лавирование даурской правящей элиты в вопросах присоединения Хулун-Буира к Внешней Монголии в 1912–1915 гг., неопределенного статуса последней, возвращения региона в состав Китайской Республики. Наряду с этим новой представляется научная оценка деятельности народных лидеров цыцикарских и бутхаских дауров, в частности, руководства Шаоланом и Дайфу крестьянским восстанием в 1914–1920 гг., формирования Ян Денбу отряда самообороны в 1929 г. в Бутхе.

Использование методологической призмы транснациональной истории позволило установить, проследить и проанализировать деятельность даурской революционной молодежи, ее участие в работе Коминтерна, партийном и государственном строительстве на территории МНР и Внутренней Монголии (1917–1930 гг.). Через осмысление биографий лидеров Мэрсэ и Фуминтая, хранящихся в фондах ЦА ФСБ, показаны многие моменты их участия, ранее остававшиеся вне поля зрения исследователей. В диссертации также проанализирована деятельность ряда даурских революционеров, воссозданы разные грани их работы и учебы, определены их место и роль в становлении НРПВМ и НРПВК. Доказано, что даурская революционная молодежь, находившаяся в оппозиции к администрации Хулун-Буира и инструктируемая Коминтерном, ЦК Монгольской народно-революционной партии (МНРП), стояла у истоков вышеотмеченных партийных организаций, занималась отправкой хулун-буирских учащихся в СССР и МНР, подготовила баргинское восстание 1928 г.

С привлечением новых научных фактов реконструировано взаимодействие даурской элиты с властями Маньчжоу-Го в 1931–1945 гг.; впервые прослежены процесс создания административно-территориальных образований и ход социально-экономических преобразований на территории, населенной даурами; установлены лица, возглавлявшие районные администрации в провинциях Северный и Восточный Хинган Маньчжоу-Го, а

также работавшие в правительстве Мэнцзяна. На основе анализа данных автор делает предположение об усилении антияпонских настроений после казни губернатора провинции Северный Хинган Линшэна и его соратников в апреле 1936 г., выразившихся в активизации подпольной борьбы в Хайларе (1939–1945 гг.) и участии даурских офицеров армии Маньчжоу-Го в военных мятежах в августе 1945 г.

В русле современных методологических подходов обобщены научные факты о создании в послевоенные годы бригад самообороны, съездах народных представителей и об аграрных преобразованиях в даурских районах; обретение даурами статуса официально признанной народности и процесс создания даурских автономий разных уровней проанализированы как реализация руководством КНР идеи нациестроительства. Установлено также, что основанная на принципе этнической гомогенности попытка отдельных даурских деятелей к обретению более широкой национальной автономии в Морин-Дава в 1957–1958 гг. привела к репрессиям со стороны руководства Автономного района Внутренняя Монголия. Через призму политико-экономических преобразований в КНР рассмотрены особенности адаптации сельского хозяйства даурского автономного хошуна Морин-Дава в 60–90-е гг. XX в. к меняющимся условиям жизни, выяснены и проанализированы предпосылки, механизмы и сам процесс выхода даурских хозяйств на качественно новый уровень в годы реформ и открытости.

В работе проведен сквозной анализ процессов эволюции и адаптации сферы культуры и образования дауров в XX в., прослеживающий переход от маньчжурской культурно-образовательной традиции, сопровождающийся попытками создания своего письма на основе латиницы и кириллицы, к китайской, в значительной степени идеологизированной в годы КНР. С учетом новейших сведений охарактеризованы особенности развития школьного, вузовского образования, роль и место художественной самодеятельности и научно-технических новинок в культурной жизни даурского автономного хошуна Морин-Дава.

В ходе последовательной реконструкции аспектов социально-политической истории дауров в XX в. впервые установлено, что они явились примером трансграничного народа, чья элита использовала методы политического лавирования в первой половине XX в., в зависимости от ситуации дистанцируясь и сближаясь с разными политическими силами. Доказано, что не утраченная даурами этническая идентичность, восходящая к средневековым монголоязычным народам вкупе с их политической активностью, была подмечена и использована руководством КНР для конструирования новой нации и, как следствие, создания национальных автономий разных иерархических уровней.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изучение социально-политической истории дауров в XX в. способствует расширению теоретико-концептуальных рамок современной исторической науки, востоковедных направлений, в частности монголоведения. Содержание работы, ее положения и выводы представляют ценность при написании обобщающих трудов по истории народов российско-китайского трансграничья, северо-восточного Китая, Внутренней Монголии и Синьцзяна, а также при проведении специальных исследований по истории национально-освободительного, революционного и антияпонского движений в Хулун-Буире, создания Народно-революционной партии Внутренней Монголии, социально-экономического и культурного развития стран, регионов и народов, сопредельных с даурами. Ранее неизвестные аспекты политического взаимодействия между даурской элитой и российскими военными, деятельности даурских революционеров на территории МНР могут послужить материалом для обобщающих, в том числе и теоретических, работ по истории российского/советского влияния в монгольском мире, монографий и статей по малоизученным аспектам политики Коминтерна во Внутренней Азии.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов работы в сравнительно-сопоставительном анализе различных аспектов новейшей истории и культуры национальных

меньшинств Китая, изучении истории политического взаимодействия в треугольнике Россия – Китай – Монголия, понимании особенностей национальной политики КНР. Результаты работы могут быть использованы преподавателями гуманитарных вузов при составлении учебно-методических пособий по дисциплинам, имеющим отношение к истории и культуре Китая, России, Монголии; подготовке факультативных курсов, посвященных историческому развитию и современному состоянию национальных меньшинств вышеотмеченных стран.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и объективности. Принцип историзма позволил изучить новейшую историю дауров в процессе его закономерного развития во взаимодействии с историей северо-восточного Китая, Внутренней Монголии, Хулун-Буира и сопредельных территорий (Монголия, Забайкалье). Принцип объективности был использован при анализе опубликованных и неопубликованных архивных источников, материалов периодической печати, данных полевых исследований, воспоминаний очевидцев событий.

В методологии нашего исследования основополагающую роль играет нарративный (описательно-повествовательный) подход. Благодаря ему архивные материалы и научные исторические работы были изучены во взаимосвязи, приведшей к построению единой и цельной картины новейшей истории дауров. Для начала нами были выделены некоторые особо значимые события в даурской истории, к примеру баргинское восстание 1912 г., устранение автономии Хулун-Буира в 1920 г., дело Линшена 1936 г., поражение Квантунской армии и ликвидация государственного образования Маньчжоу-Го в 1945 г., создание даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958 г., которые достаточно описаны в научной литературе и нет оснований в их достоверности. Затем к этим «центральным» вопросам были сделаны добавления из архивных источников и научной литературы; проведен анализ фактических материалов и их причинно-следственных связей. Исходя из этого

получена новая интерпретация событий новейшей истории дауров; во многом реконструирована последовательность тех или иных событий.

В работе применялись сравнительно-исторический, конкретно-исторический, проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-типологический и историко-системный методы, метод аналогии.

В изучении новейшей истории даурского народа нами использовался сравнительно-исторический метод. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ как районов проживания даурских этнотерриториальных групп, так и их ближайших соседей – баргутов, солонов, олетов, шэнэхэнских бурят, маньчжуров, китайцев. В целом масштабы применения данного метода в диссертационной работе достаточно велики, в той или иной степени встречаются практически во всех параграфах и главах исследования.

С помощью конкретно-исторического метода выяснены исторические принципы правомерности возникновения, развития и эволюции фактически независимого Хулун-Буира в 1912–1920 гг., где у руля власти находилась даурская элита. Данный метод позволил также изучить закономерности в стадийной эволюции различных правительств, внутренних и внешних сил на территории Китая, Монголии и России в XX в., политика которых прямо или косвенно отражалась на социально-политической обстановке в китайско-монголо-российском трансграничье, включавшем и даурские районы.

Применение проблемно-хронологического метода позволило изучить историческое развитие даурского народа в его динамике, опираясь на узловые моменты при оформлении государственных институтов (автономия Хулун-Буира в 1912–1920 гг., провинция Северный Хинган в Маньчжоу-Го (1932–1945 гг.), даурские национально-территориальные автономии в КНР (1952–1988 гг.)) на каждом из исторических этапов.

Историко-генетический метод дал возможность системно рассмотреть свойство, функции и характер изменения изучаемой проблематики, а также помог понять причинно-следственные связи и особенности исторического

развития даурского народа, а также проследить изменения во взаимодействиях даурских чиновников Хулун-Буира с провинциальной властью.

Историко-типологический метод применен в изучении национальных автономий дауров. Прделана попытка исследования иерархического деления даурских автономных районов. Данный метод использован и при изучении статуса Хулун-Буира в 1912–1945 гг.

Историко-системный метод позволил нам собрать из накопленных выводов целостную, систематизированную картину новейшей истории дауров.

В ряде случаев применялся метод аналогии, сделавший возможным сопоставить положение дауров и баргутов в администрации Хулун-Буира; обстановку, складывавшуюся в различные периоды истории в этнотерриториальных группах дауров.

Источниковая база исследования представлена широким корпусом источников, позволивших в соответствии с исследовательскими задачами сделать научные выводы. Выделены следующие группы использованных источников: опубликованные и неопубликованные архивные документы, материалы периодической печати, мемуары, полевые материалы автора. Неопубликованные источники, впервые вводимые в научный оборот, представлены документами отечественных (АВПРИ, АВП РФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ и др.) и зарубежных (МУУТА, Дипломатический архив Министерства иностранных дел Японии (ДА МИДЯ)) архивов. Опубликованные источники включают отечественные военно-статистические отчеты начала XX в., материалы отечественных и зарубежных сборников архивных документов. Используются материалы региональной периодической печати КНР и РФ, англоязычной прессы. Мемуарные источники представлены воспоминаниями советских специалистов, дауров-участников антияпонской борьбы и создания национальных автономий. Полевые материалы автора включают отдельные сведения экспедиционных исследований 2005, 2015 и 2017 гг. Подробная

характеристика источниковой базы представлена во втором параграфе первой главы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Активизация российской политики в Маньчжурии, выразившаяся в строительстве КВЖД, участии в военных действиях, трансграничных отношениях и торговле, явилась транснациональным историческим контекстом формирования элиты хайларских дауров, возглавивших администрацию Хулун-Буира в 1912–1936 гг. Результатом непосредственного политического взаимодействия дауров с российскими военными стало взятие баргинскими повстанцами г. Хайлар в январе 1912 г., изгнание харчинского отряда из города в августе 1917 г. Причинами успешных действий отряда самообороны, созданного даурскими охотниками во главе с Ян Денбу в регионе Бутха в 1929 г. и укрупненного в 1931 г., явились знание родной местности, помощь местного населения и дауров, служивших в составе милитаристских отрядов. Приглашение на должность командира отряда, направленное бутхаскими даурами Мэрсэ в ноябре 1931 г., было связано с началом японской оккупации северо-восточного Китая и значимостью фигуры политика в глазах повстанцев, ассоциировавшегося, с одной стороны, с Коминтерном и СССР, с другой – Чжан Сюэляном. Восстание цицикарских дауров под руководством Шаолана и Дайфу, начавшееся как выступление против богатых землевладельцев в 1914 г. и переросшее в вооруженную борьбу против милитаристских групп в 1915–1920 гг., не имело конкретной политической цели, четкого направления и стратегии борьбы, долгосрочных планов, поэтому было обречено на поражение.

2. Осознание даурскими чиновниками Хулун-Буира неопределенного статуса Внешней Монголии в 1912–1915 гг. привело к политическому лавированию и поиску альтернативных путей решения проблемы в первой трети XX в., в числе которых были варианты реставрации цинской династии под эгидой Японии и получения широкой автономии в составе Китайской Республики. Попытка бутхаских дауров в 1912 г. включить в монгольское

подданство три города провинции Хэйлунцзян имела доказательную базу в виде материалов по истории монголов юаньского периода и этнографических данных. Причинами сохранности этнической идентификации и в целом существования этнотерриториальной группы дауров Синьцзяна – потомков военных поселенцев к началу XX в., явились ее организованность и адекватная реакция на окружающую обстановку, выразившаяся в неоднократных переходах цинско-российской границы в период наивысшего подъема мусульманских восстаний, ассимиляции солонов, этнических контактах с местными ойратскими группами.

3. Контакты дауров с бурятскими деятелями в 1912–1915 гг. во Внешней Монголии были продолжены революционным взаимодействием с Э.-Д. Ринчино. Даурская революционная молодежь, находившаяся в оппозиции к администрации Хулун-Буира и инструктируемая Коминтерном и ЦК МНРП, стояла у истоков создания НРПВК и НРПВМ, занималась вопросами кадровой подготовки, совершила баргинское восстание 1928 г.

4. Резонансное «дело Линшена» 1936 г. вызвало рост антияпонских настроений в даурском обществе Маньчжоу-Го, выразившихся в активизации подпольной антияпонской борьбы хайларских дауров, связанных с российскими / советскими деятелями, Красной армией и СССР (1939–1945 гг.), участии даурских офицеров армии Маньчжоу-Го в военных мятежах в августе 1945 г. Китайские партизанские отряды, действовавшие на территории даурского района Морин-Дава, получали всемерную помощь местного даурского населения.

5. Искусственно разделенные этнотерриториальные группы дауров, причисляемые к монголам и/или сибо, солонам (эвенкам), в начале XX в. сохраняли единый язык и культуру, этническое самосознание. Провозглашение первых даурских автономий в 1952 и 1954 гг. вкупе с тезисом об устойчивых культурно-языковых особенностях дауров послужили катализатором для конструирования новой нации руководством КНР в 1956 г. и создания национальных автономий разных иерархических уровней.

Руководство Внутренней Монголии в 1957–1958 гг. пресекло основанную на принципе этнической гомогенности попытку дауров к обретению более широкой национальной автономии. Тем не менее созданный в 1958 г. даурский автономный хошун Морин-Дава стал центром притяжения всех дауров.

б. Культура и образование дауров в XX в. эволюционировали синхронно с этапами новейшей истории Китая (цинский; эпоха Китайской Республики; правление Маньчжоу-Го; период КНР, или современный этап), специфика которых систематически обогащала культурно-образовательную сферу новыми явлениями и терминами, достижениями науки и техники.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования представлены в виде докладов на XI международном Конгрессе монголоведов «Mongol studies and sustainable development» (Улан-Батор, 15–18 августа 2016 г.), всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Сибирь в годы Великой российской революции» (Улан-Удэ, 7–8 июня 2017 г.), всероссийской научной конференции памяти В.Н. Шерстобоева (Иркутск, 28 марта 2018 г.), международных научных конференциях «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии» (Чита, 26 октября 2018 г.), «International workshop “Peoples and Languages of the Sino-Russian Borderlands: Dauria”» (Palacky University in Olomouc, Czech Republic, October 9–10, 2019), «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г., 18–19 мая 2020 г.), международной научной конференции «Актуальные проблемы монголоведных и алтаистических исследований» (Элиста, 11–14 ноября 2019 г.), международной научно-практической конференции «Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество» (Чита, 18 сентября 2020 г.), международном научном семинаре «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии» (Улан-Удэ, 19–20 декабря 2020 г.), IV международном семинаре «Письменное наследие и актуальные проблемы истории и культуры»

монгольских народов» (Улан-Удэ, 16–19 сентября 2021 г.), международных научных конференциях «Синология в XXI веке» (Улан-Удэ, 12 октября 2021 г., 11 июля 2022 г.), «Банзаровские чтения» (Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 г.), всероссийской научной конференции «XXIV историко-экономические чтения» (Иркутск, 31 марта–1 апреля 2022 г.), II всероссийской научной конференции «Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований (Старцевские чтения)» (Барнаул, 5–6 мая 2022 г.), международной научной конференции «Мир Центральной Азии-V» (Улан-Удэ, 30 июня–2 июля 2022 г.), международной научно-практической конференции «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии» (Чита, 16 сентября 2022 г.), I международной научной конференции «Цивилизации Востока: взгляд из XXI века» (Москва, 21 октября 2022 г.), международных научных конференциях «Русско-монгольское соглашение 1912 г.: к 110-летию подписания первого соглашения между Российской империей и государством Монголия» (Москва, 21 октября 2022 г.), «Mongolian Culture Society in Japan the 6th Winter Symposium» (Токио, 10 декабря 2022 г.).

Основные положения диссертации отражены в 50 научных работах, в том числе в 3 монографиях, 18 статьях в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, 29 работах, опубликованных в периодических и продолжающихся изданиях, сборниках научных трудов, материалах конференций. Общий объем публикаций по теме диссертации составляет 61,95 п. л., вклад соискателя – 56,75 п. л.

Структура и объем работы

Работа состоит из введения, четырех глав, 10 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Общий объем диссертации составляет 551 страницу.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

1.1. Отечественная и зарубежная историография

Новейшая история дауров, ее различные аспекты, в основном имеющие отношение к трансграничному взаимодействию, привлекали внимание ряда российских и зарубежных исследователей. Особое значение имело и само проживание дауров в таком геополитически и стратегически важном регионе, как Хулун-Буир. Дауры и их элита, находившаяся в первой половине XX в. у руля региональной власти, не могли не стать объектом изучения как ученых-путешественников, так и специалистов различных направлений (например военных). Позже, во второй половине XX – начале XXI в., вопросы истории дауров стали изучаться историками более детально, в контексте истории Внутренней Монголии и монгольского мира. В это же время исторические исследования начала проводить передовая научная интеллигенция даурского народа.

Отечественная историография

Обратимся сначала к работам российских исследователей, затрагивающих те или иные аспекты исторического развития даурского народа. На наш взгляд, их уместно разделить на три группы: 1) работы авторов дореволюционного периода; 2) историография советского периода; 3) труды современных российских ученых (с конца XX в. и по настоящее время).

К первой группе относятся публикации российских ученых-путешественников, историков, филологов. Первые сведения о даурах, переселенных на р. Нонни во второй половине XVII в., сообщали русские посланники в Китай И. Идес и А. Брандт, Н. Милеску Спафарий. Особенно ценны сведения И. Идеса и А. Брандта, в которых приведены наиболее полные на тот момент данные о даурах [1960]. В трудах участников академических экспедиций по Сибири Г. Ф. Миллера [1999] и И. Г. Георги [1799] содержатся краткие и отрывочные научные сведения о даурах. Более или менее подробные

и квалифицированные данные об этом народе появились во второй половине XIX – начале XX в. В это время был издан труд А. О. Ивановского, посвященный изучению даурского языка [1894]. Среди ученых, в той или иной степени затрагивавших в своих исследованиях различные аспекты истории и культуры дауров, следует назвать Р. Маака [1859], собравшего сведения по рыболовству и судоходству; Д. Позднеева [Описание Маньчжурии, 1897] – краткие записи по расселению и антропологии; Л. И. Шренка [1883, 1899, 1903] – материалы по происхождению народа и этнонима, данные о расселении, жилище дауров. Особенно пристальное внимание на некоторые вопросы истории и культуры дауров обратил Л.И. Шренк. Анализируя данные своих предшественников, он выдвигал собственные предположения, имел свою точку зрения на многие вопросы. Как и большинство его современников, дауров он относил к тунгусо-маньчжурским народам с сильной примесью монгольского элемента.

Сведения о жизни синьцзянских дауров второй половины XIX в. даны в работе Н. П. Остроумова «Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства». Выяснено, что часть дауров, именуемая как «даур-солонь», бежала из района р. Или в Копальский уезд Семиреченской области в 1867 г. после дунганского восстания [1879].

В отчете о путешествии по Халхе, Большому Хингану и Маньчжурии, совершенном в апреле-декабре 1894 г. членом Приамурского ИРГО Стрельбицким, дана характеристика г. Хайлар (Амбань-Хото), прилегающих окрестностей, в частности долины р. Имин-гол; приводятся данные об этническом составе и административном делении Хулун-Буира, хозяйстве и жилищах дауров, описание станций между Хайларом и Цицикаром [Отчет о путешествии, 1896: 211–312].

В серии работ А. Гребенщикова упоминаются районы проживания бутхаских и цицикарских дауров [1909]. А. Спицыным написана обширная статья об административном устройстве Маньчжурии [1909: 26–54],

А. Болобаном рассмотрены перспективы развития Маньчжурии, китайская колонизация в указанном регионе, а также в Монголии [1910: 85–127; 1911: 80–139].

Сведения о даурах содержит краткий очерк подполковника Генерального штаба Михайлова. В частности, он указывает на особый характер даурского управления Хэйлунцзянской провинции; дает краткую характеристику народа, даурского войска; отмечает факты китайской колонизации Маньчжурии, а также делает вывод, что «к русским дауры относятся весьма дружелюбно и искренно» [Краткий очерк, 1911: 21–22, 31–33, 59]. В своей последующей книге он дает описание путей в Восточной Монголии и Северной Маньчжурии, а также населенных пунктов, состава населения и их отношения к Китаю и Японии. В разделе книги под названием «Население района пути» есть краткие сведения о даурах, антропологическом и культурном типе, местах их расселения [Описание путей, 1911: 169–170].

В работе А. Баранова дано определение топонимов «Барга» и «Хулун-Буир», историко-географическое описание Хулун-Буира; особое внимание уделено переселению в Хулун-Буир в 1732 г., приведены данные об административном устройстве региона и восьмизнаменной системе хошунов, статистические сведения о количестве скота, баргинском восстании 1912 г. [1912]. Нужно отметить, что автор почти не упоминает в своей работе дауров, о них кратко пишет в разделе о переселении в Хулун-Буир в 1732 г., что «...к переселенцам солонам и чипчинам приданы еще и дауры... даурам же было приказано отправиться одним, без семей, и первоначально предлагалось им испытать насколько земля пригодна для обработки» [1912: 26].

В годы Первой мировой войны в районе Хулун-Буира работали сотрудники Владивостокско-Маньчжурского района Монголэкса. Одним из них А. С. Мещерским были собраны материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 г., включающие описание народов, населяющих Хулун-Буир; об административном устройстве; событиях, связанных с захватом Хайлара в

1917 г. харчинским отрядом [Мещерский, 1920]. В ряде мест упоминаются дауры и их селения, занятия, а также чиновники – выходцы из числа дауров.

Материал по истории дауров и в целом Хулун-Буира представлен в работе В. А. Кормазова. Нами взяты на вооружение некоторые материалы, имеющие непосредственное отношение к даурам. В частности, захват отрядом Чадарабала г. Хайлар в 1917 г. и выезд даурских чиновников в Цицикар; историко-этнографическая справка о даурах; об управлении Хулун-Буирским округом; торговле и ярмарке [Кормазов, 1928: 16, 46, 61–64, 102–103].

Некоторые данные о даурах начала XX в. (краткая характеристика, контакты с эвенкийскими (тунгусскими) группами, дауры-таргачины) содержатся в классическом труде по этнографии тунгусо-маньчжурских народов Сибири, Дальнего Востока России и северо-востока Китая, изданном в 1929 г. в Шанхае российским этнологом-эмигрантом С. М. Широкогоровым на основе материалов трех экспедиций и научных командировок с 1912 по 1917 г. в Забайкалье, Монголию и Маньчжурию [Shirokogoroff, 1929; Широкогоров, 2017].

Таким образом, в трудах дореволюционных авторов в основном содержится краткая характеристика дауров, сведения административно-территориального и этнографического плана; приводятся факты из истории даурского народа XVII в. Исключением является работа А. С. Мещерского, где даны ценные упоминания о действиях даурского населения и чиновников в период захвата Хайлара в 1917 г. харчинами. В целом все вышеотмеченные публикации дают общее представление о хозяйстве, культуре, языке, антропологии и характере дауров в контексте новой и новейшей истории Маньчжурии и Хулун-Буира, Туркестанского края.

Вторая группа состоит из публикаций российских ученых, изданных в советский период. В работе В. И. Огородникова представлены ценные материалы по хозяйственной деятельности дауров в XVII в., особенно, по земледелию [1927]. В работе С. В. Бахрушина рассмотрено освоение русскими служилыми людьми «Даурской земли» в XVII в., автор уделяет внимание

русско-китайским отношениям, строительству в приграничье укрепленных острогов и городов с обеих сторон, планам Русского государства и Цинской империи [Бахрушин, 1928]. В монографии Н. Н. Поппе, помимо исследования даурского языка, содержатся ценные сведения и о традиционной культуре дауров [1930].

В публикациях советских историков освещены отдельные вопросы истории и культуры дауров, в основном связанные с ранней историей и их положением к моменту встречи с русскими казаками-первопроходцами в середине XVII в. [Долгих, 1958: 125–142; Румянцев, 2002]. Историко-этнографическое описание дауров дано в работе В. С. Старикова [Дауры, 1965: 666–671]; в трудах калмыцкой исследовательницы Б. Х. Тодаевой изучены вопросы развития и состояния даурского языка, а также история попыток создания даурской письменности [1986].

В работах С. Д. Дылыкова, Б. Ширендыба и М. И. Сладковского проанализированы некоторые аспекты новейшей истории Внутренней Монголии и в целом северо-восточного Китая [Дылыков, 1953; Автономный район, 1980], которые имеют большое значение для раскрытия вопросов социально-политической истории дауров.

Особое место занимают труды советских историков, рассматривающие национальную и социально-экономическую политику в Китае [Меликсетов, 1977; Махмутходжаев, 1977; Непомнин, 1980; 1999; Богословский, Москалев, 1984; Москалев, 1992; 2001; 2005]. Краткие, но ценные сведения о развитии национально-освободительного движения в Барге в 1911–1949 гг., решении национального вопроса в регионе содержатся в монографии В. А. Богословского и А. А. Москалева. В ней упомянуты основные события, связанные с восстанием в Барге в январе 1912 г., занятием Хайлара монгольскими повстанцами во главе с Чхадарабалом в 1917 г., деятельностью «молодых монголов» во главе с Буянгэрэлом (Фу Минтаем) и Мэрсээ (Го Даофу) в 1922–1923 гг., созданием «молодыми монголами» Народно-революционной партии Внутренней Монголии в 1925 г. [Богословский,

Москалев, 1984]. Можно отметить, что авторы изучают национальный вопрос в масштабе всей монгольской нации, где нет речи о более мелких этнических группах, таких как дауры. Работа, к сожалению, не содержит данных о национальности вышеотмеченных деятелей, возглавивших «молодых монголов», и в целом о даурах.

В монографии А. А. Москалева анализируются особенности стратегии национально-языкового строительства в КНР, включая переход от курса «слияния языков» к созданию в стране условий для беспрепятственного употребления и развития национальных языков, повышения их социального статуса. Автор упоминает дауров в числе малочисленных национальных меньшинств Китая, не имеющих письменности, приводит интересные положения Закона КНР о национальной автономии 1984 г., а также данные о развитии сферы образования в АРВМ КНР в 80-х - начале 90-х гг. XX в. [1992].

Труд О. Е. Непомнина посвящен изменению социального строя Китая в период между Японско-китайской и Первой мировой войнами. Большое внимание автор уделяет кризису феодализма, становлению переходного общества, росту национальной буржуазии и ее конфликту с цинским режимом. В работе приводятся сведения о роли железнодорожного строительства в Маньчжурии, усилении влияния Японии в северо-восточном Китае, росте инфляции и голоде в центральной части Китая в 1910–1912 гг. и др. [1980].

Исследователи советского периода продолжили начатое своими предшественниками изучение даурского языка, письменности и культуры; истории дауров XVII в. в контексте освоения Русским государством Приамурья. В то же время была издана работа В. А. Богословского и А. А. Москалева, в которой под именем «молодых монголов» кратко рассмотрена деятельность даурских революционеров Мэрсэ и Фуминтая. Появились труды, освещающие новейшую историю Внутренней Монголии, национальную и социально-экономическую политику в Китае, материалы которых могут помочь в изучении ряда вопросов новейшей истории дауров.

Третья группа публикаций, использованных в написании диссертационной работы, состоит из исследований современных российских ученых.

В постсоветский период изучением «баргинского» вопроса занимался синолог, д.и.н. Е. А. Белов. На основе многих архивных материалов он детально проанализировал особенности российской политики в отношении Барги (Хулун-Буира) в начале XX в. Особое внимание ученый уделил территориальному и политическому статусу Барги в 1912–1915 гг., который по-разному трактовался заинтересованными сторонами: баргинскими властями, российскими политиками и военными, китайской администрацией, правительством Богдо-гэгэна [1993а: 170–178; 1993б: 37].

Истории российско-монголо-китайских отношений в 1911–1946 гг. посвящена монография д.и.н. С. Г. Лузянина, который на основе российских архивных документов, главным образом неопубликованных, проанализировал монгольский вопрос в российско/советско-китайских отношениях, политику Коминтерна в МНР и монгольских регионах Китая и ряд других вопросов внешнеполитической истории народов монгольского мира. Особое внимание он уделяет баргутскому (*др. назв.* баргинскому) вопросу. Так, основываясь на материалах Центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и других российских архивов, он отмечает прибытие в середине октября 1924 г. в Улан-Батор делегации Баргинского комитета Народно-революционной партии Восточного края во главе с Мэрсэ, поставившей перед ЦК МНРП вопрос о подготовке восстания в Барге. Автор также приводит факты, показывающие, что руководство Коминтерна в 1924–1925 гг. рассматривало возможность нанесения удара в тыл Чжан Цзолиню, используя для этой цели отряды баргутских революционеров и влиятельных князей Барги, находящихся в оппозиции к Пекину [2000: 130–131]. Исследователь подробно изучил события, связанные с баргинским восстанием 1928 г., в частности, им выяснены позиции членов ЦК МНРП и представителя ИККИ Климова, присутствовавших на совещании 11 августа 1928 г., введен в

научный оборот ценный документ – секретный Циркуляр парткома Внутренней Монголии партии Гоминьдана от 14 октября 1928 г., подтверждающий отсутствие предварительного сговора у Мэрсэ и других руководителей восстания с Японией и их зависимость от Коминтерна [там же: 140–141, 183]. В целом его работа проливает свет на некоторые малоизученные аспекты новейшей истории Хулун-Буира, деятельности даурских революционеров в 20–30-х гг. XX в.

В 2010 г. в журнале «Восточный архив» опубликована статья Е. В. Ностаевой, посвященная изучению харачинского вопроса в Барге. Основываясь на материалах из Архива внешней политики Российской империи, автор подробно проанализировал события, связанные со вторжением харачинов в 1917 г. на территорию Барги. Отмечены в работе и дауры, в частности деятельность амбана Шэнфу, его отказ от провозглашения монархии в Барге, обращения за помощью к китайскому правительству и русскому гарнизону Хайлара. Как подчеркивает Е. В. Ностаева, чиновники из местных дауров, ранее назначенные Шэнфу в качестве сотрудников, не попали в новую администрацию Барги, сформированную харачинами после взятия Хайлара. Исследователь приходит к выводу, что благодаря японскому вмешательству данный инцидент приобрел столь затяжной характер (апрель–октябрь 1917 г.). Харачинский вопрос выявил ослабление России в регионе и более агрессивный характер японского присутствия [2010: 45–47].

Одним из основных специалистов в области изучения новейшей истории Хулун-Буира является д.и.н. С. Л. Кузьмин, ведущий научный сотрудник отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН. Ранее проводимые им исследования истории теократической государственности и буддийской церкви в Монголии в начале XX в. [2015а: 187–198; 2015б: 97–107; 2015в: 247–255; 2016б] со временем перешли на малоизученную в современном отечественном монголоведении область Хулун-Буира. В 2018–2020 гг. он издал серию статей, где на основе российских архивных документов реконструировал два резонансных события: захват Хайлара

отрядом монгольских повстанцев в 1917 г. и баргинское восстание 1928 г. В частности, ученый изучил действия монгольского отряда повстанцев под руководством Бавужава, рассмотрел причины и следствия грабежей в Хулун-Буире, роль японских военных в этом движении. Автор отмечает появление у повстанцев замыслов о взятии г. Хайлар весной 1917 г. [Он же, 2018: 2–14]. Изучая этот вопрос, С. Л. Кузьмин приходит к выводу, что оно было вызвано собственными мотивами повстанцев, а именно недовольством монголов и солонов властью в Хулун-Буире даурского меньшинства. Дауры объявили повстанцев грабителями Монголии, хотя они относили себя к борцам за освобождение монгольского народа [Он же, 2019б: 174–182].

Продолжая тематику захвата Хайлара монгольскими повстанцами, в последующей статье ученый описывает характер управления Баргой в 1917 г., ее внутреннее положение, отношения повстанцев с российскими официальными лицами, японскими военными, властями северо-восточных провинций Китая. О даурах автор указывает, что все они, как и значительная часть баргутов, бежали в соседние регионы [Он же, 2019а: 615–626]. В заключительной части исследования, связанного со взятием повстанцами г. Хайлар, изучено их изгнание из города и восстановление положения в Хулун-Буире. Имеются в статье и сведения об аресте повстанцами Цэнд-гуна, даурского деятеля, работавшего во Внешней Монголии; нападении харчинов на дауров-пастухов, пасших скот русских; вопрос о главе Барги и кандидатурах даура Шэнфу и баргутского лидера Дамдинсурэна [Он же, 2019в: 63–70]. Отрывочные сведения о деятельности Шэнфу и Цэнд-гуна встречаются в статье С. Л. Кузьмина, посвященной анализу службы монголов в войсках атамана Г. М. Семенова и барона Р. Ф. Унгерна [Он же, 2019г: 167–185]. В вышеотмеченных статьях содержится ценный архивный материал, имеющий отношение к истории Хулун-Буира и частично к истории хайларских дауров. Поскольку С. Л. Кузьмин не ставил своей целью конкретно изучение дауров, то многие детали новейшей истории дауров, в частности хайларских, остались нераскрытыми.

В двух последующих объемных статьях С. Л. Кузьмин рассматривает причины и начало баргинского восстания 1928 г., переговоры, завершение восстания и последствия. В первой работе кратко рассмотрена деятельность баргинских членов НРПВМ, включая Мэрсэ, их контакты с МНРП; есть сведения о Народной партии Восточного края; проанализирована деятельность представителя Коминтерна И. П. Степанова в связи с подготовкой к восстанию; приводятся сведения о ходе восстания в период его начала и подъема (от первых чисел до середины августа 1928 г.) [2020а: 100–114].

В начале второй статьи по баргинскому восстанию 1928 г. ученый обращается к выяснению изначальных причин восстания, связанных с ликвидацией автономии региона и лишением хулун-буирской элиты серьезных источников дохода. Анализируя поражение повстанцев, исследователь приходит к выводу, что оно было вызвано недостатком сил повстанцев и отсутствием помощи со стороны СССР, а затем и Японии. Внимание уделено изменениям в деятельности лидера баргинских революционеров Мэрсэ на заключительном этапе восстания и после его завершения [2020б: 246–262]. В 2021 г. С. Л. Кузьмин издал монографию, посвященную баргинскому и харачинскому вопросу в истории Восточной Азии. В ней на основе большого объема архивных данных рассмотрены события, связанные с провозглашением независимости Хулун-Буира, вхождением региона в состав Внешней Монголии, развитием панмонгольского движения, интеграцией в Китайскую Республику. Автор прослеживает деятельность даурского руководства Барги в лице главы Шэнфу, чиновника Ломбона (он же Цэндэ-гун) в 1912–1920-е гг., их контакты с российским вице-консулом в Хайларе П. Усатым, поездки в Ургу; отмечает бездействие даурских командиров во время взятия Хайлара харачинскими повстанцами; недовольство баргутского населения деятельностью дауров. Далее в работе даны краткие характеристики даурским руководителям (не враждебен к СССР, японофил, китаефил), анализируется участие Мэрсэ,

Фуминтая, Гобол Эрхимбато в баргинском восстании 1928 г. Автором подмечена гибкость даурских лидеров, в частности действия Мэрсэ (взаимодействие с СССР и Коминтерном, китайским милитаристом Чжан Сюэляном, белогвардейскими эмигрантами в Китае и японцами), напоминающая политическое маневрирование фудутуна Шэнфу и других руководителей Барги из даурского меньшинства. Рассмотрение даурского руководства завершается делом Линшэна в 1936 г., когда глава Северо-Хинганской провинции Маньчжоу-Го Линшэн вместе со своими чиновниками, даурами по происхождению, был обвинен и казнен японцами за противодействие японской политике и связи с МНР [Кузьмин, 2021].

В диссертационной работе С. Л. Кузьмина также имеются параграфы, посвященные Внутренней Монголии и Барге [2016а]. В них кратко отмечены «новая политика» китайских властей в Барге, баргинское восстание 1912 г. и вхождение региона в состав Внешней Монголии. Автор подчеркивает большую роль религиозного фактора, способствовавшего быстрому переходу баргутов под власть Богдо-гэгэна [Там же: 189]. Однако, говоря о Барге и баргутах, он не упоминает о даурском происхождении отмеченных в работе высших чиновников Барги – Шэнфу и Гуй Фу.

Новейшая история хайларских дауров начала XX в. нашла отражение в монографии академика РАН Б. В. Базарова, где через призму биографии одного из лидеров панмонгольского движения Ц.-Е. Цыдыпова освещено участие дауров в национально-освободительном движении монгольских народов Хулун-Буира. Автор отмечает, что «дауры отличались от баргутов общим развитием и образованием, и не случайно вся власть в Барге находилась в их руках» [2002: 12]. В монографии также приведены ценные сведения о деятельности высших должностных лиц и передовой интеллигенции из числа хайларских дауров (Шэнфу, Линшэн, Цэндэ-гун, Мэрсэ, Фуминтай) в период с 1911 по 1928 г. К другим работам Б. В. Базарова, имеющим как прямое, так и косвенное отношение к теме нашего исследования, относятся монография, посвященная генерал-лейтенанту

Маньчжоу-Го Уржину Гармаеву, буряту по происхождению; исследования в области формирования национальной государственности монгольских народов, современного состояния народов монгольского мира [2001; 2008: 6–16; 2010: 5–10; 2011: 8–15; 2016: 49–57; Базаров, Жабаета, 2008].

История дауров периода правления Маньчжоу-Го и развитие даурской культуры изучались д.и.н. Л. В. Курасом. В совместных (с автором настоящей диссертационной работы) публикациях были освещены некоторые аспекты участия дауров в антияпонском сопротивлении, а также культура и образование даурского народа в XIX – начале XX в. [Курас, Цыбенков, 2016а: 411–419; 2016б: 158–163; 2018: 362–370; 2019: 380–388].

В соавторстве с Д. С. Жамсуевой, Л. В. Курасом дана характеристика дагурско-русского словаря, изданного Г. Тумурдэем и Б. Д. Цыбенковым [Курас, Жамсуева, 2013: 209–213]. Ряд публикаций Л. В. Кураса посвящены панмонголизму, положению Внутренней Монголии в начале XX в. [2010: 31–34; 2016в; 2017а; 2017б: 63–72; 2016а: 126–136; 2016б: 173–179]. Особое значение для более подробного рассмотрения ряда вопросов новейшей истории дауров имеют совместные публикации Л. В. Кураса, Л. В. Кальминой, А. В. Михалева, в которых раскрыты направления политики России в Китае на рубеже XIX–XX вв., изучены военные мемуары и донесения военных агентов о «боксерском восстании» в Китае [Курас, Кальмина, Михалев, 2018; Курас, Кальмина, 2019: 100–108; Кальмина, Курас, 2020: 152–161].

Обстановка во Внутренней Монголии в начале XX в., история шэнэхэнских бурят, панмонголизм и нацистроительство монгольских народов детально изучены д.и.н. М. Н. Балдано. Проанализировано политико-административное устройство Внутренней Монголии в период после Синьхайской революции до образования КНР. Именно в этот сложный период, по мнению исследовательницы, монгольские народы приобрели богатый исторический опыт государственного строительства [Балдано, 2015а: 92–100]. Ряд ее работ (некоторые статьи выполнены в соавторстве с П. К. Варнавским, С. В. Кириченко) посвящен панмонголизму и нацистроительству

монгольских народов [Балдано, 2005б: 228–243; 2005а: 276–287; 2008: 47–53; 2017: 99–108; 2019]. В трудах М. Н. Балдано имеются данные о деятельности даурских революционеров Мэрсэ и Фуминтая в 1922–1928 гг., об обстановке в Хулун-Буире в период Маньчжоу-Го [2015б: 52–59; 2017: 437–449].

Исследование проблем истории советско-китайских отношений является одним из направлений деятельности д.и.н. В. Г. Дацышена. Им введены в научный оборот новые документы, связанные с интернированием армии Су Бинвэня; на основе широкого круга источников и работ западных, китайских и российских исследователей проанализирован комплекс вопросов и проблем истории российско-китайских отношений в 1881–1903 гг.; ряд его статей посвящен советско-японским и монголо-маньчжурским отношениям в период конфликта на КВЖД в 1929 г. и накануне конфликта на р. Халхин-гол [2012: 57–61; 2014; 2016: 6–19; 2019б: 37–45; 2019а: 8–17; 2021: 271–290; 2022: 17–26]. В работах, выполненных совместно с Н. С. Модоровым, освещены вопросы зарождения и развития Цинской империи, история русского проникновения в Приамурье в первой половине XVII в. и противодействие со стороны Цинского государства [Дацышен, Модоров, 2013: 32–43; 2015: 28–35]. Хотя работы В. Г. Дацышена не затрагивают напрямую историю дауров, но они дают общее понимание проблемных вопросов истории в северо-восточном Китае, в которых так или иначе были задействованы дауры.

Некоторые аспекты новейшей истории даурского народа через призму изучения Барги и конфликта на р. Халхин-гол в 1939 г. затронуты в публикациях д.и.н. Ю. В. Кузьмина. В соавторстве с В. А. Василенко им проанализирован «баргинский» вопрос в исследованиях востоковеда Е. А. Белова; совместно с А. П. Суходоловым, Т. Доржем, М. П. Рачковым изучена история разгрома японской армии на Халхин-голе и его взаимосвязь с подписанием важнейших международных договоров изучаемого периода [Кузьмин, Василенко, 2021: 34–48; Кузьмин, Рачков, Суходолов, 2014а: 65–78; 2014б: 45–65; Суходолов, Дорж, Кузьмин, Рачков, 2018: 585–594].

Офицерам Генерального штаба России, внесшим значительный вклад в изучение монгольских земель, включая Баргу во второй половине XIX – начале XX в., посвящена монография к.и.н. Е. В. Бойковой. В частности, в ней представлены сведения об экспедициях по Монголии и Маньчжурии подполковника И. И. Стрельбицкого (1894), ротмистра Заамурского округа ОКПС А. М. Баранова (1903–1906), полковника В. Ф. Новицкого (1905–1906) и др. [2014]. Военные специалисты оставили описание Хайларского округа, дороги через Хинган до Цицикара, административного устройства и сословных отношений в Барге.

История Внутренней Монголии и Маньчжурии в период японской оккупации северо-восточного Китая в 1932–1945 гг. детально представлена в трудах д.и.н. П. Н. Дудина. Особое внимание уделено истории становления государствовидного образования Мэнцзян; в монографии изучены его правовая и территориальная организация, приводятся ценные факты из биографии политических лидеров Мэнцзяна [Дудин, 2014]. В работах П. Н. Дудина (из них две статьи выполнены в соавторстве с А. В. Шемелиным, З. Ф. Хусаиновым) рассмотрены исторические события, связанные с появлением Маньчжоу-Го; нормативно-правовая база марионеточного образования; его территориальная организация и система управления; проведена реконструкция системы правовых актов Маньчжоу-Го и Мэнцзяна; анализируется феномен буферной государственности, ключевые признаки и дефиниции категории «буферная зона» [Шемелин, Дудин, 2015: 27–31; Дудин, 2016: 100–108; Дудин, Хусаинов, 2017: 224–238; Дудин, 2018: 50–60; 2019: 44–62]. В докторской диссертации П. Н. Дудина есть подробные данные о деле Лин Шэна (в нашем варианте – Линшэн) в Маньчжоу-Го [Дудин, 2020б]. Он справедливо отмечает, что с именем главы провинции Северный Хинган связаны наиболее драматичные события региона, послужившие переломным моментом в отношении монголов к японцам как в Маньчжурии, так и во Внутренней Монголии [2020б: 361–362]. В то же время автор не упоминает, что Линшэн был дауром, как и его чиновники, казненные вместе с ним в

апреле 1936 г. В его работах изучена также деятельность российской дипломатии в решении вопроса о статусе Барги в 1912–1915 гг.; проведен анализ невоенного механизма обеспечения интересов России в Барге [2017: 1534–1545; 2020а: 12–25].

В публикациях к.и.н. Д. Ц. Бороноевой через призму изучения шэнэхэнских бурят освещены и некоторые вопросы новейшей истории Хулун-Буира и сопредельных территорий [2000; 2012: 176–193].

Автором настоящей диссертационной работы на основе материалов китайских исследователей проанализирован ряд вопросов, связанных с участием дауров в восстании 1912 г. и освобождении Хайлара в 1917 г. от отряда Сэбжингэ, деятельностью даурских революционеров Мэрсэ и Фуминтая, восстанием 1928 г. в Хулун-Буире, развитием сельского хозяйства даурских районов, культуры и образования даурского народа [Цыбенков, 2017а: 201–210; 2017б: 128–135; 2018а: 115–122; 2018в: 100–105; 2018г: 254–259; 2019б: 219–224]. В соавторстве с профессорами Хулун-Буирского университета Юй Шаном и Ли Пин исследованы также вопросы установления власти КПК в даурском районе Морин-Дава и создания там национальной автономии; история и культура цыцикарских дауров в XX в. [Цыбенков, Юй Шан, 2017: 113–123; Цыбенков, Ли Пин, 2019б: 80–89; 2019а: 71–79].

Большую роль в деле становления даурских революционных деятелей первой четверти XX в. сыграли бурятские общественно-политические деятели и их проекты создания национальной автономии. Поэтому этот немаловажный момент, нашедший отражение в нашем исследовании, имеет место в работах бурятских историков [Жабаева, 2001а; б; Цыбиков, Чимитдоржиев, 2009: 72–76; Выдающиеся бурятские деятели, 2009; Бабаков, 2013: 52–56; Балдано, 2011: 56–59; Елаев, 2014: 99–139; Курас, 2011: 81–93; 2016; Монгольские народы, 2016; Интериоризация советской модели, 2021]. В монографии д.и.н. В. Б. Базаржапова имеются сведения об участии бурятских казаков в составе русской армии в подавлении «боксерского восстания», во

взятии ряда крепостей в Маньчжурии, о начальнике охранных войск Северо-Хинганской провинции Маньчжоу-Го Уржине Гармаеве и губернаторе Хулун-Буирского округа Линшэне [2005].

В публикациях современных российских историков, посвященных различным аспектам истории северо-восточного Китая, Внутренней Монголии, национальной политики в КНР [Булдакова, 2006: 77–81; Ставров, 2007: 6–15; 2021: 494–499; Досовицкая, 2013а: 172–174; 2013б: 205–208; 2019: 134–147; 2021а: 75–81; 2021б; Бондарева, 2015: 36–41; Мажинский, 2015: 139–144; Буяров, 2016: 39–43; Цыремпилова, 2017: 155–159], содержатся данные, на основе которых можно раскрыть или дополнить те или иные аспекты новейшей истории и культуры дауров. Большое значение для общего понимания процессов, происходивших в Китае в XX в., имеют коллективные монографии, рассматривающие широкий спектр вопросов концептуального характера, изданные в XXI в. в Москве и Владивостоке [История Северо-Восточного Китая, 1989; 2004, 2021; История Китая, 2013; 2014; 2017].

Археологические исследования Д. П. Болотина, В. И. Болдина, Б. С. Сапунова, Н. Н. Зайцева и других исследователей Дальнего Востока, выявивших владимировскую культуру в Приамурье, соотносимую с появлением дауров в этом регионе, нашли отражение в ряде работ [Болотин, Сапунов, Зайцев, Петров, 1992: 25–32; Болотин, Сапунов, 1992: 32–42; Болотин, Исаченко, 1995: 49–54; Болотин, 1995; 2008: 565–571; 2011: 16–37; Шеломихин, 2014: 143–165; Дьякова, Шевченко, 2016: 28–30; Шевченко, 2017: 305–309; Мусиенко, 2020: 214–215; Албазинский острог, 2019]. Их публикации во многом дают понимание об историко-культурном развитии даурского народа в доцинский период. Особенности даурского языка уделено внимание в работах российских (преимущественно бурятских) филологов [Бадагаров, 2000: 11–15, 2012: 108–117, 2013б: 25–29, 2013а, 2015: 3–4; Рассадин, 2004: 13–17; Бадмаева, 2004: 7–12; Омакаева, Бурыкин, 2008: 47–56; Бадмаева, 2009: 26–35]. Филологические изыскания в них

сопровожаются приведением различных исторических фактов, сведений из области даурской культуры.

Таким образом, в исследованиях современных российских ученых отражен широкий круг вопросов новейшей истории Барги с преобладанием работ, рассматривающих основные исторические события первой половины XX в. (статус Барги в 1912–1915 гг., баргинские восстания 1912 и 1928 гг., захват Хайлара в 1917 г. монгольскими повстанцами, дело Линшэна 1936 г. и ситуация в провинции Северный Хинган в период Маньчжоу-Го). Несмотря на то что в ряде работ не упоминается о даурском происхождении Мэрсэ, Буянгэрэла (Фуминтая), Эрхимбато и других деятелей – выходцев из даурской среды, они дают богатый фактический материал, во многом раскрывающий те или иные детали социально-политической истории даурского народа. В публикациях современных историков, посвященных истории Бурятии первой трети XX в. (личностям бурятских функционеров Э.-Д. Ринчино, Ц.-Е. Цыдыпова, У. Гармаева, проектам бурятской автономии, шэнэхэнским бурятам, казакам – выходцам из бурят и др.) содержатся материалы, в той или иной мере свидетельствующие о контактах между бурятскими и даурскими деятелями, помощи даурских чиновников в обретении бурятами земель на территории Хулун-Буира. Немаловажное значение в изучении социально-политической истории дауров имеют капитальные труды и другие работы российских историков по истории Китая, его северо-восточного региона, Внутренней Монголии; а также публикации, отражающие особенности национальной политики Китая.

Историография на китайском языке

Большинство работ по новейшей истории дауров написано на китайском языке. Своеобразие научных изданий по изучаемой тематике проявляется в том, что они в основной массе представляют собой разные по жанру сочинения. Из них составляются сборники статей с необходимыми выходными данными. На наш взгляд, они резко контрастируют, к примеру, с российскими научными сборниками статей, представляющими собой

собрание именно научных трудов квалифицированных специалистов. В то время как в китайских сборниках статей по даурской истории авторами могут быть как ученые-историки, так и краеведы, партийные функционеры и иные государственные, общественно-политические деятели регионального уровня. Некоторые статьи биографического плана зачастую подготавливаются детьми и другими близкими родственниками тех или иных знаменитых даурских деятелей. В то же время могут встречаться и чистые мемуары, и записи воспоминаний участников или очевидцев тех или иных событий. Поэтому возникает задача вычленения в сборниках тех работ, которые по своим параметрам действительно относятся к категории научных статей.

К особенностям нашего историографического анализа можно отнести и тот факт, что большинство авторов являются даурами. Этот факт неоспоримо свидетельствует о неугасающем интересе народа к собственной истории. Следует также отметить, что в г. Нирги – административном центре даурского автономного хошуна Морин-Дава работает исследовательский коллектив «Общества изучения истории и культуры даурского народа». Директор данного общества Ао Цзиньфэн, его заместители Насанбо, Чжуорен, научные сотрудники Ао Хаочжан, Ао Цзиньфу и другие плотно работают по изданию как авторских работ, так и сборников материалов; переизданию многих источников.

Среди трудов о даурах, изданных на китайском языке, особое место занимают сборники трудов под общим названием «Dawoer ziliao ji» (Собрание сведений о даурах). Всего опубликовано 11 томов, том XI вышел в свет в 2014 г. На данный момент сведениями о содержании большинства томов мы не располагаем, поэтому приводим некоторые данные по ранее изученным томам I, II. Первый том «Dawoer ziliao ji», изданный в 1996 г., включил разнообразные материалы по истории, культуре и этнографии даурского народа. Значительное место среди них занимают выдержки из текстов и отдельные главы различных исследовательских работ, ранее изданных источников. Публикации, имеющие непосредственное отношение к истории

дауров новейшего периода, можно рассмотреть в хронологической последовательности. Данные о даурах Хулун-Буира имеются в труде Чу Шанью (Chu Shangyou) и Чжучжэня Синьфэна (Zhuzhen Xinfeng) «Hulunbei'er gaiyao» (Общие сведения о Хулун-Буире) 1930 г., работе Мэрсэ «Hulunbei'er wenti» (Вопросы Хулун-Буира), ранее изданной в Шанхае в 1931 г. Восстание цицикарских дауров под руководством Шоулана и Дайфу начала XX в. освещено в работе «Shaolang Daifu qiuyi». Первый том завершают сведения о научной конференции, посвященной 350-летию вооруженной борьбы даурского народа против русских казаков; установлению памятника неизвестным героям – даурам, боровшимся против агрессии Русского государства [Собрание сведений о даурах, 1996].

Во второй том «Dawoer ziliao ji», как и в первый, вошли ранее изданные материалы о даурах. Из работ по новейшей истории дауров следует отметить труды даурских авторов Алтангата (Aletangata), Мэн Цзиньшуана (Meng Jinshuang), Хэ Вэйжуна (He Weirong), Гуо Кэсина (Guo Kexing). Алтангат в своей работе «Dawoer menggu kao» (Исследование даур-монголов) обращается к изучению основных этапов истории дауров с VIII в. до 1917 г. Известно, что работа Алтангата ранее издавалась в 1933 г. [Собрание сведений о даурах, 1998: 6–38].

В труде другого даурского ученого Мэн Цзиньшуана рассматривается история бутхаских дауров. Автор дает подробную характеристику региона Бутха, расположенных в нем деревень. Большое внимание уделено составу сельского населения, приводятся подробные списки по фамилиям и хозяйствам [Там же: 39–72]. Работа даурского ученого начала XX в. Го Кэсина состоит из записей о населенных пунктах провинции Хэйлунцзян, включая Цицикар, Бутха, Мэргэн, Сяньчжи, Хэйхэ и другие районы. Имеются в ней также сведения о местных органах власти, составе населения [Там же: 73–127]. Другой исследователь Хэ Вэйжун также дает краткие характеристики ряду мест компактного проживания дауров. Поскольку большая часть сведений относится к Цицикару, мы полагаем, что Хэ Вэйжун являлся цицикарским

дауром. Подчеркивая этническую близость с монголами, он именует свой народ даур-монголами. Много места в его труде занимает история дауров цинского периода, включая места дислокации воинских гарнизонов, статистические данные о численности и местах проживания дауров [Собрание сведений о даурах, 1998: 128–171]. Заметим, что монография Хэ Вэйжуна ранее была переиздана в 1980 г. издательством Внутренней Монголии. Из других работ исторического плана, вошедших во второй том «Dawoer ziliao ji», можно отметить публикации Чин Тонпу «Dawuerzu saifeng» (Авангард даурского этноса), Мэн Сичуня «Dawuerzu zhilue chugao» (Первоначальный вариант очерка даурского народа) [Там же].

Из крупных работ по новейшей истории даурского народа прежде всего следует выделить монографии Телинга, Мэн Чжидуна, И Суна, Чжуорена, Мэдэлту, Ци Циня и др. Рассмотрим некоторые, доступные нам, научные труды.

История создания и развития даурского автономного хошуна Морин-Дава детально изучена в труде Телинга. В нем дана хронология событий в даурских регионах с 1900 по 1996 г. В частности, имеются ценные сведения о приказах, постановлениях периода Маньчжоу-Го, вводимых в даурских регионах; применении японскими властями практики перевода хошунных руководителей в другие местности, о системе районирования в виде нутуков – система «нутук – гачаа» (уезд – волость), введенной в Восточной области провинции Хинган в декабре 1935 г. [Даурский автономный хошун, 1998: 18–90; 23–24].

В работе Ао Цзиньхая и Батубаина приведены данные о знаменитых выходцах из дауров; значимые исторические события и факты, связанные с даурским народом [Ао Цзиньхай, Батубаин, 2005]. В статьях Мэнхэ [1989: 78–80], Инь Юй [1989: 353–362], Дэмуцигэ [2000: 102–109], До Хана [2002: 68–71] имеются общие сведения о даурах, местах их проживания, численности. В монографии «Записи о даурских селениях» содержатся

сведения по истории создания и развития многих даурских деревень в районе Цицикара и Бутхи [1993].

История развития сельского хозяйства дауров вкупе с освещением ряда других общих и социально-экономических вопросов исследованы в монографии Ци Хойцзюня и Цун Цзиньчжу. Стройная структура работы с хорошим историографическим обзором позволяет отнести ее к разряду специальных исследований, появившихся в КНР в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Подробно рассмотрены количество, состав и расселение населения; приведены данные об определении этнической принадлежности дауров в 1956 г. и создании национальной автономии в 1958 г. [2006: 19–22, 53–54]. Далее в монографии показаны особенности сельского хозяйства дауров; изменения и преобразования в его различных отраслях; особенности прав на земельную собственность; создание и развитие производственных бригад [Там же: 68–74].

Отдельные аспекты истории и культуры, а также современное состояние Морин-Дава даурского автономного хошуна рассмотрены в таких трудах, как «Molidawa dawoerzu zizhiti gaikuang» (Краткий очерк даурского автономного хошуна Морин-Дава) [Краткий очерк, 2007]; «MoQi dawoerzu yuyan shiyong zhuangkuangyu fazhan qushi» (Состояние языка даурского народа в Морин-Дава хошуне, его использование и направления развития) [Состояние языка, 2009].

Объемный труд под редакцией даурских историков Чжожэня (даур. Зорин) и Мэн Давэй «Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава» (1993–2005 гг.) является продолжением работы даурских ученых-предшественников с аналогичным названием и изданной в конце 80-х гг. XX в. В предисловии монографии подчеркивается, что она написана на основе идей Мао Цзэдуна, основных принципов диалектического и исторического материализма. Работа представляет собой свод современных фактов, в основном социально-экономического характера по всем отраслям народного хозяйства даурского автономного хошуна Морин-Дава, включая

промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговлю, финансы, транспорт, связь и др. Она содержит многие статистические данные, таблицы, приложения, составленные авторами на основе материалов из местных архивов, библиотек, отдела статистики хошунной администрации и других ее отделов. Несмотря на ее современную социально-экономическую направленность, в ней можно обнаружить и некоторые интересующие нас сведения по истории и культуре дауров. Так, имеется информация о создании начальных школ на территории хошуна в 1905 и 1946 гг., и их дальнейшем развитии. Много фактического материала содержит раздел по хронологии событий. В нем представлены данные о проведении съездов и собраний в хошуне, докладах и программах социально-экономического развития хошуна, финансовых отчетах, строительстве новых деревень, заключении соглашений на строительство предприятий и др. Заметим, что в нем также имеются ценные сведения о прибытии в хошун в 1993 г. председателя Комитета по борьбе с бедностью и включении правительством АРВМ в феврале 1993 г. даурского автономного хошуна Морин-Дава в число 13 экспериментальных районов по борьбе с бедностью [Описание даурского автономного хошуна, 2008].

Монография «Краткая история даурского народа» (2008) представляет собой переработанное и дополненное издание, вышедшее в серии «Краткая история национальных меньшинств Китая». Известно, что первое издание книги опубликовано на китайском языке в середине 80-х гг. XX в., в 1989 г. оно вышло на классической монгольской письменности. Особенностью издания 2008 г. явились изменения, сделанные в результате существенного обновления редакционной коллегии «Краткой истории национальных меньшинств Китая», куда вошли директор Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Цюй Вэй, даурские исследователи Мэн Чжидун и И Сун, а также по одному ученому из числа хуэй и эвенков. Из истории подготовки монографии известно, что работы велись с 1958 г. и период культурной революции отодвинул его запланированное издание на 10 с лишним лет. Поэтому содержание и структура работы за этот период были

вновь пересмотрены, внесены необходимые изменения и добавления. Большую роль в сборе и обработке материалов сыграли историки Мэн Чжидун, Улзэйтү и Баяр, взявшие на себя ответственность за конкретные даурские регионы. Улзэйтү отправился в Хулун-Буир и Цицикар; Баяр – в Синьцзян; Мэн Чжидун – Морин-Дава. Основная работа по написанию книги была возложена на Мэн Чжидуна, который подготовил предисловие, 1–6 главы, хронологию основных событий, библиографию. Современное редактирование монографии было сделано исследователем Гу Вэньшуаном, в частности, дополнившим историю даурского народа с момента основания страны до 2005 г. В переиздании книги в 2008 г. большую помощь оказали Комиссия по гражданским делам провинции Хэйлунцзян, Академия общественных наук провинции Хэйлунцзян, Провинциальный институт этнических исследований. Хронология событий в монографии доведена до 2005 г., охватывает даурские районы Морин-Дава, Мэйлисы, Синьцзяна. В ней приводятся данные об участии даурских делегатов разных регионов КНР в различных всекитайских съездах и сессиях, в том числе проходивших в Пекине; сведения о награждении передовых коллективов из даурских районов, например в 1988, 1994, 1999 гг. [Краткая история, 2008].

Под редакцией комиссии литературы и истории Народного политического консультативного совета КНР в 2008 г. опубликована книга «Dawoerzu bainian shilu» (Регулярные записи о делах и событиях даурского народа за последние 100 лет) в двух частях, содержащая обширный материал по истории дауров XX в. [Регулярные записи, 2008]. Биографии многих выдающихся личностей, вышедших из среды даурского народа, отмечены в сборнике «Zhongguo dawoerzu mingren feng zailu» [Выдающиеся даурские деятели, 2010].

В 2010 г. в Пекине историками Мэн Сунлинь и Ши Инчжао издана монография «Даурский шифр», в которой рассмотрена деятельность более 30 агентов советской разведки из числа дауров. Хронологически работа охватывает период с 1920 по 1945 г. Ученые подчеркивают большое влияние

Коминтерна на молодежь Хулун-Буира, особенно на молодое поколение даурской интеллигенции. В целом в книге приводятся ценные сведения о восьми направлениях передачи разведывательной информации; о даурах – агентах советской разведки Найралту, Хас-Баторе, Эрдэм-Билиге, Го Вэнтуне – генерале армии Маньчжоу-Го; создании подпольной антияпонской организации в пос. Нантун; стойкости ее арестованных членов, ни один из которых не дал показаний. Из содержания книги можно также понять, что авторы связаны родственными узами с некоторыми агентами советской разведки [Мэн Сунлинь, Ши Инчжао, 2010].

Большую работу по изучению истории и культуры дауров проводил исследователь И Сун, издавший в г. Хухэ-Хото совместно с Нюсенем сборник материалов «Xiandai wenhua Beijing xiade minzu bianqian yi fazhan» (Изучение истории развития национальностей в рамках современной цивилизации) [Изучение истории, 2009]. Его книга «Дауры Китая», вышедшая в 2010 г. в серии «Национальные меньшинства Хулун-Буира», содержит большей частью ценные сведения по этнографии и культуре даурского народа. Новейшая история дауров представлена в третьей главе работы, состоящей из четырех хронологических разделов: периоды Китайской Республики, Маньчжоу-Го, освободительной войны, КНР. Новым в них (если сопоставить работы предшественников и других современных китайских исследователей – *авт.*) является более подробное изучение административно-территориальных изменений даурских земель в ходе масштабной реорганизации восьмизнаменной системы после Синьхайской революции. В частности, автор отмечает отмежевание ряда даурских территорий и образование из них новых уездов, уже не подвластных местной даурской администрации. В то же время в работе говорится о сохранении даурской элитой административного управления в Восточной и Западной Бутхе, создании местной администрации в районе Цицикара. В русле изучения борьбы национальных меньшинств северо-востока Китая с китайскими милитаристами рассмотрены в монографии такие вопросы, как крестьянское восстание цицикарских дауров

под предводительством Шаолана и Дайфу, создание бригады самообороны в Морин-Дава в 1929 г. Исследуя участие даурской передовой молодежи в революционном движении во Внутренней Монголии и создании НРПВМ, И Сун справедливо пишет, что «вдохновленные победой Октябрьской революции в России дауры встали в авангарде национально-демократической революции во Внутренней Монголии, активно пропагандируя важное значение Октябрьской революции и ее идей, работая вместе с монгольской революционной интеллигенцией» [И Сун, 2010: 15]. Далее приводятся новые данные об участии дауров в гражданской войне в Китае, в частности, о преобразовании даурских отрядов самообороны в кавалерийские полки Народной армии Восточной Монголии в 1946 г., участии 42-го кавполка в тяжелых сражениях у Факу (город в окрестностях Шэньяна); создании Вонюту даурского автономного района в 1952 г., его преобразовании в 1956 г. в Мэйлисы даурский национальный район и ликвидации последнего в 1958 г. [Там же].

Другая монография И Суна «Дауры» из серии «Национальные меньшинства Китая» в целом посвящена этнографическо-культурному изучению народа. Небольшой раздел по новейшей истории дауров имеется в первой главе. Он включает в себя изданные ранее, в 2010 г., краткие сведения по истории дауров XX в. Новыми моментами в нем являются данные об организации Го Даофу и Фуминтаем баргинского восстания 1928 г., создании автономного уезда синьцзянскими даурами во второй половине XX в. Подытоживая рассмотрение создания и эволюции даурских автономных образований, автор подчеркивает, что право на автономию реализовано даурами на новом социалистическом этапе их исторического развития. Заметим, что работа И Суна содержит также раздел о выдающихся деятелях – выходцах из даурского народа. В частности, в нем указаны Цинь Тонпу (1880–1938) – даурский поэт, в 1916 г. создавший даурскую письменность на основе кириллицы; революционеры Го Даофу и Фуминтай, общественно-политические деятели периода Маньчжоу-Го и КНР – Цзинь Яочжоу (Эрдэн),

Ван Хайшань, Бу Линь и др. [И Сун, 2012]. На основе их биографических данных можно в общих чертах ознакомиться с некоторыми аспектами новейшей истории дауров. В целом в монографиях И Суна сведения по новейшей истории, несмотря на краткость, охватывают все основные этапы исторического развития даурского народа и в ряде случаев содержат новые, ценные факты по истории дауров XX в.

Монография «Дауры Китая» под редакцией Ци Циня издана в серии «Книги народов Китая» [2011] и помимо этнографическо-культурной основы содержит также и краткие материалы, относящиеся к новейшей истории дауров. К ним можно отнести шестой раздел 1-й главы, посвященный созданию автономных образований дауров; 10-ю главу, где даны краткие биографии выдающихся деятелей – выходцев из числа дауров, в том числе руководителей крестьянского восстания Шаолана и Дайфу. Автор, описывая даурские автономии, рассматривает учреждение Вонюту даурского национального района в 1952 г. и Мэйлисы даурского национального района в 1956 г. как невзаимосвязанные события. Хотя известно, что речь в обоих случаях идет об одном и том же регионе проживания цицикарских дауров и создании нового, более крупного национального района в 1956 г.

Биографии 403 дауров (партийных и военных чиновников, политиков, ученых, педагогов и др.) представлены в книге «Даурские деятели Мэйлисы». Они расположены в хронологической последовательности и разделены на три части: 1) 1919–2016 гг.; 2) 1840–1918 гг.; 3) до 1838 г. В работе указаны не только уроженцы даурского района Мэйлисы, но и лица, в определенный период времени жившие и работавшие здесь. Отдельные факты, проливающие свет на ряд аспектов новейшей истории дауров, имеются в биографических данных таких известных среди цицикарских дауров личностей, как Булинь, Ван Хайшань, Урудигулан, Цяо Шужэн, Ван Цзинь и др. [Даурские деятели Мэйлисы, 2017: 1, 9, 24, 230–231]. Следует заметить, что многие публикации даурских авторов Эньхэбату, Эрхэньбаяра, Чжожэньтая, Сэрсэньтая, Тома и других специалистов также рассматривают биографии выдающихся

личностей – выходцев из народа [Эньхэбату, Эрхэньбаяр, 1989: 118–121; Чжожэньтай, 2000: 130–145; 2015: 413–425; 2019: 260–278; Эньхэбату, Сэрсэньтай, 2015: 195–199; Эньхэбату, 2015: 259–260; Тома, 2015: 268–273; Эньхэбату, Мэн Сайцзижима, 2018: 312–316; У Цзэмин, 2018: 383–402; Су Юн, 2019: 73–99; Мэнхэ, 2019: 273–278; Нашуньбао, 2019: 279–286].

Монография даурского исследователя Мэдэлту является изданием из серии книг, посвященных освободительной войне, а также 60-летнему юбилею с момента создания даурского автономного района Морин-Дава. В предисловии бросается в глаза цитата автора, восхваляющая великого вождя китайского народа Мао Цзэдуна и звучащая как «Мао принял страну с плугом, а оставил ядерной державой» [Модэ’рту, 2018: 1]. Здесь заметим, что аналогичная фраза была высказана еще в 1953 г. английским историком И. Дойчером в некрологе И. В. Сталину. В целом в монографии дается оценка вклада национальных меньшинств северо-востока Китая в освободительной войне, последующем партийном и государственном строительстве, в частности в проведении аграрных преобразований, движении за демократические реформы. Приведены биографические сведения известных даурских партийных работников, военных чиновников. Примечательно, что Мэдэлту не ограничивает исследование собственно даурами, но и привлекает материалы по соседним эвенкам, также принимавшим участие в революционной работе.

В 2018 г. вышла в свет монография «История дауров Китая с древнейших времен до наших дней» под редакцией научного сотрудника Академии общественных наук Внутренней Монголии Мэн Чжидуна. Труд, подготовленный усилиями трех поколений (молодых, среднего и пожилого возрастов) даурских ученых, возможно, знаменовал собой начало нового этапа в написании истории даурского народа. Монография разделена на три части – отдельные книги с продолжающейся нумерацией страниц. Первая часть посвящена обширному историческому периоду от эпохи киданей до Цинской империи. Во второй рассмотрена новейшая история дауров. Изучены

положение даурских групп в годы правления Китайской Республики, борьба с китайскими милитаристами, участие дауров в антияпонском сопротивлении в годы Маньчжоу-Го и другие следующие в хронологической последовательности вопросы. Третья часть содержит материалы по социальной организации и культуре. Даурские исследователи (авторский коллектив из 26 чел.) попытались охватить многие аспекты истории и культуры народа. В начале каждой части представлены многочисленные фотографии и иллюстрации, соответствующие тематике глав и параграфов [История дауров Китая, 2018]. Этот капитальный труд даурского историка Мэн Чжидуна – главного редактора издания, по сути, работа «всей жизни» – результат многолетних исследований, в 2019 г. был рецензирован Б. Д. Цыбеновым. В рецензии были кратко отмечены следующие моменты: деятельность даурского чиновника Цэндэ-гуна, предоставившего земли Хулун-Буира переселенцам-бурятам; особенности административно-территориального управления даурских районов в период Маньчжоу-Го; антияпонская подпольная борьба дауров в годы Второй мировой войны [2019: 276–279].

Помимо многотомного собрания сочинений «Dawoer ziliao ji», коллективных и авторских монографий, изданы и сборники материалов, в том числе и научных конференций. Многие работы китайских исследователей, освещающие изучаемую проблематику, опубликованы в сериях сборника «Dawoerzu yanjiu» (Исследования даурского народа) в 1987, 1989, 2000, 2012 гг.; сборниках научных статей «Материалы по истории и культуре Мэйлисы даурского национального района» (1989), «Сборник статей, посвященный празднованию 50-й годовщины создания Мэйлисы даурского национального района» (2002), «Сборник исторических материалов по истории даурского народа» (2015), «Даурский форум» (2018), «Дауры в период Китайской Республики» (2019) и др. Ниже мы приводим некоторые публикации, в которых отражены вопросы новейшей истории дауров. Большинство этих статей были изданы в сборниках «Дауры в период

Китайской Республики», «Сборник исторических материалов по истории даурского народа» и «Даурский форум». Краткую характеристику работ для удобства изложения увязываем с хронологией конкретных исторических событий, анализируемых в них.

Объемная статья Булиня посвящена исследованию крестьянского восстания цицикарских дауров под предводительством Шаолана и Дайфу в 1917–1919 гг. Обращаясь к составу повстанческого отряда, он впервые выясняет, что помимо даурского большинства, в отряде было небольшое количество этнических китайцев (ханьцев). В то же время в целом восстание, произошедшее в сложный период на фоне классовых и социальных противоречий, справедливо характеризуется им как противодействие ханьскому национализму и национальному угнетению. Много внимания в статье уделено рассмотрению причин восстания: политических, экономических, жесткой налоговой политики, спекуляции и ростовщичества и др. Многие неизвестные детали биографии Шаолана, как явствует из текста, были получены Булинем от очевидца, информанта Мо Цзиньжуня, 1903 г. В частности, выяснена роль переводчика Ао Линфу, который из-за личной неприязни к Шаолану намеренно исказил текст судебных документов. В завершении работы автор отмечает, что он родился в тех же местах, что и руководители повстанцев, и с детства слышал о них. По его мнению, это восстание было крупным политическим событием в истории дауров, оказавшим огромное влияние на развитие последующих поколений. По данным Булиня, насчитывается более 200 песен, 7 или 8 разновидностей даурского танца «ахамбе», где восхваляется героическая борьба Шаолана и Дайфу [2019: 8–29].

Упоминание об этом восстании содержится в пространной статье Ао Цзинфэна, руководителя общества изучения истории и культуры даурского народа даурского автономного района Морин-Дава. Помимо восстания цицикарских дауров, он перечисляет другие, не менее значимые события и персоналии первой половины XX в., связанные с борьбой против китайских

милитаристов, японских оккупантов, бандитов и гоминьдановцев. Завершается статья пожеланием, чтобы даурский народ на пути к новой эре и совместного воплощения в жизнь китайской мечты, тесно сплотившись вокруг ЦК КПК во главе с Си Цзиньпином и руководствуясь положениями XIX-го съезда КПК, унаследовал традиции храбрости и упорства поколения периода освободительной войны [2018: 414–421].

Героической антияпонской борьбе хайларских дауров в 30–40-х гг. XX в. посвящена статья А Ли. В ней указаны имена 12 дауров-патриотов, отдавших свои жизни в борьбе с японскими захватчиками. Немного странным выглядит то обстоятельство, что автор открывает список с имени губернатора провинции Северный Хинган Линшэна и его четырех сподвижников, казненных японцами в 1936 г.; имена же действительных агентов советской разведки и членов подпольной антияпонской организации Хай Руи, Хас-Батора, Сухэ-Батора и др., погибших в ходе боестолкновений или в тюремных застенках, даны лишь в середине и конце списка [2015: 145–156]. В своей последующей работе, также посвященной подпольной антияпонской борьбе, А Ли обращается к изучению ее предпосылок, связанных с усилением советского влияния в Хулун-Буире в начале 1920–1930-х гг. В частности, в статье отчетливо прослеживается бурятское влияние на даурскую революционную молодежь, включающее такие моменты, как участие Го Даофу и Фуминтая в бурят-монгольском съезде 1918 г. в Верхнеудинске; основание начальной школы в с. Мэхэртэ; связь с Коминтерном и бурятским деятелем Ц.-Е. Цыдыповым; приглашение на работу в Хулун-Буир Софыи Сахьяновой (сестры известной бурятской революционерки М. М. Сахьяновой). Как отмечает автор, первой разведывательной базой в Хулун-Буире стал кооператив, созданный Цыдыповым и Го Даофу [А Ли, 2019: 316–342]. Отдельные аспекты истории дауров Хулун-Буира раскрыты в статьях Даси [2016: 140–143] и Эньхэбату [2018: 280–289].

Вопросы антияпонской борьбы даурского народа изучены в работах ряда даурских историков. Здесь следует выделить труды, рассматривающие

как процесс освободительной войны с участием даурских патриотов, так и затрагивающие отдельные аспекты антияпонской борьбы [Сунь Чжюань, 2015: 34–41; Хусылэ, 2015а: 67–74; 2015б: 75–80; Лэ Чжидэ, 2015: 81–82; Ли Сюлань, 2015: 89–96; Ма Яньвэнь, 2015: 97–100; Мэн Дэжэнь, 2015а: 112–117, 2015б: 83–88; Хэшигэ, 2015: 104–106; Чжоу Ляньчжун, 2015а: 127–129, 2015б: 118–126; Ма Гуанжун, 2015: 137–140; У Эньци, 2015: 176–178; Хэ Дэчжи, 2015: 291–294; Гао Хайцин, 2015: 378–379; Эньхэбату, 2015а: 427–432; 2015б: 403–412; Одэнгуа, 2015: 433–437; Эньхэбату, 2015: 438; Лю Цзиньмин, 2015: 451–458; Ао Цзинхай, 2015: 472–492; У Эньци, 2016: 226–234; Пужибу, 2016: 150–155; Ао Хаочжан, 2016: 206–218; Модэ’рту, 2018; Нашуньбао, 2018: 371–377; Чжожэнь, 2018: 422–426; У Цзэмин, 2019б: 287–315]. Среди работ антияпонской тематики выделяются исследования, анализирующие деятельность даурского функционера периода Маньчжоу-Го Линшэна и его дело, т. н. «инцидент с Линшэном» [Эньхэбату, Эрхэньбаяр, 2000: 116–121; 2015а: 274–278; 2015: 249–258; Сухэбилигэ, 2000: 122–129; 2015: 279–285; Эрхэньбаяр, 2015в: 217–229; 2015б: 261–267, 2018: 304–307; Чжэнчжурчжабу, 2015б: 230–233; Мэнхэнасу, 2015: 234–244; Эрдуньчжабу, 2015: 245–246; Пу И, 2015: 247–248; Эньхэбату, Эрхэньбаяр, Янь Шацин, 2015: 286–290].

Большое внимание даурские исследователи уделяют изучению военного мятежа офицеров и курсантов во главе с Ван Хайшанем в военном училище в Ваньмяо (Вангийн-сумэ) в августе 1945 г [Ван Хайшань, 2015а: 322–326; 2015б: 393–397, 2015в: 319–321; Дугуэрчжабу, 2015: 327–335; Баиньту, 2015: 336–346; Су Тао, 2015: 358–362; Бай Цзиньчжан, 2015: 363–365; Бутэгэци, 2015: 366–373; Хэцигу, 2015: 380–384; Гэжилэту, 2015: 385–389; Дэгэцижиху, 2015а: 390–392; 2015б: 179–181; Ван Минь, 2015: 398–402; Булинь, 2015: 439–445; Э Сюфэн, 2015: 446–450; У Цзэмин, 2018а: 340–367; Чаолубагэнь, 2018: 367–370]. Ряд статей даурских и монгольских авторов посвящены вопросам военного мятежа под руководством Го Вэньлиня и Чжэнчжуржава в районе р. Шэнэхэн, также имевшего место в августе 1945 г. [Чжэнчжурчжабу, 2015а: 295–298; 2015в: 307; До Чжэньсян, 2015: 299–300;

Гао Цидэ, 2015: 301–303; Ань Му, 2015: 304–306; Су Юн, 2015: 308–315]. Даурскими специалистами, в том числе и их ближайшими родственниками и соратниками, рассмотрена деятельность генерала армии Маньчжоу-Го Го Вэньтуна [Эрхэньбаяр, 2015а: 202–207; 2018: 304–307; Баоди, 2015: 208–216; Го Вэньтун цзыньюй, 2018: 378–382], руководителя подпольной антияпонской борьбы Найралту [Эньхэбату, Сяюнь, 1989: 137–150; Даогэсур, 2015: 157–165].

В совместной статье Буяндалая, Тун Лагэ и Ао Юнвэня изучена история 43-го кавалерийского полка 5-й кавдивизии Народной армии самообороны Внутренней Монголии. Основу полка составили бойцы созданной в ноябре 1945 г. даурами т.н. «бригады Арала». Рассуждая о двух идеологических и политических линиях того периода – КПК и Гоминьдане, исследователи указывают, что местные чиновники и помещики были на стороне Гоминьдана, поскольку его поддерживали США. И в целом определенная часть населения испытывала иллюзии относительно политики Чан Кайши. В статье приводятся данные о вхождении в состав полка других местных сил самообороны, в частности, крупного даурского отряда из местности Шиварту-нутук; о трех эскадронах полка и их командирах; участии в боевых действиях в 1946–1948 гг., в том числе в Ляошэньской операции 1948 г. Авторы отмечают, что при написании статьи ими были использованы воспоминания 20 ветеранов-солдат 43-го кавалерийского полка [1989: 161–185]. Участие даурских кавполков в гражданской войне отмечено также в статьях Э Сюфэна [1989: 64–84] и Ао Хаочжана [2018: 193–197].

Обширная статья Улисы Вэйжуна (*даур.* Вэйрун) «Очерк об учреждении Вонюту даурского автономного района в уезде Лунцзян» посвящена не только конкретным фактам, связанным с созданием Даурской автономии в июле 1952 г., но и всей предшествующей этому событию истории даурского народа. Автор начинает свое повествование с известной гипотезы о родстве дауров со средневековыми киданями, кратко обращаясь к основным этапам исторического развития дауров, плавно переходит к новейшему периоду.

Говоря о национальной политике КПК, У Вэйжун образно пишет, что «она, подобно золотому солнцу, озарила сердце даурского народа» [1989: 23]. Подробно описаны события 1945–1952 гг., происходившие на территории проживания цичикарских дауров, включая создание даурской бригады самообороны во главе с Э Сюфэном в конце 1945 г., деятельность партийного комитета и народного правительства провинции Хэйлуцзян и местных властей по созданию даурского автономного района Вонюту [Там же: 15–63].

История создания даурских национальных автономий изучена также в последующих работах Улисы Вэйжуна, а также в статьях других даурских исследователей [2002а: 217–236; 2002б: 243–254; Фань Динго, 1989: 1–14; Цзян Цзюю, 1989: 85–100; Гуань Синкай, 1989: 101–112; Ихэ, 2002: 199–214; Булинь, 2002: 214–216; Гао Ва, 2002: 237–242; Сэжэ, 2002: 255–261; Дэ Шисю, 2015: 262–268]. История, особенности и перспективы социально-экономического развития даурских районов рассмотрены в публикациях Ао Синжана, Дэгэцзифу, Баяжэту, Чэнь Чжигуя, Ихэ и других исследователей [Ао Синжань, 1989: 62–68; Дэгэцзифу, 1989: 186–192; Баяжэту, 1989: 198–204; И Сун, 1989а: 213–221, 1989б: 205–212; Чэнь Чжигуй, 2000: 1–20; Ихэ, 2000: 21–34; Модэ’рту, 2000: 35–43; Мужэнь, 2000: 59–62; Хэ Шичэнь, 2000: 63–69; Нашуньдалай, 2000: 70–72; Ли Сяогун, 2000: 73–76; Модэ, 2000: 77–81; Лю Цзиньмин, 2000: 97–109; Мэнхэ, 2000: 409–413; Эюнчжабу, 2000: 414–417; Эрдуньбухэ, 2000: 418–438; Сунь Сюэли, 2000: 439–445; Юань Бинчэн, 2002: 1–6; Хань Хуншань, 2002: 16–20; Яо Цин, 2002: 34–40; Ань Течжун, 2002а: 41–47; Лю Чанцзян, 2002: 48–52; Бай Сянхэ, 2002: 21–33; Ван Гочэнь, 2002: 53–60; До Вэньчжун, 2002: 61–64; Тао Гуйшуй, 2002: 65–67; Хоу Ясэнь, 2002: 78–84.].

Публикации на китайском языке о жизни и деятельности Го Даофу (Мэрсэ)

Говоря о китайской историографии новейшей истории дауров, необходимо отметить работы на китайском языке, посвященные известному даурскому революционеру Го Даофу (Мэрсэ). Сведения о них недавно

почерпнуты нами из статьи Ариун, научного сотрудника Педагогического университета Внутренней Монголии. По ее данным, исследования деятельности Го Даофу начались в 50–60-х гг. XX в., однако в силу ряда причин были прекращены. Так, было прервано издание публикации Го Гуанляня, очевидно, уже находившееся в печати. Позднее автору все же удалось ее издать в соавторстве с Энхэбату и Эрхэмбаяром. Работа опубликована в 1985 г. в сборнике «Исторические материалы Хулун-Буира». Из других работ о Го Даофу, изданных на китайском языке, можно упомянуть труды Хасчулуун, Тан Шихуэйя, Цан Шишуня, Хэ Ли, Тао Юкуня, Ву Исан, изданные в 90-х гг. XX в. С начала 2000-х гг. и по настоящее время опубликованы многие труды китайских историков о Го Даофу, в их числе такие исследователи, как Цзинь Хай, Хао Вэймин, Чжан Сюхуа, Чэнь Сяолэй, Янь Шацин, Ван Шу, Го Жубин, Яо Гуан и др. [Ариун: 195–201]. К работам даурских ученых о жизни и деятельности Мэрсэ следует отнести статьи Энхэбату, У Цзэмина, Чжожэня, Эрхэньбаяра, Маньдуэрту, У Ина, Су Юна [Энхэбату, 2015: 426; У Цзэмин, 2016а: 235–258; Чжожэнь, 2016: 259–264; 2019: 238–240; Энхэбату, 2018: 257–275; Энхэбату, Эрхэньбаяр, 2018а: 276–279; 2018б: 308–311; У Цзэмин, 2019: 170–195; Маньдуэрту, 2019: 196–201; У Ина, 2019: 223–237; Су Юн, 2019: 241–243.]. В сборниках, изданных под редакцией даурских историков, есть и работы китайских специалистов Чжоу Тайпина [2019: 103–116], Ян Ючэня [2019: 148–169], Хао Вэйминь [2019: 202–210].

Заметим, что большую исследовательскую и редакторскую работу по составлению сборника статей памяти Го Даофу в 2009 г. проводила дочь Го Даофу – Одонгуа (*кит.* Одэнгуа). В сборник вошли шесть статей, одно поздравительное письмо, две песни о Мэрсэ. Из работ Одонгуа известна статья «Краткая, но выдающаяся жизнь господина Го Даофу», в которой, в том числе и на основе воспоминаний, раскрываются страницы жизни выдающегося революционера [Одэнгуа, 2019: 211–222]. Личность Го Даофу становилась объектом изучения ряда современных китайских историков, включая

хайларского исследователя А Ли, изучавшего вопрос о принятии Го Даофу христианства и учреждение им партии молодежи Хулун-Буира [2019б: 117–129]; У Ина, анализировавшего особенности его революционной деятельности [2019: 223–237]; У Цзэмина, давшего высокую оценку заслуг революционера [2016: 235–258; 2019а: 170–195].

К *китайской историографии* новейшей истории дауров следует также отнести публикации на русском языке, написанные Ли Сянянь, Се Веньсень, Лю Бо, Су Сяохуань, Хухэ Маньдула и Инь Хуа, Лянь Лю, Сун Линьлинь, Ван Сяомэй, освещающие различные аспекты национальной политики КНР, развитие культуры и образования даурского народа [Су Сяохуань, 2002; Се Веньсень, 2006: 120–124; Хухэ Маньдула, Инь Хуа, 2013: 107–108; Лянь Лю, 2017: 89–96; Ли Сянянь, 2017: 99–106; Ван Сяомэй, 2018: 137–142; Сянянь Ли, 2018: 124–130; Лю Бо, 2019: 22–28; Сун Линьлинь, 2019: 29–35].

Таким образом, китайская историография по новейшей истории даурского народа представлена как монографиями, так и разноплановыми статьями. Особенности региональных сборников статей, в которых по большей частью изданы работы даурских авторов, являются, на наш взгляд, следствием незавершенности процессов становления историографической науки в КНР. Монографии, несомненно, содержат большой фактический материал по многим аспектам новейшей истории дауров. В то же время в них прослеживается традиционный китайский подход к изучению истории, в котором незыблемые позиции занимают хронология событий и биографии известных деятелей. Статьи также богаты различными фактами, описанием конкретных исторических событий и персонажей, в частности крестьянского восстания Шаолана и Дайфу, биографии революционера Го Даофу (Мэрсэ), участия дауров в антияпонском движении. Из особенностей статей можно отметить широкое использование сведений информантов, что, вероятно, с одной стороны, вызвано малым количеством собственно китайских источников, освещавшим историю регионального масштаба; с другой –

особой ценностью информации, предоставленной непосредственным участником или очевидцем событий.

Англоязычная литература. К ним можно отнести работы даурского деятеля Мэрсэ, западных исследователей О. Латтимора, Ю. Янхунена, К. Хэмфри, К. Этвуда, П. Х. Клайда, Э. Б. Шумпетера, У. Булага и др., историков из Китая, Японии и других стран (А. Кинноске, С. Макито, Мо Шень и др.).

В августе 1930 г. в 3-м номере журнала «Pacific Affairs» вышла статья Куо Тао-Фу (Куо Тао-Fu) под названием «Современная Монголия». Под этим именем писал Го Даофу (Мэрсэ). Статья посвящена изучению революции во Внешней Монголии, движению за независимость во Внутренней Монголии и перспективам развития монгольского народа [Куо Тао-Фу, 1930: 754–762].

В 1932 г. в Нью-Йорке издана монография англо-американского востоковеда О. Латтимора «Маньчжурия: колыбель конфликта» [Manchuria: Cradle of conflict, 1932]. Автор отмечает, что работа основана на опыте, полученном им в 1929–1930 гг., когда он на протяжении девяти месяцев находился в Маньчжурии – огромной территории, лежащей между собственно ханьским Китаем и Россией. В своей последующей работе «The Mongols of Manchuria» (Монголы Маньчжурии) Латтимор дает краткую характеристику дауров. Отдельные главы его работы переведены на русский язык и опубликованы в 1936 г. Н. Шастиной. В разделах, посвященных даурам, автором подчеркивается энергичность, храбрость, патриотичность хайларских дауров, предприимчивость, хорошее знание своего языка и обычаев [Латтимор, 1936: 100, 105]. Нами также изучен оригинал этой книги, хранящийся во Всероссийской государственной библиотеке им. М. И. Рудомино (г. Москва). Так, помимо разделов, переведенных Н. Шастиной, в книге содержатся также сведения о периоде Маньчжоу-Го, делении провинции Хинган на четыре малых района, также именуемых провинциями; краткие упоминания о даурах Цицикара, Айгуня, таблица восьмизнаменной системы Цицикара; в конце монографии представлены

статистические данные [Owen Lattimore, 1935: 140–142, 177–179]. Фрагменты по истории Внутренней Монголии имеют место в другой работе О. Латтимора «Nomads and Commissars» (Кочевники и комиссары) [Owen Lattimore, 1962].

Особое внимание в англоязычной литературе уделяется изучению Маньчжурии, созданию и развитию на ее территории государственного образования Маньчжоу-Го, отношениям между Японией и Маньчжоу-Го. Поскольку большая часть дауров (за исключением синьцзянской группы дауров) постоянно проживала в этом регионе, мы решили дать обзор доступных нам работ. Одной из первых публикаций, где дается разносторонний обзор Маньчжурии, явилась монография американского исследователя японского происхождения Адачи Кинноске, вышедшая в Нью-Йорке [Manchuria. A survey, 1925].

Почти одновременно, в 1926 г., в университете штата Огайо издается работа Пола Хибберта Клайда, освещающая перипетии противоборства России, Китая и других держав в 1689–1922 гг. на территории Маньчжурии [International rivalries, 1926]. Восточноазиатским бюро экономических исследований (Япония) в 1932 г. был выпущен «Ежегодник Маньчжурии». Можно предположить, что в реальности данное издание вышло в свет в 1933 г., поскольку даты указаны как 1932–1933 гг. [The Manchuria Year Book, 1932]. В этот период западные исследователи проявляли большой интерес к работам советских авторов, оценивающих политику Японии в Китае. Предположительно, в середине 30-х гг. XX в. американскими учеными переведена на английский язык и издана в Нью-Йорке небольшая работа С. Дашинского «Япония в Маньчжурии» под редакцией Н. Фокина [Japan in Manchuria]. Дата издания книги не указана, однако известно, что второе издание на русском языке было опубликовано в 1932 г. партийным издательством в г. Москве [Дашинский, 1932].

Интерес западных ученых к высоким темпам промышленного развития Японии и Маньчжоу-Го в 30–40-е гг. XX в. нашел отражение в коллективной монографии под редакцией Э. Б. Шумпетера [The Industrialization, 1940].

Авторами разделов книги явились американские историки Г. К. Аллен, М. С. Гордон, Э. Ф. Пенроуз и Э. Б. Шумпетер. Анализу договоров и других документов, затрагивающих тему политики Японии в Маньчжурии, посвящена монография Мо Шэня, изданная в 1960 г. в г. Манила (Филиппины) [Japan in Manchuria, 1960]. Конец XX – начало XXI в. ознаменовался выходом ряда важных работ Л. Юнга, Миттер Рана, Прасенджита Дуары, Сая Макито, Ли Нарангоа и других авторов, с новых теоретических и методологических позиций освещающих вопросы становления японского национализма; китайского сопротивления японской агрессии и имевшего место явлений коллаборационизма и бандитизма (хунхузничества); суверенитета и аутентичности Маньчжоу-Го; положения монголов между великими державами и восприятия ими идеи Ман-Мо [Young, 1999, Mitter, Rana, 2000; Matsusaka, 2001; Prasenjit Duara, 2004; Li Narangoa, 2009; Saya, Makito, 2011; Yaqin Li, 2012.].

Участие хайларских дауров в национально-освободительном движении монгольских народов в начале XX в. явилось одним из объектов изучения американского монголоведа К. Этвуда. В своей монографии он приводит ценные биографические сведения о даурских деятелях Шэнфу, Гуйфу, Линшэне, Мэрсэ и других, об их участии в различных исторических событиях в Хулун-Буире, Урге [Atwood, 2002]. Эти и другие вопросы, включая роль даурских чиновников в управлении Хулун-Буиром, рассмотрены в его последующей статье, посвященной изучению государственной службы, родословных и местностей Хулун-Буира [Atwood, 2005: 5–22]. В других работах автора содержатся сведения о советском и японском влиянии на монгольские земли; создании в 1913–1928 гг. в Монголии кооперативов, занимавшихся сбытом продуктов скотоводства [Atwood, 2003: 65–91, 2004, 2010: 385–392].

Острый вопрос о статусе даурской национальной автономии в 1957–1958 гг. отражен в монографии Урадын Булага «Монголы на окраине Китая: история и политика национального единства». Исследователь из

Кембриджского университета выяснил, что в начале 1957 г., когда в КНР шла кампания «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», отдельные даурские деятели выступили за создание широкой автономии, которая включала бы в себя территории Хулун-Буира, Морин-Дава и Цицикара (имеются в виду прилегающие к городу местности – *авт.*). Руководство АРВМ КНР во главе с Уланху (*кит.* Уланьфу) выступило против этого решения, поскольку даурские земли считались исконно входящими в монгольскую сферу. Как указывает Булаг, даурские руководители, принимавшие участие в движении за широкую национальную автономию, подверглись наказаниям и увольнениям [Uradyn E. Bulag, 2002]. Последующие известные нам труды У. Булага посвящены изучению трансформации монгольской идентичности, процессам колонизации и этностроительства во Внутренней Монголии [Ibid. 2004; 2010].

Сильное маньчжурское влияние на дауров было также отмечено и в работе финского лингвиста Юха Янхунена (Juha Janhunen), вышедшей в 1996 г. и целиком посвященной этнической истории Маньчжурии. В монографии дана краткая характеристика бутхаских, цицикарских и хайларских дауров, приведены статистические материалы о численности дауров в 1982, 1990 гг. [Juha Janhunen, 1996: 50, 52]. Ю. Янхуненом проанализировано также одно письмо из архива финского лингвиста Пеннети Аалто (1917–1998). Оно было написано на норвежском языке Эйнарсом Барнсом в марте 1946 г. и адресовано Густаву Йону Рамстедту (1873–1950), основоположнику сравнительно-исторического монгольского и алтайского языкознания. Из текста письма Янхунен делает вывод, что Э. Барнс провел несколько лет среди дауров Маньчжурии, овладел даурским языком и, вернувшись в Норвегию, пополнил свои лингвистические познания и собирался издать монографию о даурах, возможно, для защиты докторской диссертации. Как далее выясняет Янхунен, Э. Барнс закончил миссионерскую школу Фьелльхауг в г. Осло и в 1935 г. был направлен в Маньчжурию. Как известно, норвежская миссионерская организация в Китае открыла в 1932 г.

миссионерский пункт в г. Цицикар для пропаганды евангельского христианства среди местного населения [Juha Janhunen, 2003: 84].

Несмотря на хорошее знание даурского языка, как отмечает Янхунен, Барнс был новичком в лингвистике, о чем свидетельствует его непоследовательная система транскрипции даурских слов. Рассуждая о пребывании норвежца в Маньчжурии, Янхунен справедливо указывает, что кроме С. М. Широкогорова и русских эмигрантов, в Маньчжурии европейских исследователей было мало. В целом в этом регионе в период между Первой и Второй мировыми войнами доминировали японские ученые. По мнению Ю. Янхунена, единственным западным исследователем, который до Э. Барнса работал среди дауров района р. Нонни, был немецкий этнограф Вальтер Штётцнер. Большинство его материалов остаются неопубликованными, за исключением отчета о его маньчжурской экспедиции, изданном в 1929 г. Ф. Мельцером [Juha Janhunen, 2003]. Следует заметить, что язык дауров привлекал внимание многих специалистов второй половины XX в. Филологом Ужэдийн Чулуу, выходцем из Внутренней Монголии, была издана в 1994 г. монография, в которой изучались грамматика даурского языка и состав предложений; в 1996 г. ученым подготовлен раздел о даурском языке, вышедший в г. Мюнхен в серии «Языки мира» [Wu Chaolu, 1994; 1996]. В 1995 г. венгерский востоковед Кара Дьердь издал работу о даурских материалах на кириллице [Kara György, 1995]. Из работ начала XXI в. известны две статьи под авторством Ли Лин, М. Хин-Ю Фуна, Чон Ман-Луна, Л. Ким, М. Кин-Иан Чана, Г. Чи-Хун Лука, Ю. Шун-Юн Тама, рассматривающие источник «История дауров» как образец для изучения маньчжурского языка [Monica Kin-Ian Chang et al., 2016: 45–56; Li Lin et al., 2016: 63–73]. К разряду источников, имеющих отношение к даурско-маньчжурским языковым контактам, можно отнести работу Дж. Нормана [Norman, Jerry, 2004]. Общая информация о даурах (население, численность, язык и диалекты, места проживания, традиции, обычаи, религия) содержится в трудах китайских авторов, изданных на английском языке и дающих

краткую характеристику всех национальных меньшинств КНР [China's Ethnic Minorities, 2003; Ethnic groups in China, 2004; China's Ethnic Policy, 2009; Linzhu Wang, 2015].

Наряду с вопросами языка и письменности дауров и других народов северо-востока Китая (монголов, маньчжуров и др.) западных исследователей привлекала проблема трансформации этнической идентичности национальных меньшинств Китая. В 1995 г. в сборнике научных статей «Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers» (Культурные встречи на этнических границах Китая) была издана статья Вурлиг Борчигуда, анализирующая влияние городского образования на формирование монгольской этничности в 1949–1966 гг. [Wurlig Borchigud, 1995: 278–300]. Заметим, что сборник опубликован издательством Университета Вашингтона под редакцией Стевана Хариэл и включал ряд статей по этнической идентичности народов мяо, ицзу, наси, населяющих южные провинции Китая. Наряду с ними в нем представлены и работы Шелли Риггер по эволюции идентичности маньчжуров в 1635–1935 гг., Алмаз Хана – о трансформации культа Чингисхана от имперского предка до этнического героя [Cultural Encounters, 1995: 186–216; 248–277]. В журнале «Nationalities Papers» (Материалы о национальностях) в 2011 г. вышла статья Энзе Хана, в которой проанализировав два контрастирующих случая политической активности уйгуров в Синьцзяне и монголов во Внутренней Монголии, автор пришел к выводу о большой роли международного фактора в обеспечении устойчивости политической активности. Как показывает Энзе Хан, во Внутренней Монголии стремление к самоопределению достигло пика в первой половине XX в., особенно при поддержке империалистической Японии. Однако после окончания Второй мировой войны Внутренняя Монголия не получила международной поддержки и была задействована в процессе учреждения нового Китая [Enze Han, 2011: 941–962]. В 2019 г. вышла в свет статья Э. Фрэнсис-Тана и Чжэн Му о возрождении идентичности национальных меньшинств в Китае [Andrew Francis-Tan, Zheng Mu, 2019: 733–769].

Говоря о проблемах национальных меньшинств, нельзя не упомянуть и об исследованиях, характеризующих актуальные вопросы исторического развития Китая в XX в. В работах Бён-Джун Ана, Дж. Грея, Дж. Спенса, Инь Чжунцзиня, Э. Фогеля, М. Ойдтманна, сочинениях Дэн Сяопина содержатся сведения о формировании революционного движения, в том числе и на национальных окраинах; об особенностях проведения социально-экономических реформ; трансформации политической системы Китая [Byung-Joon Ahn, 1973: 257–300; Selected works of Deng Xiaoping /1938–1965/; /1975–1982/; Gray, Jack, 1990; Jonathan D. Spence, 1990; The political system of China, 2004; Ezra F. Vogel, 2011; Oidtmann, Max, 2014: 49–87]. В 1996 г. издана монография известного английского этнолога Кэролайн Хэмфри и даурского ученого Онон Ургунго, посвященная даурскому шаманизму. В работе широко использован сравнительно-этнографический анализ аспектов шаманизма дауров с религиозным воззрением других народов (монголов, бурят, китайцев, народов Дальнего Востока). В ней имеются также ценные этнографические данные о хозяйстве, семье и других сторон культуры дауров. Помимо культуры дауров, исследователи также кратко рассматривают отдельные моменты исторического развития даурского народа. В монографии представлены ценные биографические сведения об О. Ургунго, его деятельности у южмонгольского лидера Дэ Вана [Caroline Humphrey and Urgunge Onon, 1996].

Труд К. Стюарта, Ли Сюэвэй, Шелира «China's Daur minority: society, shamanism, and folklore» (Philadelphia, 1994) посвящен изучению многих вопросов культуры дауров. В структурном отношении работа распадается на три части: 1) история и культура дауров; 2) даурский шаманизм; 3) даурские предания. В работе кратко рассматривается целый ряд вопросов, начиная от количества и расселения дауров и заканчивая рассмотрением музыкальной культуры, народного творчества [Stuart K., Li Xuewei and Shelear, 1994]. Заметим, что ранее г. М. Бендером и Су Хуана был издан сборник даурских народных сказок [Daur Folktales, 1984].

Большой вклад в развитие мирового дауроведения внес международный семинар «Народы и языки китайско-российского пограничья: Даурия», прошедший в октябре 2019 г. в Университете Палацкого (г. Оломоуц, Чешская Республика), организованный участниками проекта Европейского фонда регионального развития «Sinophone Borderlands — пограничное взаимодействие». Доклады многих участников семинара были переработаны в виде статей и изданы в 1-м номере научного журнала «Studia Orientalia Slovaca» за 2021 г. В совместной статье чешских ученых У. Валленбек и В. Зигмундовой «Дауры на китайско-российском пограничье: краткое введение» дана вводная справочная информация о даурах, включающая очерк дауроведческих исследований; исторический, антропологический и лингвистический подходы в изучении дауров [Wallenböck, Zikmundova, 2021: 1–46]. На 10-й с. статьи имеется краткая информация о перипетиях даурской истории в XX в. Статья «Больше, чем одно имя: транскрипция, мультискриптуализм и этническое наследие на примере генеалогии рода дедул» научного сотрудника Гонконгского университета Лоретты Э. Ким по большей части антропологического содержания, в то же время имеет краткие сведения о государственных служащих и культурных работниках, даурах по национальности [Loretta Kim, 2021: 47–84]. В статье Б. Д. Цыбенова «Дело Аула Самдина (Фуминтая): историко-биографический аспект», основанной на анализе следственного дела из ЦА УФСБ, приводятся малоизвестные данные о деятельности даурского революционера Фуминтая в 20–30-е гг. XX в., его взаимоотношениях с Мэрсэ, Э.-Д. Ринчино, Ц.-Е. Цыдыповым [Bazar Tsybenov, 2021: 85–112].

Трансграничное положение дауров на границе Российской и Цинской империй изучается австрийской исследовательницей Стефани Цихаус. Автор детально рассматривает трансформацию этнической принадлежности дауров, испытывавшей сильное влияние имперской администрации [Ziehaus Stephanie, 2021: 113–150]. Изучению архивного документа о переселении дауров из хошуна Старой Барги в Солонский хошун в 1920 г. в контексте эволюции

административной структуры Хулун-Буира посвящена статья чешского ученого Ондreja Срба. В работе подчеркивается, что выделение хошуна Старая Барга из солонской восьмизнаменной системы в 1919 г. явилось одним из крупных административных преобразований периода правления Китайской Республики [Srba, 2021: 151–178]. Большой исследовательский интерес представляют и статьи венгерских специалистов Давида Сомфай Кара и Баярмы Хабтагаевой, в которых изучены такие вопросы, как даурская версия легенды о шаманке Нишань, современные шаманские практики среди дауров, этимология названий частей тела в даурском языке [David Somfai Kara, 2021: 217–252; Bayarma Khabtagaeva, 2021: 253–278]. Анализу правовых и межнациональных отношений в трансграничном обществе Маньчжурии посвящена работа Чэнчжи (Киченгэ), исследователя из Университета Отэмон Гакуин г. Осака. Он с новых позиций рассматривает резонансное дело, т.н. «инцидент с Чишанем», произошедший в период Цинской империи [Chengzhi (Kicengge), 2021: 179–216].

Итак, существует большое количество англоязычных публикаций, изданных в 20–60-х гг. XX в., в которых освещаются вопросы истории Маньчжурии (особенно период Маньчжоу-Го), Внешней и Внутренней Монголии, содержащие краткие характеристики дауров, их характер, территорию проживания и т. д. Среди работ современных западных историков можно выделить труды К. Этвуда, имеющие большой фактический материал по социально-политической истории дауров первой трети XX в.; работу У. Булага, содержащую данные о борьбе дауров за статус автономного района в 1957–1958 гг.; монографию К. Хэмфри и О. Ургунго, где представлены фрагментарные сведения по истории дауров и биографические сведения об О. Ургунго; ряд статей, изданных в журнале «*Studia Orientalia Slovaca*» по итогам международного семинара «Народы и языки китайско-российского пограничья: Даурия» (2019 г.). Особое значение в изучении новейшей истории дауров имеют многие публикации англоязычных авторов, с новых теоретических и методологических позиций освещающие явления

коллорабионизма и хунхузнчества в период Маньчжоу-Го, этнической идентичности народов Китая. Работы, изданные на английском языке, содержат также ценные материалы по языку, религии (шаманизму), фольклору, в целом по традиционной культуре даурского народа. Все вышеотмеченные публикации, в той или иной мере касающиеся различных аспектов истории и культуры трансграничного народа, в целом существенно расширяют и дополняют наше представление по изучаемой проблематике.

Работы на монгольском языке. К ним можно отнести работы Ц. Хандсурэн, С. Идшинноров, Г. Цэрэндорж, Л. Жамсран, Г. Мягмарсамбуу, Харгана Ж. Өлзий, Р. Болда, Ц. Батбаяра, О. Батсайхана, Ч. Дашдаваа и др.

В 70-х гг. XX в. обычаи и традиции дауров стали предметом исследования монгольского ученого Ц. Хандсурэн. В 1974 г. ей была подготовлена историко-этнографическая статья, в которой нашли отражение краткая история дауров с XVII в., деление на основные группы, вопросы общественного строя [1974: 105–111].

Сведения о даурском деятеле Бүүвэйн Соелтой, в середине 20-х – начале 30-х гг. XX в. работавшего в МНР, имеются в статье, опубликованной в монгольском журнале «Соел урлаг. Ажил үйлс, асуудал, зорилт». Авторы статьи дают краткое описание биографии, включая его прибытие в Монголию, учебу в Улан-Баторе и Пекине, гибель Соелтоя в период репрессий 1937–1938 гг. [Идшинноров, Цэрэндорж, 1990: 34–36].

Ранняя история даурского народа и его современное положение отражены в статье баргутского исследователя Харгана Ж. Өлзий [1985: 63–70]. Краткая характеристика дауров имеется в его последующей монографии «Өвөр Монголын өөртөө засах орны зарим үндэстэн, ястны гарал үүсэл, зан заншил» (Происхождение и обычаи некоторых народностей Автономного района Внутренняя Монголия), изданной в 1990 г. в Улан-Баторе на современном монгольском языке. В разделе о даурах приводятся сведения о происхождении и историческом пути даурского народа, родовом составе и расселении, материальной и духовной культуре [Өлзий, 1990]. В монографии

Ж. Өлзий, посвященной истории баргутов, имеется небольшой раздел под названием «Историческая справка о даурской народности». В нем представлена информация о происхождении дауров, местах их проживания, образовании локальных групп, хозяйстве, культурной жизни [2013]. В целом в книге через призму истории баргутов раскрыты многие аспекты исторического развития Хулун-Буира.

Помощь МНРП в создании и укреплении Народно-революционной партии Внутренней Монголии, деятельность Мэрсэ и Фуминтая в 1922–1925 гг. кратко анализируются в статье Л. Жамсран [1991: 11–17].

История Хулун-Буира в 1900–1960-х гг. детально изучена монгольским историком Г. Мягмарсамбуу. В монографии, изданной в 2017 г., изучены основные этапы исторического развития региона с привлечением монгольских архивных источников, а также периодических изданий на классической монгольской письменности, хранящихся в библиотеках Японии. Особый упор в работе сделан на анализ баргинского восстания 1928 г. и период Маньчжоу-Го. Автор не выделяет дауров как представителей отдельного этноса, использует термин «барга», т. е. баргинцы [2017а]. Это обстоятельство несколько усложняет выявление собственно дауров из числа упоминаемых в работе общественно-политических деятелей Хулун-Буира. В 2021 г. Г. Мягмарсамбуу изданы три тома работ по истории Барги. В первом изучена краткая история Барги в 1734–1960 гг., во втором – этнография региона, в третьем дана биография баргутского военачальника Ц. Дамдинсурэна [Тахилт Галиндэвийн Мягмарсамбуу, 2021а, б, в]. Исследователь приводит новые, дополненные данные по истории Барги; некоторые чиновники, например Цэндэ-гун, указаны как даурские деятели. На основе его работ можно проследить ход тех или иных исторических событий в регионе, выявить новые факты и имена, в том числе касающиеся истории даурского народа.

Отдельные сведения о деятельности Цэндэ-гуна, Мэрсэ, Фуминтая, Линшэна, Жаргалана (Дэ Гулая), Ван Чжэнтиня, баргинском восстании 1928 г. содержатся в монографиях и статьях Ц. Батбаяра, О. Батсайхана, Ч. Дашдаваа,

Р. Болда, Д. Зоригта [Цэнд гүнгийн хөрвүүлсэн, 2017; Батбаяр, 2020; Батсайхан, 2005; 2007; Дашдаваа, 2019; 2020; Болд, 2021; Доржийн Зоригт, 2009]. К различным аспектам новейшей истории Хулун-Буира и в целом Внутренней Монголии имеют отношение статьи монгольских историков Ц. Ганбагана, Н. Хишигт, Б. Лхагвадоржа, Л. Чулуунбаатара, Г. Мягмарсамбуу, С. Нахиа, Оюунгоо, Б. Цэцэгмаа, Эрдэнэбаяра, опубликованные в 2017 г. в сборнике «Первая половина XX в. и монголы» под редакцией Ц. Ганбагана. Исследователями изучены деятельность интеллигенции Внутренней Монголии в 1930-х гг.; участие военных Барги и Внутренней Монголии в конфликте на р. Халхин-гол в 1939 г.; судьба солдат армии Маньчжоу-Го, попавших в плен; учеба курсантов в Хинганском военном училище и выход в свет журнала «Хинганский хребет»; политика МНР по отношению к Внутренней Монголии в годы Второй мировой войны и ряд других малоизвестных вопросов [Ганбагана, 2017а, б, в; Хишигт, 2017; Лувсандоогийн Чулуунбаатар, 2017; Лхагвадорж, 2017; Мягмарсамбуу, 2017б; Нахиа, 2017; Оюунгоо, 2017; Цэцэгмаа, 2017; Эрдэнэбаяр, 2017].

К разряду литературы на монгольском языке следует отнести статьи японских историков К. Танаки, Т. Наками, К. Баба, австралийской исследовательницы Ли Нарангоа, тайваньского ученого Лан Мэй Хуа, посвященные отдельным аспектам новейшей истории Хулун-Буира [Лан Мэй Хуа, 2011; Ли Нарангуа, 2017; Танака, 2020а, б, в; Наками, 2020; Баба Кимихико, 2020].

Как показывает наше обращение к монгольской историографии, существует достаточное количество трудов на монгольском языке (кириллица), затрагивающих различные стороны истории и культуры Барги, Маньчжоу-Го. В трудах монгольских историков в основном анализируется участие населения Барги в националистическом движении монголов в первой трети XX в., включая баргинские восстания 1912 и 1928 гг., вопрос о статусе Барги в 1912–1915 гг.; участие в конфликте на р. Халхин-гол в 1939 г. В ряде работ монгольских авторов обнаруживаются упоминания о даурских

функционалах (Цэндэ-гуне, Мэрсэ, Фуминтае, Соелтое, Линшэне, Дэ Гулае и др.), многие из которых осуществляли свою деятельность и на территории Внешней Монголии / МНР. В публикациях на монгольском языке содержатся также материалы по этнографии, происхождению, этническому составу, расселению, материальной и духовной культуре даурского народа.

Литература на классической монгольской письменности.

По мнению бурятского этнографа Л. Л. Абаевой, традиционная ментальность и особенности этнического, психологического и генетического склада в большей степени сохранились у монгольских народов, населяющих Внутреннюю Монголию КНР и до сих пор не изменивших традиционному вертикальному письму [2007: 34].

К числу основополагающих работ этой группы относится коллективная монография «*Daγur ündüsüten-ü tobči teüke*» (Краткая история даурского народа), изданная в 1989 г. В предисловии отмечено, что толчком к ее созданию послужило начало исследований малочисленных народов КНР в 1956 г. по указанию Мао Цзэдуна и ЦК КПК. В 1958 г. начались конкретные работы по написанию краткой истории даурского народа. К концу 1959 г. изучено большинство источников по изучаемой проблематике, в 1963 г. начат печатный набор текстов источников, включая поправки к ним. Однако эти работы были прекращены на долгое время в связи с делами Линь Бяо и «банды четырех». Коллектив авторов (Мэн Чжидун, Улзэйтү, Баяр), возобновивший написание монографии, довел краткую историю даурского народа до 1949 г. На основе ранее не рассматривавшихся источников введены новые исправления в тексте работы и в 1985–1986 гг. принято решение об издании. «*Daγur ündüsüten-ü tobči teüke*» состоит из 7 глав, выстроенных в хронологическом порядке. В них кратко изложены происхождение и средневековая история даурского народа, «цинский период», история дауров во время правления Китайской Республики, в период Маньчжоу-Го и годы гражданской войны в Китае [Daγur, 1989]. Другим коллективным трудом по истории дауров, вышедшим в 1988 г., является «*Morindabaγa daγur ündüsüten-*

ü öbürtegen jasaqu qošiγun-u toyimu bayidal» (Обозрение Морин-Дава даурского автономного хошуна). В подготовке первоначального варианта работы приняли участие передовые деятели хошуна Телинга, Насанбо, Ао Фэнчжу, Мэн Чжи И, Су Линшэн и др. Затем по приглашению председателя парткома хошуна Амгулана и главы хошуна Дун Чиня работу над формированием окончательного текста монографии провел научный сотрудник Академии общественных наук Внутренней Монголии Мэн Чжидун. В монографии имеется 8 глав, в которых затрагиваются различные аспекты историко-культурного и социально-экономического развития даурского автономного хошуна Морин-Дава [Morindabaγa, 1988].

Последние годы жизни известного даурского революционера Мэрсэ стали предметом пристального изучения монгольских ученых Д. Наранжаргала и Ч. Дашдавы. В 2014 г. в журнале «Öbür Mongγol-un yeke surγayuli. Erdem šinjilgen-ü setegül» (Научный журнал государственного университета Внутренней Монголии) была опубликована статья «Merse-yin amidural-un segül-ün jil-ud» (Последние годы жизни Мэрсэ). Основываясь на российских архивных документах, авторы проследили заключительный отрезок жизненного пути Мэрсэ [Naranjirγal, Dašidava, 2014: 36–53].

В статье хулун-буирских краеведов Пилжид и Нансалмы рассмотрено применение бактериологического оружия (тифа) в местности Имин. В списке погибших в 1942–1944 гг. есть имена дауров [Piljid, Nangsalma, 2008: 70–85].

Различным аспектам культуры и образования народа посвящены труды следующих даурских ученых – Мэн Чжидуна, М. Энхбата, Билид, Билэг, М. Мэндсүрэн, Юй Шана, Оюунгуа [Meng Ji Düng, 1983; Engkebatü, 1984; Bilid, Šoyičim, Bilig, 1987; Mendüsürün, 1990; Bilig, 2003; Oyungγou-a, 2003; 2012; Yui Shan, 2007]. Поскольку культура и образование дауров в новейший период их истории развивались в региональной культурно-образовательной среде Хулун-Буира, особое значение (в том числе и для проведения сравнительно-сопоставительного анализа) имеют монографии и статьи по указанным темам, написанные Галзут Тубшинимой, Буяндэлгэром, Хурлад

Мешигэ, Ж. Өлзий, Ш. Сундуй и другими исследователями, краеведами – выходцами из олетов, баргутов, эвенков и других этнических групп [Yaljud Tübšinima, 1985; Buyandelger, 1999; Sečenggerel, 2003; Serenbatu, 2003; Angčinquu, 2004; Mongyol üндүсүтен-ү, 2007; Čamqad Rejidm-a, 2008; Yongyorjab, 2008; Jamso Enke, 2008; Yaljud Nangsalma, 2008; Yaldan, 2008; Qurlad Mešige, 2009; Oyidob, Piljid, 2008; Mišigdorji, 2010; Tayibungjiryal, 2010; Bayan, 2010; Öljei, 2013; Sungdui, 2013; Badmavangčın, 2013; Borjigin Namsarai, Biligsayıqan, 2013; Širanud Eldengge, 2013; Duýarsurung, 2016; Yončoybatu, 2016; Sengdejab, 2017; Sergüleng, 2017].

К изучению истории даурского народа в 1945–1949 гг. имеют отношение публикации южномонгольских исследователей в сборнике статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. В них освещены вопросы создания и развития вышеуказанной организации, ее филиалов в Хулун-Буире, районе Хингана; пополнении воинских частей членами Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии [Üндүсүтен-ү čilügelelte-yin tülüge, 2007; Batubayana, Altanvčir, 2007: 1–11; 2007: 123–134; Jang Če et al., , 2007: 3–27; Go Jou Heng, 2007: 28–46; Tegüs, 2007: 47–102; Bütegegči, 2007: 105–113; Edünkešig, 2007: 114–120; Šatu, 2007: 135–152; Buyanbatu, 2007: 153–168; Buyanjab, 2007: 249–295; Müren, 2007: 296–306].

Таким образом, на классической монгольской письменности в конце 80-х гг. XX в. были изданы две крупные монографии по истории и культуре дауров с соответствующими разделами по новейшей истории народа. В них приводится большой фактический материал, имеющий важное значение для нашей диссертационной работы. Заметим, что в ряде случаев сведения в них изложены в строгом соответствии с идеологическими принципами, принятыми в КНР, и с позиций классового подхода. С другой стороны, новизной отличаются публикации, освещающие последние годы жизни Мэрсэ и факты применения японцами бактериологического оружия в Хулун-Буире, основанные на российских архивных материалах и новейших статистических

данных. Во многих работах хулун-буирских исследователей изучены вопросы развития даурского языка и диалектов, литературы, фольклора и многих других аспектов традиционной культуры даурского народа.

Литература на бурятском языке

Краткие данные о даурских чиновниках Гуйфу и Линшэне, жизни населения Хулун-Буира в период Маньчжоу-Го содержатся в монографии Согтын Жамса [2017]. Сведения о дарении бурятами Цэндэ-гуну коня с седлом, отделанным серебром, об учебе бурятской молодежи в городах северо-востока Китая в период Маньчжоу-Го, биографические сведения о дочери Цэндэ-гуна – Хандсурэн и сыне Уржина Гармаева – Дашаниме имеют место в работе бурятского исследователя-краеоведа Санжаа-Ешын Сэмжэд [2013].

Таким образом, различные стороны истории Хулун-Буира рассмотрены в работах на бурятском языке. В них выявлены особенности деятельности даурской элиты в первой трети XX в., основные тенденции социально-политической ситуации в Хулун-Буире в период Маньчжоу-Го, на основе биографических данных прослежена судьба отдельных потомков хулун-буирского чиновничества.

Работы на японском языке

Публикации на японском языке так или иначе затрагивают отдельные периоды истории дауров, связанные в целом с историей Хулун-Буира, Маньчжоу-Го, Маньчжурии, Внутренней Монголии и северо-восточного Китая; дают общее понимание исторических процессов, протекавших в регионах. Многие из них посвящены участию Японии во Второй мировой войне, социально-экономическому развитию Японии в первой половине XX в., поэтому имеют разделы и параграфы, уделенные марионеточному образованию Маньчжоу-Го, Квантунской армии, японской политике в северо-восточном Китае.

Вопросы национально-освободительного движения в Хулун-Буире в первой трети XX в. анализируются в статье К. Танаки [2008: 45–48], основание

и деятельность партии молодежи Хулун-Буира изучены в статье Акира Тоши [Акира Тоши].

В «Истории Японии с древнейших времен до 1957 г.», изданной японскими историками Такаянаги Мицутоси и Ватанабэ Минору; трех томах издания «Докюменто Сёва си» последовательно изучены события в Маньчжурии и попытка военного переворота в Японии от 26 февраля 1936 г., военные действия японцев в Китае, поражение во Второй мировой войне [Такаянаги Мицутоси, Ватанабэ Минору, 1958; Докюменто Сёва си, 1975а, б]. Следует также отметить монографию Ё Иссю, где раскрываются планы и действия японских дипломатов в 1931–1943 гг.; труд Ёда Ёсииэ, изучающий агрессию японского империализма в Китае; исследование японской армии на протяжении Второй мировой войны [Иидзука Кодзи, 1968; Ё Иссю, 1970; Ёда Ёсииэ, 1976]. Можно также выделить труд Аисо Канъити, где рассмотрено влияние японского милитаризма на развитие экономики страны в довоенный период и во время Второй мировой войны [Аисо Канъити, 1978]. Циклический характер развития японской экономики в 1919–1956 гг. прослежен в монографии Аояма Хидэо [1957].

Визуальное наблюдение истории становления и развития Маньчжоу-Го можно провести на основе фотоальбома Вакаки Мансю [1938]. Военная тематика отражена в двух монографиях Гомикава Дзюмпэя. В одной из них приведены дневниковые записи солдата Квантунской армии [1980], другая представляет собой документальную повесть о вооруженном инциденте в районе р. Халхин-гол летом 1939 г. [Он же, 1976]. Некоторые косвенные сведения о периоде Маньчжоу-Го можно получить из монографии «Русские белоэмигранты в Маньчжурии», японско-маньчжурско-русского военного разговорника 1942 г. издания [Дзай Ман хаккэй, 1938; Гондо Сёити, Янушевский, Иосида, 1942]. Ряд географических карт Маньчжоу-Го, применимых в нашем исследовании, имеется в работе Кисаки Дзюньити [1938]. Другой работой, изданной в г. Чаньчунь в годы Маньчжоу-Го, является «Обзор лесного хозяйства Маньчжурии и Кореи». В ней перспективы

использования лесных ресурсов указанных регионов представлены с позиций японской колониальной администрации [Мансэн рингё гайкан, 1941].

Как известно, часть даурской молодежи в 20–40-е гг. XX в. получала образование в Японии, некоторые обучались в ведущих японских университетах, включая университет Васэда. Поэтому в работе нашли применение общие сведения об университете Васэда [Дайгаку но сэйсин, 1980].

К работам, косвенно освещающим другие аспекты истории дауров, относится «История русско-китайских отношений» Ёсида Кинъити, где прослежено двустороннее взаимодействие начиная с XIII в. и заканчивая 1917 г. [1974]; исследование истории сибирских экспедиций, предпринятых русскими и иностранными путешественниками в XVII–XIX вв., написанное Като Кюдзо [1974]; изучение Кодзима Томоюки социальной политики Китая в 70-х – начале 80-х гг. XX в. [1984].

В диссертационной работе также нашли применение отдельные публикации японских авторов, в частности, посвященные изучению даурского языка. Так, в статье Отаке Масами дан лингвистический анализ даурских слов. В начале статьи есть краткая историческая справка о даурах [2013: 1–2].

Работы на корейском языке

Изучением истории Маньчжоу-Го занимается исследователь из Национального университета Хангён (Республика Корея) Инь Хуэйдо, известный также как Юн Хви-Так (*англ.* Yoон Нwu tak). Можно предположить, что он является этническим корейцем, родившимся в Китае, а ныне работающий в Республике Корея. Нам известны две его статьи. В первой Инь Хуэйдо рассматривает идеологию «сотрудничества и гармонии между национальностями», которую развивали японцы в Маньчжоу-Го, а также положение корейцев, проживавших в Маньчжурии. По мнению ученого, корейцы в Маньчжурии были притесняемы как японскими, там и китайскими властями; а идеология «сотрудничества и гармонии» на самом деле была империалистической дискриминацией национальностей, что видно из ее

отношения к японцам как к высшей национальности [Инь Хуэйдо, 2000: 170–171]. В другой статье Инь Хуэйдо, опубликованной в 2012 г., изложены межэтнические конфликты, вспыхнувшие сразу после крушения Маньчжоу-Го. Это государственное образование широко рекламировалось как «демократическая страна», однако, как указывает исследователь, от недавнего «демократического согласия» в конце августа-сентябре 1945 г. не осталось и следа. В ситуации анархии, царившей на территории бывшего Маньчжоу-Го, когда активизировались бандитские отряды и различные силы под флагом Гоминьдана, гнев и ненависть китайских крестьян теперь были направлены на японских переселенцев в Маньчжурии. Пострадали и корейские мигранты как последователи японцев. Инь Хуэйдо приводит ряд фактов убийств, грабежей японцев, а также и самоубийств среди мирного японского населения. Так, по его данным, в конце августа 1945 г. 9 японских женщин одновременно покончили жизнь самоубийством, бросившись в воды р. Сунгари [2012: 174]. В завершении статьи он отмечает, что выдуманного японскими колонизаторами «народа Маньчжоу-Го» на самом деле не существовало, а различные межнациональные противоречия были лишь скрыты под гнетом японской колониальной власти [Там же: 196].

В работе Чхон Чун-Хва (*кит.* Цянь Чуньхуа) из университета Вонкванг (Республика Корея) анализируется деятельность корейского ученого Чой Нам-Суна, назначенного в 1938 г. на должность профессора в университете Кэнкоку в Маньчжурии. Как указывает автор, Чой Нам-Сун в своем исследовании попытался увязать создание нового «государства» Маньчжоу-Го и культуру Ман-Мо (в тексте как «культура Ман-Монголии» – *авт.*) с древним государством Пуё, существовавшим на территории Маньчжурии со II в. до н. э. по 494 г. После распада Пуё его части вошли в состав государства Когурё. Идея о взаимосвязи культуры Ман-Мо с ранней историей Кореи появилась у Чой Нам-Суна после визита главы Маньчжоу-Го Пу И в Японию и ознакомления с японской концепцией «гармонии пяти народов». Чой Нам-Сун в своей идее, во многом опиравшейся на легендарные сведения, выделял

государство Пуё как основу культуры Ман-Мо на территории северо-восточного Китая. По его мнению, именно с земель Маньчжурии шло распространение культурного влияния на Китай, Корею и Японию. Как указывает Чхон Чун-Хва, в гипотезе Чой Нам-Суна прослеживаются некие черты антияпонского сопротивления, выражающиеся в подчеркивании основ древней корейской государственности и культуры, которые оказывали влияние на Японию. Таким образом, Чой Нам-Сун выдвинул гипотезу о зарождении культуры Ман-Мо в период древнекорейского государства Пуё, органично обосновав вхождение корейцев в состав Маньчжоу-Го [2020: 511–537].

Работы на немецком языке

Вопросы истории даурского народа в XVII в. изучались венгерской исследовательницей, работавшей в Германии, Каталин Урай-Кёхальми (1926–2012). В 1981 и 1982 гг. ею были опубликованы в журнале «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae» две статьи. В первой «Daurien: Das Keimen und absterbeneines Nomaden reiches» (Даурия: рождение и гибель кочевой империи) К. Урай-Кёхальми предполагает, что в районе верхнего и среднего течения Амура и к северу от Хинганского хребта к началу XVII в. зарождалась новая кочевая держава, чье становление было прервано продвижением русских казаков в Забайкалье и Приамурье. По мнению ученого, именно этот регион (т. е. верхнее и среднее течение р. Амур и местности вокруг Северного Хингана) исторически являлся колыбелью кочевых империй сяньби, киданей, чжурчженей, монголов и маньчжуров. Реконструируя модель зарождавшейся здесь новой кочевой империи из монгольских (дауры) и тунгусских (солоны) компонентов, автор отмечает, что переходный этап трансформации прежних сибирских «лесных» народов в кочевых скотоводов, имевших укрепленные поселения, и обеспеченные торговыми путями городки-крепости ставит под сомнение справедливость прежних представлений об отношениях между кочевниками и земледельцами,

кочевниками и населением крепостей и поселений [Käthe U-Köhalmi, 1981: 255–273].

В начале своей второй статьи «Über einige Dagurische Ortsnamen aus dem 17. Jahrhundert» (О некоторых дагурских топонимах XVII в.) К. Урай-Кёхальми, упоминая проф. Л. Лигети, указывает, что он всегда на своих лекциях подчеркивал наличие тесных исторических контактов между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками и народами. И именно по этой причине во время своих полевых работ в МНР в 1957 и 1959 гг. ученый с большим интересом обратилась к изучению языка и этнической истории хамниганов. Основное внимание в статье уделено анализу некоторых даурских и тунгусских (солонских) топонимов и этнонимов *говалча, хорха/хурха, нелюд, бокори, галдасу, гобол, эрту, нерча* и др. известных по материалам XVII в. Автор обращается также к особенностям даурского языка и его диалектов; историческому наследию дауров и солонов, в котором сохраняется память о былом сосуществовании тунгусов, монголов и чжурчженей [Käthe U-Köhalmi, 1982: 315–319].

Становление и развитие полиэтничного Китая как единого государства, эволюция китайской идентичности во времени и пространстве, динамика китайской экспансии, китаизация материковой части Восточной Азии и подавление протестных движений – эти и другие актуальные вопросы явились объектами исследований Хельвига Шмидт-Глинцера. В противовес официальной китайской идее о мирной колонизации многочисленных народов Китая и сложении в единую «национальную семью» под предводительством ханьского большинства, он выдвинул гипотезу о том, что этот процесс явился результатом т.н. «экспансионных рывков». В то же время эта политика ни в коем случае не была рядовой политикой силы, в ней были задействованы моральные и культурные аспекты, что позволяет говорить о культурной ассимиляции национальных меньшинств [Helwig Schmidt-Glitzner, 1997].

Как отмечает Томас Хеберер, написавший рецензию на монографию Х. Шмидт-Глинцера, в его исследовании поставлено множество вопросов, но

не даны ответы на них; тем не менее в нем представлен новый взгляд на проблему унитарного государства в его китайском варианте. Рецензент справедливо подчеркивает, что европейское представление о нации нельзя отождествлять с китайским, поскольку китайский «территориальный принцип» (все народы на территории Китая — китайцы, *кит. zhongguo ren*) кардинально отличается от европейского национального принципа, согласно которому нация образует государство. В его рецензии можно также выделить цитируемое им высказывание американского политолога Люциана Пая, что «Китай — это не просто государство среди многих, а скорее, цивилизация, притворяющаяся государством. Сегодняшний Китай похож на Европу времен Римской империи и Карла Великого, сохранившуюся до наших дней и пытающуюся функционировать как единое национальное государство» [Thomas Heberer, 1999: 102–105].

Работы на чешском языке

Изучением истории и культуры даурского народа целенаправленно занимается молодая чешская исследовательница Катерина Зикмундова, выпускница философского факультета Карлова университета в Праге. В 2018 г. ею была подготовлена бакалаврская работа «Мэрсэ и монгольский вопрос», в которой на основе китайских и западных источников, а также двух интервью с младшей дочерью Мэрсэ – Одонгуа (Хух-Хот, 2015) и его родственником Дамдинсурэном (Прага, 2016) был детально проанализирован ряд аспектов жизни и деятельности даурского политика [Zikmundova, 2018]. В своей последующей дипломной работе «Дагурские сказания Маньчжурии» (2022) К. Зикмундова исследует в основном шаманские сказания дауров, проводит классификацию и описание малоизвестных шаманских текстов. Работа содержит также краткую характеристику дауров и раздел «Исторический контекст», где освещены вопросы пребывания дауров в Приамурье и Маньчжурии в XVII–XVIII в. [Ibid.: 13–16]. Автор подчеркивает, что многолетнее этнокультурное взаимодействие с другими этносами (маньчжурами, эвенками-солонями, эвенками-орочонами, китайцами,

монголами) находит отражение в даурском языке и духовной культуре. В то же время шаманизм у хайларских дауров продолжает играть главенствующую роль, несмотря на влияние тибетского буддизма [Ibid.: 16].

Подводя некоторые итоги нашего обращения к историографии, можно констатировать, что в российской и зарубежной исторической науке существует определенное количество научной литературы, дающей представление о различных аспектах новейшей истории дауров. Исследования о даурах занимают особую нишу в национальной историографии Китая. Несмотря на это, для полного раскрытия вопросов изучаемой проблематики существующего массива научной литературы недостаточно. Продолжают оставаться неизвестными многие факты даурской истории, связанные с ролью личностей; есть и значительные пробелы в изучении многих ключевых моментов социально-политической истории дауров, что требует углубления исследований вкупе с анализом архивных источников.

1.2. Источниковедческая база исследования

Вопросы социально-политической истории даурского народа в XX в. тесно связаны с новейшей историей Хулун-Буира, в целом таких регионов Китая, как Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян, Синьцзян, историей национально-освободительного движения монголов, политикой Российской империи и ее преемника СССР, влиянием Японии на северо-восточный Китай и созданием Маньчжоу-Го. Соответственно, данные, имеющие отношение к новейшей истории дауров, хранятся в опубликованных и неопубликованных документах из фондов китайских, российских, монгольских, японских архивов; в работах военных специалистов, дипломатов, исследователей-путешественников, специалистов других направлений (например топографов). Поэтому мы попытались систематизировать обнаруженные нами источники из архивов городов Москва, Улан-Батор, Улан-Удэ, Иркутск, а также ранее опубликованные материалы, относящиеся к категории источников. Следует заметить, что многие архивные источники, в том числе

на классической монгольской письменности, впервые вводятся в научный оборот. Многие из них имеют гриф «Секретно», «Совершенно секретно», и доступ к ним был открыт лишь с 90-х гг. XX в. В то же время малоизвестными остаются и работы российских военных специалистов начала XX в., которые и по сей день остаются содержательными и весьма актуальными.

Неопубликованные исторические источники

К неопубликованным историческим источникам на русском языке относятся документы, имеющие как прямое отношение к истории дауров, так и монгольского мира, северо-востока Китая, которые хранятся в фондах российских архивов.

Во-первых, это Архив внешней политики Российской империи. Материалы, имеющие отношение к новейшей истории дауров и в целом к истории Хулун-Буира и сопредельных территорий, есть в фондах 143 «Китайский стол», 1644–1917, опись 491; 188 «Миссия в Пекине», 1689–1924, опись 761; 299 под названием «Вице-консульство в Хайларе» (Китай), 1913–1920 гг., 4 ед. хр., опись 573; 304 «Консульство в Цицикаре» (Китай) 1901–1920 гг., опись 756; 202 «Вице-консульство в Айгуне», 1908–1920 гг., 17 ед. хр., опись 882. По данным А. А. Сизовой, в начале XX в. российские императорские консульства, расположенные за пределами Великой Китайской стены, обладали широкими полномочиями и глубоко вовлекались в решение вопросов военно-стратегического характера [2011: 103].

Одним из основных фондов АВПРИ является фонд 143 «Китайский стол». В нем сосредоточены документальные материалы по Китаю, Монголии, Маньчжурии, Японии, Сиаму (совр. Таиланд). Материалы систематизированы по тематическому признаку и нарядам. В состав нарядов входят: всеподданейшие доклады (1883–1917 гг.), депеши посланника в Пекине (1891–1917 гг.), консульские донесения из Харбина (1907–1917 гг.), Мукдена (1901–1917 гг.), Цицикара (1902–1917 гг.), Гирина (1900–1917 гг.), Куанченцзы (1907–1917 гг.), Айгуна (1907–1914 гг.), Янцычана (1914–1917 гг.), Хайлара (1909–1917 гг.), Тяньцзиня (1875–1917 гг.), Ханькоу

(1883–1917 гг.), Кантона (1912–1917 гг.), Гонконга (1859–1917 гг.), Фучжоу (1883–1911 гг.), Урумчи (1895–1917 гг.), Кульджи (1885–1917 гг.), Кашгара (1886–1917 гг.), Чугучака (1857–1917 гг.), Урги (1874–1917 гг.), Улясутая (1904–1917 гг.), Кобдо (1911–1917 гг.), Шарасумэ (1910–1917 гг.); межведомственные совещания по монгольским делам (1912–1917 гг.), копии договоров и соглашений, заключенных царским правительством с Китаем по вопросам границ, торговли, концессий почты, телеграфа и т. п., между Китаем, Англией, США, Японией, Кореей. Кроме того, имеются следующие категории дел: императорская миссия в Пекине (1866–1917 гг.), Российская духовная миссия и церковные дела (1861–1917 гг.), Внутренняя Монголия (1902–1916 гг.), Барга (1913–1914 гг.), «боксерское восстание» и связанные с ним дела (1899–1912 гг.), реформы в Китае (1898–1916 гг.), революция в Китае (1904–1915 гг.), республика в Китае (1912–1916 гг.), займы Китая до революции (1892–1916 гг.), Китайская Восточная железная дорога (1898–1917 гг.), хунхузы (1894–1915 гг.), горная промышленность в Маньчжурии (1884–1917 гг.), плавание по Амуру, Сунгари, Уссури (1858–1917 гг.), зерновое дело в Маньчжурии (1904–1917 гг.), русское железнодорожное строительство в Северной Маньчжурии (1895–1915 гг.), Маньчжурия, отдельные дела (1879–1917 гг.), Россия и Япония в Маньчжурии (1905–1917 гг.), русско-китайская граница (1886–1917 гг.), военные конвои и военные отряды (1861–1917 гг.) и др.

Материалы по истории российско-китайских отношений, истории Китая, Монголии, Маньчжурии также хранятся в фонде 188 «Миссия в Пекине». Из них можно выделить следующие документы: донесения Российского консульства в Цицикаре о просвещении монголов, создании нового буферного государства в виде самостоятельной Восточной Монголии под покровительством Японии, поднятии восстания в Монголии с целью ее объединения; черновик письма в Российское генконсульство в Харбине о революционном движении монгольского населения в Хайларе (Барга); переписка между Российскими консульствами в Харбине, Цицикаре,

начальником Заамурского округа, управлением КВЖД и МИД России о провозглашении независимости Барги и позиции, которой придерживалась в данном вопросе Россия; переписка с Российскими консульствами в Хайларе, Цицикаре, Харбине и МИД России о заключении соглашения между Китаем и Россией о Барге и мерах, предпринятых Россией для обеспечения выполнения условий этого соглашения; черновик письма в Российское генконсульство в Харбине, перевод отношения Министерства внутренних дел Монголии правителю Хулун-Буира и прочие документы о провозглашении независимости Барги и ее административном устройстве; препроводительные письма российского вице-консула в Хайларе с копиями договоров и соглашений между русскими и баргутскими властями в период независимости Барги от Китая; переписка с Российскими консульствами в Харбине, Цицикаре, Хайларе и МИД России об отношении России к борьбе за автономию в Барге, о переговорах по этому вопросу между русскими и китайскими властями, проекте русско-китайского соглашения о Барге и защите прав русских промышленников в Барге и др.

В фонде 299 под названием «Вице-консульство в Хайларе» (Китай) хранятся материалы по теме нашего исследования, в числе которых имеются дела, озаглавленные как «Донесение из Хайлара первого секретаря и вице-консула»; «Телеграммы Граве» (1917 г.); «Секретные телеграммы вице-консула» (1917 г.); «Баргинские дела» (1917–1920 гг.); «Письмо начальника штаба Иркутского военного округа» (1913 г.); «Телеграмма китайских чиновников» (1906 г.); «Революционное движение в Барге» (1911, 1912, 1914 гг.); «Переписка с МИД России, посольством в Пекине и консульством в Китае, Барге, обществом КВЖД» (1912–1914 гг.); «Переписка о волнениях монголов во Внутренней Монголии» (харачинцы; 1913, 1916, 1917, 1919 гг.).

Фонд 304 «Консульство в Цицикаре» (Китай) хранит дела с 1901 по 1920 г., посвященные переписке консульства с другими консульствами и МИД России; по линии КВЖД; с китайскими властями; судебным и земельным

делам; характеристикам на дипломатических сотрудников; отчетным ведомостям консульства. Среди них можно выделить ряд следующих документов: аренда земель Хайлар (1902 г.), дело об осмотре скота, проходящего вблизи линии КВЖД (1903 г.), оз. Далай-нор, рыбные и соляные промыслы (1905 г.), о преподавании русского языка в Хэйшуйтинской гимназии (1906 г.), русская школа в Цицикаре (1907 г.), Хайлар (1907 г.), русские и китайские войска в Хэйлунцзянской провинции (1907 г.), о плавании русских судов по Нонни (1909 г.), консульский агент в Хайларе (1913 г.), вице-консул Усатый (1913 г.), хунхузы в Хэйлунцзянской провинции (1913 г.), появление китайского отряда в пределах Барги (1916 г.) и др.

Дела и события, имевшие место на приамурском участке российско-цинской границы, нашли отражение в фонде 202 «Вице-консульство в Айгуне». В нем хранится 17 дел, из которых можно отметить следующие: переписку Российского консульства в Айгуне с Российской миссией в Пекине, Российским консульством в Харбине, пограничным комиссаром Амурской области и другими, о спиртных напитках, правилах торговли, об определении границ округа консульства в Айгуне (1911–1916 гг.); переписку Российского вице-консульства в Айгуне с политическим отделом МИД, 1-м Департаментом МИД, российскими: миссией в Пекине, консульством в Цицикаре, Харбине, с военным губернатором Амурской области и другими, по разным вопросам: о золотодобывающих концессиях в Маньчжурии, разработке рудников, запрещении продажи судов иностранцам на реках Дальнего Востока, паспортах и т. д. (1916 г.); печатный материал «Временные правила для действия китайских таможен на станциях Маньчжурия и Пограничная» (1908 г.). Таким образом, материалы нескольких фондов АВПРИ содержат различные сведения по новейшей истории дауров, а также обширные данные по общественно-политической обстановке в Хулун-Буири, Маньчжурии, Внешней и Внутренней Монголии и ряде других сопредельных территорий.

В фонде АВПРИ 143 «Китайский стол» к истории Хулун-Буири имеет отношение донесение вице-консула в Хайларе в Пекин от 15 февраля 1914 г.

В нем сообщалось о реакции монгольских чиновников на вопрос о присоединении Хулун-Буира к Внешней Монголии [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 299. Л. 2]. К истории хозяйственного освоения русскими подданными природных ресурсов Хулун-Буира относятся документы на порубку леса по рекам Имин, Ойна и Ядар, заключенные русским подданным Лабунским с баргинскими властями [Там же. Л. 10–12]; условия аренды оз. Далай-нор русскими рыбопромышленниками [Там же. Л. 20–41]; аренда жилых помещений в Хайларе [Там же. Л. 42–46]. Ценным, на наш взгляд, документом в фонде 143 является рукопись докладной записки некоего подполковника Заамурского округа пограничной стражи Байдака (имя и отчество не указаны – *авт.*), в котором сообщается, что изгнание баргинцами китайцев из Хайлара зимой 1911–1912 гг. совершилось во многом благодаря его личным действиям [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 52 об. – 70 об.]. В целом данная рукопись содержит ранее неизвестные фрагменты начала баргинского восстания 1912 г., связанные в том числе и взаимодействием подполковника Байдака с даурскими чиновниками – амбаном Шэнфу, Ломбоном Чиндэ (очевидно, речь идет о Цэндэ-гуне. Титул «гун» он получил позже, после ухода во Внешнюю Монголию, на службу к Богдо-гэгэну – *авт.*).

В фонде 188 «Миссия в Пекине» имеются материалы о ликвидации автономии Хулун-Буира, в частности, донесение вице-консула в Хайларе от 13 января 1920 г. о выезде представителей хулун-буирской администрации в Мукден для предварительных переговоров с Чжан Цзолинем [Там же. Ф. 188. Оп. 761. Д. 401. Л. 4] и далее в Пекин для заявления Китайскому Центральному правительству [Там же. Л. 5]. Приводится также документ под названием «Правительственный вестник» / Чжэнь-фу гун-бао / от 29 января 1920 г., где говорится об отмене автономии Хулун-Буира [Там же. Л. 6–7]. Другим документом является Декрет президента Китайской Республики от 5 февраля 1920 г. о назначении двух китайских чиновников и некоторых представителей прежней хулун-буирской администрации на должности в Хулун-Буире [Там же. Л. 18–19].

Далее в хронологической последовательности рассматривается исходящая и входящая документация Вице-консульства в Хайларе, в основном состоящая из донесений вице-консула в Хайларе и хранящаяся в делах 3 и 7.

В фонде 299 «Вице-консульство в Хайларе» хранится секретная телеграмма чиновника по дипломатической части в г. Иркутске на имя вице-консула в Хайларе от 1 августа 1917 г. [Там же. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 2]. В ней кратко сообщается о желании комиссара Всероссийского Центрального комитета по формированию добровольческих дружин, есаула Семенова завербовать в свои отряды харачинцев. В другом документе под названием «Копия секретной телеграммы Российского консула в Цицикаре на имя Российской миссии от 12 августа 1917 г. за № 467» [Там же. Л. 3.], посвященном столкновениям китайских милитаристов в районе Цицикара, имеется упоминание, что вопрос о харчинах откладывается на неопределенное время. О переговорах консула в Цицикаре с губернатором (провинции Хэйлуцзян – *авт.*) по вопросу скорейшего окончания хорчинского вопроса говорится в копии телеграммы консула в Цицикаре на имя Российской миссии в Пекине за № 556 от 23 августа 1917 г. [Там же. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 8]. Из текста телеграммы можно понять, что речь идет о харчинах, занявших Хайлар в 1917 г. В верхней части телеграммы указано, что она была переправлена 26 августа 1917 г. № 306 российскому вице-консулу в Хайларе. В документе от 27 сентября 1917 г. № 197, отправленном из Пекина посланником (слово «императорским» зачеркнуто – *авт.*) в Китае вице-консулу в Хайларе рассматривается вопрос о кандидатах на пост фудутуна Хулун-Буира. Выясняется, что посланник в Китае высказывался за признание фудутуном Хулун-Буира гун-амбаня Аня вместе Шэнфу. Там же со ссылкой на телеграмму Генерального консула в Урге А. А. Орлова упоминается, что в Хайлар отправился из Урги министр иностранных дел Цэндэ для выставления кандидатуры Манлай-вана (Дамдинсурэн – *авт.*) [Там же. Л. 19–21]. Примечательно, что в деле указаны три даурских деятеля Шэнфу, Цэндэ и Ань,

сыгравшие немаловажную роль в истории Хулун-Буира. В последующем письме от 11 октября 1917 г. за № 215 посланник в Китае дает указание вице-консулу в Хайларе ничего не предпринимать в вопросе восстановления Шэнфу в должности фудутуна Хулун-Буира, подчеркивая, что необходимо выяснить отношение к нему ново-баргут (новых баргутов – *авт.*) [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 29]. О назначении Шэнфу фудутуном Хулун-Буира сообщается в записке российского вице-консула в Хайларе. Она написана пером, неразборчивым почерком, где все же можно разобрать, что «Шэнфу получил из... министерства в Пекине через цичикарского губернатора телеграмму о восстановлении его в должности фудутуна» [Там же. Л. 30]. На записке карандашом проставлена дата: 16 октября 1917 г. Очевидно, в ответной секретной телеграмме посланник в Китае дает указание вице-консулу в Хайларе, что необходимо напомнить Шэнфу, что харчины и японцы удалились из Хулун-Буира благодаря действиям России. Там же говорится о создании милиции в регионе и приглашении для этой цели русского офицера [Там же. Л. 34].

Документом, имеющим отношение к истории Хулун-Буира 1917 г., является донесение войскового старшины Васильева вице-консулу в Хайларе о боях российских военных с харчинским отрядом 20 и 22 сентября 1917 г. в районе р. Халха-гол и захвате у харчинов большой партии скота [Там же. Л. 22]. Из него можно понять, что район р. Халха-гол (другое название Халхин-гол – *авт.*) был местом вооруженного противостояния задолго до известного конфликта 1939 г.

В документе, означенном как «перевод с монгольского», написано, что 21 октября 1917 г. хулун-буирский фудутун Шэнфу и российский вице-консул в Хайларе Усатый заключили соглашение об обучении монгольских солдат русским офицером, с которым заключался 3-летний контракт и выплачивалось ежемесячное жалованье [Там же. Л. 128].

20 декабря 1917 г. вице-консул в Хайларе сообщал о переходе из г. Маньчжурия в Хайлар китайского отряда из 150 чел. и занятии ими частных

домов в Старом Хайларе для расквартирования и попытках вице-консула договориться с командиром отряда Цзян Куй-у о предоставлении освобождающихся казарм 547-й Симбирской дружины [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 84]. В донесении за № 489 от 29 декабря 1917 г. отмечен переход китайского войска из Старого Хайлара в военные казармы, предоставленные российскими военными. Также упоминается о тяжелом финансовом положении администрации Хулун-Буира, не позволяющее содержать нужное количество своих войск [Там же. Л. 81].

Попытки китайских войск мирным путем вернуться в Старый Хайлар и недовольство монголов их действиями нашли отражение в донесении вице-консула в Хайларе от 16 января 1918 г. за № 15 [Там же. Л. 82]. В другом донесении говорится о присылке китайцами из Цицикара в Хайлар 4 пулеметов и пулеметной команды из 50 чел. [Там же. Л. 83]. 12 февраля 1918 г. в донесении за № 44 вице-консул сообщал, что военное министерство Китая уведомило фудутуна о предстоящем прибытии в Хулун-Буир 12 китайских топографов, которые будут изучать границу между Халхой и Баргой [Там же. Л. 85]. Летом 1918 г. в Хулун-Буир прибыли топографы, на этот раз японские, для исследования лесных богатств региона, о чем вице-консул писал в донесении от 14/27 июля 1918 г. за № 103 [Там же. Л. 91]. Перестановки в администрации Хулун-Буира, в основном связанные с замещением должностей даурами, имеют место в донесении вице-консула в Хайларе от 5/18 октября 1918 г. за № 111 [Там же. Л. 76]. Вопрос о представителе Хулун-Буира в китайском парламенте затронут в следующем документе от 6/19 октября 1918 г. за № 113. В качестве командированного в Пекин представителя указан Линшэн [Там же. Л. 79]. О необходимости поддержки Вице-консульством в Хайларе усиления старо-баргутского влияния в делах управления Хулун-Буира указывается в донесении от 3/16 ноября 1918 г. за № 120. Вице-консул считает нужным создать противовес влиянию дауров, находящихся под сильным давлением китайцев [Там же. Л. 98–101].

29 января 1919 г. в донесении за № 127 вице-консул в Хайларе отмечал, что цичкарский губернатор сделал представление в Пекине о необходимости вернуть прежний порядок управления Баргой в виду беспорядков на границе с Россией [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 92]. 31 января 1919 г. вице-консул докладывал об организации японскими военными экспедиции из Хайлара в район р. Аргуни для пешего прохождения от Старого Цурухайтуя до Сретенска. Целью японцев были осмотр приисков Верхне-Амурской компании, имеющихся там русских предприятий и проверка одежды и снаряжения на предмет их соответствия климатическим условиям. В качестве проводников были взяты монголы из Хайлара [Там же. Л. 80]. О стремлении хулун-буирского фудутуна ввести налоговые пошлины на китайские и иностранные товары, провозимые русскими торговцами, сообщалось в донесении вице-консула в Хайларе от 25 февраля 1919 г. за № 338. К нему приложен перевод сообщения фудутуна [Там же. Л. 74–75].

В донесении вице-консула в Хайларе от 3 марта 1919 г. за № 16 отчетливо проводится мысль, что баргинцы, как и Внешняя Монголия, приходят к выводу: объединение монгольских племен под протекторатом Японии создает для них защиту от порабощения китайцами. Там же упоминается о поездке Лин Шэна (Линшэн – *авт.*) и Дандин-Цэрэна (Дамдинсурэн – *авт.*) в Читу для участия в монголо-бурятском съезде [Там же. Л. 73]. 4 марта 1919 г. за № 20 вице-консул докладывал о возможности занятия Хулун-Буира частями 29-й мукденской дивизии, а также о прибытии в Хайлар с проверкой Цзи Сяна, начальника знаменного отделения управления губернатора, маньчжура по национальности, «весьма сочувственно относящегося баргинцам и их автономии» [Там же. Л. 71]. Спорный вопрос о жаловании русского инструктора в Хайларе, есаула Шароглазова, отмечен в донесении вице-консула в Хайларе от 17 марта 1919 г. за № 33 [Там же. Л. 68].

Краткие характеристики на руководителей «Даурского правительства» – Нейсе-гегена, Нуримпила и Фушангу даны вице-консулом в Хайларе в донесении в Российскую миссию в Пекине от 28 марта 1919 г. за № 41. В

заклучение донесения вице-консул неожиданно делает приписку следующего содержания: «Чэндэ-гун не решается ехать в Даурию, так как китайцы установили за ним наблюдение» [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 69]. Очевидно, к тому времени в Хайларе уже находились китайские войска. На наш взгляд, здесь кроется причина недостаточно активного участия деятелей Хулун-Буира в работе «Даурского правительства». О мерах, предпринимаемых Внешней Монголией и Хулун-Буиром по вопросу о вероятности продвижения харачинов Нейсе-гэгэна, сообщалось в донесении вице-консула от 18 мая 1919 г. за № 90 [Там же. Л. 94].

В копии донесения вице-консула в Хайларе в Российскую миссию в Пекине от 25 июля 1919 г. за № 137 говорилось о предстоящем съезде представителей всех хошунов Внешней Монголии для решения вопроса об отношении к общемонгольскому движению. Местом проведения съезда указана Урга, время – около 10 августа, во время праздника Данышукъ. Вице-консул в Хайларе отмечал, что в Ургу специально для агитации в пользу присоединения Внешней Монголии к этому движению выезжает Чендэ-гун (Цэндэ-гун – *авт.*) [Там же. Л. 66]. Из него можно сделать предварительный вывод об активной поддержке Цэндэ-гуном замыслов атамана Семенова по созданию «Великой Монголии». В своем другом донесении от 1 декабря 1919 г. за № 162 вице-консул в Хайларе сообщает о появлении в среде баргинских чиновников двух партий: 1) настаивающей на установлении более тесной связи с Китаем; 2) выступающей за сохранение статус-кво. В нем также отмечен выезд 30 ноября 1919 г. Цэндэ-гуна к Чжан Цзолину для переговоров. Вице-консул в Хайларе указывает, что в последнее время деятельность Цэндэ-гуна принимает все более китаефильский характер [Там же. Л. 67]. Здесь, очевидно, речь идет о разделении взглядов даурской правящей элиты и баргутских чиновников в вопросе о статусе Хулун-Буира.

В донесении генерального консула в Мукдене С. Колоколова от 15 декабря 1919 г. за № 554 на имя чрезвычайного посланника и полномочного министра в Китае, где речь идет о прибытии представителей Внешней

Монголии к Чжан Цзолиню, упоминаются также имена Цэндэ гуна и Шэнфу в связи с отречением Внешней Монголии от ее автономии [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Л. 249–250]. В последующем донесении вышеуказанного консула от 18 декабря 1919 г. за № 561 говорилось о получении телеграфного сообщения хэйлунцзянского дучзуня Сунь Лэ-чэнь об отказе хулун-буирского гуаня Шэнфу от автономной власти [Там же. Л. 261].

В деле 3 фонда «Вице-консульство в Хайларе» АВПРИ также хранится перевод с монгольского языка письма «Даурского правительства» Парижской мирной конференции. В тексте, где указывается необходимость образования единого Монгольского государства, есть фрагмент о том, что монголы на открытом съезде учредили Временное правительство Монголии во входящем в нее Хулун-Буире [Там же. Л. 110–113]. Графа, где должны стоять имена делегированных на конференцию деятелей, стоит пустой, из чего можно заключить, что документ является проектом письма.

В деле 7 из фонда «Консульство в Хайларе» (оп. 573. Год 1914–15. На 120 л.) представлена секретная переписка российских дипломатов, работавших в Китае. Она содержит следующие сведения: состав Хайларского гарнизона от января 1914 г. и деление русской части Хайлара на специальные районы [Там же. Л. 1], приезд японского майора Танака в феврале 1914 г. [Там же. Л. 5], приказ по Хайларскому гарнизону об охране железной дороги от апреля 1915 г. [Там же. Л. 20–21], вопрос о поддельных российских кредитных билетах [Там же. Л. 47], сведения о баргуто-харчинском конфликте в Хулун-Буире, где упоминаются и дауры [Там же. Л. 52–66], отчет первого секретаря миссии в Пекине В. В. Гравве о командировке в Хайлар (июнь-август 1917 г.) [Там же. Л. 67–119].

В фонде 304 «Консульство в Цицикаре» хранится дело 65. В документе за № 760 от июня 1902 г. российский подполковник (подпись неразборчива – *авт.*) сообщал исполняющему должность чиновника Министерства иностранных дел в г. Цицикар об амбане Хайлара И-синг-а, который отличался недоброжелательным отношением к русским [АВПРИ. Ф. 304.

Оп. 756. Д. 65. Л. 1]. В деле имеются сведения чиновника МИД Н. Богоявленского о жалобах китайского фудутуна Хайлара (июнь 1902 г.) [Там же. Л. 2–3], разрушении в Хайларе памятника над братской могилой российских воинов, павших в 1900 г., и самовольном захвате китайцами четырех интендантских складов и гарнизонной церкви после вывода российских войск (март 1907 г.) [Там же. Л. 50].

Материалы, в той или иной мере имеющие отношение к новейшей истории дауров, хранятся также в следующих фондах и делах в АВПРИ: аренда земель в Хайларе (1902 г.) [Там же. Д. 7], дело об осмотре скота, проходящего вблизи линии КВЖД [Там же. Д. 19], обзор колонизации Хэйлунцзянской провинции [Там же. Д. 109], хунхузы в Хэйлунцзянской провинции [Там же. Д. 223]; из фонда 188 «Миссия в Пекине» – донесения Российского консульства в Цицикаре о просвещении монголов [Там же. Д. 324], черновик письма в Российское генконсульство в Харбине о революционном движении монгольского населения в Хайларе (Барга) [Там же. Д. 383], переписка между Российскими консульствами в Харбине, Цицикаре, начальником Заамурского округа, управлением КВЖД и МИД России о провозглашении независимости Барги и о позиции, которой придерживалась в данном вопросе Россия [Там же. Д. 384] и др.

Второй архив, где хранятся материалы по даурским деятелям и НРПВМ, и в незначительной степени по истории дауров и в целом Внутренней Монголии, это Российский государственный архив социально-политической истории. Некоторые сведения, имеющие отношение к даурским деятелям, истории дауров и в целом к истории северо-востока Китая, содержатся в фонде 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». В работе использованы документы из разных дел и описей этого фонда. Документ «Воззвание ЦИКа Китайской Советской Республики и Реввоенсовета Китайской Красной Армии. О Северном походе Рабоче-Крестьянской Красной Армии против Японии» (Чжунгобао, № 6 от 15 июня 1934 г.) представляет собой черновой вариант, в тексте сделаны правки. Документ должен был быть подписан

председателем Центрального Китайского правительства Мао Цзэдуном, заместителем председателя Сянь Ином и членами Реввоенсовета Китайской рабоче-крестьянской Красной армии. Речь в нем идет о борьбе против японских захватчиков, предательской позиции Гоминьдана, непризнании Маньчжоу-Го Центральным Китайским правительством и организации помощи Маньчжурской волонтерской армии [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 3. Д. 1. Л. 349–353]. Другим ценным документом является рукопись письма Бай Юньти и Фуминтая под названием «ЦК НРПВМ. Калган. Тов. Войтинскому. 17/VII.26 г.». В нем сообщались следующие сведения: текущая обстановка во Внутренней Монголии, об организации монгольской военной школы в г. Баотоу во главе с Фуминтаем, монгольской армии, вопросы снабжения оружием, создание партийных ячеек в монгольских хошунах, об арестах членов партии и конфискации их имущества; просьба о помощи летним обмундированием студентам из Внутренней Монголии, обучающимся в КУТВ [Там же. Д. 4. Л. 1–2]. В донесении сотрудника Коминтерна А. Оширова в Восточный отдел ИККИ от 18.07.1926 г. рассматривалась возможность отправки курсантов в КУТВ из Внутренней Монголии. Там же указывалось о согласовании с Буробкомом ВКП в Верхнеудинске вопроса о командировании курсантов из Внутренней Монголии в национальную кавалерийскую и партийную школы [Там же. Л. 93]. Вопрос о предоставлении мест для курсантов из Внутренней Монголии в КУТВ поднимался и в донесении Фуминтая от 4 октября 1926 г., посвященном отчету по ежемесячным финансовым тратам ЦК НРПВМ [Там же. Л. 72].

К другим материалам РГАСПИ, где есть упоминания о даурских деятелях, относятся следующие: «О положении во Внутренней Монголии» от 18/VIII 1926 г. [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 4. Л. 26], разрозненные сведения о деятельности Фуминтая в Чахарии и Ордосе [Там же. Л. 30], о составе ЦК НРПВМ и изменениях в деятельности партии с переходом в Ургу [Там же. Л. 56, 116, 120, 128], раздел «отряды территориальной самообороны» [Там же. Л. 136–137], «Материал о Внутренней Монголии» от 13/VIII.1928 г.

(на кит. яз.) [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 15. Л. 1-10], о связи Хулун-Буирского айкома с ЦК НРПВМ [Там же. Л. 16-17], «Наблюдения и беседы делегации Коминтерна в Урге» (октябрь-декабрь 1928 г.) [Там же. Д. 14. Л. 36–59, 78, 83–84, 94–104, 113–120, 140–150] и др.

Третьим архивом, где хранятся следственные дела Мэрсэ и Фуминтая, является Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Поскольку речь идет о двух центральных фигурах, возглавлявших не только даурскую революционную молодежь, но и революционное движение во всей Внутренней Монголии в 20–30-е гг. XX в., необходимо более подробно остановиться на структурных особенностях их дел. Так, уголовное дело Р-34587 по обвинению Мэрсэ (он же Го Даофу) по 58 /6 и 58 / 4 статьям УК начато ОГПУ 5 апреля 1933 г. на 160 листах. Оно начинается с протоколов допросов, проведенных с июня по декабрь 1932 г.; и на каждой странице стоит подпись Мэрсэ в двух вариантах: на классической монгольской письменности и русском языке. Допросы проводились в г. Хабаровск 1-м отделом ОГПУ ДВК (Дальневосточного края). К делу также приобщены справки под названиями «Япония и Внутренняя Монголия», «Япония и Внешняя Монголия», «Япония и Баргинские события 1928 года», подготовленные Мэрсэ во время заключения. Завершают следственное дело выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от 27 марта 1934 г., где вынесено постановление: Мэрсэ (он же Го Даофу) приговорить к расстрелу с заменой заключением в исправтрудлагерь сроком на 10 лет, считая срок с 15/XII-31 г.; заключение в отношении Мэрсэ от 19 мая 1939 г. [ЦА ФСБ. Д. Р-34587]. Следует отметить, что в деле Мэрсэ не так много сведений по истории собственно даурского народа; больше данных в целом о Внутренней и Внешней Монголии, НРПВМ, влиянии Японии на монгольские регионы.

Следственное дело Фуминтая хранится в ЦА ФСБ под № Р-39318. В деле Фуминтая представлены следующие документы (в порядке очередности): ордер на арест обвиняемого Аула Самдин (здесь необходимо заметить, что он проходит в деле под этим именем. Указываются и его другие имена –

Фуминтай, Буянгэрэл – *авт.*), протокол обыска, квитанции № 6322, 5235, анкета арестованного, справка о непринадлежности к иностранным подданным, протокол допроса о непринадлежности к иностранным подданным, постановление о предъявлении обвинения, протокол допроса, показания Самдина с октября по декабрь 1937 г., протокол об окончании следствия, обвинительное заключение и решение. Всего в деле 135 листов, первоначально их было меньше – сначала 84, затем 92 листа. Увеличение количества листов связано с поздними добавлениями документов по делу (в их числе протест от 27.12.89 г. по делу Аула Самдина Б. Ф.; постановление № 376-90 Пленума Верховного суда СССР от 29 марта 1990 г. об отмене приговора и прекращении дела за отсутствием состава преступления). В деле Фуминтая представлены сведения о захвате отрядом харчинов Хайлара в 1917 г., о взаимоотношениях с бурятскими деятелями Э.-Д. Ринчино и Ц.-Е. Цыдыповым, деятельности НРПВМ, о внутрипартийной борьбе, командировках во Внутреннюю Монголию по линии Коминтерна, пребывании в 1932–1937 гг. в СССР [Там же. Д. Р-39318]. Особенностью дела является то, что в нем ощущается некое довольно сильное давление на Фуминтая извне, когда он оговаривает себя, своих знакомых как лиц, ранее сотрудничавших и ныне продолжающих взаимодействие с японцами. Поэтому много места в этом сфабрикованном деле уделено японскому влиянию, выискиванию контактов Фуминтая с японцами и лицами, находящимся под японским влиянием.

Четвертым архивом, где содержатся некоторые материалы по теме исследования, является Государственный архив Иркутской области. Дела хранятся в фондах 29 под названием «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора Министерства внутренних дел, г. Хабаровск Амурской области. 1884–1917 гг.», 293 «Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. г. Иркутск Иркутской губернии. 1851–1920 гг.». Среди них выделяется дело, имеющее отношение к истории взаимоотношений Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1912–1914 гг. и деятельности амбана Шэнфу,

хранящееся в фонде 293. Оно называется «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира» и представляет собой неполную рукопись анонимного автора, написанную на 6 листах писчей бумаги формата А4. В ней кратко, но емко обрисована неопределенная ситуация, сложившаяся в связи с присоединением Хулун-Буира к Внешней Монголии; приведены сведения о поездках баргинских делегаций в Ургу, встрече их с российским консулом В. Ф. Люба, разочаровании амбана Шэнфу и недовольства части хулун-буирского чиновничества [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821]. Из других дел фонда 293 следует отметить рукописи «Поездка Маевского в Нингуту» (извлечение из официального отчета) [Там же. Д. 558], «О следовании торгового каравана братьев Бутиных» [Там же. Д. 564], «Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание границы Нерчинского округа» [Там же. Д. 565], рукопись статьи горного инженера И. Боголюбского «Очерк народностей, известных в Амурском крае и по берегам Восточного океана со времени пришествия русских» [Там же. Д. 618]. Отдаленное отношение к изучаемой нами проблематике имеют дела фонда 29, которые хранятся под следующими названиями: «О происшествиях в Приамурском крае» [Там же. Д. 271], «Об удалении иностранцев из пределов России на основании закона 26 мая 1903 года» [Там же. Д. 445], «О воинской повинности в Приамурском крае» [Там же. Д. 153], «О порядке разрешения иностранцам заниматься горным промыслом в Приамурском крае» [Там же. Д. 424], «О вознаграждении за убытки, причиненные в 1900 году Боксерским движением» [Там же. Д. 427], «О судоходстве по реке Аргуни» [Там же. Д. 432], «О вооружении населения Приамурского края и вольных дружин» [Там же. Д. 449], «О пожаловании населению – Приморской, Амурской и Забайкальской областей высочайших грамот за труды и защиту Родины во время китайских беспорядков в 1900–1901 годов» [Там же. Д. 323] и др.

Материалы, имеющие отношение к новейшей истории дауров, хранятся также в архивном управлении ФСБ по Республике Бурятия. Так, в АУФСБ по РБ есть дело 7536 «По обвинению Сампилона Д. С., Цыдыпова Ц.-Е. и других

по ст. 58-4-13 УК». Следует заметить, что это дело ранее уже было детально изучено и проанализировано академиком РАН, директором ИМБТ СО РАН Б. В. Базаровым и на его основе подготовлена монография [2002]. Особое внимание при рассмотрении этого дела уделено малоизвестным деталям, включая начало и заключительную часть дела (биографические данные Ц.-Е. Цыдыпова, сведения о его родных; событиях и встречах, произошедших после баргинского восстания 1928 г.; транспорте Восточной Монголии и др.) [Д. 7536. Л. 148–219].

В Центре восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) ИМБТ СО РАН хранится работа на классической монгольской письменности, по всей видимости, написанная Мэрсэ. Она находится в монгольском фонде, дело М I. № 523 на 16 листах, напечатанных типографским способом. Надпись на обложке издания, вернее на флаге, который держит всадник, плохо читаема. Можно разобрать лишь следующие слова: «...olan arad-dur...bičig» (письмо ...народным массам...). В начале текста написано: «Dotoγatu Mongγol-un arad-un qubisqaltu nam-un töb qoriyan-u terigülegči gešigün böged Külün Buyir-un Merse-ber Külün Buyir-un arad olan-dur nidaγan sanaγulaqu bičig» (Напоминание народным массам Хулун-Буира от Мэрсэ – представителя Хулун-Буира, председателя ЦК Народно-Революционной партии Внутренней Монголии) [М. I. Д. 523. Л. 1]. Исходя из перевода, полагаем, что автором этой работы является Мэрсэ. Год издания неизвестен, но поскольку на 6-м листе упомянут 1925-й год, то можно полагать, что работа написана позже 1925 г. В ней говорится о важном стратегическом значении Хулун-Буира, расположенного на стыке Внешней и Внутренней Монголии, трех восточных провинций Китая и Советской России; историческом прошлом Хулун-Буира, его автономном положении, событиях 1917 и 1920 гг., расширении китайской колонизации и милитаристских группировках и др. [Там же. Л. 1–11]. Другим делом из монгольского фонда ЦВРК, который можно приобщить к нашему исследованию, является работа на классической монгольской письменности «Dotoγatu Mongγol-un jobalang-tu bayidal» (Бедственное положение во

Внутренней Монголии). На обложке написано, что работа издана ЦК НРПВМ 20 декабря 14-года правления Китайской Республики (1926 г. – *авт.*) [ЦВРК ИМБТ СО РАН. М. I. Д. 868].

Материалы о даурах имеются также в архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН. В нем хранятся рукописи Б. И. Панкратова, внесшего большой вклад в изучение культуры (этнографии, фольклора и языка) даурского народа. Его работы представляют собой обширный словарный материал по даурскому языку, включая поговорки, пословицы, загадки, песни, рассказы [Ф. 145. Оп. 1. № 1–17]. Часть этих материалов издана К. С. Яхонтовым в серии «Страны и народы Востока» [1998: 132–149].

Сведения о даурах XVII в. и даурской культуре содержатся в некоторых фондах Амурского областного музея краеведения в г. Благовещенск. В частности, материалы известного дальневосточного историка Г. С. Новикова-Даурского о местоположении даурских городков XVII в., данные по шаманизму дауров, проза анонимного автора на даурскую тематику [Ф. 41. Оп. 2. Д. 117; Ф. 958. Оп. 1. Д. 70].

Неопубликованные исторические источники на монгольском языке

В написании работы использованы материалы, хранящиеся в Национальном историческом архиве Монголии (*монг.* Монгол Улсын Үндэсний Төв Архив; *сокр.* МУУТА). Большинство интересующих нас архивных дел обнаружено в фонде 7, оп. 1 (*монг.* Цуглуулга хөмрөг 7. Данс 1) под названием «Опись постоянного хранения особых источников по МНРП» (*монг.* МАХН-ын тусгай баримт бичгийн байнга хадгалах баримтийн данс). В нем содержится ряд дел, посвященных взаимодействию между МНРП и НРПВМ; мероприятиям, проводимым НРПВМ; вопросу о жителях Барги (Хулун-Буира) и Внутренней Монголии, находившихся в МНР; постановления ЦК МНРП, принятые в отношении НРПВМ и в целом к текущей ситуации во Внутренней Монголии и др. Изучение конкретных документов, в основном написанных на классической монгольской письменности и представляющих собой официальные обращения ЦК НРПВМ к ЦК МНРП по тем или иным

вопросам, различные ведомости, сметы, показывает, что в некоторых из них фигурируют имена даурских революционеров. Помимо подписи секретаря партии Мэрсэ, стоящей на официальных документах ЦК НРПВМ рядом с подписью секретаря партии Сэрэндонрова [Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–7 об.; Д. 15. Л. 5 об. – 6, 23, 80; Д. 80. Л. 5, 8–9], часто встречается имя Буянгэрэла, т. е. Фуминтая (следует заметить, что в Монголии он и сейчас больше известен как Буянгэрэл – *авт.*), активно контактировавшего с ЦК МНРП и в одно время работавшего в качестве исполняющего обязанности представителя ЦК НРПВМ в Монголии, одного из руководителей Временного комитета НРПВМ [Там же. Д. 11. Л. 90 об. – 91, 107; Д. 12. Л. 9; Д. 15. Л. 37; Д. 17. Л. 11, 13, 29 об; 80; Д. 80. Л. 5]. На должности исполняющего обязанности представителя ЦК НРПВМ в Монголии работал и брат Фуминтая – Хуалинтай, также упоминающийся в архивных источниках [Там же. Л. 106, 108, 114; Д. 12. Л. 8]. Из других даурских революционеров встречаются имена Хас-Батора, Бочиро, Эрхимбато [Там же. Л. 107 об., 109, 116–119; Д. 12. Л. 90 об.; Д. 17. Л. 11, 13, 29 об., 30 об., 34 об.; Д. 80. Л. 28], принимавших активное участие в деятельности как НРПВМ, так и Народно-революционной партии Восточного края (НРПВК). Кроме того, в делах имеются сведения о работе партии в южномонгольских хошунах, народной армии Внутренней Монголии, необходимости ее финансирования, направлении южномонгольской и баргинской революционной молодежи на учебу в Улан-Батор и Москву и др. [Там же. Л. 8, 102 об. – 104; Д. 12. Л. 4–6, 9–9 об.; Д. 15. Л. 6–9, 12, 23, 75; Д. 16. Л. 3–4]. Помимо дел фонда 7 нами изучено дело из фонда Т-11, где содержится информация о получении гражданства МНР в 1974 г. лицами даурской национальности [Там же. Оп. 2. Д. 1389. Л. 98–101].

Неопубликованные исторические источники на японском языке

В Дипломатическом архиве Министерства иностранных дел Японии хранятся данные, имеющие отношение к некоторым аспектам истории даурского народа в первой половине XX в., в частности к баргинскому восстанию 1928 г. Так, в фонде 0742 дело 161210 содержатся следующие

материалы: 1) Разные дела, связанные с политической ситуацией в Маньчжурии (22–26 августа 1928 г.); 2) Движение за обретение автономии в Хулун-Буире. Разное отношение к маньчжурской и монгольской политике; 3) Движение за обретение автономии в Хулун-Буире. Разные слухи, связанные с маньчжурской и монгольской политикой; 4) Разные дела, связанные с политической ситуацией в Маньчжурии (27 августа – 7 сентября 1928 г.) [ДА МИДЯ. REEL. No F-0742. 161210. Л. 378–443, 445–459, 476–491, 493–562].

Опубликованные исторические источники

Опубликованные документы можно подразделить на исторические источники на русском, китайском, монгольском языках.

К группе **опубликованных источников на русском языке**, в первую очередь, можно отнести труды российских военных специалистов конца XIX – начала XX в. Они представляют собой материалы к отчетам, отчеты, т. е. сведения, имеющие характерные особенности делопроизводственных документов.

Данные о завоевании даурских земель отрядами В. Пояркова, Е. П. Хабарова содержатся в работе военного специалиста, полковника Назарова, собиравшего материалы для военно-статистического обзора Приамурья и Маньчжурии. Примечательной особенностью труда являются сведения и о других торговых и служилых людях, оказавшихся в то время в Приамурье [Материалы для военно-статистического обзора, 1888].

Заметки о даурских чиновниках Хулун-Буира содержатся в сводках сведений штаба Иркутского военного округа за 1914 г. Так, в первом номере этого документа имеется информация об отправке Богдо-гэгэном из Урги в Хайлар Чжасак-ламы в качестве наместника и негативной реакции хулун-буирских властей во главе с Шэнфу [Сводка сведений, 1914а]. Во втором номере имеются краткие характеристики видных хулун-буирских чиновников, включая даурских лидеров Шэнфу, Гуйфу, Чэндэ, Линшэна [Там же, 1914б].

В целом примечательной особенностью российских источников дореволюционного периода является более объективный, лишенный идеологической цензуры, взгляд на положение дел в Барге.

Общие сведения об историческом развитии северо-восточного Китая имеются в сборниках документов, посвященных КНР, китайской революции и русско-китайским отношениям [Коммунистический Интернационал, 1986; Русско-китайские отношения в XX в., 2000; Русско-китайские отношения в XX в., 2000; Китайская Народная Республика в 1950-е годы, 2009; 2010]. Материалы, имеющие отношение к некоторым аспектам социально-политической истории дауров, в основном связанных с деятельностью Коминтерна в Монголии и сопредельных территориях, содержат сборники документов по российско-монгольским отношениям [Российско-монгольское военное сотрудничество, 2019а, б; Монголия в документах Коминтерна, 2012а, б]. Более подробный материал о представителях даурского чиновничества Хулун-Буира и передовой революционной молодежи в 1922–1936 гг. имеется в опубликованных документах из Центрального архива ФСБ России и архива УФСБ России по Омской области [Монголия в документах, 2019]. В частности, в них имеются следующие сведения: характеристика даурских деятелей Хайлара от 1925 г., обращение Буянгэрэла (Фуминтая) и Эрхимбата в представительство Монголии в г. Москва по вопросу оказания военной помощи в августе 1928 г. и др. [Там же: 80–81, 152].

Некоторые материалы о даурах, ситуации в Барге в первой трети XX в., влиянии Коминтерна содержатся в опубликованных трудах видного деятеля революционно-демократического и национально-освободительного движения бурят Восточной Сибири Э.-Д. Ринчино [Ринчино, 1994; Элбэк-Доржи Ринчино, 1998].

К опубликованным историческим источникам на китайском языке относятся 18 архивных документов по участию дауров в освободительной войне 1945 г., вошедшие во вторую часть «Сборника исторических материалов по истории даурского народа». В основном они представляют собой

материалы (переписку государственных ведомств КНР) по делу о военном мятеже курсантов военной академии во главе с Ван Хайшанем в Гэгэн-сумэ и кавполка под руководством Го Вэньлиня и Чжэнчжурчжаба в районе р. Шэнэхэн в августе 1945 г. и по другим делам. Так, к делу о военном мятеже в Гэгэн-сумэ имеют отношение документы рабочего отдела Единого фронта парткома Внутренней Монголии и организационного отдела, тщательно расследовавших характер и ход событий [Докладная записка, 2015: 569; Запрос инструкций, 2015: 566; Запрос консультации, 2015: 561; Отчет по итогам, 2015: 567; Официальный письменный ответ, 2015а: 571; 2015б: 580; Проект официального..., 2015: 572–575; Протокол совещания, 2015: 576; Уведомление рабочего отдела, 2015: 577–579]. Материалы о мятеже кавполка армии Маньчжоу-Го в районе р. Шэнэхэн в основном касаются письменных и устных показаний Го Вэньлиня [Письменные показания, 2015: 581–592; Дополнения, 2015; Устные показания, 2015: 594–595; Рассказ Го Вэньлиня, 2015: 596–598; Отчет по итогам, 2015: 599–601]. К другим архивным документам относятся материалы, освещающие действия партизанских отрядов на территории даурских районов в начале 1940-х гг. [История сражения, 2015: 558–560; Обстановка, 2015: 557; Ю Тянь, 2015: 549–556].

Опубликованные исторические источники на монгольском языке, затрагивающие тему диссертационного исследования, вышли в свет в г. Улан-Батор в 2014 г. Архивные данные о взаимоотношениях Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1912–1915 гг. изложены в первом и третьем томах работы «Борьба за создание единого государства монголов» [Монголчуудын, 2014а, б]. В них представлены архивные материалы, связанные с делегацией Хулун-Буира в Ургу и последующими вопросами обустройства Хулун-Буира в составе Монголии. Так, своим указом от 11 февраля 1912 г. Богдо-гэгэн оказывал почести делегации из Хулун-Буира. В другом своем указе от 14 августа 1912 г. решал вопрос о порядке и правилах замещения чиновничьих должностей в Хулун-Буире. В документе, датированном 15 августа 1912 г., говорится об удовлетворении Богдо-гэгэном прошения монгольских

чиновников о наказаниях за грабежи и воровство [Монголчуудын, 2014а: 97, 107, 110]. Чиновники Хулун-Буира указывали на участившиеся случаи подобных явлений, которые были связаны с проведением железной дороги. От грабежей и воровства особенно страдали китайцы, монголы и эвенки-орочоны, населявшие юго-восточную гористую часть региона. Эти три архивных документа свидетельствуют о том, что чиновники Хулун-Буира с февраля по август 1912 г. взаимодействовали с правительством Богдо-гэгэна на правах подданных.

Ценным документом в них является также прошение о принятии в монгольское подданство некоего Минбуу, чиновника 4-й степени провинции Хэйлунцзян Китая, датированное 5 мая 1912 г. (с приложением карты). Простение написано на маньчжурском языке. В начале прошения Минбуу обращается к истории дауров с момента падения Юаньской династии и ухода монгольского хана Аюшридары из г. Инчан на север. Как отмечал Минбуу, Аюшридары переправился через Амур и обосновался там. После падения династии Мин предки Минбуу в Мукдэне приняли подданство маньчжуров. Название своего рода «онон» он связывает с одноименной рекой в Монголии, «мои предки жили на р. Онон» [Монголчуудын, 2014: 20]. Из прошения можно понять, что Минбуу был уполномоченным от трех городов, где, по всей видимости, проживало даурское население. Одним из этих городов был г. Мэргэн, названия двух других не удалось установить. Таким образом, можно говорить о двух даурских чиновниках — Шэнфу и Минбуу, подавших в 1912 г. Богдо-гэгэну прошения о принятии монгольского подданства.

Опубликованные исторические источники на классической монгольской письменности представлены официальной речью амбана Гуйфу (даура по национальности), произнесенной во время почитания горы Богдо в районе проживания новых баргутов [Официальная речь, 2010: 102–103]. На ее основе можно понять, какие речи и доклады готовились хулун-буирскими, в том числе даурскими, чиновниками; по каким поводам, как излагалась в них суть тех или иных знаменательных событий. К этой

группе источников также можно отнести и официальное письмо о прибытии солонов, баргутов и дауров в Хулун-Буир (в 1732 г. – *авт.*), содержащееся в работе баргутского исследователя Хурлад Мешигэ [Solon bargu, 2009: 230–232].

В целом источники на монгольском языке (кириллице) и классической монгольской письменности содержат интересные материалы о взаимодействии даурской элиты Хулун-Буира с правительством Богдо-гэгэна в 1912–1915 гг., конкретной деятельности хулун-буирского амбана в 20-х гг. XX в.

Периодические издания

Источники в основном представлены региональной прессой КНР, англоязычными, монгольскими (на классической монгольской письменности), российскими (включая бурятские) изданиями. Нами рассмотрены номера ежедневной газеты Хулун-Буира «呼伦贝尔日报» (Хулун-Буир жибао) за 1958 и 1963 гг., а также за 2018 г., представляющие собой особые выпуски, посвященные созданию, 5-летнему и 60-летнему юбилею с момента образования даурского автономного хошуна Морин-Дава. В них даны разнообразные сведения о культуре даурского народа, истории образования национальной автономии; модернизации сельского хозяйства, укреплении национального единства; очерки социально-экономического развития Морин-Дава [Хулун-Буир жибао. 2018. 14 авг.].

Включены в работу статьи и заметки, вышедшие в англоязычных изданиях: The Strite Times, Singapore Daily News, The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser, Shonan Times, Malaya Tribune [The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1929. 27 November; Singapore Daily News. 1932. 17 November; 1932. 5 December; Malaya Tribune. 1933. 26 September; Shonan Times (Syonan Shimbun). 1943. 20 April]. Большой частью они относятся к косвенным источникам, поскольку в них рассматривается положение Маньчжоу-Го в целом. В то же время встречаются публикации, где говорится

о даурах и деятелях – выходцах из их среды [Malaya Tribune. 1933. 18 August; The Strite Times. 1992. 29 July]. В них можно заметить и некоторые, на наш взгляд, не совсем верные утверждения. Так, в одной из газетных заметок в «Malaya Tribune» со ссылкой на надежный источник Куо Таофу (т. е. Мэрсэ – *авт.*) назван видным лидером Внешней Монголии [Malaya Tribune. 1933. 26 September]. Как известно, Мэрсэ на протяжении определенного периода работал в МНР, одно время даже возглавлял профсоюз страны. Но даже несмотря на это, его все же нельзя выделять в качестве лидера или одного из государственных лидеров. К тому же заметка датируется сентябрем 1933 г., к этому времени Мэрсэ уже полтора года находился в следственном изоляторе в г. Хабаровск. Поэтому к подобным заметкам в западной прессе необходимо относиться очень осторожно, отделяя «зерна от плевел».

На классической монгольской письменности в период Маньчжоу-Го в столице – г. Синьцзин (*совр.* г. Чаньчунь) издавалась газета «Köke tuu» (*монг.* Хөх туг; *рус.* Синее знамя). Всего вышло из печати 178 номеров газеты, из них номера с 1-го по 88-й были опубликованы в формате А2 на 8 страницах, номера с 89-го по 178-й напечатаны в том же формате, только на 4 страницах. Известно также, что номера 1–75 выходили один раз в неделю; а 76–178 номера – 1 раз в 2 недели. Первый номер газеты вышел в свет 6 января 1941 г., а последний – 18 июня 1944 г. Все номера хранятся в Востоковедной библиотеке Японии, известной как «Тоуо bunku»; а также в библиотеке Токийского университета иностранных языков, в библиотечном фонде «Ishihama Collection» Осацкого университета [Мягмарсамбуу, 2017: 8]. Мы располагаем фотокопиями некоторых номеров этой газеты. История их получения следующая: копии в свое время были сделаны Боржигин Хасом, докторантом женского университета «Showa». Затем фотографии этих копий были получены и напечатаны в своей монографии монгольским историком Г. Мягмарсамбуу, который, в свою очередь, в августе 2022 г. любезно предоставил их автору настоящего диссертационного исследования с непременным условием использования материалов газеты только в тексте

диссертации. Изучение полученных от Г. Мягмарсамбуу фотокопий номеров газеты показывает, что в них даны сведения о съездах и совещаниях, проводившихся в Маньчжоу-Го и его провинциях; религиозных хуралах, в частности проведении Дуйнхор-Лойлон хурала; обрядах почитания различных сумэ, например сумэ Богдо, Чингисхана; спортивных и культурных мероприятиях в Маньчжоу-Го. В конце некоторых номеров (в частности, в номере от 25 июля 1942 г.) имеются небольшие разделы «*Nibbon Mongγol kelelčikü ũge-yi tayilburilaqu*», где даются разъяснения общеупотребительных слов и выражений японского языка [Köke tuγ, 1942]. Содержится в газете и информация о событиях, происходивших в провинции Северный Хинган и его хошунах. Например, в газете «*Köke tuγ*» от 3 июля 1943 г. (11-й год правления Маньчжоу-Го) имеется заметка о проведении собрания представителей Солонского хошуна в сомоне Өмнө-Айл с 20 по 25 июня 1944 г. и праздничных мероприятиях, длившихся 3 дня [1944]. В 36-м номере еженедельного журнала Внутренней Монголии «*Öbür Mongγol-un γaraγ-un setegül*» [1949] содержится заметка о проведении собрания кадровых работников Солонского хошуна аймака Хулун-Нонни по вопросу проведения налоговой политики в отношении скота местного населения.

Из российских периодических изданий можно выделить еженедельную газету Республики Бурятия «Информ-Полис», где была опубликована статья бурятских краеведов Р. Ширабон и Б. Раднаева о роли дауров в антияпонском сопротивлении в годы Второй мировой войны. Поводом к написанию статьи, очевидно, явилась история советского разведчика Э.-Б. Сандиева, даура по национальности. В статье раскрываются также имена некоторых дауров-подпольщиков, вступивших в борьбу с японскими оккупантами [2012: 30]. Заметим, что один из авторов статьи – Рыгжидма Эрдым-Биликовна Ширабон является дочерью Э.-Б. Сандиева, в годы охлаждения советско-китайских отношений в конце 50-х гг. XX в. оставшегося с семьей на территории Забайкалья. К косвенным источникам можно отнести отдельные публикации в региональной прессе бурятских краеведов, посвященные контактам русских

первопроходцев с даурским населением в XVII в., боевыми действиями на Халхин-голе в 1939 г. и советской разведке на территории Маньчжоу-Го [Тиваненко, 2004; Петров, 2013: 19; Васильев, 2010: 8].

В периодических изданиях на бурятском языке опубликованы некоторые материалы, имеющие непосредственное отношение к даурской истории и культуре. Это статья Б. Д. Цыбенова, дающая представление о культуре и обычаях даурского народа [2005а: 10]; перевод на бурятский язык даурской богатырской сказки «Дэ Хун мэргэн» [Он же, 2005б: 8]; интервью бурятского журналиста Д.-Д. Болотова, взятые у Б. Д. Цыбенова и Хэ Сяопин. В них представлен в основном материал по культуре, обычаям, традициям и народным играм дауров [Он же, 2012; Дагуурнууд - хоккей, 2012: 18].

В газетах на бурятском языке были изданы также обширные материалы (переводы источников с классической монгольской письменности, дорожные заметки, статьи) по истории шэнэхэнских бурят – соседей хайларских дауров, которые можно отнести к разряду косвенных источников [Балданов, 2006: 176–180; Той Галсан, 2012: 18; Сампилова, 2013: 20]. В июльском и августовском номерах газеты «Агын үнэн» за 1988 г. вышла статья Л. Б. Бадмаевой «Шэнэхээн буряадууд тухай: замай тэмдэглэл» (О бурятах Шэнэхэна: дорожные заметки) [1988]. А в 1989 г. в отмеченной газете есть статья Р. Е. Пубаева «Хүлэн-Бүйрэй буряадууд тухай» (О бурятах Хулун-Буира) [1989].

В 1991 г. в нескольких номерах газеты «Толон» был опубликован перевод Ц. Шагдарона источника на классической монгольской письменности, под названием «Из истории шэнэхэнских бурят» [Шэнэхээн буряадай, 1991]. В 1993 г. в апрельских и майских номерах газеты «Буряад үнэн» вышел перевод с классической монгольской письменности на бурятский язык «Краткой истории шэнэхэнских бурят», выполненный Л. Д. Шагдаровым [Шэнэхээн буряадуудай, 1993]. Эта работа ранее была издана в 1985 г. в г. Хайлар бурятским историком из Шэнэхэна Б. Абида совместно с Б. Димчиг, З. Болод, С. Лхама-Сүрэн. В ряду источников следует также упомянуть работу

бурятского историка-краеведа, выходца из шэнэхэнских бурят Согтын Жамса «Буряад-монголшуудай болон Хитадай арадай республикын Үбэр-Монголой Хүлэн Буйр аймагай Шэнэхээн нютагай түүхэ» (История бурят-монголов местности Шэнэхэн Хулун-Буирского аймака Внутренней Монголии Китайской Народной Республики), переведенную Д. Н. Сультимовым и Ж. Б. Бадагаровым и изданную в газете «Буряад үнэн: Дүхэриг» с июня по декабрь 2013 г. [Согтын Жамса, 2013]. В диссертационном исследовании в основном использованы газетные материалы на бурятском языке, показывающие контакты бурятских лидеров с Цэндэ-гуном, а также характеризующие ситуацию в Хулун-Буире в период Маньчжоу-Го и второго этапа гражданской войны в Китае в 1946–1950 гг., в трактовке перевода с классической монгольской письменности Л. Д. Шагдарова и других авторов.

Источники личного происхождения

Особое значение в раскрытии ряда моментов новейшей истории дауров, связанных с развитием советско-китайских отношений, в частности с деятельностью Коминтерна в Китае в 20–30-е гг. XX в., имеют мемуары непосредственных участников и очевидцев того периода, изданные на русском языке.

Воспоминания о развитии революционного движения в Китае в 1921–1927 гг., например, о встречах с основателями КПК и Сунь Ятсеном, Социалистического союза молодежи, участия в различных съездах и переговорах содержатся в книге члена Дальневосточного секретариата Коминтерна, преподавателя Университета имени Сунь Ятсена в Москве С. А. Далина [1975].

Сведения о борьбе отрядов КПК против вооруженных сил Гоминьдана и японских оккупационных войск в 1932–1939 гг. есть в мемуарах немецкого коммуниста-интернационалиста Отто Брауна, в 1932 г. посланного Исполкомом Коминтерна в Китай в качестве военного советника при ЦК КПК. На протяжении 7 лет О. Браун (он же Карл Вагнер, Ли Дэ, Хуа Фу) принимал активное участие в разработке военно-оперативных мероприятий сил КПК, а

также и в руководстве военными действиями. В воспоминаниях Брауна, в частности, имеются данные о политике и высказываниях Мао Цзэдуна в отношении Гоминьдана, японцев, милитаристов различных провинций, МНР; упоминание об опоре на Внутреннюю Монголию китайским генералом Фэн Юйсяном в его борьбе против Чжан Цзолия и У Пэйфу в начале и середине 20-х гг. XX в. [1974]. Данные о разгроме Квантунской армии в северо-восточном Китае и ситуации во Внутренней Монголии имеются в мемуарах генерала-лейтенанта В. Р. Бойко и генерала-майора А. И. Ковтун-Станкевича [По дорогам Китая, 1989: 314–361], советского востоковеда С. Д. Дылыкова, с декабря 1941 г. по май 1950 г. служившего старшим инструктором Седьмого отдела (по работе среди войск и населения противника) штаба Забайкальского фронта [Дылыков, 2021].

Мемуарные источники на китайском языке в основном написаны непосредственными участниками борьбы с китайскими милитаристами и японскими захватчиками. Созданию отряда самообороны в районе Морин-Дава против китайских милитаристов посвящены мемуары Амуэрту и Го Лайди. Очевидцем событий являлся Амуэрт, записи с его слов были сделаны Го Лайди. В их работах кратко освещена роль Мэрсэ, Фуминтая и других деятелей в создании НРПВМ в 1925 г., баргинском восстании 1928 г. Основные воспоминания связаны с причинами появления отряда самообороны, ролью даурских деятелей в его создании; указаны имена командиров подразделений, военные действия против китайских милитаристов [Амуэрт, Го Лайди, 1989: 131–136; 2019: 251–255].

К этому типу источников относятся и воспоминания Айсинкакура Хиро на японском языке, где изложен фактический материал о событиях в Маньчжурии в 1937–1945 гг. Издание представляет собой воспоминания жены брата Пу И – императора марионеточного государства Маньчжоу-Го [Айсинкакура Хиро, 1960].

Сюда относятся и публикации Ао Хаочжана, Ао Чанцина, Бухэ, в которых отражены такие вопросы, как сражения партизан с японскими

захватчиками на территории даурских районов, участие дауров-курсантов и солдат в военных мятежах в августе 1945 г. и создание кавалерийских формирований в годы гражданской войны в Китае [Ао Чанцин, 2015: 130–132; Бухэ, 2015: 374–377; Ао Хаочжан, 2018: 334–339].

Имеются также воспоминания, связанные с основанием национальных даурских автономий. К примеру, появлению Вонюту-Даурского автономного района посвящены мемуары даурского общественно-политического деятеля Булиня [2002: 214–216].

Опубликованные нормативные правовые акты

Эти источники частью изданы некоторыми авторами, а также опубликованы на иностранных языках. Так, в монографии В. А. Кормазова, изданной в г. Харбин, имеется текст соглашения о Хулун-Буирском округе, подписанный между Россией и Китайской Республикой 24 октября (8 ноября) 1915 г. Он состоит из 8 статей, утверждающих власть Центрального правительства Китайской Республики в Хулун-Буире, а также подтверждающих прежние контракты, заключенные между русскими предпринимателями и властями Хулун-Буира [1928: 14–16].

К опубликованным нормативным правовым актам относятся также документы на японском языке – «Новый статус Маньчжурии» [Мансю син, 1937] и «Свод законов Маньчжоу-Го» [Мансю тэйкоку, 1941].

Справочные издания

К ним относятся словари, справочники, энциклопедии. Так, сведения о даурах, местах их проживания в Приамурье и Маньчжурии имеют место в географическо-статистическом словаре А. Кириллова [1894]. События, разворачивавшиеся в российско-китайско-монгольском приграничье на протяжении XX в., а также многие договора дипломатического характера и другие документальные сведения отражены в «Малой энциклопедии Забайкалья» [2002]. Разнообразная ценная информация, имеющая косвенное отношение к теме монографического исследования, содержится в трехтомной «Исторической энциклопедии Сибири» [2010а, б, в]. Многие аспекты

новой истории Монголии и сопредельных территорий, включая Хулун-Буир, нашли отражение в «Энциклопедии Монголии и Монгольской империи» К. Этвуда [Atwood, 2004].

В 2014 г. австралийскими историками Ли Нарангоа и Р. Криббом был издан «Исторический атлас Северо-Восточной Азии», в котором представлены обзорные карты Кореи, Маньчжурии, Монголии и Восточной Сибири. Каждая из них охватывает хронологический отрезок в 5 лет и наглядно показывает социально-политические изменения, синхронно происходившие в указанных регионах [Li Narangoa and Robert Cribb, 2014]. Нами в работе использованы отдельные карты первой половины XX в., охватывающие следующие периоды: 1) 1910–1915; 2) 1915–1920; 3) 1935–1940; 4) 1955–1960. Они дают целостную картину исторического развития регионов северо-восточной Азии и в то же время важны для понимания сути социально-политических процессов, происходивших в даурском обществе.

Интернет-источники

Данный вид источников представлен как на русском, так и иностранных языках. В первую очередь, необходимо отметить опубликованные архивные источники XVII – первой половины XVIII в. Это казачьи отписки, наказы, «расспросные речи», полученные от М. Перфильева, В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, якутского воеводы Д. Францбекова и других служилых людей [Отписка якутских воевод; Допросы, сделанные Хабаровым; Акты о плавании; Челобитная С. В. Полякова]. В перечисленных материалах описываются места расселения дауров, их «улусы и городки», приводятся данные о хозяйственной деятельности, вооруженной борьбе дауров с русскими казачьими отрядами.

К разряду интернет-источников относятся справка о даурской народности, размещенная на сайте МИД КНР [The Daur ethnic minority], а также некоторые материалы, касающиеся истории и культуры дауров Синьцзяна и Цицикара [Дауры // Синьцзян; Чжан Цайся; Зумрат].

Полевые материалы автора

В написании монографии использованы отдельные записи из блокнотов полевых этнографических экспедиций, проведенных автором в городском округе Хулун-Буир АРВМ КНР в 2005, 2015 и 2017 гг. В частности, в некоторые разделы работы были включены следующие сведения: 1) о переселении даурского населения в начале XX в. из района строительства водохранилища на р. Нэньцзян и трудностях в занятии огородничеством на новом месте обитания из-за плохого качества земли. Поскольку автор летом 2005 г. находился в новом поселке, где были поселены жители с. Тэнкэ даурского автономного хошуна Морин-Дава, он мог воочию видеть проблемы, с которыми столкнулись дауры-переселенцы [Полевые материалы автора (далее – ПМА), 2005]; 2) о подпольной антияпонской деятельности хайларских дауров во главе с Найралту в годы Второй мировой войны. Информация в основном была предоставлена сыном Найралту – Тодо. Также получены данные о военном мятеже солдат и офицеров армии Маньчжоу-Го в районе Шэнэхэна в августе 1945 г. и их сдаче в плен [Там же, 2015]; 3) о встрече синьцзянских дауров, состоявшемся в июле 2017 г. в с. Баян-Тала эвенкийского автономного хошуна [Там же, 2017].

Нужно отметить, что существует достаточно обширная источниковая база диссертационного исследования, представленная разными видами источников. Неопубликованные российские архивные документы в основном написаны дипломатами и представляют собой разного рода донесения, отчеты, характеристики. В то же время среди них встречаются материалы следственных дел, допросов даурских общественно-политических деятелей Мэрсэ и Фуминтая, к чьим показаниям следует относиться со всей осторожностью. Неопубликованные документы из МУУТА, представляющие собой переписку руководства НРПВМ с ЦК МНРП, дают много ценной информации о конкретной работе даурских революционеров в МНР и Внутренней Монголии в середине 20-х гг. XX в. Материалы о даурах начала XX в. (до 1917 г.) в основном представлены в опубликованных исторических источниках на русском и монгольском языках (данные военных специалистов,

архивные документы правительства Внешней Монголии за 1912–1915 гг.). Более широкий хронологический диапазон даурской истории (первая треть XX в., август 1945 г.) охватывают опубликованные источники на китайском языке (летописи, архивная переписка). Большую ценность в изучении создания даурских национальных автономий и участия дауров в антияпонской войне представляют материалы китайских периодических изданий и источников личного происхождения на разных языках. Как показывает наше изучение, все эти и другие виды источников, подготовленные в разное время, различными специалистами и целями, в той или иной мере располагают ценными, порой уникальными сведениями по многим малоизвестным вопросам даурской истории XX в.

Выводы по главе I

Таким образом, наше обращение к историографии и источниковедению социально-политической истории дауров в XX в. показывает наличие разновременных научных исследований, в которых в разной степени отмечены те или иные аспекты диссертационной работы. Российская историография и источниковедение четко подразделяются на три этапа, которые отличаются усилением, уменьшением или отсутствием идеологического давления. Если дореволюционные работы и документы характеризуются более свободными, объективными оценками и видением общей ситуации, то в советский период работы историков и архивные документы носят идеологический отпечаток, не позволивший специалистам высказать свое истинное мнение по тем или иным вопросам. Современные исследования российских историков в этом смысле более демократичны, написаны с использованием новейших методологических подходов и малоизученных архивных данных. Китайская историография, напротив, в большей степени идеологизирована; подчеркивается патриотическая составляющая истории дауров, особенно в годы антияпонской освободительной войны; ведущая роль КПК в обретении даурами статуса официально признанной в КНР народности, создании национальной

автономии и др. Англоязычная историография, на наш взгляд, изобилует применением различных методологических подходов и теоретических концепций, чем выгодно отличается от других. К ней близко стоит и современная монгольская историография, в которой даны попытки объективных оценок тех или иных событий, имеющих отношение к даурской истории.

ГЛАВА 2. МЕСТО И РОЛЬ ДАУРОВ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО МИРА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

2.1. Дауры в XVII – начале XX в.: история формирования, расселения и социально-экономического положения этно-территориальных групп

История даурского народа уникальна и неповторима. Она обладает присущими только ей специфическими чертами, сложившимися на протяжении многих столетий. Для более полного понимания аспектов новейшей истории дауров необходимо обратиться к его историческому прошлому, уделить внимание происхождению и этнической истории народа, формированию этнического состава, расселению этно-территориальных групп даурского народа.

Происхождение дауров до сих пор продолжает оставаться спорной проблемой и привлекает интерес многих исследователей, в том числе и даурских историков [Оунань, 1989: 1–9, 2000: 37–48; Лэ Чжидэ, 1989: 10–22; Э Сюфэн, 1989: 151–158; Цзинь Фушэн, 2002: 317–322; Эньхэбату, 2016: 1–11; Тэн Шаочжэнь, 2016: 12–39; Ян Ючэнь, 2016а: 40–57, 2016б: 58–62; Чэньшу, 2016: 63–80; Сунь Цзиньци, 2016: 92–110; Чжожэнь, 2016: 111–118, 2018: 436–437; Цзян Цикунь, 2016: 119–124; Эньхэбату, 2018а: 1–8; 2018б: 290–294; Ван Чицзао, Ши Мэйсэнь, Ли Хуэй, 2018: 110–117]. Одной из самых ранних является версия о тунгусском происхождении дауров, позже дополненная многими фактами этнокультурного взаимодействия дауров и эвенков [Идес, Бранд, 1967: 284; Миллер, 1999: 181–182; Шренк, 1883: 167; Огородников, 1927: 11; Shirokogoroff, 1929; Широкогоров, 2017: 146; Румянцев, 2002: 196; Бадмаева, 2004: 8; Базаров, 2002: 12; Нанзатов, 2006: 135; 145–146; 2018а: 202–205; 2018б: 54–60; Нанзатов, Содномпилова, 2020а: 7–37; 2020б: 17–30; Жамсаранова, 2018: 8–10, 2021: 147–161]. Большинство современных российских и зарубежных востоковедов считают, что дауры

являются потомками киданей [АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 145. Оп. 1. Блокнот 16. Л. 1, 8; Shirokogoroff, 1929; Широкогоров, 2017: 146–147; Пэрлээ, 1959: 17; Öljei, 2013: 151; Dayur, 1989: 10, 15–16; Дамдинов, 1993: 70; Михайлов, 1993: 181; Хао Цинюнь, 1999: 209–210; Yui Shan, 1996: 56; Яхонтов, 1998: 132–149; U Dunin, 2001: 61–63; Собрание сведений о даурах, 2002: 1089–1090; Рассадин, 2004: 13; Shimunek, 2006: 4; Li Jinhui, 63]. В то же время имеются исследования, посвященные монгольской версии происхождения дауров [Ивановский, 1894: 3–4; АОМК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 117. Л. 8; Долгих, 1958: 129; Румянцев, 2002: 118–119; Аниховский, 2005: 75, 78; Болотин, Сапунов, 1992: 32–42; Болотин, 1992: 25–32; 1993: 84–101; 1995; 2008: 565–571; 2011: 16–37; Болотин, Исаченко, 1995: 49–54; Бадмаева, 2009: 32–33; Ван Чицзао, Ши Мэйсэнь, Ли Хуэй, 2018: 110–117]. Дискуссионным является и вопрос о появлении дауров на Амуре. По нашему предположению, дауры появились на Амуре и Зее лишь за 100 лет до появления русских землепроходцев [Цыбенков, 2018: 92–100]. Самоназвание *даур* к XVII в. уже было общим для всех даурских родов. К данному времени существовала сформировавшаяся в своих основных чертах даурская народность. Она имела такие основные признаки народности, как единое этническое самосознание, общность территории, языка и культуры. Во главе даурских родов и объединений стояли Бомбогор, Балдачи, Гойгудар и другие предводители. Из их среды впоследствии вышли талантливый дипломат Мэнгэдэ (*др.* Мэнгэтэ), военачальники Тувацяньга, Сэргунь [Маньдуэрту, 1989: 85–94; Лю Цзиньмин, 1989: 95–104; Гу Циньяо, 1989: 48–56; Чжао Чжань, 1989: 105–113; Аэргату, 1989: 51–61; Можигэньди, 1989: 114–115; Цзидэн, 1989: 116–117; Ао Цзинфэн, 2018: 329–333].

В XVII в. началась вооруженная борьба дауров с маньчжурами, а затем и с русскими казаками во главе с В. Поярковым и Е. П. Хабаровым, завершившаяся драматичным исходом всего народа из Приамурья в Западную Маньчжурию [Дополнения к актам, 1848; Акты о плавании; Отписка якутских воевод; Челобитная С. В. Полякова; Спафарий, 1960: 498; Kätke Köhalmi,

1981: 255–273; Артемьев, 1998: 6–43; Скобелев, 2002; Историческая энциклопедия Сибири, 2010: 410; Гордяев, 2021]. Там дауры были включены в состав восьмизнаменной маньчжурской организации и вошли в состав монгольских знамен. Память о даурах сохранилась на российской земле в топониме Даурия, под которой понималась с середины XVII до середины XIX в. территория, совпадающая с границами Забайкалья и Приамурья. Термин появился и использовался в российских государственных документах [Историческая энциклопедия Сибири, 2010: 460].

Основным местом проживания современных дауров являлся регион Бутха в северо-западной Маньчжурии. Ныне он входит в состав городского уезда Чжаланьтунь, на его территории также располагаются современные административно-территориальные единицы: даурский автономный хошун Морин-Дава, хошун Арун-ци, городской уезд Якэши. Часть дауров обосновалась в долине по нижнему течению р. Нонни и основала 10 крупных селений – Бокуй (впоследствии Цицикар), Мэйсэл, Бальчиг и др. Со временем язык и культура даурского населения Бутхи немного изменились. Специалисты выделяют бутхаский диалект даурского языка, что свидетельствует об образовании этнотерриториальной группы бутхаских дауров. Основными занятиями населения традиционно были земледелие и скотоводство, занимались дауры также рыболовством, сплавом леса, различными промыслами. В составе восьми хошунов местности Бутха было 92 сомона, из них даурских – 37, эвенкийских – 47, ороchonских – 6. Резиденцией наместника Бутхи стало селение Хивч [Даур, 1989: 79]. Дауры Бутхи стали широко известны в регионе после дела Чишаня (др. Чисаня), даурского офицера восьмизнаменной армии, в 1795 г. выступившего против произвола маньчжурских чиновников и вручившего прошение цинскому императору Цяньлуну [Ао Лэци, 1989: 62–68; Мэнхэ, 1989: 122–130, 2019: 37–43; Чэнь Чжигуй, 2002: 269–295, 2002: 296–316; Чжаожубухэ, 2019: 44–48; Сужундалай, 2018: 434–435, Chengzhi (Kicengge), 2021: 179–216]. В 1891 г. резиденция наместника Бутхи была перенесена в Буэрдэхэ (др. назв.

Бордо; совр. г. Нэхэ) области Нэнцзян. Известно, что управление даурами носило особенный характер, чем выделялось на фоне управления другими частями провинции Хэйлунцзян. Даурский наместник носил название «ухэрида» (*кит.* цзунгуань) и находился в прямом подчинении губернатора провинции Хэйлунцзян. Все даурское население было разделено на 8 округов. Во главе их стояли особые чиновники – нируй-чжангины, подчинявшиеся ухэрида. В свою очередь, нируй-чжангины имели власть над второстепенными чиновниками – фуньдэ-ботоку (хафань) и ботоку. Последним подчинялись старосты селений (тунь-да) и их помощники – чашани-да. По данным 1911 г., даурские округа сохраняли свои старые знаменные названия, в то время как все должности в них были упразднены. Если раньше насчитывалось 97 знаменных начальников (цзолины, или голай-да), то к 1911 г. таковых имелось лишь 8, занимавших должности в четырех восточных знаменах [Краткий очерк, 1911: 21–22; Описание путей, 1911: 170]. Административная единица Бутхан, как указывал С. М. Широкогоров, продолжала существовать и в 1915 г. [2017: 145].

В последние годы правления цинского императора Гуансюя (1875–1908) в Бутху прибыло большое количество переселенцев из других районов Китая. Они стали занимать значительные земельные площади, включая пастбища и охотничьи угодья. С 1905 по 1911 г. были распаханы большие площади целинных земель в Восточной и Западной Бутхе [Амуэрту, 1989: 131–136; 2019: 251–252].

Неподалеку от Бутхи в среднем течении р. Нонни (Нэньцзян) и ее притоков проживала другая группа дауров, именуемая цицикарскими. Их обособленное положение также сказалось на языке; сформировался особый, цицикарский диалект даурского языка. Они известны также как «котон даур», или городские дауры. В настоящее время проживают в Мэйлисы-Даурском национальном районе, уездах Лунцзян, Фуюй, Фулаэрцзи, Ганьнань и др. Именно они основали город в 1683 г. Первоначально селение имело даурское название Бокуй, впоследствии было переименовано в Цицикар. В то время

цинское правительство сделало Цицикар центром пограничных с Русским государством земель [Даур, 1989: 80]. Строительство Цицикара началось в 1683 г., главным управляющим города был назначен даур Мабудай [Гребенщиков, 1910: 177; Сунь Сюжэнь, 1989: 69–77; Судужи хала, 2000: 91–94; Цяо Чжичэн, 2000: 95–101; Су Футин, Су Фурун, Су Цзиньюань, 2016]. В 1691 г. в Бутха были выбраны 12 сотен дауров и переселены в Цицикар. Со временем число даурских селений Цицикара увеличилось до 30. В 1692 г. монголы-хорчины освободили и передали цинскому правительству более 14 тыс. дауров, захваченных еще в 1634 г. во время набега на левый берег Амура. Цинское правительство в своих приказах отмечало, что Цицикар является стратегически важным в военном отношении пунктом, поэтому необходимо отобрать из числа народов сибо, говалча и дауров 1 тыс. чел. наиболее сильных и смелых, с доспехами, и вместе с 2 тыс. воинов поставить на охрану города [Даур, 1989: 81]. Если основываться на этих материалах, то получается, что из переданных хорчин-монголами пленных дауров, вернее их потомков, выбрали одну группу и поселили вместе с народностью сибо в Цицикаре. В этот период на территориях проживания дауров появляются разного рода переселенцы, лица, скрывающиеся от правосудия. Некоторые из них, очевидно, находили убежище в даурских семьях, поскольку в повторно изданном цинским правительством в 1687 г. законоположении говорилось: «Наблюдается очень много случаев, когда [монголы] 49 знамен, солонь, дахуры скрывают, оставляют у себя людей, бежавших из внутренних земель, а также людей, принадлежащих маньчжурским домам, и превращают их в [своих] рабов, [приемных] сыновей, внуков, в жен или наложниц» [Ермаченко, 1974: 165].

В 1699 г. приамурский наместник г. Мэргэн переселился в Цицикар. Из 40 сомонов, причисленных к Цицикару, даурских было 16. Гарнизон восьмизнаменного маньчжурского войска состоял из 48 сотен, включавших 2100 солдат. Дауры составляли 16 сотен, солдат было свыше 700 чел. Цицикар входил в состав провинции Хэйлунцзян, которой управлял цзянцзюнь

(воевода или генерал-губернатор). В шести округах провинции – 1) Цицикар, 2) Айгунь (Хэй-лунь-цзянь), 3) Мергень, 4) Хулан, 5) Хулунь-Буир, 6) Бутха – управляли фудутуны (военачальники). Кроме цзянцзюня и фудутуна, в Цицикаре имеет резиденцию сановник, заведующий обучением войск округа [Описание Маньчжурии, 1897: 264; Домбровский, 1904: 84]. Первым хэйлунцзянским цзянцзюнем стал нингутский генерал Сонгута, командовавший войсками под Албазином [Дацышен, Модоров, 2013: 41].

В 1905 г. должность цицикарского мэйрэн-дзанги была упразднена и создан Хэйшуйский комиссариат (по-другому – управление Хэй Шуй Тин), куда вошел и район проживания цицикарских дауров. Недолго просуществовав, комиссариат в 1908 г. заменен на Лунцзянскую управу [Собрание сведений о даурах, 2002: 21]. В эти же годы упразднены 8 цицикарских хошунов.

Размеренное течение жизни цицикарских дауров было нарушено активизацией переселенческой политики Цинской империи. В результате наблюдался большой наплыв переселенцев – этнических китайцев, а также небольших групп корейских крестьян из провинции Цзилинь в даурских селениях, расположенных в окрестностях Цицикара.

Третьей крупной этнотерриториальной группой дауров были хайларские. В главе 117 маньчжурского источника «Правдивые записи об эре мира и спокойствия» говорится, что в 1732 г. (10-й год правления цинского императора Иньчжэня) цинский двор поддержал мнение ученого Вуэрта из столичной (придворной) школы. Он отметил: «Рассматривая окрестности Хулунбуира, [можно понять, что] ведь это помогает располагаться, обхватив кругом великую реку. Место просторное, вода чрезвычайно благодатно питает травы, место богато деревьями, можно заниматься земледелием. Пожалуйста, издайте закон, по которому из числа трех народов – дауров, баргутов, эвенков пусть переселятся в этот район. Полководец пусть включит их в состав восьмизнаменного войска» [Краткая история, 2008: 41]. В том же 1732 г. 3 тыс. дауров, эвенков, баргутов и ороحوнов были направлены в Хулун-Буир. Там

они основали 8 хошунов, состоявшие из 50 сомонов. Из них 26 были даурскими, воинов в них было 730 чел. [Даур, 1989: 85; Галзут Тубшинима, 2008: 145–148; А Ли, 2016: 125–139]. В 1742 г. в Хулун-Буир были дополнительно переведены 3 тыс. дауров и солонов из Цицикара. Переселенные воины были разделены на знамени: каждые четыре знамени составляли правое и левое крыло солонов [Монгольские, 2016: 181–182]. Имеются следующие данные о снабжении баргутов военным снаряжением и скотом: «По приказу правительства каждому солдату было необходимо выдать 1 лук, 1 меч, 30 стрел обычных и 5 стрел с коротким наконечником. А наместники Табахан и Булбунче должны были научить солдат стрелять из лука и ружья и обучить другим боевым действиям. Каждому солдату на пропитание выдавали какое-то количество домашнего скота. Командиру по приказу выдавали 10 коней, 10 коров, 80 овец; его помощнику – 8 коней, 8 коров, 60 овец; сомонному управителю – 7 коней, 7 коров, 50 овец; младшему офицеру роты – 6 коней, 6 коров, 40 овец; простым солдатам – 5 кобылиц, 3 коровы, 30 овец; писарям – столько же, сколько и младшим ротным офицерам. Также полагалось выплачивать командному составу провиант риса, и рядовому составу выдавать ежемесячно по 1 лану (50 г) серебра для починки обмундирования» [Галзут Тубшинима, 2008: 145–146; Миягашева, 2012: 211]. Можно предположить, что эти нормы снабжения касались всего переселенного в Хулун-Буир населения, включая и дауров.

Первые военные укрепления в Хайларе были построены под началом главы (шаншу) Лифаньюаня, маньчжурского военачальника Арани, который возглавлял карательный поход против джунгарского хана Галдана-Бошокту. На месте этих укреплений создана резиденция фудутуна Хулун-Буира. Основной целью наместничества являлось воспрепятствование распространению русской агрессии [Намсараева, 2012: 155–162; Монгольские..., 2016: 181]. Административное устройство Хулун-Буира было учреждено императорскими указами от 1733 и 1735 гг., а затем подкреплено законом, изложенным в «Уложении Лифаньюань» от 1818 г. В нем, в разделе

о распределении чиновников, состоящих под ведомством Амурского главноуправляющего генерала (хэйлунцзянского наместника – *авт.*), указано: «...в страну Хулун Буир полковых начальников из солон баргу 2; их товарищей – 4; эскадронных начальников из того же народа – 24; поручиков – 24; из Новой Барги полковых начальников – 2; их товарищей – 4; эскадронных начальников – 24; поручиков – 24; из Ологов – полковых начальников – 1; эскадронных – 2; поручиков – 2; прапорщиков – 2». Эта же определенная законом организация существовала до начала XX в. [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 386. Л. 1 об. – 2]. По данным А. М. Баранова, высший баргинский начальник амбань назначался постоянно из числа китайцев (очевидно, речь идет о маньчжурах – *авт.*) или дауров (цит. по: [Бойкова, 2014: 139]).

По «Уложению Лифаньюань» 1818 г. предписывалось, что хэйлунцзянский наместник присылает чиновников на службу в ямынь хулунбуирского дутуна. Под началом хулунбуирского фудутуна, помимо командиров знамен цзунгуаней, их помощников фуцзунгуаней и сомонных командиров дзанги, состоял штат писцов (битеша), переводчиков монгольского, маньчжурского и русского языков. Канцелярия фудутуна, состоявшая из трех отделов, вела финансовые дела, дела знаменных войск и населения, отвечала за исполнение наказаний, обеспечение провизией, фуражом, поддерживала боеготовность войска [Монгольские, 2016: 183]. В 1881 г. в Хулун-Буире в ходе административных реформ был повышен ранг командования гарнизона знаменных войск [Голиков, 2012: 52].

Начало XX в. для Хулун-Буира ознаменовалось существенным ограничением внутренней автономии. С 1905–1906 гг. в Хулун-Буир стали назначать чиновников – китайцев по происхождению и отводить земли для колонизации [Кузьмин, 2016: 111]. В то время дауры считались передовым элементом населения Маньчжурии, именно выходцы из дауров, владеющие несколькими языками, работали в ямынях на должностях чиновников и писарей. В деловой переписке и делопроизводстве они использовали маньчжурский и китайский языки [Поппе, 1930: 5]. В 1908 г. должность

амбаня была упразднена, и вместо него назначен китайский фудутун – наместник с правами губернатора провинции. В 1909 г. цинское правительство упразднило ямэнь (резиденция чиновника и его помощников) фудутуна Хулун-Буира и вместо него учредило должность даотая с военными полномочиями [Краткая история, 2008: 73]. На даотаев возлагались обязанности интендантов, сборщиков соляного налога, заведывающих сношениями с иностранцами [Домбровский, 1904: 82]. Учредив в 1909 г. Хулун-Буирское даотайство, китайские власти сохранили старую монгольскую организацию. Прежним монгольским чиновникам оставили их звания и печати, однако от фактического управления они были отстранены. Это собственно и послужило позже главной причиной национально-освободительного движения в Хулун-Буире [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 386. Л. 1 об.].

По данным Г. Мягмарсамбуу, в 1908 г. цинские власти направили в Хулун-Буир Сон Сяоляна в качестве управляющего – заместителя амбана. Они издали «Постановление о пограничных караулах». Согласно ему, монголов, несших караульную службу, заменяли солдатами из земледельческих регионов Китая. Данное постановление было связано с «новой политикой» цинского правительства. С этого времени в Хулун-Буир стали прибывать китайские поселенцы, монгольские караулы были заменены на китайские. В целом китайцы начала прибирали к рукам власть в регионе [2017а: 43]. По другим сведениям, территория Хулун-Буира с 1908 г. находилась под управлением Шэнфу, даура по национальности [Qosokava Gokuo, 2015: 16]. Вероятно, он работал в должности управляющего, поскольку есть сведения, что Шэнфу являлся *jakiguysi* (монг. управляющий; распорядитель). Так, известно, что глава Хулун-Буира Шэнфу, обеспокоенный «новой политикой», 6 августа 1909 г. писал прошение Джебцзун-Дамба-хутагте о поддержке буддизма в регионе вследствие увеличения китайского населения [Мягмарсамбуу, 2017а: 43].

Четвертая этнотерриториальная группа дауров сформировалась в Синьцзяне. Ныне дауры Синьцзяна общей численностью 6700 чел. (по данным 2003 г.) проживают на границе с Казахстаном, в северной части уезда Тачэн Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Со временем большое влияние на них стали оказывать соседние тюркоязычные этносы: казахи, уйгуры. История синьцзянских дауров привлекала внимание ученых. О них писали даурские специалисты И Сун, Можигэньди, Мэн Чжидун, Баэрдэн и др. [И Сун, 1989: 81–85; Можигэньди, 1989: 159–160; Мэн Чжидун, 1989: 300–348; Лю Цзиньшан, 2016: 144–147; Жэнь Шао-У, 2016: 162–163; Баэрдэн, 2016: 165–182; Хань Фуцин, 2016: 187–190; У Чжаньчжу, 2018: 317–328].

Наше рассмотрение уместно начать с вопроса о переселении дауров в Синьцзян. В вопросе миграции дауров в Синьцзян имеются некоторые расхождения в хронологии. По данным российского востоковеда Б. И. Панкратова, дауры были посланы в Восточный Туркестан на войну с джунгарами в 1755–1757 гг. и оставлены в местности Или в качестве военных поселенцев [АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 145. Д. 16. Оп. 1. Л. 13]. Более поздняя дата предложена даурскими учеными и краеведами, составителями монографии «Краткая история даурского народа». По их мнению, в начале 1763 г. вышло постановление цинского правительства о переселении и осенью того же года тысяча дауров и солонов начала движение в сторону Синьцзяна [Даур, 1989: 87]. Об этой дате переселения – 1763 г. – говорит и китайский исследователь Сюе Цзунчжэн, при этом он уточняет этнический состав переселенцев: «500 чел. дауров и 500 чел. солонов» [2001: 93]. Исходя из вышесказанного, можно говорить о двух возможных датах прибытия дауров в Синьцзян – 1755–1757 и 1763. Ввиду отсутствия других источников по этим датам, трудно принять окончательное решение в пользу одной из них. Переселение дауров и солонов в 1763 г., очевидно, имело место быть, поскольку даурскими учеными и краеведами упомянуты реальные перипетии трудного пути в Синьцзян. С другой стороны, как известно, дауры и солоны в

изучаемый период уже были включены в состав цинского восьмизнаменного войска и принимали участие во многих военных походах империи.

По данным баргутского ученого Галзут Тубшинимы, войска солонов, дагуров, ороحوнов из восьми хошунов солонов были использованы в 1755 г. при подавлении восстания ойратов, няньцзюней, хотонов на северо-западе, а также в подавлении Тайпинского восстания [2008: 153]. Поэтому имеется большая вероятность участия даурских воинов в войнах с джунгарами (ойратами), в том числе и в 1755–1757 гг. Что касается переселения дауров 1763 г., то оно было непростым. Добравшись до центральных районов современной Монголии, где начиналось разделение основного пути на два направления, переселенцы также распались на две части. Первая из них, мобильная, состоявшая из воинов, которые быстро двинулись по северному, труднопроходимому пути и в 1764 г. прибыли в местность Или. Можно предположить, что столь быстрое продвижение воинов-переселенцев было связано с необходимостью выполнения поставленного приказа цинского командования быть на новом месте к назначенному сроку. Вторую группу, которая двигалась по южному пути, составили в основном старики, женщины и дети. Терпя в пути многие беды и лишения, они все же достигли назначенной для поселения местности [Даур, 1989: 87]. Вероятно, не все дауры и солонны дошли до места назначения, незначительная их часть могла остаться на территории Халхи. Так, в этническом составе халхасцев имеется род дагур барга, проживает в сомоне Их-Уул Завханского аймака Монголии. В Среднеобийском аймаке Монголии есть достаточно многочисленный род солон барга, населяющий 6 сомонов [Цыбенков, 2012б: 201].

На новом месте в Синьцзяне переселенцы образовали Солонский дивизион, солонны составили левое крыло, а дауры – правое [Сюе Цзунчжэн, 2001: 93]. Более точную информацию дает Д. Я. Федоров, по данным которого «первоначально из восьми знамен даурских было четыре, поселенных в урочищах Алимту, Кер, Фусеку (Сонюру) и Хоргос» [1903: 248]. После прибытия дауры построили дома и стали заниматься земледелием. Дауры

Синьцзяна состояли из следующих родов: онон, аола, говол, мэрдэн, жинкэр, уорэ, дэдул, судур [Даур, 1989: 87]. В то же время дауры, вероятно, начали вступать в контакты с местным, преимущественно с западно-монгольским (ойратским) населением. Так, есть сведения, что «прибывшие в Илийский край дауры брали в жены калмычек, почему в их крови и обычаях много калмыцкого» [Федоров, 1903: 248]. Позже, в 1813 г., в Или и Тарбагатай для военных поселений было отправлено из Бутхи еще 1 тыс. семей дауров, солонов и ороحوнов [АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 145. Оп.1. Д. 16. Л. 14].

В период правления цинской династии дауров Синьцзяна называли солонами, поскольку они входили в состав их знаменной организации. Надо полагать, что под этим этнонимом они были известны в начальный период, поскольку есть данные о тотальной ассимиляции, собственно солонов. Ниже мы более подробно остановимся на этом моменте. С другой стороны, если основываться на материалах В. В. Радлова середины XIX в., то можно судить о некоем возвышении имени дауров. Так, ученый отмечал: «Дауры, которых китайское правительство поселило здесь в середине прошлого века для защиты Илийской долины, принадлежат к двум тунгусским племенам шибэ и солонам» [1989: 528]. В свете современных данных несомненна ошибка исследователя, объединившего разные народы под этнонимом «даур». Причина же, побудившая его к этому утверждению, возможно, крылась не в широком распространении названия «даур» в районе Или, а в том влиянии, которое оказывали чиновники-дауры на местную общественную жизнь. Об этом можно предполагать из следующего отрывка, где ученый пишет: «Каждым из этих двух племен управляет маньчжур, амбань; подчиненные ему офицеры и чиновники – дауры» [Там же: 529].

Поскольку в работе В. В. Радлова, как можно понять из вышеизложенного, под шибэ и солонами понимаются и дауры. Приведем ряд сведений по изучаемой проблематике. Так, все переселенцы получили богатые угодья; земля не облагалась налогами. Они были разбиты на 14 отрядов – сумулов; каждому сумулу были отведены земли на 500 семейств. В мирное

время на действительной службе находилось около 1 тыс. чел., солдат набирали по очереди из каждого поселения. В отличие от службы в южных районах провинции, где срок службы был 2 года, на пограничных постах Илийской долины служили лишь 1 месяц [Там же: 528–529]. Дауры, в первую очередь, были военными поселенцами, поэтому в случае восстаний местного населения им приходилось принимать участие в их подавлении. В 1864 г. в Синьцзяне началось уйгурско-дунганское восстание, продолжавшееся до 1877 г. Имеются данные, что «во время таранчинского восстания часть дауров была вырезана мусульманами. Остальные дауры укрылись в Тарбагатае» [Федоров, 1903: 248]. По другим сведениям, дауры были осаждены повстанцами в Хоргосе, но сумели прорвать осаду и перейти границу Российской империи. Руководил ими амбань Дувачинга. Дауры затем вернулись в Илийский край, в Тачэн. Произошло это примерно в 1868 г. [Daур, 1989: 280]. О переходе российской границы беженцами из Китая, в числе которых были дауры, сохранились интересные данные. Как отмечает В. Г. Дацышен, беженцы обращались к русским властям за помощью; среди них были лица, изъявлявшие желание принять российское подданство. В 1867 г. в Копал прибыло 4 тыс. семей калмыков, чахаров, дауров, солонов, сибо, маньчжуров, китайцев. Из них 800 семей были приписаны к станице Сарканской. Часть беженцев приняла крещение. В 1868 г. епископ Томский Алексей крестил в Копале 19 беженцев из Китая, в числе которых были монголы, дауры и китайцы [Дацышен, 2014].

Таким образом, незначительная часть дауров приняла решение остаться на территории Российской империи. Но основная масса даурских беженцев вернулась в Синьцзян. За ними «бежали из русских станиц и новокрещенные казаки, так и не принятые русским казачеством в свое сообщество». Все же некоторые остались, по переписи 1897 г. в Семиреченской области проживало более 100 чел., указавших в качестве родного монгольские языки [Дацышен, 2014].

Возвращаясь к периоду уйгуро-дунганского восстания, отметим, что военные действия с повстанцами-мусульманами продолжались 14 лет. Измотанные войной дауры под предводительством амбаней Дувачинга и Кучалана решились вернуться на родину, в Бутха. Переселение дауров 1873 г. закончилось неудачно, они не смогли даже выбраться за пределы Илийского края, остановившись в местности Боро-Тохой. Спустя несколько лет дауры вернулись в Тачэн, где впоследствии и обосновались. Они приняли активное участие в 1889–1891 гг. в строительстве Тачэна на новом месте. Всего дауров в Тачэне насчитывалось более 300 семей. Согласно новому положению восьмизнаменного войска, дауры в конце XIX в. состояли из шести сомонов (знамен): белого, белого с каймой, желтого, желтого с каймой, синего, красного с каймой [Дауир, 1989: 280; Баэрдэн, 2016: 165–182; Можигэньди, 1989: 159–160]. В начале XX в. солонь Синьцзяна относили себя к даурам. По некоторым данным, в 1954 г. было принято решение о включении сомонов Синьцзяна в состав даурского этноса [Казахи Китая, 2005: 31]. Солонь испытали сильную ассимиляцию со стороны сибо и дауров. Будучи менее многочисленными, они вошли в состав указанных этносов. По сведениям Ю. Янхунена, в начале XX в. во всем Синьцзяне было около 100 чел. сомонов, в 1991 г. их число сократилось до 20. Из этих 20 чел. лишь один 79-летний старик владел солонским языком [Juha Janhunen, 1996]. Официальная принадлежность сомонов района Или к даурскому населению оказала сильное влияние на этническое самосознание. Начиная с конца XIX – начала XX в. появились поколения сомонов, считающих себя даурами. Между тем следует отметить, что явной языковой близости не наблюдается. Дауры относятся к монголоязычным народам, солонь – к тунгусо-маньчжурским.

Наша встреча с синьцзянскими даурами, по сути являющихся солонями, состоялась в июле 2017 г. в селении Баян-Тала эвенкийского автономного хошуна. Перед приездом к хайларским даурам они посетили даурский автономный хошун Морин-Дава. В ходе состоявшегося небольшого разговора с ними выяснилось, что прибывшие синьцзянские дауры (6 чел.) относятся к

роду байгарчен [ПМА, 2017]. В официальных списках даурских родов это название не зафиксировано. На наш взгляд, под «байгарчен» следует понимать представителей солонского рода баягир. Очевидно, род баягир входил в состав солонских родов, переселившихся в середине XVIII в. в Синьцзян. Возвращаясь к встрече гостей из Синьцзяна, отметим ее парадоксальность, поскольку их встречали хайларские дауры, проживающие в эвенкийском автономном хошуне. Хотя на самом деле, если бы солонь Синьцзяна сохранили свою этническую идентичность, их должны были встречать кровные сородичи – эвенки (солонь) Хулун-Буира. Однако вхождение солонь Синьцзяна в состав дауров, как мы видим, привело к почти полной ассимиляции и серьезной трансформации этнического самосознания.

Помимо перечисленных четырех даурских групп (бутхаских, цицикарских, хайларских и синьцзянских) имелись и другие, проживавшие компактно в некоторых районах провинции Хэйлунцзян, а также в провинции Цзилинь. Одной из них были айгуньские дауры. Появление этой группы связано с 1683 г., когда был издан особый указ цинского императора. По нему были отобраны 500 дауров и поселены в местности Эсур. Там дауры построили крепость и стали заниматься земледелием и огородничеством. Впоследствии они приняли участие в войне за г. Якса (Албазин). После окончания военных действий дауры остались в г. Айгунь, основанном в 1684 г. императором Канси. Он в течение 7 лет был резиденцией цзяньцзюня, или военного губернатора, созданной тогда же провинции Хэйлунцзян. В 1684 г. в г. Айгунь учреждена должность мэйрэна-дзанги и основаны 8 хошунов. В 1685 г. со старого места на левобережье Амура г. Айгунь был перенесен на правый берег Амура. Для усиления охраны границы в г. Айгунь переселено даурское население из Бутхи и Цицикара. Численность их неизвестна, по всей видимости, речь идет о небольших группах населения. Тем не менее переселение дауров в Айгунь состояло из нескольких волн. Так, воины-дауры первой и второй волны переселения были поделены на 8 сомонов и образовали вместе третий сомон хошуна г. Айгунь. Они поселились в

окрестностях Айгуны и на левом берегу Амура в 7 селениях: Шивээ, Манначен, Бурдухэ (Бордо), Балам, Нагур, Элхэ, Чалбанг. По левому берегу Амура дауры жили совместно с маньчжурами и китайцами. В длину территория т. н. «маньчжурского клина» составляла 66 верст, а в глубину (ширину) – до 20 верст. Общая площадь – около 1400 верст. Численность дауров, по данным второй половины XIX в., составляла 900 чел. По сведениям южномонгольского историка Алтан-Оргила, в 1897 г. дауров насчитывалось 411 чел. (200 мужчин и 211 женщин). По его расчетам, с 1732 по 1897 г. число дауров сократилось на 73 % (цит. по: [Галзут Тубшинима, 2008: 153]). По всей видимости, Алтан-Оргил приводит количественные данные по одной этнотерриториальной группе дауров – хайларским.

Особое значение в социально-экономическом и политическом развитии даурских районов северо-восточного Китая сыграла Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), строительство которой проходило в 1897–1903 гг. В первой трети XX в. она стала главной транспортной артерией в Северо-Восточной Азии, позволила создать развитую транспортную и социальную инфраструктуру, оживила межрегиональный товарооборот, ускорила экономический рост и урбанизацию Маньчжурии [Непомнин, 1980: 160; Историческая энциклопедия, 2010: 71]. Во время «боксерского восстания» под предлогом защиты железной дороги в Восточной Маньчжурии 170 тыс. русских солдат по пяти направлениям вторглись в северо-восточный Китай. Отряду генерала Орлова, наступавшего на Хайлар, противостояла монгольская кавалерия [Мягмарсамбуу, 2017а: 34], в составе которой находились и дауры. В местности Хара-Эрги (совр. Цаган Балгас) в сражении с русскими войсками объединенные силы баргутов, дауров и солонов потерпели поражение и понесли большие потери [Галзут Тубшинима, 2008: 158]. Некоторая часть населения восьми солонских хошунов в июле 1900 г. бежала из Хулун-Буира в Шилингольский и Чжиримский аймаки Внутренней Монголии. Причиной явились грабежи скота и имущества

русскими солдатами [Мягмарсамбуу, 2017а: 36–37]. Поэтому, вероятно, какая-то часть дауров покинула временно территорию Хулун-Буира.

По данным даурских исследователей, отряды дауров, охранявшие китайские рубежи в районе Хэйхэ – Благовещенск, под предводительством мэйрэн-дзанги Пин Сяна вступили с русскими в борьбу и смогли изгнать русскую кавалерию из 64 селений на левом берегу Амура. Однако под натиском русских дауры были вынуждены отступить на правый берег [Дауир, 1989: 93–94]. Вопрос о переселении небольшого числа китайских подданных с левого берега Амура на правый рассматривался российским послом Е.В. Путягиным еще в 1858 г., когда был подписан Тяньцзиньский договор. На издержки переселения их жилищ российское правительство согласилось выделить до 100 тыс. лан [Кадырбаев, 2018: 16]. Накануне заключения договора с цинским Китаем Россия приступила к освоению и заселению Приамурья. В резолюции «Об утверждении за Россией левого берега Амура и об открытии торговых сношений с Китаем, 5 июля 1857 г. – 25 февраля 1858 г.» говорилось о развитии дружеских отношений с Китаем, основании на р. Амур г. Благовещенск [Кадырбаев: 2020: 10].

В своей летописи даурский историк Го Кэсин перечислил названия 64 деревень, расположенных на территории т. н. «маньчжурского клина» (на территории современной Амурской области, в районе г. Благовещенск, *кит. назв.* Хайланьпао), населенных маньчжурами, даурами, китайцами. Отмечена им гибель мирного населения, согнанного в июле 1900 г. русскими казаками в целях выдворения на берег Амура и большей частью утонувшего в реке. Многие были зарублены на берегу реки [Собрание сведений, 1998: 87]. Как вспоминали позже выжившие, вода в Амуре была красной от крови, русские войска убили свыше 5 тыс. чел. В «Истории Айхуй-сяня» говорится о гибели в той войне 205 дауров, 68 чел. были ранены. В г. Айхуй и его окрестностях было убито 248 чел. Руководитель обороны города, сомон-дзанги Дэ Айби также был убит. Цинское правительство оказало ему почести. На его родине был воздвигнут памятник. В этой войне также погибло много дауров из Бутхи

[Daур, 1989: 93–95]. С другой стороны, по воспоминаниям советского китаевода Г. В. Мелихова, в ходе восстания ихэтуаней в Маньчжурии пострадали русские строители КВЖД. Регулярные китайские войска, явившиеся движущей силой восстания на территории Маньчжурии, уничтожили в боях партию русских строителей под командованием поручика Валевского и инженера Б. А. Верховского, уходившую из Мукдена; совершали нападения на русские береговые посты у г. Айгуня; обстреливали г. Благовещенск; предприняли попытку уничтожить русских строителей в Харбине [1991: 108–110].

Еще одна небольшая группа дауров проживает в местности Хулан (ныне пригород Харбина). С середины XVIII по XIX в. отмечено три переселения дауров в местность Хулан. В 12-м году правления императора Найралту-Тов состоялось переселение 320 маньчжуров, эвенков-солонов, дауров и китайцев из района Цицикара в местность Хулан. В 1743 г. из Цицикара были отправлены в Хулан 12 даурских сомонов. Во время правления императора Туру-Гэрэлту для охраны Хулана из селений Балчиг, Улаан-Эрги (совр. село Булэлчи), Ганга, входящих в район Цицикара, было послано 120 даурских семей [Daур, 1989: 86]. В Хулане дауры проживали восточнее р. Хулан, к западу от р. Сунгари, к северу от г. Хулан, в селениях Байчи (или Балчиг), Хуанчи, Хуаньбин, Сачжиячжи, Хончи, Бамела. В 1780 г. 533 воина-даура были включены в состав восьми хошунов Хулана. В ходе административных реформ в Хулане в 1879 г. был создан новый гарнизон знаменных войск [Голиков, 2012: 52]. Дауры, призванные в восьмизнаменное войско из района Хулан, в течение 15 лет (1852–1867) приняли участие в 20 крупных и локальных сражениях. Согласно переписи населения, в 1909 г. в Хулане насчитывалось 322 даурских семьи общей численностью 1262 чел.

Имеются данные о проживании небольшой группы дауров в районе Бэдунэ (Нуньан-сянь провинции Цзилинь). Сохранился приказ мэйрэн-дзанги Мабудая, по которому предписывалось следующее: «В Бэдунэ основать одну деревянную крепость. Из народов сибо, говалча и дауров выбрать 2 тыс. чел.

наиболее способных и сильных, одеть их в доспехи и отправить в крепость» [Dayur, 1989: 81]. Речь в данном случае идет о переданных хорчин-монголами потомкам пленных дауров, группу которых поселили вместе с народностью сибо в Цицикаре и Бэдунэ.

Таким образом, дауры, чье происхождение и этническая история, равно как и их появление на Амуре и Зее, остаются до конца невыясненными, после вхождения в состав Цинского государства были искусственно разделены на несколько крупных и мелких этнотерриториальных групп в целях защиты пограничных рубежей. Несмотря на длительное обособленное существование и этнокультурное воздействие соседних народов, дауры сохранили свою самобытность и основные признаки единого этноса (язык, культуру, этническую идентичность). История каждой этнотерриториальной группы была тесно связана с политическим и социально-экономическим развитием регионов проживания. На примере дауров Синьцзяна, входивших в Солонский дивизион и долгое время именовавшихся исследователями в качестве сибо и солонов, можно видеть трудную жизнь военных поселенцев, принимавших участие в подавлении многих мусульманских восстаний и в то же время вступавших в этническое взаимодействие с местными ойратскими группами, и в тяжелые времена переходившими цинско-российскую границу в поисках убежища. На дауров Маньчжурии большое влияние оказывали внешние факторы (строительство и деятельность КВЖД, трансграничные отношения, торговля), периодически выражавшиеся в участии в вооруженной борьбе с российскими войсками, например, вторгшимися в районы Хулун-Буира и Айгуна в период «боксерского» восстания в Китае. К началу XX в. обстановка на национальных окраинах Китая, вызванная общим кризисом цинского правительства, начала стремительно ухудшаться в преддверии новых революционных перемен.

2.2. Эволюция политических воззрений даурской правящей элиты и народных лидеров, и их отражение в социально-политических мероприятиях (1912–1930 гг.)

Синьхайская революция разрушила привычный мир Цинской империи, открыв перед ее национальными окраинами возможность самим сделать шаг в будущее. Дауры в то время, не выделявшиеся из общей монгольской массы и проживавшие компактными группами от Сунгари до Синьцзяна, также были вовлечены в водоворот бурных событий первой трети XX в. Так, усиление китайской колонизации и позиций милитаристских группировок вызвало противодействие дауров Цицикара и Бутхи. Дауры Хулун-Буира приняли деятельное участие в социально-политических мероприятиях националистического формата, в то же время просчитывая и другие перспективные варианты развития событий. В начале XX в. в Хулун-Буир были введены китайские войска и полиция. Начались незаконные конфискации скота и конфликты со скотоводами, которые, несмотря на жалобы местных чиновников, не рассматривались даогаем [Daур, 1989: 152]. Такая политика китайских властей, проводимая на фоне общего экономического спада в стране, не могла не вызвать рост недовольства в регионе [Daур, 1989: 152; Atwood, 2002: 120; Непомнин, 2005: 533]. В целом по стране росла инфляция, резко подорожали предметы первой необходимости, голод 1910–1912 гг. в центральной части Китая (долины рек Янцзы и Хань, район Великого канала и т. д.) привели к миграции потоков беженцев [Непомнин, 1980: 205–206].

По данным К. Этвуда, восстание в Хулун-Буире 1912 г., известное как баргинское (или баргутское), было организовано амбаном Шэнфу [Atwood, 2002: 124], по сведениям Г. Мягмарсамбуу, Шэнфу (1850–1919), будучи главой олетов Хулун-Буира, был одним из руководителей восстания [2021a: 58]. Чиновники-дауры входили в руководящее ядро вооруженного восстания. Его ведущей силой стали баргуты. Поскольку мы не обладаем

данными о непосредственном участии в вооруженном восстании остальной массы даурского населения, то можем предположить, что их задействованность была менее заметной на фоне организованного движения баргутов. Основными причинами участия даурских чиновников в подготовке восстания явились, во-первых, идеи всемонгольского национально-освободительного движения; во-вторых, замена института амбаней на администрацию фудутуней и даотаев в 1905–1909 гг., в результате которой региональные чиновники лишились своих должностей. Поэтому ликвидация новых китайских властей для них означала возврат к прежней модели внутренней автономии в делах и восстановление в утраченных должностях. На карте провинции Хэйлуцзян, составленной в штабе Заамурского округа Пограничной стражи от 1912 г., территория современного Хулун-Буира выглядит разделенной на две основные части: Лубинфу, Хулуньтин, к которым примыкают с северо-востока – Хэйхэфу, с востока и юго-востока – Нунцзянфу и Лунцзянфу (Прил. 1) [Кузьмин, 2022].

По официальной версии, события зимы 1911–1912 гг. разворачивались следующим образом. Вооруженный отряд, созданный на тайном собрании в ноябре 1911 г. численностью более 1 тыс. чел., 15 января 1912 г. захватил административный центр региона – г. Хайлар. Возглавили восстание баргутский предводитель Чэгжэ и Шэнфу [Даур, 1989; Собрание сведений, 1998: 37]. Сведения о захвате повстанцами г. Хайлара весьма скупы, детали начала восстания в исторических работах почти не встречаются. Так, в монографии В. А. Богословского и А. А. Москалева, кратко говорится о первом крупном антикитайском восстании за пределами Внешней Монголии, вспыхнувшем в Барге в январе 1912 г. Авторы упоминают о захвате восставшими главного города региона – Хайлара, изгнании цинского наместника и направлении в Ургу делегации с посланием о намерении присоединения к независимой Внешней Монголии [1984: 27].

Более подробное изложение событий, связанных с изгнанием китайцев из Хайлара, сохранилось в рукописи докладной записки подполковника

Заамурского округа пограничной стражи Байдака. В частности, в ней можно выделить следующие моменты. 10 декабря 1911 г. на обеде по случаю вручения 1-му пограничному Заамурскому пехотному полку знамени состоялся разговор подполковника Байдака с генералом Е. И. Мартыновым. Вопрос генерала-лейтенанта «А вы могли бы поднять восстание?», Байдак первоначально воспринял как шутку и ответил, что, пользуясь революцией в Китае, в настоящее время в течение 3–4 месяцев он может поднять восстание во всей Монголии, лишь бы только дали ему немного денег, оружие и патроны [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 59].

Из истории известно, что 1-й пограничный пехотный полк дислоцировался на ст. Бухеду (совр. ст. Бугат) и входил в состав 1-го отряда Заамурского округа пограничной стражи. Другие пехотные и конные полки 1-го отряда располагались в Чжалантуне, Хайларе и Фуляерди (совр. Фулаэрци, *даур.* Хулан-Эрги, *досл.* Красный Берег - *авт.*). Поэтому очевидность происходивших событий не может вызвать сомнений. Собственно, после этого разговора генерал Мартынов дал Байдаку секретное поручение – поднять восстание и изгнать китайские войска из Барги. Последующие действия подполковника были весьма оперативны. 11 декабря 1911 г. он вернулся в Хайлар и отправил казака, бурята Санжиева с письмом к гегену Усельренбучи, другого казака Батмаева – на р. Керулен к угурде Ан и дзангину Чипчинге [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 54 об.]. По словам Байдака, он наметил наиболее влиятельных лиц среди баргинцев (угурды Шэн и Ан, чиновники Чибчинге и Ломбон-Чиндэ, посланец Далай-ламы геген Усельрембучи и др.), большинство которых он знал уже ранее и прямо раскрыл им задуманное генералом Мартыновым предприятие, причем обещал помощь России [Там же]. Вечером того же дня (11 декабря 1911 г.) Байдак поехал на встречу к Шэнфу. Как отмечено в рукописи: «В деревню Амбань, где жил угурда Шен, главный угурда Барги (*даур.*). Зная его влияние на остальных угурд, что происходило из того, что он почти единственный был грамотен, а также и то, что его сын был угурдой орочен, я, играя на его

властолюбии, сразу перешел к делу, объяснив ему выгодность переворота, для него лично, ибо, при его согласии, я повлияю на остальных угурд и он будет избран амбанем. После долгих переговоров угурда Шен почти изъявил согласие за себя и за сына» [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 60]. В этом фрагменте источника указаны многие малоизвестные детали, включая местонахождение администрации Хулун-Буира, грамотность Шэнфу, должность его сына, которые также свидетельствуют в пользу подлинности источника и происходивших событий. Из разговоров с Шэнфу Байдак выяснил, что на всех дауров и даже чипчинов (т. е. старых баргутов – *авт.*) имеет большое влияние служащий в управлении Хайларского китайского амбана, заведующий монгольской канцелярией, даур Ломбон-Чинде (речь, очевидно, идет о Цэндэ – *авт.*). По словам Байдака, Ломбона он почти не знал, поскольку как служащего у амбана считал его приверженцем китайцев. В то же время в рукописи указывается, что «в настоящее время он, Ломбон, в числе членов монгольского посольства в России» [Там же. Л. 60–60 об.]. Исходя из этого, можно сделать предварительный вывод о написании источника в период проведения Кяхтинской тройственной конференции. Как известно, Цэндэ (уже как Цэнд-гун – *авт.*) принимал участие в работе конференции.

Желая привлечь Ломбона на сторону восстания, Байдак из некоторых слов Шэнфу сделал заключение, что «Ломбон большой материалист и решил играть на этой его страсти» [Там же. Л. 60 об.]. Переговоры с Ломбоном-Чинде завершились согласием Байдака на его условиях – должность помощника амбана после окончания событий. Другие чиновники – угурды Ан, Ба и Чипчинге сразу согласились. Подробные сведения оставил Байдак о собрании, прошедшем 15 декабря 1911 г. Оно началось утром, в 10 ч. в доме Шэнфу. На нем присутствовало около 20 чел. – представителей от дауров, старых и новых баргутов. После почти 4-часовых переговоров вынесено следующее решение: если русские, действительно, окажут поддержку оружием, деньгами и начальствующими лицами, то восстать и изгнать китайцев. Как пишет Байдак, большим двигателем в этом решении было переданное ему представителем

монголов письмо гегена Усельренбучи, в котором он благословил Баргу на восстание и отметил, что время для свободы пришло [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 61].

На этом совещании были избраны два представителя, которым было поручено отправиться в Харбин для личных переговоров с генералом Мартыновым по выяснению, в какой мере будут оказывать помощь русские, т. е. оружием, деньгами и инструкторами. Было принято решение, что для борьбы с китайцами на первое время собрать по 10 чел. с каждого сомона [Там же. Л. 61]. Эти данные согласуются со сведениями Ц.-Е. Цыдыпова, указывавшего, что чиновнику, дауру Гуйфу было поручено возглавить делегацию в г. Харбин для переговоров с управляющими КВВД генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом и Е. И. Мартыновым о возможности поставок оружия и боеприпасов. Переговоры были успешными, Е. И. Мартынов отдал распоряжение о выдаче повстанцам требуемого количества винтовок с патронами и берданок [Базаров, 2002: 10].

Главным начальником Барги (амбанем Хулун-Буира – *авт.*) был избран Шэнфу, его помощником – Ломбон (Цэндэ-гун – *авт.*), начальником войска угурда Ан, его помощником – дзангин Чипчинге. Как отмечал Байдак, в поездках его сопровождали и служили переводчиками буряты Батмаев и Санджиев [Там же. Л. 61 об.]. Заметим, что буряты активно привлекались российской властью в качестве переводчиков. Известно, что в 1910 г. переводчиком монгольского языка в Управлении Забайкальского военного губернатора в Чите работал Цогто Бадмажапов, участник ряда экспедиций известного ученого-путешественника П. К. Козлова. В том же 1910 г. Бадмажапов принимал участие в переговорах с монгольскими повстанцами во главе с Тогтохо-тайджи [Чимитдоржиев, Ким, 2009: 70]. По данным бурятского историка В. Б. Базаржапова, бурятам-казакам территория Хулун-Буира и всей Маньчжурии была хорошо известна со времен подавления «боксерского восстания» в 1900-1902 гг. В частности, известно, что еще в

1900 г. бурятские казаки из 3-го Верхнеудинского конного полка отличились в бою с превосходящими силами противника под станцией Якши [2005: 42].

1 января 1912 г. подполковник Байдак посоветовал угурде Шэнфу отправиться к чиновнику МИД в Хайларе Усатому и просить передать китайскому амбаню ультиматум с требованием очистить импань (лагерь) к 5 часам утра 2 января. Однако Усатый дал баргутам настолько неблагоприятный ответ, что Шэнфу начал колебаться [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 55].

Тогда подполковник Байдак обратился к угурде Ан, но оказалось, что буряты-переводчики своими криками настолько напугали китайских солдат, что они побросали оружие и укрылись в русском поселке. Вслед за тем баргуты заняли Хайлар, не произведя ни одного выстрела [Там же. Л. 55 об.].

6 января 1912 г. генерал Мартынов лично выехал в Хайлар, причем, по словам подполковника Байдака, принял баргутских начальников Шэнфу, Ан и Ломбон-Чиндэ и поздравил их с успехом [Там же. Л. 57].

На этом деятельность Байдака не закончилась. Он писал, что по приказанию генерала Мартынова, отданного ему после взятия Любенфу, Байдак должен был поднять восстание среди дауров и маньчжуров Цицикарской провинции. Как указывал подполковник, это дело было им почти доведено до конца, дауры ожидали только оружия, чтобы восстать. Однако изменившаяся политика заставила Байдака отказаться от этого дела. По его словам, помощники в этом деле, несколько дауров, были казнены [Там же. Л. 70 об.]. Сведения Байдака отчасти согласуются с материалами летописи Алтангата. Даурский ученый отмечал попытку восстания в Бутхе в 1913 г., предпринятую неким Минбао и его сподвижниками под влиянием победы повстанцев в Хулун-Буире. Обрести независимое положение Бутхе не удалось, власти провинции Хэйлунцзян сумели подавить выступление [Собрание сведений, 1998: 37].

Исходя из докладной записки подполковника Байдака, можно сделать предварительный вывод о его причастности, а также казаков-бурят к захвату г. Хайлар баргутами. Причем собственно изгнание китайцев, как выясняется,

началось с шума, поднятого бурятами-переводчиками. И лишь потом выступили баргуты и заняли г. Хайлар. В записке министра финансов В. Н. Коковцева товарищу министру иностранных дел А. А. Нератову от 11 сентября 1913 г. о помощи баргутам от Заамурского округа Пограничной стражи сообщалось, что подполковник вышеуказанного округа Байдак представил мне [В. Н. Коковцеву – *авт.*] докладную записку. В ней говорилось, что генерал-лейтенантом Мартыновым было дано приказание поднять восстание среди баргутов. Проверив и сопоставив сведения, имевшиеся в распоряжении Министерства финансов, Коковцев приходит к выводу, что сам характер повествования и сопоставление рассказа с донесениями других русских агентов в Маньчжурии заставляют отнестись в общем с доверием к записке подполковника Байдака. Как далее отмечал Коковцев, восстанавливая ход событий, Байдак в некоторых случаях делает неточности; кроме того, в записке сквозит стремление подчеркнуть искусство и легкость, с которыми он осуществил столь необычное поручение – поднять восстание в громадном округе. Министр финансов справедливо пишет, что подполковник Байдак всю заслугу приписывает себе и почти не упоминает о том, что почва для восстания уже была вполне подготовлена; он не забывает особо отметить, что когда дело переходило в другие руки, оно кончалось неудачей, и что только его вмешательство давало событиям надлежащее течение [Кузьмин, 2022: 16–17].

Шэнфу, избранный амбанем Хулун-Буира, ранее работал в должности управляющего, поскольку есть сведения, что Шэнфу являлся *jakiguuci* (*монг.* управляющий; распорядитель). Он был первым чиновником из числа монголов (дауры в то время причислялись к монголам, иногда их называли даур-монголами) [Hatanaka, 1989: 27]. По данным олетского краеведа Ч. Режидмы, последним ухэридой, олетом по национальности в желтом с каймой олетском хошуне, был Бангунжав, затем его сменил даур [Ўамгад Rejidma, 2008: 27]. Можно предположить, что чиновником, сменившим Бангунжава был Шэнфу. Известно, что на должности чиновника Шэнфу

проработал до 60 лет [Qosokava, 2015: 19]. К тому времени он пользовался заслуженным уважением народа за свою многолетнюю безупречную службу в администрации амбана [Ibid.: 20]. В работе тайваньской исследовательницы Лан Мэй Хуа встречается другое, монгольское написание имени хулунбуирского амбана как «Шинэ хүү» (*kit.* Sheng-fu) [Лан Мэй Хуа, 2011: 137]. Известно, что амбаном Шэнфу был тепло встречен хорчинский князь Удай, бежавший из аймака Чжирим после поражения восстания в 1912 г. Чиновник Министерства иностранных дел в Хайларе П. К. Усатый 1 февраля 1912 г. в послании российскому консулу в Харбине за № 131 сообщал о Шэнфу следующее: «Шен – родом даур, ухэрида Олотского хошуна. Он бодрый старик 62 лет, пользуется влиянием среди монгол, т. к., проживая вблизи Хайлара, более других усвоил китайскую культуру и раньше, когда здесь было фудутунство, обыкновенно исполнял его обязанности» [2022: 40]. По мнению офицера 6-го пограничного Заамурского конного полка Г. М. Коншина, ухерида Шен был человеком нерешительным и малоэнергичным [Там же: 42].

Шэнфу и другие чиновники Хулун-Буира стремились включить регион в состав Монгольского государства. Среди дауров имелись люди – Цэндэ, Минбу, Линшэн, Мэрсэ, Фуминтай, выражавшие готовность к радикальным переменам, вплоть до обретения подлинной независимости и суверенитета Хулун-Буира [Öljei, 2013: 155]. В этом моменте их идеи сближались с замыслами баргутов, находившихся под большим влиянием национально-освободительного движения во Внутренней и Внешней Монголии. Как подчеркивает японский историк Танака Кацухико, именно баргутские чиновники (ваны, гуны) Хулун-Буира горячо поддержали национально-освободительное движение во Внешней Монголии, твердо решили изгнать из пределов Хулун-Буира всех иноземцев, объединиться с объявившей независимость Внешней Монголией [Танака Кацухико, 2020б: 16]. Несмотря на религиозные и культурно-языковые различия [Atwood, 2005: 12–13; Базаров, 2002: 12; Кузьмин, 2016: 189], дауры и баргуты были проникнуты сильными националистическими настроениями. Во время маньчжуро-

монгольских переговоров по демаркации границы в 1935 г., проходивших в г. Маньчжурия, глава делегации Маньчжоу-Го Линшэн, вспоминая период борьбы за обретение независимости Внешней Монголии в 1911–1915 гг., в частности, говорил: «...я тоже являюсь представителем монгольской нации и знаю страдания монголов, когда только зарождалась борьба за независимость. Я был в Пекине вместе с прибывшими из Урги Шавийн-зайсаном и другими монгольскими представителями, которые добивались смещения с должности амбана Сандова (речь идет об амбане Саньдо – *авт.*). Помогал им, но тогда наше дело не имело успеха. Хотя потом Сандова был изгнан» [Манжуурын, 2019: 104]. Факт участия Линшэна в деятельности монгольских делегатов, прибывших из Урги в Пекин для смещения с должности маньчжурского амбана Саньдо, не подтверждается другими источниками. Тем не менее можно предположить, что Линшэн в то время мог находиться в Пекине, прибыв из Хайлара по делам хулун-буирской администрации. Соответственно, в этом случае он мог взаимодействовать в Пекине с представителями Внешней Монголии. Как далее отмечал Линшэн, в Маньчжоу-Го работали 2 человека из бывшей администрации амбана Урги. Одним из них был Сандова, к тому времени находившийся в преклонном возрасте [Манжуурын, 2019: 104].

18 января 1912 г. Шэнфу отправил Богдо-гэгэну телеграмму с просьбой принять население Хулун-Буира в свое подданство и присоединить их земли к Халхе [Белов, 1993: 23; Богословский, Москалев, 1984: 27]. Этот факт характеризует Шэнфу как сторонника объединения монгольских территорий в рамках одного государства. Была ли это его воля или же она была продиктована революционно настроенным большинством, сказать трудно. Но ясно одно, оказавшись в руководстве во время бурных событий, даурский деятель сумел принять быстрое и ясное решение, четко обозначившее позицию большинства населения Хулун-Буира. Монгольский историк Мягмарсамбуу указывает, что глава олетского хошуна Шэнфу стал единственным бывшим полковым начальником, представлявшимся Богдо-

хану [2017а: 46]. И этот факт придавал ему большой авторитет среди других чиновников [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 140].

В январе 1912 г. в Ургу (*монг.* Нийслэл-Хурэ; Их хурээ; Да хурээ) отправилась делегация из Хулун-Буира. Основной целью визита делегации стало обсуждение вопроса о присоединении региона к независимой Монголии. Отметим, что не только хайларские дауры вместе с баргутами стремились войти в состав Монголии. В архивных материалах сохранилось прошение от 5 мая 1912 г. (по другим данным, от 29 мая 1912 г.) чиновника 4-й степени провинции Хэйлунцзян, даура Минбу. В этом документе, написанном маньчжурским письмом, также говорится о принятии в монгольское подданство трех городов провинции, очевидно, населенных даурами [Монголчуудын, 2014б: 20–28]. Из него можно понять, что помимо хайларских дауров, которые на протяжении более 180 лет жили в соседстве с монгольскими этническими группами, дауры региона Бутха также искали способы приобщения к новому государству. Бутха находилась на границе монгольского и маньчжурского миров и территориально была гораздо ближе к Внутренней Монголии. Представители бутхаской знати подчеркивали, что их предки в конце юаньского периода сражались с китайскими войсками династии Мин и были вынуждены отступить на северо-восток. Дауры оставались там вместе с последним юаньским императором. О проживании дауров на землях Внешней Монголии свидетельствовало название даурского рода онон, которое было прямо связано с р. Онон. Как отмечает К. Этвуд, одним из ярких проявлений панмонгольской идеологии в Хулун-Буире явилось принятие идентичности чингизидов народами, которые никогда не были частью этой системы. В истории баргутов, написанной ученым Губэри, Хулун-Буир отмечен как земля Чингисхана, а также как весенняя ставка его младшего брата Хасара. Сочинение этого ученого стало главной проблемой бутхаских дауров в их желании связать себя с эпохой Чингисхана, поскольку Бутха отделена от Хулун-Буира хребтом Большой Хинган. Тем не менее даурские ученые Го Кэсин, Алтангат и другие пытались связать дауров с

Монгольской империей, то возводя их к потомкам белых татар или же младшего брата Чингисхана – Хасара [Atwood, 2005: 13–15].

4 февраля 1912 г. повстанцы во главе с Чэгжэ штурмом овладели крепостью Любинфу (около ст. Маньчжурия). Китайский гарнизон под командованием Чжен Шучжена насчитывал около 100 чел. К моменту описываемых событий значительного контингента китайских солдат на охрану территорий, граничащих с Россией, не выделялось, поскольку имелись русско-китайские договоренности [Базаров, 2002: 10]. По данным Алтангата, во главе повстанческой армии, изгнавшей китайские войска из ст. Маньчжурия, находился даур Гуйфу [Собрание сведений, 1998: 37]. В результате переговоров китайский гарнизон сдал оружие и на лошадях и по железной дороге выехал за пределы Хулун-Буира. Несмотря на выдворение китайских чиновников и солдат, военный инспектор провинции Хэйлунцзян Сун Шулян издал 12 февраля 1912 г. приказ о мобилизации войска, поселенного в Хулун-Буире. Он также одобрил восстановление института амбаней и назначение Шэнфу амбанем, а Чэгжэ – помощником амбаня [Даур, 1989: 154]. Очевидно, провинциальные власти Китайской Республики, пытаясь осознать масштабы и последствия свершившегося восстания, принимали меры, рассчитанные на последующее развитие событий.

Тем временем во Внешней Монголии разворачивались иные события. Как отмечает А. П. Тарасов, в мае 1912 г. Шэнфу был пожалован титул князя 4-й степени, и он стал управлять Хулун-Буиром от имени Богдо-гэгэна [2013: 52]. Несмотря на пышный прием и пожалования Богдо-гэгэном наград и титулов, в ходе обсуждения вопроса о подданстве между делегацией Хулун-Буира и монгольскими чиновниками появились расхождения во мнениях. Как отмечал бурятский деятель Ц.-Е. Цыдыпов, «по возвращении делегации Барга решила воздержаться от прежних намерений и утвердила свое независимое положение» (цит. по: [Базаров, 2002: 12]). Делегатам из Хулун-Буира не понравилась идея отдельных халхаских чиновников о прямом управлении регионом. Амбань Шэнфу стал с недоверием относиться к Богдо-гэгэну за его

вмешательство в денежные дела области [Сводка сведений, 1914: 1]. Вопрос об управлении Хулун-Буиром, вероятно, обсуждался и после возвращения делегации. Тем временем высшие чиновники Внешней Монголии все же полагали, что Барга признала власть ургинского правительства. Об этом упоминает в своем разговоре с российским дипломатом И. Я. Коростовцом да-лама Цэрэн-Чимид [Батунаев, 2013; 2015: 77]. По данным российской разведки, Богдо-гэгэн направил из Урги в Хайлар Чжасак-ламу для управления всеми 17-ю хулун-буирскими хошунами в качестве светского и духовного правителя, вернее наместника. Однако все 5 помощников ухериды и более 50 цзангинов не пожелали признавать власть Чжасак-ламы. Ввиду этого Шэнфу просил Ургинское правительство отозвать Чжасак-ламу и упразднить в Хулун-Буире должность наместника, оставив прежний маньчжурский устав, введенный цинской династией. Ходатайство было направлено Богдо-гэгэну. Тогда же выехал в Ургу из Хайлара специальный цзангин Фусянь (очевидно, Линшэн – *авт.*) с 10 тыс. руб. для подарков высшим чинам монгольского правительства на случай, если они не согласятся с просьбой хулун-буирских властей [Сводка сведений, 1914: 22–23].

В то же время полностью поддерживая идеи народно-освободительного движения монгольских народов, ряд деятелей Хулун-Буира перебирается в Ургу. По распоряжению Богдо-гэгэна в столицу Внешней Монголии был вызван чиновник по внешним сношениям Хулун-Буира Бавуудайн Цэндэ (1875–1932) [Мягмарсамбуу, 2021а: 63], в котором можно узнать Ломбона-Чинде из докладной записки подполковника Заамурского округа Пограничной стражи Байдака. Прибыв во Внешнюю Монголию, Цэндэ работал в канцелярии монгольского правительства, принял участие в военных кампаниях во Внутренней Монголии. За проявленное мужество ему был присвоен титул «Бодолгату-батор-гун» (Рассудительный герой) [Цыбенев, 2017: 205]. С тех пор за ним закрепилось новое имя — Цэнд(-э)-гун. В этот период в Монголии находились и некоторые бурятские общественно-политические деятели, в частности Цыбен Жамцарано, назначенный в 1911 г.

советником Российского консульства в Урге и одновременно исполнявший обязанности советника по вопросам образования в монгольском правительстве Богдо-гэгэна [Улымжиев, 1999: 35; Цибилов, Чимитдоржиев, 2009: 72; Базаров В., 2013: 187–191]. Таким образом, можно полагать, что Цэндэ и другие выходцы из Хулун-Буира и Внутренней Монголии, несомненно, были знакомы и поддерживали контакты с представителями бурятской интеллигенции в Урге.

Хулун-Буир стали посещать и монгольские чиновники. В феврале 1913 г. да-лама Цэрэн-Чимид прибыл из Урги в Хайлар для встречи с генеральным консулом Японии в Харбине. Цэрэн-Чимид собирался выехать в Японию, чтобы заручиться поддержкой японского правительства в вопросе о монгольской независимости. Однако генеральный консул Японии в Харбине, придерживаясь условий Российско-японской конвенции 1912 г., известил да-ламу о невмешательстве Японии в дела Внешней Монголии. В итоге да-ламе Цэрэн-Чимиду пришлось ни с чем вернуться с полпути в Ургу. Монголам стало понятно, что Япония, как и Россия, выступает против объединения Внешней и Внутренней Монголии [Наками Тацүо, 2020: 45]. Этот момент касался также и объединения Хулун-Буира, и Внешней Монголии. Что касается личности да-ламы Цэрэн-Чимида, то российский историк Е. А. Белов доказал, что он не был «китаефилом», как ранее трактовали в советской историографии, а был человеком бескомпромиссным, одним из ведущих лидеров Монголии, готовым отдать жизнь за обретение независимости своей страны (цит. по: [Лузянин, 2000: 17]).

Тем временем Хулун-Буир стал фактически самостоятельным и независимым (Прил. 2), местные власти стали проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. Они обращались к российским чиновникам МИД для засвидетельствования хранящихся у баргинских властей договоров с русскими подданными на предмет устранения каких-либо недоразумений в будущем. Русские торговцы, по их просьбе, допускались к добыче камня и угля [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 39], лесозаготовке по

рекам Имин, Ойна и Ядар [Там же. Д. 299. Л. 10–12], к другим видам предпринимательской деятельности [Белов, 1993: 175; Кузьмин, Василенко, 2021: 41]. Русские рыбопромышленники арендовали оз. Далайнор [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 299. Л. 20–41], а также жилые помещения в г. Хайлар [Там же. Л. 42–46].

24 сентября 1913 г. состоялся съезд монгольских чиновников Хулун-Буира, где было 6 чиновников от дауров, а всего 89 чиновников, включая Джалайт, Солон, Чибчин-Барга, Хубо-Чаган и др. Всего – 17 хошунов [Там же. Д. 760. Л. 73]. Как мы видим, даурские чиновники в процентном соотношении составляли очень малую часть хулун-буирского чиновничества. Тем не менее именно они находились у руля власти и претворяли в жизнь мероприятия внутренней и внешней политики региона.

Китайская Республика пыталась восстановить свою власть в Хулун-Буире. В секретных телеграммах российских консулов в Цицикаре, надворного советника Афанасьева, посланника в Пекине Крупенского сообщалось о продвижении китайских войск к границам Хулун-Буира [Там же. Л. 25–31]. Шэнфу, обеспокоенный известием о посылке в Хайлар китайских войск, послал приказание хинганским пограничным постам усилить наблюдение за перевалами, а хошунам – держать солдат наготове [Там же. Л. 91].

Провинциальные китайские власти прибегали и к услугам разного рода осведомителей, в числе которых были и дауры. Например, 10 октября 1913 г. в Старый Хайлар приехал из Фулаэрцзи даур Элдэгэ и в тот же день был арестован монгольской полицией, так как оказалось, что он при губернаторе Цицикара Сун-сяо-ляне служил в качестве шпиона [Там же. Л. 75]. Здесь, видимо, речь идет о выходце из цицикарских дауров, поскольку Фулаэрцзи находится в регионе их проживания.

Планы китайских провинциальных властей натолкнулись на противодействие со стороны Российской империи, которое не желало ввода в регион китайских войск и проведения колонизации [Дылыков, 1953: 28].

Россия была заинтересована в сохранении неопределенного статуса Хулун-Буира, который так и не инкорпорировался в состав Китайского государства [Михалев, 2022: 22]. Собственно на территории Хулун-Буира столкнулись интересы двух стран, населенных ханьским и русским большинством, которые на протяжении последних столетий активно проводили колонизаторскую политику. В целом можно согласиться с мнением японского исследователя К. Танака, что в планы двух держав – Российской империи и Китайской Республики не входил вопрос о суверенитете монгольских земель (включая и Хулун-Буир – *авт.*), их интересовали лишь покорение и управление национальными меньшинствами, разработка их природных ресурсов [Танака Кацүхико, 2020а: 12–13]. Интерес к Хулун-Буиру проявляли и власти Внешней Монголии. Чиновничество Хулун-Буира со своей стороны также пыталось войти в отношения с Внешней Монголией. В составе делегации Хулун-Буира в Ургу ездил и даур Линшэн. Известно, что в декабре 1913 г. Линшэн обратился к П. К. Усатому с вопросом, не могут ли они (здесь имеются в виду российские власти – *авт.*) в случае отказа Богдо-хана оставить Хулун-Буир под своей властью, вести переговоры с китайцами через посредство Вице-консульства в Хайларе. На это вице-консул в Хайларе ответил, что этот вопрос будет направлен на разрешение российского посланника в Пекине. Оговорившись затем, что он высказывает только свое личное мнение, Линшэн заявил, что они желали бы при переговорах с китайцами сохранить прежний административный строй, существовавший при цинской династии до 1909 г., т. е. чтобы Хулун-Буир управлялся фудутуном, назначаемым ими из местных чиновников, или из маньчжуров, но не из китайцев; чтобы остальные чиновники выбирались населением и утверждались высшей китайской властью в лице президента; чтобы китайские войска не допускались в Хулун-Буир и воспрещена была колонизация земель китайцами [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 89].

Бесплодные попытки хулун-буирских чиновников урегулировать взаимоотношения с Ургинским правительством, по всей видимости, привели

к усилению прокитайской ориентации отдельных лиц, в основном дауров. Хотя есть сведения, что амбань Шэнфу к китайцам относился весьма недружелюбно [Сводка сведений, 1914б: 1]. Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи 20 апреля 1914 г. докладывала, что, по слухам, из Цицикара тайно командирован для переговоров с даурами один китайский чиновник. Она же выделяла горячих сторонников китайцев – следующих даурских чиновников: амбань Шэнфу, командир полка Гуйфу, чиновник по русским делам Фушан (Фусян, он же Линшэн – *авт.*), правитель канцелярии левого крыла Чжарантай и советник амбана Вэн-мин [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 760. Л. 159]. В то же время между баргутским лидером Дамдин-Сурэном и амбанем Шэнфу произошел раскол [Там же. Л. 159 об.].

О самостоятельности внешней политики свидетельствует отправка Хулун-Буиrom в 1914 г. делегации на открывшуюся Кяхтинскую конференцию. В ее составе, вероятно, были и даурские чиновники. К. Этвуд подчеркивает, что там находился Линшэн [Atwood, 2002]. Конкретные цели поездки делегации Хулун-Буира на данный момент нами не выяснены. Можно предположить, что основной целью было присоединение региона к Внешней Монголии в качестве составной части и совместное отстаивание интересов монгольской независимости. В составе делегации Внешней Монголии принял участие в конференции Цэнд-гун в качестве советника и переводчика. По прошествии трех месяцев он вместе с Манлай-батор Дамдинсурэном был отправлен в Ургу [Батсайхан, 2007: 243; Мягмарсамбуу, 2021а: 62].

Делегаты Хулун-Буира осознавали все трудности, связанные с признанием Хулун-Буира в качестве независимого государственного образования. По прибытии в Кяхту делегатов Хулун-Буира не допустили на заседания конференции. Как отмечает О. Батсайхан, во время переговоров монгольской делегации стало понятно, что в вопрос о независимости Монголии невозможно включить Внутреннюю Монголию и Баргу [Батсайхан, 2005: 87]. Делегаты Хулун-Буира и Внутренней Монголии, очевидно, все же

находились в Кяхте в период проведения тройственных переговоров. Как отмечает К. Танака, делегаты, возглавляемые советником Министерства внутренних дел Внешней Монголии Хайсан-гуном, заместителями министра иностранных дел Рашминжуром и Цэндэ-гуном, вернулись во Внутреннюю Монголию [Танака Кацүхико, 2020в: 38]. В этот период Цэндэ-гун уже был знаком с бурятскими деятелями Ц. Жамцарано и Ц. Бадмажаповым, работавшими в Урге и принимавшими участие в Кяхтинской конференции. Ц. Жамцарано, как известно, принимал участие в разработке 13 пунктов переговоров, в частности, подготовил пункт, предусматривавший, что «Монгольское государство будет включать в себя 4 аймака, 150 хошунов Халхи, 6 сеймов, 49 хошунов Внутренней Монголии» [Улымжиев, 1999: 50]. Можно допустить и знакомство Цэндэ-гуна с Э.-Д. Ринчино, поскольку из автобиографии последнего от 15 октября 1934 г. известно, что в 1914–1916 гг. он принимал участие в экспедиции по обследованию Монголии. В то же время Ринчино были подготовлены две работы «Шаманство в Монголии» и «Экономические районы Монголии», которые не были напечатаны ввиду войны и революции [1994: 11]. О помощи Ринчино (в тексте документа как Элбэгдорж – *авт.*) монгольским делегатам в период Кяхтинской тройственной конференции упоминал в 1935 г. даурский деятель Линшэн, который, по его словам, также находился в Кяхте и как-бы принимал участие в работе конференции (на монгольском языке записано как «явалцсан нэртэй болсон», что, на наш взгляд, указывает на неопределенность участия, досл. «получил имя, принимавшего участие» – *авт.*). По данным Линшэна, он вместе с Элбэгдоржем был назначен монгольскими делегатами во Францию, однако дальше дело не имело продвижения. Далее Линшэн указывал, что «Элбэгдорж остался там, в Урге, а я вернулся на родину» [Манжуурын, 2019: 104].

Из сведений Линшэна, не подтверждаемых другими фактами, можно сделать предварительный вывод о его нахождении в Кяхте в составе делегации от Хулун-Буира в период проведения переговоров. Поскольку в составе делегации Внешней Монголии не было людей с именем Элбэгдорж, мы

полагаем, что речь в данном случае может идти о Э.-Д. Ринчино, который в то время находился в Монголии. Из данных Линшэна можно также понять, что Ринчино в период переговоров оказывал помощь представителям Внешней Монголии и, очевидно, контактировал с делегацией из Хулун-Буира. Об упоминаемом назначении Линшэна и Ринчино в качестве монгольских делегатов во Францию сложно судить, не располагая другими фактами. Возможно, такие события могли иметь место после окончания Кяхтинских переговоров, когда расстроенные его исходом представители Внешней Монголии и Хулун-Буира при содействии бурятских деятелей могли решиться на подобные неординарные шаги. Таким образом, именно с этого времени (1913–1915 гг.), на наш взгляд, берет свое начало взаимодействие представителей даурской и бурятской интеллигенции. Как показывают данные, со временем эти контакты продолжали укрепляться и развиваться.

Баргинский вопрос был разрешен в октябре 1915 г. подписанием между Россией и Китаем соглашения. О сути этого документа мнения историков расходятся. Как отмечает А. С. Железняков, регион отныне входил в подчинение Центральному китайскому правительству и становился открытым для ввода китайских войск и колонизации, что прикрывалось в соглашении оговорками о «предупреждении России» и «разрешении местной власти». Исследователь подчеркивает, что «здесь (имеется в виду Барга – *авт.*) Россия была особо заинтересована в поддержке центральной власти, охватывающей весь Китай» [2016: 191]. П. Н. Дудин, напротив, полагает, что Соглашение о Хулунбуирском округе надежно защищало российские интересы, в том числе и военные. По его мнению, китайские войска все же не допускались на территорию Хулун-Буира, «их пребывание было возможным лишь в одном случае и по предварительному извещению об этом русской стороны» [2020: 12–25]. По данным Е. А. Белова, Хулун-Буир становился фактически независимым от Пекина, что представляло для местного населения особую ценность [1993: 175; Кузьмин, Василенко, 2021: 41]. Тем не менее, как отмечал консул СССР в Маньчжурии Гейцман в 1925 г., дауры были обижены тем, что

в 1915 г. по особому соглашению между Китаем и Россией Барга была уступлена Китаю [АВП РФ. Ф. 270. Оп. 1. Портфель 37. Папка 3. Д. 110/25. Л. 162]. Согласно первому пункту русско-китайского соглашения о Хулунбуирском округе от 24 октября 1915 г. Хулун-Буир выделялся в качестве специального округа, непосредственно подчиненного Центральному правительству Китайской Республики. В то же время, в случае необходимости и в целях ускорения сообщения, хулун-буирские власти могли входить в общение с высшим начальством провинции Хэйлуцзян, в ведении которого они находились. Второй пункт соглашения четко указывал, что фудутун Хулун-Буира назначается декретом президента Китайской Республики и пользуется правами губернатора провинции. Пять ухэрида Хулун-Буира и местные власти не ниже 3-го класса – одни только могут быть назначены на этот пост [Русско-китайские, 2004: 428]. В ноте китайского министра иностранных дел Лу Чжен-сяна от 24 октября 1915 г. на имя российского посланника в Пекине говорилось, что правительство Китая одобрило Соглашение по вопросу о положении Хулун-Буира и оба правительства должны приложить старания к тому, чтобы побудить хулун-буирские власти к принятию Соглашения. В документе было указано, что «президент Китайской Республики назначит на пост первого фудутуна Хулун-Буира ухэриду Шэнь-фу» [Там же: 431].

Ситуация на границе с Хулун-Буиром в Восточной Монголии была в 1915–1917 гг. довольно напряженной. Дело в том, что по итогам Кяхтинской конференции правительство Внешней Монголии предложило выходцам из Внутренней Монголии оставить территорию автономии. Однако Шударга-батор Бавужав не признал результаты кяхтинских переговоров и подписание Тройственного соглашения [Железняков, 2016: 198]. Отряды южно-монгольских князей стали грабить мирное население [Базаров, 2002: 13]. В 1916 г. остатки отряда погибшего к тому времени Бабужава во главе с заместителями Сэбжингэ и Бумбажавом расположились в районе р. Халхин-гол и потребовали помощи от амбана Хулун-Буира. Однако Шэнфу отказал

им. Известно, что в первой четверти XX в. осуществлялась «японизация» Северной Маньчжурии путем увеличения японских резидентов и проникновением их во все сферы жизни [Куртинец, 2010]. Японские инструкторы находились и в составе отряда Бавужава. В произведении японского писателя Дана Кадзуо «Вечернее солнце и стрелки из пистолета» (1958) описана биография некоего Датэ Ринноскэ, служившего в отряде Бавужава в составе ударной группы. Автор указывает, что японский военный прибыл в Маньчжурию, чтобы создать счастливое государство совместного процветания пяти наций, а также с целью помощи установлению монгольской независимости [Баба Кимихико, 2020: 170].

По мнению дипломата, 1-го секретаря Русской миссии в Китае В. В. Граве, японские инструкторы подтолкнули харчинов в мае 1917 г. к походу в Хулун-Буир. Поводом для него послужил отказ фудутуна Хулун-Буира Шэнфу от провозглашения монархии в регионе и обращение к китайскому правительству с просьбой о присылке войск для отгона харчинов от границ Хулун-Буира [АВПРИ. Ф. 299. Оп. 573. Д. 7. Л. 73]. Факт захвата Хайлара упомянут в работе В. А. Богословского и А. А. Москалева, где говорится, что Чхадарабалу в 1917 г. на короткое время удалось занять город [1984: 28]. Речь идет о преемнике Бавужава – гуне Чадрабале, избранном в качестве командира повстанческого отряда 1 декабря 1916 г. собранием старшин. По данным Цэндэ-гуна, знакомого с ним, Чадрабал не отличался храбростью и не имел большого авторитета среди повстанцев [Кузьмин, 2018: 8, 13]. Очевидно, поэтому на передний план выдвинулись другие предводители – Бумбажав и Сэбджингэ, прибывшие на переговоры в Хайлар в феврале 1917 г. По данным даурского исследователя Эньхэбату, Хайлар был захвачен отрядом во главе с Сэбчжингэ [2019а: 64–69; 2019б: 70–72].

Шэнфу обвинялся харчинами в одновременных переговорах с китайской провинциальной администрацией в Цицикаре и с князем Су – одним из лидеров монархического движения [Кузьмин, 2019а: 618]. Таким образом, харчинский отряд, ведомый японскими инструкторами, нанес ощутимый удар

по правящей верхушке Хулун-Буира, которая в основном состояла из дауров. Причем пострадала как даурская правящая элита, так и простые дауры, которых стали грабить мелкие шайки харчинов. Даурское население г. Хайлар, селений Өмнө-айл, Баруун-айл, Мэхээрт было вынуждено в спешном порядке покинуть свои деревни и направиться в сторону Прихинганья – в местности Жидан-гол, Жалан-айл, Нэнгэнси, а также в район Цицикара [Дауиг, 1989: 155]. Согласно архивным документам, харчины в основном грабили именно даурское население. Сильно пострадали дауры, проживавшие в районе Старого Хайлара. Все имущество, накопленное ими до 1917 г., было разграблено и уничтожено харчинами, уцелело только то, что они успели захватить с собой [АВП РФ. Ф. 270. Оп. 1. Портфель 37. Папка 3. Д. 110/25. Л. 152]. Некоторые дауры-чиновники были схвачены харчинами и за них был назначен выкуп. Большинство дауров укрылось в русском поселке при ст. Хайлар [Мещерский, 1920: 10]. По данным Ю. В. Аргудяевой, часть дауров, живущих к северу от Хайлара, в некоторой степени была подвержена русскому влиянию. Особенно это было заметно в их жилых и хозяйственных постройках, практически ничем не отличавшихся от помещений забайкальских казаков. В отличие от представителей других национальных меньшинств, дауры достаточно легко приобщались к социально-экономическим изменениям; нередко работали на железной дороге, лесоразработках, добыче соли [2016: 31].

Возвращаясь к бегству даурского населения в 1917 г., отметим, что Российское вице-консульство в Хайларе оказалось не в состоянии помочь даурам, поскольку русские солдаты не хотели воевать против харчинов. Причиной отказа явились красные повязки на рукавах харчинов; солдаты считали их революционерами, борцами за свободу [Мещерский, 1920: 10]. После захвата Хайлара харчинским отрядом все дауры в количестве 702 чел. ушли в Цицикарскую провинцию [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 397. Л. 28, 30; АУФСБ по РБ. Д. 7536. Л. 156 об.; Ностаева, 2010: 46].

Нельзя сказать, что дауры изначально выступали против отряда Бавужава. Они даже помогали харчинам в их военных перевозках. Дауры оказали помощь не только предоставлением телег, но и перевозкой оружия. По словам Фуминтая, «монголы (речь идет о даурах – *авт.*) нашей деревни это оружие перевозили секретно» [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 24]. После взятия Хайлара харчины привлекли к работе на их стороне часть даурской молодежи как идейно близких к ним людей. Молодые даурские деятели согласились вести агитацию, вербовать добровольцев, собирать лошадей для войска Бавужава. Но ввиду того что харчинские группировки начали заниматься грабежами, взятками и вымогательством, то Фуминтай и другие деятели стали относиться к ним отрицательно. По словам Фуминтая, он понял, что такие руководители не смогут возглавить большое движение и будут уничтожены. Поэтому они не стали вести активную работу. Большое влияние на молодых дауров оказал Цэндэ-гун, который, прибыв из Урги, был арестован группировкой Бумбажава и освобожден за 5 тыс. китайских долларов. После этого под руководством русского консула Цэндэ-гун начал вести подготовку к изгнанию харчинских группировок из Хулун-Буира [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 26].

Шэнфу и другие чиновники-дауры, прибыв в Цицикар, подали прошение администрации провинции Хэйлунцзян о помощи и выделении войска провинции для освобождения Хайлара. Однако их планы не получили поддержки. Шэнфу как глава автономного правительства запросил помощи у центрального правительства в Пекине. Он также обратился к российским войскам охраны на линии КВЖД, российским властям в Чите. Цэндэ-гун был отправлен обратно в Ургу, чтобы просить помощи у Богдо-гэгэна. Чиновники Хулун-Буира в 1917 г. осознавали всю сложность ситуации и просчитывали всевозможные комбинации с участием провинциальных властей Китайской Республики, России в лице КВЖД и охраняющих его войск, Японии (Прил. 3). Поскольку все миссии оказались бесплодными, даурские чиновники решили сами изгнать захватчиков [Atwood, 2002: 126]. Гуйфу, Линшэн, Рунан, Пургету

тайно прибыли в г. Маньчжурия, где установили контакты с баргутскими чиновниками и организовали тайное собрание делегатов. На нем было принято решение о создании кавалерийского войска из 1200 чел. и взятии г. Хайлар. Основное ядро отряда должны были составить баргуты [Даур, 1989: 155]. По данным очевидца тех событий, бурятского деятеля Ц.-Е. Цыдыпова, основную роль в организации всех мероприятий сыграл Линшэн, который вербовал дауров, солонов, баргутов Хуучин-Барги. К нему примкнули и многие баргуты Новой Барги. Собранный отряд в несколько сотен человек, русские власти снабдили оружием и патронами. Вместе с отрядом выступил 4-й кавалерийский полк Пограничной стражи Заамурского округа [АУФСБ по РБ. Д. 7536. Л. 157; Базаров, 2002: 14; Мягмарсамбуу, 2017а: 75]. Утром 16 августа 1917 г. отряд во главе с Гуйфу совместно с российским кавалерийским полком начали штурм Хайлара. Сражение продолжалось до вечера следующего дня и завершилось взятием города.

В январе 1918 г. издан декрет президента Китайской Республики, по которому пострадавшим в результате харчинского нападения на Хайлар в 1917 г. была выплачена компенсация в размере 10 тыс. долл. [Мещерский, 1920: 12].

Участие администрации Хулун-Буира в создании т. н. Даурского правительства «Великой Монголии», просуществовавшего 7 месяцев (февраль-сентябрь 1919 г.), было использовано генералом Чжан Цзолинем в качестве предлога для ликвидации монгольской автономии и ввода войск на ее территорию в конце 1919 г. [Богословский, Москалев, 1984: 29; Монгольские..., 2016: 405–407]. Очевидно, что в этот период правительство Хулун-Буира, в основном состоящее из чиновников-дауров, пришло к пониманию невозможности осуществления проекта атамана Г. М. Семенова и решило заключить соглашение с китайскими властями. В январе 1920 г. правительство Хулун-Буира (по-другому – «особый район» Барга) приняло решение войти в состав Китайской Республики. Автономия Хулун-Буира была ликвидирована с последующим включением региона в состав провинции

Хэйлунцзян [Там же: 29; 433]. Январские события 1920 г. развивались следующим образом: по одним данным, от ямыня Хулун-Буира были избраны 4 делегата Цэндэ-гун, Линшэн, Багабади (баргут), Жунъан (баргут) [Дауиг, 1989: 156], по сведениям российского вице-консула в Хайларе П. К. Усатого, в Пекин с остановкой в Мукдене для предварительных переговоров с Чжан Цзолином выехали делегаты Цэндэ-гун и Линшэн [АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 401. Л. 4]. В его донесении от 13 января 1920 г. отмечалось, что баргинские представители в Цицикаре подписали телеграфное обращение к правительству об уничтожении особого положения Барги, выторговав себе право установить новый порядок непосредственными переговорами в Пекине [Там же]. 28 января 1920 г. правительство Китайской Республики, немедленно отреагировав, издало указ об утрате силы Хулун-Буиром статуса «особой территории». В заметке, опубликованной в «Правительственном вестнике» (*кит.* Чжэнь-фу гун-бао) от 29 января 1920 г., говорилось, что после неоднократных совещаний стороны пришли к единогласному решению о необходимости уничтожения особого положения [Там же. Л. 6–7]. В последующем Декрете президента Китайской Республики от 5 февраля 1920 г. приведен список лиц, утверждаемые на высшие должности. Гуйфу назначался хулун-буирским фудутуном и возводился в княжеское достоинство 4-й степени (бэйцзы). Здесь необходимо отметить, что со времени кончины Шэнфу Гуйфу исполнял обязанности главы Хулун-Буира. В княжеское достоинство 5-й степени (чжэнь-го гун) был возведен Цэндэ-гун. Чиновникам Багабади, Жунъану и Линшэну пожалованы звания князей 6-й степени (фу-го гун). Назначение на должности в Хулун-Буире получили и китайские чиновники: комиссаром по обороне (чжэнь-шоуши) Хулун-Буира был назначен Чжань Куй-ву, главным заведующим делами реорганизационного характера, касающихся Хулун-Буира, – Чжунь Юй [Там же. Л. 18–19].

По данным монгольского историка Р. Болда, в начале 1922 г. Цэндэ-гун принимал участие в попытке китайских властей навязать идею широкой автономии Внешней Монголии. В составе четырех чиновников, служивших в

администрации Богдо-гэгэна, Цэндэ-гун был направлен в январе 1922 г. китайским генералом Ли Юанем в Ургу. Однако им не удалось заручиться поддержкой местных монгольских властей [Болд, 2021: 128]. На наш взгляд, все же довольно сложно причислять однозначно Цэндэ-гуна к сторонникам ликвидации суверенитета Внешней Монголии, зная о его реальных заслугах и вкладе в дело борьбы за национальное освобождение монголов. Ситуация в 1922 г. в треугольнике «Советская Россия – Внешняя Монголия – Китайская Республика» была непростой, но надо думать, что уже опытный к тому времени политик Цэндэ-гун мог руководствоваться в своих поступках исключительно целями национальной безопасности Монгольского государства.

С Цэндэ-гуном имел встречу в октябре 1924 г. консул СССР в Маньчжурии. В своем докладе советнику Чрезвычайного полномочного представительства СССР в Китае, товарищу Клышко от 10 октября 1924 г. за № 198/с он сообщал, что к нему с визитом из Хайлара с поздравлениями от баргинского фудутуна специально прибыли его помощник, князь Цэндэ (в тексте – Цин-Дэ – *авт.*) и Ц.-Е. Цыдыпов в качестве переводчика. Поводом явилось поднятие флага над зданием Консульства СССР. Поездке князя Цэндэ предшествовало совещание баргинских князей – посылать или не посылать с поздравлением от Барги специального делегата. Главным образом чиновники опасались репрессий со стороны китайцев, и лишь после долгого обсуждения было решено отправить делегата. Как отмечал консул, после обычных в этих случаях поздравлений князь Цэндэ приступил к прощупыванию вопроса об отношении СССР к Барге и стремлениям баргинцев к независимости от Китая. Он начал с того, что все баргинцы, равно как и весь мир, знают о сочувствии СССР всем униженным и поработанным нациям. У баргинцев на глазах пример монгольского народа, который с помощью СССР добился полной независимости и теперь строит самостоятельно свою жизнь, укрепляясь с каждым днем. И поэтому баргинцы с большой надеждой смотрят на СССР, будучи уверенными, что их стремление к свободе найдет симпатии и помощь

со стороны Советского Союза [АВП РФ. Ф. 270. Оп. 1. Портфель 25. Папка 2. Д. 110/24. Л. 95]. Из этой речи Цэндэ-гуна, если она прямо отражала чаяния хулун-буирского чиновничества, можно понять, что вхождение Хулун-Буира в состав Китайской Республики в 1920 г. фактически не повлияло на настрой элиты, и, очевидно, населения региона к обретению независимости. Очевидно также и то, что и Цэндэ-гун, посвятивший собственно всю жизнь идее создания единого Монгольского государства и суверенному положению Хулун-Буира, думал в этом же русле.

На этой встрече с советским дипломатом Цэндэ-гун затронул вопрос об охране КВЖД, выразив сожаление, что дорога превращается в чисто коммерческое предприятие и ее охраной в отсутствие ввода советских войск будут заниматься китайцы [АВП РФ. Ф. 270. Оп. 1. Портфель 25. Папка 2. Д. 110/24. Л. 96–97]. Следует заметить, что в 20–30-е гг. XX в. время от времени активизировалось советско-китайское приграничное взаимодействие [Ларин, 2006: 23]; в то же время русские, проживавшие в зоне КВЖД годами и десятилетиями, не проявляли должного внимания к языку и культуре окружающего китайского большинства [Ларин, 2010: 129]. Советская администрация КВЖД подчеркивала повышение доходности дороги, социально-ориентированную политику руководства, большие траты на содержание школ, курортов, библиотек, больниц [Кротова, 2013: 142]. Это обстоятельство, очевидно, хорошо знала хулун-буирская элита, знакомая с руководством КВЖД и советских консульств. Говоря о вероятной охране железной дороги китайцами, Цэндэ-гун указывал, что это обстоятельство баргинцами встречается с большим сожалением, поскольку отсрочивает на неопределенное время момент освобождения Хулун-Буира (в тексте – Баргутии – *авт.*) от китайского ига. Позже, размышляя над его словами, консул СССР в Маньчжурии отмечал, что, по мнению князей, их чаяния начинают осуществляться: Китай и СССР взяли КВЖД в свои руки, и СССР постепенно будет распространять свое влияние и дальше пределов коммерческой компетенции. И, таким образом, вопрос об автономии Барги

будет снова вопросом дня. И поэтому князья развивают свою деятельность, чтобы в момент осуществления автономии Барги не оказаться у разбитого корыта. Слабая связь с Ургой в настоящее время спешно восстанавливается. Это видно из следующего: вчера баргутскими князьями были посланы в Ургу в качестве своих представителей и для связи 2 баргута, один из которых Мэрсэ. Князья проявляют активность и душой всей этой активности является князь Цэндэ. Согласно краткой характеристике, данной консулом князю Цэндэ, он был стариком высокого роста, 55 лет, с умными хитрыми глазами и энергичным лицом; понимал русскую речь, но сам по-русски не говорил. По словам Ц.-Е. Цыдыпова, хорошо говорил и читал по-китайски. Происходил из не знатной, но довольно богатой даурской семьи. Вперед выдвинулся исключительно благодаря своим личным качествам и хитрости. Княжеский титул получил в 1912 г. от Богдо-гэгэна за изгнание из Барги китайцев (по его собственным словам) и за денежные подношения (по словам Ц.-Е. Цыдыпова). Обладал в большой степени тщеславием, но боялся проявить себя из боязни китайцев, от которых получал жалование по должности помощника фудутуна [АВП РФ. Ф. 270. Оп. 1. Портфель 25. Папка 2. Д. 110/24. Л. 96–99].

В докладной записке от 8 ноября 1925 г. за № 150/с консул СССР в Маньчжурии И. М. Гейцман выделял дауров среди баргинского населения, как ведущих отчасти оседлую жизнь и имеющих некоторую культуру. По его мнению, дауры действительно далеко шагнули вперед к китайской культуре, являясь как бы баргинской интеллигенцией. Консул также отметил междоусобную борьбу дауров за власть, выделил два течения, которые ориентировались на 1) амбаня Гуйфу и 2) князя Цэндэ (в тексте – Циндэ – *авт.*). В то же время самым выдающимся человеком среди дауров, по его данным, люди считали сына амбаня – князя Линшэна [Там же. Портфель 37. Папка 3. Д. 110/25. Л. 151–152, 160]. Как писал Гейцман, десятки и сотни баргутов из разных племен встречали его с одними и теми же надеждами и провожали с одними и теми же просьбами передать великому русскому народу о том, что Барга ждет своего освобождения от него. Исключением явились

одни только дауры, поскольку не вселяли особого доверия в политическом смысле слова. Они были слишком ассимилированы китайцами, следовали за их культурой, копировали их обычаи и традиции точно так же, как когда-то аристократия Ближнего Востока следовала за Афинами и Римом. Вместе с тем дипломат считал необходимым отметить, что дауры являлись единственной культурной силой в Барге. Все переводчики, которые знали русский и китайский языки, и где Барга имеет концы, с кем эта маленькая страна граничит – являлись даурами. Они же – единственные проводники китайской и европейской культуры в хулун-буирскую степь. И если они не вселяли особого доверия, то тем не менее необходимо было ими заручиться, если только хотеть иметь влияние на Баргу в целом. Вот почему, по мнению И. М. Гейцмана, с даурами следовало очень и очень считаться. Тем более что они представляли собой не слишком потерянный элемент. Как отмечал консул, если дауры убедились бы в конкретном решении СССР оказать помощь Барге, они, несомненно, пойдут за нами [АВП РФ. Ф. 270. Оп. 1. Портфель 37. Папка 3. Д. 110/25. Л. 162].

Во время конфликта на КВЖД в 1929 г. хулун-буирский амбань Гуйфу вместе с сыном Линшэном выехал из Хайлара в с. Дали. Чтобы прояснить ситуацию, они вместе с шэнэхэнскими бурятами Д. Согто, Б. Сэрэн и переводчиком Н. Очиржабом прибыли на железнодорожную станцию г. Хайлар и обратились за разъяснением к советскому офицеру, ответственному на этом участке пути. Узнав, что после урегулирования вопроса, советские войска будут немедленно выведены, Гуйфу отправил извещения в хошуны с просьбой оставаться на местах [Согтын Жамса, 2017: 30]. Необходимо заметить, что даурские чиновники Цэндэ-гун, Гуйфу сыграли большую роль в выделении бурятским мигрантам из России земель для проживания в Солонском хошуне. В 1917–1918 гг. они вели переговоры с прибывшими в Хулун-Буир М. Н. Богдановым, Б. Намдаком, Р. Абида и др. [Санжиева, 2005: 39]. Договоренность была достигнута летом 1921 г., когда после специального съезда в местности Алтан-Эмэл с участием хулун-

буирских чиновников властями Хулун-Буира было подготовлено официальное согласие на постоянное проживание бурят в местности Шэнэхэн [Актамов, 2005: 58–69, 64; Санжаа-Ешын Сэмжэд, 2013: 7]. В 1924 г. в Шэнэхэне организовано празднество по случаю переселения бурят в Хулун-Буир, на котором главе администрации Гуйфу был подарен скакун с серебряным седлом [Абида, Болод, Димчиг, Лхамасурэн, 2005: 31; Санжаа-Ешын Сэмжэд, 2013: 7]. Помимо бурят – выходцев из Забайкалья, в районе г. Хайлар, известном как Старый город, проживало небольшое количество бурят, переселившихся из Западной Бурятии [Башкуев].

Если хайларские дауры были непосредственно вовлечены в национально-освободительное движение монголов в первой трети XX в., то иначе складывалась ситуация в районе проживания цицикарских дауров. Они первыми из четырех больших этнотерриториальных групп были вовлечены в тесное взаимодействие с ханьскими переселенцами. Ярким выражением усложняющейся обстановки стало восстание цицикарских дауров под руководством Шаолана и Дайфу, произошедшее в период правления Китайской Республики [Дауур, 1989: 157; Булинь, 2019: 8–29]. Оно началось в 1914 г. и явилось результатом усиления эксплуатации крестьянской бедноты богатыми землевладельцами в районе Цицикара. В этот период, по мнению О. Е. Непомнина, традиционные социально-экономические формы наполнялись иным содержанием, вызванным становлением капиталистического уклада в стране и эволюцией Китая (цинского и республиканского). Так, в капиталистическом направлении эволюционировал деревенский наем. Издольщина, кабала, отработка долга, скупка, коммерческая деятельность рентополучателей традиционного типа также приобрели переходные черты [1980: 264].

Лидеры повстанцев Шаолан и Дайфу являлись выходцами из селения Ханбэйди. К руководящему ядру повстанцев также относились крестьяне-бедняки Мэн Санпин, Мэн Чжунбу, Шан Цанлян [Дауур, 1989: 161]. В 1915 г. отряд во главе с Шаоланом и Дайфу объединился с другим отрядом

повстанцев, а их численность увеличилась до 50–60 чел. Сделав своей базой Лунцзян-сянь, объединенный отряд в своих вылазках доходил до Ялу-сяня (современный город Чжаланьтунь АРВМ). В 1920-х гг. Шаолан и Дайфу были захвачены войсками китайских милитаристов в северной части Нэньцзян-сяня и в юго-западном предместье Нэньцзян-сяня казнены. Причины поражения восстания цицикарских дауров под руководством Шаолана и Дайфу заключались в том, что повстанцы и их руководители не имели конкретной политической цели, четкого направления и стратегии борьбы, долгосрочных планов. Сражаясь за бедствующий народ, они так и не смогли увеличить численность своего отряда. В период наивысшей активности число повстанцев не достигало и 100 чел. [Dayur, 1989: 162–163]. После объединения двух очагов восстания среди руководителей появились разногласия, поэтому спустя некоторое время восставшие разъединились. Таким образом, разрозненные повстанческие группы были относительно легко побеждены войсками китайских милитаристов провинции Хэйлунцзян. Тем не менее вооруженное сопротивление цицикарских дауров нанесло ощутимый удар по позициям регионального чиновничества и крупных землевладельцев, закабаливших бедные слои населения в даурских районах.

После подавления восстания Шаолана и Дайфу борьба против милитаристских группировок, движимых идеей установления китайского господства, переместилась в район Бутхи. В 1916 г. по решению Центрального правительства военным губернатором Мукдена и генерал-инспектора трех провинций северо-востока Китая стал Чжан Цзолин. В свою очередь он назначил У Цзюньшена военным губернатором провинции Хэйлунцзян. В район Бутхи были перемещены войсковые части и создана так называемая «сфера самозащиты». Ее образование сопровождалось принудительным захватом территорий, принадлежащих даурским селениям, включая леса, горы и пастбища. В районе Бутха ситуация продолжала обостряться. Наряду с простыми китайскими крестьянами появились и отряды бандитов (хунхузов). Они не были обыкновенными бандитами в прямом смысле этого слова. Все

обстояло гораздо сложнее. Эти криминальные структуры были так или иначе связаны с различными имущими слоями – торговцами, помещиками, буржуазией. Китайские милитаристы силы Гоминьдана порой использовали их в своих интересах [Сухачева, 1992: 92–102]. Поддерживая контакты с местными властями и милитаристами, банды хунхузов занимались грабежами даурского населения. Поскольку закон о восьмизнаменной маньчжурской системе, юридически защищавший национальные меньшинства, был упразднен, милитаристские власти занимались своеволием. К примеру, даурам было запрещено разговаривать на родном языке [Амуэрту 2019: 251–252]. Были введены различные налоги, ставшие непосильным бременем для населения.

По данным Консульства СССР в Цицикаре от 1930 г., в целом крестьянское население провинции Хэйлунцзян в значительной степени было отсталым и малокультурным, производило обработку земли в большинстве случаев примитивными сельскохозяйственными орудиями, благодаря чему заграничные сельскохозяйственные машины и орудия имели весьма ограниченный сбыт. Китайское правительство принимало меры к заселению свободных земельных пространств провинции Хэйлунцзян переселенцами из провинций Чжили и Шаньдун. По данным 1925 и 1928 гг., темпы колонизации были довольно слабыми. Многие из переселенцев из-за отсутствия работы и средств существования уходили «в сопки» к хунхузам [АВП РФ. Ф. 306. Оп. 1. Д. 9. Папка 1. Л. 17–18]. Власти пытались предпринимать против хунхузов активные действия, но они редко удавались, т.к. еще до прихода войск, извещенные лазутчиками, хунхузы исчезали и появлялись обратно с уходом войск [Там же. Ф. 0100. Оп. 10. Д. 80. Папка 129. Л. 18].

К 1925 г. обстановка в провинции Хэйлунцзян стабилизировалась. Население провинции довольно быстро прекращением военных действий приступило к прерванным занятиям. Из деревень к уездным городам потянулись груженые хлебом и бобами арбы, усилилась купля-продажа. Крупное чиновничество и военщина, состоящие в большинстве своем из

приверженцев мукденской клики, с неослабевающим вниманием следили за успехами маршала Чжан Цзолина. Победа последнего является в свою очередь победой его приверженцев, поскольку при существующей системе протекционизма каждому чиновнику, находящемуся в родственных отношениях с властью имущими, представлялась возможность повиситься в ранге и занять более теплое место. Поэтому известия о победоносном продвижении Чжан Цзолина в глубь Китая встречались военными и чиновниками с чувством большого удовлетворения [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. Д. 80. Папка 129. Л. 4, 30–31].

В сентябре 1928 г. в Китайской Республике состоялся съезд ЦК Гоминьдана (сентябрь 1928 г.), вынесший постановление об учреждении в районах проживания национальных меньшинств новых административно-территориальных единиц – провинций и уездов. Этот документ встретил негодование со стороны как интеллигенции национальных меньшинств, так и широкой общественности в Китае. Летом 1930 г. вопрос об автономном управлении и устройстве монгольских хошунов был вновь поднят руководством Гоминьдана. На съезд, проходивший в г. Нанкин, отправились 6 делегатов даурской национальности: Чундэ, Фулин, Дэхун, Го Венсин, Су Синбу, Ду Шуаншу, представлявшие Западную и Восточную Бутху. Они приняли участие в разработке таких документов, как «Обустройство монгольских аймаков и хошунов», «О создании властных структур Внутренней Монголии» и др. В свою очередь, делегатами Западной и Восточной Бутхи был подготовлен документ под названием «Заявление делегата хошунов Западной и Восточной Бутхи Го Венсина», затрагивавший вопросы школьного образования. Заявление было рассмотрено и после его одобрения внесены изменения в проект постановления съезда в следующем виде: «Детей из хошунов Западной и Восточной Бутхи записывать в школы монгольских хошунов, присматривать за ними так же, как и за детьми монгольских хошунов» [Даур, 1989: 176–177]. Однако власти Гоминьдана не стремились к претворению идей Сунь Ятсена на практике и поддерживать

национальные меньшинства, развивать их школьное образование. Постановления съезда так и остались на бумаге [Ibid.: 178].

Тем временем дауры района Бутха для сопротивления китайским милитаристам и защиты своих земель в конце 1929 г. создали национальные вооруженные силы под названием «Большой отряд самообороны в гористой местности» (далее – отряд самообороны – *авт.*) [Дауир, 1989: 166]. Отметим, что есть свидетельства очевидцев событий, указывающие на более позднюю дату создания отряда – 1931 г. [Амуэрту, 2019: 251–255]. Поскольку эти свидетельства относятся к мемуарам, то можно предположить, что очевидец тех событий Амуэрту мог указать неточную дату (он отмечал, что прошло более 50 лет, поэтому возможны неточности – *авт.*). С другой стороны, очевидно, отряд все же был создан в 1929 г., а в 1931 г. произошло его преобразование в более крупное военное формирование. Создание даурского отряда самообороны совпало по времени с советско-китайским вооруженным конфликтом на КВЖД, а именно с Маньчжуро-Чжэлайнорской операцией, проведенной частями РККА в районе городов Маньчжурия и Чжэлайнор. Как сообщала сингапурская пресса 26 ноября 1929 г. со ссылкой на официальную депешу Японского посольства в Цицикаре, китайцы были близки к эвакуации из Хайлара, хотя советские части еще не вошли в город [The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1929. 27 November].

Как докладывал летом 1930 г. консул СССР в Хайларе Орлов, чиновничество Хулун-Буира определенно начало ориентироваться на японцев, если уже не переориентировалось на них. Имели место постоянные поездки делегаций в Мукден и Нанкин, а также на совещание монгольских князей в Чанчуне. Внутренние агентурные данные, по данным Орлова, указывали, что чиновничество хулун-буирского ямыня в большинстве является агентами японцев. Из русофилов он выделял лишь одного князя Цэндэ вместе с небольшой группой сторонников. По мнению консула, на баргинцев сильно повлияла история с оружием (очевидно, речь идет об оружии, предназначавшемся для баргинского восстания 1928 г. – *авт.*). Они,

по словам Орлова, надеялись если не получить автономии, то, во всяком случае, выторговать себе кое-что. После ухода Красной армии (по окончании конфликта на КВЖД в 1929 г. – *авт.*) баргинцы целую неделю не пускали китайцев, выставив заслон к востоку от Хайлара на ст. Якэши. По данным за 1930 г., они имели всего 150–200 сабель [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 14. Папка 160. Д. 7. Л. 15–16].

Летом 1930 г. консул СССР в Цицикаре отмечал, что японцы через цицикарские круги усиленно интригуют вокруг монгольских князей. Согласно сведениям, во Внутренней Монголии существуют две группировки – «молодых» и «старых». «Старые» тесно связаны с Японией, а вокруг «молодых» завязывается интенсивная работа японцев по отторжению их от СССР. По данным дипломата, имела место некая интрига вокруг баргинского фудутуна, и японцы вели работу по смещению хайларского даоиньства Чжао. Японцы считали Чжао человеком, который очень близко связан с «красными» советскими работниками [Там же. Д. 6. Л. 65].

По некоторым данным, в начале зимы 1930 г. в отеле «Ванго» в г. Пекин состоялось собрание представителей дауров и монголов. Всего присутствовало 9 чел., среди них были Дэ Гулай, Го Синьюань, Го Вэньтун, Ли Ютун (монгол). Собрание вел Мэрсэ. В ходе собрания были обсуждены многие вопросы и приняты два итоговых решения: 1. Цели борьбы должны включать борьбу против милитаристов, феодального угнетения; участие в революции, защита национальных интересов. 2. Создать национальные вооруженные отряды [Амуэрту, 2019: 251–255].

Отряд самообороны был разделен на три части по названиям крупных рек – Нэмэр, Нонни (*даур.* Наун), Номин: нэмэрчен, наунчен и номинчен, и имел в общей сложности более 300 чел. [Даур, 1989: 166]. По другим данным, в составе отряда территориальной самообороны даурских монголов насчитывалась 1 тыс. чел. [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 4. Л. 137].

В состав даурского отряда самообороны вошли охотники района Бутха. Они составили его ядро. Вступившие в отряд приходили со своими лошадьми

и оружием. Командиром стал известный охотник Ян Денбу, а в селении Курулчи располагался главный штаб [Го Миншэн, 2019: 244–250; Мэнхэ, 2019: 256–259].

Известно, что Ян Денбу высказывался по поводу создания т. н. «революционного войска» для совместного сопротивления китайским милитаристам. Вероятно, предполагалось объединить два вышеотмеченных отряда в единую силу. Однако отряды так и не были объединены. Один из них, под руководством Ян Денбу, был по-прежнему отрядом самообороны. Другой, возглавляемый Руй Шу, состоял в основном из учащейся молодежи.

Военные власти провинции Хэйлуцзян опасались усиления подобных отрядов и неоднократно посылали войска для их уничтожения. В начале зимы 1930 г. более 30 чел. из группы номинчен, входящей в состав отряда самообороны, были окружены в местности Анугийн Поутай. Окруживший их батальон насчитывал в своих рядах более тысячи пехотинцев. Возглавлял их командир батальона Суй Чжихэ. Завязался длительный бой, во время которого даурские охотники успевали отливать из свинца пули и сразу же отстреливаться. Под руководством Ян Денбу они смогли выбраться из окружения и перебраться на западный берег р. Номин. Спустя некоторое время другая группа, входящая в состав отряда самообороны, также попала в окружение. О накале сражения свидетельствует его продолжительность, оно длилось с утра до ночи [Дауир, 1989: 167]. Ночью группа сумела прорваться из окружения. Помог в этом даур, служивший у китайских милитаристов. Дело в том, что не все дауры находились в отряде самообороны и «войске порядка». Имелись дауры, по разным причинам служившие в составе милитаристских сил.

В начале зимы 1931 г. войска милитаристов под командованием Суй Чжихэ снова атаковали даурские отряды. При этом пострадало мирное даурское население с. Курулчи. Это событие стало известно как «черное дело в Курулчи». Ян Денбу, узнав об этом, встретил войска Суй Чжихэ в горном ущелье и нанес ему тяжелое поражение. После этого войска Суй Чжихэ

больше не приходили в район Западной Бутхи [Ibid.: 168]. Руководимый Ян Денбу отряд самообороны оказывал серьезное сопротивление войскам китайских милитаристов, защищая свои родные земли.

Как известно, осень 1931 г. открыла новую страницу в истории дауров и в целом всего Китая. 18 сентября 1931 г. после мукденского инцидента японские войска начали оккупацию северо-восточного Китая. 18 ноября 1931 г. Квантунская армия захватила г. Цицикар. Согласно данным Мэрсэ, в ноябре 1931 г. к нему прибыли двое представителей из Бутхи, прося его принять руководство над отрядом повстанцев численностью 500 чел. [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 91]. Под повстанцами, очевидно, следует понимать отряд самообороны, созданный даурами в Бутхе. Поэтому, надо полагать, что появление представителей из бутхаского отряда самообороны, пригласивших Мэрсэ выступить в качестве командира, было напрямую связано с появлением японских войск. Возможно, тогдашнее руководство отряда самообороны полагало, что в лице Мэрсэ они обретут командира, связанного, с одной стороны, с Коминтерном и СССР (в то же время бутхаские дауры не могли не знать о провале баргинского восстания 1928 г. и уходе Мэрсэ к Чжан Сюэляну – *авт.*), а с другой – с Чжан Сюэляном. В любом случае в то время Мэрсэ продолжал оставаться значимой фигурой не только для хулун-буирской молодежи, но и всего населения Хулун-Буира. В случае необходимости он мог изыскать возможности для военной поддержки отряда самообороны и направить его борьбу в нужное русло.

Таким образом, первая треть XX в. в истории дауров ознаменовалась кардинальными переменами, в первую очередь вызванными расширением масштабов националистического движения монгольских народов и совпавшими с желанием России (согласно тайному соглашению с Японией) укрепиться в Северной Маньчжурии. Поэтому обоюдновыгодным военным сотрудничеством можно назвать взаимодействие даурской элиты Хулун-Буира с российскими военными Пограничной стражи Заамурского округа как в деле захвата Хайлара в январе 1912 г., так и в изгнании харчинского отряда

– остатков армии Бавужава в августе 1917 г. Стремление даурского чиновничества и интеллигенции к сохранению независимого статуса Хулун-Буира усиливалось неопределенностью в вопросе вхождения региона в состав Внешней Монголии в 1912–1915 гг. и вследствие этого к поиску более надежной опоры в лице Китайской Республики, России / СССР и со временем Японии. Ответной реакцией на усиление китайской колонизации и произвол милитаристских групп стало вооруженное противостояние в районах проживания цицикарских и бутхаских дауров. В то же время дауры, не отделявшие себя от монголов, были заинтересованы планами правительства Гоминьдана об автономном управлении монгольскими хошунами Китая. Передовая даурская молодежь, выдвинувшаяся в эти годы, также строила свои масштабные планы по полному социально-политическому переустройству как своего региона проживания, так и всего монгольского мира.

2.3. Даурская революционная молодежь и ее участие в деятельности Коминтерна, партийном и государственном строительстве на территории МНР и Внутренней Монголии (1917–1930 гг.)

Кардинальные социально-политические перемены в Китае и на сопредельных территориях не могли не затронуть молодые умы подрастающего поколения дауров. Даурская молодежь начала XX в. впитала в себя национальную идею, витавшую в обществе Хулун-Буира со времени баргинского восстания 1912 г. и вхождения в состав Внешней Монголии. По сравнению со старшим поколением даурских чиновников, она была более образованной, проходила обучение в китайских школах, затем училась в СССР и МНР. Решающее значение в деле приобщения молодежи Хулун-Буира к мировому революционному движению имели Октябрьская революция 1917 г. в России и монгольская революция в 1921 г., а также влияние лидеров бурятского национального движения Э.-Д. Ринчино, Ц.-Е. Цыдыпова и др. Как отмечали советские историки В. А. Богословский и А. А. Москалев, «на арене

общественной жизни появляется молодая монгольская интеллигенция, получившая образование в китайских и отчасти в японских школах. Хотя она количественно невелика и не обладает большим осязаемым влиянием среди народных масс, однако проявляет большую активность и настроена достаточно решительно» [1984: 30].

Одними из первых дауров, вставших на революционный путь, были Мэрсэ и Фуминтай. Кратко осветим их биографические данные (юные годы, до 1917 г.). Из биографии Мэрсэ известно, что он родился в 1894 г. в семье зажиточного даура Мингу, в селении Мэхэрт(-э) рядом с Хайларом. Настоящее имя Го Даофу – Мэрсэнтай, сокращенно Мэрсэ; другое имя Го Цзюньгуан. Происходил из рода говол, уроженец селения Мэхэртэ. До 1910 г. Мэрсэ обучался в школе восьми знамен г. Хайлара, где выучил монгольский и маньчжурский языки. Некоторым китайским словам и выражениям его научил проживавший в Хайларе китаец Чжай Вень. В 1910 г. отец отправил его на учебу в школу № 1 г. Цицикар. Несмотря на трудности, связанные с китайским языком, Мэрсэ хорошо учился и окончил школу в 1914 г., став первым в классе. В 1915 г. он поступил в Институт русского языка, прикрепленный к Министерству иностранных дел в Пекине. Здесь Мэрсэ впервые вступил в контакт с другими будущими членами Народно-революционной партии Внутренней Монголии, в частности с Бай Юньти (Сэрэндонровом) и Алтан-Очиром. В этот период у Мэрсэ появились новые интересы, например, он изучал Библию. В начале 1917 г. он принял крещение в китайской христианской церкви в Пекине [Atwood, 2002: 128–129]. Что касается биографии Фуминтая, то необходимо заметить, что дата его рождения остается дискуссионной. Китайский историк Хао Вэйминь полагает, что он родился в 1896 г. В следственном деле Фуминтая имеются разные даты: в анкете арестованного значится 1900 г., а в протоколе допроса от 24 ноября 1938 г. – 1898 г. Мы полагаем более верной дату рождения, записанную в протоколе допроса. Фуминтай родился в деревне Мэхэртэ Баргинского округа Китайской Республики. Родители – скотоводы, имели богатое хозяйство, до

300 голов скота. Отец служил помощником дзанги (местный чиновник). Фуминтай окончил 2 класса китайской гимназии в 1916 г. [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 5, 9; Atwood, 2002: 123].

После изгнания харчинского отряда во главе с Сэбчжингэ из пределов Хулун-Буира в сентябре 1917 г. с помощью русских войск была восстановлена прежняя администрация амбана Шэнфу. Цэндэ-гун по окончании военных действий выехал в Ургу. В это время молодежь Хулун-Буира (Мэрсэ, Фуминтай, Сайнгэ и Чундэ) задумалась о необходимости создания своей молодежной организации. В январе 1918 г. они созвали организационное собрание хулун-буирской молодежи из числа учителей, студентов и учащихся. Всего на нем присутствовало 30 чел., подтвердивших создание молодежной организации Хулун-Буира (*др. назв.* Баргинская молодежная организация; Хулун-Буирская студенческая ассоциация). На собрании не были приняты программа и устав организации, но определена цель организации – развитие культуры среди монголов и их борьба за освобождение от ига Китая. В своей практической деятельности организация должна была опираться на молодежь Хулун-Буира без деления на социальные группы. Материальную поддержку планировалось получать от монгольских феодалов и богачей [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 17–18, 27]. Весной 1918 г. молодежной организацией Хулун-Буира была основана начальная школа. Директором стал Мэрсэ, а заведующим хозяйственной частью – Фуминтай [Д. Р-34587. Л. 3; Д. Р-39318. Л. 17; Atwood, 2002: 132; И Сун, 2012: 168].

В июле 1918 г. в Хулун-Буире, считавшимся регионом с сильным монгольским национальным движением [Li Narangoa, Cribb, 2003: 97], состоялось совещание, организованное белогвардейцами с участием бурятского деятеля Ц.-Е. Цыдыпова. После совещания атаман Семенов через Цэндэ-гуна и Цыдыпова пытался привлечь на свою сторону князей Внутренней Монголии и Синьцзяна [АУФСБ по РБ. Д. 7536. Л. 163–164; Базаров, 2002: 20–21; Кузьмин, 2015: 98]. В ноябре 1918 г. Цыдыпов снова прибыл в Хайлар из Харбина и начал вести агитацию за создание

Монгольского государства, в которое должны войти все монголы и буряты. Как отмечал Цыдыпов, формированию государства помогают и будут помогать японцы и атаман Семенов [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 27]. Следует отметить, что в мае-сентябре 1918 г. было подписано несколько японо-китайских военных соглашений, на основе которых Япония ввела свои войска в Северную Маньчжурию [Каретина, 1984: 46].

В этот период внимание хулун-буирской молодежи уже привлекали события, происходившие на территории этнической Бурятии. Как известно, накануне Февральской революции бурятская национальная интеллигенция представляла собой сложившуюся общность людей, составивших элиту бурятского народа. В нее входили более 100 учителей и работников просвещения, несколько ученых, 4 врача, 5 фельдшеров; около 150 чел. обучалось в высших и средних учебных заведениях. К ним следует прибавить некоторое количество служащих, миссионеров, лам [Историческая энциклопедия, 2010: 639].

Национально-автономистское движение бурят оказало на Мэрсэ и Фуминтай большое влияние. Они, очевидно, были в курсе многих событий, в том числе бурятских съездов. Как известно, в апреле, июле и октябре 1917 г. состоялись три общепурятских съезда, на которых поднимались вопросы национального самоуправления, культуры, религии, ламаистского духовенства. На III съезде был принят проект бурятской автономии и создан Центральный бурятский национальный комитет (Бурнацком) и его Иркутский отдел [Монгольские народы, 2016: 392, 394; Курас, 2011: 90; 2017а: 50]. После падения советской власти в Сибири и начала Гражданской войны, в период т. н. «Вильсоновского момента» (1918–1919) Мэрсэ и Фуминтай, как и Линшэн, Эрхимбату, впоследствии ставшие губернаторами в годы Маньчжоу-Го, переходят к поискам и налаживанию контактов с бурятскими лидерами-панмонголистами [Christmas, Sakura, 2016: 22]. В 1918 г. они приняли участие в съезде бурят-монголов Забайкальской области и Иркутской губернии, прошедшем в Верхнеудинске 20–24 ноября 1918 г. [ЦА ФСБ. Д. Р-39318.

Л. 16; Д. Р-34587. Л. 3; Li Narangoa, 2003: 97; И Сун, 2012: 168]. Он проходил под жестким влиянием атамана Семенова, на которого, в свою очередь, Бурнардума возлагала определенные надежды по сохранению своих национальных органов самоуправления и в целом интересов бурятского народа [Базаров, Жабаета, 2008: 140; Бабаков, 2013: 55; Елаев, 2014: 100; Курас, 2016в: 160]. Атаман Семенов с середины 1918 по конец 1919 г. контролировал значительную часть Забайкалья, поэтому это сотрудничество бурятских националистов явилось вынужденным шагом. Со своей стороны Г. М. Семенов также проявлял интерес к вопросу о поддержке его режима бурятским населением [Цыремпилов, 2019: 356].

На съезде Мэрсэ и Фуминтай представляли молодежную организацию Хулун-Буира. С ними находился представитель князя Шэнфу – Сулфанга. Все они были приглашены на съезд Ц.-Е. Цыдыповым. В качестве делегата от Внутренней Монголии на съезд прибыл Цэндэ-гун из Урги. От Внешней Монголии представителями Богдо-гэгэна были лама Балдан-гун и будущий революционер, один из организаторов Монгольской революции 1921 г. Чойбалсан. Из биографии Чойбалсана известно, что в 1914–1917 гг. он проходил обучение в Учительском институте в г. Иркутск. Очевидно, в 1918 г. он еще пребывал в России и находился во взаимодействии с правительством Богдо-гэгэна. Несомненно, что уже тогда проявились лидерские качества молодого Чойбалсана, на которого обратили внимание монгольские власти. Таким образом, можно говорить о знакомстве Мэрсэ и Фуминтая с Чойбалсаном на бурятском съезде. Представители делегаций от монгольских регионов – Внешней Монголии и Хулун-Буира не могли не обратить внимание друг на друга.

От имени атамана Семенова на съезде выступал полковник Шадрин [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 3; Д. Р-39318. Л. 16, 28]. Как отмечал Мэрсэ, на конференции (съезде – *авт.*) бурят-монголов, устраиваемой белыми властями, рассматривались вопросы религиозного порядка и укрепления национального движения [Там же. Д. Р-34587. Л. 3]. Фуминтай подчеркивал, что на нем

поднимался вопрос о создании всемонгольского государства под протекторатом Японии [Там же. Д. Р-39318. Л. 28]. По предположению К. Этвуда, на съезде обсуждали проблемы образования и индустриализации как пути реформирования политической системы. Основная цель съезда – перспективы объединения монгольских народов [Atwood, 2002: 135–136]. Именно Мэрсэ заявил о возможности создания единой Монголии в составе Бурятии, Барги, Внешней и Внутренней Монголии на принципах самоопределения, обозначенного в 14 пунктах Вильсона. Как известно, под документом «Четырнадцать пунктов Вильсона» понимают программу американского президента В. Вильсона (январь 1918 г.), ставшей альтернативой «Декрету о мире» В. И. Ленина и частично легшей в основу Версальского мира. Пункты 1, 3, 5, 14 программы провозглашали открытое обсуждение мирных договоров; устранение всех экономических барьеров; равные условия для торговли всех наций; свободное и беспристрастное разрешение различных споров, включая вопросы суверенитета; создание общего объединения наций на основе особых статусов в целях взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств. Основываясь на этих пунктах, Мэрсэ считал возможным юридическое оформление на международном уровне единого Монгольского государства, включавшего Бурятию, Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Баргу.

С доводами Мэрсэ категорически не согласился Э.-Д. Ринчино, выдвинувший идею создания Федеративной Республики Монголия на демократических принципах, не требующую одобрения со стороны международного сообщества. Несмотря на различные мнения, в конечном итоге делегаты утвердили целью создание единого Монгольского государства, основанного на демократических принципах [Atwood, 2002: 135–136]. Очевидно, Мэрсэ имел свою точку зрения на проблему объединения монгольских народов, основанную на новейших знаниях. Об этом говорит его попытка практического применения 14 пунктов В. Вильсона. Участие в

конференции имело важное значение для становления взглядов Мэрсэ и Фуминтая. Они отмечали, что им удалось установить контакты с видными бурят-монгольскими политическими деятелями Э.-Д. Ринчино, Д. Сампилоном, Бимбаевым (очевидно, речь идет об отце Р. Бимбаева – *авт.*), Тумухиным и Ильиным [имена не выяснены – *авт.*] [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 4; Д. Р-39318. Л. 28].

Прибытие Мэрсэ и Фуминтая в Верхнеудинск на съезд бурят-монголов было не случайным. Надо полагать, что еще летом 1918 г., а точнее 13 июня 1918 г., они могли присутствовать на чрезвычайном съезде бурят-эмигрантов, прошедшем в местности Дашимак Хулун-Буира. На нем присутствовал 221 делегат, был сформирован «Бурятский национальный отдел» при гражданском управлении Временного правительства Забайкальской области [Бабаков, 2013: 54].

В 1919 г. они, как и вся передовая молодежь Хулун-Буира, наблюдали за усилиями бурятских национал-демократов, направленных на политическую консолидацию всех народов монгольского мира [Балдано С., 2011: 58; Балдано, Варнавский, 2017: 101]. В феврале-марте 1919 г. в г. Чита состоялся съезд панмонголистов. По данным К. Этвуда, в нем принимали участие Мэрсэ и Фуминтай, а также Линшэн, Эрхимбато и Сулфанга [Atwood, 2002: 136]. Эти сведения расходятся с данными С. Л. Кузьмина, указавшего на участие четырех делегатов от Хулун-Буира (без указания имен – *авт.*) [2015: 99], Ц.-Е. Цыдыпова и Фуминтая, назвавших в качестве делегатов Линшэна, Эрхимбато и Дамдинсурэна [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 17; Базаров, 2002: 34]. Как отмечал Фуминтай, «...эта делегация была согласована с дядей моим Цендэ (Цэндэ-гун – *авт.*). Мы (очевидно, речь идет о Мэрсэ и Фуминтае – *авт.*) против этой делегации не возражали» [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 17]. Таким образом, вопрос об участии Мэрсэ и Фуминтая в работе съезда в Чите остается открытым.

Атаман Семенов и его окружение на съезде в Чите в феврале 1919 г. исходили из предложения Мэрсэ на съезде в Верхнеудинске и избрали

делегацию для участия в Парижской мирной конференции. Была составлена декларация, в которой обосновывалась идея панмонгольского движения и необходимость образования «отдельного полноправного Монгольского государства». В конце апреля 1919 г. Временное правительство направило делегацию в составе заместителя министра, бурята Доржринчина, хулун-буирского мэйрэн-занги Фушенги и заместителя министра иностранных дел Нуримпила в сопровождении американского капитана Берроу на Парижскую мирную конференцию с проектом панмонгольского государства. Однако в Токио делегаты не были допущены на корабль [Батбаяр, 2002: 31; Atwood, 2002: 136–137]. Послы союзных держав отказали делегации в визе на въезд во Францию, а Япония не рискнула открыто поддержать устремления панмонголистов. Правительство Хары не принимало идеи Вильсона, несмотря на чрезвычайную популярность последнего в Азии, особенно в Корее. Активизация панмонголистов весной 1919 г. совпала по времени с антиколониальными выступлениями в Корее, поддержанными корейцами Дальнего Востока [Саблин, 2020: 102]. Понятно, что в этих условиях, когда речь шла уже о независимости Кореи (была принята Корейским национальным советом соответствующая декларация), японские власти не могли уделить должного внимания устремлениям бурятских и баргинских (включая даурских) деятелей.

По мнению ряда российских историков, в этот период панмонголистам был свойственен романтизм, и лидеры бурятского национального движения были убеждены, что мировое сообщество с пониманием и одобрением встретит новое политическое образование [Иванов, 2012: 264–265]. Заметим, что националистом-романтиком считал Мэрсэ и англо-американский востоковед О. Латтимор, 60 лет своей жизни отдавший науке о Востоке и ставший, по определению бывшего посла Великобритании в МНР Джона Колвина, «самым прославленным монголистом Запада» [Гольман, 2004: 14]. В частности, Латтимор указывал, что в 1919–1920 гг. Мэрсэ был связан с панмонгольским движением, которое поддерживали японские милитаристы.

Именно с этого времени ему стали доверять как советские, так и китайские коммунисты, а также и китайские власти (включая Чжан Сюэяня), придерживавшиеся одновременно антияпонских и антисоветских взглядов. По мнению Латтимора, и те, и другие были убеждены, что любой монгольский национализм как во Внешней, так и во Внутренней Монголии в конце концов станет инструментом политики либо СССР, либо Японии, либо самого Китая [Дилова-хутухта, 2018: 15–16].

Когда атаман Семенов объявил о создании панмонгольского государства, а затем о превращении Хайлара в его столицу [Саблин, 2013: 22; Курас, 2016в: 164], автономное правительство Хулун-Буира было глубоко озабочено этим решением. Известно, что в декабре 1918 г. главком монгольских войск атамана Семенова – Фушенга при встрече с делегацией Хулун-Буира, возвращающейся из Верхнеудинска, выражал желание, чтобы центром и местом нахождения панмонгольского правительства был Хайлар. Однако делегаты были не согласны с ним, поскольку боялись грабежей со стороны войск Фушенги. Они помнили, что в 1917 г. Фушенга был командиром одного из отрядов войска Сэбчжингэ, захватившего Хайлар [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 16–17]. С другой стороны, есть данные о вхождении дауров, наряду с представителями других монгольских этнических групп (баргутов, чахаров, ойратов, халха-монголов), в состав Азиатской конной дивизии, созданной Г. М. Семеновым [Кадырбаев, 2013: 22].

Известно, что в 1919 г. Фуминтай вместе с одноклассниками из средней школы № 1 Цицикара принимали участие в «Движении 4 мая» в Пекине [И Сун, 2012: 169; История дауров, 2018: 412]. К тому времени сведения об Октябрьской революции в России еще не стали достоянием общественности Китая, информация доходила медленно, преодолевая различные препятствия [Мамаева, 2019: 126]. Фуминтай в 1918 г. побывал в Верхнеудинске, принимал участие в бурятском съезде и, благодаря знакомству с бурятскими деятелями, был осведомлен о революционных событиях в России. Таким образом, его и Мэрсэ по праву можно отнести к числу передовых молодых интеллигентов

Китая, воочию знакомых с российскими реалиями. Трудно сказать, был ли Фуминтай уже в то время увлечен идеями марксизма и одобрял революцию в России, но, несомненно, одно – он был в достаточной степени осведомлен о них. Активное участие в «Движении 4 мая», проходившему под антиимпериалистическими и антияпонскими лозунгами, косвенно доказывает его растущие симпатии к революционному движению в Советской России. В целом, «движение 4 мая» явилось рубежом двух крупных эпох в истории Китая. Китайская интеллигенция стала отчетливо осознавать свой долг перед нацией и страной, угнетаемой иностранными державами; свое призвание как авангарда, которому необходимо возглавить мероприятия по обновлению общества и страны. Собственно, в этот период проявляются контуры нового типа интеллигенции – борца, трибуна, организатора, интеллектуального вождя угнетенных и эксплуатируемых [Гельбрас, 1980: 134].

Мэрсэ, Фуминтай и другие представители передовой молодежи Хулун-Буира, очевидно, не поддерживали идею ликвидации автономии региона в январе 1920 г. Так, после вхождения Хулун-Буира в состав Китайской Республики Мэрсэ и Фуминтай были объявлены в розыск губернатором провинции Хэйлунцзян У Цзюньшеном за создание молодежной организации Хулун-Буира [Даур, 1989: 170; Энхэбату, Сэбуцзинтай, 2019: 138]. Об отношении китайского губернатора к советским гражданам и японцам сообщал в докладной записке 8 июня 1925 г. консул СССР в Цицикаре Мартынов: «...отношение генерала У к нам едва ли лучше, чем к японцам. Разница лишь в том, что японцев он просто ненавидит за их агрессию в Маньчжурии, за стремление управлять маньчжурскими делами, за наглость, с какою они обращаются с китайцами, нас же он боится, страшно боится большевизма, особенно в своих войсках» [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 9. Д. 49. Папка 121. Л. 5].

Вокруг Мэрсэ и Фуминтая собрались наиболее радикально настроенные представители молодежи, известные также как «молодые монголы» и составившие ядро нелегальной организации в Хулун-Буире [Богословский,

Москалев, 1984: 30]. В том же 1920 г. Мэрсэ получил письмо из Иркутска от Э.-Д. Ринчино [тов. Ренчинов – в оригинальном тексте – *авт.*]. Он писал, что освобождение монгольского народа должно идти революционным путем не с белыми, а только с красными. Поскольку письмо было отправлено с нарочным, Мэрсэ дал устный ответ, что вполне согласен с Ринчино [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 4]. О получении Мэрсэ письма от Ринчино указывает и Фуминтай, в то же время отмечая, что письма получили он и Мэрсэ. Дата отправки письма Ринчино из Иркутска – 1921 г., указываемая Фуминтаем [Там же. Д. Р-39318. Л. 30], вероятно, неточна. Мы склоняемся к мысли об отправке письма Ринчино в 1920 г., когда он плотно занимался вопросами монгольской делегации, прибывшей сначала в ДВР (Троицкосавск, Верхнеудинск), а затем и в Советскую Россию [Хишигт, Курас, Цыбенков, 2020: 196–208; Курас, Цыбенков, 2021: 194–208]. Результатом упорной работы монгольских революционеров стала победа народно-демократической революции во Внешней Монголии, радостно встреченная в монгольском мире. Как и 10 лет назад, она вновь стала путеводной звездой национально-освободительного движения [Идшинноров, Цэрэндорж, 1990: 34].

В мае 1922 г. от имени молодежной организации Хулун-Буира было направлено поздравительное письмо Народному правительству Монголии. Очевидно, речь идет о годовщине победы Монгольской революции 1921 г. По некоторым данным, в 1922 г. Мэрсэ был приглашен во Внешнюю Монголию для работы по созданию Народно-революционной партии Внутренней Монголии в Урге [Богословский, Москалев, 1984: 30; Li Narangoa, 2003: 97]. К этому времени Ринчино уже с апреля 1921 г. работал по приглашению монгольских революционеров и Коминтерна в качестве советника Временного народно-революционного правительства, а также членом Военного совета при штабе партизанских войск Монголии [Цэцэгма, 2006: 36].

Согласно архивным материалам, в 1922 г. Мэрсэ получил второе письмо от Ринчино, уже из Урги. Он писал, что во Внешней Монголии установлена народная власть и просил Мэрсэ приехать в Ургу. Однако Мэрсэ не мог

попасть во Внешнюю Монголию, поскольку, по его словам, границы были закрыты. Поэтому он тайно отправился в Пекин, где устроился на должность инспектора Монгольско-Тибетского института [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 4; Дауур, 1989: 170; Энхэбату, Сэбүцзинтай, 2019: 138.]. О дате прибытия Мэрсэ в Пекин есть две версии: август 1922 г. и 1 января 1923 г. [Atwood, 2002: 155]. Фуминтай, возможно, был в Урге летом или осенью 1922 г. [Богословский, Москалев, 1984: 30; Atwood, 2002: 155]. По данным монгольского историка Л. Жамсран, Фуминтай (Буянгэрэл) и Мэрсэ (Го Даофу) прибыли в Ургу в 1922 г. и установили контакты с МНРП [Жамсран, 1991: 11]. В то же время Ринчино запрашивал у Ц.-Е. Цыдыпова информацию о положении в Хулун-Буире [Базаров, 2002: 45]. В январе или феврале 1923 г. по инициативе Ц.-Е. Цыдыпова состоялась его встреча с Мэрсэ и Фуминтаем, на которой они обсудили сложившуюся обстановку и решили внести коррективы в свою деятельность. По предложению Мэрсэ были определены следующие задачи: 1) используя вызовы Ринчино, выехать для связи с Ургой и включиться в работу с Внешней Монголией; 2) Ц.-Е. Цыдыпов должен начать работу по линии Монценкоопа в Хайларе; 3) Мэрсэ и Фуминтай как руководители молодежной организации Хулун-Буира, должны включиться в партийную и политическую работу [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 31]. Выезд в Ургу состоялся летом 1923 г. Мэрсэ, имея визу, выехал из Пекина через г. Калган. Предварительно он разговаривал с руководством Монгольско-Тибетского института о необходимости командировки во Внешнюю Монголию для набора учащихся. Мэрсэ также провел беседу с главой дипломатического бюро китайско-советской конференции Ван Чжэнтин (в тексте Ван Жантин – *авт.*) [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 4–4 об.]. Этот китайский политик был известен и как Ченгтин Томас Ван (1882–1961). В 20-х гг. XX в. работал на должностях министра иностранных дел, министра финансов, министра юстиции. Исполнял обязанности премьер-министра Китайской Республики с 11 декабря 1922 г. по 4 января 1923 г.

Знакомство Мэрсэ и Ван Чжэнтиня состоялось на банкете в честь Давшьяна (Дашьяна? – *авт.*) – председателя советской делегации. Доктор Ван, как называли Ван Чжэнтиня, проявил интерес к Внешней Монголии, поскольку вопрос о ней должен был стоять на советско-китайской конференции. Зная о поездке Мэрсэ в Ургу, доктор Ван попросил его выяснить количество войск, дислоцированных в Монголии; ее общее экономическое и политическое состояние. Когда Мэрсэ согласился выполнить эту просьбу, в качестве расходов на поездку Ван Чжэнтин выдал ему 500 китайских долларов и пообещал устроить его на работу советником в случае выполнения порученной работы [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 4 об.]. Этот факт вербовки Мэрсэ в качестве агента отмечен также в работе монгольского исследователя Р. Болда. Поскольку в ней стоит ссылка на дело, хранящееся в архиве Главного разведывательного управления Монголии, можно полагать, что монгольская (и, вероятно, советская) разведка были в курсе этих событий. Мэрсэ в тексте монографии Р. Болда указан как подчиненный (служащий) Ван Чжэнтиня и в то же время как революционер Внутренней Монголии. Автор также констатирует, что Мэрсэ был одним из многих агентов, направленных Ван Чжэнтинем в Ургу для сбора сведений об обстановке в Монголии [Болд, 2021: 154–155, 197]. Поскольку нам известны истинные мотивы поездки Мэрсэ, заключавшиеся, в первую очередь, в предстоящей встрече с Э.-Д. Ринчино и развертывании революционной работы, надо полагать, что Мэрсэ заведомо использовал предложение Ван Чжэнтиня в сугубо личных целях, т. е. для установления и развития революционного взаимодействия.

Ц.-Е. Цыдыпов и Фуминтай, как и Мэрсэ, также выехали из Хайлара в официальную командировку. Администрация Хулун-Буира направила их в Ургу для установления дружественных контактов с Народным правительством Монголии и проведения предварительных переговоров [Базаров, 2002: 45]. Прибыв в Ургу, Мэрсэ не застал Ринчино, так как он в это время был в командировке в Москве. О приезде Мэрсэ в Ургу было послано Ринчино телеграфное сообщение Цыбенем Жамцарано. В ответном

сообщении Ринчино попросил устроить поездку Мэрсэ в Москву для обсуждения вопроса о революционной работе во Внутренней Монголии и Хулун-Буире [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 4]. Помощь в организации этой поездки оказали Ц. Жамцарано и Б. Цэрэндорж [Там же. Д. Р-39318. Л. 31]. Таким образом, Мэрсэ получил поддержку не только Жамцарано, но и влиятельного монгольского политика Балингийн Цэрэндоржа (1868–1928), летом 1923 г. работавшего в должности заместителя министра иностранных дел Монголии.

Прибыв в Москву, Мэрсэ жил в здании Монгольской миссии вместе с Ринчино. Им был подготовлен письменный доклад о положении Китая и через Ринчино передан в Коминтерн [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 4]. Следует заметить, что примерно в это же время, 16 августа 1923 г., в Москву направилась делегация Китайской Республики во главе с молодым генералом Чан Кайши. Перед ним ставилась конкретная задача: обсудить военно-политические вопросы, достичь прямой договоренности о содействии Советского правительства в строительстве вооруженных сил Китая. Чан Кайши прибыл в Москву 2 сентября 1923 г. и находился в СССР около 3 месяцев, где изучал военный опыт советской власти, в частности организацию Красной армии, институт комиссаров, подготовку военных кадров [Воронцов, 1989: 35–36].

Тем временем Цыдыпов и Фуминтай находились в Урге. В июле 1923 г. Фуминтай от имени молодежной организации Хулун-Буира выступил с речью на II съезде МНРП [Atwood, 2002: 156]. В Москве Мэрсэ пробыл около месяца и вместе с Ринчино выехал в Ургу. В поезде ехал советский дипломат Л. М. Карахан, назначенный полпредом в Китай, и Ринчино познакомил Мэрсэ с Караханом. Прибыв в Ургу, Мэрсэ пробыл там еще около 3 недель и выехал через Калган в Пекин. Перед отъездом состоялась его встреча с Ринчино. Мэрсэ договорился с ним о том, что он будет вести революционную работу среди молодежи и по налаживанию добрососедских отношений между Внешней, Внутренней Монголией и Баргой [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 4]. Как отмечал Фуминтай, «мы (Мэрсэ, Фуминтай, Цыдыпов – *авт.*) добились большего, чем думали». После возвращения Мэрсэ из Москвы Фуминтай

вместе с ним получили задание от ЦК МНРП начать организацию нелегальных партийных ячеек в Хулун-Буире и Внутренней Монголии [Там же. Д. Р-39318. Л. 31]. Такое же поручение было дано и Ц.-Е. Цыдыпову. Ему и Фуминтайю были вручены инструкции по организации отделений партии, заключающиеся в формировании комитета партии и привлечении новых членов путем тайной агитации [Базаров, 2002: 46].

По возвращении из Урги Цыдыпов и Фуминтай сделали на своем кружке доклад. Кружок состоял из 10 чел. Собрание устроили в Мэхэртэ, так как это место представляло собой захолустный уголок и никто не мог бы предположить, что здесь можно устроить столь ответственное совещание. Председателем избрали Мэрсэ, а секретарем – Адъябаира. Это было первое партийное совещание, которое провозгласило образование Баргутской народной партии. Избрали президиум, председателя – Ц.-Е. Цыдыпова, секретаря – Адъябаира. Работу проводили энергично, несмотря на то что она была нелегальной [Базаров, 2002: 46]. Баргутская народная партия взаимодействовала с Консульством СССР в Хайларе, властями КВЖД, советским послом в Пекине, монгольскими революционерами в Урге [Балдано, 2017: 442]. По другим данным, между 1922 и 1923 гг. делегаты от хулун-буирской молодежи, вернувшись из Урги в Хулун-Буир, создали подпольную революционную организацию «Партия монгольской молодежи» (*монг.* Монголын залуучуудын нам). Основателями были Буянгэрэл (Фуминтай) и Мэрсэ [Жамсран, 1991: 12]. 15 января 1925 г. партия переименована в Революционную партию Восточного края [Богословский, Москалев, 1984: 30]. Одним из ее членов, очевидно, был Буувэйн Соелтой, один из представителей даурской молодежи, отправившихся затем на учебу в МНР. Из его биографии известно, что он родился в 1901 г. в семье даура Буувэй в местности Цицикар. Соелтой был третьим сыном в семье. В документах его имя записано как «Агуулын Соелтой», «Хобол Соелтой». В 16 лет он поступил в начальную школу, где обучался 2 года. Как отмечал Б. Соелтой, «...в 1922 г. Фуминтай и Мэрсэ приезжали в Монголию и по

возвращению они собрали передовую молодежь Барги и сказали: “Внешняя Монголия стала революционной страной. Народ, обретя независимость, занят счастливым созидательным трудом. Мы также должны вырваться из рук Китая, поэтому нужна революция – это самое главное. Но для начала нужно основать школу”. И так говоря, собрав около 70 чел., они открыли в Хайларе школу» [Идшинноров, Цэрэндорж, 1990: 34–35]. В это же время в Хайларе усилиями Цыдыпова, Мэрсэ и Фуминтая создан Хулун-Буирский народный кооператив. Помимо решения насущных социально-экономических вопросов, под прикрытием кооператива предполагалось проведение революционной агитации [Базаров, 2002: 44–45; Балдано, 2017: 442].

Мэрсэ, прибыв в Пекин, представил подробный доклад Ван Чжэнтину. Впоследствии этот доклад был переработан Мэрсэ и лег в основу книги «Новая Монголия». Он сообщил, что во Внешней Монголии войск нет, кроме охраны консульства. Ван Чжэнтин остался недоволен как этим докладом, так и отчетом об экономическом и политическом состоянии Внешней Монголии. Несмотря на это, он принял Мэрсэ на работу в качестве советника последней категории. Будучи советником, Мэрсэ, по его словам, фактически никакой работы не вел, жалованье получил за 1 месяц 200 китайских долларов, за второй – 100. Впоследствии никакого жалованья не получал, а лишь имел чин советника [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 5]. Эти сведения, рассказанные самим Мэрсэ, несколько расходятся с официальной версией, представленной в «Краткой истории даурского народа». Так, в ней отмечено, что в начале 1923 г. Мэрсэ встретился с чиновником из Министерства иностранных дел Ван Чжэнтином и высказал ему свои мысли по вопросу о национальных меньшинствах Китая. Чиновник пригласил его в качестве секретаря и переводчика с русского языка. Затем он был приглашен в качестве советника управления внешних сношений между Китайской Республикой и СССР и временно исполняющего обязанности руководителя Монгольско-Тибетской школы [Даур, 1989: 171]. Как можно видеть, в официальной версии

отсутствует момент, связанный с т. н. «агентурной» деятельностью Мэрсэ во Внешней Монголии.

Проживая в Пекине, Мэрсэ вел революционную работу среди монгольской молодежи и вращался в кругу монгольских политических деятелей, среди которых были Алтан (*кит.* Дин-юын-чан), Цэрэндонров (Бай-юн-ти), Мандалту (Ли-фын-гаын), Мурунга (Яау-дзин-тао) и Ванданнима [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 5].

Приехав из Урги в Пекин и прожив там 1 месяц, Мэрсэ выехал в Хайлар для того, чтобы предложить властям Хулун-Буира восстановить дружественные отношения с Внешней Монголией. По данным Мэрсэ, в результате его работы зимой 1923 г. между Хулун-Буиром и Внешней Монголией был заключен дружественный договор [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 5]. В то же время он вел нелегальную революционную и организационную работу среди монгольской молодежи по созданию Народно-революционной партии. В средней школе монгольских хошунов Хулун-Буира Мэрсэ ознакомил сподвижников с государственным строем СССР и Монголии, развитием хозяйства, культуры и образования. Он также призвал молодежь принять активное участие в национальном движении, направленном на освобождение Внутренней Монголии [Там же; Даур, 1989: 171]. В Хайларе Мэрсэ работал в течение месяца, затем вернулся в Пекин, где безвыездно прожил до лета 1924 г. В этот период он был занят изданием книги «Новая Монголия», числился официально советником и вел революционную работу среди монгольской молодежи и политических деятелей. Жил на средства, полученные за должность советника, – 300 китайских долларов и 1 тыс. китайских долларов, полученных от Ринчино [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 5].

Об издании работы Мэрсэ «Новая Монголия» у нас мало данных. Известно, что статья Куо Тао-Фу под схожим названием «Современная Монголия» (*Modern Mongolia*) была издана в 1930 г. в журнале «Пасифик Эффэйрс» (*Pacific Affairs*) [Kuo Tao-Fu, 1930: 754–762]. С другой стороны, имеются данные о публикации Мэрсэ в 1923 г. брошюры «Монгольский

вопрос», в которой он обращался к теме «пробуждения» монгольского этноса и кризиса, вызванного политическими последствиями Первой мировой войны в Северо-Восточной Азии. Об обширных политических связях автора свидетельствуют два предисловия к брошюре, написанные учеником китайского философа Кан Ювэя, мыслителем-реформатором Лян Цичао (1873–1929) и представителем Гоминьдана Сэрэндонровом (Бай Юньти) [Christmas, Sakura, 2016: 22].

В 1924 г. Мэрсэ и второй сын фудутуна Гуйфу участвовали в качестве делегатов от Хулун-Буира в прошедшем в Нанкине Всекитайском съезде по улучшению качества педагогической работы. На нем Мэрсэ высказал свое мнение о путях развития педагогической работы среди национальных меньшинств. После окончания собрания оба делегата от Хулун-Буира отправились в Шанхай, где состоялось их знакомство с членами Гоминьдана Чжан-Ди и Юн-Чженем. Они посоветовали Мэрсэ и его спутнику съездить в Гуанчжоу (Кантон) как партийный центр Гоминьдана. В Гуанчжоу Мэрсэ и сын фудутуна Гуйфу два раза встречались с Сунь Ятсеном. Пробыв в Гуанчжоу 2 недели, они выехали в Хайлар [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 5 об.; Даур, 1989: 171]. О предмете бесед Мэрсэ и Сунь Ятсена у нас нет данных. Можно предположить, что речь на этих встречах могла идти о путях развития революционного движения в Китае, идейных установках и принципах Гоминьдана, ситуации во Внешней и Внутренней Монголии, Маньчжурии.

Следует отметить, что примерно в этот период с Сунь Ятсеном имели встречу представители Советской России. В мемуарах члена Дальневосточного секретариата Коминтерна С. А. Далина описано его знакомство с Сунь Ятсеном, состоявшееся 27 апреля 1922 г. Как отметил Далин, глаза у Сунь Ятсена были карие, очень живые, с огоньком, напоминавшие глаза В. И. Ленина. И он был поражен этим сходством. Желание Сунь Ятсена как можно чаще встречаться с Далиным говорило о его намерениях установить контакт с Советской Россией. Впоследствии стало ясно, что китайский политик относится к ней с большой симпатией. В то же

время он указывал Далину, что в его правительстве и парламенте есть враги Советской России, например доктор У Тин-фан, бывший китайский посол в США, который работал министром иностранных дел. Сунь Ятсен, затрагивая тему признания Советской России Китайской Республикой, отмечал, что не надо забывать о близости Гонконга. В частности, в беседе с Далиным он указал, что, «если я сейчас признаю Советскую Россию, англичане начнут действовать против меня» [Далин, 1975: 121]. Серьезную озабоченность у Сунь Ятсена вызывала обстановка, складывавшаяся в Маньчжурии. Об этом свидетельствует его неожиданный вопрос, заданный Далину: «Не может ли Советская Россия произвести такой же переворот в Маньчжурии, как и в Монголии?» Не дожидаясь ответа, Сунь Ятсен продолжал: «У нас общий враг – Япония, которая захватила ваш Владивосток с помощью Меркулова и нашу Маньчжурию с помощью Чжан Цзолия. Как только У Пэйфу будет разбит, наступит очередь Чжан Цзолия. Тогда помощь Советской России была бы чрезвычайно важна» [Далин, 1975: 109–110, 121]. В историко-мемуарных записях китайского революционера Го Шаотана (известен также под именем Афанасия Гавриловича Крымова) говорится, что к моменту приезда советского представителя А. А. Иоффе в августе 1922 г. у Сунь Ятсена уже созрела идея о трех политических установках: союз с СССР, сотрудничество с компартией и поддержка рабоче-крестьянского движения [Крымов, 1990: 199].

Мэрсэ, очевидно, поддерживал какое-то время связи с руководством Гоминьдана и после смерти Сунь Ятсена в 1925 г., поскольку имеется непроверенная информация (газетная заметка – *авт.*) о назначении его делегатом на 4-й Национальный конгресс Гоминьдана. Там же указывается, что он так и не присутствовал на этом партийном мероприятии [Malaya Tribune. 1933. 18 August.].

После возвращения в Хайлар летом 1924 г. Мэрсэ и Фуминтай организовали революционную группу. Фуминтай в качестве представителя этой группы был отправлен в Ургу. В те годы ситуация с выездом молодежи

на обучение за рубеж была не самая благоприятная, поскольку с 1920 г. Хулун-Буир находился под контролем губернатора провинции Хэйлуцзян У Цзюньшена. Поэтому нелегально были отправлены на учебу в Ургу 4 чел.: Башоро (Бочиро – *авт.*), Хасбатор, Тынтай, Алинтай. После выборов в ЦК революционной группы осенью 1924 г. через несколько дней были посланы учиться в Ургу 8 чел., включая Мердин, Соелтай, Хоболо, Баянбатор, Чаганлама, Улгу и др. [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 5 об. – 6]. Тогда же, в ноябре 1924 г., по другим данным, в середине октября [Лузянин, 2000: 130], в Улан-Батор приехали Мэрсэ и Сулфанга для переговоров с ЦК МНРП о необходимости активных действий в Хулун-Буире с весны 1925 г. [Кузьмин, 2021: 308]. По данным С. Г. Лузянина, Мэрсэ, Сулфанга и другие, прибывшие с ними революционеры, представляли собой делегацию Баргинского комитета Народно-революционной партии Восточного края. Целью предполагаемого восстания, как указывали делегаты в своем послании, было объединение монгольских племен и подготовка Великой революции народов в Восточной Азии [Лузянин, 2000: 130–131]. Необходимо заметить, что деятельность даурских революционеров осенью 1924 г. проходила на фоне государственного переворота в Китае, открыто осуществленного в октябре 1924 г. генералом Фэн Юйсяном против У Пэй-фу, лидера чжилийской клики милитаристов. Активная позиция Фэн Юйсяна, поддержавшего антиимпериалистические лозунги Сунь Ятсена и завязавшего контакты с Гоминьданом и КПК, привлекла к нему пристальное внимание сотрудников Коминтерна и в целом сторонников мировой революции. В борьбе против своих противников он стремился опереться в том числе и на национальное движение коренного населения Внутренней Монголии, поэтому заявлял о возможности его поддержки [Богословский, Москалев, 1984: 29]. В мемуарах советского военного советника при ЦК КПК О. Брауна (он известен также под именами Карла Вагнера, Ли Дэ, Хуа Фу) Фэн Юйсян назван прогрессивным «христианским» маршалом, который в своей борьбе с милитаристскими

группами Чжан Цзолия и У Пэйфу опирался на северо-западные провинции и Внутреннюю Монголию [Браун, 1974: 179].

Важным событием в общественно-политической жизни Внутренней Монголии стало создание в 1925 г. Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ). Имеются данные, указывающие на более раннее начало подготовительных работ по созданию партии. Как отмечал Фуминтай, в 1923 г. (вероятно, осенью – *авт.*) он и Мэрсэ как организаторы НРПВМ (в тексте ВМНРП – *авт.*) встречались с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 32]. В своем докладе от 10 марта 1926 г. с которым выступил на съезде Коминтерна в Москве, Фуминтай относил зарождение мысли об организации партии еще к 1918 г. По его данным, Сэрэндонров, Мэрсэ и он, Фуминтай, каждый в отдельности вели пропаганду о необходимости появления партии. И лишь в 1923 г. эта идея увенчалась успехом – созданием в Барге Восточного бюро под руководством Мэрсэ и Фуминтая и ячейки в Хорчинском хошуне, организованной Сэрэндонровом. Помимо этих ячеек и вне связи с ними к тому времени были образованы другие группы на почве антифеодального движения: в хошуне Бована (Чжеримского сейма) появилась группа Саин-Баира, поставившего своей целью борьбу с феодалами, и в Ехэ-Цзусском сейме с той же целью были созданы под руководством Жамцарана «Народные круги» – «Дугуйланы» [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 7. Портфель 44. Инв. № 204. Папка 118. Л. 17]. Очевидно, в 1923 г. этими и другими политическими деятелями обсуждалось создание НРПВМ. Мэрсэ с Фуминтаем, знакомым с бурятскими и к тому времени с монгольскими и советскими руководителями, было поручено заняться этим делом. Общее руководство по вопросам организации НРПВМ на первых порах, вероятно, находилось в руках Л. М. Карахана. В свою очередь он руководствовался инструкциями из СССР. Работа по созданию партии была успешной.

Согласно докладу Фуминтая от 1926 г., все эти группы к январю 1924 г. объединились и на нелегальном съезде в Пекине постановили образовать

Народно-революционную партию Внутренней Монголии и избрали Временный ЦК в составе Сэрэндонрова, Мэрсэ, Буянгэрэла (Фуминтая), Алтана, Мандалту, Энхэбату, Еджинтоу, Ванданнима и Сайнбаира [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 7. Портфель 44. Инв. № 204. Папка 118. Л. 17]. По материалам же следственного дела Фуминтая, с конца 1923 по конец 1924 г. Мэрсэ и ему удалось объединить ряд организаций: молодежную организацию Хулун-Буира, в руководстве которой они сами находились; Чжиримскую организацию учащихся (руководитель Сайнбаир, *кит.* Бау Юе Цин); ордоскую организацию крестьян «Дугуйлан» (руководитель Ванданнима); монголов – членов Гоминьдана в Пекине (Байюнти (Сэрэндонров); Алтан-Очир, учившийся в Японии; Мандалту, работавший в Монголо-Тибетском комитете в Пекине; Энхэ-Бато, член ЦК Гоминьдана, член китайского парламента – Мурунга). Из этих лиц в декабре 1924 г. (в тексте дела из МУУТА как 14-й год правления Китайской Республики – *авт.*) был создан временный Центральный комитет НРПВМ [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 32; МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 16. Л. 3]. Нужно отметить, что в том же году Сэрэндонровом была организована в г. Калган партия Гоминьдана Внутренней Монголии, выступавшая за решение национального вопроса на основе принципов, выдвинутых на I съезде Гоминьдана в январе 1924 г. в г. Гуанчжоу [Богословский, Москалев, 1984: 30]. Таким образом, на формирование взглядов «молодых монголов» – выходцев из различных частей Внутренней Монголии оказывала немалое влияние партия Гоминьдана.

Согласно официальной китайской версии, созданию НРПВМ предшествовала подготовительная работа со стороны КПК, которая в 1925 г. утвердила документ под названием «Проект резолюции по монгольскому вопросу». В нем говорилось, что «...КПК считает необходимым согласовать национально-освободительное движение монголов с освободительным движением всего Китая... будет соответствовать, если создать революционную партию народа Внутренней Монголии... со стороны

монгольского народа это национальная и государственная ответственность» [Dayur, 1989: 171].

Революционеры Внутренней Монголии и Хулун-Буира, с одной стороны, и ЦК МНРП – с другой, вели активную деловую переписку. Об этом можно судить из доступных нам архивных материалов Центрального национального архива Монголии за 1925–1928 гг. В переписке говорится о различных мероприятиях партийного и военного характера; контактах революционеров и партий; укреплении революционного взаимодействия [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 75]. Заметим, что в делах фонда ЦХ № 7 МУУТА помимо названия «Народная партия Восточной Монголии» (Dotoyatu Mongyol-un arad-un nam) встречаются и другие определения организации, как «Партия Внутренней Монголии» (Dotoyatu Mongyol-un nam), «Народно-революционная партия Внутренней Монголии» (Dotoyatu Mongyol-un arad-un qubisyalту nam) [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 6]. Можно полагать, что партия на тот момент еще не имела конкретного названия. Для удобства изложения используем в работе, как нам кажется, срединный вариант «Народная партия Восточной Монголии» (Dotoyatu Mongyol-un arad-un nam).

5 апреля 1925 г. (в тексте как 15-й год Многими Возведенного – *авт.*) представитель Народной партии Внутренней Монголии (Dotoyatu Mongyol-un arad-un nam) Сэрэндонров просил ЦК МНРП изготовить печать для партии, поскольку коварные реакционеры могут отправить ложные письма и тем самым навредить партийной работе. Также в письме выражалась просьба о снабжении народных масс Внутренней Монголии литературой последних лет, посвященной государственным законам, постановлениям, уставам; партийному уставу [Там же. Д. 12. Л. 1].

В апреле 1925 г. заместитель премьер-министра, полномочный представитель МНР А. Амар во главе монгольской делегации провел переговоры в г. Калган с китайским военным деятелем Фэн Юйсяном. Во время перерывов, связанных с ожиданием директив из Улан-Батора, делегация выезжала в Пекин [Батбаяр, 2017: 145, 149; 2020: 240]. Этот факт выезда,

вероятно, был неправильно трактован некоторыми монгольскими политиками того периода, оставившими записи о проекте договора, составленного монгольской делегацией в Пекине. Всего в нем значились 4 пункта. В третьем пункте утверждалось, что военачальник Фэн, уважая право народа на самоопределение, будет всемерно помогать малым народам государства, подобно внутренним монголам, обрести право на автономную власть. Четвертый пункт проекта гласил, что Хулун-Буиру и Внутренней Монголии, каждому региону в отдельности, будет дано право на автономное управление [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 45, 47, 52]. Действительно, в директивах монгольской делегации под пунктом 12 была указана задача – выяснить взгляды Фэн Юйсяна в отношении Барги. Требование о предоставлении Барге права широкой автономии было и в числе четырех требований, официально выдвинутых Фэн Юйсяну. Однако последний не согласился на признание прав широкой автономии Барги, как и независимости Внешней Монголии и автономии Внутренней Монголии. Переговоры были прерваны и 29 мая 1925 г. делегация выехала в Улан-Батор. Согласно данным сотрудника Восточного отдела НКВД С. С. Борисова, в период переговоров с генералом Фэн Юйсяном монголы включили в наказ своей делегации, помимо требования к нему признать независимость Внешней Монголии, еще добавочный пункт о признании им «идейно-политического руководства Внешней Монголии над остальными монгольскими областями и районами». По мнению С. С. Борисова, эта «панмонголистская надстройка» над формулой независимости явилась не только результатом влияния некоторых националистов широкого размаха (Ринчино), но и близкая широкой массе монголов, была характерным показателем упорства и неподатливости монголов в области их взаимоотношений с Китаем и интенсивности антикитайских настроений в монгольской массе [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 10. Портфель 39. Папка 132. Д. 400. Л. 2]. Э.-Д. Ринчино также интересовала ситуация, складывавшаяся в советско-монголо-китайских отношениях. В частности, он отмечал, что «тот панкитаизм, который поддерживали и

которым нас крыли и пугали, оказался мифом: партия Гоминьдан и даже генерал Фэн Юйсян, нашего коминтерновского “панмонголизма” не убоялись, как мы и доказывали, и рыскуловского панкитаизма не выдвигают как аргумент против революционной работы в монгольских районах Китая» [ГАРБ. Ф. 20. Оп. 4. Д. 110. Л. 82].

В переговорах принимал участие Фуминтай, его имя упоминается наряду с Т. Рыскуловым, переводчиком Галоном Галзутовым, выехавших 22 апреля 1925 г. из Калгана в Пекин, чтобы сообщить советскому дипломату Л. М. Карахану о ходе переговоров [Батбаяр, 2017: 149, 151, 153]. Будучи выходцем из Хулун-Буира, он, очевидно, курировал вопрос, связанный с предоставлением прав широкой автономии именно этому региону. В то же время он был незаменим и как переводчик (на случай вынужденной замены официально заявленных переводчиков делегации), кроме даурского и монгольского, знал китайский, русский. К тому времени Фуминтай был хорошо знаком с Л. М. Караханом, Э.-Д. Ринчино, и как мы видим, с монгольскими чиновниками А. Амаром, Сэцэн-ханом Ц. Наваннэрэном, Г. Гэлэгсэнгэ, Тэвэгтом, Занаа, сотрудником Коминтерна Т. Рыскуловым (Хасакбай), переводчиками Галоном Галзутовым, Бадрахом, входившими в состав делегации. Он мог иметь нужные контакты и в окружении Фэн Юйсяна и других китайских политиков и военных.

До лета 1925 г. Временный комитет ЦК НРПВМ провел большую работу в агитационно-пропагандистском и организационном отношении: им были издан целый ряд брошюр и листовок; посланы пропагандисты-организаторы во все сеймы и хошуны для распространения среди широких трудовых масс идей революционного движения и организации ячеек и комитетов партии [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 7. Портфель 44. Инв. № 204. Папка 118. Л. 17].

В начале лета 1925 г. Мэрсэ встречался с консулом СССР в Маньчжурии И. М. Гейцманом. В докладной записке консула от 7 июня 1925 г. отмечалось, что «на празднике у монголов с самого начала меня разыскал один монгол по имени Мерсэ, который представился мне в качестве знакомого товарищей

Карахана и Бородина, сказал, что он дней десять назад был в Пекине и много с ними говорил о разных делах. Тут он считал необходимым обратить мое внимание на то, что не удобно будет говорить о чем-либо с монгольскими князьями или даже выказывать особую близость к ним. За нами, говорил он, все наблюдают. Увидев издали мистера Ци, он наскоро удалился от меня. С таким же предупреждением обратился ко мне управляющий монгольским кооперативом гражданин Цыдыпов» [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 9. Д. 46. Папка 120. Л. 98].

Летом 1925 г. Сэрэндонров, Буянгэрэл (Фуминтай) и Алтан прибыли в Улан-Батор, где сделали подробный доклад ЦК МНРП и поставили вопрос об объединении сил обеих сторон для большого успеха и просили помощи во всех делах, в том числе и финансовую в размере 50 тыс. долл. [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 7. Портфель 44. Инв. № 204. Папка 118. Л. 17].

В черновом варианте письма Сэрэндонрова к ЦК МНРП от 5 июня 1925 г. говорится, что все проверенные данные о работе партии, мобилизации в партийную армию (*досл. nam-un serig – авт.*) были переданы в предыдущем письме советскому послу Л. М. Карахану. В тексте, где речь идет о целях партии, встречается четкое разделение членов партии на две группы: Внутренней Монголии и Восточного края [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 1]. Таким образом, уже тогда, в 1925 г., были обозначены предпосылки будущей фракционной борьбы внутри НРПВМ. По данным Сэрэндонрова, ЦК Восточной народной партии (*Doronatu arad-un nam*) был временно учрежден в Долоннуре. Его влияние распространялось на Восточную Монголию (очевидно, имеется в виду восточная часть Внутренней Монголии – *авт.*), Баргу (Хулун-Буир), Цицикар, Бутху [Там же. Л. 2]. На наш взгляд, речь идет о попытке расширения сферы влияния Народно-революционной партии Восточного края (НРПВК) в восточном направлении. Если НРПВК в своей деятельности ограничивалась землями баргутов, дауров и солонов, то в случае с созданием Восточной народной партии территория существенно расширялась за счет восточной части Внутренней Монголии. Учитывая

многочисленность населения этого региона по отношению к Хулун-Буиру, возможно кратное увеличение числа партийцев – выходцев из среды восточных монголов. С другой стороны, принимая в расчет черновой характер письма Сэрэндонрова, – речь в данном случае идет лишь о рассуждениях южномонгольского политика, изложенных на бумаге. Предвидя будущую конфронтацию с членами НРПВК в борьбе за руководство партией, он пытался «распылить» их силы путем объединения с революционными силами восточной части Внутренней Монголии. В таком случае даурская верхушка НРПВК ожидаемо вступала в непростое противостояние с многочисленными партийцами – монголами по национальности: харчинами, хорчинами, узэмчинами и др., и в конечном счете могла потерять свое влияние в партийных делах. Именно такой поворот дел был бы на руку Сэрэндонрову для сосредоточения в своих руках всей полноты власти.

Далее в черновике письма Сэрэндонрова говорится о необходимости присылки военных инструкторов; назначении полномочных представителей партии в регионах; выделении 50 тыс. янчанов на работу Народной партии Внутренней Монголии, 100 тыс. – на нужды армии [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 2].

26 июня 1925 г. (15-й год Монгольского государства – *авт.*) руководители временного комитета Народной партии Внутренней Монголии Сэрэндонров и Буянгэрэл (Фуминтай) вновь обращались к ЦК МНРП с просьбой о партийной печати. Необходимость ее теперь объясняли тем, что по всем нынешним делам НРПВМ по-прежнему приходится связываться секретно и поэтому было бы лучше использовать для документов печать в качестве надежного удостоверяющего средства [Там же. Д. 12. Л. 2; Д. 11. Л. 92].

3 июля 1925 г. (15-й год Монгольского государства – *авт.*) Сэрэндонров и Буянгэрэл (Фуминтай) обращались в ЦК МНРП за обещанной финансовой помощью в революционной работе партии в размере 50 тыс. янчанов [Там же. Д. 12. Л. 3]. Причем в письме отмечалось, что данная сумма была

запланирована, но, вероятно, ЦК МНРП имела свои виды на финансирование Народной партии Внутренней Монголии, поскольку в тексте далее говорится о срочной отправке денег для ускорения революционной работы, если только они еще остались (т. е. не истрачены). Далее руководители Временного комитета партии отмечали, что ранее выданные им 30 тыс. янчанов помогли делу революции в важный для нее период. Кроме того, финансовая поддержка способствовала более тесному революционному взаимодействию партийцев; часть суммы была передана тайным агентам [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–3 об.]. Таким образом, можно отметить факт финансирования ЦК МНРП работы Временного комитета Народной партии Внутренней Монголии до официального учреждения организации в октябре 1925 г. Как можно видеть, ЦК МНРП выделяло крупные по меркам того времени суммы на развитие революционного движения во Внутренней Монголии, включая Баргу.

За деятельностью баргинских революционеров внимательно наблюдали сотрудники ИККИ. В конце 1924 – начале 1925 г. руководство Коминтерна и иностранный отдел ОГПУ всерьез рассматривали возможность нанесения удара в тыл Чжан Цзолиню, используя для этого отряды баргинских революционеров и оппозиционно настроенных чиновников Барги. В Архиве внешней политики Российской Федерации хранится секретное письмо начальника иностранного отдела ОГПУ В. Б. Трилиссера от 22 июня 1925 г., адресованное наркому иностранных дел Г. В. Чичерину. В нем он подчеркивал, что «баргинские экстремисты еще с 1912 г. сохранили организационные силы и традиции по борьбе за отделение Барги от Китая... и способность к быстрой военной организации партизанских отрядов» [Лузянин, 2000: 131].

14 сентября 1925 г. Временный комитет Народной партии Внутренней Монголии сообщал ЦК МНРП о ходе революционной работы и о своем постановлении о проведении I съезда НРПВМ 1 октября 1925 г., для подготовки которого будет создана специальная комиссия [МУУТА.

Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 6]. Впоследствии дата проведения съезда была изменена.

Учредительный съезд НРПВМ прошел 27 (12 – по ст.) октября 1925 г. в г. Калган (*монг.* Чуулалт-Хаалган; *кит.* Чжанцзякоу). Даурская революционная молодежь в лице Мэрсэ, Фуминтая, Ин Хэняна и др. (всего более 10 чел.) приняла активное участие в его работе. Например, Мэрсэ приехал в Калган до его начала и провел подготовительную работу. Всего на съезде присутствовало более 50 делегатов, включая деятелей Внутренней Монголии: Сэрэндонрова (известен как Цэрэндонров, Бай Юньти – *авт.*), Алтаночира, Мурунгу, Мандалту, Сайнбаяра (Бао-Юе-Чин), Уланьфу (Уланху). Следует отметить, что Уланьфу в сентябре 1925 г. вступил в ряды КПК и прибыл в Калган в качестве делегата от монгольских студентов Пекина [Altanša, 1999: 5].

По данным С. Д. Дылыкова, I съезд Народно-революционной партии Внутренней Монголии выдвинул перед партией и аратами следующие задачи: а) добиваться административно-территориальной автономии Внутренней Монголии; б) ликвидировать феодальный строй; в) тесно увязать национально-освободительное движение Внутренней Монголии с национально-революционным движением Китая [1953: 34]. Были приняты решения о формировании революционной армии, ликвидации влияния религиозных иерархов, об обращении к социалистическому пути, утверждении программы развития народно-демократической революции [Dayur, 1989: 172].

На съезде председателем партии был избран Сэрэндонров, секретарем – Мэрсэ [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 6; Rupen, 1964: 169; Dayur, 1989: 172; Li Narangoa, 2003: 97; Кузьмин, 2021: 305]. Членами ЦК партии стали Алтаночир, Фуминтай, Мурунга, Сайнбаяр, Мандалту. В ноябре 1925 г. членом ЦК НРПВМ стал Алта, летом 1926 г. – Гобол Эрхимбату (даур), весной 1927 г. – Дэчин. В качестве иностранных советников НРПВМ в 1925–1927 гг. можно назвать Буяннэмэха (др. имя Цэцэнбилигту) и Насанбату из МНР,

А. И. Оширова из Бурят-Монгольской АССР в составе РСФСР (Прил. 4) [Atwood, 2003: 490; И Сун, 2012: 168–169]. В «Краткой истории даурского народа» по поводу участия даурских деятелей в работе I съезда НРПВМ справедливо отмечено: «С этого времени революционная интеллигенция даурского народа вместе с революционной прослойкой монгольского общества вступила в национально-освободительное движение Внутренней Монголии» [Дауур, 1989: 172].

В целом создание НРПВМ в 1925 г. стало началом нового этапа революционной борьбы во Внутренней Монголии. В том же году была создана Центральная партийная школа, где стали готовить революционные кадры. Многие представители передовой молодежи направлялись на учебу в МНР и СССР. Например, только в 1926 г. на учебу в Улан-Батор было направлено около 200 чел. [Жамсран, Эрдэнэбаяр, Алтанцэцэг, 1996: 51–52]. Как показывают архивные данные, летом 1926 г. сотрудником Коминтерна А.И. Ошировым решался также вопрос об отправке 15 курсантов из Внутренней Монголии в национальную кавалерийскую школу и партийную школу г. Верхнеудинск [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 4. Л. 93].

По данным Э.-Д. Ринчино от 1925 г., во Внутренней Монголии при участии и поддержке МНР велась открытая и легальная революционная работа. Революционеры приступили к организации монгольских революционно-национальных воинских частей [ГАРБ. Ф. 20. Оп. 4. Д. 110. Л. 82]. В 1925 г. под руководством члена ЦК НРПВМ Мурунги образована Народная армия Внутренней Монголии (НАВМ), сразу вступившая в борьбу за освобождение монгольских территорий. После поражения китайского милитариста Фэн Юйсяна от объединенных сил У Пэйфу и Чжан Цзолина НАВМ также отступила в аймаки Уланцав и Их-Зуу [Жамсран, Эрдэнэбаяр, Алтанцэцэг, 1996: 51–52].

В письме ЦК НРПВМ к ЦК МНРП от 15 октября 1925 г. за подписями Сэрэндонрова и Мэрсэ говорилось об утверждении руководством партии в

качестве действительного представителя от Баргинской партии (в тексте *Barᠠ-ᠶᠢᠨ ᠮᠠᠮ – авт.*; речь идет о Народно-революционной партии Восточного края) Нимажаба и отправке его в г. Улан-Батор. Отмечалось, что этот товарищ предан партии, собирал разведывательные данные о некоторых личностях по партийному заданию, неоднократно выручал партийцев в разных делах. Также ЦК НРПВМ просил помочь Нимажабу в приобретении литературы, включая инструкции и учебные пособия, для Баргинской партии [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 23]. Как мы видим, руководство НРПВМ занималось и делами Народно-революционной партии Восточного края (НРПВК), руководителем которой продолжал оставаться Мэрсэ. Таким образом, он совмещал две должности в разных партиях, но поскольку НРПВК была лишь региональной организацией в масштабах Хулун-Буира, очевидно, было принято решение об управлении делами партии посредством ЦК НРПВМ.

13 ноября 1925 г. ЦК НРПВМ в лице председателя партии Сэрэндонрова и секретаря Мэрсэ направило в ЦК МНРП срочное письмо за № 8, в котором говорилось, что после I съезда партии был выбран новый ЦК и на повестке дня встал вопрос о создании Народной армии Внутренней Монголии. Первоначально вновь созданная армия получила название Народная армия Восточной Монголии. Командирами подразделений были поставлены монголы. Ее появление породило новые вопросы, связанные с финансированием, снабжением, взаимодействием с китайским военачальником Фэн Юйсянем. Хотя он обещал военную помощь, но так и не предоставил. Народная армия Восточной Монголии дислоцировалась в районе Чахара и Кэшиктэна. Вопросами вооружения и снаряжения было поручено заняться Буянгэрэлу (Фуминтаю). Для оперативных нужд армии предполагалось изыскать средства или помощь в виде 1 тыс. винтовок и патронов к ним, патронов к японским винтовкам (по 1 млн патронов), 4 пулемета «Максим», 4 пулемета «Льюиса», 2 малых артиллерийских орудия с 500 шт. снарядов, 8 бомбометов с 200 снарядами [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–6].

30 ноября 1925 г. временный представитель НРПВМ Хуалинтай в письме в ЦК МНРП за № 12 от 30 ноября 1925 г. сообщал о подготовке журнала с докладами членов партии и изложением цели и задач партии. К письму был приложен данный журнал. Хуалинтай просил также издать его в количестве 2 тыс. экземпляров для распространения народным массам [Там же. Л. 8].

23 декабря 1925 г. (в тексте как 15-й год правления Монгольского государства - *авт.*) Буянгэрэл (Фуминтай) запрашивал у ЦК МНРП помощь оружием и боеприпасами для революционных войск, созданных во Внутренней Монголии и Барге, ссылаясь на их нехватку. В частности, в списке необходимого вооружения значатся русские винтовки – 800 шт. со всеми принадлежностями, патронами; сабли – 300 шт.; гаубицы – 4 шт., 800 снарядов к ним; пулеметы «Максим» – 4 шт.; пулеметы «Льюис» – 2 шт. с патронами; 30 маузеров с 30 тыс. патронами. В документе упоминается о помощи, оказанной ранее Коминтерном [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 90–91]. В целом из его текста можно понять, что ЦК МНРП ранее оказывала военную помощь южномонгольским революционерам. В нем говорится также об оплате и цене оружия, из чего можно сделать вывод, что помощь не была безвозмездной. Таким образом, Буянгэрэлу, т. е. Фуминтаю, приходилось решать сложные вопросы военного снабжения революционных сил Внутренней Монголии и Барги.

Временный представитель НРПВМ Хуалинтай в своем письме в ЦК МНРП от 18 декабря 1925 г. за № 13 сообщал, что освобождает должность ввиду отправки в Баргу для развития революционной деятельности в регионе. В другом письме за № 45 от (дата не указана – *авт.*) марта 16-го года правления Монгольского государства (очевидно, 1926 г. – *авт.*) ЦК НРПВМ сообщал о замене временно исполняющих обязанности представителей партии Буянгэрэла (Фуминтая) и Хуалинтая на действительного представителя партии Мандалту [Там же. Д. 15. Л. 3]. В таблице представителей НРПВМ в г. Улан-Батор и Барге, подготовленном

монголоведом К. Этвудом, сроки полномочий Хуалинтая указаны с 30 сентября по 18 декабря 1925 г., Фуминтая – с 23 декабря 1925 г. по 4 января 1926 г. (Прил. 5) [Atwood, 2002: 528]. Из этих данных можно узнать, что даурские революционеры, родные братья Фуминтай и Хуалинтай, в определенный период времени, с сентября 1925 по январь 1926 г., выполняли важнейшую роль во взаимодействии двух монгольских партий. Через них проходила вся информация, связанная с поддержкой МНРП и Коминтерна национально-освободительного движения во Внутренней Монголии. Их замена, по всей видимости, вызвана зарождавшейся борьбой двух фракций в составе НРПВМ: прокитайской и левого крыла.

Сохранились архивные материалы об отправке хулун-буирской молодежи на учебу в Улан-Батор и далее в Москву. 9 января 1925 г. в письме за № 2091 временный представитель Народно-революционной партии Внутренней Монголии (в тексте записано так, хотя в этот период встречаются и другие названия партии – *авт.*) Хуалинтай просил освободить некоего Эрдэнижаба от должности в военном министерстве и направить на обучение в г. Москва [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 106]. 15 марта 1925 г. ЦК НРПВК направило письмо за подписями председателя партии Мэрсэ и секретаря Адьябаяра к ЦК МНРП с просьбой принять товарища Тэмургулда из хошуна белого знамени Новой Барги в школу в г. Улан-Батор для изучения партийных идей и принципов [Там же. Л. 100]. Председатель Временного ЦК Народной партии Внутренней Монголии Сэрэндонров в своем письме к ЦК МНРП от 3 сентября 1925 г. (в тексте как 15-й год правления Монгольского государства - *авт.*) писал, что из многих сеймов и хошунов Внутренней Монголии отобраны 50 чел. молодежи для учебы в Улан-Баторе в Центральной военной школе командирского состава. Он был убежден, что, обучившись военному искусству, революционная молодежь продолжит борьбу за обретение независимости Внутренней Монголии. В письме отмечалось, что до этого также были направлены для обучения более 20 чел., из которых 12 отобраны для обучения в г. Москва. В списке молодежи

значились Батучулуу, Дэлгэр, Буниябазар, Тэмурбагана, Хосбаяр, Бочиро, Эрдэнсан, Буянту, Бунэг, Буянтогтох, Аюши, Эрдэмбату. Всего 12 учащихся [Там же. Л. 102–102 об.]. Среди них мы видим имя даурского революционера Бочиро. В другом списке (от 5 декабря 1925 г. за № 2293) учащихся из 15 чел., подготовленном представителем партии Внутренней Монголии (в тексте как *Dotoyatu Mongyol-un nam – авт.*) Буянгэрэлом (Фуминтаем) первым значится подданный Монголии, служащий Министерства внутренних дел Бочиро Мэргэнжаб. Седьмым в списке записан подданный Монголии, военнотрудовой артиллерийского полка Хас-Батор [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 107–107 об.]. Как мы видим, два даурских революционера в декабре 1925 г. уже стали гражданами МНР. Сохранилась переписка с правительством Монголии, ЦК МНРП от 9 октября 1925 г. за № 1078 о принятии подданства страны следующими лицами: Бочиро из Баргинского аймака провинции Хэйлунцзян; Хас-Батором, Эрдэмжабом, Мэргэнжабом, Цаган-ламой, Буян-Батором из Баргинского аймака Хулун-Буира. В своем прошении они указывали, что, не жалея себя, ради будущего монгольского народа, его науки, культуры и просвещения, оставив своих родителей и родственников, решили объединить усилия в борьбе за независимость с братьями из Внешней Монголии [Там же. Л. 109, 119]. В письме от ЦК НРПВМ к ЦК МНРП за подписями Алтанбато, Мэрсэ и Сайнбаяра от 27 июля (год не написан – *авт.*) говорилось о направлении на учебу в г. Улан-Батор Баясана, 31 года, уроженца северного хошуна левого хорчинского крыла Чжиримского сейма. Сообщались также дополнительные сведения о нем: пять лет обучался в средней школе в г. Мукден, хорошо знает монгольскую и китайскую письменность, беззаветно предан монгольскому народу [Там же. Д. 80. Л. 8–9].

На учебу в Монголию иногда попадали люди, совершившие те или иные порочащие их поступки. Например, из Центральной партийной школы был исключен некий Жалсан, который в свое время силой отобрал оружие у Жамьян-Шираба, председателя ЦК партийной ячейки в хошуне Отог

Ордосского сейма, разбойничал. Жалсан был изобличен согласно свидетельствам Буянгэрэла (Фуминтая) и Сайшинга. Постановлением № 3 от 18 июля (год записан неразборчиво – *авт.*) совещания ЦК МНРП и комиссии молодежного бюро он исключен из школы [Там же. Д. 27. Л. 19–20].

Обучение некоторым давалось тяжело, имеются данные от 30 сентября 1925 г., указывающие на оставление учебы в партийной школе по причине болезни учащегося Даваа, из школы командирского состава – курсанта Бату-Улзий. Эти и другие вопросы курировали высшие органы НПВМ и МНРП [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 104]. В то же время некоторых учащихся приходилось отправлять на родину для ведения революционной работы. В одном из писем Буянгэрэла (Фуминтая), адресованном ЦК МНРП, выказывается просьба о выделении трех учащихся Центральной партийной школы для направления во Внутреннюю Монголию. В качестве причины указана нехватка революционных кадров [Там же. Л. 108]. Отзывала учащихся и НРПВК. В марте 1925 г. из школы командирского состава в г. Улан-Батор были отозваны члены НРПВК Хас-Батор и Бочиро для революционной деятельности в Хулун-Буире. Полномочный представитель НРПВК Эрхимбато уведомил ЦК МНРП об этом в официальном письме [Там же. Л. 116-117]. Согласно письму Буянгэрэла (Фуминтая) в ЦК МНРП от 23 декабря 1925 г., в школу командирского состава от ЦК НРПВМ ранее были направлены на учебу 6 чел. Теперь же Фуминтай просил освободить от учебы 10 учащихся из Внутренней Монголии. В качестве причины была указана нехватка военных инструкторов для создания народной армии в Барге против Чжан Цзолия и других китайских милитаристов. Этим же письмом Фуминтай просил освободить от учебы в Центральной партийной школе прибывших из Барги Оюндэлгэра и Тумэнжаргала, в Министерстве внутренних дел – освободить от должностей Бочиро и Мэргэнжава [Там же. Д. 12. Л. 9–9 об.]. По данным консула СССР в Хайларе Н. Аникина от 1928 г., из МНР в Хулун-Буир 2 раза приезжали группы по 10 и 7 чел. Часть из них через несколько дней после приезда была вынуждена немедленно выехать

обратно. Их работа по вербовке новых членов партии оценивалась советским дипломатом как весьма слабо подготовленная. Со слов самих прибывших партийцев, их работа находилась на точке замерзания [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 9. Портфель 13. Инв. № 304. Папка 125. Л. 37].

Большую роль в обучении молодежи Хулун-Буира сыграли контакты с бурятскими функционерами. Так, помимо работы Ц.-Е. Цыдыпова, известно учительство в Хулун-Буире Софьи Сахьяновой, сестры бурятской революционерки Марии Сахьяновой; русской учительницы по имени Лена, бурята Будадари. Они были приглашены в с. Мэхэртэ Цэндэ-гуном примерно в 1918 г. для обучения его старшей дочери Субад (Сунсянь) и племянницы – Саран (Мэнсянь; сестра Фуминтая) [Atwood, 2002: 144]. Некоторые общие сведения о Софье Сахьяновой можно получить из автобиографии М. Сахьяновой, хранящейся в Государственном архиве Республики Бурятия. Согласно ей, сестры Сахьяновы родились в бедной семье бурят Балаганского уезда Иркутской губернии. Можно предположить, что Софья могла пойти по стопам сестры Марии и обучаться в училище Министерства народного просвещения, затем во второклассной церковно-учительской школе и гимназии за казенный счет [ГАРБ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 4475. Л. 7]. Именно Мария Сахьянова посодействовала сестре в устройстве на преподавательскую работу в Хулун-Буире. Из ее биографии известно, что по созданию Дальбюро ЦК РКП она заведовала иностранным отделом Комитета. «Конец 1920 г., начало 1931 г. была на заграничной работе Коминтерна в Китае» [Там же]. По роду службы М. Сахьянова, несомненно, могла контактировать с молодыми даурскими революционерами Мэрсэ и Фуминтаем; возможно, была знакома и с Цэндэ-гуном, известным своими симпатиями к Советской России. Согласно характеристике на Марию Михайловну Сахьянову, принятой в 1923 г. на заседании комиссии по перекреплению и утвержденной Президиумом Бурбюро РКП за подписями секретаря Бурбюро РКП Трубачеева и председателя комиссии по перекреплению, заворг. Широкова, она проявляла энергию и личную инициативу в выполнении заданий партии, безусловное

умение охватывать работу и план в процессе ее выполнения, настойчивость в проведении принятых решений в жизнь, имела организаторские и административные способности, была выдержанной и дисциплинированной, умеющей признавать свои ошибки и делать соответствующие выводы; «с товарищами отношения товарищеские-душевные, характер ровный, но твердый» [Там же. Л. 8]. Обладая незаурядными личными качествами, М. Сахьянова могла произвести сильное впечатление на революционную молодежь Хулун-Буира. Устройство ее сестры Софьи на работу в качестве преподавателя детей даурской элиты, очевидно, отвечало как интересам М. Сахьяновой, желавшей помочь родственнице, так и даурам, которые таким способом могли войти в круг общения с высокопоставленным партийным руководителем, работающим по линии Коминтерна в Китае.

Благодаря знакомству с советскими учителями, молодежь Хулун-Буира расширила свой кругозор и осознала открывающиеся перед ней новые горизонты революционного мира. Софья Сахьянова вернулась в БМАССР зимой 1924 г. Вскоре за ней нелегально последовали в Верхнеудинск 5 ее учениц (Хайруи, Гуруй, Субад, Саран, Ринчин) и 3 юноши из других школ. Побег был организован Ц.-Е. Цыдыповым и Адъябаиром. СССР притягивал к себе внимание молодежи Востока. Страна делала ставку на подготовку кадров [Базаров, 2002: 47–48]. Прибыв в СССР, ученицы С. Сахьяновой обучались в Бурятском педагогическом техникуме в Верхнеудинске, затем в 1928 г. – в КУТВе в Москве [Atwood, 2002: 270].

Даурские исследователи А. Эньхэбату и Сэбуцзинтай выявили имена 41 студента, из которых 33 дауры. Остальные – 5 эвенков и 3 монгола из числа старых баргутов. Среди имен студентов встречаются как будущие борцы антияпонского подполья Хайлара (Хас-Батор, Эрдэн-Билиг, Сухэ-Батор, Хайруи, Элдэнгэ), так и малоизвестные лица, связь которых с Хулун-Буиром оборвалась по невыясненным причинам. Большинство из них (14 чел.) уехали на учебу в Монголию и бесследно исчезли [Эньхэбату, Сэбуцзинтай, 2019: 138]. Таким образом, революционная группа отправила на учебу в СССР

и МНР более 40 молодых людей. В их числе были как члены молодежной организации Хулун-Буира, так и рядовая молодежь. По другим данным, к зиме 1925–1926 гг. нелегально выехали на учебу от 50 до 60 чел. [Atwood, 2002: 268]. Об их учебе известно, что Мердин (Бодачжап) окончил в Москве КУТВ, Таинтай – партшколу в Верхнеудинске [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 91]. Сестра Фуминтая – Саран после обучения в Бурятском педагогическом техникуме с 1925 по 1930 г., с 1931 по 1934 г. преподавала в новом сельскохозяйственном техникуме в МНР. С 1935 г. училась в Омском пединституте [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 5]. Другие девушки, которые выехали из Хулун-Буира вместе с ней, после окончания учебы в СССР также приехали работать в МНР. Хайруи и Субуд работали учителями в школе, Гуруй преподавала медперсоналу Центральной поликлиники, Ринчин – в детском саду. Один из трех юношей, прибывших в СССР вместе с даурскими девушками, Элдэнтай – сын Цэндэ-гуна также обучался в КУТВе. Заболев туберкулезом, он прибыл в Улан-Батор и обучался в 1926–1928 гг. в Центральной партийной школе [Atwood, 2002: 270–271]. По данным 1929 г., в Монголии проживал Эрхим-Бато, один из даурских революционеров, сподвижник Мэрсэ и Фуминтая. Впервые в МНР он прибыл в 1924 г., скрываясь от преследования у себя на родине, в Хулун-Буире, и с этого времени решил посвятить себя делу освобождения аратских масс. В 1927 г. он перешел в подданство МНР, из хозяйства имел хашан с постройками. В Монголии также проживал его младший брат Эрдым-Бату, который обучался в школе командирского состава, а также в г. Москва [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 10. Портфель 38. Инв. № 399. Папка 132. Л. 1].

Таким образом, большинство даурских учащихся, включая и тех, кто обучался в СССР, после окончания учебы работали в МНР. В 1924–1926 гг. в стране был создан ряд образовательных учреждений педагогического, сельскохозяйственного, военного и партийного профиля. В связи с этим наблюдалась острая нехватка педагогических кадров. Поэтому привлечение к педагогической деятельности молодых дауров – выпускников советских и

монгольских учебных заведений, как и молодых специалистов из числа южных монголов и бурят, имело важное значение для подготовки профессиональных кадров в МНР [Atwood, 2002: 271–272]. Как отмечает Ж. Цэцэгма, особый, значительный след в истории национального возрождения Монголии оставили бурятские демократы, занимавшие ответственные, крупные посты и активно принимавшие участие в демократических преобразованиях [Цэцэгма, 2006: 39]. Следует заметить, что известный монголовед Н. Н. Поппе, работавший в Улан-Баторе летом 1927 г., сумел при помощи ученого секретаря Монгольского ученого комитета Ц. Жамцарано собрать материалы среди группы находившихся там хайларских дауров. Общаясь с ними, исследователь отмечал прекрасную образованность информантов, знавших не только маньчжурскую и классическую монгольскую письменности, но и китайский, эвенкийский (солонский), русский языки. Среди них были лица, несколько лет жившие в Улан-Баторе, а также прибывшие из Хайлара недавно, т. е. примерно в 1926–1927 гг. [Поппе, 1930: 3–4]. Тяга ряда дауров к независимому Монгольскому государству, очевидно, всегда была сильной. Случаи предоставления властями МНР гражданства отдельным лицам из числа дауров наблюдались и во второй половине XX в. Так, с 1955 г. стала проживать в МНР Цэндийн (*бур.* Сэндын) Хандсурэн, дочь Цэндэ-гуна. До переезда работала учителем в Шэнэхэне. Из Монголии она приезжала на учебу в КНР, г. Пекин. Затем работала в одном из музеев г. Улан-Батор. Ц. Хандсурэн продолжила дело своего отца – занималась изучением «Тайной истории монголов», опубликовала много научных работ. Ее супруг Гармын Уржинэй Дашанима, сын генерала армии Маньчжоу-Го Уржина Гармаева, с 1955 г. начал работать в Улан-Баторе главным редактором отдела японских программ в Комитете внешнего радиовещания МНР. Он проводил также исторические и филологические исследования, публиковал статьи, посвященные теме религии и живописи на шелке. Некоторые его работы изданы в Германии [Санжаа-Ешын Сэмжэд, 2013: 55]. В Национальном историческом архиве Монголии

хранятся документы от 30 декабря 1974 г. о получении гражданства МНР несколькими даурами. В 1973 г. они вышли из гражданства КНР и добровольно изъявили желание получить монгольское гражданство. В деле указаны краткие сведения о них: 1 чел. прибыл в МНР в 1959 г., 3 чел. – в 1962 г., о времени прибытия еще одного человека нет данных. Все проживали в г. Улан-Батор, из них 2 человека в Сухэ-Баторском районе столицы; 2 женщины работали на фабриках пошива одежды, 1 мужчина – в Центральном институте строительного проектирования; 2 человека были пенсионного возраста (62 и 63 года). Одна женщина 31 года имела трех сыновей: 1969, 1970 и 1972 гг. р., другая – одного сына, 1964 г. р. [МУУТА. Ф. Т-11. Оп. 2. Д. 1389. Л. 98–101].

Революционная деятельность членов НРПВМ в конце 20-х гг. XX в. сопровождалась внутренней борьбой, расколом в партии. Коммунисты и левое крыло революционного движения считали, что под руководством КПК и Коминтерна нужно привлекать народные массы к борьбе против милитаристов. Группа во главе с Сэрэндонровом была идейно близка к Гоминьдану. Например, с помощью этой группы гоминьдановцами были ликвидированы видные деятели революционного движения во Внутренней Монголии До Суннян, Баточир (Ли Юйчжи) и др. [Дылыков, 1953: 34].

Имеются данные о прибытии (к местоположению ЦК партии – *авт.*) в 1926 г. партийца Улзийжаргала из хошуна Ушин Ордосского сейма по делу об отобранном ваном хошуна Чагдаржавом военном снаряжении партийцев. Ответ был дан товарищем Эрдэнигэрэлом [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 12].

Мэрсэ в этот период выехал в Улан-Батор. В целом у него был насыщенный график работы и поездок. Так, весной 1926 г. он на 2 месяца ездил в Пекин для проведения партийной работы. Находясь в Калгане, Мэрсэ имел контакты с Фэн Юйсяном, фактически выступая в качестве советника. После переезда ЦК НРПВМ из Калгана в г. Баотоу он активно включился в партийную работу в хошунах, выезжал в Ордос. Зимой 1927 г. Мэрсэ, больной

сыпным тифом, вместе с отступающей армией Фэн Юйсяна оказался в г. Нинся, где оправился от болезни [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 6 об.].

Другой даурский лидер Фуминтай в июле 1926 г. был назначен руководителем монгольской военной школы в г. Баотоу, рассчитанной на 200 чел. Работа партии проводилась в сложной обстановке. В аймаке Их-Зуу были созданы 22 ячейки (НРПВМ – *авт.*) с 3 тыс. членов. Однако против партийцев выступил князь хошуна Ушин, арестовавший в мае всех членов хошунного комитета партии в количестве 20 чел. В Пекине был арестован член ЦК партии Энхэбато, конфисковано имущество Сэрэндонрова в Пекине и Мурунги в Жэхэ [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–2].

Фуминтай в 1926 г. помимо партийной работы продолжал заниматься вопросами финансирования и снабжения Народно-революционной армии Внутренней Монголии. Так, в постановлении 2-го совещания специальной комиссии по вопросу об армии от 9 сентября 1926 г. (в тексте как 16-й год Монгольского народного правительства – *авт., досл. Mongyol arad ulus-un*) за № 15 в 1-м пункте указано, что был заслушан доклад товарища Буянгэрэла (Фуминтая) о партии и армии Внутренней Монголии [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 37].

В монгольском архиве сохранилась телеграмма № 123 от 1 декабря (год неизвестен – *авт.*) на русском языке, отправленная из Чжалайнора Паянтаем и Буянбатором в Ургу. Адресована она была Хулун-Буирскому комитету, а конкретно следующим лицам: Бочерову (Бочиро) или Пументай (Фуминтай). В тексте телеграммы говорилось: «У нас китайцев нет все бежали Хинган тчк просим указаний работ нашей партийной ячейки шлите указания телеграфно или шлите человека станция Хайлар» [Там же. Д. 80. Л. 28]. Год отправления телеграммы не выяснен, можно предположить, что речь идет о 1925 г., поскольку в декабре этого года Бочиро и Фуминтай находились в Улан-Баторе, и создавалась некая напряженная обстановка в хошунах Хулун-Буира. Но необходимо выяснить – имел ли место уход китайцев зимой 1925 г. из Хайлара

за Хинган? Из передвижений этого периода известно лишь, что китайцы отходили за Хинган летом 1928 г., когда было организовано восстание в Барге.

В письме ЦК НРПВМ к ЦК МНРП от 10 января 1926 г. (в тексте как 16-й год – *авт.*) говорилось, что партийцы Внутренней Монголии просят выдать Хас-Батору и еще 12 чел. пропуска на переход границы МНР и Китайской Республики в районе Тамцак-Булага, или Ташигая (территория Восточной Монголии). Из документа выясняются планы перевозки из МНР в Баргу оружия и боеприпасов на автомашине (в тексте – *sakilyan terege* – *досл.* электрическая машина) [Там же. Д. 15. Л. 12]. Начальником группы назначался Хас-Батор, что свидетельствовало о его хороших организаторских способностях и опыте революционной работы. Что касается отправки автомашины с вышеуказанным грузом, информацией о его доставке в Хулун-Буир мы не располагаем. Если учесть, что в период баргинского восстания 1928 г. повстанцам катастрофически не хватало оружия и боеприпасов, можно предположить, что груз, о доставке которого шла речь зимой 1926 г., так и не дошел. Причины могло быть следующие: 1) ЦК МНРП мог отклонить просьбу ЦК НРПВМ о выдаче пропусков на переход границы; 2) могли возникнуть вопросы со сбором необходимого количества оружия и боеприпасов. В целом становится ясно, что революционная молодежь Хулун-Буира еще в начале 1926 г. плотно занималась подготовкой восстания в регионе. И весьма активное участие в этих делах, помимо Мэрсэ и Фуминтая, принимали дауры Эрхимбато, Бочиро, Хас-Батор, Эрдэмбилиг и др.

Согласно архивным материалам, 16 января 1927 г. (в тексте как 17-й год. Вероятно, речь идет о 17-м годе Монгольского государства – *авт.*) было запланировано учреждение специального общества членов партии, находящихся в Улан-Баторе. Многие из них обучались в военной и партийной школах [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 19–19 об.]. 25 января 1927 г. (в тексте как 16-й год Срединного государства – *авт.*) ЦК НРПВМ сообщал в письме к ЦК МНРП об отправке к алашаньским монголам для установления связи нескольких товарищей во главе с Мэрсэ [Там же. Л. 5 об. – 6].

Примечательно, что на этом документе рядом с подписью председателя партии Сэрэндонрова стоит и подпись секретаря партии Мэрсэ [Там же. Л. 6]. Из этого можно сделать вывод, что в январе 1927 г. он практически уже выздоровел и приступил к своим обязанностям.

В другом письме ЦК НРПВМ к ЦК МНРП от 23 апреля 1927 г. (в тексте как 16-й год правления Китайской Республики – *авт.*) говорилось, что секретарь партии Мэрсэ должен быть направлен (в Улан-Батор – *авт.*) для упрочения связей между двумя партиями и разрешения сложных партийных дел [Там же. Л. 80]. Эти сведения подтверждаются самим Мэрсэ, писавшим в протоколе допроса от 24 мая 1932 г.: «... весной 1927 г. я вел партийную работу в сейме князя Алашана и в начале лета выехал в Ургу» [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 6].

Предположительно, в 1927 г. (дата в архивном деле не указана – *авт.*) ЦК НРПВМ перебазировался из местности Юань в г. Иргай (провинция Ганьсу). Там была открыта военная школа, директором стал Дэчин. В ней работал русский инструктор Ледогоров (в тексте – *Lidogorov* – *авт.*). В хошун Алашань были назначены специальные партийные представители, которые установили подпольную связь [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 9].

В августе 1927 г. НРПВМ провела в г. Улан-Батор экстренное заседание. Как позже писал Мэрсэ, Сэрэндонрову, который находился в г. Нинся, была послана телеграмма. Поначалу он отказался от участия в мероприятии, но затем все же приехал [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 7]. В начале августа 1927 г. Сэрэндонров, очевидно, находился в Улан-Баторе, поскольку сохранилось его письмо в ЦК МНРП от 5 августа 1927 г. (в тексте как 17-й год правления Монгольского государства – *авт.*). В нем политик информировал ЦК МНРП о созыве чрезвычайного заседания НРПВМ 8 августа в 5 часов вечера в клубе и просил прислать представителя от МНРП для участия в нем [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 3].

На заседании присутствовали члены НРПВМ, большинство которых составляла учащаяся в Улан-Баторе молодежь. Две группы – Сэрэндонрова и

Мэрсэ высказали свои мнения о дальнейшем пути партии. Сэрэндонров полагал, что автономия Внутренней Монголии может быть осуществлена тогда, когда в Китае будет провозглашена народная власть. Мэрсэ, в свою очередь, считал, что автономию Внутренней Монголии нужно восстанавливать собственными силами [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 7]. На заседании была осуждена неправильная линия Сэрэндонрова и его сподвижников, направленная на капитуляцию внешним и внутренним угрозам [Дылыков, 1953: 34]. В целом по итогам заседания проведенная вышеуказанными руководителями партийная работа признана слабой. Было принято решение распустить Президиум ЦК и избрать новый состав. В результате в Президиум ЦК партии были избраны: председатель – Мунхэулзий, секретарь – Хорло, члены – Арлонге, Буян-Батор, Буян-Тогтохо, Фуминтай. Мэрсэ в Президиум не был избран [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 7–7 об.]. На этом заседании или же другом съезде партии, прошедшем в том же 1927 г. (в архивном деле не указана точная дата – *авт.*), была принята декларация, где основной целью партии указывалось освобождение народных масс Внутренней Монголии от внутренних врагов – ванов и гунов, ненавистных чиновников, внешних сил – китайских милитаристов, обретение народными массами правами и свободами, защита национальных интересов и укрепление нации [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 2]. В документе в числе народов и земель Внутренней Монголии, помимо традиционных шести сеймов южных монголов, чахаров, Алашани, Куку-нора, баргутов, указаны дауры и солоны [Там же. Л. 3 об.]. В другом источнике в списке 52 хошунов Внутренней Монголии и Барги первыми записаны 17 баргинских хошунов и 1 бурятский [Там же. Д. 11. Л. 74]. На наш взгляд, появление этих данных указывает на вероятных авторов документа, коими могли быть Мэрсэ, Фуминтай и/или другие даурские революционеры. В то же время их включение в текст, несомненно, сигнализирует о той важной роли, которую приобрели в революционной среде Внутренней Монголии и МНР представители молодежи – выходцы из дауров.

В смете расходов (питание и прочее) членов НРПВМ в Улан-Баторе за сентябрь 1927 г. нами обнаружены имена даурских революционеров Эрхимбато, Буянгэрэла (Фуминтая), Эрдэмбилига [Там же. Д. 17. Л. 11, 13]. Тем самым в очередной раз подтверждается факт их работы в НРПВМ, проводившейся в 1927 г. на территории МНР. В одной из ведомостей НРПВМ записано имя Бочиро, которому Фуминтай передал материалы для здания штаб-квартиры партии, стоимостью 30 янчанов [Там же. Л. 29 об.]. Отсюда можно понять, что представители даурской революционной молодежи занимались не только сугубо революционными делами, но и решением многих практических вопросов, например обустройства штаб-квартиры НРПВМ. В смете транспортных расходов партии за 1927 г. указано имя еще одного даурского революционера – Хас-Батора, которому в разное время были выданы 13 и 20 янчанов [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 30 об, 34 об.]. Место и время выездов не указаны.

Весной 1928 г. Мэрсэ был назначен заместителем председателя ЦК НРПВМ [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 7–7 об.]. В 1927–1930 гг. внутрипартийная борьба продолжалась и в целом оказала негативное влияние на деятельность НРПВМ. Об этом свидетельствует обращение представителей НРПВМ Сэрэндонрова, Алтаночира, Мандалту, Мурунга к ЦК МНРП о смуте внутри партии, деятельности секретаря Хорло [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 16. Л. 1].

В 1927 г. в МНР проходил I съезд профсоюзов. Мэрсэ, являясь членом МНРП, был избран ответственным секретарем Центрального совета профсоюзов МНР. На этой должности он пробыл до весны 1928 г. Тогда же он был делегирован на 4-й конгресс Профинтерна, проходивший в апреле 1928 г. в Москве. На конгресс Мэрсэ поехал вместе со своей женой Е. Л. Пинигиной (с совещательным голосом), Санжмятавом [Кузьмин, 2021: 310]. Елена Лукинична Пинигина, русская, уроженка с. Новоцурухайтуй (1900 г. р.) приехала в Улан-Батор примерно в 1925 г., работала бухгалтером. Информация о Е. Л. Пинигиной получена автором в декабре 2021 г. от сына

Мэрсэ – Пинигина Мигмара Александровича, 1928 г. р., доктора медицинских наук, профессора, руководителя лаборатории гигиены атмосферного воздуха ГУ НИИ экологии человека и гигиены окружающей среды им. А. Н. Сысина РАМН (г. Москва).

На конгрессе Мэрсэ был избран в Центральный совет Профинтерна. Будучи в Москве, Мэрсэ делал доклад в ИККИ о деятельности НРПВМ, был принят председателем ИККИ Н. И. Бухариным [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 7 об.]. В целом деятельность Мэрсэ на посту руководителя одного из ведомств МНР не могла остаться незамеченной за рубежом. К примеру, в газете «Малайя Трибуне» в 1933 г. появилась заметка, где говорилось, что господин Куо Тао-фу когда-то был руководителем Министерства внутренних дел МНР [Malaya Tribune. 1933. 18 August]. Эта информация, как мы видим, была ложной и, очевидно, базировалась на непроверенных данных.

В июне 1928 г. ЦК НРПВМ постановил провести партийный съезд в Хулун-Буире. 4 июня был убит Чжан Цзолинъ и как отмечал Мэрсэ, баргинские товарищи настаивали на созыве съезда. Его подготовка была возложена на Фуминтая. Он состоялся в местности Хужир-Булан в Восточной Монголии. На нем присутствовали все видные члены НРПВМ, прибывшие из Улан-Батора [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 8]. Данные Мэрсэ дополняются показаниями Эрхимбато от 1929 г., где говорится, что в начале июля было вынесено ЦК НРПВМ постановление о партийных вопросах Барги. Накануне выезда делегатов во главе с уполномоченным Коминтерна Степановым для созыва съезда (в тексте дела – совещание – *авт.*) на монгольской границе Эрхимбато внес предложение о своем участии в повстанческом движении. Получив беспрепятственно разрешение, он вместе со Степановым, Фуминтаем, Ульдзий, Эрдымбиликом и другими товарищами на машине выехали на восток. На съезде было вынесено постановление по вопросу баргинского повстанческого движения, которое было предоставлено на рассмотрение соответствующих органов [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 10. Портфель 38. Инв. № 399. Папка 132. Л. 1]. Эрхимбато не поясняет, о каких

органах идет речь. Можно предположить, что делегатами съезда был направлен запрос о поддержке восстания в правительство МНР. Поскольку они полагали, что Коминтерн в лице Степанова уже подтвердил свое участие в организации восстания.

Мэрсэ в это время находился в Улан-Баторе и не принимал участия в нем. Еще до начала съезда в Улан-Баторе состоялось совещание Баргинской фракции НРПВМ, на котором присутствовали Мэрсэ, Фуминтай, Эрхимбато, Боширо и Улзий. На нем было принято решение использовать создавшуюся в Маньчжурии ситуацию в связи с убийством Чжан Цзолия для подготовки вооруженного восстания под лозунгом автономии Хулун-Буира и восстановления народной власти. Конкретный план действий должен был быть принят на съезде. Мэрсэ выехал в г. Санбэйсэ (совр. г. Чойбалсан) с несколькими членами партии, чтобы принять участие в съезде. Однако по приезду в Санбэйсэ он узнал от возвращавшегося делегата Эрхимбато об окончании съезда и принятии на нем решения о подготовке вооруженного восстания в Хулун-Буире [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 8]. Между тем в Санбэйсэ по случаю открытия ярмарки прибыл консул СССР в Хайларе Н. Аникин и в беседе с вице-консулом СССР в МНР Ивановым выяснил, что товарища, приезжавшего на съезд из Урги, информировали о 500 членах Народно-революционной партии в Барге. 27 июля 1928 г. Аникин направил полпреду СССР в Монголии А. Я. Охтину письмо, в котором сообщал, что «эта цифра ни в коем случае не может соответствовать действительности... несомненно, товарища ввели в заблуждение, так как мы здесь число членов партии по Барге определяем максимум в 40–50 чел... членов партии в Хайларе мы знаем, их не более десятка чел.» [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 9. Портфель 13. Инв. № 304. Папка 125. Л. 37].

Что касается Эрхимбато, то, по его словам, во время ярмарки в Санбэйсэ он выехал в Улан-Батор на машине возвращавшихся Жадамбы, Бурина и других товарищей [Там же. Оп. 10. Портфель 38. Инв. № 399. Папка 132. Л. 2]. Очевидно, в это время Санбэйсэ посещал Навандоржийн Жадамба

(1900–1939), член Малого государственного хурала МНР и бюро ЦК МНРП, помощник Советского посольства в МНР. Как известно, осенью 1928 г. на VII съезде МНРП он был обвинен в «правом оппортунизме» и смещен со всех должностей. В июле 1928 г. он, по всей видимости, выезжал в Санбэйсэ по делам, связанным с проведением там ярмарки. Поэтому, надо полагать, в организации баргинского восстания 1928 г. он участия не принимал.

Целью возвращения Эрхимбато в монгольскую столицу было изыскание какой-либо помощи восстанию. По прибытии в Улан-Батор Эрхимбато писал ходатайства на имя правительства и высших органов партии, обращался устно. Но несмотря на это, как он отметил, никакая помощь не последовала. Наоборот, поступило предложение прекратить повстанческое движение, и с этим он выехал обратно на границу [АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 10. Портфель 38. Инв. № 399. Папка 132. Л. 2].

Мэрсэ выехал в Хужир-Булан, где находились военный штаб и военный комитет. В состав штаба были избраны: командующий – Улзий, начальник штаба – Боширо. В военный комитет – председатель – Фуминтай, члены – Улзий, Боширо, Эрхимбато и еще один член партии. Военных действий штаб не начинал, поскольку оружия было недостаточно. Мэрсэ, узнав об этом и также зная, что из Хулун-Буира начинают скрываться члены партии, которые должны принять участие в восстании, стал настаивать на немедленном восстании. В итоге военный штаб и военный комитет согласились с мнением Мэрсэ и восстание было начато 9 августа 1928 г. [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 9]. По данным С. Л. Кузьмина, Мэрсэ не посоветовавшись с сотрудником ИККИ Степановым, поднял восстание с 10 винтовками и маузерами, выданными ЦК МНРП. В то же время можно заметить, что Степанов считал решение о восстании правильным [2020а: 105]. Ход баргинского восстания 1928 г. (Прил. б) в достаточной мере изучен в монографиях Б. В. Базарова [2001: 11–13; 2002: 54–61], Г. Мягмарсамбуу [2017а: 127–162], статьях и книге С. Л. Кузьмина [2020а: 100–114; 2020б: 246–262; 2021], в публикациях Су Юн [2019: 100–102], Иминь [2019: 130–136]. Обширный материал по баргинским

событиям августа-сентября 1928 г. содержится в фонде 0742 Дипломатического архива МИД Японии [ДА МИДЯ. REEL. No F-0742. 161210. Л. 378–443, 445–459, 476–491, 493–562].

Мы в своем исследовании делаем акцент на действиях даурских революционеров Мэрсэ, Фуминтай, Боширо, Эрхимбато (дауры по национальности) во время восстания. Так, военный штаб, начальником которого был Боширо, отправил властям Хулун-Буира извещение о своей борьбе за автономию региона и с просьбой о прикомандировании к ним представителя от официальных властей для совместных действий. Власти Хулун-Буира направили для переговоров трех своих представителей: 1) Бага-Бади, начальника правого отделения монгольского ямыня; 2) Чулуна, командира охранных войск гуль-хухэского хошуна; 3) Дага, секретаря ямыня. На встречу с ними, намеченную у южного побережья оз. Буир, выехали Мэрсэ и Фуминтай. Переговоры прошли успешно, Мэрсэ, несмотря на нежелание официальных властей, удалось получить мандат о подчинении ему охранных частей гуль-хухэского хошуна. Получив мандат, Мэрсэ выехал в штаб. А Фуминтай с вышеотмеченными представителями направился в Улан-Батор просить помощи у Внешней Монголии. Мэрсэ держал путь в местность Хандагай (или Хандагайту – *авт.*), где находились охранные части гуль-хухэского хошуна, и объявил там о начале восстания. Охранные части перешли на сторону повстанцев. Отобрав более 100 солдат, Мэрсэ 17 августа 1928 г. совершил нападение на ст. Улюр [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 9–9 об.; Дауир, 1989: 174]. Таким образом, в числе руководителей восстания находились даурские революционеры и именно они проводили конкретные мероприятия, направленные на восстановление автономии Хулун-Буира. По данным Б.В. Базарова, большую роль в этой ситуации сыграл Уржин Гармаев, который четко выполняя задание хулун-буирских властей, сформировал отряд обороны, контролировал ситуацию в своем и окружающих хошунах, а затем принял активное участие в подавлении восстания [2001: 12].

В уголовном деле Мэрсэ отмечен проезд к нему в Хандагай японского агента Шао-Лина [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 9 об.]. Шао-Лин приехал к нему с письмом от даоина (начальник Баргинского округа) Чжао-Дюн-чжина. В письме Чжао писал, чтобы Мэрсэ прекратил военные действия и начал с китайскими властями переговоры. Фактически же Шао-Лин приехал с совершенно противоположными задачами. По заданию японцев он должен был выяснить положение баргутских повстанцев и возможность связать Мэрсэ с японцами. Шао-Лин лично с Мэрсэ на эту тему не говорил, а предложил связаться с японцами через Нимажапа, баргутского революционера. Как писал Мэрсэ, от такого предложения он отказался [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 10]. Также отмечал, что «о попытках японцев связаться со мной знал Фуминтай и он был против этого» [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 10 об.].

В документе № 322 от 24 августа 1928 г. (в тексте – 17-го года Китайской Республики – *авт.*) среди принятых совещанием решений отчетливо выделяется 1-й пункт, гласящий: «В настоящее время ЦК (партии – *авт.*) Китайской Республики постановил в действительности ликвидировать наш ЦК НРПВМ, облеченный особыми полномочиями. Упраздняя его, в действительности пытается уничтожить нашу монгольскую нацию, расплавив и включив ее в лоно Китая, превратить в рабов. Мы это никак не поддерживаем». Декларация подписана заместителем председателя партии Дэчином и секретарем Тулугэнэ Тогтохом [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 об.]. Из этого можно заключить, что Мэрсэ к тому времени оставил должность секретаря партии. Или по указаниям ЦК МНРП и Коминтена из-за событий баргинского восстания 1928 г. в срочном порядке был избран новый руководящий состав НРПВМ.

Из истории баргинского восстания 1928 г. известно, что в результате переговоров лидеров повстанцев с китайским милитаристом Чжан Сюэляном – сыном Чжан Цзолия им были предложены несколько проектов соглашения о прекращении военных действий. Окончательным итогом переговоров стало соглашение, заключенное в г. Мукдене. В нем содержались следующие

пункты: создать консультативную (совещательную) комиссию в Хулун-Буире; претворять в жизнь правило республиканского правления; управляя педагогическим училищем монгольских хошунов, обучать способных; увеличить расходы на управление и педагогическое воспитание [Дауиг, 1989: 175]. В соглашении также содержалось требование не подвергать преследованию участников вооруженного восстания. Так завершилось вооруженное восстание молодежи Хулун-Буира.

Спустя некоторое время Чжан Сюэлян пригласил Мэрсэ в качестве секретаря. Основав в Мукдене педагогическое училище монгольских хошунов, Чжан Сюэлян назначил Мэрсэ директором школы [Ibid.: 176]. Как отмечал О. Латтимор, даурский лидер не сразу получил это назначение, сначала он попал на некоторое время в тюрьму за излишний национализм [Дилова-хутухта, 2018: 15]. По данным С. Г. Лузянина, 14 октября 1928 г. партком Внутренней Монголии направил руководству партии Гоминьдана, находящемуся в г. Нанкин, секретный циркуляр. В нем сообщалось следующее: «В ЦК ГМД. Честь имеем доложить, что по полученным нами достоверным сведениям коммунист Го Даофу (Мэрсээ), исключенный из партии ГМД в июне прошлого года, летом сего года воспользовался тем, что армия вела северный поход, получил приказ III Интернационала и вошел в смычку с коммунистами Внутренней Монголии и Барги... Сейчас Го под давлением обстоятельств внешне подчинился Мукдену, но в действительности за его спиной стоит заговор III Интернационала. Просим Вас дать приказ... Чжан Сюэляну о строгом надзоре за Го Даофу» (цит. по: [Лузянин, 2000: 183]).

В политсводке управляющего Консульством СССР в Цицикаре Самсонова от 21 октября 1928 г. за № 732/с отмечалось, что конфликт с Баргой считать исчерпанным пока преждевременно: сговорились чиновничьи верхушки. Руководитель баргинского восстания (в тексте – баргутского движения – *авт.*) Го Даофу получил даже высокое назначение старшим советником по монгольским делам при штабе Чжан Сюэляна. Но действительные нужды населения Барги остались неудовлетворенными, а это

таит в себе зародыш новых конфликтов с правителями этой территории. Тем не менее, по сведениям Самсонова, местные китайские власти считали баргинский вопрос законченным, хотя отношения с Баргой окончательно не были урегулированы. Как полагал дипломат, баргинцам частично удалось добиться автономного управления и оно, очевидно, сведется лишь к незначительной перемене в администрировании этого края и не больше, не внеся существенных улучшений в положение населения. Китайские власти обязались вывести из Барги все карательные войска, оставив там лишь прежде стоявшие гарнизоны. В политсводке приведены данные о китайских войсках, переброшенных из Цицикара в Баргу для борьбы с монгольскими повстанцами. Всего было отправлено до 17 тыс. китайских солдат, в том числе 6 тыс. кавалеристов, 3 аэроплана, 3 гидроплана, 44 орудия, 24 бомбомета, 20 пулеметов, около 3 вагонов снарядов, 2 вагона патронов и прочее вооружение. В октябре 1928 г. в связи с достигнутым компромиссом началось возвращение китайских войск. К 21 октября из Хайлара в Цицикар прибыли 2 эшелона с 1200 чел. солдат и 9 орудий. Как отмечал Самсонов, КВЖД оказывала любое содействие китайским военным властям по переброске войск в Баргу. И эта позиция, занятая КВЖД в целом и служащими дороги, в частности, во время выступления баргутов, способствовала некоторому ослаблению придинок и мелких уколов по адресу советских граждан-служащих КВЖД со стороны китайской полиции [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 12. Папка 154. Д. 74. Л. 20–22].

Известно, что в 1928 г. (дата точно не определена – *авт.*) представитель Ордоса Мунхэулзий прибыл в Улан-Батор вместе с Сэрэндонровом для созыва съезда [МУУТА. Ф. ЦХ № 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 6–9]. Можно предположить, что это мероприятие было связано с баргинскими событиями конца лета 1928 г.

Когда баргинское восстание 1928 г. завершилось переходом Мэрсэ на сторону Чжан Сюэяна, другой даурский лидер Фуминтай оказался в трудном положении. Чтобы реабилитировать себя, ему пришлось принять участие в т. н. «разоблачении» лидеров восстания - Мэрсэ, Нимажапа, Эрхим-Бато. Как отмечал Фуминтай, это заняло у него время с октября 1928 г. по сентябрь

1929 г. В сентябре 1929 г. Фуминтай по поручению уполномоченного ИККИ М.И. Амагаева поехал в качестве уполномоченного ЦК НРПВМ в Ордос для нелегальной партийной работы. Из Ордоса через Алашань в июне 1930 г. он вернулся в Улан-Батор.

В октябре 1930 г. в результате внутрипартийной борьбы в ЦК НРПВМ Фуминтай был исключен из партии. В это время его вызвал секретарь ЦК МНРП П. Гэндэн и предложил ему поехать в Алашань в составе группы. В ней были Константин Баторун, китаец Кан Те. Группа должна была вести переговоры через алашанских князей об установлении торговых связей с Китаем и вербовку китайских рабочих для МНР. Наряду с этим, Гэндэн лично Фуминтаю предложил установить связь с Ма Чжуньбином через Мо-Батора, руководителя монгольских партизан Алашани. Об этом разговоре также знал Баторун. Фуминтай был знаком с Мо-Батором с периода возвращения из Ордоса через Алашань летом 1930 г. По его данным, Мо-Батор был хорошим знакомым Ма Чжуньбина, а также его кровным братом. С ним у Фуминтая были беседы на тему о необходимости создания монголо-дунганского блока против китайцев, о необходимости получения помощи оружием из МНР или других стран. Мо-Батор через свои связи делал попытки для установления связи с Ма Чжуньбином. Однажды к группе прибыл некий дунганин Ма, который назвал себя делегатом от Ма Чжуньбина. Участники группы объяснили ему цель их приезда. Делегат обещал, что Ма Чжуньбин пошлет в МНР свою делегацию и уехал в г. Нинся. Больше его не видели [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 36]. Таким образом, группа, посланная Гэндэном в Алашань, выполнила свою задачу. Что касается Ма Чжуньбина, то он, очевидно, был занят другими делами. Об этом можно судить по отсутствию ответа от него. К тому времени Ма Чжуньбин был одним из наиболее видных лидеров повстанческого движения, объединившим отряды дунган [Бармин, 2012: 28]. Его больше привлекал мусульманский Синьцзян, нежели связь с монгольскими партизанами Алашани. Об этом можно судить по последующим действиям Ма Чжуньбина. В Синьцзяне (*др. назв.* Восточный Туркестан) в то время царил хаос, вызванный несколькими

волнами эмиграций казахов и киргизов (1916; 1921–1922; 1929–1932), восстаниями уйгуров, дунган и казахов племени керейт под руководством Шариф-хана [Кадырбаев, 2019: 78].

Постоянные беседы Фуминтая и Мо-Батора о необходимости борьбы с феодалами и китайцами дали свой результат. Однажды Мо-Батор заявил группе, что через 4 дня он поднимает восстание против феодалов в Алашани. Фуминтай был согласен с ним и хотел оставить двух человек из группы. Однако Баторун был против этого восстания и оставления людей, так как считал, что оно может создать конфликт для МНР и СССР. По настоянию Баторуна на другой день группа уехала, и восстание не состоялось. Из Алашани группа вернулась в апреле 1931 г. [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 37–38]. Несмотря на активную деятельность Фуминтая по «экспорту революции» во Внутренней Монголии в 1930–1931 гг., ситуация вокруг него оставалась неоднозначной. Большую роль в этом продолжало играть его участие в баргинском восстании 1928 г. Советское правительство придавало большое значение этому событию, ввиду усиления позиций Японии. ГВО МНР, уполномоченный ИККИ М. Б. Черномордик продолжали усиленно проверять Фуминтая, требуя от него отчеты о связях, прошлой работе, настроениях. Несмотря на эти проверки, Фуминтай начинает подготовку людей для переброски их во Внутреннюю Монголию. Ими были лица, окончившие КУТВ и находившиеся в МНР. Всего таких агентов было отправлено 30 чел. [Там же. Л. 39].

Скоро имя Фуминтая звучит на высшем уровне, но только в связи с «баргинской провокацией» 1928 г. Так, на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 октября 1931 г. один из вопросов был озаглавлен как «О Фуминтае». Согласно ему, принималось предложение Карахана о выступлении Фуминтая с заявлением в прессе, опровергающим японское сообщение об его участии в баргинской провокации. Затем планировалось опубликовать это заявление в китайских газетах, после чего перепечатать в прессе СССР [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 853 Л. 1–2].

Баргинское восстание 1928 г. явилось своего рода критической точкой для Фуминтая, Мэрсэ и ряда других революционеров Хулун-Буира. Следствием этого стали последующий арест Мэрсэ советскими спецслужбами в пос. Маньчжурия в декабре 1931 г. и заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, где он бесследно исчез; бегство Фуминтая в Москву в 1933 г., арест и расстрел в марте 1938 г. В МНР в 1938 г. были расстреляны Боширо вместе с братом Дугар-Бато, Гобол Эрхим-Бато [Кузьмин, 2021: 348]. Под каток репрессий в МНР попали и другие представители даурской революционной молодежи. Известно, что в 1938 г. погиб в монгольской тюрьме талантливый художник Б. Соелтой [Идшинноров, Цэрэндорж, 1990: 34].

По данным Консульства СССР на ст. Маньчжурия, 28 сентября 1931 г. Мэрсэ вместе с учениками Мукденской монгольской школы приехал из Мукдена в Хайлар. С ними также прибыл и Хуалинтай (в тексте – Хулинтай – *авт.*). Как отмечалось в докладе, оба были весьма одиозными баргинскими фигурами. Хуалинтай охарактеризован как видный хулун-буирский чиновник, симпатии которого примерно до 1926 года, были на стороне СССР, а потом его отношение к СССР резко поменялось, и он перешел на сторону японцев, став их креатурой в ямыне. Сотрудники Советского консульства в беседах с китайским дипломатическим агентом и генералом Чен проявляли интерес к приезду Мэрсэ в Хайлар и проверяли имеющиеся слухи о возможности восстания в Хулун-Буире. Китайские власти, в свою очередь, заверили советскую сторону, что, по их сведениям, Мэрсэ не ведет никакой работы, но все же за ним китайцами установлено наблюдение [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 15. Папка 165. Д. 27. Л. 14–15].

Между тем Консульство СССР на ст. Маньчжурия собирало и анализировало сведения по этому вопросу. По его данным, прибыв в Хайлар, Мэрсэ провел беседы с молодежью региона и выразил свое недовольство неопределенной политикой хулун-буирского ямыня. В частности, он говорил, что приехал в Хайлар с целью совершения переворота в ямыне, изгнания всех

старых чиновников и захвата власти в свои руки с помощью молодежи. Необходимость переворота он объяснял тем обстоятельством, что «везде сидят творящие беззаконие старики, а молодежь почти вся безработная и ей не дают возможности жить и работать на благо своей родины». По данным советских дипломатов, Мэрсэ планировал собрать несколько десятков молодых людей – своих единомышленников, вооружить их и напасть на монгольские охранные войска. Тем самым лишить хулун-буирский ямынь реальной силы и затем арестовать всех чиновников. Принимая во внимание малочисленность охранных войск ямыня, Мэрсэ полагал, что этот план ему может удался. Кроме того, Мэрсэ говорил, что когда он находился в Мукдене, то встречался там с атаманом Семеновым, с которым обсудил ситуацию в Барге. Как отмечено в докладе Консульства СССР на ст. Маньчжурия, Семенов, поддерживая замысел Мэрсэ, указал, что тот может рассчитывать на помощь 300–400 казаков, живущих в районе Трехречья и остающихся верными атаману. Семеновым также были даны письма к бывшим соратникам: полковнику Уржин Гармаеву, бывшему угурде бурятского хошуна и бывшему семеновскому офицеру некоему Силантьеву. Советской разведкой также была получена копия письма брата атамана Семенова, некоего О. Семенова, живущего в Мукдене. В этом письме, адресованном эмигрантам Ф. М. Зябликову и В. А. Пушкареву, О. Семенов от имени брата предлагал упомянутым лицам поступить на службу к Мэрсэ в качестве инструкторов, указывая, что у атамана Семенова имеется полная договоренность с Мэрсэ [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 15. Папка 165. Д. 27. Л. 14–15].

Как свидетельствуют архивные материалы, осенью 1931 г. Мэрсэ был уверен в том, что китайские власти не будут вмешиваться в их внутренние дела, поскольку в противном случае Хулун-Буиру может оказать помощь Япония. По данным советских дипломатов, Хуалинтай точно также говорил о своих встречах с Семеновым в Мукдене, который обещал помочь своими людьми баргутской молодежи, если она начнет борьбу за автономию. Хуалинтай, по его словам, в Мукдене встречался с некими харчинами

Гондиржабом и Дандиржабом (видимо, речь идет о сыновьях Бавужава – Ганчжуржаве и Чжончжуржаве – *авт.*), которые говорили, что в случае восстания во Внутренней Монголии они рассчитывают получить от Японии помощь оружием, аэропланами, автомобилями и пр. [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 15. Папка 165. Д. 27. Л. 15].

В целом, собранный осенью 1931 г. Консульством ССР на ст. Маньчжурия материал по вопросу о прибытии Мэрсэ в Хайлар настораживал советскую сторону. Заявления Мэрсэ о возможности нового восстания в Хулун-Буире силами молодежи, помощи атамана Семенова и японцев не могли оставаться без внимания советских спецслужб. Вполне возможно, что уже тогда начал разрабатываться план по поимке Мэрсэ и тайному вывозу его на территорию СССР.

Примерно в ноябре 1931 г. Мэрсэ узнал от своего племянника Найралту, что последний имеет задание от важных лиц (от кого, Найралту не назвал – *авт.*), состоящее из двух пунктов: во-первых, произвести разведку по КВЖД в районе туннели хребта Хинган и мостов через реки Чжатаголь и Имнгал (очевидно, речь идет о р. Имин-гол – *авт.*), чтобы можно было в нужный момент разрушить их. Для этого Найралту должен был получить порох и динамит. Во-вторых, если дело дойдет до разрушения путей, то организовать партизанские отряды. Сведения, полученные от Найралту, крепко засели в сознании Мэрсэ [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 91–92]. Эти данные о предполагаемом подрыве железнодорожного полотна КВЖД были известны и Консульству СССР на ст. Маньчжурия. По его данным, не вся молодежь Хулун-Буира группировалась вокруг Мэрсэ. Имелась небольшая группа молодых людей, ориентирующаяся на СССР. Сотрудникам Консульства удалось установить, что эта группа, узнав о намерениях Мэрсэ и боясь прихода японцев, при которых им как «красным» было бы очень плохо, решила помешать планам Мэрсэ и постараться, чтобы СССР ввел свои войска на охрану дороги. Для этой цели они решили провести ряд взрывов полотна КВЖД и тем самым создать угрожающую обстановку на дороге и вызвать

СССР на ввод своих войск. Далее в архивных материалах отмечается, что «среди этой группы у соседей имеется свой человек. Узнав о планах этой группы, мы дали указания соседям, чтобы они через свою агентуру предотвратили необдуманные выступления данной группы» [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 15. Папка 165. Д. 27. Л. 17]. Под «соседями», очевидно, можно понимать Консульство СССР в Хайларе. Возникает вопрос: мог ли Найралту быть агентом Консульства, информировавшим о планах группы? По всей видимости, нет. Найралту, судя по рассказу Мэрсэ, был нацелен на выполнение поставленного задания и был, по сути, его исполнителем. С другой стороны, он, как племянник Мэрсэ, был осведомлен о непростом пути своего дяди, внезапно перешедшего из лагеря Коминтерна в стан его потенциальных врагов в лице Чжан Сюэяна, и о грозящей ему опасности. Будучи связанным родственными узами, Найралту не стал бы губить Мэрсэ только из-за его прояпонской ориентации. К тому же Найралту, обладая харизмой, находился в группе на руководящих ролях. По нашему предположению, агентом Консульства в группе мог быть другой человек. Поскольку мы не обладаем информацией о членах группы, не можем даже выдвигать какие-либо предположения на этот счет.

Остается также неизвестным, кто мог дать задание Найралту, связанное с возможным подрывом железнодорожного туннеля в районе Большого Хингана и двух мостов. Организаторами могли быть как советские спецслужбы, так и китайские военные. Учитывая тесную связь Найралту с советскими деятелями, его последующее непосредственное участие в антияпонском движении в качестве руководителя хайларского подполья в 1939–1945 гг., можно с большой долей уверенности предположить, что задание в ноябре 1931 г. могла ему дать именно советская разведслужба, не связанная с Консульствами СССР на территории северо-восточного Китая. В результате подрывов выход японских войск к Хулун-Буиру и советско-китайско-монгольской границе мог быть отложен на некоторое время.

Очевидно, желая прояснить ситуацию в связи с новыми данными, Мэрсэ вскоре выехал в приграничный пос. Маньчжурия, где и был арестован советскими спецслужбами. Поскольку в выписке из протокола заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от 27 марта 1934 г. по делу Мэрсэ указывается, что срок считать с 15. 12-31 [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 152] (15 декабря 1931 г. – *авт.*), можно понять, что арест Мэрсэ состоялся в указанное время.

Арест Мэрсэ в декабре 1931 г. был внезапным и никому неизвестным, поэтому долгое время его исчезновение вызывало различные догадки. Так, по данным О. Латтимора, Мэрсэ был схвачен и расстрелян одним из генералов Чжан Сюэяна из опасения, что он будет сотрудничать с японцами в силу старых связей [Дилова-хутухта, 2018: 16]. В газете «Малайя Трибуне» от 18 августа 1933 г. была помещена заметка «Восточная Республика», в которой отмечалось загадочное исчезновение Куо Тао-фу после маньчжурского инцидента. Высказывалось предположение, что он был убит. В заметке писали, что он и некий Хо ай-жэнь были лидерами движения Китайской Восточной Республики [Malaya Tribune. 1933. 18 August]. В другом, сентябрьском номере «Малайя Трибуне» за 1933 г. писали, что видный лидер Внешней Монголии Куо Тао-фу возглавил войска Китайской Восточной Республики [Malaya Tribune. 1933. 26 September]. Очевидно, заметки были написаны разными журналистами, не владеющими реальной информацией о социально-политической жизни северо-востока Китая.

Таким образом, выход на политическую авансцену даурской передовой интеллигенции во главе с Мэрсэ и Фуминтаем, по праву являвшейся частью т. н. «молодых монголов» Внутренней Монголии, был во многом закономерен, если учесть привитые им с юных лет националистические взгляды и получение образования в хороших по меркам того времени китайских учебных заведениях. Большую роль в формировании взглядов Мэрсэ и Фуминтая сыграло их участие в бурятском съезде 1918 г., знакомство с Э.-Д. Ринчино и другими бурятскими функционерами, и в целом осознание ими роли и значения национально-автономистского движения бурят. Толчком к активным

действиям, на наш взгляд, послужили письма-вызовы Ринчино из Монголии в 1920–1922 гг., адресованные Мэрсэ, поездка последнего в Москву в 1923 г., а также прибытие Фуминтая в Ургу в том же году. С этого времени даурская революционная молодежь во взаимодействии с советским дипломатом Л. М. Караханом, Коминтерном и ЦК МНРП принимает участие в различных работах по созданию и развитию НРПВМ, а также в отправке на учебу в МНР и СССР молодежи, снабжении и финансировании Народно-революционной армии Внутренней Монголии. Большое значение для даурских революционеров имела проблема возвращения Хулун-Буиру статуса независимого региона, что, по их мнению, было возможно лишь с отстранением от власти старых чиновников и изгнанием китайской власти путем вооруженного восстания. Принципиальные разногласия, отсутствие налаженного взаимодействия и поспешность в выводах явились сначала предлогом раскола в НРПВМ, а затем и провала баргинского восстания 1928 г., ставшего началом конца недолгой, но бурной деятельности даурских революционеров. Тем временем надвигались большие перемены в жизни дауров и других народов северо-востока Китая, вызванные агрессивными устремлениями Японии.

Выводы по главе 2.

К началу XX в. дауры представляли собой сохранивший свою самобытность народ и состояли из нескольких крупных и мелких этнотерриториальных групп. Их историческое развитие шло во взаимодействии с политическими и социально-экономическими событиями регионов проживания. На каждую этнотерриториальную группу оказывали свое воздействие внутренние и внешние факторы (например, участие синьцзянских дауров в подавлении мусульманских восстаний; приграничное взаимодействие хайларских и айгунских дауров с населением Российской империи, вооруженная борьба с российскими войсками и др.).

Националистическое движение монгольских народов в первой трети XX в. не могло не вызвать положительной реакции даурской элиты, стоявшей

у руля власти в Хулун-Буире. В то же время политические воззрения правящей верхушки в 1912–1917 гг., желавшей независимого положения региона, совпадали с намерениями Российской империи об удержании своего влияния в Северной Маньчжурии. В 1918–1920 гг. неопределенность, царившая в международных и региональных отношениях, вынудила хулун-буирских чиновников вернуться в лоно Китайской Республики. Тем временем в землях цицикарских и бутхаских дауров усилилась китайская (ханьская) колонизация, сопровождаемая засильем китайских милитаристов. Эти явления спровоцировали восстание цицикарских дауров во главе с Шаоланом и Дайфу, а затем и создание в Бутхе даурского отряда самообороны, также вступившего в борьбу с милитаристами.

Поскольку первая треть XX в. проходила под знаком националистического движения монгольских народов, то выросло поколение дауров, глубоко и прочно впитавшее соответствующие взгляды и установки. Их лидерами были Мэрсэ и Фуминтай, взаимодействовавшие с китайскими и южномонгольскими революционерами, а также с 1918 г. с бурятскими общественно-политическими деятелями. Особую роль в их становлении как революционеров сыграло знакомство и последующие связи с Э.-Д. Ринчино, Л. М. Караханом. Начиная с 1923 г. даурская революционная молодежь участвует в работе Коминтерна, действует также по линии ЦК МНРП, принимает участие в партийном и государственном строительстве на территории МНР и Внутренней Монголии. Критической точкой в их деятельности можно считать баргинское восстание 1928 г., когда произошел раскол в среде даурских, шире – баргинских революционеров и четче проявились грозные очертания милитаристской Японии, твердой поступью, приближающейся к стыку границ СССР, МНР и Китая.

ГЛАВА 3. ДАУРЫ В ПЕРИОД МАНЬЧЖОУ-ГО (1932–1945 ГГ.)

3.1. Специфика общественно-политических и экономических нововведений в районах проживания дауров в провинции Синьань

Особой страницей в истории даурского народа и всего северо-востока Китая является период государственного образования Маньчжоу-Го. Противостояние СССР и Японии, затянувшееся на несколько десятилетий, достигло своей высшей стадии и быстрыми темпами приближалось к своей критической точке. Между тем японские захватчики, закрепившись на Азиатском материке, строили конкретные планы дальнейшего развития и не помышляли покинуть богатые природными ресурсами территории. Напротив, твердь материка и осознание своего величия подталкивали японское правительство к широкому освоению завоеванных территорий, включая даже такие несвойственные ему меры, как поощрение переселения гражданского населения Японии на новые земли. В даурских районах в этот период (1932–1945), за исключением далекого Тачэна в Синьцзяне, внедрялась новая идеология, проводились социально-экономические реформы. Таким образом, большинство даурского населения стало учиться жить по новым стандартам, которые применялись в Японии.

Ко времени японского военного продвижения в северо-восточном Китае в 1931 г. местное население уже имело представление о Японии через посредство японских предпринимателей, служащих различных учреждений, студентов – местных уроженцев, проходивших обучение в Японии. Надо полагать, что первое впечатление об этой стране было благоприятным. Япония в то время была первой капиталистической державой в Азии с быстро развивающейся экономикой. В военном отношении Япония также представляла серьезную силу, что было видно на примере Японско-китайской

(1894–1895) и Русско-японской (1904–1905) войн и территориальных захватов Корейского полуострова и Тайваня.

После «инцидента 18 сентября» в 1931 г. японские войска захватили территории трех провинций северо-восточного Китая и восточной части Внутренней Монголии [Даур, 1989: 208; История, 1989: 112–116]. По мнению австралийского исследователя Т. Д. Дюбуа, военная экспансия была инициирована не «реалистами», а по-своему «идеалистически» настроенными идеологами, которые на первое место ставили духовное и моральное предназначение Японии, заключающееся в ликвидации призрака европейского колониализма, устранении «плохого» азиатского (или китайского) правления, распространении эры японского просвещения [2016: 294]. Японское командование и монархисты предложили последнему императору цинской династии Пу И стать императором нового федеративного Маньчжуро-монгольского государства. В конце ноября 1931 г. к Пу И, находившемуся в Мукдене, и к японским властям прибыла делегация из Хулун-Буира. Как отметили делегаты, в Хайларе развернулось движение, поддерживающее курс на создание в Маньчжурии нового правительства, которое бы объединило Восточную и Внутреннюю (очевидно, имеется в виду западная часть Внутренней Монголии – *авт.*) Монголию. Известно также о прибытии представителя от хайларского управления в г. Цицикар для встречи с новыми властями [Кузьмин, 2021: 363]. Вероятно, в числе делегатов могли находиться хулун-буирские чиновники – дауры, решившие оперативно выяснить меняющуюся ситуацию. Тяготение части даурской элиты к восстановлению маньчжурской династии, выразившееся в их действиях в 1913–1917 гг., теперь могло воочию воплотиться в виде намечаемого японцами строительства нового государственного образования.

Линшэн (в тексте источника – Лин Гун – *авт.*) как представитель Монголии вместе с Цзин Ваном, представлявшим Баргу, 16 февраля 1932 г. принял участие в собрании представителей всех провинций Маньчжурии. На нем обсуждался вопрос о создании нового государства [Государственность...,

2015: 166]. На всеманьчжурском съезде, прошедшем 1 марта 1932 г., было провозглашено создание государства Маньчжоу-Го. Верховным правителем становился Пу И. Так было положено начало 14-летнему правлению марионеточного режима [Дауиг, 1989: 208; Кузьмин, 2021: 363]. Что касается определения «марионеточный режим» или «марионеточное государство», то здесь следует упомянуть о позиции современных российских историков вслед за западными исследователями Р. Х. Джексоном и К. Росбергом, использующих новый термин «квазигосударство», который, по их мнению, более уместен в отношении исследуемого политического феномена [Государственная и квазигосударственная..., 2016: 10–11]. Хотя, ряд российских ученых полагает, что термин «марионеточное государство» вполне научен и более точно отражает реальную природу Маньчжоу-Го, заключавшуюся в полной зависимости от Японии [Суходолов, 2017: 103].

В декларации, подписанной Чжан Цзинхуэем, Си Ся, Тан Юйлинем, Ван Личэном, Чжай Ваном, говорилось: «Согласно воле 30-миллионного населения, Маньчжурия разрывает отношения с Китайской Республикой и создается государство Маньчжоу-Го... Маньчжуро-Монголия в старое время составляла отдельное государство. При теперешней обстановке мы не можем не воссоздать его». Столицей стал г. Чанчунь, получивший новое название Синьцзин (Новая столица) [История, 1989: 116; Кузьмин, 2021: 363]. Таким образом, идея Маньчжуро-монгольского государства, долгое время витавшая в мыслях многих политиков после крушения Цинского государства, приняла конкретные очертания. Еще в 1925 г. Д. М. Позднеев отмечал, что Япония стремится к полному подчинению Маньчжурии своему влиянию и теперь нельзя рассматривать последнюю иначе, как японскую полуколонию [1925: 31].

В марте 1932 г. была создана провинция Хинган (Хинганская провинция, Синаньская провинция, Синьань) (Прил. 7) и в Комитете государственных дел Маньчжоу-Го учрежден особый отдел под названием Бюро Хингана. Он курировал население восточной части Внутренней Монголии. Впоследствии

отдел был переименован в Главное управление Хингана [Даур, 1989: 208]. По другим данным, он именовался как Главное управление по монгольским делам Хинганской провинции. Согласно постановлению от 9 марта 1932 г., провинция была разделена на три области (или субпровинции, округа) [Кузьмин, 2021: 363]. Имеются сведения, что уже весной 1932 г. провинция была разделена на четыре части. Так, по данным даурских историков, в мае 1932 г. под началом Главного управления Хингана (*кит.* 兴安总署, Xing'an zongshu) находились четыре района, разделенные по территориальному признаку: восточный, южный, северный и западный [История дауров, 2018: 385]. Конкретная административно-территориальная привязка этих районов не указана. По данным С. Л. Кузьмина, четвертая область в составе провинции появилась в марте 1933 г. после захвата японцами территории монгольского аймака Жэхэ (*монг.* Халуун-гол). В подчинении начальника Главного управления по монгольским делам Хинганской провинции находились главы (вице-губернаторы) трех областей, за исключением Жэхэ. В свою очередь, вице-губернаторы контролировали работу хошунной и сомонной администраций [Даур, 1989: 208; Кузьмин, 2021: 363]. В октябре 1934 г. Главное управление Хингана преобразовано в Отдел управления монголами (*кит.* 蒙政部, Meng zhengbu). С этого времени четыре района официально стали именоваться провинциями [История дауров, 2018: 385]. Известно, что в 1932 г. в Маньчжоу-Го была проведена перепись населения, составлены ведомости учета населения. Регистрация домохозяйств прошла в октябре 1940 г. [Даурский автономный хошун, 1998: 23, 25].

Территория к северо-западу от Хинганского хребта, т. е. земли Хулун-Буира с 1932 по 1934 г., именовалась как Северная область провинции Хинган. Административным центром района стал г. Хайлар. 29 марта 1932 г. правительство Маньчжоу-Го объявило начальника западного солонского хошуна и заместителя амбана Хулун-Буира Линшэна главой Северной области

провинции Хинган. Деятельность органов власти на местах началась не сразу, поскольку в Цицикаре и Хайларе еще находились китайские войска Су Бинвэня. Известно, что японские войска вошли в Хайлар в декабре 1932 г. [И Сун, 2010: 16; Abida, Vodo, 2017: 29–30; Zikmundova, 2018: 23–24]. Линшэн приступил к своим обязанностям 2 июня 1932 г., т. е. еще до прибытия японских войск в Хайлар. Его советником стал Накамура Сеньичи, секретарями работали Хуалинтай (даур), Ю Цзиньмин, Урубдэн [Abida, Vodo, 2017: 30; История дауров, 2018: 385]. В состав администрации Северной области провинции Хинган, а затем и провинции Северный Хинган входили три отдела: общий под руководством Жуньана (Руньан), по гражданским делам во главе с Чойбсоном, отдел полиции с начальником Чундэ (даур по национальности). В апреле 1936 г. после резонансного «инцидента с Линшэном» вместо казненного Линшэна был назначен новый глава провинции Северный Хинган – баргут Эрхимбато. На место руководителя общего отдела – Багабади (баргут), начальником отдела полиции стал японец. В Хайларе располагалась штаб-квартира командования Северно-Хинганского военного округа во главе с генералом Уржином (бурят). Начальником штаба округа был Го Вэньлинь (даур) [История дауров, 2018: 386–388]. Известно, что Линшэн и японский офицер, подполковник Терета в феврале 1933 г. оказали помощь Уржину Гармаеву в назначении на должность начальника охранных войск Северо-Хинганской провинции [Базаров, 2001: 12; Базаржапов, 2005: 64].

Хайларские дауры проживали в солонских хошунах Северной области провинции Хинган, своего административно-территориального образования у них не было. Два хошуна восточного крыла солонов, 4 хошуна западного крыла солонов, бурятский и олетский хошуны были объединены в один солонский хошун с административным центром в пос. Наньтун [Abida, Vodo, 2017: 30; История дауров, 2018: 385; Очиров, 2021а: 272]. Всеми важными делами в солонском хошуне ведал японец. На должности галида – управляющего четырьмя сомонами работал олет Буянтогтох. В 1943 г.

олетские сомоны «ужи» и «зай» были объединены в один сомон Агуйт [Џамгад Режидма, 2008: 27]. Аналогичные реформы прошли и в баргутских хошунах, на правом берегу р. Аргунь из уездов Шивэй и Цицзянь был создан хошун Эргуна-Юици. По данным баргутского историка-краеведа Хурлад Мешигэ, в 1934 г. 8 хошунов Новой Барги были разделены на восточный и западный. Восточный возглавил Эрхимбато. В хошуне Старая Барга насчитывалось 12 сомонов с двумя галида-ямынь. В 1941 г. они были преобразованы в 6 сомонов, администрация галида-ямынь упразднена и вместо этой должности появился советник хошунного ямыня [Qurlad Mešige, 2009: 204].

В солонском хошуне на должности главы последовательно находились 3 даурских чиновника Энмин, Ронлу, Чуньсян и Бадма (монгол). Административный аппарат состоял из трех отделов и шести подотделов, руководителями которых были дауры и монголы. Кроме того, имелся отдел полиции, позднее переименованный в Управление национальной полиции. Администрация сначала располагалась в юго-западной части г. Хайлар, затем переведена в пос. Наньтун [История дауров, 2018: 385].

Большинство даурского населения было сосредоточено в Восточной области провинции Хинган, образованной 27 июня 1932 г. Центром этой провинции являлся г. Чжаланьтунь (*даур.*, *монг.* Жалан-Айл) [История дауров, 2018: 385]. Восточная область провинции Хинган была основана в районе, ранее находившемся под юрисдикцией ямыня Западной Бутхи и временной управы Буси. Вице-губернатором области был назначен бывший управляющий восьми знаменами Восточной Бутхи Элэчун (даур), затем вице-губернатором стал Буянмэндэ (монгол), третьим по счету вице-губернатором – Ба Цзиньбао (*др. вариант* – Баинбу; даур) [Там же: 386]. Главе Восточной области провинции Хинган, а затем и провинции Восточный Хинган оказывали помощь японские советники. Очевидно, на деле они и управляли провинцией. Провинциальная администрация состояла из общего отдела, отдела по гражданским делам, отдела полиции. Руководящие должности в

первых двух отделах принадлежали даурам – Ба Цзиньбао и Чжидату, отдел полиции возглавлял японец Кадзуо Ходзуки. В г. Бугату (Бухэду) дислоцировался военный гарнизон армии Маньчжоу-Го во главе с командующим Го Синюанем (даур). Здесь же располагалось провинциальное управление полицейского контроля над лесными ресурсами [История дауров, 2018: 386].

В составе Восточной области провинции Хинган находились 5 хошунов: Бутха, Арон, Хизагар (Окраинный; *монг.* Хязгаар), Морин-Дава и Баян [Там же: 386]. Дауры компактно проживали во всех этих хошунах.

О создании хошунов Восточной области провинции Хинган известно, что 27 июня 1932 г. временная управа Буси (Западной Бутхи) была переименована в хошун Морин-Дава. В начале августа 1932 г. главой хошуна назначен Ба Цзиньбао. В сентябре 1933 г. он перешел на работу в отдел общих дел администрации Восточной области провинции Хинган. На должность главы хошуна утвержден Эрдэн-Мэнгэ [Даурский автономный хошун, 1998: 23; И Сун, 2010: 16]. Затем руководителями хошуна Морин-Дава являлись дауры Тарияту, Жидату, Санжижаб. Последний из них работал вплоть до августа 1945 г. Следует заметить, что японские власти применяли практику перевода хошунных руководителей в другие местности. К примеру, 10 января 1940 г. Тарияту начал исполнять обязанности главы хошуна Морин-Дава, а в апреле 1943 г. он был переведен на должность руководителя хошуна Баян. Жидату, сменивший Тарияту на должности главы хошуна Морин-Дава, 1 октября 1943 г. утвержден на должность главы хошуна Бутха [Даурский автономный хошун, 1998: 24–25]. Подобная практика лишала даурских функционеров возможности укрепить связи на местах. Вероятно, японцы при принятии решений о подобных переводах также брали в учет начавшуюся партизанскую борьбу в хошунах, общую обстановку в них, взаимодействие главы хошуна с местным населением.

В подчинении хошуна Морин-Дава находились 5 нутуков (административных единиц уездного уровня), которые также управлялись

представителями даурской национальности [История дауров, 2018: 386]. По другим данным, нутуков было четыре [Даурский автономный хошун, 1998: 24]. Административным центром хошуна Морин-Дава являлся г. Нирги [История дауров, 2018: 386]. Что касается системы районирования в виде нутуков, то по некоторым данным, система «нутук – гачаа» (уезд – волость) была введена в Восточной области провинции Хинган в декабре 1935 г. Тогда же упразднена прежняя система районирования [Даурский автономный хошун, 1998: 24].

В 1932 г. создан хошун Арун из пяти западных участков округа Буси и трех участков округа Ялу [Там же: 23]. Свое название он получил от р. Арун. С 1933 по начало 1945 г. главами хошуна являлись Тарияту, Цяо Шужэнь, Ду Цзочэнь, все представители даурской национальности. Руководителями различных отделов хошунной администрации также были дауры. Хошун имел 2 нутука. Административный центр находился в пос. Начжи. Следует отметить, что дауры хошуна Арун являлись в основном переселенцами из района Цицикара [История дауров, 2018: 386].

Хошун Бутха с центром в г. Чжаланьтуне также был населен мигрантами – цицикарскими даурами. С 1933 по начало 1945 г. руководили хошуном дауры Цзинь Яочжоу, Жидату, Собо (*кит.* Суобао). Администрация состояла также из чиновников-дауров [Там же: 387].

Из северных территорий временной управы Буси и западных участков уезда Нэньцзян был образован хошун Баян. Администрация хошуна официально начала работу с 1 января 1933 г. [Даурский автономный хошун, 1998: 23], хотя, по другим данным, руководство хошуна Баян в лице Чжуожэньтуобу (даур по национальности) было назначено 1 августа 1932 г. Затем главами хошуна вплоть до ноября 1944 г. становились Ахантай, Го Синьюань, Тарияту. Все они являлись даурами, как и другие служащие администрации. В ведении хошуна находились 4 нутука. Административный центр сначала располагался в с. Эрхэ-нутук [История дауров, 2018: 386].

Хошун Хизагар (Окраинный) находился на юго-западе Восточной области провинции Хинган в местности, известной в начальные годы Китайской Республики как Солуньшан (Солонские горы). Он граничил с Западно-Удзунчинским хошуном Шилингола (Внутренняя Монголия). С 1932 г. по начало 1945 г. руководителями хошуна были дауры Э Фаньбу, Мо Цзюйю, Го Синюань и Ао Юйсян. Главами отделов хошунной администрации также были представители даурской национальности. Административным центром являлся г. Солунь. В хошун были переселены дауры из района Цицикара [История дауров, 2018: 387].

Следует заметить, что даурские функционеры работали не только в хошунах провинции Хинган, но и в правительстве Мэнцзяна, во главе которого стоял Дэ Ван. Рассмотрим кратко отдельные моменты из биографий двух даурских деятелей, входивших в близкое окружение Дэ Вана. Так, известно имя Дэ Гулая (*монг.* Жаргалан), выпускника Института торговли г. Нагасаки, который в период основания Маньчжоу-Го работал в правительстве провинции Хинган, а затем после учреждения новой провинции Восточный Хинган перешел в ее администрацию. В это время Дэ Гулай, узнав о деятельности Дэ Вана, оставил свою административную должность и прибыл в местность Дэхуа, где, очевидно, находился южномонгольский лидер. Качества Дэ Гулая, а также превосходное знание японского языка были по достоинству оценены Дэ Ваном, который назначил его на должность писаря [Доржийн Зоригт, 2009: 88]. Надо отметить, что Дэ Гулай к тому времени был хорошо осведомлен о делах Дэ Вана, поскольку известно о письме Дэ Гулая, адресованном командованию Квантунской армии от 14 января 1932 г., в котором он перечислил 5 кандидатур на должность монгольского правителя в Объединенном маньчжуро-монгольском государстве: 1) Бадма-Рабдан (Чжалайтский хошун); 2) Дэмчигдонров (сейм Шилингол); 3) Линшэн (Хулун-Буир); 4) Шоминга (северный хошун Западного хорчинского крыла); 5) Сайнбаяр (*кит.* Бао Юйцин) [Доржийн Зоригт, 2009: 30]. В последующем Дэ Гулай также активно включился в работу правительства Мэнцзяна.

Известно, что он вместе с Дэ Ваном и другими чиновниками (в числе которых были Ёндонванчиг, Шагдаржав, Ли Шоусинь, Жодовжав, Бавуудорж, У Хэлин) участвовал в съезде 27 октября 1937 г., на котором присутствовал начальник штаба Квантунской армии Тодзио. Дэ Гулай, очевидно, принял участие в составлении ряда документов, утвержденных на съезде. В их числе были программа создания объединенного правительства Автономной Монголии; законы, принимаемые на время данного правительства [Доржийн Зоригт, 2009: 98]. Таким образом, Дэ Гулай вместе с другими монгольскими чиновниками приложил усилия в процессе государствовоительства. Дэ Гулай затем работал на должности министра торговли Мэнцзяна (по данным 1942 г.), после падения Гомиьндановского правительства в Китае в 1949 г. перебрался на Тайвань, где и проживал все последующее время.

Другим даурским деятелем в Мэнцзяне был Онон Ургунго. В 1932 г. он поступил в монгольскую школу в г. Цицикар, в 1936 г. присоединился к национально-освободительному движению южных монголов под предводительством Дэ Вана. В начале 1940-х гг. Дэ Ван отправил Ургунго на учебу в один из японских университетов. После окончания обучения он вернулся во Внутреннюю Монголию, в Западно-Сунитский хошун Шилингольского сейма, чтобы преподавать в женской школе. Эта образцовая школа, созданная по указанию Дэ Вана, имела своей целью приобщение монгольских женщин к современному образованию и расширение их социально-политического и культурного кругозора. В дальнейшем Онон Ургунго, очевидно, работал на других должностях и был, как и Дэ Гулай, близок к Дэ Вану. Известно, что в 1945 г. после капитуляции Японии он вместе с Дэ Ваном прибыл в Пекин, чтобы избежать столкновения с частями НОАК. В это время Ургунго был уже начальником охраны Дэ Вана, что свидетельствует о полном доверии лидера Мэнцзяна к нему. В то же время с одобрения Дэ Вана он был назначен офицером контрольного юаня в правительстве Чан Кайши в г. Нанкин. Многие факторы (в том числе участь Дэ Вана, победы и растущая власть КПК, коррупция в Гомиьндане) вынудили

Ургунго обратиться в 1948 г. в Посольство США. Получив приглашение О. Латтимора преподавать монгольский язык в Университете имени Дж. Хопкинса в Балтиморе, он вылетел в США в тот момент, когда к Пекину приблизились войска НОАК [Caroline Humphrey and Urgunge Onon, 1996: 14–15]. По данным российского монголоведа М. И. Гольмана, в США Онон Ургунго работал ассистентом в Школе международных отношений им. Уолтера Пейджа, директором которой был О. Латтимор. Известно, что Ургунго помогал ему при подготовке издания книги «Национализм и революция в Монголии» (1955); консультировал Х. Вриланда, Д. Аберли и других американских монголистов-историков; работал в Джорджтаунском, Лидском, Кембриджском университетах; возглавлял в Лидсе программу изучения Монголии. В США и Великобритании Онон Ургунго состоялся как крупный ученый-монголовед, написавший ряд научных монографий и статей. Одной из его последних работ явилась монография в соавторстве с Дериком Притчатом о свержении маньчжурского ига в Монголии в 1911–1912 гг. [Гольман, 2004: 145–146].

Возвращаясь после этого небольшого отступления, связанного с даурскими деятелями в Мэнцзяне, отметим, что с весны 1933 г. в уездах и крупных селах провинций Хингана были основаны полицейские участки, в том числе и в отдаленных местах. Например, в апреле 1933 г. в пос. Буси (совр. г. Нирги) был создан полицейский участок, затем они появились в селах Галичен, Арал, Курулчи, Хангураг, также в деревнях хошуна Баян – Эргэ, Гэгэн, Тэнкэ, Амур [Даур, 1989: 210]. В каждом из них помимо начальника работал 1 японский инструктор; имелись 4 подразделения: полицейское, судебное, разведывательное и охранное. 1 сентября 1935 г. полицейский участок в Буси был реорганизован в полицейское управление хошуна Морин-Дава. Аналогичные преобразования произошли и с главным полицейским участком хошуна Баян [Даурский автономный хошун, 1998: 23].

В хошунах Бутха, Арон, Морин-Дава и Баян, за исключением хошуна Хизагар, были созданы условия для размещения первых партий японских

переселенцев. Во всех пяти хошунах были также образованы полицейские участки. Японские советники были поставлены на обоих уровнях властной иерархии – провинциальном и хошунном. На первый взгляд, они оказывали помощь вице-губернаторам и хошунным руководителям в решении важных вопросов. Но на самом деле эти советники и консультанты – японские офицеры – фактически держали под своим контролем всю систему двухуровневой власти в провинциях [История дауров, 2018: 387–388]. Полномочия хошунных руководителей были ограничены, реальное управление областями и хошунами находилось в руках японских советников [Даур, 1989: 208–209]. Выше мы уже упоминали японских советников Накамура Сенъичи, Кадзуо Ходзуки, работавших в Северной и Восточной областях провинции Хинган. К их числу можно добавить японского советника Сигэричи Тэрада (*кит.* Сытянь Маочи), официально начавшего работать 1 декабря 1934 г. в хошуне Морин-Дава. Известно, что в 1945 г. советником в хошуне Морин-Дава работал японец Чжунси Ян (очевидно, указано китайское имя японского советника – *авт.*) [Даурский автономный хошун, 1998: 23, 25]. По мнению российских исследователей, «все институты власти Маньчжоу-Го были построены так, чтобы в их штат можно было оправданно принять значительный аппарат японских советников и инструкторов» [Кейдун, Елисеева, 2010: 31–32].

Изменения затронули и районы компактного проживания цицикарских дауров – уезды Лунцзян и Фуюй провинции Лунцзян. В отличие от двух провинций Хингана – Северной и Восточной, где правили чиновники-дауры, здесь дауры не были представлены во власти – провинциальной и уездной администрациях. Аналогичная ситуация сложилась и на территории области Хэйхэ провинции Лунцзян, где дауры проживали в основном в деревнях Айгуньского уезда [История дауров, 2018: 388].

Первый год существования Маньчжоу-Го (1932) вошел в историю цицикарских дауров как плохой, принесший большие страдания. Причиной этому явились наводнения, эпидемии, неурожай и грабежи, устраиваемые

дезертирами и бандитскими шайками. К тому же после образования Маньчжоу-Го новые власти проигнорировали этническое своеобразие дауров, и они были отнесены к монголам. Этот факт вызвал недовольство не только дауров, но и монголов. Большинство даурского народа, особенно передовая интеллигенция, не были согласны с этим решением властей [Улисы Вэйжун, 1989: 22]. Однако проблема национальной принадлежности дауров мало заботила руководство марионеточного государства, занятого решением других насущных вопросов.

По некоторым данным, в 1932 г. в уезде Лунцзян были основаны сельские правления в селах Лифа и Вонюту, а также введено новое административно-территориальное деление или т. н. институт «баоцзя» (*др. наим.* система круговой поруки «баоцзя»), по которому уезд был разделен на 4 сектора [Исследование даурского, 1999: 33]. Эти сведения расходятся с официальной датировкой внедрения института «баоцзя» (*яп.* тонаригуми) в Маньчжоу-Го – 22 декабря 1933 г. Можно предположить, что в случае с «баоцзя» цицикарских дауров речь идет о раннем, неофициальном начале внедрения японцами этой системы. Об этом косвенно свидетельствуют директивы полицейского управления Маньчжоу-Го, датированные маем 1932 г. Речь в них шла о вероятности бандитских инцидентов в сельской местности [Круглова, 2020: 117]. Если учесть, что цицикарские дауры оказали активную помощь китайской армии Ма Чжаншаня в апреле 1932 г., то внедрение института «баоцзя» в их землях в том же 1932 г. вполне могло быть осуществлено японским военным руководством. Институт «баоцзя» был известен еще в средневековом Китае, в периоды цинской династии и Китайской Республики. Японцы понимали надежность этого института как вспомогательной полицейской системы и применяли его на Тайване и Корейском полуострове. Маньчжоу-Го, в чьем населении отчетливо прослеживались антияпонские настроения, также не стала исключением. Применяя систему круговой поруки «баоцзя», японские власти могли контролировать все сферы жизнедеятельности местного населения

[Японские методы, 1934: 160; Томинага, 1936: 20; Эндо, 2013: 44; Перминова, 2014: 129–135; 2016: 136; Tian, 2016: 531–554; Круглова, 2020: 114–117].

С 1934 г. сельские правления цицикарских дауров наделялись новыми полномочиями. Они несли ответственность за охрану общественного порядка, межевание земельных участков, отвечали за развитие школьного образования. В уезде были открыты начальные школы в селах Ярсэ, Баоан, Бадачи, Хара, Цзядифацзы; претворялись в жизнь законы Маньчжоу-Го о монополиях опиума, возврате конфискованного оружия населению. В 1935 г. для сбора продовольственного налога были созданы 8 общественных зернохранилищ. Предпринимались меры по предупреждению наводнений. В 1936 г. сооружена защитная дамба протяженностью более 8 км от сел. Инхэ до Вонюту [Исследование даурского, 1999: 33]. Таким образом, часть земель цицикарских дауров была защищена от периодических затоплений.

После выхода официального постановления «Временный закон о “баоцзя”» в декабре 1933 г. началось ее претворение в жизнь и на землях бутхаских дауров. Первым населенным пунктом, где был внедрен институт «баоцзя», явилась деревня Гоничен в волости Дэнтэкэ [Даурский автономный хошун, 1998: 23]. Надо заметить, что с 1932 по декабрь 1934 г. институт «баоцзя», очевидно, находил применение лишь в конкретных даурских местностях. Более широкий охват оно приобрело начиная с 3 декабря 1934 г., когда правительство Маньчжоу-Го выступило с официальным заявлением об объединении крестьянских дворов [Там же]. Эти данные согласуются со сведениями японских историков – авторов пятитомной монографии «История войны на Тихом океане». Они также указывают, что т. н. система «баоцзя», имеющая целью обеспечение общественного порядка путем взаимной слежки и круговой поруки, была введена в декабре 1934 г. Крестьянские дворы подразделялись на десятидворки – «цзя» и стодворки – «бао». Любое преступление члена десятидворки отражалось на благосостоянии старосты объединения, которого штрафовали как соучастника преступления [История войны, 1957].

В районах проживания бутхаских дауров в 1932 г. были обнародованы «Временно действующий закон о наказании [в судебном порядке] предателей» (*др. назв.* Закон об изменниках Маньчжоу-Го) и «Временно действующий закон о наказании [в судебном порядке] бандитов», провозглашалось усиление армии и полиции, укрепление законности, специальных органов; конфискация имеющегося на руках у населения стрелкового оружия; создание комитетов общественного порядка; соблюдение общественного порядка и безопасности [Даурский автономный хошун, 1998: 23]. На основании Закона об изменниках Маньчжоу-Го новое правительство конфисковало большие земельные и лесные участки старого маньчжурского правительства. Затем эти участки были проданы по низкой цене японцам [Государственность, 2015: 176].

Особое внимание японские власти уделяли развитию инфраструктуры телеграфной и почтовой связи. В 1932–1933 гг. новые телеграфные линии были протянуты от Мукдена до Цицикара [Государственная и квазигосударственная..., 2016: 56]. В феврале 1936 г. открыто почтовое отделение в пос. Буси. В том же году установлены столбы линии телеграфной и телефонной связи, соединившие Нэхэ и Буси. Линия связи предназначалась для военных целей [Даурский автономный хошун, 1998: 24].

В июле 1932 г. остатки даурского отряда самообороны Морин-Дава были реорганизованы в отряд охраны правопорядка Восточной области провинции Хинган. Начальником отряда стал Чулу-Батор (даур по национальности). Отряд был расквартирован в Буси. Там же оставались 3 подразделения 7-го кавалерийского эскадрона охраны правопорядка, дислоцированные ранее. В 1933 г. в хошун Морин-Дава была размещена рота гарнизонной службы Восточной области провинции Хинган [Там же: 23]. В 1935 г. рота совместно с полицией Буси успешно провели военную операцию по изгнанию за пределы хошуна Морин-Дава отрядов Тяньбяньхао, Тайпин и Миньюэ (вероятно, под ними подразумеваются бандитские шайки, орудовавшие на территории Морин-Дава в период Маньчжоу-Го – *авт.*). С 1934 г. началась конфискация огнестрельного оружия у гражданского

населения и отряда самообороны в хошуне Морин-Дава. В июле 1936 г. конфискованное оружие было передано Цицикарскому артиллерийскому дивизиону [Там же: 24].

Для установления колониального режима на завоеванных землях японские власти в 1932 г. создали Общество согласия (*япон.* Кио-ва-кай; *монг.* *Eb nayigramdaqu neuyigemleg*). Почетным президентом общества стал верховный правитель Пу И, почетным советником – командующий (*маньчж.* *selin*) Квантунской Армией – генерал Хонжиушикиру (Иноуэ). Председателем общества назначен премьер Госсовета Маньчжоу-Го Чжэн Сяюй [Даур, 1989: 209]. Центральное бюро организации именовалось Сехэхуэй [Государственная и квазигосударственная..., 2016: 33]. Это название, судя по работам даурских историков, имело широкое распространение в тот период. По данным В. М. Фоменко, общество Кио-ва-кай явилось главным двигателем нововведений в культурной жизни Маньчжурии. На заседании Центрального бюро общества была провозглашена следующая программа: 1. Поднять на должную высоту духовность государства. 2. Реализовать мирное сотрудничество всех племен в империи. 3. Повысить экономический стандарт жизни и культурный уровень народа. 4. Содействовать широкому воплощению в государственном управлении морали и гуманности. 5. Завершить национально-государственную мобилизацию и тем самым реализовать идеалы основания государства и торжество мира [Фоменко, 2013: 326]. По образному выражению жителей северо-восточного Китая, эта организация стала «глазами и ушами» марионеточного государства [Усов, 2003: 197].

Из истории деятельности Общества согласия в даурских районах известно, что филиал Сехэхуэй в 1935 г. начал работу в хошуне Морин-Дава. Вскоре отделения организации были открыты во всех уездах и волостях. В апреле 1941 г. в хошуне была при активном содействии Сехэхуэй реализована программа развития «Два в одном». Марионеточные власти, используя эту организацию, стали призывать к активизации сельского

кооперативного движения и земледельческих работ, внедрять программу развития «Три и два» [Даурский автономный хошун, 1998: 24–25].

Японские власти также учредили Общество Хун Бу маньчжурского государства. Оно, как и Общество согласия, очевидно, занималось пропагандой паназиатской идеи и развития оккупированных территорий. Известно, что, используя эти общества, японцы начали пропаганду следующих взглядов: «Близость японского и маньчжурского государств», «Единые помыслы Японии и Маньчжоу-Го», «Дружба народов», «Маньчжурский и монгольский народы – хозяева Маньчжоу-Го» [Даур, 1989: 210]. Эта японская организация проводила тонкую политику идеологического обоснования господства Японии в регионе. В частности, она продвигала т. н. идею «Большого круга совместного процветания в Восточной Азии» [История дауров, 2018: 414]. Надо полагать, что немало дауров, равно как и представителей других народностей, поначалу хорошо воспринимали эту идею и другие проекты Японии. Китайские источники не содержат сведений об этом, но судя по некоторым косвенным данным, японофильские настроения могли иметь место в даурском обществе до 1936 г.

Японская пропаганда разграничивала отношения, существовавшие между малыми народностями и китайским народом. Началось проведение государственной политики «управления разделенными частями». Известно также, что наряду с указанными обществами для усиления колонизаторской политики японцами была использована организация Буу Жиян (*класс. монг. письм. buu jiyun*) [Даур, 1989: 210].

Хотя марионеточные власти Маньчжоу-Го и их японские советники делали упор не только на пропаганду, но и приступали к конкретным целенаправленным действиям. В августе 1936 г. кабинетом Хироита был принят 20-летний план колонизации Маньчжурии [Борисов, 1975: 49]. Так, плодородные пашни и в целом удобное географическое положение уезда Лунцзян попали в поле зрения провинциальных властей, планировавших переселение японского населения в Маньчжоу-Го. Существовали также и

планы перемещения цицикарских дауров в другие, малозаселенные районы. С июня 1937 г. началась вербовка переселенцев. В том же году более 70 даурских семей были переселены из уезда Лунцзян в местность Солон. Большое количество цицикарских дауров, проживавших на левом берегу р. Нонни, в 1937–1944 гг. были направлены в район Бутха. Дауры, проживавшие в местностях Нэхэ-сянь, Нэнцзянь-сянь, Дедул-сянь, по распоряжению администрации были переселены в гористую местность в северной части хошуна Баян. Согласно учетным данным отдела колонизации района Бутха, переселенное население к 1944 г. составило более 7 тыс. чел. В целом за вышеуказанный период около 12 тыс. цицикарских дауров покинули территорию уезда [Государственная и квазигосударственная..., 2016: 199; Дауур, 1989: 215].

По некоторым данным, даурское население 30 деревень было попросту насильственно перемещено в другие местности. Переселившись в новые места и практически лишившись средств существования, дауры столкнулись со многими трудностями. Поскольку климат в северных районах Прихинганья более суров, даурам-земледельцам было тяжело привыкнуть к новому климату. Многие погибли из-за тяжелых условий жизни в новых местах. Например, из 128 дауров, отправленных в ссылку по приказу из селения Туургын-Зэбкэ в хошун Бутха, через 7 лет вернулось лишь 67 [Дауур, 1989: 215; Сборник научных..., 2002: 3]. Так началось масштабное сокращение численности цицикарских дауров. С 1940 г. на их земли в небольших количествах стало прибывать японское население. Они являлись членами организации т.н. «Распашки целинных земель» и их переселением занимались посреднические организации «Компания открытия и развития Маньчжурии», «Комиссия открытия и развития Маньчжурии», «Комитет выравнивания посевных площадей». Переселение японцев было задокументировано в Договоре развития отношений между Маньчжоу-Го и Японией. Это переселение вызвало тяжелое положение местного населения. С 1937 по 1944 г. свыше 12 тыс. дауров района Цицикара, оставив родные места, были

вынуждены переселиться в хошуны Арун, Бутха, Хизагар (Окраинный), находившиеся в ведении провинции Восточный Хинган.

Некоторые даурские руководители, в том числе занимающие высшие посты в Маньчжоу-Го, выступали против миграции из Японии. Одним из них был Линшэн, губернатор провинции Северный Хинган, казненный японцами в 1936 г. В частности, он отмечал, что «родная земля дает жизненную силу людям и без земли они не смогут выжить» [Эньхэбату, Эрхэньбаяр, 2000: 121]. В 1941–1942 гг. в районе проживания цицикарских дауров появились 3 группы японских переселенцев из 200 семей, расселенных в селах Хэси и Чжабуха. Они не могли повлиять на развитие сельского хозяйства в уезде Лунцзян [Исследование даурского..., 1999: 34–35].

В целом масштабы колонизации японцами даурских земель не были большими. Очевидно, большинство японских переселенцев поселялось в более плодородных землях Маньчжурии. Как отмечал осенью 1935 г. управляющий Консульством СССР в Сахалине Мартынов, создание японских поселений шло в глубине Маньчжоу-Го (район Цзямусы, Саньсинский район, район Хайлунь-Бэйаньчжэнь-Кэшань и т. д.). Затем, по предположению советского дипломата, по-видимому, было решено приступить к постепенному созданию таких поселений вдоль границы с СССР [АВП РФ. Ф. 1006. Оп. 5. Д. 7. Л. 71]. К 1945 г. их насчитывалось в Маньжоу-Го около 1 млн чел. [Борисов, 1975: 49]. В 1943 и 1945 гг. из селения Хормолджин, расположенного в районе Хэйхэ, свыше 140 даурских семей были вынуждены переселиться в гористую местность в северо-западной части хошуна Баян, входившего в состав Восточной области провинции Хинган [Даур, 1989: 215]. Многие даурские селения и пашни были отданы японским переселенцам из организации «Распашки целинных земель». В 1943 г. рядом с деревней Цзоцзятун на северо-западе уезда Буси была поселена группа, состоящая из 30 японских домохозяйств, планировавших заняться выращиванием риса и соевых бобов [Даурский автономный хошун, 1998: 25]. Как известно, соевые бобы были популярны в Маньчжурии, где большая часть посевных площадей

была занята именно этой культурой [Досовицкая, 2013: 207]. Можно согласиться с мнением, что японские колонисты, окруженные ненавистью китайского населения, занимались большей частью лишь экспериментированием в сельском хозяйстве и не внесли особых изменений в сельскохозяйственное производство [История, 1989: 194]. Хотя японские власти строили большие планы, связанные с развитием сельского хозяйства региона. В японской прессе с некоторым удивлением отмечали, что в апреле равнины Хулун-Буира еще покрыты снегом и льдом. В то же время выражалась надежда, что с наступлением теплой погоды они станут площадкой для широких сельскохозяйственных работ. Многие компании уже имели договоренности о крупных земельных участках, предназначенных под различные плантации [Shonan Times (Syonan Shimbun). 1943. 20 April].

Притеснениям подверглись и хайларские дауры. Местность Баруун-Айл (пригород Хайлара), населенная даурами, была отдана в распоряжение японской Квантунской армии. В 1938 г. даурское население в полном составе переселилось из Баруун-Айл в селение Өмнө-Айл (современный поселок Баян-Тохой эвенкийского автономного хошуна) [Даур, 1989: 215]. В своих воспоминаниях дочь Мэрсэ – Одонгоа отмечала, что жизнь ее семьи в период Маньчжоу-Го была нетрудной в экономическом плане, поскольку имелся крупный рогатый скот, лошади, немного овец; выращивали овощи, сеяли зерновые. Хотя не было прямого давления со стороны японцев, населению, приходилось жить в постоянном страхе. Даже когда даурские студенты проходили обучение в Японии, они всегда соблюдали дистанцию с японцами, на ментальном уровне не было с ними близости. Поскольку японцы хорошо знали имя Мэрсэ, его родственникам приходилось быть осторожными в своих высказываниях, чтобы не вызвать каких-либо подозрений [Zikmundova, 2018: 24].

Со временем правительство Маньчжоу-Го перешло к более жестким методам управления. Так, согласно приказу от 1939 г., рис предназначался только для японцев. Употребление риса китайцами и представителями

национальных меньшинств приравнивалось к экономическому преступлению. В 1940 г. принят закон о государственных войсках, по которому граждане Маньчжоу-Го, достигшие 19 лет, призывались в армию на 3 года. В том же году была введена система нормированного распределения товаров широкого потребления. В целом в 40-х гг. XX в. продолжалось освоение целинных земель, активизировалась принудительная поставка зерна и овощей государству. Лица, не подлежащие призыву в армию по медицинским показаниям, были обязаны служить в отрядах добровольной гражданской службы.

Установив агентурную сеть, японцы усилили свой контроль над районами, населенными даурами. Например, участились случаи доносов на мирных жителей. По некоторым обвинениям можно было попасть в тюрьму. Серьезными причинами для задержания являлись разговоры, где упоминалась Объединенная антияпонская армия северо-восточного Китая (*монг. qolbogatu serig*), СССР и МНР. Агентура и полиция, узнав о подобных разговорах, немедленно выдвигали обвинения по статьям «Налаживание отношений с грабителями» и «Противодействие Маньчжоу-Го и Японии». Подозреваемых причисляли к «красным», «опасным элементам». Их доставляли в т. н. «учреждения исправления сознания», где подвергали жесткой обработке. На особом контроле полиции Маньчжоу-Го находилось приграничное даурское население. Этому способствовала сложная обстановка на советско-маньчжурской границе. Согласно информационным сообщениям ТАСС и НКВД СССР от 8 и 9 июля 1937 г. японско-маньчжурские войска устраивали провокации на советской дальневосточной границе. Так, в ходе перестрелки у горы Винокурка 5 июля 1937 г. с обеих сторон имелись убитые и раненые. Советской дипломатии удалось разрешить конфликт, назревавший по вопросу принадлежности острова Большой на р. Амур в июле 1937 г., признав незаконным присутствие на нем и ряде других островов по Амуру японско-маньчжурских солдат [Русско-китайские..., 2000: 58–59]. Согласно имеющимся материалам, постоянным обыскам подвергалось даурское

население, проживавшее в районе Хэйхэ. Амур отделял эту местность от территории СССР. Вернувшись с работы, рыбаки ежедневно были обязаны сдавать свои лодки в полицейское управление. Группе из нескольких рыбаков запрещалось одновременно принимать пищу [Daур, 1989: 215]. Таким образом, в результате японской оккупационной политики дауры, как и другие народы северо-восточного Китая, полностью потеряли право на самостоятельность. Большую роль в контроле над даурским населением Хэйхэ сыграло Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го. В его задачи входили охрана государственной границы, защита государственной безопасности, политическая цензура и полицейские функции в приграничных районах [Курас, 2014: 145].

Для подавления вооруженного антияпонского сопротивления в северо-восточном Китае и проведения подготовительных работ для нападения на СССР японское командование ежегодно увеличивало численность Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжоу-Го. В то же время японскими военными на основе Северо-Восточной армии генерала Чжан Сюэяна образована Маньчжурская императорская армия. Первоначально действовало постановление о вербовке солдат в Маньчжурскую императорскую армию, затем оно было изменено на закон о призыве в армию. 11 апреля 1941 г. марионеточный режим Маньчжоу-Го обнародовал Национальный военный закон, вводивший всеобщую воинскую обязанность [Даурский автономный хошун, 1998: 25].

В начале 1945 г. в составе Квантунской армии, расположенной в северо-восточном Китае, имелись 22 дивизии и 11 люй (*кит.* lǚ) – отрядов, численностью 500 чел. В местах компактного расселения дауров – в долинах рек Нонни, Хайлар, Айхуй располагались три особых отряда люй [Daур, 1989: 213; Даурский автономный хошун, 1998: 23].

Территория государства Маньчжоу-Го была поделена на 11 военных округов. В восточной части Внутренней Монголии было создано 2 военных округа. Военные части, дислоцированные в районе Хайлара, вошли в состав

10-го округа. Он охватывал войска восточной и северной областей Хингана. Другая группировка войск, расположенная в Тунляо, именовалась 9-м округом и включала в себя войска южного и западного областей Хингана. В Вангийн-сумэ (совр. г. Улаан-Хот) было основано Хинганское высшее пехотное училище. В нем проходили обучение военнослужащие Маньчжурской императорской армии. После отправки большого количества воинских частей Квантунской армии на Тихоокеанский театр военных действий войска Маньчжоу-Го должны были их заменить. Поэтому участились случаи призыва в «государственную армию» молодежи из числа даурского населения. Например, из находящегося рядом с г. Цицикар даурского селения Туургын-Хараат были призваны на военную службу 21 чел. Руководствуясь Законом о применении местного населения в государственных работах, японские власти мобилизовали даурскую молодежь на тяжелые работы. Некоторые из них, работая на строительстве различных военных объектов, умирали от болезней. Другие, после завершения строительных работ, были расстреляны или закопаны живьем, став заложниками Правила хранения военной тайны [Даур, 1989: 214]. Из хошуна Морин-Дава в 1945 г. была мобилизована молодежь на тыловые работы. Отряд, состоявший из 183 чел., был отправлен в г. Якэши; отряд из 176 чел. – в г. Бугат на строительство дорог; третий отряд из 120 чел. направлен в Сяоэргоу на лесозаготовки [Даурский автономный хошун, 1998: 25].

Для добычи и дальнейшей транспортировки в Японию природных ресурсов северо-восточного Китая и восточной части Внутренней Монголии был создан Комитет по экономической структуре Маньчжоу-Го и принят пятилетний план развития промышленности. Опираясь на них, японские оккупационные власти начали проводить экономическую политику. Они контролировали все ресурсы Маньчжурии. Прежде всего японские оккупационные власти стремились создать условия для интенсивной эксплуатации и вывоза местного сырья [История Китая, 2002: 542].

Для реквизиции продуктов сельского хозяйства японцами было принято т. н. «Правило казенного зерна», по которому по низкой цене скупали урожай зерновых культур у даурских крестьян. В случае отказа от продажи зерна крестьян подвергали разного рода наказаниям [Даур, 1989: 211]. В 1940 г. японские власти и руководство марионеточного режима стали прибегать к другим методам налогового давления, чтобы вынудить даурских крестьян отдавать зерно [Даурский автономный хошун, 1998: 25].

Проводилась политика интенсификации сельского хозяйства оккупированных территорий и его дальнейшее подчинение интересам японцев. По данным российских историков, оккупационная армия снабжалась за счет крестьянства, продовольствие и сельскохозяйственное сырье в значительных количествах вывозилось в Японию. Со временем все сельскохозяйственное производство попало под жесткий контроль японцев. Колониальные власти устанавливали номенклатуру и размеры посевов, а урожай фактически забирали на основах контрактации. Поэтому крестьяне не были заинтересованы в увеличении производства [История Китая, 2002: 541].

Претворение в жизнь другого проекта, т. н. «Правила казенного скота» ухудшило состояние скотоводческих хозяйств дауров. Наблюдалось ежегодное их уменьшение. Если основываться на статистических данных, то в хошуне Морин-Дава количество скота, имеющегося у даурского населения, резко сократилось и составляло 3547 голов. На одну семью приходилось немногим более 1 головы скота. Подобное положение дел наблюдалось и в скотоводческом Хулун-Буире. Скот хайларских дауров также ежегодно уменьшался в количестве из-за проведения политики «казенного скота» [Даур, 1989]. С 1937 г. был введен налог на скот. Скотоводы Хулун-Буира стали сдавать лошадей и скот. Каждая семья была обязана отдавать 5% всего скота государству. В связи с военными действиями на Халхин-голе в 1939 г. налог был поднят до 10–15 %. Сдавали буквально все, включая баранину, козлятину, шерсть, шкуры, козий пух, молоко. Если в 1932 г. в Хулун-Буире

было 2 млн голов, то в 1940 г. – 1 млн 200 тыс., в 1945 г. – 700 тыс. голов [Abida, Vodo, 2017: 33–34].

В сентябре 1935 г. в Морин-Дава было создано хошунное управление полицейского контроля над лесными ресурсами, и лесозаготовительная отрасль взята под контроль государства. В том же году были отмечены официально зарегистрированные артели лесозаготовителей, частные лесозаготовки были запрещены. На деле это привело к масштабному уничтожению японскими предпринимателями лесных ресурсов [Даурский автономный хошун, 1998: 23–24]. По другим данным, заготовка леса находилась в ведении полицейских управлений. Для работы в лесу необходимо было получить в полицейском управлении лицензию на право вырубki. Кроме того, заключался договор с основанным японскими оккупационными властями Союзом заготовки леса. Налоговая пошлина за вырубку леса была непомерно высокой. Хотя казенные расценки на покупку лесоматериала были очень низкими. Не учитывался тяжелый труд сплавщиков. Японцами были созданы специальные полицейские подразделения для контроля над лесными богатствами [Dayur, 1989: 212].

Для недопущения налаживания связи между даурами-охотниками и Объединенной антияпонской армией северо-восточного Китая были проведены меры, ограничивающие количество охотников. Таким образом, лишившись возможности заниматься своим делом, они перешли к земледелию. Охотничье хозяйство дауров в период Маньчжоу-Го пришло в упадок [Ibid.: 212].

Японские власти также проводили государственную политику, направленную на намеренное причинение вреда здоровью населения. Например, стимулировалось выращивание растений, содержащих наркотические вещества (опиум). Были открыты места для продажи небольших партий наркотических растений. Все это пагубно влияло на здоровье местного населения [Ibid.: 213]. В Маньчжоу-Го действовало Управление монопольной продажи опиума, одно из отделений которого

находилось в Цицикаре. Помимо скупки и продажи опиума, Управление занималось борьбой с контрабандой, контролем за посевами мака, деятельностью лечебных заведений для злоупотребляющих опиумом. Прибыли от продажи опиума были большими, в 1938 г. составили 1/6 часть всех доходов Маньчжоу-Го [Кротова, 2015: 169–170].

В целом в начальный период (1931–1932) роль и значение Японии в Азии, а также создание Маньчжуро-монгольского государства, пропагандируемые японскими властями идеи, были благосклонно встречены властями Хулун-Буира и даурских районов Бутхи и Цицикара. Внешне дружелюбно отнеслись к ним и японцы, и руководство Маньчжоу-Го, назначившие представителей даурской элиты на высшие должности в Северной и Восточной областях провинции Хинган и в ряде административных звеньев низшего порядка. Все иерархические уровни были предусмотрительно охвачены сетью японских советников, обладавших реальной властью. В районах, населенных даурами, как и в годы Китайской Республики причисляемых к монголам, успешно проводились административно-территориальные и социально-экономические реформы с постепенным ужесточением налоговой и переселенческой политики. Массовые переселения в основном цицикарских дауров в хошуны Арун, Бутха и Хизагар Восточной области провинции Хинган, мобилизация дауров на строительство различных военных объектов, применение японцами системы круговой поруки «баоцзя» и другие военные и социально-экономические меры японцев негативно повлияли на все сферы жизнедеятельности даурского общества. Несмотря на японскую пропаганду совместного процветания народов и создание отрядов охраны правопорядка среди дауров росло недовольство превращением их исконных земель в колониальные ресурсные придатки Японии.

3.2. Подпольная и партизанская борьба дауров в контексте истории антияпонской войны на северо-востоке Китая (1932–1945 гг.)

После мукденского инцидента 18 сентября 1931 г. началась оккупация Японией северо-восточного Китая и дауры, как и другие народы региона, оказались перед новыми вызовами. В ноябре 1931 г. японские войска, захватив большую часть территории провинций Ляонин и Гирич, начали наступление по направлению к г. Цицикар провинции Хэйлуцзян. По данным российских исследователей, правительство Китайской Республики категорически отказывалось признавать японские захваты и притязания. В то же время оно даже не пыталось дать отпор оккупантам, полагая, что прежде всего необходимо объединить Китай и подавить коммунистическое движение [История, 2002: 498]. Аналогичную непримиримость к Гоминьдану выказывала и КПК. Как отмечал в своих воспоминаниях немецкий коммунист-интернационалист О. Браун, хотя в 1932–1933 гг. главным врагом КПК считались японские оккупационные силы, на деле непосредственными противниками выступали Гоминьдан и милитаристы. Как заявлял Мао Цзэдун, чтобы разбить Японию, необходимо сначала разгромить Чан Кайши [1974: 16]. По мнению О. Е. Непомнина, борьба коммунистов против Гоминьдана и создание народной армии по сути стали последней в истории Китая крестьянской войной. Согласно этой концепции, Мао Цзэдун выступает как вождь крестьянской войны полутрадиционного (переходного) типа, а система китайских Советов – как «крестьянская власть», армия под руководством КПК – как «крестьянская армия» (цит. по: [Кадырбаев, 2012: 76]).

Японское наступление к тому же совпало с активизацией хунхузов в провинции Хэйлуцзян. Как писал управляющий Консульством СССР в Цицикаре А. Дрибинский в начале ноября 1931 г., «хунхузничество свирепствует в провинции как никогда. Кругом Цицикара пылают деревни и разоренное крестьянство не перестает увеличивать ряды хунхузов» [АВП РФ.

Ф. 0100. Оп. 15. Д. 28. Папка 165. Л. 3]. 19 ноября 1931 г. Квантунская армия без приказа из Токио захватила г. Цицикар и перерезала КВЖД [Черевко, 2003: 77]. По сообщению японского консула Симидзу, в японских частях имелись потери не столько от войск Ма Чжаншаня, а сколько от морозов. При наступлении на Цицикар 400 японских солдат отморозили себе руки и ноги и позже были эвакуированы в Мукден. 24 ноября 1931 г. в городе был создан Временный комитет поддержания порядка и спокойствия. Для организации новой власти – основного вопроса местной политической жизни, имеющего громадное значение для всей Маньчжурии в целом, японцами 2 декабря 1931 г. была послана пригласительная телеграмма Чжан Цзинхуэю [АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 15. Д. 28. Папка 165. Л. 2, 5]. Как известно, бывший военный министр Бэйянского правительства, сподвижник Чжан Цзолиня и его сына Чжан Сюэяна, Чжан Цзинхуэй в 1931 г. после японского вторжения в Маньчжурию выступил за выход Маньчжурии из состава Китая. Впоследствии он стал на короткий период губернатором провинции Хэйлунцзян, работал в правительстве Маньчжоу-Го на должностях военного министра, премьер-министра.

После Всеманьчжурского совещания в марте 1932 г. большая часть местных чиновников и военных формально признала образование марионеточного государства Маньчжоу-Го.

В начале апреля 1932 г. против японских оккупантов поднял восстание заместитель губернатора провинции Хэйлунцзян и командующий войском обороны г. Цицикар Ма Чжаншань. Его армия, известная в китайской исторической литературе как Хэйлунцзянская антияпонская армия спасения Родины [Ли Цянь, 2015: 137], вступила в сражение с японскими частями у железнодорожной станции Цзянцяо и нанесла ощутимый удар противнику, поколебав их уверенность в своих силах. Добровольцы из числа цицикарских дауров – уроженцы четырех пригородных деревень приняли участие в рытье окопов, забое скота и свиней для нужд китайской армии, оказывали санитарную помощь [Ао Цзинфэн, 2015: 1]. Данных о прямом вооруженном

участии дауров в сражении при Цзянцяо не имеется. В армии сопротивления Ма Чжаншаня солдат-дауров, по всей видимости, не было. Об этом можно судить по имеющимся сведениям о более позднем вступлении в ряды армии Ма Чжаншаня даура Э Шоуси из с. Аобао [Dayur, 1989: 217–218]. К тому времени армия сопротивления отступала в сторону Амура, в местности Хайлун и Хэйхэ. Как отмечают даурские исследователи, Э Шоуси принимал участие в сражениях с японцами в районах Хулан, Хайлун, Дафантай, Анда и др. [Dayur, 1989: 217–218; Ао Цзинфэн, 2015: 1]. Таким образом, Э Шоуси – молодой крестьянин из села Аобао стал первым дауром, вступившим на путь вооруженной борьбы в начальный период всекитайского антияпонского сопротивления. В то же время некоторые дауры оказывали различную (невоенную) помощь китайской армии под Цицикаром.

О дальнейшей судьбе китайского генерала Ма Чжаншаня известно, что в приграничном с СССР г. Хэйхэ он объявил о своей независимости от Маньчжоу-Го. Однако в дальнейшем по неизвестным причинам отказался от борьбы с японцами и перебрался в СССР, по одним сведениям – под видом купца, по другим – переодевшись в форму простого солдата [Дацышен, 2012: 58]. Тем временем японцы стали устраивать провокации на КВЖД. В частности, об их проведении в 1932 г. упоминает в своих мемуарах О. Браун [1974: 214].

В октябре 1932 г. командир 15-го пехотного отряда Китайской Республики и командующий Китайскими охранными войсками в Хулун-Буире Су Бинвэнь создал армию Спасения государства и всего народа северо-восточного края. По другим данным, она называлась Армия спасения Родины. Су Бинвэнь обратился в Лигу Наций с заявлением, что китайская армия не сложит оружия до полного освобождения северо-восточного Китая от японской оккупации. В начале декабря 1932 г. войска Су Бинвэня были разгромлены. 3 декабря японцы заняли г. Хайлар, 5–6 декабря 1932 г. – Маньчжурию. Китайские войска были интернированы в пределы СССР, на ст. Отпор, Абагатуй; причем на границе возникла опасность военного

конфликта [Дацышен, 2012: 58–61]. Деятельность Су Бинвэня по противодействию японским захватчикам нашла отклик у одного из видных даурских политических деятелей Линшэна. Во время исхода из Хайлара Су Бинвэнь передал ему пулемет, несколько десятков винтовок, десятки тысяч патронов. Представитель интеллигенции из среды даурского народа Ин Хэшу, занимавшийся просветительской деятельностью в Хайларе, последовал призыву командующего Армии спасения Родины Су Бинвэня и начал проводить пропагандистскую работу среди населения, выступая с речами о необходимости создания базы антияпонского сопротивления. В этот период Ин Хэшу работал в должности директора монгольской начальной школы г. Хайлар. В 1934 г. он вступил в ряды КПК и начал активную подпольную борьбу против японских оккупантов. В 1935 г. Ин Хэшу был схвачен и посажен в тюрьму. Позже переведен в японскую военную тюрьму в г. Цицикар, где и был казнен [Даур, 1989: 218].

Китайская Советская Республика во главе с председателем Мао Цзэдуном выступала против связей Гоминьдана с правительством Маньчжоу-Го и за помощь Маньчжурской волонтерской армии в деле изгнания японских захватчиков из Китая. В «Воззвании ЦИКа Китайской Советской Республики и Реввоенсовета Китайской Красной армии. О Северном походе Рабоче-Крестьянской Красной Армии против Японии» от 15 июня 1934 г. говорилось: «Советское правительство и Красная армия не допустят того, чтобы Маньчжурская волонтерская армия сражалась одна, поэтому, невзирая на всякие трудности, в момент ожесточенных решительных боев ее с количественно превосходящими силами гоминдановской армии мы пошлем авангардные отряды на север для того, чтобы дать отпор Японии» [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 3. Д. 1. Л. 349–351].

Начиная с 1934 г. объединенные армии антияпонского сопротивления северо-восточного Китая под руководством КПК, расположившись в бассейне р. Нонни, начали партизанскую войну. Есть мнение, что партизанское движение в Маньчжурии развивалось в большей степени самостоятельно, без

взаимодействия с силами, находившимися у Мао Цзэдуна [Ледовский, 1979: 106]. Дауры, проживавшие в тех местах, вступали в антияпонские военные формирования, обеспечивали солдат провизией и предметами первой необходимости, занимались сбором сведений, выступали в роли проводников. Таким образом, используя разные методы борьбы, дауры оказали существенную поддержку объединенным силам антияпонского сопротивления. По данным китайских историков, ЦК КПК и комитеты провинций северо-восточного Китая направляли коммунистов и кадровых работников в добровольческие отряды, которые составили костяк сил вооруженного сопротивления агрессорам [Ли Цянь, 2015: 137]. С 1934 г. партизанские отряды пополнились рабочими – горняками, транспортниками, пищевиками, патриотами из других регионов Китая – провинций Шаньдун, Хэбэй, Хэнань и др. [Рапопорт, 1940: 103].

Помощником партизанских отрядов являлся даур, паромщик Багабу. Одним из эпизодов помощи является спасение Багабу в 1934 г. подростка – члена партизанского отряда. В то время Багабу еще не был связан с партизанами и выполнял свою обычную работу на переправе р. Нэмэр. Когда к нему подошел с расспросами подросток, Багабу сразу догадался, кто он, и попросил у него пистолет и спрятал в кустах. Прибывшие на переправу всадники – японские солдаты и военнослужащие армии Маньчжоу-Го бросились к ним, но Багабу сумел убедить их, что подросток является местным жителем и давно здесь работает [Ао Цзинфэн, 2015: 4]. Благодаря ему партизаны смогли избежать прямых встреч с карателями, своевременно переправлялись через р. Нэмэр. Впоследствии Багабу был арестован по статье «Сопротивление японцам и тайная связь с объединенным войском». Однако он не выдал солдат антияпонского сопротивления, которых переправлял через реку. Японцы обещали ему крупное денежное вознаграждение за участие в поимке солдат и офицеров объединенной антияпонской армии. Однако паромщик не поддавался на их уговоры. Весной 1940 г. третья отдельная группа

объединенной антияпонской армии при помощи Багабу захватила городок Фэйсин [Даур, 1989: 224].

В период с 1932 по 1939 г. наблюдаются единичные случаи перехода дауров на сторону сил антияпонского сопротивления. Так, к китайским партизанам перешел в 1934 г. Цзинь Шупин, офицер армии Маньчжоу-Го, даур по национальности. Его воинская часть была отправлена из провинции Восточный Хинган для подавления партизанского движения в провинции Биньцзян (территория совр. пров. Хэйлуцзян). Самовольно покинув свою часть, Цзинь Шупин ушел к партизанам, которыми командовал Чжао Шанчжи [Ао Цзинфэн, 2015: 1], впоследствии ставший известным как руководитель партизанского движения Северной Маньчжурии. О его ключевой роли в антияпонском сопротивлении свидетельствует встреча в мае 1939 г. в Хабаровске с командующим 2-й отдельной Краснознаменной армией, командармом 2-го ранга И. С. Коневым и членом Военного совета армии, корпусным комиссаром Н. И. Бирюковым. На ней обсуждались вопросы оказания помощи оружием и продовольствием, усиления партизанской борьбы путем нападения на ряд стратегически важных японских баз и др. [Горбунов]. Что касается Цзинь Шупина, то во время одного из боев он попал в плен к японцам и был казнен. Год его гибели неизвестен. Чжао Шанчжи погиб в 1942 г., его имя ныне носит один из уездов г. Харбин.

В 1935 г. в партизанский отряд вступил даур Го Чжуанхай, крестьянин уезда Нэхэ. Встретившись в лесу в районе Удаляньчи с отрядом во главе с Цзян Цзи, командиром 6-й дивизии 3-й китайской армии, Го Чжуанхай изъявил желание стать проводником и членом отряда. Бывшие с ним даурские лесорубы снабдили изморенных голодом китайских солдат провизией. Впоследствии Го Чжуанхай стал прославленным партизаном. Действуя во главе небольшой группы, Го Чжуанхай совершал нападения в тылу противника, захватывая обозы с провизией, боеприпасами, лошадой и другие средства передвижения. Во время одного из партизанских рейдов отряд попал в окружение. Го Чжуанхай, руководя небольшой группой солдат, открыл

огонь по противнику, отвлекая на себя его внимание. Тем самым он способствовал выходу отряда из окружения. Вернувшись на место постоянной дислокации, командир дивизии Цзян Цзи выразил свою благодарность, отметив, что несмотря на то что Го Чжуанхай является выходцем из простых крестьян, он обладает высоким сознанием, проявляет мужество во время боя, и в то же время выдержан и осторожен. Эти свои качества он показал во время вывода отряда из окружения [Даур, 1989].

В 1932–1936 гг. в целом наблюдались единичные случаи вступления дауров в ряды антияпонских партизанских отрядов. Дауров-партизан, по всей видимости, было несравнимо меньше, чем дауров, находившихся на службе в полиции и армии Маньчжоу-Го. На службу были привлечены и представители других этнических групп Хулун-Буира. Например, по данным хулун-буирского краеведа Гончогбата, часть молодежи из числа тунгус-эвенков, переселившихся в Хулун-Буир из Забайкалья в 1917–1930-х гг., была призвана японцами на военную службу и принимала участие в конфликте на р. Халхин-гол [Үонсоубату, 2016: 8]. Как пишет бурятская исследовательница-краевед С.-Е. Сэмжэд, в офицерской школе в Ваньмяо проходили обучение буряты Дашанима, Балдан-Доржын Дугарнима (после обучения остались в качестве преподавателей), Дамдин, Бальжинима и др. [2013: 17]. Что касается дауров, на наш взгляд, ситуация стала кардинально меняться после весны 1936 г. Эти перемены было напрямую связаны с именем Линшэна, губернатора провинции Северный Хинган. По «делу Линшэна» проходило много даурских чиновников, трое из которых были казнены вместе с ним, а остальные получили тюремные сроки [Abida, Vodo, 2017: 32; История дауров, 2018: 422].

Ввиду особой важности этого дела (*др. назв.* «инцидент с Линшэном») следует остановиться на нем более подробно. Как известно, в истории всех народов есть немало случаев, когда местным региональным властям приходится сотрудничать с одними завоевателями, пришедшими на место других. Ключевую роль в таком взаимодействии приходится играть высшим чиновникам, чья деятельность порой балансирует на тонкой грани между

патриотизмом и предательством. Вердикт в таких случаях обычно выносится по тем или иным ярким запоминающимся поступкам деятелей, склоняя чашу весов в одну из сторон. В таком положении, возможно, оказалась и даурская элита, пошедшая на сотрудничество с японцами и марионеточной администрацией. Первоначальная эйфория от создания Маньчжоу-Го и некоего освобождения от китайских милитаристов со временем испарилась и на смену ей отчетливо пришло осознание колониального положения населяющих его народов.

Таким образом, осознав истинную сущность намерений японских оккупантов, даурский чиновник Линшэн со своими соратниками попытался противодействовать им. Изучение биографии главы провинции Северный Хинган показывает, что его антияпонская деятельность не была неким внезапным порывом. Со времен баргинского восстания 1912 г. и обретения Хулун-Буиром фактической независимости он, будучи представителем региональной элиты, тесно контактировал с монгольскими высшими чиновниками, а также с приграничными российскими (царскими) и советскими властями. В области государственной политики Линшэн склонялся на сторону СССР и МНР. Сильное влияние на него оказало и движение антияпонского сопротивления под руководством КПК. Используя должность губернатора провинции, Линшэн проводил открытую и тайную борьбу с руководством Маньчжоу-Го и Квантунской армии. В 1934 г. Линшэн, Эвлэчун и другие вице-губернаторы провинции Хинган посетили Японию по направлению высшего руководства Маньчжоу-Го. Поведение Линшэна во время этой поездки можно охарактеризовать как нестандартное. Он отказался от посещения синтоистского храма Исэ, известного места почитания богини солнца Аматаэрасу. Во время пребывания в Японии Линшэн выказывал полное внешнее безразличие к достижениям японской экономики, промышленности и культуры; и не сказал ни единого слова, восхваляющего первую капиталистическую державу в Азии [История дауров, 2018: 424; Дудин, 2020б: 363]. Очевидно, уже тогда он осознал, что на самом деле руководство

Маньжоу-Го на всех уровнях не имеет реальной власти и вряд ли будет иметь в будущем. В отличие от других вице-губернаторов он имел опыт управления фактически независимым Хулун-Буиром в 1912–1920 гг. и теперь отчетливо видел колониальное и марионеточное положение государственного образования Маньчжоу-Го. По данным японского историка Като Киёфуми, Линшэн выступал против заселения региона китайскими и японскими иммигрантами и руководство Квантунской армии опасалось его. Используя генерала армии Маньчжоу-Го Уржина Гармаева, вступившего в явный конфликт в Линшэном, японцы пытались ограничить его влияние [Победа на Халхин-Голе, 2021: 168].

В период обострения отношений между Маньчжоу-Го и МНР и попыток демаркации границы в 1935 г. Линшэн принимал участие в переговорном процессе в качестве главы делегации Маньчжоу-Го. В ее состав также входили генерал Уржин Гармаев, командующий Северо-Хинганским гарнизоном; советник МИД Маньчжоу-Го Канки, советник Военного министерства (по другим данным, представитель Квантунской армии – *авт.*) Сайто, служащий Сакурай, переводчик Иногучи, всего 12 чел. Монгольская делегация во главе со вторым заместителем главнокомандующего Г. Самбу включала следующих представителей: член правительства Д. Догсом, секретарь Догсүрэн, дипломатический курьер Чимиддорж, служащие Жавган и Лувсандэндэв, переводчик Жүрмэд [Батбаяр, Гомбосүрэн, 2004: 35; Манжуурын, 2019: 9–10]. Есть данные об участии в переговорах секретаря администрации провинции Северный Хинган Хуалинтая [Манжуурын, 2019: 17]. Необходимо заметить, что попытки Квантунской армии захватить восточные районы МНР, в том числе Халхын-сумэ, не увенчались успехом. Как полагал советский военный советник в Китае О. Браун, Япония использовала Маньчжоу-Го для усиления провокаций против МНР, которая, в свою очередь, имела целью создание под своей эгидой Великой Монголии. Появление такого государства могло представлять непосредственную угрозу СССР [1974: 214].

По мнению даурских историков, секрет успешной обороны монгольских пограничников заключался в том, что Линшэн ранее передавал информацию о японских войсках в Хулун-Буире советским и монгольским спецслужбам [История дауров, 2018: 424]. Эти данные не основаны на конкретном фактическом материале, поэтому их достоверность остается под вопросом. И все же принимая во внимание давнюю и активную вовлеченность Линшэна в орбиту межрегионального монгольско-российского/советского взаимодействия, нельзя исключать и подобный ход развития событий.

На маньчжурско-монгольских переговорах, начавшихся на ст. Маньчжурия 3 июня 1935 г., основным предметом обсуждения стал вопрос о принадлежности района Халхын-сумэ. Из материалов «Ежедневных записей переговоров в Маньчжурии», которые скрупулезно вела делегация МНР, создается впечатление, что Линшэн был настроен дружелюбно и желал достижения компромисса в решении пограничного вопроса. Так, 5 июня 1935 г. он пригласил главу монгольской делегации Г. Самбу на празднование обо в Хайларе, на что тот ответил отказом, поскольку на то не было указаний от правительства МНР. 23 июня 1935 г. в беседе с Г. Самбу Линшэн сообщил о прибытии в Хайлар с целью проверки премьер-министра Маньчжоу-Го. Линшэн также отметил, что премьер-министру около 60 лет, он прилетел в Хайлар на самолете, затем направился в Цицикар. Затрагивая тему переговоров, Линшэн подчеркивал, что если не будет вынесено решение по этому вопросу, то, во-первых, возникнут трудности в дружественных отношениях между Маньчжоу-Го и МНР; во-вторых, нерешенность вопроса принесет страдания монгольской нации (очевидно, он имел в виду по обе стороны границы – *авт.*). Если соглашение по пограничной территории будет достигнуто, то установятся дружественные отношения между двумя государствами и согласие в монгольской нации. 24 июня 1935 г. Линшэн пригласил Г. Самбу посетить города Маньчжоу-Го после окончания переговоров. Он отметил, что г. Маньчжурия очень маленький и в нем нет достопримечательностей, поскольку основан он 34–35 лет назад как станция в

период строительства Россией железной дороги. В период торговли с Россией и Монголией она развивалась, но в последнее время контакты уменьшились, а после Русско-китайской войны (речь, вероятно, идет о конфликте на КВЖД в 1929 г. – *авт.*) резко сократились. В свою очередь, Линшэн интересовался у Самбу положением баргутов и бурятов в МНР [Манжуурын, 2019: 28, 98, 100, 102–103]. Особый интерес представителей Маньчжоу-Го вызывал статус Танну-Урянхая. Приведем небольшой фрагмент записи разговора представителей Маньчжоу-Го и МНР. 24 июня 1935 г. Уржин Гармаев задал делегатам МНР вопрос о существовании к северу от Улан-Батора монгольского (тувинцы являются тюркоязычным народом, но исторически входят в орбиту монгольского мира – *авт.*) народа, провозгласившего независимость. Г. Самбу отвечал, что раньше регион назывался Тагна-Урянхай, а сейчас стал независимым государством. Линшэн отметил, что «численность тувинского народа мала, поэтому может ли идти речь о независимом государстве или у него статус аймака?» Вступивший в разговор Г. Дамба (Гомбожавын Дамба, командующий 2-м армейским корпусом МНРА – *авт.*) указал, что в деле обретения независимости малая численность народа не имеет значения. Самбу также подтвердил, что речь идет о полномочном революционном государстве [Манжуурын, 2019: 103]. Из истории Республики Тыва РФ известно, что в 1921 г. на ее территории была провозглашена Народная Республика Танну-Тува, в 1926 г. переименованная в Тувинскую Народную Республику. Представители Маньчжоу-Го долгое время не располагали информацией о независимом статусе ТНР, о чем можно судить из речи Линшэна, отмечавшего, что в этом году (1935 г. – *авт.*) стали появляться в газетах сообщения о его независимости. Продолжая тему обретения независимости, он перешел на ситуацию в сеймах Внутренней Монголии, где монголы также пытаются создать особое автономное государство. И в целом, как подчеркнул Линшэн, «наша монгольская нация, разделенная на части, в последнее время пытается создать особые государства; даже в Маньчжоу-Го баргуты и буряты, объединившись, хотят создать айл гэр» (вероятно, термин

«айл гэр» в данном случае означает отдельное административное образование *авт.*) [Манжуурын, 2019: 103].

Несмотря на то что Линшэн был официальным главой делегации; переговорами со стороны Маньчжоу-Го руководили японские советники. Монгольские историки Ц. Батбаяр и Д. Гомбосурэн считают, что в действительности весь переговорный процесс со стороны Маньчжоу-Го возглавлял Канки, советник МИД марионеточного правительства [Батбаяр, Гомбосурэн, 2004: 39]. В свою очередь, даурские исследователи подчеркивают роль Сайто Масару, советника Военного министерства Маньчжоу-Го, в подготовке выступлений Линшэна. Сайто подталкивал Линшэна к решительному опровержению всех доводов монгольской стороны и даже советовал прибегнуть к подкупу представителя делегации МНР, что особенно вызвало недовольство и раздражение главы Северной области провинции Хинган. По его мнению, даже если район Халхын-сумэ действительно принадлежит Маньчжоу-Го, бесчестно прибегать к переговорам с применением подкупа и других неприемлемых приемов [История дауров, 2018: 424].

Как отмечает П. Н. Дудин, в ходе переговоров Линшэн игнорировал мнение японских советников, что не могло не вызвать у них подозрений в надежности чиновника [2020б: 363]. Как известно, глава монгольской делегации Самбу также получал инструкции от премьер-министра МНР П. Гэндэна. Сохранилось высказывание Гэндэна, что переговоры должны вести СССР и Япония, а не МНР и Маньчжоу-Го [Российско-монгольское..., 2019а: 323]. Первый раунд маньчжуро-монгольских переговоров завершился в ноябре 1935 г., стороны так и не пришли к единому мнению. Особую роль в подобном исходе переговоров сыграл Линшэн, который вступал в полемику с японскими советниками и добился дискредитации их предложений [Дудин, 2020б: 363]. Таким образом, он оказал помощь монгольской делегации и в то же время попал в поле зрения японских властей как неблагонадежный руководитель. Между тем Линшэн продолжал вести свою независимую

политику, отказался от отправки своего сына Сэбжинтая (по другим данным, его звали Ши Цзай) [Там же: 363] на учебу в Японию, что противоречило получившей массовое распространение отправке детей региональных чиновников в японские учебные заведения. Сэбжинтай, окончивший в 1929 г. монгольскую школу, в 1933 г. поступил в Харбинский железнодорожный институт. Из биографии Сэбжинтая (также известен как Дебу Бао, Мэн Цзинчжоу) установлено, что после казни его отца Линшэна в 1936 г. он был отправлен на учебу в Японию. Сначала проходил обучение в Токийском университете сельского и лесного хозяйства, затем обучался в Киотском императорском университете. После окончания университета в 1944 г. Сэбжинтай вернулся в Китай и работал в промышленной компании «Хулун-Буир Мэнци». Известно, что Сэбжинтай продолжил дело своего отца, включившись в антияпонскую борьбу. Являлся агентом советской разведки, собирал военную и политическую информацию о Квантунской армии и Маньчжоу-Го. После капитуляции Японии в 1945 г. Сэбжинтай был назначен на должность заместителя руководителя г. Хайлар.

Возвращаясь к Линшэну, отметим, что он, оставив сына в Китае, проявил непокорность японским властям, которые под предлогом обучения элитной молодежи в Японии могли оказывать влияние на региональных чиновников. Поведение Линшэна становилось все более вызывающим, и японцы теперь ждали удобного повода, чтобы избавиться от своенравного главы провинции Северный Хинган. Такой случай представился им в марте 1936 г., когда по поручению МИД Маньчжоу-Го было созвано совещание губернаторов четырех хинганских провинций в г. Синьцзинь (совр. г. Чанчунь). На нем Линшэн выступил с критикой т.н. «основных проблем» Японии, включавших миграцию японских переселенцев на материк, в частности в хинганские провинции Маньчжоу-Го; использование ими земельных площадей; введение японского языка в качестве одного из официальных языков; монополию японских бюрократов во властной структуре государства [История дауров, 2018: 424]. Кроме того, он был против

усиления контроля над монгольскими хошунами и других мер, связанных с ужесточением японской политики [Дудин, 2020б: 363]. Подобное выступление, противоречащее японской политике, не могло быть оставлено без внимания высшего руководства Маньчжоу-Го и японских советников. Теперь им стало очевидно, что Линшэн и его команда, в основном состоявшая из дауров, всеми силами пытаются препятствовать проведению мероприятий, инициированных Японией.

Известно, что первым по «делу Линшэна» японской полицией был арестован Шадалту, даур, заместитель Линшэна, командир 7-го кавалерийского полка армии Маньчжоу-Го и одновременно начальник полицейского участка [История дауров, 2018: 421]. Остается невыясненной дата его ареста; по всей видимости, Шадалту арестован еще до совещания губернаторов хинганских провинций. По одним данным, последующие аресты состоялись ночью после окончания совещания. Был арестован Хуалинтай, брат известного революционера Фуминтая, работавший на должности секретаря провинциальной администрации и по совместительству переводчиком Линшэна. Затем был задержан Чуньдэ, зять Линшэна, стоявший во главе полицейского управления провинции Северный Хинган [История дауров, 2018: 421]. Согласно другим сведениям, секретарь и переводчик были взяты под стражу 29 марта 1936 г. вместе с Линшэном по возвращении из Синьцзина в Хайлар. С ними был также арестован брат Линшэна – Минтай (1898 г.р.) [Дудин, 2020б: 364]. Здесь возникают вопросы, поскольку имя Минтая как брата Линшэна в источниках практически не упоминается; также не отмечен отдельно переводчик. По дате ареста также имеются разночтения, поскольку есть информация об аресте Линшэна в начале апреля 1936 г. [История дауров, 2018: 421], о начале «дела Линшэна» от 13 апреля 1936 г. [Abida, Vodo, 2017: 32]. Известно, что в день ареста Линшэна японская жандармерия арестовала также его младшего брата Фулина, начальника штаба полиции. Всего аресту подверглось более 20 чиновников провинциальной администрации, большинство из которых были даурами [Энхэбату,

Эрхэнбаяр, 2015: 249–258; История дауров, 2018: 421]. По другим данным, по «делу Линшэна», за исключением четырех главных лиц провинции, были взяты под стражу около 10 чел., в их числе Шадалту, Вэ Бэйшу, Рун Ан, Шуан Хай, Эрхимбаяр. Все они обвинялись в связях с МНР и СССР [Abida, Vodo, 2017: 32]. По другим данным, Линшэн был обвинен как руководитель подпольной организации, имевшей своей целью объединение МНР и Маньчжоу-Го [Манжуурин, 2019: 9–10]. Еще до отправки арестованных в Синьцзин 12 апреля 1936 г. начались допросы и пытки. Желая избавить своих соратников от наказания, Линшэн взял всю вину на себя. 14 апреля 1936 г. арестованные были лишены государственных наград, а 19 апреля 1936 г. командование Квантунской армии вынесло приговор по «делу Линшэна» о смертной казни четырех главных лиц провинции Северный Хинган, включая губернатора. Приговор был приведен в исполнение 24 апреля 1936 г. Линшэн, Фулин, Чуньдэ и Хуалинтай были обезглавлены [Дудин, 2020б: 365], по другим данным, расстреляны в тюрьме Нанлин, расположенной на окраине Синьцзина [Маньдуэрту, 2007; Abida, Vodo, 2017: 32; История дауров, 2018: 422]. Шадалту и Юй Синтай приговорены к 15 и 13 годам тюремного заключения, и через некоторое время были убиты в тюрьме Фушунь. Гуйфу, престарелый отец Линшэна категорически отказался от лечения, предлагаемого японскими врачами, а также ранее полученных от японских властей наград и даров. Он скончался в 1941 г. [История дауров, 2018: 422].

Делегация МНР, прибывшая на очередной раунд маньчжуро-монгольских переговоров, очевидно, уже знала о казни Линшэна, поскольку информация о его приговоре к высшей мере наказания была опубликована в японской прессе, в частности, в газете «Доей Цусин» за апрель 1936 г. Тем не менее представителями Маньчжоу-Го факт казни Линшэна и его сподвижников тщательно скрывался. Был пущен слух о продвижении их по карьерной лестнице и убытии (к новому месту службы – *авт.*). В сентябре 1936 г. во время третьего раунда переговоров в г. Маньчжурия глава делегации МНР Г. Самбу задал вопрос чиновнику Маньчжоу-Го Чжончжуржаву: «Как

дела у уважаемого господина Линшэна?», на что тот, несколько поколебавшись, ответил: «Умер». Когда Самбу стал допытываться, что случилось, Чжончжуржав не смог дать четкого ответа, ограничившись незнанием всех подробностей смерти Линшэна [Манжуурин, 2019: 10].

Если до 1936 г. имелись единичные случаи помощи дауров китайским партизанам, то после казни Линшэна и его сподвижников даурское общество, недовольное решением японцев и, осознав истинную сущность намерений японских милитаристов, большей частью начинает поворачиваться в сторону СССР и МНР. На передний план выступают бывшие студенты советских и монгольских учебных заведений; лица, так или иначе связанные с этими странами. Именно они становятся в авангарде антияпонского движения.

В сентябре 1939 г. под руководством КПК и Комитета области Бэй Ман (Северная Маньчжурия) был образован Хулун-буирский партизанский округ. Было принято решение о превращении местностей Загдагачи, Алихэ и других таежных районов северо-восточного Китая в базу третьего направления объединенного войска антияпонского сопротивления. Места компактного проживания даурского народа – Баян-хошуу, Мориндава-хошуу, Нэхэ-сянь – стали одними из мест подготовки для нанесения ударов по японским оккупантам (Прил. 8). С 1939 г. японские оккупационные власти усилили колониальное господство и ввели в действие Правило об оружии, Правило сдачи казенного зерна, Правило сбора жизненно необходимых средств [Дауиг, 1989: 223]. Проводились аресты людей, имевших связи с подпольщиками, выступавших против японцев и Маньчжоу-Го. В это тяжелое время даурский народ, не страшась невзгод, встал на путь сопротивления японцам на северо-восточных землях и по мере сил помогал объединенным войскам.

Зимой 1939 г. 6-я армия объединенных сил антияпонского сопротивления проводила подрывную работу на территории хошуна Морин-Дава. Передовой отряд армии и солдаты 12-го полка прибыли для создания антияпонской партизанской базы в селение Малый Кумар, где тепло были встречены даурским населением. В селении было созвано всеобщее собрание.

Активное участие в этом деле принял даур Мэн Ган Су, который лично ходил по домам с извещением. После завершения собрания Мэн Ган Су решал вопросы, связанные с провизией и обустройством [Morindabaya, 1988: 44]. Молодой даур Мэн Дэ Жэн, подружившись с офицерами отряда, стал его проводником. Он также покупал и доставлял провизию, лошадей, добывал сведения. Молодой даур Го Ган, вступив в ряды бойцов объединенной армии, храбро сражался и вступил в ряды КПК. В марте 1940 г. боец Го Ган во время боя у городка Бэйсин убил пулеметчика и затем, прикрывая командира 3-го взвода, погиб смертью храбрых, получив более 10 пулевых ранений [Даур, 1989: 221].

Вышеуказанные события нашли отражение в воспоминаниях непосредственного участника тех событий Ван Цзюня – бывшего командира партизанского отряда, действовавшего в районе компактного проживания дауров. Как отмечал Ван Цзюнь, в этом районе действовали силы антияпонской коалиции и набирали силу революционные процессы [2015б: 21]. Под «революционным процессом», очевидно, следует понимать проникновение идей социализма и коммунизма в северо-восточный Китай и быстрое разрастание круга лиц, осознававших необходимость коренных перемен в обществе. Революционные процессы в регионе были затруднены образованием марионеточного государства Маньчжоу-Го. Японцы, по сути, создали колонию на территории северо-восточного Китая и, прикрываясь разными лозунгами о всеобщем процветании Восточной Азии, осваивали богатые природные ресурсы региона и намечали последующие стратегические задачи по продвижению в западном и южном направлениях [Государственная и квазигосударственная..., 2016].

К 1939 г. изрядно поредевшие китайские армии перешли к партизанской антияпонской войне в горно-таежных и таежных районах северо-восточного Китая. Армия, в которой служил Ван Цзюнь, прибыла в район Нэньцзяна и Нэхэ из местности Цзямусы. Как известно, в мае-сентябре 1939 г. в результате нападения японских захватчиков на территорию МНР разгорелся

ожесточенный конфликт, известный как конфликт на р. Халхин-гол, или война на Номон-хане. Судя по воспоминаниям Ван Цзюня, партийный комитет Северной Маньчжурии поставил перед китайскими партизанами задачу развернуть борьбу в районах Нэхэ и Нэньцзяна, чтобы отвлечь японские силы от продолжения агрессии в районе Халхин-гола [Ван Цзюнь, 2015б: 21]. Подобные цели, очевидно, ставились и перед корейскими партизанами. В период конфликта в районе оз. Хасан в 1938 г. и у р. Халхин-гол в 1939 г. в Северной Корее участились случаи диверсий и саботажа на промышленных предприятиях, активизации действий партизанских отрядов [Коминтерн и Восток, 2021: 190]. Действия китайских и корейских партизан, таким образом, отвлекали внимание японских оккупационных властей. Японцы были вынуждены реагировать на создававшуюся обстановку в районах деятельности партизан и направлять туда подразделения полиции для усиления местных полицейских участков, а также и некоторые воинские части. Несмотря на активизацию китайских и корейских партизан, политика Гоминьдана, по воспоминаниям маршала Пэн Дэхуая, была иной. Так, в июне 1939 г. Чан Кайши выдвинул т. н. теорию «спасения нации окольным путем», согласно которой предполагалось создание марионеточных войск путем капитуляции перед Японией и совместное (с японскими частями) наступление на отряды КПК [Пэн Дэхуай, 1988: 321]. Секретариат ИККИ, согласно телеграмме секретариату ЦК КПК от 15 августа 1936 г., был склонен считать политически ошибочной установку КПК на борьбу с Чан Кайши, «ибо главным врагом китайского народа является японский империализм, борьбе с которым на данном этапе должно быть подчинено все» [Коммунистический Интернационал, 1986: 268].

В целом регион Северной Маньчжурии был важен в стратегическом и геополитическом отношениях. На севере он граничил с СССР, на западе – с МНР, на востоке к нему примыкал район старой партизанской базы, на юге он соприкасался с 8-й китайской армией, находившейся в районе Жэхэ. Партизанская борьба в этом регионе играла важную роль во всем

антияпонском движении сопротивления на северо-востоке Китая и должна была сдерживать агрессивные устремления японцев в сторону МНР. Следует отметить, что не только японцев интересовала возможность захвата МНР. Еще летом 1936 г. Мао Цзэдун в своем заявлении американскому журналисту Эдгару Сноу указывал, что Внешняя Монголия после победы китайской революции автоматически станет частью Китайской федерации. Мао Цзэдун, очевидно, рассматривал МНР как будущую базу китайской Красной армии. В своих мемуарах военный советник О. Браун отмечал, что весной 1936 г. он, обеспокоенный возможным продвижением китайских коммунистов в сторону Монголии, написал Мао Цзэдуну и членам Политбюро ЦК КПК письмо, в котором выразил решительный протест против похода Красной армии 1-го фронта к границам МНР. Письмо было вручено Чжоу Вэньлаю [1974: 214–216]. О реакции руководства КПК на письмо О. Брауна неизвестно. Можно предположить, что оно было принято к сведению Мао Цзэдуном и его ближайшими соратниками.

12 декабря 1939 г. в Северной Маньчжурии было создано Северо-Восточное экспедиционное командование. Главнокомандующим был Фэн Чжиган, начальник штаба 6-й армии. Под командованием Ван Цзюня находился 12-й полк. На наш взгляд, и полк, и армия к тому времени по численности и вооружению не представляли собой обычные войсковые единицы. По сути, это был партизанский отряд, призванный вести борьбу в горно-таежной местности. В конце декабря 1939 г. этот отряд пересек р. Нэньцзян по льду и вступил в пределы района Морин-Дава, в с. Малый Кумар [Цыбенков, Курас, 2016: 411–419]. Одним из населенных пунктов по пути следования партизан явилось с. Ушкэн-Мэрдэн. Жители этого даурского селения были наслышаны об отряде. Однако поначалу они приняли китайских партизан за солдат армии Маньчжоу-Го, поскольку партизаны были одеты в японское обмундирование. Оно досталось партизанам после многих боев в районах Нэньцзяна и Нэхэ. Чтобы разъяснить населению ситуацию, было проведено собрание. Во время выступления Ван Цзюня один из жителей села

громко поддержал его словами: «Мы решительно против японцев!» Это обстоятельство было расценено китайскими партизанами как хороший знак. Как известно, японцы на оккупированных территориях проводили антикитайскую политику, провоцируя тем самым рост межэтнической напряженности. Теплая встреча китайских партизан даурским населением выразилась и в последующем расквартировании партизан, снабжении продовольствием [История дауров, 2018: 431].

Из с. Малый Кумар китайские партизаны двинулись в юго-восточном направлении. В с. Уркуо отряд был тепло встречен жителями. В честь прибытия партизан были заколоты свиньи, куры. Ван Цзюню даже пришлось просить глав селения не закалывать для партизан домашних животных. Боясь преследования со стороны японцев, партизаны лишь переночевали в селении и двинулись дальше. В целом в записях Ван Цзюня отложились теплые воспоминания о поддержке даурского населения, их сочувствии к партизанам. Он отмечал высокий уровень антияпонских настроений среди местных жителей. Немаловажным было и то обстоятельство, что дауры не боялись оказывать помощь китайским партизанам и в своих устремлениях были открыты и честны [2015б: 23]. Понимая, что китайские партизаны плохо ориентируются в новых условиях, даурское население оказывало им посильную помощь. Например, предупредили отряд о приближении неприятельских сил. В один из дней, когда партизанский отряд находился у деревни Тунцзы, около 2-х часов дня прискакала девушка верхом на лошади, без седла (что свидетельствовало о спешке – *авт.*) и сообщила о приближении полиции Маньчжоу-Го с юго-западной стороны. Действительно, со стороны района Арун продвигалась полицейская часть, насчитывающая около 200 чел. Начальник штаба Фэн Чжиган рассмотрел в бинокль черную униформу, обычную для полиции Маньчжоу-Го. Положение было серьезным. Население деревни Тунцзы считалось мирным, менее других деревень пострадавшим от стихийных бедствий. Поэтому Фэн Чжиган решил вывести отряд из района Тунцзы без кровопролития, путем переговоров [Там же].

В полиции Маньчжоу-Го служили представители национальных меньшинств – монголы, дауры, эвенки и др. Зная это, Фэн Чжиган решил оказать на них политическое воздействие. По его задумке, пропаганда антияпонской борьбы в отношении национальных меньшинств могла быть успешной и в дальнейшем могла бы привести к созданию широкого антияпонского фронта. Для переговоров с полицией отправились заместитель командира армии Ци Баосянь и 2 командира взвода. Расположившись на некотором расстоянии от полицейских, Ци Баосянь начал громко объяснять им, что все они являются гражданами Китая и не должны сражаться друг с другом. Он также говорил полицейским, что японские захватчики вторглись в Китай, поэтому все жители страны должны быть единодушны в своей борьбе против Японии. Во время своей речи Ци Баосянь был убит внезапным выстрелом. Цзян Цюань, один из переговорщиков, командир взвода был ранен. Поняв, что переговоры закончились безрезультатно, начальник штаба Фэн Чжиган приказал Ван Цзюню атаковать противника с условием: попавших в плен полицейских не убивать. Китайские партизаны, как мы уже отмечали, большей частью были солдатами и с боями вышли из района Нэньцзяна и Нэхэ в даурский район Морин-Дава, поэтому опыта ведения боевых действий у них было достаточно.

Полицейская часть расположилась на холмистой возвышенности, представлявшей удобную позицию для ведения боя. Тем временем Ван Цзюнь приказал второй роте партизан атаковать противника с восточной стороны холма, а третьей роте завязать бой на его западной стороне. После ожесточенного сражения, в которой было уничтожено большое количество полицейских, оставшиеся в живых не выдержали и сдались в плен. Следуя приказу Фэн Чжигана, Ван Цзюнь не стал казнить пленных. Начальник штаба Фэн Чжиган провел с ними беседу. В частности, он сказал, что все жители Китая должны воевать с японскими захватчиками, а не с китайцами. Фэн Чжиган подчеркнул, что хотя партизаны потеряли своих товарищей в этом сражении, они не собираются мстить пленным, поскольку пленные являются

представителями национальных меньшинств Китая. После речи Фэн Чжигана все пленные были отпущены на свободу [Ван Цзюнь, 2015б: 24]. Так закончилась первая встреча партизанского отряда Фэн Чжигана с полицией Маньчжоу-Го на территории даурского района Морин-Дава.

Как показывают вышеприведенные данные, активизация партизанской антияпонской войны в районе Морин-Дава зимой 1939–1940 гг. отчасти была связана с советско-японским противостоянием в районе р. Халхин-гол. К началу Второй мировой войны в сентябре 1939 г. китайские партизаны, основу которых составляли солдаты действующих армий, уже восьмой год вели боевые действия против Квантунской армии и силовых структур Маньчжоу-Го. Большинство даурского населения к 1939 г. серьезно разочаровалось в японском правлении. Причиной, на наш взгляд, была казнь губернатора провинции Северный Хинган Линшэна и его сторонников – даурских чиновников в апреле 1936 г. Китайские партизаны, очевидно, в своих действиях всегда брали в расчет национальную составляющую полиции Маньчжоу-Го, пытаясь вести антияпонскую пропаганду и отпуская на свободу пленных. Действия партизан не могли остаться незамеченными, что выразилось в помощи местного населения. Так шло укрепление позиций партизанских баз на северо-востоке Китая.

Бой между партизанами и полицейским отрядом, развернувшийся в районе даурской деревни Гони в конце июля 1941 г., описан в воспоминаниях очевидца событий Ао Чанцина, которому в ту пору было 13 лет. Он достаточно подробно пишет о прибытии в деревню партизан из гористой местности и захвате в плен полицейских одного из двух участков полиции, находящихся в данном районе; разведывательной деятельности партизан; помощи им паромщика Ли Чжунсиня. Как указывает Ао Чанцин, причиной боестолкновения партизан и полицейских в районе деревни Гони стало убийство двух полицейских. О накале боя свидетельствуют потери сторон: партизаны из 28 чел. потеряли четырех убитыми, троих – тяжелоранеными, 7 чел. получили ранения легкой и средней степени; у полицейских из 33 чел.

выбыла из строя убитыми и ранеными примерно половина отряда [2015: 132]. Таким образом, можно констатировать, что в начальный период Великой Отечественной войны во время тяжелых оборонительных сражений частей РККА против немецких групп армий «Центр» и «Север» под Смоленском в июле 1941 г. в районах проживания дауров в Северной Маньчжурии также имели место локальные ожесточенные боестолкновения партизанских отрядов с местной полицией, армией Маньчжоу-Го, японскими захватчиками.

Активную деятельность развернули хайларские подпольщики. Среди них можно отметить Найралту (*кит.* Го Вэнгуй), работавшего в кооперативном движении Хулун-Буира. Он стал руководителем подпольной группы Хайлара. Известно, что он родился в с. Баян-Тохой в 1905 г., умер в 1956 г. в Пекине. Со стороны СССР на связь с ним выходил Геннадий Николаевич Карлов. По некоторым данным, он отвечал за разведданные, поступающие из северо-восточного Китая. До назначения Г. Н. Карлова в качестве непосредственного руководителя Найралту передавал сведения через агентов в г. Харбин. Для чего ему приходилось под разными предлогами специально выезжать из Хайлара в Харбин. После окончания войны с Японией Найралту работал под руководством Г. Н. Карлова, ставшего заместителем начальника участка железной дороги от Хайлара до Чанчуня. Согласно имеющимся данным, Карлов, вероятно, принимал участие в Великой Отечественной войне на Западном фронте, дошел до Берлина. В 1948 г. он назначил Найралту на должность директора барга-монгольского кооператива [ПМА, 2015]. Ближайшими помощниками Найралту была супружеская пара Хас-Батора (даур) и Цыпылмы (уроженка Бурятии). Что касается Найралту, то он еще с 1924 г. под руководством бурятского деятеля Ц.-Е. Цыдыпова занимался вопросами организации кооперативного движения в Барге. Первоначально разведывательная деятельность началась под прикрытием торговых операций [Ширабон, Раднаев, 2012: 30].

Костяк подпольной организации Хайлара составили дауры пос. Баян-Тохой (Нантун). Эта группа собирала сведения о военных

аэродромах, стратегически важных укрепленных пунктах, военных предприятиях, местах дислокации воинских частей, складов, а также о планах деятельности Квантунской армии, Маньчжурской императорской армии, распределении сил пограничных войск, главных идеях и направлениях военных совещаний. Известно, что подпольщики добывали информацию о военных объектах и воинских частях в районе Хуушан-Барга (Старая Барга). Когда в августе 1945 г. советская авиация бомбила г. Хайлар, то наносила удары по точным координатам, полученным по данным подпольной организации. Например, во время авиационного налета был уничтожен дом японского военачальника Тоди-вана (Тэуди-вана) [ПМА, 2015].

Точные координаты подземных коммуникаций Хайларского укрепрайона были получены подпольщиками от китайского рабочего, сумевшего чудом сбежать с места строительства. Он оказался единственным, кто выжил [ПМА, 2015]. Строительство Хайларского укрепрайона шло с июня 1934 по конец 1937 г. На вооружении в нем были 24 полевых орудия, 16 пушек, 8 гаубиц, 28 средних минометов, 32 зенитки [Бу Пин, 2015: 59]. В местности, позже получившей название «Түмэн Яст» (досл. «Десять тысяч костей»; кит. Ван Чжан Кэ) и находившейся неподалеку от возвышенности Амбан-обоо, были убиты тысячи китайских рабочих. Они были пригнаны на принудительные работы из «внутреннего» Китая, работали на строительстве подземных коммуникаций Хайларского укрепрайона. Что касается оставшегося в живых рабочего, то подпольщики смогли достать поддельные документы и переправить его на родину [ПМА, 2015].

Некоторые подпольщики знали японский язык, служили в местной администрации Маньчжоу-Го. Например, известный генерал Маньчжурской императорской армии Го Вэньтун, даур по национальности, был связан с подпольной организацией и передавал ценные сведения. Затем эта информация через связных или по радиации передавалась советской стороне. Согласно нашим материалам, Го Вэньтун приходился близким родственником Найралту. Однако первоначально Го Вэньтун и Найралту были связаны с

разными разведчиками из СССР, и лишь по прошествии определенного периода времени они узнали, что сообщки работают в подполье.

В Хулун-Буире, в местностях Агуйт и Имин, в 1942–1944 гг. японцы проводили испытания бактериологического оружия (тиф), распространяя его через зараженных собачьих блох. В списке погибших жителей (монголов, эвенков) имеются и дауры. Так, хулун-буирские краеведы Пилжид и Нансалма, проведя опрос информантов в октябре 2004 г., установили имена следующих людей: Сихай, мужчина, 39 лет, умер от заражения в июле 1942 г.; Сянь Чжи, мужчина, 31 год, батрак, умер в 1943 г.; Фушуу, мужчина, 50 лет, умер в 1943 г. [Piljid, Nangsalma, 2008: 73, 76].

После поражения немецких войск под Сталинградом стало ясно, что рано или поздно Германия и ее союзники рано или поздно будут окончательно разгромлены. В мае 1945 г. немецкие фашисты капитулировали, тем самым оставив Японию одну против объединенной коалиции союзных сил. В этот период даурские чиновники и офицеры, служившие в армии марионеточного государства Маньчжоу-Го, стали более четко осознавать нереальность японских лозунгов «Императорская армия должна победить!», «Завершение священной войны». Восемь офицеров военной академии в Вангийн-сумэ (совр. г. Уланхот аймака Хинган автономного района Внутренняя Монголия) провели тайное собрание, на котором обсудили вопросы антияпонской борьбы. Среди них были Ван Хайшань (даур) и Дугаржав (монгол) [История дауров, 2018: 434]. По сведениям южмонгольского историка Тэгуса, вопрос об освобождении Монголии (очевидно, речь идет о Внутренней Монголии – *авт.*) рассматривался еще зимой 1942 г. в г. Токио, где проходило собрание т. н. «Общества хороших соседей» под руководством Хафунга. Всего присутствовало более 10 чел., выпускников различных учебных заведений Японии, среди которых были Ван Хайшань и Тан Юнцзу. В своей речи Хафунга отметил, что «несправедливая война, развязанная Японией, Германией и Италией, неизбежно приведет их к поражению. Монгольская

нация обязательно должна обрести независимость. Поэтому мы должны быть подготовленными к грядущим событиям» [Tegüs, 2007: 51].

10 августа 1945 г. в военной академии в Вангийн-сумэ был издан приказ о переводе курсантов в район Чжэнцзясюаня. Вангийн-сумэ в этот период был одним из узловых центров Маньчжоу-Го. Помимо военной академии, здесь работали 2 института по подготовке педагогических кадров. Согласно приказу, все курсанты и офицеры академии должны быть организованы в 4 группы. Во главе их были поставлены японские офицеры. Четвертая группа состояла из курсантов-новобранцев и курсантов второго года обучения. Командование военной академии решило, что группы в своем передвижении должны соблюдать интервал, расстояние между ними должно составлять примерно 10 км. Вечером 10 августа Ван Хайшань и группа офицеров (куда входили монголы и дауры) собралась на экстренное совещание, на котором было принято решение о ликвидации японских офицеров [История дауров, 2018: 434–435].

Детали военного мятежа, поднятого курсантами пехотного училища в Ваньмяо в августе 1945 г., в частности, входившими в третью маршевую группу, раскрываются в воспоминаниях участника событий курсанта Бухэ. Автор, несмотря на прошествование многих лет и уход из жизни ряда сокурсников-курсантов, с почтением вспоминает товарищей Дугаржава и Удама, вызвавшихся устранить высокопоставленного японского офицера 10 августа 1945 г.; песню курсантов, где были вдохновляющие их слова: «Утренняя заря сияет на широкой и длинной реке Онон, являющейся родиной нашего монгольского народа. Благодатная земля...» [2015: 375–377]. Более подробная информация об этом вооруженном выступлении приводится в мемуарах Ван Хайшаня, руководителя мятежа. Он также упоминает о тайном совещании восьми курсантов, состоявшемся зимой 1944–1945 гг. [Ван Хайшань, 2015: 323].

Утром 11 августа 1945 г. 4 группы курсантов, ведомые офицерами, прибыли к северной части местности Гэгэн-сумэ. Во время привала офицеры

– участники заговора – Э Сюфэн (даур), Бао Чжуанцин и Хао Юнфан застрелили нескольких японских офицеров, включая лейтенанта Йошикаву. После получения известия о начале мятежа восставшими были убиты японские офицеры в третьей группе, в том числе майор Отани. Затем монгольские офицеры и курсанты первой и второй групп перебили своих командиров-японцев. После ликвидации японских офицеров инициативной группой восстания было принято решение о возвращении в Вангийн-сумэ и переходе на сторону народной армии Китая [История дауров, 2018: 434–435]. По воспоминаниям Бутэгэгчи, затем курсанты были поделены на 4 группы во главе с Ван Хайшанем, Радна, Буянту и Бутэгэгчи. Когда группы начали движение в северном направлении для встречи с Красной армией, то услышали вести об основании советскими войсками в Вангийн-сумэ штаба обороны города и создании Народно-революционной партии Внутренней Монголии во главе с Хафунга и Тэмурбагана [Bütegegči, 2007: 106].

По другим данным, под руководством Хафунга и Буянмандаха был создан «Комитет освобождения Внутренней Монголии» [Ван Хайшань, 2015: 325]. По воспоминаниям С. Д. Дылыкова, вышеотмеченные события, связанные с воссозданием партии, имели место позднее, 18 августа 1945 г. Тогда был созван съезд Народно-революционной партии Восточной Монголии, на котором генеральным секретарем партии был избран Хафунга, ранее работавший секретарем губернатора Объединенной Хинганской провинции Маньчжоу-Го монгола Буянмандаху [2021: 113]. В мемуарах Бухэ говорится, что после ликвидации японских офицеров руководитель мятежа Ван Хайшань дал команду всем группам курсантов продвигаться в северном направлении. Через некоторое время курсанты столкнулись с советскими танками [2015: 376]. По всей видимости, это были машины 6-й гвардейской танковой армии, 12 августа стремительно преодолевшей хребты Большого Хингана. Появление сотен танков в глубине обороны на четвертый день войны, несомненно, способствовало успеху Маньчжурской стратегической

наступательной операции (9 августа – 2 сентября 1945) [Историческая энциклопедия, 2010б: 320–321].

В августе 1945 г. во время наступления частей Красной армии в Маньчжурию генерал Го Вэньтун поднял мятеж и добровольно сдался советским войскам. Связавшись с Г. Н. Карловым, командование передовых частей Красной армии выяснило, что Го Вэньтун является членом подпольной антияпонской организации [ПМА, 2015]. Другим высокопоставленным военным из числа дауров являлся генерал-майор Го Вэньлин, который был третьим по счету начальником офицерской школы сухопутных войск в Вангийн-сумэ (после 1941 г.). Первым начальником школы был генерал-лейтенант Бадма-Рабдан (совмещал должность с основной деятельностью), вторым – генерал-майор Ганчжуржав (1939–1941) [Rašidava, 2017: 62–63]. Го Вэньлин известен как организатор вооруженного мятежа в августе 1945 г. в районе р. Шэнэхэн Солонского хошуна. Тогда монгольские солдаты и офицеры убили своих японских офицеров и полностью избавились от японского владычества [Abida, Vodo, 2017: 34]. 9 августа 1945 г. в 9 часов утра командующий войсками Квантунской армии в районе Хайлара генерал-лейтенант Номура отдал приказ командующему 10-м военным округом армии Маньчжоу-Го генерал-лейтенанту Го Вэньлину отступить в сторону хребта Большой Хинган. В 17 часов вечера того же дня Го Вэньлин и начальник штаба Чжэнчжуржаб (монгол) прибыли в пос. Нантунь. Сюда же прибыли 2 кавалерийских полка: 50-й и 51-й. 10 августа 1945 г. в 2 часа ночи более 500 солдат под командованием Го Вэньлина и Чжэнчжуржаба выступили из Нантуня в юго-восточном направлении. Во время марша вышеуказанные военачальники пришли к выводу о необходимости радикальных мер ввиду быстро меняющейся обстановки. Было решено убить всех японских офицеров, следующих с ними, и сдаться в плен советским войскам. Время выступления было назначено на утро 11 августа. Го Вэньлин попросил Чжэнчжуржаба проинформировать об этом решении надежных офицеров из числа монголов (включая дауров). Прибыв к р. Шэнэхэн, полки расположились на привал, что

вызвало недовольство японских офицеров. В частности, командир артиллерийской батареи майор Осима (японец), выхватив саблю, требовал ускорения темпов движения. В ночь с 10 на 11 августа офицеры – участники вооруженного мятежа вновь обсудили на тайном совещании детали выступления. В итоге было принято решение о продолжении движения на восток утром 11 августа, чтобы усыпить бдительность японцев. После трех сигнальных выстрелов приступить к их ликвидации. Утром 11 августа 1945 г. во время марша восточнее местности Шэнэхэн-сумэ прозвучали 3 выстрела. В течение 10 минут все японцы численностью более 20 чел. были перебиты. Затем Го Вэньлин распорядился отправить парламентаря, бурята Жамсарана (в свое время являвшегося учителем русского языка) с предложением о сдаче в плен [История дауров, 2018: 440].

По другим данным, большое содействие Го Вэньлину оказал глава Солонского хошуна, бурят Бадмын Сэрэн. Именно он отправился к отряду Красной армии, прибывшему в местность Баян-хошуу, на правом берегу р. Имин, и сообщил о предстоящей сдаче в плен военнослужащих 10-го Хинганского военного округа [Согтын Жамса, 2017: 62]. После переговоров, 12 августа 1945 г. в 5 часов утра в местности Улан-Харгана Советская армия разоружила солдат Го Вэньлина [История дауров, 2018: 440]. По данным информаторов, место, где солдаты бросали японские шапки и оставили лошадей, ныне называется Малгай гарта. После сдачи в плен Го Вэньлин дал подробные показания командованию Советской армии 14 августа 1945 г. Известно, что в годы «культурной революции» он был осужден, погиб в 1969 г. В целом все вышеотмеченные сведения об участии даурских офицеров, солдат и курсантов в антияпонских военных мятежах в августе 1945 г. подтверждаются мемуарами С. Д. Дылыкова, где говорится, что китайские и монгольские марионеточные формирования в отличие от японских войск почти не вступали в бой. Были случаи, когда монгольские отряды, прежде чем сдаться в плен, уничтожали своих японских советников и инструкторов [2021: 108]. По воспоминаниям генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза

В. Р. Бойко, войска марионеточного режима Маньчжоу-Го сдавались в плен целыми частями, например, в 3 км севернее Ваньмяо был взят в плен отдельный кавалерийский полк с командиром, 14 августа 1945 г. в штаб 113-го стрелкового корпуса приехала машина с офицерами войск Маньчжоу-Го, заявившими, что 2-я Хинганская кавдивизия в составе более 2 тыс. чел. китайцев и монголов сдается в плен [По дорогам Китая, 1989: 316].

В разных местах Хулун-Буира имелись агенты подпольной антияпонской организации. Например, Гончикжаб в Восточной и Западной Барге, Ичинтай в Солонском хошуне, Ачинга в Хуучин-Барга. Агент Э Жин Чун, цицикарский даур, из рода эсур, был знаком еще с Мэрсэ. Работал агентом подполья в г. Цицикар, один раз в году доставлял сведения. Дэ У Мин, даур из рода дэдуул, начиная с 1933 г. поддерживал связь с Найралту и также раз в год доставлял сведения в Хайлар. Членами подполья в хошунах Барги также были Эрхэмбаяр, Хуо Минтай, Бодижаб [ПМА, 2015].

После окончания конфликта на р. Халхин-гол в 1939 г. японские оккупационные власти опубликовали Закон о государственной границе и Закон об общественном порядке, и создали Комиссию по охране государства. Было очень опасно проводить подпольную работу в таких жестких условиях. Работа подпольщика требовала многих лишений, например, радистка Сяюнь была вынуждена расстаться со своим ребенком [Ширабон, Раднаев, 2012: 30]. Некоторые подпольщики отдали свои жизни, проводя опасную тайную работу. В 1941 г. после обучения в СССР вернулся на родину Жун Му и начал подпольную деятельность. Он был схвачен японской контрразведкой и погиб, никого не выдав. Обстоятельства его ареста и гибели неизвестны. О другом члене подпольной организации – Сухэ-Баторе из дошедших до наших дней данных его биографии известно, что с 1920 по 1929 г. обучался в начальной и средней школах г. Хайлара. В 1932 г. был направлен для обучения в г. Улан-Удэ. Период его жизни с 1932 по 1941 г. неизвестен. Можно предположить, что Сухэ-Батор продолжал проживать в СССР, поскольку имеется информация, что в августе 1941 г. его обвиняли в связях с японцами.

Обвинение, очевидно, было снято, и с 1941 по апрель 1944 г. Сухэ-Батор 5 раз переправлялся через р. Аргунь, доставляя разведданные. Весной 1944 г., по другим сведениям, в 1943 г., связной Сухэ-Батор в очередной раз тайно вернулся из СССР в Хулун-Буир. Получив данные для передачи советской разведке, отправился в обратный путь. Однако попал в тщательно спланированную японцами засаду. Есть сведения о том, что об этой опасности Сухэ-Батора предупреждал руководитель подполья Найралту, в частности, он говорил, что там будет много японских солдат. Засев в прибрежных камышах, связной, отстреливаясь, сумел сжечь материалы. Часть данных проглотил. Поняв, что ситуация безвыходная, отстреливался до конца. Последней пулей Сухэ-Батор покончил с собой.

Героиней подпольного антияпонского сопротивления также можно назвать Хай Юри (Хай Руи), происходившую из даурского рода аола. Из ее биографии известно, что она закончила в 1929 г. Восточный университет в Москве и после окончания работала в Улан-Баторе, по другим данным – в Шилинголе (Внутренняя Монголия). В 1934 г., вернувшись на родину в Хулунбуир, сообщила родственникам, что у нее теперь есть новое имя – Манила (очевидно, Марина – *авт.*). В местностях Кайлу, Бэйфан, Хувахэ она установила точки подпольной радиосвязи и передавала разведданные советской разведке. Хай Юри занималась сбором секретных военных данных о японских воинских частях, дислоцированных в Маньчжоу-Го. В 1944 г. по подозрению в шпионаже в пользу СССР Хай Юри была арестована и посажена в тюрьму в населенном пункте Хувахэ. Ей удалось бежать, однако японцы начали быстрое преследование, чему способствовал недавно выпавший снег. В ходе преследования Хай Юри была убита. По другим данным, она погибла при переходе границы Маньжоу-Го – СССР [ПИМА, 2015].

Немало подпольщиков погибло от рук вражеской контрразведки. Есть сведения о том, что в подпольную организацию был внедрен японский агент. Героически погиб в 1944 г. Хас-Батор, подвергнутый в японских застенках

мучительным пыткам. Еще до его смерти погибла его жена Цыпылма. Обстоятельства ее гибели до сих пор не известны.

Были подвергнуты жестоким пыткам и погибли, так и не выдав никого, связной Элдэнгэ, 22 лет; подпольщик Хаулинтай. За все время существования подпольной организации не было ни одного случая предательства. Есть мнение, что дело было даже не в особом героизме подпольщиков, просто все члены подполья состояли в родственных связях, поэтому арестованные не могли выдать своего дядю, племянника, брата [ПМА, 2015].

Одним из связных подпольной группы был хайларский даур Эрдэм-Билиг Сандиев (Дун Бао), начавший свою разведывательную деятельность еще во время конфликта на р. Халхин-гол, где в составе оперативной группы ГУ госбезопасности НКВД выполнял специальные задания. В 1942 г. контрразведчики вышли на него, но ему вовремя удалось переплыть пограничную реку Аргунь. Отважный разведчик был награжден орденом Красного Знамени, медалями за участие в конфликте на р. Халхин-гол и «За победу над Японией». Дочь Эрдэм-Билига – Маруша (была названа в честь женщин семьи Сахьяновых, оставивших большой след в развитии образования в Барге) с 14 лет работала у высокопоставленного японского военного и добывала нужные сведения. После войны Маруша стала известной учительницей, выучившей многих шэнэхэнских бурят [Ширабон, Раднаев, 2012: 30].

В период наступления Квантунской армии в 1931 г., совпавшего с активизацией отрядов хунхузов, даурское население сопереживало китайским войскам генералов Ма Чжаншаня и Су Бинвэня, оказывало им посильную помощь. Если в 1932–1936 гг. дауры вступали в антияпонские партизанские отряды крайне редко, то ситуация меняется с весны 1936 г. после казни губернатора провинции Северный Хинган Линшэна и трех чиновников-дауров. Изучение деятельности Линшэна, включая его участие в переговорах между МНР и Маньчжоу-Го в 1935 г., показывает разочарование даурского функционера в истинных мотивах японцев, вылившееся позже в критику

основных проблем Японии. На наш взгляд, казнь Линшэна и его соратников возымела обратный эффект в виде роста недовольства в даурском обществе и, как следствие, активизацию подпольной антияпонской борьбы. Она имела свои локальные особенности: если хайларские дауры во главе с Найралту занимались сбором разведанных для советских спецслужб, то бутхаские дауры оказывали помощь китайским партизанам (Прил. 9). Испытания японцами бактериологического оружия (тиф) в 1942–1944 гг. в районе Имин на народах Хулун-Буира, в том числе и на даурах, лишь усиливали неприязнь местного населения к оккупантам. Завершающим аккордом антияпонской борьбы стали военные мятежи в армии Маньчжоу-Го, в которых активное участие приняли офицеры и курсанты даурской национальности.

Выводы по главе 3.

Власти Хулун-Буира и даурских районов Бутхи и Цицикара с ожиданием позитивных перемен встретили появление японских войск в регионе и создание Маньчжоу-Го. О благосклонности японцев к коренному населению свидетельствовали и назначения дауров на руководящие должности на провинциальном и хошунном (районном) уровнях. Хотя со временем выяснилось, что реальная власть на местах принадлежит японским советникам. Успешное административно-территориальное и социально-экономическое реформирование не могло смягчить эффект от все более ужесточающейся налоговой и переселенческой политики. В даурском обществе постепенно росло недовольство, набравшее силу после казни в 1936 г. губернатора провинции Северный Хинган Линшэна и его чиновников.

Как показывают данные, в 1932–1936 гг. даурское население, за редким исключением, не принимало активного участия в антияпонской борьбе. На наш взгляд, казнь даурских чиновников в 1936 г. была катализатором роста антияпонских настроений в даурском обществе, которое со временем проявилось в создании и активизации подпольной группы в Хайларе и усилении помощи китайским партизанам в Бутхе. К этому времени, очевидно, также восходят причины участия даурских офицеров и курсантов в военных

мятежах в армии Маньчжоу-Го. Ближе к окончанию Второй мировой войны они были усилены данными о несомненном поражении Японии и ее Квантунской армии.

ГЛАВА 4. НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АВТОНОМНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДАУРОВ (1945 г. – конец XX в.)

4.1. Послевоенные административные реформы Китайской Республики и КНР в отношении национальных автономий дауров

Кардинальные изменения в Китае, произошедшие в середине XX в., не могли не затронуть и общества малочисленных этносов северо-восточной окраины государства, включая дауров. Как и в других национальных районах Китая, население даурских районов принимало участие в национально-освободительном движении, аграрных реформах, организовывало съезды народных представителей. Одним из основных достижений даурского этноса в этот период стало образование национальных автономий.

Из вышеотмеченных параграфов диссертационной работы отчетливо видно, что дауры, как и многие другие народы Китая, на протяжении первой половины XX в. были задействованы во многих исторически значимых событиях, включая и участие в различных военных действиях. Как отмечал советский историк В. Г. Гельбрас, в этот период в Китае большая часть населения находилась в составе сил революции и контрреволюции; милитаристов; вооруженных отрядах, формируемых кланами и состоятельными лицами; бандитских шаяк [1980: 27]. Не были исключением и дауры. Они, как и все китайское общество первой половины XX в., фактически не находились в состоянии мирного существования.

После изгнания японских захватчиков в 1945 г. даурский народ встал перед историческим выбором: Гоминьдан или КПК. Дауры, включая и высшее сословие, решили поддержать КПК, поскольку, по мнению народа, только следуя за Коммунистической партией, действительно можно было реализовать желание стать хозяином на своей земле [Сборник научных..., 2002: 3].

Тем временем во Внутренней (Западной) Монголии и монгольских районах северо-восточного Китая (Восточной Монголии) развернулось демократическое движение за автономию. Опираясь на него, руководство КПК и командование 8-й армии командировало многих кадровых работников в северо-восточные районы Китая. В сентябре 1945 г. было создано Северо-Восточное бюро ЦК КПК, а также образованы 4 его филиала: 1) Восточно-Маньчжурский; 2) Западно-Маньчжурский; 3) Северо-Маньчжурский; 4) Южно-Маньчжурский [История Северо-Восточного..., 2004: 16]. 5 октября 1945 г. в Ваньмяо был создан Союз революционной молодежи Внутренней Монголии, секретарем которой был избран Тэмурбагана [Batubayana, Altanvçir, 2007б: 2].

Гоминьдановское правительство не желало сдавать свои позиции, организовало выступления прояпонских элементов марионеточной администрации, полицейского аппарата и бандитских отрядов против установления власти КПК. В сентябре 1945 г. во многих городах и уездах Хэйлунцзяна были образованы отделения Гоминьдана [История Северо-Восточного..., 2004: 16]. Гоминьдан стремился получить политическую поддержку со стороны землевладельцев и после победы над японцами обнародовал ряд мер, в числе которых были отказ на год от сбора поземельного налога в освобождаемых от японской оккупации районах, передача 70 % сборов поземельного налога местным властям. Однако инфляция нарушила эти планы и вынудила гоминьдановское правительство предпринять большие усилия для увеличения сбора поземельного налога. Уже в первый послевоенный год (1945/46 фин. г.) этот налог составил около 15 % доходной части бюджета, а на второй и третий он превышал 20 % [Меликсетов, 1977: 216].

Начались вооруженные стычки частей КПК с гоминьдановской армией. Осенью 1945 г. ЦК КПК дал директиву своим вооруженным силам в Северном Китае «завоевать все, что можно завоевать». Столкновения с

гоминьдановскими войсками проходили на фоне переговоров КПК и Гоминьдана [Меликсетов, 1989: 58].

По данным южномонгольских исследователей Батубагана и Алтаночира, после освобождения от японцев в августе 1945 г. в Хулун-Буире царила неопределенная обстановка. Хотя японская колониальная администрация была свергнута, на деле у власти остались старые чиновники Маньчжоу-Го. Войска СССР находились в Хулун-Буире до мая 1946 г. Руководство Гоминьдана опасалось, что в регионе придет к власти КПК с 8-й армией НОАК. В октябре 1945 г. была создана автономная провинция Хулун-Буир. Состав правительства был разнородный, в нем имелись различные группы, между которыми были противоречия. Они не были готовы к встрече ни с КПК, ни с ее вооруженными силами, и в то же время в их составе не было группы, которая бы могла противостоять Гоминьдану. Поэтому в городах и деревнях, подвластных правительству автономной провинции Хулун-Буир, усилилась тайная работа разведки Гоминьдана [Batubayana, Altanvčir, 2007a: 123]. Есть мнение, что вышеуказанное правительство было создано во многом силами чиновников-выходцев из числа дауров. Просуществовало оно недолго, в 1946 г. правительство было упразднено и властные полномочия переданы автономному правительству Внутренней Монголии и администрации аймака Нонни-Мурэн, созданного на основе провинции Восточный Хинган. Аймак Нонни-Мурэн вскоре был ликвидирован, поэтому в границах всего Хулун-Буира для дауров не оставалось политической ниши [Uradyn Erden Bulag, 2002: 161].

В начале октября 1945 г. провинциальное руководство КПК решило создать т. н. Цицикарскую национальную бригаду самообороны. 20 ноября 1945 г. по приказу комитета КПК и военного округа провинции Нэньцзян создана монгольская бригада самообороны. Поскольку дауры официально не являлись отдельным народом, было решено назвать бригаду «монгольской». Командиром бригады стал Е Сюфэн, комиссаром – Е Нэн. Первоначально в бригаде было 180 бойцов [Маньдуэрту, 2007: 93]. Есть мнение, что в конце

1945 г. в районе Цицикара была сформирована, по сути, даурская автономная армия во главе с Е Сюфэном [Улисы Вэйжун, 1989: 23]. Монгольская бригада самообороны в ноябре 1945 г. в с. Хала вступила в бой с отрядом Гомиьндана под командованием Е Юньлина. Противник был разгромлен, его потери составили 10 чел. убитыми, 30 – пленными. После этой победы численность бригады увеличилась до 350 бойцов. В декабре 1945 г. ее силами ликвидирован бандитский отряд, терроризировавший с. Янцзяпу [Маньдуэрту, 2007: 93]. В мемуарах генерал-майора А. И. Ковтун-Станкевича, в 1945–1946 гг. работавшего на должности коменданта г. Мукден, отмечены случаи бандитизма на территории Маньчжурии еще в августе 1945 г. В частности, он писал, что широко разветвленная сеть банд наводила ужас на население, а местная полиция не только не принимала мер, но, по имеющимся сведениям, сама участвовала в грабежах [По дорогам Китая, 1989: 347].

Под руководством КПК в октябре-ноябре 1945 г. создано монгольское правительство провинции Нэньцзян, сыгравшее важную роль в стабилизации обстановки в регионе. Тем самым сделаны первые шаги на пути к автономии цицикарских дауров [Сборник научных..., 2002: 4]. Так, в ноябре 1945 г. в с. Дахутянь кадровые работники КПК Чжоу Ган, Чжан Пэйкай, Фан Диго и Сяо Лэй во главе с Ян Аном создали органы народной власти [Исследование даурского..., 1999: 35]. Новые органы власти на местах поддержали кампанию КПК по снижению арендной платы и ссудного процента, провозглашенную в конце 1945 г. Данная политика коммунистов была эффективной мерой по мобилизации народных масс на поддержку КПК во вновь освобожденных районах [Белоглазов, 2009: 18]. В то же время она отчасти рассматривалась как некая уступка Гомиьндану и помещикам, что порождало весьма противоречивые и порой радикалистские настроения в руководстве КПК [Меликсетов, 1989: 74]. Между тем конфронтация между КПК и Гомиьнданом продолжала углубляться, гомиьндановские силы усилили свои позиции в Цицикаре. В этой ситуации руководство КПК приняло правильное решение оставить город и отойти на север, в районы Ганьнань, Арун. 30 декабря

1945 г., согласно плану, началась эвакуация органов народной власти провинции Нэньцзян и г. Цицикар, а также подведомственных КПК организаций и учреждений. Маршрут коммунистических сил пролегал через с. Дахутянь, где в течение 2 дней располагался командный пункт войск КПК. 31 декабря 1945 г. Рабочий комитет КПК провинции Нэньцзян принял решение о формировании фронтовой рабочей группы в с. Дахутянь. Начальником группы назначен заместитель секретаря и заведующий организационным отделом Цицикарского городского комитета КПК Юй Хангуан. В руководящий состав группы также вошли командир частей охраны железной дороги Го Вэйчен, заместитель губернатора г. Цицикар Ли Дашоу, заместитель начальника милиции г. Цицикар Чо Миньюань, заведующий организационным отделом администрации г. Цицикар Хэ Лин, заведующий отдела агитации и пропаганды г. Цицикар Чжоу Ган, начальник уездной милиции Сяо Лэй [Исследование даурского..., 1999: 36]. В их распоряжении был оставлен полк охраны железной дороги. Таким образом, территория уезда Лунцзян на определенный период времени стала линией фронта между противоборствующими сторонами. Начинаясь новый кратковременный период решающих сражений китайских коммунистов с силами Гоминьдана.

Бутхаские дауры также поддержали КПК. Как известно, для укрепления своих позиций Северо-Восточное бюро ЦК КПК назначало кадровых работников и военную элиту – профессионально подготовленных военных на работу в различные административные районы. В результате назначения руководства КПК в Буси (прежнее название хошуна) прибыл Чэн Лисинь, командир 2-й дивизии новой 4-й армии. Вместе с ним были направлены 2 его соратника - Ван Вэн и Ся Фужень и, очевидно, отряд солдат 8-й армии КПК [Даурский автономный хошун, 1998: 741]. Следует отметить, что в этот период главным источником пополнения административно-управленческого состава на местах явилась НОАК. По всей стране до конца 1955 г. из армии на гражданскую работу были направлены 5 млн чел. [Гельбрас, 1980: 178].

Прежнее начальство хошуна Буси, потерявшее опору в лице японцев, к тому времени предприняло попытку установления антикоммунистической власти. Прибыв на территорию хошуна, Чэн Лисинь наладил связь с местным вооруженным отрядом самообороны, известным как «большая монгольская бригада» (*монгол их бригад*). Этот отряд отличался хорошей организацией, его бойцами в большинстве своем были охотники, меткие стрелки. «Большая монгольская бригада» тепло встретила прибывший в Буси отряд 8-й армии КПК. Затем отряд без боя вступил в г. Нэхэ, поскольку территория города охранялась силами «большой монгольской бригады». Прибытие вооруженных сил КПК привлекло на сторону партии революционно настроенную молодежь хошуна, которая стала следовать за отрядом. Сторонники гоминьдановского правительства, предвидя скорую расправу, прекратили активные действия и, вероятно, часть их покинула территорию хошуна. Поскольку вопрос о власти был основным, то на территорию хошуна Буси прибыли отряды КПК во главе с Ван Вэном – комиссаром военного округа Нонни-мурэн и командиром Ин Дэу. Объединившись с «большой монгольской бригадой», они образовали достаточно сильную группировку войск КПК [Даурский автономный хошун, 1998: 741].

В январе 1946 г. территория хошуна Буси была освобождена от гоминьдановцев; учреждена администрация хошуна [Хулун-Буир жибао. 2018. № 3. 14 августа]. 15 января 1946 г. Чэн Лисинь стал временно исполняющим обязанности главы хошуна Буси. Руководителями отделов в органах местной власти также были назначены члены КПК. 24 февраля 1946 г. состоялся съезд делегатов от всех народов, проживающих в хошуне Буси. Главой хошуна избран Мэн Сишунь. Несмотря на его избрание, Чэн Лисинь по-прежнему оставался в должности временно исполняющего главы. В апреле 1946 г., по другим данным, в марте 1946 г. [Хулун-Буир жибао. 2018. № 3. 14 августа] хошун Буси был включен в состав аймака Нонни-мурэн Внутренней (Восточной) Монголии и название «Буси» было изменено на «Морин-Дава» [Даурский автономный хошун, 1998: 741].

Надо полагать, что вышеотмеченные апрельские события происходили в тесной связи с движением монгольского народа за автономию. Как известно, в апреле 1946 г. в г. Чэндэ (пров. Жэхэ) по инициативе КПК состоялась Объединительная конференция представителей Комитета движения за автономию Внутренней Монголии и автономного правительства Восточной Монголии. Работой конференции руководил Уланху. На ней было решено объединить движение монгольского народа за автономию в обеих частях Внутренней Монголии. Резиденцией Объединенного хурала и временной столицей Внутренней Монголии был утвержден г. Чифэн (*монг.* Улаан-Хад) [Дылыков, 1953: 65–66]. В хошуне Морин-Дава был создан местный хурал (комитет) движения за автономию, находившийся в подчинении у аймачного комитета.

В соответствии с кадровой политикой КПК, Чэн Лисинь был переведен на работу в другую местность. После его перевода, молодые соратники из числа дауров – Сайр и Ачлаалту создали группу пропаганды и, выезжая в поселки и деревни, разъясняли населению идеи и принципы китайских коммунистов, сущность борьбы с Гоминьданом, рассказывали о методах борьбы гоминьдановцев против коммунистов, подавлении ими народно-революционного движения. Таким образом, Чэн Лисинь сыграл важную роль в установлении народной власти в хошуне. К основным итогам его деятельности можно отнести: во-первых, создание местной коммунистической ячейки и привлечение в нее передовой молодежи. Принято выделять две волны даурской молодежи, пришедшей в КПК: 1) активисты, участвовавшие в демократических преобразованиях хошуна; 2) молодежь, привлеченная на работы в 43-й воинский полк. Таким образом, число членов КПК в хошуне превысило 100 чел. Впоследствии эти молодые люди стали основной революционной силой в хошунах Бутха, Арун, Баян аймака Хулун-Буир. Во-вторых, Чэн Лисинь успешно претворял в жизнь аграрную реформу. Распределение земли он проводил поэтапно: 1) в селении Ванбаошань был успешно осуществлен эксперимент. Суть его заключалась в том, что под

руководством Ся Фуженя состоялось обучение крестьянской бедноты и установление дружественных отношений со всеми крестьянами. Затем конфисковывались земли у богатых землевладельцев и их передача беднякам-крестьянам; 2) аналогичным образом осуществлено распределение земли в трех селениях – Синвэн, Уркуо, Боорун; 3) движение за земельные преобразования в хошуне Морин-Дава активизировалось после успешного завершения объединенного съезда народных представителей Западной и Восточной Монголии в мае 1947 г. Следует отметить, что основным итогом этого съезда явилось образование 1 мая 1947 г. автономного правительства единой Внутренней Монголии, которое возглавил Уланху. С этого времени берет свое начало история Автономного района Внутренняя Монголия.

Что касается аграрной реформы в хошуне Морин-Дава, то в ходе трех ее этапов было полностью ликвидировано помещичье землевладение. Конфискованная земля передана беднякам-крестьянам. Опираясь на передовую молодежь, Чэн Лисинь основал крестьянские комитеты, а также крестьянские отряды самообороны. Для их создания в поселках и деревнях была организована выдача оружия крестьянам, чтобы они сами могли охранять свои дома и земли.

В-третьих, Чэн Лисинь включил в состав революционных вооруженных сил «большую монгольскую бригаду», внедряя в нее членов КПК. В-четвертых, при нем были полностью ликвидированы грабежи населения. В тот период на территории хошуна имелись банды, часть которых была лояльно настроена к Гоминьдану. Под руководством Чэн Лисиня успешно проведены операции по их ликвидации [Регулярные записи, 2008: 460-466]. Как известно, наведение порядка и уничтожение многочисленных отрядов туфэев (бандитов) была первоочередной задачей КПК в северо-восточном Китае [История Северо-Восточного..., 2004: 24–25].

В августе 1947 г. на основе успешно проведенных аграрных преобразований проведен съезд народных представителей хошуна Морин-Дава. Главой хошуна был избран Сайн Эрхуу (даур по национальности),

заместителем– Ли Чжиньюнь. Сайн Эрхуу управлял хошуном недолго, 16 февраля 1948 г. правительство АРВМ назначило товарища Дэ Гуанчи новым главой. Ли Чжиньюнь остался на должности заместителя [Даурский автономный хошун, 1998: 741]. О причинах этого неожиданного назначения у нас нет данных. По всей видимости, имело место явно не рядовое событие, повлекшее кардинальную кадровую перестановку. На этот счет можно высказать два предположения: 1) августовский съезд 1947 г. прошел без получения санкций вышестоящих ведомств, поэтому правительство АРВМ было вынуждено отреагировать на самостоятельность хошунной администрации; 2) Сайн Эрхуу в управлении хошуном начал допускать перегибы, что было замечено на правительственном уровне. По данным даурского исследователя Телинга, новое назначение в хошунной администрации состоялось в декабре 1948 г., когда Ачлалту (даур по национальности) вступил на должность заместителя главы хошуна [Даурский автономный хошун, 1998: 741].

В эти годы продолжалось усиление влияния КПК в хошуне. Так, в конце 1947 г. в населенных пунктах хошуна Морин-Дава действовала 21 партийная ячейка, членов КПК стало 136 чел. В конце 1948 г. насчитывалась 41 ячейка, численность коммунистов достигла 315 чел. В 1949 г. партийных ячеек было 52, членов КПК – 550 чел. [Регулярные записи, 2008: 460–466].

Весной 1949 г. произошли новые административно-территориальные изменения в АРВМ, затронувшие хошун Морин-Дава. 11 апреля 1949 г. правительство АРВМ издало указ об объединении аймаков Хулун-Буир и Нонни-мурэн. Новая административно-территориальная единица стала называться Хулун-Буир и Нонни-мурэн аймак, сокращенно Ху-На (от первых слов в названиях аймаков 呼 ху, 纳 на; Нонни-мурэн на кит. яз. звучит как 纳文慕仁 Навэн-мурэн). Относившийся к аймаку Нонни-мурэн Баян-хошун утратил статус административной единицы уездного уровня и был включен в

состав хошуна Морин-Дава в качестве сомона (волости) [Хулун-Буир жибао. 2018. № 3. 14 августа].

В феврале 1950 г. состоялось собрание народных представителей района, на котором присутствовал 201 чел. На этом собрании с кратким отчетом о проделанной работе района за 4 года выступил секретарь районного комитета КПК Ачлалту. На нем было также принято постановление о дальнейшем развитии сельскохозяйственного и лесного производства, об укреплении экономики, увеличении доходов населения и поддержке промышленности. Усиливала свои позиции КПК, в конце 1950 г. во всем районе рассчитывалось 11 партийных комитетов, 64 партийные ячейки и 898 членов КПК. В октябре 1950 г. в КНР проходило празднование первой годовщины образования КНР. В торжественных мероприятиях государственного масштаба принял участие и представитель дауров, ученый и каллиграф Мэн Сишунь. В частности, он присутствовал на встречах с руководством страны, включая Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Лю Шаоци; посетил промышленные предприятия, учебные заведения и достопримечательности Пекина [Даурский автономный хошун, 1998: 38].

Октябрь 1950 г. вошел в историю КНР не только в связи с празднованием годовщины образования КНР. На совещании ЦК КПК 4–5 октября 1950 г. было принято решение об отправке в Корею китайских частей. 8 октября 1950 г. Мао Цзэдун отдал приказ о создании Корпуса китайских народных добровольцев [Шин, 1998: 23]. Китайское руководство было вынуждено форсировать события, поскольку командующий войсками ООН генерал Макартур предложил американскому правительству перенести военные действия на территорию КНР и начать бомбардировку объектов в Маньчжурии [Солин, 2010: 212]. Определенную роль, вероятно, играл фактор корейских коммунистов, воевавших за Мао Цзэдуна в годы гражданской войны в Китае. Известно, что они в количественном отношении приравнялись к трем полноценным дивизиям и сыграли важную роль в начале Корейской войны [Асмолов, 2018: 102].

4 ноября 1950 г. КПК распространило следующее воззвание народу: «Выполним священный долг по защите Родины, оказывая помощь Корею и сопротивление США» [Morindabaya, 1988: 69]. Тогда же, в ноябре 1950 г., в соответствии с Положением о создании народного ополчения было сформировано народное ополчение района Морин-Дава. Командиром стал Мэн Линьюань [Даурский автономный хошун, 1998: 38]. Неизвестно, принимало ли указанное ополчение участие в боевых действиях на Корейском полуострове, поскольку в тексте изучаемых нами монографий сведений о боевом пути ополчения не имеется. Следует заметить, что к этому времени в даурских землях проживали небольшие группы корейского населения. Например, в 1943 г. в с. Чжабуха, где жили цицикарские дауры, обосновались 13 корейских крестьян, нанятых японцами для поднятия целины [Исследование даурского..., 1999: 35]. В целом районный комитет КПК и органы народной власти района Морин-Дава активно включились в дело помощи Корею (в трактовке даурских исследователей как «Корея», без деления на КНДР и Республику Корея – *авт.*), защиты достижений революции, вновь созданной народной власти. В районе Морин-Дава неоднократно проводились народные собрания, на которых осуждались агрессивные действия США по отношению к Корею и КНР, а также вопросы повышения производительности труда, предупреждения и пресечения возможной разведывательной деятельности иностранных государств; организации сбора материальной и финансовой помощи Корею, оказывающей сопротивление США. В частности, вопрос о сборе помощи для китайских народных добровольцев был поднят партийным секретарем Ачлалту на II съезде районного комитета КПК (25–30 декабря 1951 г.).

В годы Корейской войны население района Морин-Дава на свои средства приобрели самолет и артиллерийское орудие. Из 5 млн 700 тыс. юаней, собранных в северо-восточном регионе (вероятно, речь идет о провинции Нэньцзян – *авт.*), 1 млн 200 тыс. юаней собраны даурским населением. Кроме того, дауры подарили 8 тыс. кур и 10 тыс. пар солдатской

обуви [Morindabayа, 1988: 69–70]. В целом в КНР населением было собрано 572,24 млн юаней. Несмотря на то что район Мориндава географически расположен на достаточно большом удалении от театра боевых действий на Корейском полуострове, в марте 1952 г. он подвергся бактериологическому удару со стороны вражеской авиации. Так, по данным даурского исследователя Телинга, 19 марта 1952 г. американский самолет сбросил бомбу с бактериологическим оружием в местности Хангуэр (территория сельского поселения Номин), к западу от р. Номин. Аналогичные бомбы были сброшены вечером 27 марта в гористом районе Босин, 29 марта 1952 г. – в местностях Чжиньэхэ и Сянтуань. Отмечается, что местные органы власти ввели чрезвычайное положение и провели работы по дезинфекции зараженной территории [Даурский автономный хошун, 1998: 39]. Можно согласиться с тем, что автор описывает реальные события, имевшие место в современной истории района Морин-Дава. Очевидно, силы ООН под командованием США нанесли этот бактериологический удар в вышеуказанных местностях. По мнению специалистов, на территории Северной Кореи и северо-восточного Китая американцы вели настоящую бактериологическую войну. Поначалу задуманная как тайная, она быстро стала явной из-за противоречий и ошибок между различными военными организациями. Так, бактериологическому нападению подверглись также несколько деревень провинции Хэйлунцзян, где утром 5 апреля 1952 г. на крышах домов и во дворах жителями были обнаружены мертвые и полумертвые мыши-полевки [Супотницкий]. Эти факты применения бактериологического оружия силами ООН в районе Морин-Дава в марте 1952 г. относятся к малоизвестным эпизодам Корейской войны. Как можно видеть из вышесказанного, ареал конфликтного взаимодействия был обширен, доходя до северо-восточных районов Внутренней Монголии. В этой связи актуальным остается мнение об угрозе для соседних стран, в том числе и России, которую несет обстановка на Корейском полуострове [Ларин, 2014: 14]. Конфликтный потенциал полуострова негативно сказывается на воплощении идей регионализма в

Северо-Восточной Азии и блокирует реализацию многих международных экономических проектов [Ларин, 2016: 73].

В 1950–1953 гг. в районе продолжалось выявление и осуждение контрреволюционных элементов. В апреле 1951 г. по всей территории района Морин-Дава борьба с контрреволюционным движением развернулась с новой силой [Даурский автономный хошун, 1998: 39]. О количестве осужденных у нас нет данных. По всей видимости, таковых имелось немало. 20 мая 1951 г. в КНР было принято Положение о наказаниях за контрреволюционную деятельность, предусматривавшее различные наказания за политические преступления. В октябре 1951 г. в стране было рассмотрено 800 тыс. дел «контрреволюционеров» [Бондарева, 2015: 37]. Вместе с тем в этот период появляются новые отделы в органах народной власти. Так, в 1951 г. основан народный комитет по контролю и надзору. Появились отдел по делам граждан, филиал народного банка, филиал спортивного общества Внутренней Монголии. В этот период сложились кредитные кооперативы [История Северо-Восточного..., 1989: 106–107]. Так, в 1953 г. в с. Фуминь района Морин-Дава создан кредитный кооператив, один из двух кооперативов в пределах провинции [Даурский автономный хошун, 1998: 40].

Новые кадровые перестановки в хошунной администрации прошли в 1954–1955 гг. Так, 26–31 марта 1954 г. состоялся съезд народных представителей хошуна Морин-Дава, на котором Ачлаалту был избран главой. Через год, в марте 1955 г., он был переведен на работу в другую местность. 10 июня 1955 г. администрация аймака Хулун-Буир назначила главой хошуна Мэн Линьюаня, заместителем – Чжан Биньюаня [Там же: 741–742]. К тому времени в результате очередных административно-территориальных изменений образование Хулун-Буир и Нонни-мурэн аймак прекратило свое существование, и в 1954 г. создан аймак Хулун-Буир, в состав которого был включен хошун Морин-Дава.

Кардинальные изменения происходили и в сельском хозяйстве хошуна. В целях развития крестьянских хозяйств начиная с 1948 г. стали

организовываться временные группы трудовой взаимопомощи, включавшие 3-5 семей. Позже они были преобразованы в постоянные группы трудовой взаимопомощи. В декабре 1951 г. в селениях хошуна Морин-Дава насчитывалось 1600 временных групп трудовой взаимопомощи, включавших в себя 4800 крестьянских семей. Количество постоянных групп трудовой взаимопомощи достигло 806, крестьянских семей в них насчитывалось более 3600. В конце 1951 г. ЦК КПК приняло решение о развитии крестьянских кооперативов. Благодаря нему, кооперативное движение в Морин-Дава вышло на новый уровень. В 1953 г. создано 2028 кооперативов, появилось также 11 сельскохозяйственных кооперативов низшего типа. К осени 1955 г. количество сельскохозяйственных кооперативов низшего типа увеличилось до 105. Если в 1953 г. семьи крестьян, вошедшие в кооператив, составляли 35,7 %, то в 1955 г. 91 % крестьянских семей были вовлечены в кооперативы низшего типа. Начиная с 1956 г. кооперативы низшего типа стали преобразовываться в кооперативы высшего типа. В июле 1958 г. в хошуне Морин-Дава насчитывалось 202 сельскохозяйственных кооператива высшего типа. Таким образом, в хошуне был осуществлен переход к высшей форме кооперирования [Описание даурского..., 2008: 61–62]. Очевидно, как и в целом по стране, в хошуне Морин-Дава шло форсирование темпов кооперирования. Данных о недовольстве населения у нас не имеется, но можно полагать, что оно было разочаровано в проводимой реформе. Можно согласиться с утверждением, что сельское население северо-востока Китая, не получив обещанного увеличения доходов и улучшения материального положения, стало отказываться от участия в кооперативном движении [Белоглазов, 2017: 59].

На 2-й сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) была утверждена Генеральная линия социалистического строительства в стране. В августе 1958 г. Политбюро ЦК КПК приняло решение о создании народных коммун в сельской местности. В сентябре 1958 г. в хошуне Морин-Дава на базе 11

деревень, 1 городка, 208 сельскохозяйственных кооперативов высшего типа было создано 11 народных коммун [Описание даурского..., 2008: 61–62].

По данным В. Г. Гельбраса, структура народных коммун неоднократно пересматривалась, в итоге установилась как «народная коммуна – большая производственная бригада – производственная бригада». Основным собственником средств производства была производственная бригада [1980: 69]. Этот период в целом характеризовался погоней за выполнением высоких показателей, «слепым» управлением, сочинительством результатов. Из-за ошибок «крайне левых» развитие хошуна Морин-Дава замедлилось, производственная активность народных масс снижена. Начиная с зимы 1960 г. ЦК КПК стало исправлять ошибки, допущенные «крайне левыми». Ситуация в хошуне Морин-Дава постепенно нормализовалась и вошла в прежнее русло развития [Описание даурского..., 2008: 61–62]. В статье журналиста Хас-Батора «Дауры идут к социализму», вышедшей в октябре 1958 г., говорилось о большом развитии хошуна благодаря следованию политике КПК, значительном увеличении поголовья скота, рекордных урожаях зерновых. Отмечалось, что за 3 месяца 1958 г. создано более 390 кустарных предприятий, тогда как в начале освобождения (вероятно, имеется ввиду 1946 г., когда хошун был освобожден от гоминьдановцев – *авт.*) имелось лишь несколько неработающих предприятий [Хулун-Буир жибао. 1958. № 886. 1 окт.].

В целом социально-экономическая ситуация в хошуне была не совсем благополучной. Реформы в области сельского хозяйства, включая животноводство, рыболовство, продвигались медленными темпами. Почти не имелось промышленных предприятий, объемы производства были низкими [Там же. 2018. 16 авг.].

В 50-е гг. XX в. одним из важнейших вопросов, стоящих перед даурским народом, был вопрос о создании национальной автономии. Несмотря на близость к монголам, даурский язык и культура имели свои специфические черты, свидетельствовавшие о самобытности этноса. Тем не менее в период национально-освободительного движения монгольских народов в первой

трети XX в. появилось название «даур-монгол» (дагур-монгол). Оно широко распространилось среди дауров Хайлара, которые с 1732 г. проживали в тесном соседстве с монгольскими этническими группами – баргутами, олетами. Другие группы дауров (Цицикара, Бутхи, Синьцзяна), очевидно, не использовали этот этноним и продолжали именовать себя «даур». До образования КНР 1 октября 1949 г. дауры, как и многие другие национальные меньшинства Китая, не были известны на государственном уровне. Есть мнение, что в этот период (до 1949 г.) отличия между китайскими этносами были неизвестны и неприметны из-за отсутствия работ по этнической классификации [Ли Сянянь, 2017: 99–100].

Первые шаги к проведению успешной национальной политики были сделаны 29 сентября 1949 г. на 1-й сессии Народного политического консультативного совета Китая, где приняли общую программу. В статье 51-й данной программы отмечалось: «В районах, где большинство населения составляют национальные меньшинства, необходимо осуществить местную национальную автономию и в зависимости от количества населения и величины района учредить органы национального самоуправления. Во всех местностях, где совместно проживают разные национальности, а также в районах местной национальной автономии каждая национальность будет иметь в местных органах государственной власти соответствующее число своих представителей» [Конституционные акты, 2014: 91]. В последующих официальных документах, Программе осуществления национальной районной автономии в КНР (1952 г.) и в ст. 3-й главы I Конституции КНР (20 сентября 1954 г.) четко указывалось, что все районы, где компактно проживают национальные меньшинства, должны иметь местные национальные автономии. Данные факты наглядно свидетельствовали о конкретных мерах правительства КНР в решении национального вопроса [Morindabay, 1988: 80–81].

Как отмечает Ли Санянь, «для получения подробной информации о китайских этносах в 1950-е гг. китайское правительство организовало

масштабный «Национальный проект этнической классификации» (миньцзу шибе) и ревизию в национальных районах [2017: 100]. Из истории дауров известно, что в августе 1952 г. правительство КНР пригласило делегатов, представлявших малочисленные этносы, где им была разъяснена насущная потребность в создании национальных автономий, заинтересованность в этом КПК и правительства. Делегатам были вручены шелковые знамена и памятные подарки [Morindabaуа, 1988: 81]. Тогда же, в августе 1952 г., по решению Центрального народного правительства КНР создана исследовательская группа по установлению национальных меньшинств. Отправившись в хошун Морин-Дава, данная группа сообщила местной администрации о предстоящих исследованиях по этнической классификации даурского этноса. В рамках исследовательских мероприятий проведены конференция и выборочный опрос даурского населения.

По-другому складывалась ситуация в районе проживания цицикарских дауров. Если в хошуне Морин-Дава, находившемся в составе АРВМ, шли только предварительные работы в преддверии выделения дауров в качестве самостоятельной народности, то в уезде Лунцзян провинции Хэйлунцзян все эти события форсировались. Провинциальным комитетом КПК и правительством провинции Хэйлунцзян был взят курс на реализацию Концепции внедрения региональной автономии для национальных меньшинств. Говоря о национальной автономии, даурские ученые отмечают, что это является прямым следствием политики КПК, основанной на марксистской теории и направленной на решение этнических проблем. В преамбуле Закона КНР о региональной национальной автономии говорится: «Региональная национальная автономия реализуется в районах, где национальные меньшинства живут под единым руководством государства... Все национальные автономные районы являются неотъемлемой частью территории нашей страны, а все органы власти автономий представляют собой власть государства и осуществляют право автономии в соответствии с законом. Внедрение в КНР системы национальной региональной автономии

способствует обеспечению равного статуса и прав национальных меньшинств как хозяев страны и способствует единству, сотрудничеству, общему процветанию и развитию всех этнических групп» [История дауров, 2018: 516].

Сведения о создании даурской автономии на территории проживания цицикарских дауров содержатся в мемуарах одного из видных партийных функционеров, педагога Булиня. Из них явствует, что в мае 1952 г. комитет КПК и правительство провинции Хэйлунцзян создали комиссию по созданию региональной автономии даур-монголов на небольшой территории. В начале июня 1952 г. Булинь, работавший в составе комиссии по киргизскому уезду Фууй, был отозван по распоряжению губернатора провинции Юй Ифу. При встрече он сообщил Булиню о решении комитета КПК провинции Хэйлунцзян создать даурский автономный район Вонюту и попросил войти в состав комиссии для сбора исторических материалов. Позже состоялись встречи со всеми членами комиссии с главами местных администраций. Как вспоминал Булинь, в июне 1952 г. у него прошла 6-часовая беседа с губернатором Юй Ифу по вопросу о даур-монголах. Губернатора интересовал ряд вопросов, главным из которых был: относятся ли дауры к монголам или представляют собой отдельный народ? Также он расспрашивал об особенностях традиционного календаря дауров, фольклорных данных о происхождении даурского народа, даурском легендарном предводителе Саджигалди-хане, об основных теориях происхождения дауров, народных обычаях и обрядах. Был задан также вопрос по религиозным традициям дауров: «Почему монголы почитают лам, а дауры – шаманов?» Булинь старался давать подробные ответы на все вопросы. Его впечатлило то, что губернатор очень внимательно и с большой осторожностью решает вопрос об учреждении национальной автономии [2002: 215–216].

С середины июня 1952 г. проводилась пропагандистская работа в смешанных маньчжуро-даурских деревнях. Особое внимание при этом уделялось беседам с деревенскими старостами и старейшинами, разъяснению необходимости создания даурского автономного района [Там же: 216]. В июле

1952 г. рабочая группа из 40 чиновников, представляющих провинциальные, окружные и районные власти, во главе с председателем правительства провинции Хэйлунцзян Юй Ифу и секретарем провинциального комитета НПКСК Чжао Мином прибыла в район компактного расселения дауров, известный как Вонюту (*даур.* Үнүрт), для изучения социальной-экономической ситуации. Очевидно, уже тогда, в июле 1952 г., был сформирован подготовительный комитет по созданию даурского автономного района Вонюту. 2 августа 1952 г. рабочей группой и подготовительным комитетом созван специальный съезд, на повестке которого стоял вопрос о создании даурской автономии. Для участия в нем прибыли делегаты от всех этнических групп региона. Большую роль в его проведении сыграл Юй Ифу, выступивший с важным докладом о национальной политике КПК и опубликовавший накануне съезда статью «Даурский народ под знаменем Мао Цзэдуна» в газете «Хэйлунцзян жибао». На съезде были заслушаны также мнения делегатов по вопросам выдвижения кандидатур в правительство автономного района [История дауров, 2018: 517].

18 августа 1952 г. в уезде Лунцзян образован даурский автономный район Вонюту. Он стал первым в истории дауров административно-территориальным субъектом уездного уровня, имеющим статус автономии. Если обратиться к истории его создания, то известно, что в августе 1952 г. провинциальный комитет КПК и правительство провинции Хэйлунцзян в принятии своего решения руководствовались теоретическими положениями марксизма-ленинизма по национальному вопросу, а также статьями И. В. Сталина. Заметим, что И. В. Сталиным были написаны работы «Марксизм и национальный вопрос», «Национальный вопрос и ленинизм: ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим», вошедшие в Сочинения, т. 11 (М., 1949).

В ходе работы подготовительного комитета было обсуждено и достоверно подтверждено наличие четырех основных признаков народности (нации): 1) единый язык, 2) единая территория; 3) традиционное хозяйство;

4) менталитет, что привело к заключению о даурах как об единой народности. В учредительном съезде, прошедшем утром 18 августа 1952 г. в недавно построенном здании районной администрации, приняли участие 55 делегатов, в числе которых были 29 дауров (52,7 %), 21 китаец, 2 маньчжура, 2 корейца и 1 кыргыз. В своем приветственном докладе Юй Ифу отметил, что подготовительные работы успешно завершились учреждением даурского автономного района Вонюту. Затем прошло тайное голосование по выборам председателя правительства и его членов. Председателем был избран член КПК Манха, даур по национальности; заместителем – Вэй Жун; 11 чел. вошли в состав правительства, в том числе 5 дауров, 4 китайца, 1 маньчжур и 1 кореец. Во второй половине дня 18 августа рядом с начальной школой с. Вонюту состоялся торжественный митинг, собравший более 3 тыс. чел. На нем выступили с поздравительной речью первый глава даурской автономии Манха и председатель правительства провинции Хэйлунцзян Юй Ифу (Прил. 11) [Булинь, 2002: 216; История дауров, 2018: 518].

Территория автономного района, расположенного в 20 с лишним км к северо-востоку от г. Цицикар на правом берегу р. Нонни, была небольшой – 1116 кв. км и составляла в длину (с востока на запад) примерно 65 км, в ширину (с севера на юг) – около 20 км. В ведении администрации, располагавшейся в с. Западная Вонюту, находилось 12 деревень. По данным переписи 1953 г., в районе имелось 2436 домохозяйств, насчитывавших 12163 чел. Из них 1202 домохозяйства были даурскими, дауров было 5916 чел., что составляло 48,6 % всего населения района. Китайцы (912 домохозяйств с 5082 чел.) составляли 41,8 %, маньчжуры (265 домохозяйств, 986 чел.) – 8,1 %, корейцы (50 домохозяйств, 154 чел.) – 1,3 %. Кроме того, в районе проживали немногочисленные кыргызы, эвенки и хуэй [История дауров, 2018: 517]. В октябре 1954 г. даурский автономный район Вонюту был передан из состава уезда Лунцзян в ведение Цицикара. 2 ноября 1956 г. народное правительство провинции Хэйлунцзян одобрило реорганизацию Вонюту в даурский национальный район Мэйлисы путем укрупнения района. Основой новой

автономии остались земли Вонюту, составившие 46 % территории. К ним были присоединены 3 прилегающие волости Юшутунь, Дахудянь, Хуэрхула. Очередные преобразования произошли в декабре 1958 г., когда даурский национальный район Мэйлисы был упразднен, а на его месте создана народная коммуна Хуафэн. В августе 1961 г. была преобразована в Пригородный район Цицикара. 1 марта 1980 г. району возвращено название, и он стал именоваться район Мэйлисы. 11 июля 1988 г. статус района полностью восстановлен и стал именоваться, как и прежде, даурский национальный район Мэйлисы города Цицикар (Прил. 14, 15) [История дауров, 2018: 521]. Даурское население района Мэйлисы и сопредельных уездов активно вступает в этнокультурное взаимодействие с другими народами. Например, по данным В. П. Кривоногова, кыргызы уезда Фуюй, в частности, живущие в поселках Уцзяцзы и Цицзяцзы, заключают браки с даурами. По его подсчетам за 2013 г., имелось 12 смешанных кыргызско-даурских семей. Кроме того, в указанных поселках есть много китайско-даурских и монголо-даурских смешанных семей [Кривоногов, 2015: 7].

Вторая автономия дауров под названием даурский автономный район Гуарбэн-Асиэр была учреждена 6 марта 1954 г. в уезде Тачэн на северо-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района. Тачэн, помимо дауров, населяли китайцы, казахи, уйгуры, сибо и другие народности. Согласно официальной версии, с 1 по 5 марта 1954 г. под руководством КПК в местности Гуарбэн-Асиэр, где компактно проживали дауры, прошел I съезд народных представителей. По всей вероятности, еще в феврале 1954 г. был создан подготовительный комитет, целью которого – учреждение автономии синьцзянских дауров. В нем принял участие 41 делегат, из них 21 даур, 16 казахов, 2 китайца, по одному представителю от хуэй и узбеков. На съезде с докладом выступил член подготовительного комитета Си Пэйсян (даур по национальности), подробно обрисовавший суть и ход проведенных работ в рамках создания даурского автономного района, а также другие, связанные с ним, вопросы. После обсуждения делегаты единогласно приняли решение о

названии автономии – даурский автономный район Гуарбэн-Асиэр уезда Тачэн. Председателем автономного правительства был избран Си Пэйсян, его заместителем – Конысбай (казах); в состав правительства вошли 13 чел., из них 7 дауров. 6 марта 1954 г. в Гуарбэн-Асиэре состоялся учредительный съезд даурского автономного района Гуарбэн-Асиэр, на котором присутствовали секретарь уездного комитета КПК Чжан Чжунтао, заместитель комиссара особого округа Лян Цзяньцю и ряд других партийных и военных руководителей. После окончания съезда состоялся митинг, на котором присутствовало более 2300 чел., представлявших все этнические группы и слои общества. От имени съезда направлены благодарности ЦК КПК и председателю Мао [История дауров, 2018: 519–520]. Заметим, что на учредительном съезде заместителем председателя уезда Тачэн Лян Цзяньцю было сделано важное сообщение о возвращении синьцзянским даурам самоназвания «даур» и отказе от использования этнонима «солон», связанного с принадлежностью к солонскому знамени (в маньчжурской восьмизнаменной системе). Так был создан даурский автономный район Гуарбэн-Асиэр уезда Тачэн, в состав которого входили территории четырех поселков [История дауров, 2018: 520].

Говоря о создании даурских автономных районов Вонюту и Гуарбэн-Асиэр в 1952 и 1954 гг., необходимо подчеркнуть, что они формировались в рамках уездов и административно-территориальной классификации соответствовали уровню национальных волостей в КНР. К тому времени дауры не были официально объявлены самостоятельной народностью, хотя, как мы уже отмечали, работы в этом направлении велись. Как отмечает австрийская исследовательница С. Зиехаус, дауры Внутренней Монголии продолжали считать себя «даур-монголами» в 1954 г., когда в КНР был запущен проект этнической классификации населения. Использование этого термина в некоторой степени вносило путаницу в определение собственно монголов как отдельной нации, но в то же время подчеркивало активное участие дауров в общественно-политической жизни монгольского мира;

указывало на наличие широких социокультурных взаимосвязей между монгольскими группами, проживающими в разных странах. Хотя дефис, поставленный между двумя этнонимами (даур-монгол – *авт.*), свидетельствовал о двойной идентичности дауров. По результатам второй национальной переписи в 1964 г., национальность «даур» стала официальной категорией в КНР [Ziehaus, 2021: 136–137].

Центральное народное правительство в 1956 г. официально признало дауров, отдельной от монголов, самостоятельной народностью. Основанием для этого послужили предыдущие исследования, проведенные в начале 50-х гг. XX в. В том же году Совет по делам национальностей Всекитайского собрания народных представителей и Государственный комитет по делам национальностей, основываясь на инструкции ЦК КПК, снова создали исследовательскую группу. В местах компактного проживания дауров в Морин-Дава проведены углубленные исследования, охватившие общественно-политическую жизнь, хозяйство, культуру, спорт и другие сферы жизнедеятельности. Эти масштабные исследования положили хорошую основу для образования автономного хошуна [Описание даурского, 2008: 66–68].

25 августа 1956 г. в Автономном районе Внутренняя Монголия был официально создан подготовительный комитет по созданию даурского автономного хошуна в составе 17 чел. [Хулун-Буир бао. 1956. № 287. 5 сент.]. По мнению Ж. Элзий, дауры долгое время находились под гнетом Цинской империи, Гоминьдана, империалистической Японии и в итоге пришли к такой грани, когда стало невозможным определить статус народа. И поскольку было мало исторических свидетельств, дауры не могли доказать, что вместе с другими монгольскими этническими группами являются единым (монгольским – *авт.*) народом. Однако правительством КНР и АРВМ проводились различные научные исследования, были собраны материалы, проведен опрос населения и в итоге подтверждено, что дауры являются отдельным народом, отличающимся от собственно монголов. Это событие

нашло отражение в газете АРВМ от 13 сентября 1956 г. за № 13245. Ее автором был некий Тубшин (Сюй Шухэ). Ж. Элзий вопрошает, что это было? Искажение истории народа или действие человека, у которого не было другого выбора? По мнению ученого, этот факт признания дауров самостоятельным этносом явился ярким проявлением национальной политики Китая. В угоду ей были проигнорированы факты из истории киданей государства Ляо о принадлежности дауров к ранним монголам и, соответственно, к монгольской нации, приводимые многими учеными [Öljei, 2013: 156].

Во время кампании по усилению гласности и критики в КНР под названием «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», провозглашенной Мао Цзэдуном в начале 1957 г., некоторые даурские лидеры стали призывать к созданию даурского автономного округа – административно-территориальной единицы второго уровня административного деления КНР. Его территория должна была охватывать места компактного расселения дауров в Хулун-Буире, Морин-Дава и Цицикаре и, таким образом, восстанавливала прежнюю политическую сферу влияния дауров [Uradyn E. Bulag, 2002: 162]. Инициатива в целом выглядела многообещающей, и, очевидно, многие представители даурской интеллигенции с энтузиазмом стали изучать возможность создания автономии в виде округа.

Подобное административно-территориальное решение «даурского» вопроса явно вступало в конфликт с монгольским видением проблемы, согласно которому бóльшая часть даурских земель представлялась исконно монгольской территорией. В мае 1957 г. председатель АРВМ Уланху выразил свое несогласие с предложением даурских лидеров. По всей вероятности, оно прозвучало на съезде ЦК партии АРВМ и, по данным исследователя из Кембриджского университета У. Булага, выглядело во многом откровенным. Так, в своем докладе Уланху отмечал: «Что касается вопроса об автономии даурской народности, то партийный комитет Внутренней Монголии очень осторожен. Во-первых, необходимо определить, являются ли дауры отдельной

народностью.... Согласно исследованиям, к монгольскому фонду относится 60 % даурской лексики. В прошлом я также слышал, как Го Даофу (Мэрсэ) говорил, что дауры – настоящие монголы. У монголов был развит шаманизм, а дауры и сейчас остаются приверженцами этой религии. Возможность появления после революции некоторых новых народностей стала реальной после того, как мы наблюдали за ситуацией в Советском Союзе. После освобождения страны мы сначала стали проводить исследования и не торопились с решением. Кроме того, внутри даурской народности имелись разногласия. Позже мы направили специалистов, чтобы выслушать мнение людей. Они были очень рады стать отдельным народом; тогда было решено признать дауров народностью» [Uradyn E. Bulag, 2002: 162]. Далее Уланху отметил трудности, связанные с включением рассредоточенных в разных регионах мест проживания дауров в одну административно-территориальную единицу, а также обоснование своего отказа от даурского автономного округа. В частности, в его речи прозвучало следующее: «...партийный комитет Внутренней Монголии обсуждал вопрос о даурских автономных субъектах в феврале и марте прошлого года (т. е. 1956 г. – *авт.*). Суть вопроса заключается в том, чтобы определить соответствующий уровень автономии – автономный округ или автономный хошун. Одним из критериев при решении данного вопроса должны стать территория компактного проживания даурской народности, а также численность населения. Исторически сложилось так, что в верхнем течении р. Нонни расположены охотничьи угодья дауров. В настоящее время они проживают по всей территории Внутренней Монголии и Хэйлуцзяна. Места компактного расселения представлены некоторыми деревнями. Даурское население во Внутренней Монголии составляет более 20 тыс. чел., в провинции Хэйлуцзян – более 20 тыс. чел., а всего по всей стране – около 50 тыс. чел. Таким образом, для создания (даурского – *авт.*) автономного округа необходимо изучить возможность слияния части Внутренней Монголии с частью провинции Хэйлуцзян... Условия для создания автономного округа отсутствуют... Поскольку даурская народность

не имеет крупных по размерам компактных мест расселения, мы предложили центральному правительству создать автономный хошун, и это предложение было одобрено еще в мае прошлого года. Мы предложили создать даурский автономный хошун, взяв за основу район Морин-Дава, где проживает 24 тыс. дауров. Однако некоторые товарищи, дауры по национальности, выразили свое недовольство и требовали создания единой национальной автономии в виде автономного округа, что в реальности недостижимо. Поскольку мнения разошлись, решение по этому вопросу было отложено. Теперь партийный комитет Внутренней Монголии ждет, когда центральное правительство созовет совещание для обсуждения вопроса» [Uradyn E. Bulag, 2002: 162–163].

Согласно официальной версии, после этнической классификации даурского этноса и решения вопроса об этнониме, основным на повестке дня стал вопрос о создании национальной автономии. В июле 1957 г. хошунный комитет КПК и администрация Морин-Дава хошуна после детального обсуждения приняли проект образования автономного хошуна и сообщили о нем в Хулун-Буирский комитет КПК, администрацию аймака, комитет КПК АРВМ, народный совет АРВМ. В октябре 1957 г. администрация Хулун-Буирского аймака, получив одобрение комитета КПК и народного совета АРВМ, направила проект об автономии дауров в Центральное народное правительство КНР [Описание даурского..., 2008: 69].

В то же время многие даурские функционеры предлагали создать даурский автономный округ под юрисдикцией Внутренней Монголии. Перспектива превращения части исторической монгольской территории на немонгольскую, хотя и в пределах Внутренней Монголии, встревожила монгольских лидеров, и они отвергли это предложение. Оно встретило также сильное сопротивление со стороны руководства провинции Хэйлунцзян. После утверждения Центральным правительством КНР предложения руководства Внутренней Монголии о создании даурского автономного хошуна вместо автономного округа некоторые даурские кадры продолжали настаивать на своем. Этот факт указывает на то, что политика КПК в

изучаемый период допускала некоторые местные инициативы, в то же время некий баланс сил или иерархическая структура взаимоотношений ограничивали возможности и могли привести к суровым наказаниям лиц, оспаривающих официальную политику. Ситуация в целом складывалась не в пользу дауров, их решительные действия по воле случая совпали с движением против «правого уклона», развернувшимся во всекитайском масштабе. В феврале 1958 г. ЦК КПК осудил «беспринципное» требование расширения территории под автономию национального меньшинства и повышение административного статуса автономии как проявление «местного национализма» [Uradyn E. Bulag, 2002: 163].

Необходимо отметить, что руководство Внутренней Монголии также находилось в непростой ситуации и не могло что-либо предпринять, чтобы включить в свой состав многочисленное монгольское население, оставшееся в провинциях Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь. В то же время ситуация с даурами выглядела гораздо хуже. Потерпело крах не только даурское движение за широкую национальную автономию, но и большинство руководителей, участвовавших в нем, были уволены с должностей или наказаны [Ibid.: 163].

Тем временем продолжалась работа по созданию даурского автономного хошуна. 29 мая 1958 г. по указу Центрального народного правительства хошун Морин-Дава был признан утратившим свой статус. В этом же указе имелось согласие на решение об основании даурского автономного хошуна Морин-Дава. После получения необходимых инструкций о создании автономного хошуна высшего типа хошунный комитет КПК 22 июня 1958 г. повторно сообщил в Хулун-Буирский комитет КПК, комитет КПК АРВМ о проекте формирования даурского автономного хошуна вместо утратившего силу хошуна Морин-Дава. В нем было четко прописано утвержденное местными властями название – «даурский автономный хошун Морин-Дава». Границы нового автономного образования охватывали территорию бывшего хошуна Морин-Дава не выходили за его пределы. Административным центром

автономного хошуна был выбран г. Нирги. Учитывая предложения даурского населения, было решено выбрать 15 августа 1958 г. в качестве официального дня провозглашения нового хошуна. Тогда же было намечено проведение съезда, посвященного образованию автономии. Эти решения утверждены на съезде народных представителей [Описание даурского..., 2008: 69].

К лету 1958 г. большинство даурских руководителей, выступавших за даурский автономный округ, очевидно, были отстранены или серьезно предупреждены. Таким образом, борьба дауров за обладание большими земельными площадями, которые должны были быть «общей территорией», завершилась неудачей. Причины ее были связаны не только с малочисленностью дауров, но и их первоочередной заинтересованностью в территориальных правах новой народности. Последнее требование прямо вело к административно-территориальному и социально-политическому дистанцированию от монголов и в итоге столкновение дауров с монгольскими интересами было предрешиено [Uradyn E. Bulag, 2002: 163].

В системе этнических квот, введенной во Внутренней Монголии для обеспечения сильного монгольского «представительства» на руководящих должностях, монголы сохраняли бдительность в отношении дауров, многих из которых были высокообразованными и более квалифицированными, чем монголы. Дауры в совершенстве владели тремя языками: монгольским, китайским и родным даурским. Занятие ими руководящих должностей означало уменьшение доли монголов. Заметим также, что в 1950-х гг. монголы называли дауров «монгольскими евреями» в силу их интеллектуальных способностей, уживчивости с монгольской и китайской культурой. Очевидно, сравнение дауров с евреями подчеркивало их реальные таланты и способности, хотя дауры, пережившие тот драматический исторический период, вспоминали об этом факте с некоторой долей пренебрежения и горечи. Молодые дауры, менее сведущие в истории и менее опытные, напротив, испытывают огромную гордость за этот стереотип [Ibid.: 163–164].

15 августа 1958 г. народный совет АРВМ, отложив рассмотрение ряда других вопросов, в качестве основного принял постановление о создании даурского автономного хошуна Морин-Дава в составе Хулун-Буирского аймака. После окончания основных подготовительных работ по образованию автономного хошуна состоялась первая сессия I Всенародного съезда народных представителей даурского автономного хошуна Морин-Дава. В работе съезда приняли участие 139 делегатов. Из них дауры составили 59 чел. (или 42,4 %), китайцы – 66 (47, 5 %), эвенки и другие национальности – 14 чел. (10 %) (Прил. 12, 13).

Единогласным решением были приняты проекты о съезде народных представителей даурского автономного хошуна Морин-Дава, народных представителях. Состоялись также выборы в народный совет хошуна. Из 19 чел., выбранных в народный совет хошуна путем голосования, дауров было 9 (47 %), китайцев – 6 (32 %), другие национальности – 4 (21 %). Главой хошуна избран Батубаяр (даур по национальности), его заместителями стали Цуй Сисен (китаец) и Ту Рун (эвенк) [Morindabayа, 1988: 82; Описание даурского..., 2008: 69; Хулун-Буир жибао. 1963. 15 авг.; 2018. 14, 16 авг.]. Из вышеотмеченного видно, что дауры, избранные в народный совет, в процентном соотношении с представителями других этносов значительно преобладали. Данное неравномерное соотношение членов народного совета и избрание даура главой хошуна – все это подчеркивало тот факт, что основополагающим населением хошуна являются дауры. Очевидно, что итоги съезда отражали большую работу, проделанную КПК и китайским правительством в сфере национальной политики. Благодаря этому, этнические китайцы хошуна, которые к тому времени, очевидно, превышали дауров по численности, сумели показать свое толерантное отношение к малочисленным этносам.

В день официального объявления о создании даурского автономного хошуна Морин-Дава (15 августа 1958 г.) в административный центр для поздравления со знаменательным событием прибыла группа из 13 чел.,

представлявших комитет КПК и народный совет АРВМ, Хулун-Буирский комитет КПК и администрацию аймака Хулун-Буир, соседние города и уезды. Приехали также 5 делегатов из близлежащих уездов провинции Хэйлуцзян [Morindabayа, 1988: 83–84].

С поздравительными речами выступили Хуан Цзюйцзюнь, У Дапин, Дэлгэр – 3 представителя от КПК, филиала КПК в АРВМ, народного правительства АРВМ, делегаты от уездов Нэхэ, Ганнан, Фуюй, Цицикар и других уездов провинции Хэйлуцзян, даурского национального района Мэйлисы. Батубаяр от имени вновь назначенной администрации хошуна официально объявил об учреждении даурского автономного хошуна Морин-Дава и отметил, что создание автономного хошуна в новый период «большого скачка» объединит людей всех национальностей и позволит на большой скорости совершить продвижение вперед [Хулун-Буир жибао. 1958. № 886. 1 окт.]. Затем с докладом выступил Хуан Цзюйцзюнь, глава делегации АРВМ. Он указал, что даурский автономный район Морин-Дава является очередной крупной победой национальной политики КПК. В то же время прозвучало осуждение местных националистов, «сделавших все возможное, чтобы тайно и беспричинно расширить территорию автономного хошуна» [Хулун-Буир жибао. 1958. № 886. 1 окт.].

От лица народных представителей первой сессии I съезда даурского автономного хошуна Морин-Дава были направлены благодарственные телеграммы в ЦК КПК, председателю ЦК КПК Мао Цзэдуну, Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП), Госсовету КНР, народному совету АРВМ, председателю комитета КПК АРВМ Уланху. В ежедневной газете Внутренней Монголии была опубликована статья под названием «Jol jiryaltu amidural undurčü bayıya bulay» (Родник неиссякаемой счастливой жизни), в которой народный совет АРВМ поздравил даурское население с созданием национальной автономии [Morindabayа, 1988: 83–84]. Следует заметить, что в 1957–1958 гг. в рамках второго этапа

национальной политики КНР были также созданы автономные округа и уезды в провинциях Юннань, Цзилинь, Сычуань, Ляонин [Буяров, 2016: 40].

Как мы уже отмечали, формированию даурского автономного хошуна предшествовало движение дауров за создание автономного района, завершившееся беспрецедентной чисткой руководящего состава. Поэтому, по мнению У. Булага, после этого меньший по статусу и размерам даурский автономный хошун Морин-Дава был учрежден во Внутренней Монголии 15 августа 1958 г., когда «люди танцевали и пели песни, радостно празднуя это знаменательный и славный день даурской народности» [Uradyn E. Bulag, 2002: 163]. Таким образом, дауры должны были оставаться там, где им полагалось быть, т. е. они должны довольствоваться статусом «малого» национального меньшинства. Этот статус был закреплён после культурной революции. Дауры могли иметь по одному представителю от народа в Национальном народном конгрессе и Народном политическом консультативном совете Китая. Как отмечает У. Булаг, как и все социалистические субъекты, например рабочие или женщины, народность должна иметь свое предписанное «место», ни больше, ни меньше. Именно таким образом сложилась судьба даурской народности в социалистическом Китае [Ibid.: 163-164].

В целом создание даурского автономного хошуна Морин-Дава в составе Хулун-Буирского аймака АРВМ сыграло важную роль в дальнейшем развитии даурской народности. Отныне дауры имели свою утвержденную государством национальную автономию, в границах которой могли реализовать право на автономное управление. При этом выборная должность главы автономного хошуна была прерогативой не только даурских национальных кадров, но и представителей других национальностей, обладающих соответствующими деловыми и личностными качествами руководителя. Право даурского этноса на автономное управление опиралось на работу съездов народных представителей, которые периодически избирали состав народного совета хошуна. Съезд направлял также делегатов на ВСНП, где на государственном

уровне решались основные насущные вопросы, стоящие перед партией и государством. Например, глава автономного хошуна, товарищ Эрдэнижаб был избран в качестве делегата для участия в ВСНП 3-го созыва (декабрь 1964 – январь 1965 г.). На этом собрании он вошел в Совет национальностей при Постоянном комитете ВСНП. Заместитель секретаря хошунного комитета КПК Цзю Чин был избран делегатом в ВСНП 4-го созыва (январь 1975 г.), Ду Юйчин (даурка) – 5-го созыва, Уни – 6-го созыва [Morindabay, 1988: 84]. Заместитель главы Хулун-Буирского аймака, товарищ Уршеэлту стал делегатом VIII Всекитайского съезда народных представителей от КПК, а секретарь партийного комитета хошунной администрации, товарищ Амгулан делегатом XII Всекитайского съезда народных представителей от КПК. Кроме того, представители даурской народности автономного хошуна принимали участие во всекитайских празднованиях, отправляли своих народных представителей, которые встречались с партийными и правительственными лидерами КНР [Ibid.: 85]. Встречи на высшем уровне принесли свои плоды. Государство оказало большую материальную помощь и поддержку в развитии хозяйства, культуры, школьного образования, спорта, здравоохранения, транспортной системы. В июне 1982 г. член ЦК КПК и первый секретарь партийного комитета АРВМ, товарищ Чжу Хой прибыл в Морин-Дава даурский автономный хошун с проверкой. Он обратился к национальным кадрам и всему населению хошуна с призывом придерживаться направления государственной политики, провозглашенной на III Всекитайском съезде КПК 11-го созыва. Он подчеркнул, что, только объединив усилия и продолжив линию государственной политики, можно укрепить положение Морин-Дава даурского автономного хошуна и в дальнейшем привести его к процветанию [Ibid.: 85].

Таким образом, период с 1945 по 1958 г. стал для дауров знаменательным временем, принесшим им много новых и позитивных перемен. Несомненно, большую роль в установлении власти КПК в хошуне

Буси в 1946 г. сыграл командир 2-й дивизии новой 4-й армии войск КПК Чэн Лисинь. Благодаря его умелым действиям, была установлена связь с местным военным формированием «большой монгольской бригадой», проведены первые аграрные преобразования, ликвидированы бандитские группы. Ключевая роль КПК прослеживается и в регионе проживания цицикарских дауров. В числе причин выбора ими стороны КПК, по всей вероятности, были восприятие коммунистических идей даурским населением, взаимодействие с китайскими коммунистами в годы подпольной антияпонской борьбы. Как показывают факты, уже в октябре-ноябре 1945 г. цицикарские дауры твердо встают на сторону КПК, создав монгольскую бригаду самообороны, они сделали осознанный и, как показала история, правильный выбор.

В 1947–1948 и 1954–1955 гг. в хошуне Морин-Дава были проведены съезды народных представителей и первые кадровые перестановки, вызванные реакцией вышестоящих ведомств (правительства АРВМ, администрации аймака Хулун-Буир) на выборы в местные органы власти. Продолжилось дальнейшее реформирование сельского хозяйства – от временных групп трудовой взаимопомощи в 1948 г. до народных коммун 1958 г. На протяжении всего периода осуществлялись административно-территориальные реформы в АРВМ, затрагивавшие и территорию хошуна Морин-Дава.

Крупным достижением даурского народа стало обретение ими статуса самостоятельной, официально признанной в КНР народности. Еще до этого события, имевшего место в 1956 г., благодаря энергичным и целенаправленным действиям даурских руководителей и провинциальных властей, были созданы в 1952 и 1954 гг. даурские автономные районы Вонюту и Гуарбэн-Асиэр в уездах Лунцзян (провинция Хэйлунцзян) и Тачэн (СУАР). Несмотря на их в целом недостаточно высокий статус национальных волостей, они явились первыми официально признанными в КНР даурскими автономиями. Процесс создания более крупного, даурского автономного хошуна Морин-Дава был во многом драматичен из-за желания многих

даурских функционеров иметь национальную автономию в виде района, а не хошуна, что привело к столкновению с монгольскими интересами и последующим отставкам и в целом к чистке даурского руководства. Тем не менее учреждение даурской автономии в виде хошуна Морин-Дава явилось большим прогрессивным шагом в социально-политической истории дауров.

4.2. Эволюция национальных автономий дауров (60–90-е гг. XX в.)

Первые даурские автономии, появившиеся в 50-х гг. XX в. на территории АРВМ, провинции Хэйлунцзян и СУАР, стали крупным достижением даурского народа. Несмотря на неосуществление идеи о создании автономного округа, большая часть даурского народа, очевидно, все же была удовлетворена сложившимся положением дел. Несомненно, даурские административно-территориальные единицы способствовали повышению энтузиазма дауров в деле народного строительства социализма в Китае, которое продолжалось центральным руководством страны в 60–80-е гг. XX в. путем радикальных реформ в политике и экономике.

После учреждения даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958 г. проведены первые преобразования в местной администрации и предприняты дальнейшие шаги на пути укрепления автономной власти. Можно выделить следующие мероприятия, проведенные в рамках хошуна: в феврале 1959 г. бюро общественной безопасности, прокуратура и суд даурского автономного хошуна Морин-Дава объединены в одно ведомство – Управление государственного права и общественной безопасности. В сентябре того же года ведомство было вновь реорганизовано, разделено на 3 части: муниципальное правление, управление суда, прокуратуру. 14 августа 1959 г. хошунная администрация приняла решение о проведении кампании по повышению производственной продуктивности. В январе 1960 г. в даурском автономном хошуне Морин-Дава был создан отдел животноводства, в апреле

1961 г. объединенный с отделом сельского хозяйства [Даурский автономный хошун, 1998: 45–46].

В целом начиная с зимы 1960 г. ситуация в даурском автономном хошуне Морин-Дава стала меняться в лучшую сторону [Описание даурского..., 2008: 61–62]. В марте 1960 г. воссоздан ранее упраздненный отдел водоснабжения. 3 апреля 1960 г. появилось хошунное управление жилищного строительства [Даурский автономный хошун, 1998: 46]. С 1960 г. стали устанавливать электроподстанции.

В январе 1961 г. ЦК КПК провозгласил новый курс «Урегулирование, укрепление, пополнение и повышение». В результате проведения грамотных мер по улучшению состояния народных коммун, включавших разрешение на использование приусадебных участков, владение скотом, открытие сельских рынков, государственную помощь отстающим коммунам, положение дел в сельском хозяйстве постепенно стабилизировалось. Развитие механизации сельского хозяйства, наряду с применением системы производственной ответственности, способствовало поднятию уровня жизни крестьянских масс и в целом развитию сельскохозяйственного производства [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 85]. Данные китайских историков о социально-экономическом развитии северо-восточного Китая в этот период подтверждаются воспоминаниями советских специалистов, выезжавших в служебные командировки в КНР. В путевом дневнике нефтяного геолога А. А. Амирасланова, который велся им в августе-октябре 1958 г. на территории Маньчжурии, описаны тянущиеся по сторонам железнодорожного полотна поля гаоляна, кукурузы, риса, редко гречи; строительство каналов, мостов, уборка посевов. Он отмечал, что «всюду по пути виднелась созидательная строительная работа... чувствовалось – энергичный китайский народ, вырвавшись в 1949 г. от оков десятилетнего угнетения, только сейчас строит свое будущее и счастье» [Китайская Народная Республика, 2009: 244].

25–31 марта 1961 г. состоялся III съезд народных представителей даурского автономного хошуна Морин-Дава. На нем был заслушан доклад Су

Чандэ «Высоко подняв красный флаг идей Мао Цзэдуна, продолжить борьбу за осуществление всестороннего и скоростного перехода к построению социализма». Также были зачитаны доклад о плане деятельности хошуна в 1960 г.; доклад особой комиссии по надзорной работе внутри партии. Затем прошли выборы в хошунный комитет КПК; утверждены 19 членов КПК. Секретарем хошунного комитета КПК назначен Су Чандэ. В июле 1961 г. в Морин-Дава созвано совещание по вопросам управления сельскими поселениями [Даурский автономный хошун, 1998: 46].

В 1965 г. в хошуне насчитывалось 17 народных коммун, 140 крупных производственных бригад высшей ступени (shengchan dadui), 501 производственная бригада низшей ступени (shengchan xiaodui). Ежегодный доход хошуна составил 671 млн 120 тыс. юаней, в то время как ежегодные расходы – 325 млн 410 тыс. юаней. Поскольку в коллективных хозяйствах насчитывалось 76279 чел., в среднем на одного человека приходилось 36 юаней [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 85]. Очевидно, с начала 60-х гг. XX в. позитивное воздействие коллективизации ощущалось во всем Хулун-Буирском аймаке. Например, колхозы баргутов в этот период также стали обеспечиваться тракторами, сельскохозяйственной техникой и оборудованием [Зориктуев, 2021: 100]. Необходимо заметить, что в рамках курса «Урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» активно внедрялась Система «сань цзы бао» (три свободы – свобода продажи излишней продукции на рынке, наделение крестьян приусадебными участками, создание мелких предприятий и «одно обеспечение» – несение личной ответственности за прибыли и убытки перед коммунной). Сельские кадровые работники разъясняли крестьянам политические установки, положение о трех ступенях собственности в коммуне, возможность ведения личного хозяйства в небольших размерах при преимущественном развитии коллективного хозяйства [История, 2004: 197].

Начиная с мая 1966 г. на всей территории КНР развернулась культурная революция, в результате чего партийный комитет и народное правительство

автономного хошуна утратили свою власть. Начало было положено свержением в АРВМ власти монгольского лидера Уланху в апреле 1967 г. и введением военного положения на территории автономии [Мажинский, 2015: 139–144]. В декабре 1967 г. под влиянием Шанхайской революционной бури группа лиц в даурском автономном хошуне Морин-Дава создала т. н. «главный отдел». Развернув борьбу за власть, она захватила 4 основных столпа: партию, власть, право, культуру. Так, утратила свою власть администрация хошуна, а вместе с ней и местные власти второго и третьего уровней. Властные полномочия хошунной администрации перешли к т. н. «революционной массовой организации». После захвата власти были определены 3 составные части революционного движения: 1) отделение народных вооруженных сил; 2) кадровые работники хошуна (их число было невелико); 3) члены «революционной массовой организации». Передовые элементы указанных трех частей составили «революционный комитет» (ревком). О нем образно говорили: «Связавший воедино три силы, ревком проводит единую политику» [Краткий очерк, 2007: 74]. В этот период противостояние двух сторон (старой администрации и ревкома) с каждым днем усиливалось, начались разногласия и внутри него. Военные, представлявшие отделение народных вооруженных сил, вышли из состава ревкома, что в дальнейшем привело к его роспуску. Однако 28 января 1968 г. ревком автономного района Внутренняя Монголия официально основал ревком Морин-Дава даурского автономного хошуна. Упор был сделан на принцип связывания воедино трех сил, для чего состоялось повторное объединение представителей военных, депутатов из числа передовых кадров, делегатов от «революционных масс». Ревком хошуна, претворяя в жизнь политику единого управления, принял властные полномочия партийной ячейки и народного комитета хошуна. Ревкому подчинялись четыре вновь созданных структурных подразделения: 1) государственный комитет; 2) комитет предприятий промышленности; 3) комитет народной обороны; 4) рабочий совет. В свою очередь, в этих комитетах были сформированы

конкретные направления. Например, в государственном комитете были созданы Кружок культурной революции и Кружок контроля кадров. В комитете предприятий промышленности также появились Кружок государственной деятельности и Кружок пропаганды, в комитете Народной обороны был сформирован Кружок подготовки к войне. В Рабочем совете был учрежден Кружок секретарей. В течение последующих месяцев находившиеся в ведении хошуна региональные отделения и пункты были охвачены влиянием культурной революции, и в них были созданы Кружки руководства. В 17 народных коммунах хошуна были основаны ревкомы. В январе 1972 г. комиссар военного отдела хошуна Гун Хайшан, монгол по национальности, стал председателем руководящей партийной группы ревкома хошуна [Краткий очерк, 2007: 74–75]. Во время культурной революции по сфабрикованным делам пострадало много людей, был нанесен мощный удар по национальной автономии. Даурские национальные кадры, как и кадры других национальных меньшинств, подверглись серьезным гонениям. Культурная революция нанесла большой урон хозяйственной и культурной деятельности автономного хошуна [Morindabayа, 1988: 88]. Seriously пострадали и другие хошуны и сомоны Хулун-Буирского аймака, что, в частности, можно видеть на примере событий, описанных баргутским краеведом Чо Оршоном и происходивших в скотоводческой площадке «5.1.» (1 мая) в хошуне Новая Барга [Çо Orşon, 2013: 313–322]. Следует заметить, что подробное изучение хода культурной революции в Хулун-Буирском аймаке с привлечением массива китайских источников и литературы проведено в работах молодого бурятского историка Ц. С. Очирова [2020: 251–256, 2021б: 400–416, 2021в].

В ходе культурной революции ярко проявились деструктивные тенденции, что видно на примере лозунга «ликвидация четырех старых»: «Старых идей, старой культуры, старых обычаев и старых привычек». Есть мнение, что в большей степени от культурной революции пострадали неханьские народы Китая [Буяров, 2016: 39–43]. В этот период были

отвергнуты особенности национального образования, ликвидированы недавно созданные органы управления национального образования всех ступеней, приостановилась работа или были закрыты национальные вузы, начальные и средние школы [Су Сяохуань, 2002: 114]. Как известно, этот период также ознаменовался передачей ряда районов Внутренней Монголии в состав провинций северо-восточного Китая. Отделение части территории АРВМ было тяжелой потерей, повлекшей за собой снижение численности населения на 600 тыс. чел. [Tümen, Ju Dung Li, 1996; Цыремпилова, 2017: 155–159]. Так, в 1969 г. даурский автономный хошун Морин-Дава был причислен к району Большой Хинган провинции Хэйлуцзян. Возвращение хошуна Морин-Дава в состав Хулун-Буирского аймака АРВМ состоялось лишь в 1979 г. [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 69].

Культурная революция нанесла серьезный удар и по даурским автономиям, расположенным в провинции Хэйлуцзян и СУАР. Как и везде в КНР, репрессиям подверглись многие видные руководители администраций и партийных организаций. Пришло в упадок сельское хозяйство, существенно сократились урожаи зерновых.

В октябре-декабре 1976 г. ЦК КПК и Центральное народное правительство осудили ошибки, допущенные «левыми радикалами» во главе с т. н. «бандой четырех» (Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь). В регионах КНР также началась чистка руководящих органов от сторонников леворадикального курса. В то же время руководство страны приняло решение о реабилитации лиц, подвергнувшихся гонениям по ложным обвинениям [Чжоженъ, 2018: 427–433]. В 1979 г. партком даурского автономного хошуна Морин-Дава подал в комитет КПК АРВМ решение о реабилитации лиц даурского автономного хошуна Морин-Дава, незаконно подвергавшихся гонениям в годы культурной революции. После получения одобрения в июне 1980 г. в хошуне был проведен съезд, на котором официально объявлено о реабилитации более 6 тыс. чел., проходивших по 40 сфабрикованным делам [Morindabayа, 1988: 88]. В марте-апреле 1981 г. в 20

народных коммунах хошуна упразднены ревкомы, и вместо них были созданы Советы, замещающие ревкомы. В административном центре хошуна – г. Нирги основано народное правительство. В октябре 1981 г. по решению вышестоящих инстанций ревком автономного хошуна утратил свою силу и вместо него основано народное правительство даурского автономного хошуна Морин-Дава [Краткий очерк, 2007: 81]. После принятия Конституции КНР 1982 г. почти все народные коммуны были упразднены и их функции переданы волостным народным правительствам и комитетам сельского населения [Государственный строй, 1988: 39]. Народное правительство даурского автономного хошуна Морин-Дава просуществовало до декабря 1994 г., когда было проведено очередное реформирование администрации. В октябре 1981 – декабре 1994 г. оно состояло из 32 структурных подразделений, включавших народное правительство, плановый отдел, сектор учета и регистрации, отдел контроля и надзора, отдел хозяйства, бюро справок, научный сектор, отдел экономики и др. [Краткий очерк, 2007: 81]. В народном правительстве хошуна работало много кадровых работников. По данным на июнь 1980 г., в хошуне насчитывалось всего 2928 кадровых работников, из них дауров 1032 чел., или 35 % всего числа. В то же время даурские национальные кадры составляли 4,6 % всего даурского населения. В партийных организациях хошуна они занимали 48,7 %, в органах власти хошуна – 40,8 %. В 25 основных населенных пунктах хошуна на должностях руководителей находились 14 представителей даурской национальности. Из 403 руководителей отделений 155 были кадровыми работниками из числа дауров. Среди 536 кадровых работников с гуманитарным и техническим образованием 175 – дауры. В числе постоянных членов ЦК КПК Морин-Дава даурского автономного хошуна было 7 дауров и 6 китайцев. В постоянном комитете Собрания народных представителей хошуна, состоящем из 7 членов, 5 чел. являлись даурами. Из восьми хошунных глав и их заместителей дауров было 4 чел., китайцев – 3, эвенков – 1 чел. В 1981 г. состоялся съезд партийных делегатов хошуна, в 1982 г. – съезд народных представителей хошуна, на которых утверждены председатель

парткома КПК даурского автономного хошуна Морин-Дава Амгулан и глава хошуна Тун Чин. Оба являлись даурскими национальными кадрами. Другие кадровые работники из числа дауров возглавляли такие структурные подразделения администрации, как отдел самообороны, следственный и судебный комитеты, отдел экономики, культуры и образования, сектор пропаганды, единый фронт, отдел контроля за электроэнергией. Не все даурские национальные кадры работали на территории хошуна. С 1948 по 1982 г. за пределы хошуна выехало более 400 чел. национальных кадров, включая преподавателей, инженеров, специалистов с техническим образованием. Они, в основном, работали в других хошунах и аймаках АРВМ, небольшая их часть – в провинциях и центральных городах Китая, включая Пекин [Morindabaγa, 1988: 88–90]. В целом в этот период число национальных кадров (ганьбу) из национальных меньшинств в АРВМ значительно увеличилось, что было отмечено в августе 1984 г. в газете «Жэньминь жибао» [Цыремпилова, 2017: 157].

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), сыгравшего важную роль в переходе к новым путям и методам развития народного хозяйства, в КНР началась масштабная экономическая реформа [Государственный..., 1988: 36]. За 10 лет культурной революции с трудом полученные достижения в период проведения курса «Урегулирование, укрепление, пополнение и повышение» были полностью утрачены. Большую роль в начале реформирования сельского хозяйства сыграли решения парткомов провинции Аньхой Шесть пунктов провинциального комитета (ноябрь 1977 г.), провинции Сычуань Постановления о некоторых важных вопросах современной аграрной политики (февраль 1978 г.). Вслед за ними весной 1978 г. ЦК КПК опубликовало 2 документа – Доклад о правильном проведении линии партии и всемерном облегчении бремени крестьян и Доклад о результатах обследования волонтаристских распоряжений, нарушениях законности и дисциплины со стороны небольшого числа кадровых работников в уезде Сюньи пров. Шэньси. В докладах акцент был сделан на хозяйственную

самостоятельность бригад [История Китая, 2013: 47–50]. Вплоть до 1980 г. обстановка в сельском хозяйстве хошуна была нестабильной. В 1980 г. с. Халличен даурского автономного района Морин-Дава было выбрано в качестве испытательной площадки для исполнения «дворовыми хозяйствами обязательства за сбор урожая по намеченному плану», что возымело хороший эффект. Далее в целом ряде селений даурского автономного хошуна Морин-Дава применялся опыт «закрепления производственных заданий за отдельными крестьянскими дворами». Благодаря умелой политике местного руководства, сельское хозяйство начало постепенно развиваться. В 1981 г. во всем хошуне 65 % производственных бригад использовали наряду с коллективным и семейный подряд. Оба подряда также применяли 85 % крестьянских дворов. Практика показала, что применение подрядов способствует повышению жизненного уровня крестьянства. Выгода от семейной подрядной ответственности, при которой оплата труда зависела от его результатов, стала очевидной, и наметились видимые улучшения. Со временем большие и малые производственные бригады стали распадаться. Вместе с тем основой народного хозяйства даурского автономного хошуна Морин-Дава оставалось сельское хозяйство. Наблюдалась нехватка финансовых средств и техники. В то же время претворялась в жизнь двухъярусная система хозяйствования [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 85–86].

Дауры, как и другие этносы Китая, прошли через горнило социально-политических и экономических экспериментов второй половины XX в. Даурский автономный хошун Морин-Дава, будучи аграрным регионом, испытал на себе тяжесть политики «коммунизации». Население района, как и везде по стране, пострадало от мероприятий, проводимых в рамках культурной революции. Тем не менее в годы реформ и открытости появилась и стала крепнуть надежда на улучшение социально-политической ситуации и экономическое развитие национальной автономии дауров.

После хошунного съезда, состоявшегося в июне 1980 г., было реабилитировано более 6 тыс. чел. Несмотря на потери в годы культурной революции, даурские национальные кадры продолжали составлять 35 % всего числа кадровых работников. Даурами были и избранные в 1982 г. секретарь хошунного парткома Амгулан и председатель хошуна Тун Чин.

Одним из главных вопросов, стоявших перед руководством хошуна, было своевременное включение в набирающую обороты экономическую реформу. В 1983 г. площадь обрабатываемых земель всего хошуна приближалась к 1 млн 80 тыс. му (единица измерения земельных площадей в Китае, равная 0,067 га – *авт.*), по сравнению с 1949 г., она увеличилась в 1,2 раза. Урожайность зерновых с каждого му земли составляла 200 цзинь (китайская мера веса, равная 0,5 кг. – *авт.*). В 1983 г. по всему хошуну было собрано всего 216 млн цзинь зерновых, что было на 52 % больше, чем в 1978 г. Часть собранного в 1983 г. урожая (92 млн. цзинь) была продана государству. В этот период существенно расширены права производственных бригад в селениях. Возвращены к жизни приусадебные участки, подсобное хозяйство и мелкая торговля [Morindabayа, 1988: 110]. Размещение сельскохозяйственного производства отныне стало более четко регулироваться с учетом конкретных природно-климатических условий региона. В результате определены местности, пригодные для занятий земледелием, скотоводством и лесным хозяйством [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 91].

Таким образом, разграничены основные направления развития сельскохозяйственного производства, что существенно облегчило жизнь в ряде местностей национальной автономии. Так, еще в 50-х гг. XX в. дауров гористой местности в приказном порядке принуждали заниматься земледелием. В начале 80-х гг. XX в. подобная политика была признана ошибочной и доказано, что в данной ситуации имели место левые перегибы. В изучаемый период были созданы необходимые условия для эффективного развития национального сельского хозяйства, прежде всего земледелия. В

1983 г. во всем хошуне на одного крестьянина в среднем приходилось 310 юаней, что, по сравнению с 1978 г., было в два раза больше. В этот период жизнь на селе стала улучшаться, увеличивались доходы крестьян, развивался семейный подряд и производственные отношения. Получили распространение и применялись на практике передовые научные познания из области земледелия. Экономическое развитие происходило под строгим контролем региональных парткомов [Morindabaya, 1988: 111–113]. Можно согласиться с мнением, что на первом этапе экономической реформы была лишь частично снята проблема обеспечения населения необходимым уровнем «тепла и сытости». Экономическое положение в национальных районах по-прежнему оставалось тяжелым [Ставров, 2007: 11].

Темпы развития сельского хозяйства различались по конкретным местностям. На начальном этапе ускоренными темпами развивались т.н. «экспериментальные площадки». Одной из них была механизированная земледельческая площадка Каядурбэн, основанная в 1979 г. Она являлась подразделением сомона Арала. Деятельность площадки основывалась на занятии земледелием, в то же время поощрялось развитие других отраслей народного хозяйства. В 1982 г. члены механизированной земледельческой площадки обрабатывали более 22 тыс. му земли. С 1980 по 1982 г. собран хороший урожай зерновых в 19 млн цзинь, государству было продано 5 млн 890 тыс. цзинь зерна. Если доходы одного крестьянина в 1980 г. составляли 210 юаней, то в 1982 г. они резко увеличились до 301. Стоимость сельскохозяйственной техники и инвентаря механизированной земледельческой площадки достигала 1 млн 200 тыс. юаней. На постоянной основе имелись 15 тракторов марки «Дунфанхун», 6 колесных тракторов, 13 комбайнов, 4 автомашины марки «Цзефан». Помимо земледелия, данная площадка развивала и животноводство. Так, в 1982 г. члены механизированной земледельческой площадки выращивали 160 голов крупного рогатого скота (КРС), 300 голов овец, а также имели 150 му саженцев деревьев. Наряду с механизированной земледельческой площадкой Каядурбэн

в сомоне Арала имелись 2 даурские производственные бригады, именовавшиеся как бригада № 1 и 2. В 1980 г. механизированная земледельческая площадка включила в свой состав бригаду № 2. Затем укрупненная площадка стала оказывать помощь бригаде № 1 в пахоте, уборке урожая. Не ограничиваясь содействием в полевых работах, механизированная земледельческая площадка выплатила банковские долги бригады № 1, составлявшие 12 тыс. юаней. В результате всемерной помощи трудодень членов бригады № 1, составлявший 30–40 цзяо (денежная единица в Китае; 10 цзяо равняются одному юаню – *авт.*), вырос до 3 и более юаней. В 1981 г. бригада № 1 также вошла в состав механизированной земледельческой площадки. Их деятельность была также направлена на улучшение социокультурных и жилищно-бытовых условий жителей сомона Арала. Ее усилиями была проведена электроэнергия в дома сельчан; создано предприятие по очистке зерна, облегчившее жизнь многих крестьян. Механизированная земледельческая площадка оказывала помощь пожилым людям из пяти семей, изготавливала столы и стулья для начальной школы, строила дома для учителей. Успешная работа была отмечена на провинциальном уровне. На протяжении нескольких лет она находилась на 1-м месте среди семи лучших механизированных земледельческих площадок в Хулун-Буирском аймаке. Основной причиной эффективного развития площадки Каядурбэн была слаженная работа руководящей группы. Во главе ее стоял член КПК Э Шуган, прошедший путь от рядового крестьянина до кадрового работника. Его отличали ответственность, большой опыт работы и вера в победу начавшихся социально-экономических преобразований. Возглавив механизированную земледельческую площадку в 1979 г., он смело брался за новые дела, объединив усилия со своим заместителем Ван Цзюньбу. Большую роль в его работе играло непосредственное общение с членами механизированной земледельческой площадки, совместное участие в полевых работах. Его исключительная честность была достойным примером для подражания. Э Шуган ни разу не воспользовался служебным положением и

ничего не брал для личного пользования из общественной казны и имущества. Проявлял всемерную заботу о членах механизированной земледельческой площадки, зная тяготы их жизни. Поэтому он был уважаем в народе [Morindabayа, 1988: 113–115].

Таким образом, в начале 80-х гг. XX в. в сельском хозяйстве даурского автономного хошуна Морин-Дава наметились явные улучшения. Крестьяне начали переходить от коллективного к семейному подряду. По данным 1981 г., коллективный и семейный подряд применяли более половины всех производственных бригад хошуна, а также 85 % крестьянских дворов [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 85–86]. Быстрые темпы приобрела механизация сельского хозяйства. В период основания национальной автономии (1958 г.) во всем хошуне имелось лишь 5 тракторов, к концу 1983 г. уже насчитывалось 1938 тракторов различных моделей, 272 зерноуборочных комбайна, 43 водовозных машины. Площадь пахотных земель, где применялась сельскохозяйственная техника, увеличилась до 47 тыс. му. Кроме того, имелось более 1400 машин для очистки зерна и просеивания муки [Morindabayа, 1988: 111].

Позитивные изменения в 1976–1984 гг. происходили, очевидно, и в даурских автономиях провинции Хэйлунцзян и СУАР. Как и по стране в целом, в национальных автономиях дауров наблюдался подъем активности крестьян, увеличение их доходов. В валовой продукции сельского хозяйства КНР в этот период отмечен быстрый рост доли таких отраслей, как выращивание технических культур, животноводство, подсобные промыслы. Правительство страны приняло такие важные меры поддержки сельского хозяйства, как реформа системы централизованных закупок и сбыта зерна, применение свободных цен, развитие негосударственных секторов экономики [Мао Гэсунг, 2002]. По мнению российского китаевода В. Л. Ларина, китайские реформаторы доказали свою способность строить планы на много лет вперед. Мало кто за пределами КНР поверил в объявление, сделанное Дэн Сяопином в 1974 г. о программе «четырёх модернизаций», предполагающей в

течение 20 лет «двойное удвоение» ВВП Китая [Ларин, 2005: 99]. С середины 80-х гг. XX в. в провинциях Северо-Восточного Китая партия стала уделять особое внимание проблемам крестьянства. Так, партийные ячейки оказывали помощь крестьянским дворам в вопросах организации взаимопомощи, обеспечения семенами, тягловой силой [История Северо-Восточного Китая, 2021: 39].

В целом до начала политики «реформ и открытости», очевидно, продолжала наблюдаться серьезная нехватка товаров, одежды. Население даурских районов, как и везде в Китае, носило одинаковую одежду серого цвета, т. н. «суньятсеновку», а также форму национально-освободительной армии синего цвета. Ситуация стала меняться с увеличением материалов, люди стали одеваться в соответствии с мировым уровнем [Лю Бо, 2019: 26].

Большую роль в этот период стали играть приусадебные участки. Работу на них в основном выполняли женщины. В огородах сажали капусту, горох, перец, огурцы, лук, чеснок, редьку, морковь, картофель и др. Многие семьи выращивали дыни и арбузы. Традиционно в больших объемах сажали листовую табак. В 1982 г. урожай листового табака в хошуне составил более 8 млн цзинь. В 1981 г. проводились исследования сорта табака, выращиваемого даурами. В результате научно-техническая комиссия АРВМ выделила 30 тыс. юаней на развитие производства листового табака в даурском автономном хошуне Морин-Дава. Поскольку производство листового табака являлось большим подспорьем в даурских хозяйствах, руководство хошуна решило создать табачные предприятия и выпускать сигареты хорошего качества, тем самым обеспечить внутренний и внешний рынки [Morindabay, 1988: 116–119]. По всей видимости, табачные фабрики так и не были открыты. Поскольку, по другим данным, выясняется, что производство табака в изучаемый период уменьшалось. Так, в селении Уркэ раньше каждая семья имела участок для выращивания табака, и ежегодно выставляла на продажу несколько сотен цзинь табака. Ввиду сужения каналов сбыта табака начиная с 1980 г. крестьяне перестали его продавать. Табачные насаждения стали

постепенно уменьшаться. К 1997 г. во всей деревне лишь 5–6 семей еще сажали табак. В 1996 г. 2–3 семьи начали выращивать грибы под названием «чживу минчэн». Урожайность с одного му могла достигать около 120 цзинь, что, с точки зрения экономической выгоды, заслуживало интереса. Что касается селения Уркэ, то его можно отнести к разряду даурских. В 1997 г. имелось 58 дворов с населением в 264 чел., из них даурских дворов было 51, китайских – 7. Пахотные земли составляли 9470 му. Площадь пашни на душу населения в 1989 г. равнялась 13.5 му, в 1997 г. она увеличилась до 36. Если в 1983 г. крестьянами селения Уркэ было продано 200 тыс. цзинь зерновых, то в 1996 г. около 2 млн цзинь зерновых [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 99].

Следуя государственной политике власти хошуна и КПК, стали оказывать помощь в развитии животноводства. В частности, органы власти содействовали в выдаче банками беспроцентных кредитов на приобретение скота; неимущим выдавали скот. Эти и другие меры привели к быстрому развитию животноводства в автономном хошуне. В 1983 г. количество всего скота в хошуне, включая КРС, лошадей и овец, составляло 123 тыс. 500 голов. По сравнению с 1958 г., количество всего скота выросло в 4 раза. В целях развития животноводства руководством хошуна были созданы отдел скотоводства, станция по защите местных пастбищ, ветеринарная служба, станция по улучшению пород скота. В сомонах также появились ветеринарные станции, в 70 % производственных бригад созданы ветеринарные пункты. Проводились успешные работы по профилактике эпидемических заболеваний, улучшению пород скота. Начиная с 1978 г. в целях улучшения пород КРС осуществлялось искусственное осеменение, что имело большой успех. Появились местные породы, отличающиеся хорошими вкусовыми качествами. В 1982 г. за успешное развитие животноводства хошун был отмечен на государственном уровне [Morindabayа, 1988: 131–132]. Для земледельческого региона, каким по большей части является автономный хошун, награда на развитие животноводства была очень значимой. Как известно, в годы культурной революции многие пастбища были распаханы,

территории для выпаса скота уменьшены. Повсеместно практиковалось стойловое содержание скота, что резко отличалось от ведения скотоводческого хозяйства в других районах Хулун-Буирского аймака.

На протяжении последних 10 лет на реках Нэньцзян и Номин местное население бесконтрольно ловило рыбу, что привело к ее резкому сокращению. Для решения этого вопроса руководство хошуна приняло во внимание методы и решения, предлагаемые некоторыми государственными учреждениями различного уровня. Была одобрена идея развивать рыболовство силами государства и специально выделенных для этого крестьянских хозяйств. По данным 1984 г., появилось первое крестьянское хозяйство, целенаправленно занимающееся разведением рыбы. Водная площадь, выделенная для этого, составляла 11 тыс. 200 му [Morindabayа, 1988: 149].

В 1982 г. местности Хангураг, Синжэнь, Уркэ, Синлун подверглись нападению вредителей сельскохозяйственных растений, эрозии почвы и наводнению. Основной причиной природных катаклизмов явились уменьшение лесных массивов, распашка сенокосных угодий и пастбищ. В 1982 г. площадь посадки деревьев во всем хошуне составляла 33 тыс. му. На площади в 730 му была осуществлена посадка саженцев. Ежегодно в 80-х гг. XX в. высаживалось около 4 млн саженцев различных видов деревьев. Площадь лесов автономного хошуна увеличилась до 4 млн 210 тыс. му, площадь покрытия лесами – до 28 % [Morindabayа, 1988: 141, 143]. Надо отметить, что экологическая ситуация по всему Китаю в изучаемый период была напряженной. Работая под лозунгом «Сеять пшеницу до самой макушки горы, сажать рис до самого центра озер», население нещадно вырубало леса. Результаты подобного отношения к природе не замедлили сказаться. Началась повсеместная деградация земель, включая эрозию, засоление и опустынивание [История Китая, 2016: 202].

В эти годы началась борьба с природными катаклизмами, которые ранее выражались в формуле «Весной засуха, осенью наводнения». Поэтому население хошуна с пониманием отнеслось к строительству сооружений по

использованию водных ресурсов. По данным на 1988 г., в хошуне были построены 2 ирригационные системы «Туанчжи» и «Хангураг», 42 колодца, 12 насосных станций для водоснабжения. Полив обрабатываемых площадей не ограничивался 16 тыс. му земли, как предполагалось ранее, поэтому удалось увеличить площади для поливного рисоводства. Для защиты пахотных земель, пастбищ и селений вдоль берегов рек Нэньцзян и Номин были возведены защитные укрепления длиной в 184 км. Заложены основы для полива больших площадей пахотных земель, для чего проводились работы по их выравниванию. В этот период имели место и экспериментальные работы по выращиванию зерновых в болотистых местностях [Morindabayа, 1988: 110]. Ныне дефицит водных ресурсов в аграрном секторе становится одной из важных проблем хозяйственного комплекса КНР. Зерновое хозяйство испытывает наибольшую напряженность водоснабжения. Поскольку все водные ресурсы для нужд сельского хозяйства являются общественными, существует проблема индивидуального водопользования для сверхмалых фермерских хозяйств [Папцов, 2014: 75–78].

В октябре 1984 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва было принято постановление о реформировании экономики страны [Государственный..., 1988: 35]. В том же году руководство даурского автономного хошуна Морин-Дава продолжило линию социально-экономического развития, к этому времени левый уклон окончательно утратил позиции ведущей идеологической линии [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 91].

1984 год ознаменовался еще одним крупным достижением даурского народа – созданием новых автономных образований дауров. Это событие, по всей видимости, было прямо связано с принятым в 1984 г. на 2-й сессии ВСНП 6-го созыва (15–31 мая 1984 г.) Законом о национальной автономии. Данный документ стал основным гарантом воплощения в реальной практике принципов и положений Конституции КНР о национальной районной автономии.

Согласно постановлению народного правительства АРВМ, в 1984 г. коммуна Баянтала эвенкийского автономного хошуна, созданная в 1961 г. и населенная преимущественно даурами, переименована в даурский автономный сянь (уровень национальной волости – *авт.*) Баянтала (Прил. 10). Таким образом, коммуна была преобразована в национальную волость, представляющую собой этнически-ориентированную административно-территориальную единицу четвертого, низшего, уровня административного деления КНР. Национальная волость расположена в северной части хошуна, с востока и северо-востока граничит с пос. Баян-Тохой – административным центром хошуна, на юге и западе – с пос. Шэнэхэн, на северо-западе – с хошуном Старая Барга. Основным населением Баянтала являются дауры. По данным переписи 2004 г., в ней проживали 2285 чел., из них 1426 дауров (62,4 % всего населения национальной волости). Монголов (включая бурят) в национальной волости – 395 чел., эвенков – 219, китайцев – 223, представителей других национальностей – 22 чел. [Ouyungyou-a, 2012: 83].

В апреле 1984 г. учреждена даурская национальная волость Дуэрмэньцинъ в районе г. Фулаэрцзи (*даур.* Хулан-Эрги), входящая в состав городского округа Цицикар. Данная административно-территориальная единица общей площадью 180 кв. км располагалась на юго-западе Фулаэрцзи. В ее состав входят 6 деревень, в которых имеются 3 девятилетние школы. Население, по данным 2000 г., составляло 13831 чел., из которых 2802 дауры. Известно, что в 2003 г. общий доход бюджета национальной волости составил 145 млн юаней; доход крестьян на душу населения – 3355 юаней [История дауров, 2018: 539].

В сентябре 1984 г. на правом берегу Амура, в 45 км от г. Хэйхэ была создана даурско-маньчжурская национальная волость Куньхэ (Прил. 10). В ее состав вошли 6 деревень; население, по данным 2000 г., составляло 2586 чел. Из них 773 чел. дауры, а 515 чел. – маньчжуры [Там же]. По данным Ю. Янхунена, численность приамурских дауров в 1944 г. доходила до 650 чел., в 1980 г. их насчитывалось уже 400 чел., из которых менее 100 чел. еще могли

говорить на даурском языке [Janhunen, 1996: 51]. Согласно нашим полевым наблюдениям 2007 г., людей, знающих даурский язык, становится меньше; доминирует китайский язык. Нами были выяснены некоторые исторические детали формирования даурской группы в Куньхэ. В частности, установлено, что часть дауров переселилась сюда в годы Маньчжоу-Го из местности Фулаэрци [Цыбенков, 2012а: 210]. Таким образом, можно говорить о смешанном составе приамурских дауров. Помимо исконного ядра в лице айгунских дауров, известных еще со времен цинской династии, в нем присутствуют и потомки позднейших мигрантов, представители цицикарских дауров. Доходы бюджета национальной волости в 2003 г. составили 13 млн 925 тыс. юаней, чистый доход крестьян на душу населения – 3123 юаней. В национальной волости работают 2 школы (начальная и неполная средняя), лечебно-оздоровительный центр, клуб культуры и досуга [История дауров, 2018: 539].

25 ноября 1984 г. была воссоздана даурская национальная волость Асиэр в уезде Тачэн. Она расположена на северной окраине уезда и включает 20 деревень. В национальной волости проживает 9832 чел. (по данным 2000 г.), из которых около 2 тыс. – дауры. Даурское население обитает в деревнях Цаган-Гэр, Кэцянью, Верхний Асиэр, Центральный Асиэр, Нижний Асиэр и др. В 2003 г. общий доход бюджета национальной волости составил более 93 млн 500 тыс. юаней, средний доход на душу населения – 3743 юаня. В национальной волости имеется 1 начальная школа, 5 начальных школ (с 6-летним обучением) и 1 медицинское учреждение [История дауров, 2018: 539].

Необходимо заметить, что с 90-х гг. XX в. в КНР началось сокращение национальных волостей. Если в 1986 г. в КНР было 2936 национальных волостей, то в 2000 г. их количество уменьшилось до 1356, а в 2017 г. составило 985. Эти меры не коснулись даурских национальных волостей и даурского национального района Мэйлисы. Статус национальных районов городского подчинения продолжают иметь в КНР лишь 4 района и одним из

них является даурский национальный район Мэйлисы городского округа Цицикар. Заметим, что провинция Хэйлунцзян, куда входит г. Цицикар, известна усовершенствованием системы социального обеспечения, осуществленным в начале XXI в. Она базируется на «трех линиях социального обеспечения» и «двух гарантиях». В результате объединены системы страхования по старости, безработице, лечению и др. [Лю Бо, 2019: 26].

В 1985 г. в документах ЦК КПК отмечалось о необходимости экономического и культурного строительства в местах проживания национальных меньшинств [Ставров, 2007: 11]. В августе 1986 г. и в декабре 1987 г. состоялись 4 заседания хошунного комитета 7-го созыва в даурском автономном хошуне Морин-Дава. Прошло также и 5-е расширенное заседание, включившее в себя 2 совещания партийного и административного аппарата трех уровней. Местные власти обсуждали проблемы стратегии экономического и политического развития автономного хошуна. Особое внимание было уделено структуре сельского хозяйства. В марте 1988 г. начал работу VIII съезд парткома даурского автономного хошуна Морин-Дава, на котором приняты указания к стратегии экономического развития автономного хошуна [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 91–92]. Во второй половине 80-х гг. XX в. крестьяне, получившие право за самостоятельное ведение хозяйства, прилагали все усилия, чтобы повысить благосостояние и обеспечить зажиточность семьи. К тому времени часть крестьян переходила на предприятия, находившиеся в сельской местности и обслуживавшие аграрное производство (небольшие заводы и фабрики, ремонтные мастерские, МТС и т. п.). Семейные предприятия занимались предпринимательской деятельностью с применением наемного труда. Отныне крестьянин был вынужден учитывать требования и конъюнктуру рынка, чтобы использовать предоставленную государством возможность продать излишки произведенной продукции [Белоглазов, 2017: 61].

В конце 80-х гг. XX в. основную массу населения даурского автономного хошуна Морин-Дава уже составляло собственно китайское, т. е.

ханьское население. Дауров к этому времени насчитывалось менее 10 % всего населения хошуна [Hatanaka, 1989: 27]. По данным начала XXI в., дауры, как и фуойские кыргызы и сибо, могут использовать для коммуникации родной язык, но и в целом в повседневной жизни общаются на китайском [Ван Сяомэй, 2018: 137].

Как показывают данные даурских исследователей, объемы сельскохозяйственной продукции неуклонно увеличивались в 90-х гг. XX в. В 1990–1992 гг. постепенный рост наблюдался в производстве зерновых и технических культур, овощей и фруктов. В подсобном хозяйстве резко возросли объемы производства технических культур. В животноводстве отмечалось некоторое наращивание объемов в разведении КРС и овец, в то же время есть некоторый спад в производственных объемах свиноводства и разведении домашней птицы. Медленно набирало обороты рыболовство [Даурский автономный хошун, 1998: 317–318]. В 1994 г. в отраслях, незанятых сельскохозяйственным трудом, валовая продукция составила 129 млн 830 тыс. юаней. Так, в сельской промышленности она была 69 млн 330 тыс. юаней, в строительной отрасли – 21 млн 300 тыс. Объемы валовой продукции в торговле, службе питания и сфере услуг превысили 30 млн 10 тыс. юаней, в транспорте – 9 млн 200 тыс. [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 93].

Изменения в сельском хозяйстве автономного хошуна вызвало строительство водохранилища Ниэрцзи. Известно, что этот проект являлся одним из 15 государственных проектов по возведению крупных гидротехнических сооружений. Объект был запланирован на основном русле р. Нэньцзян, на границе между Внутренней Монголией и провинцией Хэйлунцзян. В зоне затопления оказались 8 сел и 66 деревень, территории 2 лесхозов и 3 сельскохозяйственных станций, общей площадью 483 кв. км. Под водой оказались 340 тыс. му пахотных земель, 8 млн 120 тыс. кв. м. помещений и построек. Численность вынужденных переселенцев составила 520 тыс. чел. (включая провинцию Хэйлунцзян). В 2001 г. переселено 843 крестьянских двора, насчитывавших 3093 чел. [Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу, 2006: 235].

Массовое переселение народа проходило в начале XXI в. Так, в 2005 г. нами было отмечено переселение жителей с. Тэнкэ даурского автономного хошуна Морин-Дава на новые места, которые указывали на трудности в занятии огородничеством, связанные с глинистой почвой [ПМА, 2005]. Таким образом, масштабные проекты в области сельского хозяйства, в частности его водоснабжения, существенно изменили современную карту расселения дауров в хошуне Морин-Дава.

Начиная с 60-х гг. XX в. даурские автономии, в экономическом плане представлявшие собой сельскохозяйственные районы, продолжили свое развитие в русле политико-экономических преобразований китайского руководства. Начавшийся подъем сельского хозяйства даурских автономий и его механизация были отброшены назад периодом культурной революции. Многие даурские руководители, подвергшиеся репрессиям, позже были реабилитированы. С конца 70-х гг. XX в. сельское хозяйство даурских автономий начало стабильно развиваться в соответствии с политикой социально-экономических реформ в КНР. На примере даурского автономного хошуна Морин-Дава можно сделать вывод о быстрых темпах развития специально созданных экспериментальных сельскохозяйственных объединений. Так, механизированная земледельческая площадка Каядурбэн, благодаря своей эффективной деятельности, приобрела известность в Хулун-Буирском аймаке. Наряду с земледелием в годы реформ получили развитие и другие отрасли сельского хозяйства, подсобное хозяйство. Примерно в то же время в результате принятия новых мер центрального руководства КНР в сфере национальной политики был учрежден ряд даурских национальных волостей в Хулун-Буирском аймаке АРВМ, провинции Хэйлунцзян; воссоздана даурская национальная волость в СУАР. Появление новых даурских автономий, несомненно, способствовало сохранению этнической идентичности и самосознания локальных групп дауров. В 90-е гг. XX в. и в начале XXI в., несмотря на некоторые трудности переходного периода, многонациональное население даурских автономий сумело адаптироваться к

переменам и вывести свои хозяйства на новый, более качественный уровень развития.

4.3. Культура и образование дауров (XX в.)

Изучение исторического развития даурского народа в XX в. было бы неполным без обращения к таким важным составным частям его истории, как культура и образование. Они являлись своеобразным отражением достижений народа в различные исторические периоды (цинский, Китайская Республика, Маньчжоу-Го, КНР). Разные аспекты культуры даурского народа нашли отражение в работах Ма Юнь, Ху Шаоцзэна, Цзинь Фушэна, Батубаиня, Чжожэня (*даур.* Зорин), У Цзэмина и др. [Ма Юнь, 1989: 132–138; Ху Шаоцзэн, 2000: 44–54; Цзинь Фушэн, 2000: 55–58; Хэ Сяочунь, 2002: 7–15; Цзя Ю, 2002: 72–77; Батубаинь, 2002: 123–140; Хэ Сицин, 2002: 141–145; Гао Чанъюн, 2002: 146–151; Хэ Шоумин, 2002: 152–157; Э Чжунчунь, 2002: 158–159; Ван Цин, 2002: 160–163; Ань Хун, 2002: 173–177; Э Чэньгуан, 2002: 178–180; Цяо Фушэн, 2002: 181–186; Чжожэнь, 2016а: 159–161, 2016б: 286–290; У Цзэмин, 2016: 291–311; Эньхэбату, 2016: 312–320; У Цзэмин, 2016: 327–353; Тому Важэнь, 2000: 130–154; Ань Течжун, 2002: 164–172]. Вопросы начального и среднего школьного образования, учеба даурской молодежи в высших учебных заведениях северо-востока Китая, СССР, МНР и Японии изучены в публикациях Хэ Вэньчэна [1989: 113–125;], Хэ Вэньляна [2000: 87–92], Мужэня [2000: 93–96], Го Лихуа [2002: 85–90], Эньхэбату [2018: 295–303; 2019: 137–143], Су Юн [2019: 144–147] и ряда других специалистов [Хэ Цзичунь, 2002: 91–95; Хэ Минь, 2002: 96–100; До Чжаньшэн, 2002: 101–108; У Цзэцзюнь, 2002: 109–115; Гао Чжицзюнь, 2002: 110–115; Ао Баочэнь, 2002: 116–122; Мэн Лян, 2016: 321–326; Чжожигэбату, 2019: 30–36].

На примере даурского района Морин-Дава, в 1958 г. преобразованного в даурский автономный хошун Морин-Дава Хулун-Буирского аймака АРВМ рассмотрим основные вопросы формирования и функционирования

культурно-образовательной среды в даурских районах. При этом особый упор будет сделан на вопросы культурного строительства: учреждение культурных заведений, развитие художественной самодеятельности и народного творчества, радио и телевидения, этапы школьного образования со времени основания первых казенных и частных школ до современных национальных учебных учреждений.

Связующим звеном между историческим прошлым и современностью остается устное народное творчество даурского народа, возникшее еще в далекой древности и обогащавшееся на протяжении почти 300-летнего цинского периода истории. В народных преданиях особое внимание уделяется окружающей природе, условиям проживания дауров. В них просматриваются такие сюжеты, как желание народа обрести мирную спокойную жизнь, борьба человека с силами природы, подавление чертей и разных злых духов, выказывание мужества и стойкости в борьбе с ними. Среди жанров устного народного творчества выделялись 2 основных: 1) *учун*, представляющие собой стихотворения в песенной форме; 2) *жандал*, специфическими чертами которых являлись малое количество слов, свободная форма, протяжность. Также были широко распространены мифы, легенды, предания, сказки [Цыбенков, 2015: 289].

В период Цинской империи в даурских районах стало развиваться школьное образование. Первые казенные школы, где могли обучаться даурские дети, были открыты еще в 1744 г. в трех городах северо-восточного Китая – Цицикар, Мэргэн и Айгун. В эти школы зачисляли по одному ученику от каждого селения [Даур, 1989: 140]. Детей сначала обучали маньчжурскому языку и письменности, как известно, заимствованной носителями маньчжурского языка в конце XVI в. у монголов [Историческая энциклопедия, 2010: 321]. Затем ученики изучали произведения на маньчжурском языке, к ним относились «Троеслобие», «Тысячесловник», «Сборник изречений мудрецов», «Подробное изучение ханских указов», «Заметки о мировой

истории», «Сказание о трех государствах», «Удивительные явления древности и современности», «Книга в стихах» и др. [Ibid.: 142].

В 1875 г. в местности Тачэн основана начальная школа первой ступени, и дети дауров Синьцзяна получили возможность, поступив в школу, обучаться грамоте. В 1877 г. создана частная школа в селении Омно-Айл (район Хайлара; *др. назв.* Баян-Тохой, Нантунь), куда для преподавания маньчжурского и китайского языка приглашали учителя из Цицикара [Daур, 1989: 140–141]. Вероятно, она была первой частной школой, созданной в даурских районах. Широкое использование маньчжурского языка и письменности привели к вхождению большого числа маньчжурских слов в лексику даурского языка, в результате чего произошло его обогащение новыми терминами. Появилась в даурском обществе и прослойка интеллигенции, знающая маньчжурский язык. Ее представители писали свои труды на маньчжурском под влиянием литературной традиции маньчжуров (Говалинга, Сэлингэ, Чан Шун, Арабдан (1809–1885), Мамэгчи (1840–?), Цинь Дунпу (1880–1930) [Ibid.: 142–145; Wallenböck, Zikmundova, 2021: 15]. Так, в период правления цинского императора Гуансюя (1875–1908) Сэлингэ создал первый том работы «Заметки по исследованию древности». Чан Шун в этот же период написал труд «Полная история Гирина» [Ibid.: 143–144]. Необходимо заметить, что, по данным С. М. Широкогорова, еще в XIX в. маньчжурский язык вышел из употребления в Цзилине, Мукдене и частично в Хэйлунцзяне, сохранившись среди тунгусов и дауров. Если маньчжурский язык в районе Айгуня претерпел существенные изменения, очевидно, связанные с китайским влиянием, то даурские и тунгусские (эвенкийские) военные восьмизнаменной армии говорили на литературном маньчжурском языке [2017: 149].

Поэт Мамэгчи сочинял стихи на даурском языке, среди них такие произведения, как «Просмотр спектакля “си” в г. Цицикар», «На празднике в Ганжур-сумэ». Его стихотворения были широко распространены в народе. На маньчжурском языке писал Донжина, цицикарский даур, живший в Синьцзяне. Имя «Донжина» было литературным псевдонимом даура Ган

Дэхая, прибывшего в Синьцзян в составе войск, отправленных для подавления мусульманского восстания в 1882 г. Из-за болезни он был вынужден остаться в Синьцзяне, в то время как его однополчане вернулись домой. Остаток своей жизни Ган Дэхай провел среди народности сибо в Илийской долине, а в 1930-е гг. написал мемуары на маньчжурском языке, изданные впоследствии под названием «Donjina-i sabuha donjiha ejebun» (Заметки о том, что Донжина видел и слышал) [Wallenböck, Zikmundova, 2021: 15].

Некоторые произведения даурских писателей и ученых написаны на маньчжурской письменности, но с использованием даурского языка [Бадажунга, 1989: 278–282; Эньхэбату, 2016: 354–359]. В основном труды даурской интеллигенции были посвящены историческим деяниям и фактам из жизни даурского этноса, путешествиям, составлению родословных даурских родов, а также военным действиям в Приамурье в период русско-цинских войн. Они собирали также официальные документы, статистические отчеты и финансовые счета, что в дальнейшем явилось неоценимым подспорьем в деле изучения истории дауров. Многие китайские исторические сочинения и образцы китайской художественной литературы переведены на маньчжурский язык, поэтому даурская интеллигенция начала знакомиться с китайской культурой.

В конце правления династии Цин в некоторых школах преподавались китайский и монгольский языки. В начале XX в. в рамках проведения новой политики цинское правительство начало реформирование образования. В 1905 г. в Айгуне и Мэргэне были основаны начальные школы первой ступени. Затем школы появились в районе Западной Бутхи, в селении Нирги, в Хайларе. В начале XX в. в даурских селениях открылись немногочисленные средние и частные школы. В 1905 г. в Восточной Бутхе появилось подготовительное отделение педагогического училища. В 1908 г. основано педагогическое училище, где готовили учителей маньчжурского и монгольского языка провинции Хэйлуцзян. В том же году созданы школы в Тачэне (уезд

Синьцзяна) [Даур, 1989: 141–142]. Таким образом, даурская молодежь получила возможность обучения в средней школе.

В конце XIX – начале XX в. казенных школ было недостаточно для обеспечения потребностей дауров в образовании. Так, в Западной Бутхе в 1907 г. проживало 10 119 чел., из которых лишь 34 чел. обучались в казенной школе. Поэтому большую роль играли частные школы, где работали учителя по найму. Количество учеников в них было различным и зависело от размеров селений и состоятельности жителей. Так, в частной школе с. Харат, где проживали цицикарские дауры, училось более 30 чел. Гораздо меньше учеников было в частной школе с. Кунхэ (район Айгуна), чье население состояло из 10 дворов [Даур, 1989: 202].

С установлением власти Китайской Республики передовая интеллигенция даурского народа активно поддержала образовательные и культурные реформы нового правительства. Росло количество начальных и средних школ, педагогических училищ. В этот период школьное образование дауров сделало большой шаг вперед: преподавание велось с использованием современных на тот момент времени педагогических методов и практик.

В 1915 г. в Цицикаре начала работу средняя школа монгольских хошунов провинции Хэйлунцзян, куда были приняты и даурские дети. В 1925 г. школа объединилась с педагогическим училищем. Поскольку появились затруднения в поступлении в школу монгольских и даурских детей, монголы Горлоса и Джалайта совместно с даурами Цицикара создали Совет по образованию в монгольских хошунах [Даур, 1989: 202–203]. Благодаря его деятельности, в Цицикаре было открыто педагогическое училище подготовки учителей монгольских хошунов. В дальнейшем его выпускники своим примером способствовали увеличению заинтересованности и дальнейшему поступлению молодежи в школы [Даурские деятели, 2017].

В уезде Тачэн Синьцзяна в 1915 г. создана т. н. «народная» школа. Она была малокомплектной, ежегодно принимала лишь 18 учеников из числа дауров. В 1935 г. преобразована в казенную начальную школу первой ступени,

затем разделена на 2 казенные начальные школы первой ступени, в селах Асиэр и Халанбах [Dayur, 1989: 202–204].

В 1918 г. в Хайларе появилась частная начальная школа монгольских хошунов Хулун-Буира. Учредителями стали даурские деятели Мэрсэ и Фуминтай [Atwood, 2002: 132]. Существуют некоторые разночтения в ее создании. Так, Мэрсэ писал, что, работая писарем в Баргинском ямыне, он как общественный деятель организовал в Хайларе в 1918 г. начальную монгольскую школу, где являлся директором [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 3]. С другой стороны, Фуминтай подчеркивал первостепенную роль организации молодежи Хулун-Буира в учреждении школы. Он указывал, что летом 1918 г. «нашей организацией» (речь идет об организации молодежи Хулун-Буира – *авт.*) была создана в г. Хайларе национальная монгольская школа. Средства на постройку были собраны среди богатых монголов [Там же. Д. Р-39318. Л. 27]. Поначалу школа располагалась в доме Мэрсэ, затем в здании районной администрации. Весной 1919 г. она получила статус государственной школы монгольских знамен Хулун-Буира [Atwood, 2002: 132]. В ней обучалось более 100 дауров, монголов, эвенков, изучали китайский язык, монгольскую письменность. В 1921 г. распахнула свои двери начальная школа в даурском селении Мэхэртэ. Как и в случае с учреждением школы в Хайларе, Мэрсэ указывает только себя в качестве ее основателя: «В дер. Мехертэ я организовал начальную монгольскую школу» [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 4]. Фуминтай же подчеркивает роль организации молодежи Хулун-Буира в открытии начальной (в тексте – национальной) школы в с. Мэхэртэ. Примечательно, что на основание школы деньги в размере 1500 руб. наличными были даны бурятским деятелем Ц.-Е. Цыдыповым [Там же. Д. Р-39318. Л. 30].

В селении Цицикар в 1922 г. открыт филиал педагогического училища № 1. Большую роль в его создании сыграла деятельность Ян Сяньвения и других представителей передовой даурской интеллигенции. В 1922 г. в филиале обучалось более 30 чел., в 1928 г. количество возросло до 100 учеников. Начиная с 1922 г. в деревнях Чонгияту, Мэйсэл, Инчин, Дурбэнчен

появились полные начальные школы. Продолжали работать частные школы в селах Харат и Кунхэ, обучение в них проводилось на китайском языке, к тому времени полностью вытеснившем маньчжурский язык.

По данным администрации Западной Бутхи, в 1923 г. в районе имелись 1 казенная начальная школа второй ступени, 6 казенных начальных школ первой ступени, 5 частных начальных школ [Morindabayа, 1988: 194]. В г. Нирги размещалась казенная начальная школа второй ступени, в деревнях Арун, Чуаргал, Ушкэн-Мэрдэн, Син-лун-бу, Дэнткэ, Холли – казенные начальные школы первой ступени. В 1925 г. в них обучалось 362 ученика. В 1929 г. в Мукдене основано педагогическое училище. Инициатором его открытия явился Мэрсэ. Помимо монголов и дауров, в школе числились китайцы и корейцы [Daуur, 1989: 203].

Все более доступным в период Китайской Республики становилось изучение китайского языка. Появились частные школы, спонсируемые богатыми семьями, в них работали и учителя китайского языка. Почетным стало знание китайской каллиграфии. Среди дауров появились искусные каллиграфы. Одним из них был Мэн Сишунь, знаток маньчжурского и китайского языков в Бутхе.

Как известно, одним из важных моментов в развитии национальной культуры и образования является наличие собственной письменности у народа. Попытки разработки своей письменности предпринимались даурами в начале XX в. В 1916 г. ученый Чин Тунпу создал даурский алфавит на основе кириллицы. В 1920 г. Мэрсэ решил использовать латиницу для создания даурской письменности. Чин Тунпу и Мэрсэ стремились внедрить свои варианты национальной письменности в местные школы. Надо полагать, что немало дауров пыталось учиться по этим алфавитам. Однако распространение даурской письменности было прекращено с приходом китайских милитаристов [Daуur, 1989: 207]. Попытки возрождения даурской письменности на основе латиницы предпринимались в 50-х гг. XX в. [Wallenböck, Zikmundova, 2021: 15].

В период правления Китайской Республики представители даурской интеллигенции продолжали издавать исторические труды и заниматься переводческой деятельностью. Хайларские дауры Цэндэ и Мэрсэ в написании своих работ использовали классическую монгольскую письменность [Wallenböck, Zikmundova, 2021: 16]. В 1917 г. Цэндэ-гун впервые перевел на монгольский язык «Сокровенное сказание монголов», им также переведен на монгольский язык труд «История государства Юань». Мэрсэ в своих работах рассматривал национально-освободительное движение во Внутренней Монголии. Им написаны следующие статьи: «Монгольский вопрос», «Заметки о монгольском вопросе», «Движение за освобождение Внутренней Монголии», «Новая молодежь Внутренней Монголии». Сборник статей был издан в 1929 г. в Мукдене. В 1926 г. Го Кэсин подготовил книгу под названием «История районов провинции Хэйлунцзян», она включает в себя характеристики таких населенных пунктов провинции Хэйлунцзян, как Цицикар, Бутха, Мэргэн, Сяньчжи, Хэйхэ и др. Автор приводит также сведения о местных органах власти, составе населения [Собрание сведений, 1998: 73–127]. Даурский ученый Мэн Динхун написал работу «Краткая история Бутхи», она была включена в «Сборник района Ляохай», изданный в 1931 г. книжным издательством Ляохая. В 1967 г. фотокопия рукописи «Краткой истории Бутхи» издана на Тайване книжным издательством «Чэнь Вэнь» [Daур, 1989: 206].

Даурская молодежь начала обучение в других регионах Китая и даже за его пределами. По некоторым данным, много дауров отправилось в Россию и Японию, чтобы получить высшее образование [Латтимор, 1936: 100]. Известно, что в 1925 г. 5 даурских девушек прибыли на учебу в Верхнеудинск и Москву [Базаров, 2002: 47]. Еще в 1921 г. на учебу в Японию в г. Токио были отправлены 3 человека, в их числе Хуалинтай, племянник Мэрсэ – Эрхимбато и бурят Демчиков Будадари [ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 30]. Отметим, что даурская интеллигенция уделяла особое внимание обучению передовой молодежи. К примеру, в Восточной Бутхе студентам из малоимущих семей,

обучающимся за рубежом, оказывали финансовую помощь. Широко известны имена Эвлэчуна, Ба Чжинбу, Мэрсэ и Фу Минтая, Чжин Ючжу, Ян Сяньвэня, Кай Ина, которые внесли большой вклад в развитие школьного образования дауров.

В период правления Китайской Республики появилось немало средних и высших школ, в которых даурская молодежь продолжала свое образование. Молодые люди предпочитали следующие учебные заведения: педагогическое училище подготовки учителей маньчжурского и монгольского языков провинции Хэйлунцзян, педагогическое училище № 1, среднюю школу № 1 провинции Хэйлунцзян, среднюю школу монгольских хошунов в г. Цицикар, педагогическое училище подготовки учителей монгольских хошунов в г. Цицикар, военную школу Бэйпина, педагогический институт Бэйпина, Центральную политическую школу в Нанкине, Институт русского и французского языков в Бэйпине, специальную школу живописи в Шанхае, монгольско-тибетскую школу в Бэйпине, педагогическое училище монгольских хошунов Северо-Восточного края. Из японских учебных заведений дауры обучались в Университете Васэда, Университете изучения японского языка, школе торговли в Нагасаки, специальной школе живописи в Токио.

В 1932–1945 гг. образование и культура дауров северо-восточного Китая стали развиваться в рамках марионеточного государства Маньчжоу-Го. Представители даурской интеллигенции писали художественные произведения продолжали научные исследования. Так, ученым Чин Тунпу, владевшим, помимо даурского и монгольского, еще тремя языками – китайским, маньчжурским и русским, был подготовлен черновой вариант работы по истории даурского народа. Исследователь Хэ Вэйчжун написал труд, посвященный истории даур-монголов, проживающих в районе р. Нонни. В 1933 г. в Мукдене книжным издательством «Гуандун» был издан труд Алтангата «Исследование даур-монголов» (Dawoer menggu kao). В нем изучены основные этапы истории дауров с VIII в. до 1917 г.; автор описывает

события XVII в., связанные с проникновением в даурские земли отрядов В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, особое внимание уделяет личности князя Гантимура [Собрание сведений, 1998: 6–38].

Большое развитие в период Маньчжоу-Го получило школьное образование. Повсеместно появились начальные школы, основана группа средних школ, а также профессиональные училища. В средних и старших классах школ проводили пропагандистскую работу под лозунгами: «Счастливая страна под управлением императора», «Волевые мысли о создании государства», «Совместное проживание и процветание в большой Восточной Азии». В большинстве школ преподавался японский язык, дисциплина «Мораль и нравственность народа и государства».

В годы японского владычества увеличилось количество учащейся молодежи. После завершения средней школы часть учащихся поступала в высшие учебные заведения или продолжала обучение в Японии. В 40-х гг. XX в. во многих горных селениях хошунов Морин-Дава и Баян были основаны начальные школы первой ступени. В г. Нирги, селах Эргэ, Бордо, Хонгорог, Шибэрту, Дэнтэкэ, Арал, Голли, Тэмээн-Хузуу, Мандухчен открыты полные начальные школы со сроком обучения 6 лет.

В районе проживания цицикарских дауров были основаны начальные школы первой ступени. По просьбе населения создано более 10 полных начальных школ. В землях хайларских дауров функционировали 2 школы – в Нантуне и Мэхэртэ. Резко увеличилось количество учащихся школ. Если в годы правления Китайской Республики в хошуне Морин-Дава насчитывался 281 ученик, то в 1936 г. их число достигло 562 чел. В частной школе с. Харат раньше училось около 20 чел., то в 1936 г. учеников стало примерно 100 чел. В школе с. Цицикар учащихся раньше было около 30, в 1934 г. их число выросло до 120. В 1932 г. хайларские дауры основали в с. Нантун начальную школу. В год ее основания поступило 35 учеников, в 1944 г. в ней насчитывалось уже 198 чел. В средних и старших классах всех школ обычно проводилась пропагандистская работа под лозунгами «Счастливая страна под

управлением императора», «Волевые мысли о создании государства», «Совместное проживание и процветание в большой Восточной Азии». В школах преподавался японский язык, дисциплина «Мораль и нравственность народа и государства». В 1935 г. в г. Нирги была открыта женская начальная школа, в которую поступило 80 чел. [Morindabaγa, 1988: 196–197]. Для лиц, желающих продолжить обучение, были открыты средние школы. В 1935 г. из Мукдена в Цицикар было переведено педагогическое училище. Состоялось объединение двух педагогических училищ – Мукдена и Цицикара. В 1937 г. указанное училище стало размещаться в административном центре провинции Восточный Хинган – г. Чжаланьтунь. Оно было переименовано в Хинганское педагогическое училище. Срок обучения обычной группы составлял 5 лет, обучение специальной группы длилось 2 года. В том же году в Чжаланьтуне был открыт народный институт со сроком обучения 4 года. В 1942 г. там же был основан народный женский институт.

В Вангийн-сумэ (*кит.* Ваньмяо) начали работу Хинганский институт с 4-летним сроком обучения, институт усовершенствования. В Хайларе были основаны «первый» и «второй» институты. В г. Цицикар функционировало много средних школ. В Чжаланьтуне и Нирги открылись земледельческие средние школы, представлявшие собой специализированные учебные заведения.

Появление различных учебных заведений дало новые возможности и перспективы для учащейся даурской молодежи. Основание школ сопровождалось открытием нормальных условий для обучения молодежи. Например, учеба в педагогическом училище в Чжалантуне была полностью бесплатной, включая проживание в общежитии, питание. Тем самым большая помощь оказывалась студентам из бедных семей. Хинганское педагогическое училище выпустило группу учителей, оказавших большую роль в дальнейшем становлении школьного образования в даурских районах. Некоторые дауры работали на высших должностях в сфере образования. Например, начальник отдела просвещения провинции Восточный Хинган Чо Шунчжэн создал в

1942 г. частную женскую гимназию в г. Чжалантун. В ней бесплатно обучались девушки из числа национальных меньшинств – дауров, эвенков, орочонов и монголов. Проживание, питание и обмундирование также были бесплатными. В 1943 г. эта гимназия приобрела государственный статус. С момента создания и до и закрытия в 1945 г. в ней прошли обучение 180 девушек. Известно, что набором в женскую гимназию и другие учебные заведения Маньчжоу-Го занимался даур Урудигулань [Даурские деятели, 2017].

Наряду с увеличением учащихся средних школ наблюдался рост числа студентов-дауров в высших учебных заведениях. Многие выпускники средних школ поступали в Харбинский университет хозяйства и промышленности, Гириинский педагогический институт, Чаньчунский университет «Цзян Хэ», Чаньчунский университет права и политики, Чаньчунский медицинский университет, Южно-Маньчжурский медицинский университет, Мукденский университет земледелия и другие высшие учебные заведения Китая. Кроме того, часть даурской молодежи обучалась в японских средних школах, некоторые продолжали образование в Университете Тохоку, медицинском университете, Университете хозяйства и промышленности, Университете земледелия, Научном институте природных исследований в г. Хиросима.

Если основываться на статистических материалах, то в августе-сентябре 1945 г., когда Япония потерпела поражение во Второй мировой войне, число дауров хошунов Морин-Дава и Баян, получивших или получающих на тот момент высшее образование, составляло около 30 чел. Из них число лиц, с высшим образованием в Японии было 10 чел. Из 30 цыцикарских дауров, имеющих высшее образование, 10 обучались в Японии. Среди хайларских дауров также имелись лица, проходившие обучение за рубежом [Даур, 1989: 237–239]. Несмотря на многие положительные моменты в школьном образовании, период Маньчжоу-Го ознаменовался применением различных воспитательных мер японцев по отношению к местному населению. Так, было собрано и сожжено большое количество китайских и маньчжурских книг и

рукописей, хранившихся у дауров. Надо полагать, что вместе с ними были уничтожены и редкие экземпляры, имевшие большую научную и культурную ценность. По данным информантов, уничтожение книг и рукописей, изъятых у даурского населения, имело место и в период ввода войск Российской империи в Маньчжурию для подавления восстания ихэтуаней в 1900–1901 гг. Так, множество книг было сожжено русскими военными в уезде Нэхэ [ПМА, 2015].

В годы правления марионеточного государства Маньчжоу-Го культура дауров развивалась в русле японской культурной политики. Есть мнение, что до 1945 г. культурная жизнь в даурских районах, в частности в хошуне Морин-Дава, не отличалась особым развитием и разнообразием. Лишь по праздничным дням и на свадьбах можно было услышать народные песни, благопожелания, загадки [Morindabaγa, 1988: 174]. Песни дауров можно разделить на 4 вида: заендале, хакумайле, уцинъ, ядэгенижуо. Все песенные жанры в основном были простые и содержательные [Лянь Лю, 2017: 93]. Популярностью пользовались также сказители легенд и былин, которые наизусть знали их стихотворные варианты. Высоко ценились образованные люди, которых специально приглашали для чтения китайской классической литературы периода средневековья. Обычно собравшиеся слушали следующие сочинения «Троецарствие», «Сказание о династиях Суй и Тан», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», «Записки о необычном» [Morindabaγa, 1988: 174]. Равномерное течение культурной жизни дауров было нарушено новыми веяниями, привнесенными китайскими коммунистами.

После окончания гражданской войны и образования КНР новое правительство стало проводить культурную политику в тесной увязке с политическими задачами и идеологическим воспитанием [История, 2004: 138]. В эти годы местные органы власти и партийный комитет хошуна Морин-Дава вели активную пропаганду политики КПК, в том числе проводя и литературно-художественные мероприятия. Особое внимание уделялось также и торжествам по случаю праздничных и памятных дат.

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. в сложное положение попали школы; школьные учителя совершили, по сути, трудовой подвиг, сумев подготовить первые школьные выпуски к поступлению в высшие и средние специальные учебные заведения. В то время школы повсеместно испытывали трудности, связанные с нехваткой инвентаря и учебных материалов. С 1952 г. в школах проводилась политика всестороннего развития учащихся, включавшая нравственное, интеллектуальное, физическое и культурное совершенствование. Большое значение в школьном обучении придавалось идеологической составляющей, «служению Родине во имя народа». В результате некоторые ученики, следуя призыву строительства «новой деревни», возвращались в родные селения, чтобы участвовать в сельскохозяйственном производстве. В 1958 г. ЦК КПК и Госсовет КНР официально обнародовали новую политику в сфере образования. Идеологическое воспитание учащихся усилилось, особое внимание уделялось осознанию учащимися таких понятий, как «классы», «производительный труд», «массы», «диалектический материализм».

Культурная работа в хошуне Морин-Дава первоначально была возложена на отдел пропаганды хошунной администрации. В дальнейшем, по мере расширения сферы культуры, было решено передать полномочия отделу культуры и образования. Этот отдел, созданный в 1952 г. на основе отдела образования, просуществовал недолго. В 1956 г. он распался на отдел образования и культуры. Затем, в 1958 г. вновь был воссоздан отдел культуры и образования. В целом вся история становления отдела культуры связана с последующими упразднениями и преобразованиями. В частности, известны следующие этапы его становления: февраль 1959 г. – общий отдел культуры, образования и здравоохранения; август 1959 г. – отдел культуры и образования; апрель 1962 г. – отдел культуры, образования и здравоохранения; август 1962 г. – отдел культуры и образования. В годы культурной революции, с 1966 по 1973 г., культура хошуна находилась под контролем политического и культурно-просветительского отделов ревкома. В 1973 г. был восстановлен

отдел культуры и образования, в 1981 г. создан отдел культуры [Даурский автономный хошун, 1998: 941]. Таким образом, можно констатировать, что становление отдела культуры хошунной администрации Морин-Дава проходило в непростых условиях постоянных преобразований. Очевидно, непростой проблемой для руководства хошуна явилось разграничение образовательной и культурной сфер.

Важную роль в развитии даурской культуры играли художественная самодеятельность и народное творчество. Известно, что в августе 1958 г. во время праздничных мероприятий в рамках создания даурского автономного хошуна Морин-Дава выступил даурский ансамбль песни и пляски [Хулун-Буир жибао. 1958. № 886. 1 окт.]. В 1959 г. в даурском автономном хошуне Морин-Дава создан ансамбль народной песни и танца. Помимо даурского большинства, в него входили и представители других народов – эвенки, маньчжуры, китайцы, монголы. При проведении различных культурно-массовых мероприятий участники ансамбля использовали даурский и китайский языки. Они выступали не только в своем хошуне, но и неоднократно принимали участие в концертах более высокого уровня [Morindabayа, 1988: 175]. По всей видимости, основу ансамбля составили самодеятельные артисты, которых, как и в других регионах КНР, направляли профессиональные деятели культуры [История, 2004: 141]. В 1965 г. ансамбль песни и танца в составе 6 чел., представлявший даурский автономный хошун Морин-Дава, принял участие в крупном концерте государственного значения, проводившемся в АРВМ. Высокопоставленные лица партии и государства отметили выступление даурского ансамбля. После концерта специально была организована встреча с ними. Свои симпатии к даурским артистам выразили зрители, прибывшие из других провинций КНР [Morindabayа, 1988: 175–176]. В годы «большого скачка» и культурной революции многие достижения в сфере культуры в АРВМ были утрачены [Жамсран, Эрдэнэбаяр, Алтанцэцэг, 1996: 135].

В развитии школьного образования большое значение имела кампания «Учимся у товарища Лэй Фэна», развернувшаяся в 1963 г. в школах хошуна. Краткая, но яркая биография сироты, обретшего семью в лице КПК, была популярна в КНР, поскольку отвечала конфуцианскому учению об идеальном человеке [Ишутина, 2017: 42].

В эти же годы происходят серьезные перемены в литературной культуре дауров. В 1964 г. они были официально признаны национальным меньшинством, не имеющим письменности. И с этого времени прекращается передача различных видов даурской письменности молодому поколению [Wallenböck, Zikmundova, 2021: 15–16].

В период культурной революции школьное образование находилось в тяжелой ситуации. Обучение проводилось на основе специальных инструкций, принятых в 1967 г. После окончания культурной революции в развитии школьного образования наметились улучшения [Даурский автономный хошун, 1998: 891]. Осенью 1977 г. в КНР началась разработка новых школьных программ, намечены меры по повышению квалификации преподавателей. В 1978 г. на государственном уровне приняты такие документы, как «Предложения по усилению преподавательского состава средней школы», «Проект создания основных средних школ». Министерством образования КНР была утверждена 10-летняя система среднего образования [История Китая, 2016: 56–57]. По данным на июль 1983 г., в хошуне насчитывалось 412 начальных школ, из них национальных школ было 58. Из 24 средних школ национальными считались 7 школ. Во всех начальных школах хошуна обучалось 34293 учащихся, в том числе 3835 дауров, в неполной средней школе – 7647 учеников, включая 1589 дауров. В полной средней школе – 1058 чел., из них 256 дауров. В административном центре автономного хошуна – г. Нирги имелись 3 начальные школы, из них 1 национальная школа. В Нирги имелись также национальная средняя, спортивная школы, школы заочного обучения и переподготовки учителей. В 1983 г. количество учащихся в школах г. Нирги составило 5040 чел. Большим

достижением школьного образования было поступление в начальную школу детей в соответствии с достижением школьного возраста. Так, количество детей, поступивших в школы по достижении ими школьного возраста, достигло 96 %. С 1952 по 1982 г. неполные средние школы закончили 12658 чел., в том числе 8692 даура. Из 6642 учеников, закончивших полные средние школы высшей ступени, дауров было 2310 чел. Из 420 студентов высших учебных заведений 189 дауры. Успешно развивались дошкольное и заочное обучение. В хошуне работали 4 детских сада, в школах – 39 дошкольных групп. В детских садах и дошкольных группах насчитывалось 958 даурских детей. Была налажена подготовка преподавателей даурской национальности, а также направление учителей в даурские села хошуна. Из всех учителей, составлявших 2666 чел., дауров было 525. В хошуне была основана школа переподготовки учителей, открыт центр по управлению учителями начальных школ, расположенных, в основных даурских селах. В середине 80-х гг. XX в. 49 учителей средних школ были обучены по специальной программе подготовки учителей высшей категории. Руководство начальных средних школ стремилось к повышению качества образования, применяя различные образовательные методики преподавания и обмениваясь педагогическим опытом работы [Morindabayа, 1988: 198–200, 265]. Согласно статье 37-й Закона о районной национальной автономии в программу обучения в национальных школах был введен китайский язык (путунхуа). В законе оговаривалось, что в младших классах начальной школы возможно обучение на национальных языках (при наличии соответствующих условий) [Москалев, 1992: 33]. По нашим данным, дауры в этот период не имели условий для обучения на родном языке. Лишь в начале XXI в. в ряде даурских национальных школ, в частности в с. Арала даурского автономного хошуна Морин-Дава, стала наблюдаться тенденция к проведению занятий на даурском языке. Учителя используют учебные пособия, где даурские слова (вернее, слоги) переданы в китайской иероглифике. Отсутствие своей письменности не самым лучшим образом сказывается в школьном обучении. В целом, можно

говорить о насущной проблеме сохранения даурского языка [Эньхэбату, 2000: 182–197; Аонай, 2015: 141–144].

В середине 80-х гг. XX в. большое развитие получила художественная самодеятельность даурского автономного хошуна Морин-Дава. Творческий коллектив хошуна специализировался на исполнении даурских песен и танцев, создал немало красивых номеров. Неуклонно повышался уровень исполнительского мастерства. Высоких наград от Хулун-Буирского аймака и АРВМ были удостоены танцевальные номера «Счастлиное горное селение», «Девушка-водовоз», «Утро»; песни «Весна в Морин-Дава», «Восхваление КПК», «Песня Родины»; постановки «Песня моей души в варгане», «Посвящение любимой Родине». В 1982–1983 гг. даурский ансамбль песни и танца с успехом выступил на торжественных культурно-массовых мероприятиях в Хух-Хото и Пекине. В августе 1984 г. ансамбль был направлен на 4-месячные гастроли в провинцию Сычуань и Тибетский автономный район КНР, которые прошли успешно. 24 декабря 1984 г. в Хух-Хото состоялось совещание отдела культуры и Совета по делам национальностей АРВМ, на котором решался вопрос о награждении творческого коллектива даурского автономного хошуна Морин-Дава. Аналогичное собрание прошло и в правительстве АРВМ. Для вручения наград специально прибыли из Пекина 2 высокопоставленных чиновника из Государственного комитета по делам национальностей КНР. На торжественном собрании участники даурского ансамбля были награждены почетными знаками и дипломами, памятным кубком и денежной премией. В культурно-просветительской жизни даурского автономного хошуна Морин-Дава немалую роль играли и другие самодеятельные коллективы. Среди них своим творчеством заметно выделялись самодеятельные кружки сел Тэнкэ и Алла. Так, Буювэ – исполнитель на народном даурском инструменте мукулен (варган) из с. Тэнкэ занял 2-е место на конкурсе художественной самодеятельности в АРВМ. Самодеятельные коллективы хошуна неоднократно принимали участие в концертах и других культурно-массовых мероприятиях различного уровня.

Известно, что в 1964 г. они участвовали в концерте государственного уровня, посвященном культуре малочисленных национальных меньшинств КНР. Из других достижений можно отметить 1-е место даурского самодеятельного коллектива в смотре художественной самодеятельности Хулун-Буирского аймака в августе 1983 г. [Morindabayа, 1988: 177–179].

В 80-х гг. XX в. в даурском автономном хошуне Морин-Дава стали функционировать Дом театра и кино, Дворец культуры, Дворец детского и юношеского творчества, библиотека. В 12 селах открыты дома культуры, ставшие площадками для различных культурно-массовых мероприятий. В них начали свою деятельность образовательные кружки. Особое внимание уделялось народному творчеству. Проводились мероприятия, направленные на развитие жанров устного народного творчества, рисования, постановку спектаклей. Собирали работы, сделанные руками народных умельцев.

В культурной жизни населения даурского автономного хошуна Морин-Дава особую роль сыграл книжный магазин «Синьхуа». Еще 13 июля 1949 г. северо-восточный филиал сети «Синьхуа» провел в г. Цицикар собрание по вопросу расширения сети книжных магазинов. На нем присутствовали специалисты из отдела пропаганды хошуна Морин-Дава. Их предложение об открытии магазина в Морин-Дава было поддержано. После двух месяцев подготовительных работ 1 сентября 1949 г. состоялось его открытие в г. Нирги – административном центре даурского автономного хошуна Морин-Дава. Поначалу магазин располагался в маленьком помещении (около 30 кв. м), первые шкафы для книг были сколочены из старых досок. Большую часть фонда составляли учебники и художественная литература. К 1952 г. объемы продаж увеличились, соответственно, появились и новые торговые точки. Книжный магазин стал организовывать выезды в сельские районы, что существенно облегчало доступ любителей книг к источникам, в селах стали открываться торговые точки по продаже книг. В 1954 г. книжный магазин приобрел новое, более просторное помещение. В продажу книг были вовлечены сельские кооперативы, число торговых точек увеличилось до 10. В

1966 г. для оперативной продажи книг в сельской местности приобретен трехколесный мотоцикл. В начале культурной революции книжный магазин «Синьхуа» работал в прежнем темпе, однако со временем был вынужден закрыться. Очевидно, застой продолжался недолго, поскольку уже в 1968 г. магазином было продано 15 тыс. статуэток Мао, а также его произведения, включая «Цитаты Председателя Мао Цзэдуна». В 1973 г. был пополнен штат сотрудников до 11 чел., в 1976 г. коллектив «Синьхуа» в г. Нирги был признан лучшим в провинции Хэйлунцзян (в этот период территория даурского автономного хошуна Морин-Дава была выведена из состава АРВМ – *авт.*). В начале 80-х гг. XX в. магазин «Синьхуа» расширил сферу своей деятельности и улучшил качество обслуживания [Даурский автономный хошун, 1998: 943]. Таким образом, благодаря его отлаженной работе своевременно распространялись учебные материалы, население хошуна могло ознакомиться с новой художественной литературой.

Новым явлением в культурной жизни хошуна стали радио и телевидение. Проводная радиосеть с 1952 г. охватила сельские районы Китая [Юехун, Шеин, 2009: 109]. В том же 1952 г. была создана первая кинооператорская группа в хошуне Морин-Дава, и с этого времени население стало смотреть кинофильмы. С 1958 г. кино показывали в Национальном дворце культуры, рассчитанном на 700 мест. В 80-х гг. XX в. переименован в Дворец детского и юношеского творчества. В 1982 г. построен новый кинотеатр на 1200 мест. В середине 80-х гг. XX в. в хошуне работали 43 кинооператорские площадки. Что касается развития радио, то первая радиостанция начала работать в 1955 г. Количество радиоточек со временем достигло 17, общая протяженность проводной сети – 266 км. С увеличением доходов населения появились радиоприемники. В 1973 г. радиостанция начала вести передачу на даурском языке. В этот период радио играло важную роль в жизни хошуна. Население получало новости как государственного, так и регионального уровня; было информировано о текущих делах в хошуне, об общественно-политическом и социально-экономическом развитии других

национальных автономий КНР. Середина 80-х гг. XX в. ознаменовалась быстрым распространением телевидения. Более 1 тыс. семей в г. Нирги имели телевизоры. С 1988 г. стала функционировать телевизионная станция [Morindabayа, 1988: 175–176, 180]. Вместе с появлением радио и телевидения, интерес к даурам, их богатому историческому наследию начали проявлять китайские кинорежиссеры. На основе исторических событий XVII в. был снят кинофильм «Аолий илан» (Свет горы). На киносъемки в качестве актеров были приглашены 4 артиста из самодеятельных коллективов. Помимо исторического прошлого, интерес китайских специалистов вызывало также устное народное творчество дауров. В 1979 г. издательство отдела культуры г. Шанхай опубликовало на китайском языке сборник «Устные народные сказки дауров». Большинство вошедших в этот сборник сказок были собраны в селах даурского автономного хошуна Морин-Дава. Информаторами Мэн Чжидуна (составителя сборника) были сказители Мэн Чжуаньхай, Бэлгэтэй, Ао Хэюн, Ду Чиндэ, Дахалжин и др. [Meng Ji Dǔng, 1983: 23–58]. В 1983 г. сборник был переиздан в г. Хух-Хото на монгольской письменности [Zikmundova, 2022: 10].

В изучаемый период особое внимание было уделено и песенному наследию дауров. В 1978 г. работники Дома культуры собрали немало старинных и новых народных песен. Некоторые из них вошли в сборник «Народные песни дауров, эвенков и ороحوнов», изданный в 1981 г. в АРВМ [Morindabayа, 1988: 182]. В этот период получили развитие и научные знания. Плодотворно трудился известный в регионе ученый и каллиграф Мэн Сишунь. Его перу принадлежат такие работы, как «Заметки о даурах хошуна Морин-Дава», «Учебник для преподавания даурского языка». В 1953 г. он завершил написание рукописи монографии «История даурского народа». Эта работа состояла из 12 глав, посвященных происхождению и этнической истории, материальной и духовной культуре дауров [Маньдуэрту, 2007: 480]. Мэн Сишунь известен также тем, что в 1959 г. накануне 10-летнего юбилея по случаю образования КНР подарил Мао Цзэдуну чашу и пиалу с серебряным

орнаментом. Начиная с 1958 г. даурскими исследователями были предприняты шаги по написанию истории даурского народа. Исследовательские работы были прекращены в годы культурной революции. В 80-х гг. XX в. коллектив авторов во главе с Мэн Чжидуном возобновил написание монографии и в 1989 г. она была издана. Следует заметить, что одновременно велась работа по изучению истории даурского автономного хошуна Морин-Дава. В ней приняли участие представители передовой научной интеллигенции – Телинга, Насанбо, Ао Фэнчжу и др. Эти даурские ученые явились продолжателями научной традиции, заложенной в период Цинской империи и Китайской Республики исследователями Говалинга, Алтангат, Цзинь Тунпу, Мэн Динхун. Следует отметить, что в целом о развитии науки и ее отдельных направлений в даурских автономиях имеются публикации И Суна [1989: 363–369], Мэнхэ [2000: 22–32], Тао Юйкуня [2000: 110–115], Ао Цзинфэна [2016: 365–375], Чжожэня [2016: 274–276] и других исследователей [Эньхэбату, 2000: 1–21; 2018: 9–16; У Цзэмин, 2016: 265–273].

Культура даурского автономного хошуна Морин-Дава в 50–80-х гг. XX в. претерпевала постоянные изменения в соответствии с политикой и идеологией конкретных исторических периодов становления КНР. Несмотря на негативные моменты, в основном связанные с периодом культурной революции, в развитии культуры наблюдается положительная динамика. Новым явлением в культурной жизни хошуна стала художественная самодеятельность, выступления творческих коллективов были неоднократно отмечены на государственном и региональном уровнях. Появление радио и телевидения вывели сферу культуры на другой, соответствующий духу времени, уровень развития. К началу 80-х гг. XX в. стабилизировалось положение дел в школьном образовании, научная интеллигенция завершила крупные монографические издания по истории и культуре дауров.

Подъем китайской экономики в 90-х гг. XX в. способствовал развитию культуры и образования во всем Китае, включая и национальные регионы

страны. Улучшения в этой сфере наметились еще в начале 80-х гг. XX в. [Цыбенков, 2019: 221]. Структура школьного обучения, очевидно, является стандартной и не имеет особых отличий от других национальных образовательных учреждений Китая (миньцзу сюэсяо и миньцзу дицюй сюэсяо). В них могут обучаться как представители национальных меньшинств (дауры, эвенки, ороконы), так и этнические ханьцы (далее – китайцы). Начальные школы подразделяются на первую и старшую ступени – сяосюэ (чусяо, гаосяо). Средние школы, как и начальные, делятся на 2 ступени – путун чжунсюэ (чучжун, гаочжун) [Гурулева, 2017: 107]. К национальной начальной школе относится школа в г. Нирги (*кит.* Ниэрцзи) – административном центре даурского автономного хошуна Морин-Дава. О развитии данной школы и вместе с тем школьного образования дауров свидетельствуют следующие факты: в 1990 г. она была признана лучшей экспериментальной школой в хошуне; с 2001 г. в ней стали применяться современные технологии и в 2003 г. она стала экспериментальной в масштабах городского округа Хулун-Буир. По данным 2005 г., можно проследить национальный состав учащихся и преподавателей. Так, в школе обучались 1482 ученика, из них дауров – 566 чел., эвенков – 82, ороконов – 6 чел., остальные – китайцы. Среди 65 учителей школы китайцев было 43 чел., дауров – 19, эвенков – 2, монголов – 1 чел. Несколько иная ситуация складывалась в селах Морин-Дава. Например, в национальной начальной школе с. Тэнкэ, по данным 2003 г., обучались 153 ученика. Из них 135 чел. были даурами, также учились 12 эвенков и 6 китайцев. Учителями работали 18 дауров, 1 эвенк и 2 китайца [Маньдуэрту, 2007: 373]. Таким образом, наблюдается увеличение доли учащихся даурской национальности в отдельных национальных школах, расположенных в местах компактного расселения дауров в Морин-Дава. К таковым можно отнести села Тэнкэ, Арала, Курулчи и др.

Что касается средних школ, то в 1992 г. в Морин-Дава в общей сложности насчитывалось 28 средних школ. Из них к школам первой ступени относились 26, к старшей – 2. Последние 2 школы находились в г. Нирги. Одна

из них – средняя школа № 1, другая – национальная средняя школа, также именуемая как «Даурская средняя школа». По данным 1992 г., 352 выпускника школы первой ступени были приняты в школы старшей ступени, 130 чел. поступили в профессиональную среднюю школу (чжие чжунсюэ). В том же, 1992 г. 71 выпускник средней школы был принят в профессиональные колледжи (чжуанькэ сюэсяо), университеты и институты (дасюэ, сюэюань). Очевидно, что около 60–70 чел. из хошуна ежегодно поступали в высшие учебные заведения, поскольку есть данные 1996 г. о поступлении в колледжи и университеты 65 выпускников из Морин-Дава [История дауров, 2018: 570]. На наш взгляд, это свидетельствует о хорошем качестве преподавания в средних школах Морин-Дава. В целом это замечание вполне применимо и к образовательной сфере Внутренней Монголии. Как показывает сравнительно-сопоставительный анализ бурятской исследовательницы, тибетолога И. Р. Гарри, Внутренняя Монголия по масштабам образования значительно опережает некоторые национальные районы КНР, в частности Тибетский автономный район [2009: 211].

Одной из самых динамично развивающихся средних школ в Морин-Дава является национальная средняя школа старшей ступени, основанная в 1981 г. В 1984 г. она имела лишь 2 класса средней школы первой ступени. Благодаря выверенному направлению партийной политики, школа сумела получить поддержку местной администрации и всех слоев общества и стать национальной средней школой, где преобладают ученики-дауры. В 2008 г. началось строительство нового здания школы, и уже в декабре 2009 г. официально введено в эксплуатацию. Она представляет собой современный учебный комплекс, включающий 2 учебных корпуса, общежитие, кафе, хоккейное поле международного стандарта для игры в хоккей на траве, 3 вида лабораторий (физическая, химическая и биологическая). По данным 2018 г., в даурской средней школе обучались 1167 учеников. Из них 70 % составляли дауры, 20 % – представители других этнических меньшинств и 10 % – китайцы. На протяжении многих лет преподавательский коллектив

придерживался особого стиля преподавания, который можно выразить как «преданность, любовь к детям, требовательность и настойчивость». Одной из отличительных особенностей даурской средней школы является обучение детей игре в хоккей на траве. Она внесена в список государственных базовых школ по обучению хоккею на траве; готовит хоккеистов высокого уровня, ее выпускники работают во многих провинциях и городах Китая. В школе тренируются некоторые игроки, входящие в составы мужской и женской национальных сборных. Книга «Обучение хоккею в средней школе», составленная преподавателями национальной средней школы на основе практической деятельности, во многом заполняет пробелы в известном в КНР учебном пособии «Хоккей в средней школе». С 2010 г. в каждом классе еженедельно проводятся уроки хоккея на траве. Таким образом, дауры сохраняют и передают потомкам свои уникальные традиционные виды спорта. Национальная средняя школа была удостоена ряда почетных званий, в числе которых «Лучшая национальная школа автономного района Внутренняя Монголия в области научных исследований», «Лучшая национальная школа городского округа Хулун-Буир в области научных исследований», «Лучший преподавательский коллектив национальной школы» и др. [История дауров, 2018: 571]. Как мы видим, национальная средняя школа в Морин-Дава получила большое развитие благодаря всемерной поддержке партийного руководства и администрации.

Школьное образование в Мэйлисы находилось в несколько ином положении, чем в Морин-Дава. Его развитие, как полагают даурские исследователи, прямо связано с восстановлением в 1988 г. даурского национального района Мэйлисы [Маньдуэрту, 2007: 378]. Из истории известно, что национальный район основан цицикарскими даурами в 1956 г. Через 2 года, в 1958 г. он был упразднен и на его месте появилась народная коммуна Хуафэн. Спустя 30 лет национальный район был восстановлен в качестве района городского подчинения без статуса автономии. Тем не менее, это событие позитивно повлияло на развитие образования цицикарских

дауров. Так, в начальной школе с. Цицикар улучшились условия для преподавательской деятельности, повысилось качество обучения. Заметим, что школа в с. Цицикар (не путать с г. Цицикар – *авт.*), основанная в 1922 г., считается колыбелью талантливых деятелей просвещения XX в. В 1999 г. она прошла переаттестацию как начальная. В 1998 г. профинансирован ремонт на 200 тыс. юаней и к 2003 г. она превратилась в современную школу с новым оборудованием.

По данным 2005 г., в ней обучался 151 ученик, из них 57 дауров, 2 монгола, остальные – китайцы. Преподавательский состав из 9 учителей по национальному признаку распределялся следующим образом: 3 даура, 1 маньчжур, 5 китайцев. Статус национальной школы был дан в 1988 г. начальной школе с. Вонюту. Со следующего 1989 г. началось строительство учебных корпусов школы. В 2002 г. на ее развитие, включая строительство различных объектов, всего было выделено 1200 тыс. юаней. По данным 2005 г., в ней обучалось 350 учеников, из них 150 дауров. Из 26 учителей 16 были даурами [Маньдуэрту, 2007: 378–379].

Развитие получили и средние школы Мэйлисы. По данным 1990 г., в районе работала 21 средняя школа, в том числе 3 средние школы для национальных меньшинств [История дауров, 2018: 570]. По некоторым данным, ситуация с обучением в этих школах была относительно хорошей. Строительство и ремонт школ в Мэйлисы не уступали средним темпам по городскому округу Цицикар, квалификация учителей соответствовала уровню. Единственным негативным моментом, по всей видимости, было малое количество или отсутствие уроков даурского языка. В связи с этим даурские деятели указывают на необходимость введения курсов даурского языка и обучения традиционной культуре народа [Гао Чанъюн, 2002: 151]. В 2005 г. в Мэйлисы насчитывалось 15 средних школ первой ступени и 4 средние школы первой ступени для национальных меньшинств. Как и в Морин-Дава, в Мэйлисы основана в 1987 г. Даурская средняя школа. В 1991 и 1999 гг. шло строительство учебных корпусов. В начале XXI в. она была оснащена

современным учебным оборудованием, имела экспериментальные классы. В ней обучалось 560 учеников, работало 68 преподавателей [Ао Баочэнь, 2002: 116]. Наблюдается рост числа учащихся, по сравнению с 1991 г., когда в школе обучалось 254 ученика и работало 40 преподавателей [История дауров, 2018: 571]. Несмотря на положительные тенденции в развитии современного образования в Мэйлисы, на наш взгляд, оно несколько уступает школьному образованию в Морин-Дава. Возможно, здесь сказывается утеря Мэйлисы статуса автономной административной единицы и вследствие этого неспособность администрации всех уровней к тотальной поддержке школьного образования.

Сфера культуры в даурских районах в начале 90-х XX в. не претерпевала ощутимых позитивных перемен. По данным 1992 г., в отделе культуры Морин-Дава, созданном в 1981 г., работали 13 специалистов. В 1994 г. в результате административных реформ он был объединен с другими отделами и стал именоваться отделом культуры, спорта, радио и телевидения. В хошуне работал также культурный центр, активно взаимодействовавший с профсоюзами. В 1990 г. благодаря их совместным усилиям проведены культурно-спортивные мероприятия, сотрудниками культурного центра опубликовано более 20 статей и заметок в местных периодических изданиях. В селах даурского автономного хошуна Морин-Дава функционировали филиалы культурного центра, в 1992 г. их насчитывалось 22 [Даурский автономный хошун, 1998: 941, 943]. По мере нарастания темпов социально-экономических реформ и пропаганды политики открытости стали появляться культурно-развлекательные заведения разной направленности. В 1993 г. в Морин-Дава работали 34 таких заведения, включая бильярдные залы, видеосалоны, залы для видеоигр – прообразы будущих интернет-кафе. К 2000 г. их количество увеличилось до 114, а в 2005 г. в хошуне работали 152 культурно-развлекательных заведения [Описание даурского, 2008: 664]. В 2004–2005 гг. в культурной жизни Морин-Дава наметились перемены, вызванные жестким контролем над использованием интернета. Стали строго

контролироваться интернет-кафе, в 2005 г. их количество уменьшилось с 41 до 38. В то же время началась борьба с пиратской продукцией, проводились изъятия незаконных аудиовизуальных материалов, книг, газет и других периодических изданий. Проверкам также подвергались любые мероприятия, не согласованные с отделом культуры, спорта, радио и телевидения. В середине 90-х гг. XX в. культурно-массовые мероприятия, очевидно, проводились нечасто, и большей частью концертные площадки пустовали. Состояние стало улучшаться в 1999–2000 гг., когда на площадях, стадионах и парках Морин-Дава было проведено 10 культурно-массовых мероприятий на тему «Люби и укрепляй Морин-Дава». Большим культурным событием стал первый национальный фестиваль культуры и искусства с конкурсами традиционных даурских песен *учун* и *жандал*, показом образцов национальной одежды, фотовыставкой, выставкой произведений живописи и каллиграфии и др., прошедший в хошуне в 16 июля по 15 августа 2001 г.

Литературная культура дауров в этот период характеризовалась полным переходом на китайскую иероглифику. По данным советского историка А. А. Москалева, дауры относятся к числу многих других национальностей КНР, не имеющих письменности. Особо он выделяет их малочисленность, включая и дауров (более 121 тыс. чел., по данным конца XX в.) в одну категорию вместе с таджиками (более 33 тыс. чел.), ачанами (более 27 тыс. чел.) [1992: 43]. Старшее поколение дауров (примерно 60 лет и старше) еще помнит распространенные в свое время системы латиницы и кириллицы и многие еще могут читать тексты, написанные на даурском языке на маньчжурской письменности. Кроме того, хайларские дауры старшего поколения используют классическую монгольскую письменность для даурского языка. Однако для большинства подрастающего поколения даурский язык в лучшем случае представляется «домашним» и знание других видов письменности, кроме китайской иероглифики, встречается крайне редко. Даурские авторы в основном пишут на китайском языке [Wallenböck, Zikmundova, 2021: 16]. Дауры – представители хайларской интеллигенции

издают свои труды на классической монгольской письменности. В основном их работы посвящены изучению даурского языка, фольклора, религии [Engkebatú, 1984; Bilid, Šoyičim, Bilig, 1987; Gobol Temúrdei, 1988; Mendúsúrún, 1990; Bilig, 2003; Oyungyou-a, 2003, Sečengerel, 2003; Yui Shan (Qas-Uul), 2007]. Даурская молодежь в школах эвенкийского автономного хошуна и г. Хайлар проходит обучение монгольскому языку и письменности. Курс на создание во Внутренней Монголии учебных заведений всех ступеней и видов с преподаванием на монгольском языке был взят еще в середине 80-х гг. XX в. И уже в начале 90-х гг. XX в. был заметен явный прогресс в этом деле [Москалев, 1992: 111–112].

Особое значение для развития даурской культуры имело открытие новых музеев и парков, в том числе даурского музея в г. Нирги (1998), музея шаманской культуры (2006), даурского национального парка (2005). Они стали важными объектами туризма, в основном внутреннего. По данным 2013 г., только один даурский национальный парк принял 667 тыс. туристов. Среди достопримечательностей парка – тотемные столбы; образцы традиционных даурских жилищ и городков-крепостей XVII в., памятники даурским предводителям, боровшимся с русскими казаками-первопроходцами в середине XVII в. В целом этот патриотический аспект музея выделяется очень ясно. За время правления Цинской династии от императора Канси (1661–1722) до Гуансюя (1875–1908) даурские воины участвовали в более чем 60 крупных сражениях. Поэтому даурская литература цинского периода во многом представлена стихотворениями, рассказами на военную тематику. В качестве примера можно привести стихотворения даурского поэта Аола Чансина «На границе», «Тоска по дому», «В казарме», «Поход в Хубэй», «Проводы мужа в войско» и др. [Сайнтана, 1997: 164].

С охраной китайско-российской границы связана судьба небольшой группы даурского населения (около 7 тыс. чел.), проживающих на северо-западе КНР, в уезде Тачэн (Чугучак). Уезд входит в состав Или-Казахского автономного округа Синьцзян-Уйгурского автономного района. В 1763 г.

состоялось переселение части дауров из Бутхи в Синьцзян. Потомки тех переселенцев, помня о большом вкладе дауров в деле охраны границ Китая, в 1989 г. установили памятник за счет добровольных пожертвований. В июне 2010 г. в Тачэне открыт даурский музей, где представлены экспонаты, фотографии, карты, рассказывающие об истории и культуре дауров Синьцзяна. Особое место в них занимает история переселения дауров, которую ряд даурских исследователей называет драматическим событием [История дауров, 2018: 580]. Дело в том, что переселение было долгим, длилось 1 год и 3 месяца; на территории Монголии переселенцы были вынуждены разделиться на 2 части. Испытав в пути многие мытарства, дауры добрались до р. Хоргос в районе Тарбагатая.

В 2000 г. открыт даурский музей в Мэйлисы. В деле его создания объединили усилия отдел культуры городского округа Цицикар, администрация Мэйлисы и Общество изучения истории и культуры дауров провинции Хэйлуунцзян. Музей Мэйлисы состоит из 4 залов: в первом представлены экспонаты и фотографии, демонстрирующие историческое развитие даурского народа; во втором – становление национальной экономики; третий посвящен народным обычаям и традициям; четвертый – культуре дауров [Там же: 577]. История и культура дауров Мэйлисы тесно связана с г. Цицикар, его основанием и становлением. Эта группа дауров также известна как цицикарские дауры. Из их среды вышли известные чиновники Мэнгэту и Мабудай, назначенные на высокие должности цинским императором Канси. Мэнгэту известен своим участием в дипломатических переговорах с Россией, закончившихся подписанием Нерчинского договора 1689 г. Мабудай также был дальновидным политиком и военным стратегом. Именно он предложил цинскому императору основать г. Цицикар в качестве стратегически важного узлового центра на северо-востоке Китая. Потомки Мабудая – представители даурского рода судур проводят памятные мероприятия, связанные с историей основания г. Цицикар. Впервые собрание по поводу увековечения памяти Мэнгэту и Мабудая состоялось в 1997 г.

Инициативная группа из трех человек – Су Бао, Су Жунчжаб и Су Фурон обсудили с администрацией г. Цицикар вопрос об установлении памятников даурским деятелям цинского периода. Этот вопрос по некоторым причинам затянулся на длительное время и лишь в августе 2015 г. в с. Чуаргал, входящем в состав Мэйлисы, был открыт памятник Мабудаю [Су Футин, Су Фурун, Су Цзиньюань, 2016: 432, 442]. Очевидно, его открытие одному из отцов-основателей г. Цицикара имело широкий общественный резонанс, поскольку ранее «даурский след» в истории основания Цицикара нигде не афишировался.

В целом основание ряда крупных даурских музеев в КНР в конце XX – начале XXI в. дало мощный толчок развитию даурской культуры, люди стали интересоваться своим прошлым – историей, обычаями и традициями. Существенно выросли темпы туризма – население всего Китая и других стран получило возможность ознакомиться с уникальной историей и культурой даурского народа. Есть мнение, что «культура – это душа туризма, а туризм – это носитель культуры», с которым трудно не согласиться. Следует заметить, что власти КНР в конце 90-х гг. XX – начале XXI в. обратили внимание на перспективы развития внутреннего туризма, что выразилось в решениях, принятых на Центральном рабочем совещании по вопросам экономики (1998), совещании Государственного совета по развитию туризма (2001) [Сун Линьлинь, 2019: 31].

Как показывают наши материалы, культура дауров, во многом основанная на жанрах устного народного творчества, уникальна и самобытна, а традиции школьного образования восходят к раннему периоду Цинской империи. Наряду с широким использованием маньчжурского языка и письменности, писатели и ученые пытались подстроить эту письменность под даурский язык, а в XX в. использовать латиницу и кириллицу. В целом в первой половине XX в. образование дауров претерпело кардинальные позитивные изменения, связанные с открытием многих начальных и средних школ, частных и женских учебных заведений, обучением студентов в городах северо-востока Китая, в СССР, МНР и Японии. Эпоха разновекторного

обучения даурской молодежи сменилась в годы КНР упором на идеологическое воспитание учащихся, усилившееся в годы «большого скачка» и культурной революции. Сфера культуры также проходила непростой путь становления, о чем свидетельствуют периодические административные реорганизации управления культуры. Сильная идеологизация культурной жизни сглаживалась появлением новых учреждений (книжный магазин «Синьхуа») и научно-технических достижений в виде радио и телевидения, интернета, способствовавших ознакомлению даурского населения как с новинками учебной и художественной литературы, так и с современной ситуацией в стране и мире.

Выводы по главе 4

Смутное время, на короткий промежуток времени воцарившееся в Хулун-Буире, роформирование сельского хозяйства, и начавшаяся гражданская война не обошли стороной даурское население. Уже осенью 1945 г. были созданы бригады самообороны в районах проживания цицикарских и бутхаских дауров, а в провинции Нэньцзян за короткий промежуток времени работало т. н. монгольское правительство – прообраз будущей даурской автономии.

Результатом национальной политики КПК на раннем этапе, а также и решительных действий провинциальных и региональных властей стало создание в 1952 и 1954 гг. даурских автономных районов Вонъюту и Гуарбэн-Асиэр в уездах Лунцзян (провинция Хэйлунцзян) и Тачэн (СУАР). Эти успехи были подкреплены в 1956 г. обретением даурами статуса самостоятельной, официально признанной народности. Состояние эйфории, в котором пребывали отдельные даурские руководители, видевшие уже очертания будущего даурского автономного района, отдельного от АРВМ, было нарушено жесткими действиями монгольского руководства во главе с Уланху. Итогом драматичной развязки истории с созданием крупной даурской автономии, стоившей карьеры ряду даурских чиновников, стало образование в августе 1958 г. даурского автономного хошуна Морин-Дава в составе АРВМ.

Развитие даурских районов в 60–80-е гг. XX в. характеризовалось неустойчивыми темпами, вызванными радикальными социально-экономическими и политическими преобразованиями в стране. Стабилизация в экономике даурских районов постепенно наступила с конца 70-х гг. XX в., когда «пионерами» быстрых темпов развития стали т. н. «экспериментальные площадки». В 80-х гг. XX в. появились новые даурские автономии уровня национальных волостей, что явилось результатом национальной политики КПК, направленной на сохранение этнической идентичности малых народностей Китая.

Дауры разных регионов, несмотря на многовековое раздельное проживание и ассимиляцию со стороны более многочисленных соседних народов, сумели сохранить свою идентичность и культуру. В первой половине XX в. культура и образование дауров пережили переход от маньчжурской традиции к китайской, сопровождаемой попытками внедрения латиницы и кириллицы в виде письменности. К тому же это время ознаменовалось обучением даурской молодежи в разных городах Китая и даже странах, соответственно, увеличением количества высокообразованных людей. Вторая половина XX в. проходит под сильным влиянием официальной политики и идеологии нового государства – КНР, полностью принизывающей сферы культуры и образования. Большую роль в это время начинают играть научно-технические достижения (радио, телевидение, интернет).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век вошел в историю даурского народа как судьбоносное столетие, принесшее, с одной стороны, разочарование даурской элите и передовой молодежи в их националистических и революционных устремлениях, драматические сюжеты антияпонской борьбы периода Маньжуо-Го, с другой – обретение статуса самостоятельной народности и национальных автономий. В заключительной части работы мы приходим к следующим основным выводам.

1. Мировая историография располагает как ранними, так и новейшими публикациями отечественных и зарубежных (китайских, монгольских, англоязычных, немецких, чешских, корейских) авторов, в которых прямо или косвенно затрагиваются отдельные аспекты социально-политической истории дауров. Написанные в разное время, эпохи, с использованием различных методологических позиций и идеологических оценок, они тем не менее дают хороший фактический материал, на основе которых можно делать предварительные выводы и проводить последующий критический и сравнительно-сопоставительный анализ со сведениями в других работах и источниках.

Источниковая база исследования обширна и в основном состоит из документов российских и монгольских архивохранилищ, в том числе неопубликованных, а также других видов источников (отчеты военных специалистов, мемуары, периодические издания, полевые материалы автора), посвященных историческим событиям в треугольнике Китай – Монголия – Россия в первой трети XX в. В них выявлены ценные данные, во многом дополнившие или по-новому трактующие ряд исторических событий, имеющих отношение к социально-политической истории дауров. В целом анализ множества источников и научных публикаций по теме исследования дал возможность провести подробную реконструкцию многих аспектов социально-политической истории даурского народа.

2. К началу XX в. дауры были разделены на несколько этнотерриториальных групп (бутхаские, цицикарские, хайларские, синьцзянские и др.), развивавшихся в соответствии с социально-политическими и экономическими изменениями конкретных регионов проживания. В результате усиления китайской колонизации и административных ограничений появились в даурском обществе, равно как и на всех национальных окраинах переживавшей кризис Цинской империи, предпосылки для развертывания националистического антикитайского движения. Согласно материалам АВПРИ, можно с большей долей уверенности предположить, что взятие г. Хайлар в январе 1912 г. состоялось в результате взаимодействия даурских руководителей Шэнфу и Цэндэ с российскими офицерами и казаками Пограничной стражи Заамурского округа. Захват г. Маньчжурия и обретение фактической независимости Хулун-Буиром вызвали энтузиазм у даурской (хайларской) элиты, сменившийся разочарованием и разногласиями с баргутами по поводу присоединения в 1912–1915 гг. региона к Внешней Монголии, чей статус был таким же неопределенным. Несмотря на радикально настроенную часть, перебравшуюся в Ургу (например Цэндэ-гун), большинство даурских функционеров пыталось лавировать в новых политических условиях и предугадать очередное развитие событий. Поэтому основная масса даурского чиновничества, всегда держа в уме прокитайскую ориентацию и просчитывая возможности возврата в лоно Китая, предусмотрительно готовила опору и на разные политические силы, чтобы сохранить и/или улучшить свое нынешнее фактическое положение.

Подвешенное положение Хулун-Буира в усложняющихся политических условиях и в отсутствие каких-либо подвижек со стороны Советской России и Внешней Монголии было ожидаемо разрешено хулун-буирской администрацией в начале 1920 г. вхождением региона в состав Китайской Республики. Несколько иная ситуация наблюдалась в районах проживания цицикарских и бутхаских дауров, вплотную столкнувшихся с новой

реальностью в виде массового притока китайских колонистов и засилья милитаристов. Ответной реакцией даурского населения на повсеместное ужесточение региональной политики и ухудшение социально-экономического положения явились крупное крестьянское восстание под руководством Шаолана и Дайфу и последующее формирование отрядов охраны и ликвидации бандитизма, отряда самообороны в гористом районе Бутхи.

3. В 20-х гг. XX в. в национально-освободительное движение монгольских народов ожидаемо втягивается даурская передовая молодежь, с юных лет воспринявшая идеи независимого Хулун-Буира и создания единого Монгольского государства, обучавшаяся в городах северо-востока Китая и в Пекине. Знаковым для молодых лидеров Мэрсэ и Фуминтай становится знакомство с бурятскими деятелями Ц.-Е. Цыдыповым и Э.-Д. Ринчино, приведшее их к стремительному взлету на авансцену политической жизни Внутренней Монголии. Как показывают архивные материалы, Мэрсэ, Фуминтай и советский дипломат Л. М. Карахан с 1923 г. вели подготовительную работу по созданию НРПВМ. Таким образом, именно даурские лидеры стояли у ее истоков и предпринимали попытки к объединению других южномонгольских политических организаций в рамках единой партии. Они же руководили партией молодежи Хулун-Буира и занимались ее отправкой на обучение в МНР и СССР. Как свидетельствуют документы, большая часть выпускников – квалифицированных кадров оставалась работать в Монголии, тем самым внося существенный вклад в развитие образования и культуры страны. Под руководством Коминтерна Мэрсэ и Фуминтай (Буянгэрэл) проводили активную деятельность по линии НРПВМ в аймаках Внутренней Монголии, включая Ордос и Алашань. В то же время некоторая часть даурской молодежи (Хуалинтай, Дэ Гулай и др.), проходившая обучение в Японии и приобщившаяся к иным цивилизационным ценностям, также оставалась приверженной идеям национально-освободительного движения монгольских народов. Именно даурская революционная молодежь, в основном, занималась подготовкой к восстанию

в Хулун-Буире, позже известном как баргинское восстание 1928 г. и ставшим переломным моментом в жизни Мэрсэ и ряда партийцев. Даурская революционная молодежь во главе с Мэрсэ и Фуминтаем сыграла значительную роль в создании и деятельности НРПВМ и НРПВК; в партийной и революционной работе во Внутренней Монголии (включая Хулун-Буир) и МНР по линии Коминтерна и ЦК МНРП. Особенностью их борьбы за обретение независимости Хулун-Буира в 1924–1928 гг. явилось противостояние с региональной администрацией во главе с даурскими чиновниками, не воспринимавшими идеи Коминтерна о мировой революции, независимости региона и / или включения его в состав МНР.

4. Оккупация Японией северо-восточного Китая в 1931 г. и восстановление власти цинского императора Пу И были положительно восприняты даурской элитой, продолжавшей находиться у власти в Хулун-Буире и направившей делегации в Мукден и Цицикар для участия в съездах по вопросу формирования нового государства. После создания провинции Хинган даурские чиновники сумели получить административные должности во многих звеньях высшего и низшего порядка, включая глав Восточной и Северной областей Хингана (Ба Цзиньбао и Линшэн). В то же время даурские деятели Дэ Гулай и О. Ургунго начинают работать в правительстве Мэнцзяна. Как показывают факты, в даурских районах, как и в других оккупированных частях северо-востока Китая, проводились административно-территориальные и социально-экономические преобразования, имевшие как положительные, так и негативные моменты. К последним относились переселение даурских крестьян в малопригодные для земледелия гористые районы, мобилизация даурских юношей на строительство военных объектов, ежегодное увеличение налогов и повинностей. Со временем нейтральное в целом отношение к японцам даурского населения сменилось усилением антияпонских настроений, особенно после резонансного дела Линшэна, закончившегося его казнью, а также некоторых сподвижников, включая Хуалинтая, в апреле 1936 г. В Хайларе и его пригороде Нантуне начала

активно действовать подпольная организация дауров, связанная с советской и монгольской разведкой, выполнявшая разведывательные функции; в августе 1945 г. офицерами Ван Хайшанем, Го Вэньлином, Го Вэньтуном, даурами по национальности, были подняты военные мятежи в армии Маньчжоу-Го, способствовавшие успешному наступлению частей Красной армии.

5. В годы второго этапа гражданской войны в Китае (1946–1950) даурские районы, в частности Бутхи и Цицикара, встают на сторону КПК и создают бригады самообороны. Тогда же на местах проведены первые съезды народных представителей, кадровые перестановки в администрациях, аграрные преобразования, вылившиеся в дальнейшее реформирование сельского хозяйства в 1948–1958 гг. В эти годы дауры в результате целенаправленной национальной политики КНР получают заслуженные привилегии в виде статуса официально признанной народности и автономных районов (в статусе национальных волостей) в провинциях Хэйлуцзян и Синьцзян. Создание даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1958 г. в рамках автономного района Внутренняя Монголия было несколько омрачено репрессиями против отдельных даурских функционеров, которые, взяв на вооружение принцип этнической гомогенности, попытались обрести статус отдельного автономного района. Попытка не увенчалась успехом, но тем не менее даурская автономия отныне имела защищенные законом административно-территориальные границы, свои органы местного самоуправления. В 60–90-е гг. XX в. даурские автономии, как и другие национальные регионы КНР, развивались в русле политико-экономических преобразований китайского руководства; преодолели немало трудностей, в основном связанных с культурной революцией и переходом к политике реформ и открытости.

Многонациональное население даурских автономий сумело адаптироваться в новых условиях и вывести свои хозяйства на более качественный уровень развития. Обретение национальных автономий разных уровней дало даурскому населению наиболее действенные возможности для

защиты и обеспечения прав дауров, позволило им самим решать насущные проблемы, связанные с развитием сельского хозяйства. Отныне в границах своих автономных образований органы местного самоуправления обладали широкими полномочиями, защищенными со стороны государства.

6. Уникальная и самобытная культура даурского народа, восходящая своими корнями к древней трансграничной культуре народов Приамурья, в XX в. получила очередной исторический опыт взаимодействия с различными культурами. Если жанры устного народного творчества, являвшиеся основой даурской культуры, на протяжении XX в. оставались в целом неизменными и обогащались новыми историческими сюжетами и национальными героями (например, Шаолан и Дайфу), то в сфере образования имели место серьезные реформы, в первую очередь, вызванные выходом из употребления маньчжурского языка и письменности (в связи падением цинской династии) и переходом на новую систему обучения с упором на изучение китайского и монгольского языков. Этот процесс сопровождался неудачными попытками даурской интеллигенции создания своей письменности на основе латиницы и кириллицы. XX век явился эпохой разновекторного обучения даурской молодежи, которая после окончания учебных заведений начального и среднего образования, включая и женские образовательные учреждения, устремлялись в высшие учебные заведения городов северо-востока Китая, СССР, Японии и МНР. Во многом именно из их рядов во второй половине XX в. было сформировано ядро кадровых работников, активно претворявших в жизнь новые идеологические установки КПК. Масштабная идеологизация культурной жизни в даурских национальных автономиях, сопровождаемая периодическими административными реорганизациями учреждений культуры, в некоторой степени затушевывалась внедрением научно-технических достижений в виде радио и телевидения, интернета, сетью книжного магазина «Синьхуа». На рубеже XX–XXI вв. сфера культуры и образования даурских национальных автономий получила новый импульс развития, связанный с масштабным строительством крупных объектов –

национальных музеев, парков; с оснащением школ новым высокотехнологичным оборудованием.

7. Наше изучение истории дауров показывает, что они, компактными группами расселенные в различных местах от Хулана (район р. Сунгари) до Тачэна (Синьцзян) и известные под разными именами – монголов, солонов, баргинцев, на протяжении многих веков не только не утратили свою этническую идентичность, но и сумели оказать значительное влияние на соседние малые народы, в основном тунгусо-маньчжурского происхождения. Дауры не растворились в массе своих более многочисленных соседей (маньчжуров, монголов, китайцев) и благодаря упорству своей элиты, с одной стороны, и демократичной на первых порах национальной политике КПК – с другой, сумели создать в 1952 г. национальную автономию. Данный политический шаг, сделанный даурами, можно рассматривать как весомую заявку на последующее получение статуса официально признанной народности в 1956 г. Признание китайским руководством дауров в качестве отдельной от монголов народности можно трактовать как искусственное конструирование новой нации.

Как подтверждают этнографические исследования, даурская общность, имеющая общее имя, мифы, историю и культуру и обладающая чувством солидарности, все же восходит к древним или раннесредневековым монгольязычным племенам, т. е. дауры к началу XX в. не являлись частью монголов, но были родственны им. Это обстоятельство было верно подмечено руководством КНР, официально признавшим дауров в качестве самостоятельной народности в 1956 г. и выделившим им ряд национальных автономий разного уровня.

В 1912 г. даурская элита, находившаяся у руля власти в Хулун-Буире, поддержала националистическое движение монголов и, с помощью баргутов изгнав китайские войска, добилась фактической независимости региона. Расколота по идеологическим соображениям на 2 непримиримые группировки: старое чиновничество и революционную молодежь, она имела к

тому же достаточно серьезные противоречия с баргутами, монгольскими повстанцами (харчинами), в зависимости от ситуации дистанцировалась и сближалась с китайскими провинциальными властями, но в то же время была поддерживаема российскими военными, к тому времени неуклонно теряющими свое влияние в регионе. Попытки политического лавирования предпринимались даурами и в годы Маньчжоу-Го (1931–1945), что можно видеть на примере деятельности губернатора провинции Северный Хинган Линшэна в 1932–1936 гг. и реакции даурских офицеров в августе 1945 г. В целом в первой половине XX в. дауры явились ярким примером трансграничного народа, элита и революционная молодежь которого могли и умели вступать в непосредственное взаимодействие (в том числе и противоборство) с разными политическими силами для сохранения независимого и / или фактического положения Хулун-Буира.

Осенью 1945 г., оказавшись перед выбором – КПК или Гоминьдан, дауры сделали верный политический шаг в сторону китайских коммунистов и, оперативно создав бригады самообороны, вступили в борьбу с гоминьдановцами и бандитскими отрядами. Эта поддержка, оказанная в судьбоносный период борьбы КПК за Маньчжурию, была достойно оценена провинциальными китайскими властями, всемерно способствовавшими появлению первой национальной автономии дауров в провинции Хэйлунцзян, а затем и в Синьцзяне. Логическим следствием этих событий стало официальное признание дауров в качестве официально признанной в КНР народности и формирование последующих национальных автономий, включая современный центр даурского мира – автономный хошун Морин-Дава. На наш взгляд, во второй половине XX в. с обретением статуса официально признанной народности и созданием национальных автономий пыл националистических настроений дауров, угасая, уступает место более прагматичному видению исторического развития в русле политико-экономических реформ нового Китая под бдительным контролем КПК.

Как показывает наше исследование, дауры, равно как и многие другие народы Китая, в XX в. достойно прошли через горнило нелегких испытаний и заслужили право иметь статус официально признанной народности и национальную автономию, право иметь и писать свою собственную историю.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Опубликованные документы

Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сборник документов в 2 т. Т. 1: Взгляд советских и китайских ученых / под ред. В. С. Мясникова. – Москва : Памятники исторической мысли, 2009. – 348 с.

Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сборник документов в 2 т. Т. 2: Друг и союзник нового Китая / сост. Е. Р. Курапова [и др.]. – Москва : Памятники исторической мысли, 2010. – 526 с.

Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы / отв. ред. М. Л. Титаренко. – Москва : Изд-во «Наука», 1986. – 319 с.

Материалы для военно-статистического обзора Приамурского военного округа и Маньчжурии. Военно-статистический очерк Амурской области. Ч. I. Сведения географические и топографические (с приложением действующих ныне трактатов с Китаем) / Г. Ш. полковник Назаров. – Санкт-Петербург : Военная типография, 1888. – 365 с.

Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922-1936 гг.): (Сборник документов) / науч. ред. В. В. Наумкин, отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский; Ин-т востоковедения РАН. – Москва : ИВ РАН, 2019. – 528 с.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1 (1919–1929). / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 527 с.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. II (1930–1934). / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 491 с.

Описание путей по Восточной Монголии и Северной Маньчжурии. Ч. III. / сост. Генерального штаба подполковник Михайлов. – Хабаровск: Типография Штаба Приамурского военного округа, 1911.

Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов. В 2 частях. Ч. I. / отв. ред. С. Чулуун. – Москва : Издательский дом «Граница», 2019. – 360 с.

Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов. В 2 частях. Ч. II / отв. ред. В. П. Козлов, С. Чулуун. – Москва : Издательский дом «Граница», 2019. – 328 с.

Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1837–1944 гг. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – Москва : Памятники исторической мысли, 2000. – 870 с.

Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2: 1945. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – Москва : Памятники исторической мысли, 2000. – 703 с.

Сводка сведений, полученных в штаб Иркутского военного округа. № 1. Китай, Монголия и Япония. 20 января 1914 года. Издание штаба Иркутского военного округа. – Иркутск : Типо-литография штаба округа, 1914.

Сводка сведений, полученных в штаб Иркутского военного округа. № 2. Расположение и численность китайских, японских и монгольских войск в пределах Барги, Маньчжурии и Монголии по данным к 1-му января 1914 года. 20 февраля 1912 года. Издание штаба Иркутского военного округа. – Иркутск : Типо-литография штаба округа, 1914.

Неопубликованные документы

Амурский областной музей краеведения

АОМК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 117.

АОМК. Ф. 958. Оп. 1. Д. 70.

Архив внешней политики Российской империи

АВПРИ. Ф. № 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 299. 1914-17. На 178 л.

АВПРИ. Ф. № 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 760. Год 1913-14.

АВПРИ. Ф. № 188 «Миссия в Пекине». Оп. 761. Д. 386.

АВПРИ. Ф. № 188 «Миссия в Пекине». Оп. 761. Д. 397.

АВПРИ. Ф. № 188 «Миссия в Пекине». Оп. 761. Д. 401. Переписка о Барге. 1920.

АВПРИ. Ф. № 299 «Вице-консульство в Хайларе». Оп. 573. Д. 3.

АВПРИ. Ф. № 299 «Вице-консульство в Хайларе». Оп. 573. Д. 7. Год 1914-15. На 120 л.

АВПРИ. Ф. № 304 «Консульство в Цицикаре». Оп. 756. Д. 65. Хайлар. 1907. На 77 л.

Архив внешней политики Российской Федерации

АВП РФ. Ф. 100б. Письма и доклады консульства СССР в Сахаляне и наши письма туда. 1935. Оп. 5. Д. 7. На 80 л.

АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 9. Папка № 120. Д. 46. Документ «Чрезполпреду СССР в Китае тов. Карахану. Докладная записка о поездке в Хайлар». Л. № 94-103.

АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 9. Папка № 121. Д. 49. Документ «2. Управление Лун-Цзянского Дао-Иня / г. Цицикар /. Уездные начальники Лунцзянского даиньства». Л. № 118.

АВП РФ. Ф. 0100. Референтура по Китаю. Переписка с Консульством СССР в Маньчжурии. 1925. Оп. 9. Д. 46. Папка № 120. На 406 л.

АВП РФ. Ф. 0100. Референтура по Китаю. Переписка с консульством СССР в Цицикаре. 1925 г. Оп. 9. Д. 49. Папка № 121. На 144 л.

АВП РФ. Ф. 0100. Референтура по Китаю. Консульство СССР в Цицикаре. 1925 г. Оп. 10. Д. 80. Папка № 129. На 109 л.

АВП РФ. Ф. 0100. Референтура по Китаю. Консульство СССР в Цицикаре. Отчет о деятельности Консульства в Цицикаре за январь м-ц и политическая информация о важнейших событиях. Оп. 12. Папка № 154. Д. 74. На 26 л.

АВП РФ. Ф. 0100. Референтура по Китаю. Письма консула СССР в Цицикаре. 1930 г. Оп. 14. Папка 160. Д. 6. На 105 л.

АВП РФ. Ф. 0100. Референтура по Китаю. Консульство СССР в Хайларе. 1930 г. Оп. 14. Папка 160. Д. 7. На 76 л.

АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 15. Д. 27.

АВП РФ. Ф. 0100. Референтура по Китаю. Консульство СССР на ст. Маньчжурия. 1931 г. Оп. 15. Папка 165. Д. 27. На 114 л.

АВП РФ. Ф. 0100. Референтура по Китаю. Консульство СССР в Цицикаре. 1931 г. Оп. 15. Д. 28. Папка № 165. На 256 л.

АВП РФ. Ф. 0111. Референтура по Монголии. Материалы об августовских событиях в Барге и другие. Оп. 9. Пор. № 13. Инв. № 304. Папка № 125. На 305 л.

АВП РФ. Ф. 0111. Референтура по Монголии. Внутренняя Монголия. 1926 г. Оп. 7. Пор. № 44. Инв. № 204. Папка 118. На 127 л.

АВП РФ. Ф. 0111. Референтура по Монголии. Внутренняя Монголия. Документы и переписка о восстании в Барге. Оп. 10. Пор. № 38. Инв. № 399. Папка № 132. На 147 л.

АВП РФ. Ф. 0111. Референтуры по Монголии. Взаимоотношения Монголии с Китаем. Оп. 10. Пор. № 39. Папка № 132. Д. 400. На 4 л.

АВП РФ. Ф. 0270. Оп. 1. Папка № 2. Д. № 25. Документ «Совершенно секретно. Советнику Чрезполпредства СССР в Китае тов. Клышко». Л. № 102-103.

АВП РФ. Ф. 0270. Оп. 1. Папка № 3. Д. № 37. Документ «Советнику Чрезполпредства СССР в Китае тов. Клышко». Л. № 95-99.

АВП РФ. Ф. 270. Консульство СССР в Маньчжурии. Политические письма. 1924. Оп. 1. Пор. № 25. Папка № 2. Д. 110/24. На 121 л.

АВП РФ. Ф. 270. Консульство СССР в Маньчжурии. Политические взаимоотношения. Оп. 1. Пор. № 37. Папка № 3. Д. 110/25. На 226 л.

АВП РФ. Ф. 306. Консульство СССР в Хайларе. Информация о стране пребывания. Краткий обзор политико-экономической жизни Хэйлунцзянской провинции. Оп. 1. Д. 9. Папка № 1. На 30 л.

Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН

АВ СПбф ИВ РАН. Ф. 145. Оп. 1. № 1-17.

Архивное управление ФСБ по Республике Бурятия

АУФСБ по РБ. Д. 7536 «По обвинению Сампилона Д. С., Цыдыпова Ц-Е. и других по ст. 58-4-13 УК». На 379 л.

Государственный архив Иркутской области

ГАИО. Ф. 29 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора Министерства внутренних дел, г. Хабаровск Амурской области. 1884–1917 гг.». Оп. 1. Д. 821. На 6 л.

ГАИО. Ф. 293 «Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. г. Иркутск Иркутской губернии. 1851–1920 гг.». Оп. 1. Д. 558. На 15 л.

ГАИО. Ф. 293 «Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. г. Иркутск Иркутской губернии. 1851–1920 гг.». Оп. 1. Д. 564. На 22 л.

ГАИО. Ф. 293 «Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. г. Иркутск Иркутской губернии. 1851–1920 гг.». Оп. 1. Д. 565. На 58 л.

ГАИО. Ф. 293 «Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. г. Иркутск Иркутской губернии. 1851–1920 гг.». Оп. 1. Д. 618. На 8 л.

ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 271. На 62 л.

ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 445. На 22 л.

ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 153. На 203 л.

ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 323. На 4 л.

ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 424. На 26 л.

ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 427. На 9 л.

ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 432. На 81 л.

ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 449. На 23 л.

Государственный архив Республики Бурятия

ГАРБ. Ф. 1. Оп. 8. Д. 4475. Связка 69. Бурятский обком КПСС (сектор учета кадров). Сахьянова Мария Михайловна. Начато: 12 ноября 1923. На 14 л.

ГАРБ. Ф. 20. Оп. 4. Д. 110. Э-Д. Ринчино – Монголия, СССР и Китай (Монгольская проблема и задачи Коминтерна в Монголии). Машинописная

копия с микрокопии. Монгольский вопрос с точки зрения задач Коминтерна.
 1. Место и значение Монголии в мировой конъюнктуре. 2. Внутренние предпосылки монгольского вопроса. 3. Задачи Коминтерна в Монголии.
 Начато: 1925 г. На 85 л.

Российский государственный архив социально-политической истории
 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 853.

РГАСПИ. Ф. 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». Оп. 3.
 Д. 1. (микрофильм)

РГАСПИ. Ф. 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». Оп. 2.

Д. 4. (микрофильм)

РГАСПИ. Ф. 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». Оп. 2.

Д. 6. (микрофильм)

РГАСПИ. Ф. 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». Оп. 2.

Д. 8. (микрофильм)

РГАСПИ. Ф. 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». Оп. 2.

Д. 9 (микрофильм)

РГАСПИ. Ф. 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». Оп. 2.

Д. 10. (микрофильм)

РГАСПИ. Ф. 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». Оп. 2.

Д. 11. (микрофильм)

РГАСПИ. Ф. 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». Оп. 2.

Д. 14. (микрофильм)

РГАСПИ. Ф. 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)». Оп. 2.

Д. 15. (микрофильм)

Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. М I. № 523. На 16 л.

ЦВРК ИМБТ СО РАН. Монгольский фонд. М I. № 868.

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

ЦА ФСБ. Д. Р – 34587 по обвинению Мэрсэ (он же Годаофу). На 162 л.

ЦА ФСБ. Д. Р – 39318. Следственное дело по обвинению Аула Самдан.
На 135 л.

Справочная литература

Историческая энциклопедия Сибири. Т. I. А-И. / рук. проекта: акад. РАН А. П. Деревянко; гл. ред. В. А. Ламин, В. А. Ильиных, А. Х. Элерт. – Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2010. – 715 с.

Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. К-Р. / рук. проекта: акад. РАН А. П. Деревянко; гл. ред. В. А. Ламин, В. А. Ильиных, А. Х. Элерт. – Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2010. – 807 с.

Историческая энциклопедия Сибири. Т. III. С-Я. / рук. проекта: акад. РАН А. П. Деревянко; гл. ред. В. А. Ламин, В. А. Ильиных, А. Х. Элерт. – Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2010. – 783 с.

Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / А. Кириллов. – Благовещенск : Типография т-ва Д.О. Мокин и Ко., 1894. – 541 с.

Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск : Наука, 2002. – 751 с.

Нормативные правовые акты

Конституционные акты Китая / сост. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – 190 с.

Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / сост. И. Т. Мороз, В. С. Мясников; под общ. ред. В. С. Мясникова. – Москва : Памятники исторической мысли, 2004. – 696 с.

Соглашение о Хулун-Буирском округе, подписанное между Россией и Китайской Республикой 24 октября (8 ноября) 1915 г. // Кормазов В. А. Барга. Экономический очерк. – Харбин : Типография КВЖД, 1928. С. 14-16.

Мемуары

Браун О. Китайские записки. 1932–1939 / О. Браун. – Москва : Политиздат, 1974. – 367 с.

Далин С. А. Китайские мемуары. 1921–1927 / С. А. Далин. – Москва : Наука, 1982. – 382 с.

Дылыков С. Д. Страницы жизни / С. Д. Дылыков. – Москва: Первая оперативная типография, 2021. – 292 с.

Крымов А. Г. Историко-мемуарные записки китайского революционера / Го Шаотан (А. Г. Крымов). – Москва : Наука, 1990. – 382 с.

По дорогам Китая, 1937–1945: воспоминания [советских военных советников и специалистов] / сост., отв. ред., автор предисл. и прим. Ю. В. Чудодеев. – М. : Наука, 1989. – 366 с.

Последний император: мемуары / Пу И; [пер. с кит. Н. Спешнева; вступ. сл. С. Тихвинского]. – Москва : Вагриус, 2006. – 556 с.

Пэн Дэхуай. Мемуары маршала / Пэн Дэхуай; пер. с кит. А. В. Панцова и др.; под ред. М. Л. Титаренко, предисл. В. Н. Усова. – Москва : Воениздат, 1988. – 382 с.

Публицистическая литература

Башкуев Г. Кровь, пот и слезы: трагическая история бурятской диаспоры в Хайларе / Г. Башкуев // Московский комсомолец в Бурятии. – 2022. – 29 ноября.

Бороноева Д. Ц. Буряты Внутренней Монголии / Д. Ц. Бороноева // Монголия, монгольский мир, монголосфера: (сборник научных и научно-популярных статей № 3 из газеты «Угай зам» («Путь предков») / межрегиональное общественное движение «Всебурятская ассоциация

развития культуры», ред. газеты «Угай зам» («Путь предков»). – Улан-Удэ [б.и.], 2012. – С. 176-193.

Васильев В. Дуэль с японской разведкой / В. Васильев // Новая Бурятия. – 2010. – 16 августа. – С. 8.

Петров А. Россия и Китай: Халхин-гол / А. Петров // Молодежь Бурятии. – 2013. – 27 февраля. - № 9. – С. 19.

Тиваненко А. В. У истоков познания «даурской земли» русскими в XVII столетии / А. В. Тиваненко // Угай зам. – 2004. – март. - № 9.

Ширабон Р. Разведчики – «панмонголисты» / Р. Ширабон, Б. Раднаев // Информ-полис. – 2012. – 4 июля. – № 27 (1031). – С. 30.

Научные издания

Абаева Л. Л. Нонэволюция традиционной культуры бурятской диаспоры Внутренней Монголии КНР / Л. Л. Абаева // Диаспоры в современном мире: материалы межд. кругл. стола. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2007. – С. 29–34.

Абида Ц. Современный исторический обзор бурят Шэнэхэна (перевод со старомонгольского языка Е. Санжанова). Хайлар, 1985 / Ц. Абида, З. Болод, Б. Димчиг, С. Лхамасурэн // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: Материалы 1-й научной экспедиции НГИ. 2004 г. / М. С. Васильева, И. Г. Актамов, С. Ж. Балданов, В. Д. Патаева, Т. Е. Санжиева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. – С. 23–38.

Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики / под общ. ред. Б. Ширендыба, М. И. Сладковского. – Москва : Наука, 1980. – 157 с.

Актамов И. Г. Образовательные традиции бурятского народа и их роль в воспитании будущих поколений / И. Г. Актамов // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: Материалы 1-й научной экспедиции НГИ. 2004 г. / М. С.

Васильева, И. Г. Актамов, С. Ж. Балданов, В. Д. Патаева, Т. Е. Санжиева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. – С. 58–69.

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 348 с.

Аниховский С. Э. Маньчжурский клин: история, народы, религии / С. Э. Аниховский, Д. П. Болотин, А. П. Забияко, Т. А. Пан; под общ. ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2005. – 316 с.

Аргудяева Ю. В. Русские казаки в Трехречье (первая половина XX в.) / Ю. В. Аргудяева. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, ООО «ИПК «ОДЕОН», 2016. – 480 с.

Артемьев А. Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. / А. Р. Артемьев // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (историко-археологические исследования). Т.3. / отв. ред. А. Р. Артемьев, Н. Г. Артемьева. – Владивосток : Дальнаука, 1998. – С. 6–43.

Асмолов К. В. КНР и государства Корейского полуострова / К. В. Асмолов // КНДР и РК – 70 лет. / ред. К. В. Асмолов, Л. В. Захарова и др.; отв. ред. А. З. Жебин. – Москва : Изд-во ФГБУН ИДВ РАН, 2018. – С. 101–115.

Бабаков В. В. Политика Бурнацкома в Забайкалье в 1918 г. / В. В. Бабаков // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 7. – С. 52–56.

Бадагаров Ж. Б. Дагурско-бурятские языковые связи / Ж. Б. Бадагаров // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Языки. Фольклор. Литература. Т. III. / отв. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 11–15.

Бадагаров Ж. Б. Имя числительное в дагурском и бурятском языках / Ж. Б. Бадагаров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 8. – С. 3–4.

Бадагаров Ж. Б. Состав падежных форм дагурского и бурятского языков / Ж. Б. Бадагаров // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – Т. 5. – № 4. – С. 108–117.

Бадагаров Ж. Б. Фонетические процессы в системе гласных дагурского и бурятского языков / Ж. Б. Бадагаров // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013б. – № 8. – С. 25–29.

Бадмаева Л. Б. Современные монгольские языки северо-восточного ареала Центральной Азии / Л. Б. Бадмаева // История и внешние связи бурятского языка / отв. ред. В.И. Рассадин. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 7–12.

Бадмаева Л. Б. Сравнительно-историческое исследование монгольских языков и диалектов Внутренней Азии / Л. Б. Бадмаева // Современные проблемы изучения монгольских языков. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 26–35.

Базаржапов В. Б. Буряты на службе Отечеству / В. Б. Базаржапов. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 2005. – 152 с.

Базаров Б. В. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века / Б. В. Базаров, Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 377 с.

Базаров Б. В. Генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев / Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 37 с.

Базаров Б. В. Историческое место национальных демократов в формировании национальной государственности монгольских народов / Б. В. Базаров // Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в XX в. / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. Л. В. Курас. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – С. 6–16.

Базаров Б. В. Монгольский мир в современном азиатском пространстве / Б. В. Базаров // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 1. – С. 8–15.

Базаров Б. В. Монгольский мир в условиях восточноазиатского взаимодействия / Б. В. Базаров // Власть. – 2010. – № 9. – С. 5–10.

Базаров Б. В. Нация на перепутье: бурятский панмонголизм в контексте геополитического противостояния России и Японии / Б. В. Базаров // [Известия Иркутского государственного университета. Серия: История](#). – 2016. – Т. 18. – С. 49–57.

Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 67 с.

Базаров В. Б. Дипломатическая деятельность Цыбена Жамцарано (1911–1917 гг.) / В. Б. Базаров // Национальные лидеры бурят: от идеи автономии к государственности / отв. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2013. – С. 187–192.

Балдано М. Н. «Великая Монголия»: концепция политического единства и попытка ее реализации (1900–1920 гг.) / М. Н. Балдано, П. К. Варнавский // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 99–108.

Балдано М. Н. Идея создания единого монгольского государства как проект нациестроительства / М. Н. Балдано // Монгольская империя и кочевой мир / редколл. Б. В. Базаров [и др.]. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005а. – С. 276–287.

Балдано М. Н. Панмонголизм: идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нациестроительства / М. Н. Балдано // Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х. / отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. – Москва : НОФМО, 2005б. – С. 228–243.

Балдано М. Н. Роль границы в судьбе шэнэхэнских бурят / М. Н. Балдано // Мир Большого Алтая. – 2017. – № 3. – С. 437–449.

Балдано М. Н. Социалистическое нациестроительство: экспорт революции на восток / М. Н. Балдано, П. К. Варнавский, С. В. Кириченко // Власть и общество. – 2019. – № 9. – С. 4–10.

Балдано М. Н. Трансграничные аспекты панмонголизма / М. Н. Балдано // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 7. – С. 47–53.

Балдано М. Н. Трансформация политико-административного устройства территории Внутренней Монголии после Синьхайской революции / М. Н. Балдано // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2015а. – Т. 13. – С. 92–100.

Балдано М. Н. Шэнэхэнские буряты: по ту и эту сторону границы / М. Н. Балдано // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015б. – № 7. – С. 52–59.

Балдано С. В. Бурятская национальная интеллигенция: обретение и утрата социально-политического лидерства в начале XX в. / С. В. Балдано // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 7. – С. 56–59.

Баранов А. Барга / А. Баранов. – Харбин : Типо-литография Заамурского окружного отделения Корпуса Пограничной стражи, 1912. – 59 с.

Бармин В. А. Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта» (о роли советского фактора в судьбе руководителя повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931-1934 гг. Ма Чжуньина) / В. А. Бармин // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4-2 (76). – С. 27–35.

Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX в. / Ц. Батбаяр. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2002. – 229 с.

Батбаяр Ц. О поездке министра А. Амара в Китай в 1925 году: забытая страница монгольской дипломатии / Ц. Батбаяр // Восьмые востоковедные чтения БГУ / отв. ред. Ю. В. Кузьмин. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. – С. 145–156.

Батсайхан О. Последний великий хан Монголии Джебцзундамбахутухта VIII. Жизнь и легенды / О. Батсайхан. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2018. – 406 с.

Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) / Э. В. Батунаев. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. – 160 с.

Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. / С. В. Бахрушин. – Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. – 198 с.

Белов Е. А. Баргинский вопрос по материалам русских архивов / Е. А. Белов // Восток. – 1993. – № 1. – С. 170–178.

Белоглазов Г. П. АПК КНР и его Северо-Восточный регион в модернизационных и интеграционных процессах (50-е гг. XX в. – нач. XXI в.): этапы, результаты, анализ / Г. П. Белоглазов // Инновационная наука. – 2017. – Т. 4. – № 4. – С. 58–62.

Белоглазов Г. П. Опыт аграрных преобразований в КНР: земельная реформа в Маньчжурии 1945–1949 гг. / Г. П. Белоглазов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2009. – № 3. – С. 17–29.

Богословский В. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949) / В. А. Богословский, А. А. Москалев. – Москва : Наука, 1984. – 263 с.

Бойкова Е. В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX века) / отв. ред М. И. Гольман; ИВ РАН / Е. В. Бойкова. – Москва : ИВ РАН, 2014. – 264 с.

Болобан А. Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии / А. Болобан // Вестник Азии. – 1910. – № 3. – С. 85–127.

Болобан А. Будущее Маньчжурии / А. Болобан // Вестник Азии. – 1911. – № 9. – С. 80–139.

Болотин Д. П. Владимировская культура позднего средневековья в Приамурье / Д. П. Болотин // Проблемы этнокультурной истории Дальнего

Востока и сопредельных территорий / отв. ред. С. Б. Сапунов. – Благовещенск : Изд-во БГПИ, 1993. – С. 84–101.

Болотин Д. П. К вопросу об этнической истории Приамурья эпохи средневековья (по археологическим данным) / Д. П. Болотин, Б. С. Сапунов, Н. Н. Зайцев, В. Г. Петров // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. – Вып. 7. – Благовещенск : Зея, 1992. – С. 25–32.

Болотин Д. П. К дискуссии по проблеме этнической интерпретации средневековых археологических культур Приамурья / Д. П. Болотин, Б. С. Сапунов // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. – Вып. 7. – Благовещенск : Зея, 1992. – С. 32–42.

Болотин Д. П. Краткая история древних культур и автохтонных народов Западного Приамурья до 1900 г. / Д. П. Болотин // Краеведение Приамурья. – 2011. – № 4 (17). – С. 16–37.

Болотин Д. П. Коллективное захоронение позднего средневековья у с. Прядчино Амурской области / Д. П. Болотин, Б. А. Исаченко // Традиционная культура востока Азии: археология и культурная антропология. – Благовещенск : Изд-во БГПИ, 1995. – С. 49–54.

Болотин Д. П. Этногенез дауров / Д. П. Болотин // Cultural exchange in East-sea and the Primorye region of Russia. – Busan, 2008. – С. 565–571.

Бондарева В. В. Китай в первое послереволюционное десятилетие (1950-е гг.): основные проблемы и противоречия / В. В. Бондарева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 9 (99). – С. 36–41.

Борисов О. Б. Внутренняя и внешняя политика Китая в 1970-е гг. / О. Б. Борисов. – Москва : Политиздат, 1982. – 384 с.

Борисов О. Б. Советский Союз и маньчжурская революционная база / О. Б. Борисов. – Москва : Мысль, 1975. – 224 с.

Бороноева Д. Ц. Очерки истории и культуры бурят Внутренней Монголии КНР / Д. Ц. Бороноева. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2000. – 138 с.

Бу Пин. Строительство и крах «восточной линии Мажино» - штурм Советской армией крепостей Квантунской армии / Пин Бу // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне / ред. А. Ф. Клименко, В. П. Зимонин [и др.]; науч. ред. С. Г. Лузянин. – Москва : Изд-во ФГБУН ИДВ РАН, 2015. – С. 57–62.

Булдакова В. Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов / В. Г. Булдакова // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 77–81.

Буяров Д. В. Национальная политика Китая в конце 1950-х – конце 1970-х гг. / Д. В. Буяров // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 1. – С. 39–43.

Ван Сяомэй. Степень сохранности языков малых народностей в провинции Хэйлунцзян / Сяомэй Ван // Перспективы науки. – 2018. – № 4 (103). – С. 137–142.

Выдающиеся бурятские деятели. Том 1. (выпуски 1,2,3,4) / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Т. М. Михайлов. – Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 2009. – 336 с.

Гайкин В. А. Японские и корейские колонисты в Маньчжоу-Го (1931–1945 гг.) / В. А. Гайкин // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 5. – С. 123–131.

Галзут Тубшинима. История происхождения баргутов (вводная статья и примечания Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой; транслитерация, перевод со старомонгольского языка Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой) / Тубшинима Галзут. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 186 с.

Гарри И. Р. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI) / И. Р. Гарри. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 320 с.

Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР. 50-60-е годы / В. Г. Гельбрас. – Москва : Наука, 1980. – 263 с.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 3. О народах Самоедских, Маньчжурских и Восточно-Сибирских, как и о шаманском законе / И. Г. Георги. – Санкт-Петербург, 1799. – С. 116.

Глинкин В. С. Периодизация национальной политики КНР (1949 г. – начало XXI в.) / В. С. Глинкин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 51. – С. 81–84.

Голиков А. П. Административные реформы на окраинах Цинской империи 1860-1880 гг. и система восьми знамен (к проблеме преемственности в истории Китая) / А. П. Голиков // Известия Восточного института. – 2012. – № 2 (20). – С. 50–59.

Гольман М. И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х годов XX века / М. И. Гольман. – Москва : ИВ РАН, 2004. – 334 с.

Гордяев Н. В. Забайкалье и Китай. Очерки истории приграничных отношений (вторая половина XVII – середина XX столетий) / Н. В. Гордяев. – Чита : Экспресс-изд-во, 2021. – 181 с.

Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / Дудин П. Н., Досовицкая В. В., Курас Л. В., Карасев С. В., Тубчинов А. В., Фоменко В. М., Цыбенков Б. Д., Шемелин А. В. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. – 254 с.

Государственность народов Внутренней Азии (XX век) / отв. ред. К. Б.-М. Митупов. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. – 224 с.

Государственный строй Китайской Народной Республики / отв. ред. Л. М. Гудошников. – Москва : Изд-во «Наука», 1988. – 232 с.

Гребенщиков А. В. Бутху и Мергенъ по р. Нонни / А. Гребенщиков // Вестник Азии. Журнал общества русских ориенталистов. – Октябрь 1909. – №

2. – Харбин : Русско-китайско-монгольская типография газеты «Юань-дунь-бао», 1909. – С. 130–151.

Гребенщиков А. В Бутху и Мергень по р. Нонни (продолжение) / А. Гребенщиков // Вестник Азии. Журнал общества русских ориенталистов. – 1910. – № 3. – Харбин : Русско-китайско-монгольская типография газеты «Юань-дунь-бао», 1909. – С. 174–193.

Гребенщиков А. В Бутху и Мергень по р. Нонни (продолжение) / А. Гребенщиков // Вестник Азии. Журнал общества русских ориенталистов. – Май 1910. – № 4. – Харбин : Русско-китайско-монгольская типография газеты «Юань-дунь-бао», 1909. – С. 146–162.

Гребенщиков А. В Бутху и Мергень по р. Нонни (продолжение) / А. Гребенщиков // Вестник Азии. Журнал общества русских ориенталистов. – 1910. – № 5. – Харбин : Русско-китайско-монгольская типография газеты «Юань-дунь-бао», 1909. – С. 107–130.

Гурулева Т. Л. Национальное образование в Китае: современное состояние и меры государственного регулирования / Т. Л. Гурулева // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 1. – С. 107–119.

Дамдинов Д. Г. Ононские хамниганы (вопросы духовной культуры) / Д. Г. Дамдинов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. – 145 с.

Дауры (Дахуры) // Народы Восточной Азии / Под ред. Н. Н. Чебоксарова, С. И. Брука, Р. Ф. Итса, Г. Г. Стратановича. – Москва-Ленинград : Наука, 1965. – С. 666–671.

Дацышен В. Г. Бои на Халхин-Голе до начала Халхин-Гольского военного конфликта / В. Г. Дацышен // Забайкалье в отечественной военной истории. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой присвоению г. Чите почётного звания Российской Федерации "Город трудовой доблести" / отв. ред. Е. В. Дроботушенко, Ю. Н. Ланцова. – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2022. – С. 17–26.

Дацышен В. Г. Из истории освоения Русским государством Приамурья в первой половине XVII века / В. Г. Дацышен, Н. С. Модоров // Мир Евразии. – 2015. – № 2 (29). – С. 28–35.

Дацышен В. Г. Интернирование армии Су Бинвэня. Из истории советско-китайских отношений / В. Г. Дацышен // Мир Евразии. – 2012. – № 2–4 (17–19). – С. 57–61.

Дацышен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. / В. Г. Дацышен. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 593 с.

Дацышен В. Г. Монголо-маньчжурское противостояние на границе накануне войны на Халхин-голе / В. Г. Дацышен // Народы России, Сибири и стран Востока: история и современность / отв. ред. Н. Е. Кутищев. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2019а. – С. 8–17.

Дацышен В. Г. Накануне войны на Халхин-голе. Советско-японское противостояние на забайкальском участке советско-маньчжурской границы / В. Г. Дацышен // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2019б. – С. 37–45.

Дацышен В. Г. Советско-японские конфликты на границе Маньчжоу-Го накануне войны на Халхин-Голе / В. Г. Дацышен // Победа на Халхин-Голе: в поисках исторической истины / отв. ред. А. С. Железняков, Е. Л. Катасонова. – Москва : Изд-во ИВ РАН, 2021. – С. 271–290.

Дацышен В. Г. Советско-японские отношения во время конфликта на КВЖД 1929 г. / В. Г. Дацышен // Японские исследования. – 2016. – № 1. – С. 6–19.

Дацышен В. Г. Цинская империя в XVI–XVIII вв.: зарождение и развитие / В. Г. Дацышен, Н. С. Модоров // Мир Евразии. – 2013. – № 3 (22). – С. 32–43.

Дашинский С. Япония в Манчжурии. Второе издание / С. Дашинский. – Москва : Партийное изд-во, 1932. – 52 с.

Дилова-хутухта Монголии. Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы / отв. ред. С. Л. Кузьмин, Ж. Оюунчимэг. – Москва : Фонд «Сохраним Тибет», 2018. – 352 с.

Дмитриев С. В. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа / С. В. Дмитриев, С. Л. Кузьмин // Восток (Oriens). – 2014. – № 1. – С. 5–17.

Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам / Б. О. Долгих // Сборник статей по истории Дальнего Востока / отв. ред. М. Н. Тихомиров. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 125–142.

Домбровский А. Маньчжурия / А. Домбровский, В. Ворошилов. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1904. – 221 с.

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссією. Т. 3. – Санкт-Петербург : В типографии Эдуарда Праца, 1848. – 539.

Досовицкая В. В. Радикализация политики Японии периода Сёва накануне Маньчжурского инцидента 1931 г. / В. В. Досовицкая // Вестник Института востоковедения РАН. – 2021а. – № 4. – С. 75–81.

Досовицкая В. В. Современные японские исследователи о политике Японии в Маньчжуро-Монголии в первой половине XX в. / В. В. Досовицкая // Вестник Института востоковедения РАН. – 2019. – № 4 (10). – С. 134–147.

Досовицкая В. В. Япония и Маньчжурия: начало отношений / В. В. Досовицкая // Власть. – 2013а. – № 10. – С. 172–174.

Досовицкая В. В. Япония и Маньчжурия: японский взгляд на проблему развития Маньчжурии в начале XX в. / В. В. Досовицкая // Теория и практика общественного развития. – 2013б. – № 9. – С. 205–208.

Досовицкая В. В. Япония и маньчжуро-монгольский регион в первой половине XX века. От великой империи к капитуляции / отв. ред. Д. Д. Васильев; Ин-т востоковедения РАН / В. В. Досовицкая. – Москва : ИВ РАН, 2021б. – 200 с.

Дудин П. Н. Барга как часть сферы российских стратегических интересов в Восточной Азии в первой четверти XX в.: договорный аспект / П. Н. Дудин // Genesis: исторические исследования. – 2020а. – № 8. – С. 12–25.

Дудин П. Н. Буферные зоны и их соотношение со схожими категориями территорий с особым режимом сквозь призму российского / советского и японского стратегического присутствия в регионе Восточной Азии / П. Н. Дудин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2019. – № 4. – С. 44–62.

Дудин П. Н. Буферные государства как инструмент обеспечения стратегического присутствия в регионе Восточной Азии: советский и японский опыт / П. Н. Дудин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2018. – № 6. – С. 50–60.

Дудин П. Н. К вопросу о правовом регулировании приграничной зоны Маньчжоу-Го / П. Н. Дудин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2016. – Т. 17. – С. 100–108.

Дудин П. Н. Политическая история Мэнцзяна / П. Н. Дудин. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2014. – 300 с.

Дудин П. Н. Правовые акты Маньчжоу-Го и Мэнцзяна: сравнительный анализ / П. Н. Дудин, З. Ф. Хусаинов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 224–238.

Дудин П. Н. Русская дипломатическая миссия в Пекине и ее роль в обеспечении интересов России при становлении государственности Барги (1912-1915 гг.) / П. Н. Дудин // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2017. – № 46 (4). – С. 1534–1545.

Дудин П. Н. Становление монгольской государственности (первая половина XX в.). / П. Н. Дудин. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – 227 с.

Дылыков С. Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае / С. Д. Дылыков. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 133 с.

Дьякова О. В. Тунгусо-маньчжуры и дауры Приамурья: этнокультурное пограничье (по материалам фортификации) / О. В. Дьякова, В. В. Шевченко //

Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной научной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова / под ред. С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. – Кишинев : «Stratum plus», 2016. – С. 28–30.

Дюбуа Т. Д. Идеология и контроль: инструменты авторитаризма в японской Маньчжурии (пер. с англ. яз. Л. А. Кац) / Т. Д. Дюбуа // Берегиня 777. Сова. – 2016. – № 4 (31). – С. 291–302.

Елаев А. А. Автономия и государственность бурятского народа в XX–XXI веках / А. А. Елаев // Государственность народов Внутренней Азии (XX век) / отв. ред. К. Б-М. Митупов. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. – С. 99–139.

Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. / И. С. Ермаченко. – Москва : Наука, 1974. – 195 с.

Жабаева Л. Б. Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов / Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2001. – 335 с.

Жамсаранова Р. Г. Родовой состав тунгусов Урульгинской степной думы / Р. Г. Жамсаранова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. - № 73. – С. 147–161.

Жамсаранова Р. Г. Тунгусы князя Гантимура: в 2 ч. Ч. 1. / Р. Г. Жамсаранова. – Чита : ЗабГУ, 2018. – 252 с.

Железняков А. С. Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа / А. С. Железняков. – Москва : Изд-во «Весь мир», 2016. – 286 с.

Забияко А. П. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкротова; под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т. – 2009. – 412 с.

Зориктуев Б. Р. Баргуты Китая / Б. Р. Зориктуев, Е. В. Сундуева, Д. М. Маншеев, С. Б. Болхосоев, Н. Н. Николаева; отв. ред. Л. С. Дампилова. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2021. – 282 с.

Иванов А. А. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / А. А. Иванов, Л. В. Кальмина, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2012. – 300 с.

Ивановский А. О. Образцы солонского и дахурского языков / А. О. Ивановский. – Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1894. – 79 с.

Идес И. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / И. Идес, А. Бранд [вступ. и коммент. М. И. Казанина]. – Москва : Изд-во «Наука», 1967. – 403 с.

Интерииоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–1930 гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров, науч. ред. А. М. Плеханова. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2021. – 416 с.

Иркутский военный округ. Военно-географическое и военно-статистическое описание приграничной полосы. Вып. II. Монголия / сост. Ген. Штаба капитан Харламов, под ред. Окружного генерал-квартирмейстера, генерал-майора Харламова. – Иркутск : Типо-литография штаба округа, 1914. – 447 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. – Т. VI: Династия Цин (1644–1911) / отв. ред. О. Е. Непомнин. – Москва : Наука – Восточная литература, 2014. – 886 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. – Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н. Л. Мамаева. – Москва : Наука – Восточная литература, 2013. – 863 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. – Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / гл. ред. акад. РАН С. Л. Тихвинский, отв. ред. Ю. М. Галенович; Институт Дальнего Востока РАН. – Москва : Наука, 2017. – 821 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. – Т. IX: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А. В. Виноградов. – Москва : Наука, 2016. – 996 с.

История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. / сост. А. И. Крушанов, Е. Ф. Ковалев; отв. ред. Е. Ф. Ковалев. – Владивосток : Дальневосточное книжное изд-во, 1989. – 350 с.

История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Книга 3. Северо-Восточный Китай в 1945–1978 гг. / отв. ред. В. Л. Ларин, Г. П. Белоглазов. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – 344 с.

История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Книга 4. Северо-Восточный Китай в 1979–1999 гг. / гл. ред. В. Л. Ларин, отв. ред. Г. П. Белоглазов. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2021. – 452 с.

Ишутина Ю. А. О формировании и эволюции нравственного идеала в Китайской Народной Республике / Ю. А. Ишутина // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2017. – № 28. – С. 36–45.

Кадырбаев А. Ш. Идея панмонголизма от атамана Семенова и барона Унгерна до ее краха / А. Ш. Кадырбаев // *Mongolica*. – 2013. – Т. 11. – С. 21–27.

Кадырбаев А. Ш. Китай в XX веке: череда «революций» или эволюция переходного общества? / А. Ш. Кадырбаев // *Азия и Африка сегодня*. – 2012. – № 6 (659). – С. 76–77.

Кадырбаев А. Ш. Лидер казахов Китая Оспан-батыр и «революция трех округов» в Восточном Туркестане. 1940–1951 гг. / А. Ш. Кадырбаев // *Восточный архив*. – 2019. – № 1 (39). – С. 78–88.

Кадырбаев А. Ш. Миссия Е. В. Путятина в Китае и российско-китайский пограничный вопрос. 1856–1858 гг. / А. Ш. Кадырбаев // *Восточный архив*. – 2020. – № 1 (41). – С. 4–12.

Кадырбаев А. Ш. Подписание Тяньцзиньского договора и обретение Россией Приамурья и Уссурийского края / А. Ш. Кадырбаев // Восточный архив. – 2018. – № 1 (37). – С. 13–19.

Казахи Китая. Очерки по этническому меньшинству. Ч. I. / под ред. Л. Бенсон и И. Сванберга. – Алматы : Санат, 2005. – 455 с.

Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в XX – начале XXI в. / под ред. акад. РАН М. Л. Титаренко. – Москва : «Памятники исторической мысли», 2004. – 476 с.

Кальмина Л. В. На случай войны с «заклятым другом» (проекты «китайской» политики России в донесениях военных агентов на рубеже XIX–XX веков) / Л. В. Кальмина, Л. В. Курас // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 456. – С. 152–161.

Каретина Г. С. Чжан Цзолинъ и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. / Г. С. Каретина. – Москва : Наука, 1984. – 198 с.

Кейдун И. Б. Общая характеристика системы высших военных государственных органов Маньчжоу-го / И. Б. Кейдун, Я. А. Елисеева // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 48. – С. 31–36.

Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна / отв. ред. Н. Г. Романова, К. В. Орлова; Ин-т востоковедения РАН. – Москва : ИВ РАН, 2021. – 456 с.

Кормазов В. А. Барга. Экономический очерк / В. А. Кормазов. – Харбин : Типография КВЖД, 1928. – 281 с.

Краткий очерк Восточной Монголии (Чжасатусский и Чжэримский сеймы) и Северной Маньчжурии (Хэйлунцзянская провинция). Ч. II. / сост. Генерального штаба подполковник Михайлов. – Хабаровск : Типография Штаба Приамурского военного округа, 1911.

Кривоногов В. П. К вопросу об этнодемографии фуюйских кыргызов / В. П. Кривоногов // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2015. – № 4 (12). – С. 4–8.

Кротова М. В. Манчжоу-Го: неудачный проект Маньчжурской империи / М. В. Кротова // Eurasia: statum et legem [Евразия: государство и право]. – 2015. – № 1 (4). – С. 163–175.

Кротова М. В. Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. / М. В. Кротова // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – № 1. – С. 139–150.

Круглова М. С. Поселково-волостные предприятия КНР: успех реформаторов или эволюция традиционного института? / М. С. Круглова // Terra Economicus. – 2020. – 18 (4). – С. 111–125.

Крюков В. М. Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае (документальная история советско-китайских отношений (1917–1929 гг.)). Т. 1: 1917–1922 гг. / В. М. Крюков, М. В. Крюков. – Москва : Памятники исторической мысли, 2015. – 614 с.

Кузьмин С. Л. Барга (Хулунбуир) под контролем монгольских повстанцев в 1917 г. / С. Л. Кузьмин // [Oriental Studies](#). – 2019а. – № 4 (44). – С. 615–626.

Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). – Т. 1. / С. Л. Кузьмин. – Москва : Товарищество научных знаний КМК, 2021. – 407 с.

Кузьмин С. Л. Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). – Т. 2. / С. Л. Кузьмин. – Москва : Товарищество научных знаний КМК, 2022. – 260 с.

Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть I. Причины и начало восстания / С. Л. Кузьмин // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020а. – № 1. – С. 100–114.

Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть II. Переговоры, прекращение восстания и его последствия / С. Л. Кузьмин // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020б. – № 2. – С. 246–262.

Кузьмин С. Л. Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. / С. Л. Кузьмин // [Oriental Studies](#). – 2019б. – Т. 12. – № 2 (42). – С. 174–182.

Кузьмин С. Л. Донесения о монголах Синьцзяна в 1920-х гг. / С. Л. Кузьмин // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 3. – С. 8–11.

Кузьмин С. Л. Изгнание монгольских повстанцев из Хайлара в 1917 г. и положение в Барге (Хулунбуире) / С. Л. Кузьмин // Восточный архив. – 2019в. – № 2 (40). – С. 63–70.

Кузьмин С. Л. Монархическое Монгольское государство в 1911-1924 гг. / С. Л. Кузьмин // Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право). – 2015а. – № 1 (4). – С. 187–198.

Кузьмин С. Л. Монголы на службе атамана Г. М. Семенова и барона Р. Ф. Унгерна / С. Л. Кузьмин // Вестник Института востоковедения РАН. – 2019г. – № 2 (8). – С. 167–185.

Кузьмин С. Л. Панмонгольское движение 1919-1920 гг. и монгольская государственность / С. Л. Кузьмин // Eurasia: Statum et legem (Евразия: государство и право). – 2015б. – № 1 (4). – С. 97–107.

Кузьмин С. Л. Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. / С. Л. Кузьмин // Oriental Studies. – 2018. – Т. 11. – № 6 (40). – С. 2–14.

Кузьмин С. Л. Советско-китайские отношения и проблема статуса Монголии в 1920-х годах / С. Л. Кузьмин // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука) / ред. колл.: Ю. В. Кузьмин, Т. Дорж [и др.]. – Улан-Батор; Иркутск : Изд-во БГУ, 2015в. – С. 247–255.

Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века / С. Л. Кузьмин. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2016б. – 496 с.

Кузьмин Ю. В. «Монгольский», «урянхайский», «баргинский» вопросы в трудах российского востоковеда Евгения Александровича Белова / Ю. В. Кузьмин, В. А. Василенко // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 3. – С. 34–48.

Кузьмин Ю. В. Война на Халхин-голе 1939 г. (май-сентябрь) – начало Второй мировой войны? / Ю. В. Кузьмин, М. П. Рачков, А. П. Суходолов // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии / ред. коллегия: М. В. Константинов, А. В. Соловьев, А. В. Дроботушенко [и др.]. – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2014а. – С. 65–78.

Кузьмин Ю. В. Война на Халхин-голе 1939 г. (май-сентябрь) – начало Второй мировой войны: новая историческая версия / Ю. В. Кузьмин, М. П. Рачков, А. П. Суходолов // Вестник Международного Центра Азиатских Исследований / ред.: Ю. В. Кузьмин, Н. Н. Пузыня. – 2014б. – Вып 19. – С. 45–65.

Курас Л. В. Боксерское восстание в Китае в военных мемуарах, дневниках и письмах / Л. В. Курас, Л. В. Кальмина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2019. – Т. 29. – С. 100-108.

Курас Л. В. Бурятия в период Октября 1917 г. / Л. В. Курас // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2011. – № 2. – С. 81–93.

Курас Л. В. Внутренняя Монголия в составе империи Цин / Л. В. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2016а. – Т. 15. – С. 126–136.

Курас Л. В. Внутренняя Монголия в составе империи Цин: власть и общество (XVII– начало XX в.) / Л. В. Курас // Власть. – 2016б. – Т. 24. – № 2. – С. 173–179.

Курас Л. В. Дальневосточная республика: от «конспиративной квартиры» до «колыбели» Монгольской революции / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Россия и АТР. – 2021. – № 1. – С. 194–208.

Курас Л. В. Дауры в панораме вековъ / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2013. – № 1 (9). – С. 209–213.

Курас Л. В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX-XX вв. / Л. В. Курас, Л. В. Кальмина, А. В. Михалев. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2018. – 111 с.

Курас Л. В. Культура и образование дауров в XIX- начале XX века / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018 / редколл.: А. В. Шалак [и др.]. – Иркутск, 2018. – С. 362–370.

Курас Л. В. Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Власть. – 2016б. – Т. 24. – № 11. – С. 158–163.

Курас Л. В. Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова / Л. В. Курас // Власть. – 2010. – № 8. – С. 31–34.

Курас Л. В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / Л. В. Курас. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2017а. – 188 с.

Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016в. – 252 с.

Курас Л. В. Усиление японского влияния в Хулун-Буире в первой трети XX в. / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2020. – Т. 31. – С. 71–81.

Курас Л. В. Эволюция панмонголизма в начале XX в.: от «культурного панмонголизма» к государственной идеологии / Л. В. Курас // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2017б. – Т. 20. – С. 63–72.

Курас Л. В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) / Л. В. Курас // Власть. – 2014. – № 9. – С. 143–147.

Куртинец С. А. Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX в. / С. А. Куртинец // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 4. – С. 115–125.

Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI веков / В. Л. Ларин. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 424 с.

Ларин В. Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) / В. Л. Ларин, Л. Л. Ларина // Россия и АТР. – 2014. – № 2 (84). – С. 5–19.

Ларин В. Л. КНР глазами дальневосточника / В. Л. Ларин // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 1 (22). – С. 124–130.

Ларин В. Л. Российский вектор политики Китая: новые веяния и старые проблемы / В. Л. Ларин // Россия и АТР. – 2005. – № 3 (49). – С. 92–100.

Ларин В. Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции / В. Л. Ларин // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 12. – С. 69–81.

Латтимор О. Главы из книги «Монголы Маньчжурии» (пер. с англ. Н. Шастиной) // Современная Монголия. – 1936. – № 3. – С. 86–121.

Ледовский А. М. СССР, США и народная дипломатия в Китае. – Москва : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1979. – 215 с.

Ли Сянянь. Национальная политика КНР на период 1949-1956 гг. / Сянянь Ли // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – № 5. – С. 99–106.

Ли Цянь. Воспоминания о героях антияпонской войны в Северо-Восточном Китае по случаю 70-й годовщины победы в антияпонской войне / Цянь Ли // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне / ред. А. Ф. Клименко, В. П. Зимонин [и др.]; науч. рук. С. Г. Лузянин. – Москва : Изд-во Института Дальнего Востока РАН, 2015. – С. 136–138.

Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века: политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. / С. Г. Лузянин. – Москва : Изд-во Института Дальнего Востока, 2000. – 268 с.

Лю Бо. Сорокалетняя политика реформ и открытости в КНР: результаты для провинции Хэйлунцзян / Бо Лю // Власть и управление на Востоке России. – 2019. – № 2 (87). – С. 22–28.

Лянь Лю. Жанры народных песен дауров в Китае / Лю Лянь // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2017. – № 25. – С. 89–96.

Маак Р. Путешествие на Амур / Р. Маак. – Санкт-Петербург : Типография Карла Вульфа, 1859. – 320 с.

Мажинский С. В. Центральное правительство Китая и автономный район Внутренняя Монголия в 1966-1969 гг.: от диалога к политической борьбе / С. В. Мажинский // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 139–144.

Мамаева Н. Л. К 100-летию «Движения 4 мая 1919 г.» / Н. Л. Мамаева // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 6. – С. 125-131.

Махмутходжаев М. М. Национальная политика гоминьдана (1927–1933) / М. М. Махмутходжаев. – Москва : Наука, 1986. – 127 с.

Меликсетов А. В. Победа китайской революции: 1945–1949 / А. В. Меликсетов. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 181 с.

Меликсетов А. В. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1949) / А. В. Меликсетов. – Москва : Наука, 1977. – 317 с.

Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая / Г. В. Мелихов. – Москва : Наука, 1991. – 319 с.

Мещерский А. С. Автономная Барга. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг. Вып. XII. / А. С. Мещерский. – Шанхай : Типография русского книгоиздательства, 1920. – 39 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т.1. / Г. Ф. Миллер. – Москва : Восточная литература, 1999. – 630 с.

Михайлов Т. М. Развитие этнического самосознания монголов в XII–XIV вв. / Т. М. Михайлов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск : Наука, 1993. – С. 179–198.

Михалев М. С. Великий восточный лимитроф: трансграничные народы в государственной политике России и Китая / М. С. Михалев. – Москва : ИДВ РАН – Вост. лит., 2022. – 295 с.

Миягашева С. Б. Военно-административная организация баргутов в период династии Цин / С. Б. Миягашева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012а. – № 8. – С. 208–214.

Мозохин О. Б. «Все проведенные боевые операции... в той или иной степени сочетались с агентурными мероприятиями». Пограничные войска Забайкальского округа в войне против милитаристской Японии: 1945 г. / О. Б. Мозохин // Исторический архив. – 2021. – № 1. – С. 52–68.

Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. – 624 с.

Москалев А. А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы) / А. А. Москалев. – Москва : Наука, 1992. – 180 с.

Москалев А. А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму / А. А. Москалев. – Москва : Памятники исторической мысли, 2005. – 327 с.

Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999) / А. А. Москалев. – Москва : Памятники исторической мысли, 2001. – 224 с.

Мочалов А. Н. Национально-территориальное устройство Китайской Народной Республики: конституционная модель и ее истоки / А. Н. Мочалов // Сравнительное правоведение. Академический юридический журнал. – 2016. – № 3 (65). – С. 54–62.

Мусиенко А. В. Дауры в контексте миграционных процессов в Приамурье / А. В. Мусиенко // Материалы LX российской археологическо-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием / отв. ред. И. М. Бердников, Д. Н. Лохов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. – С. 214–215.

Мягмарсамбу Г. Противостояние Российской и Циньской империй 1900 г. и «бегство года белой мыши» баргутов Хулун-Буира / Г. Мягмарсамбу // Баргуты: история и современность / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск : Изд-во «Отгиск», 2016. – С. 68–71.

Намсараева С. Б. Дилеммы цинской миграционной политики в приграничном Хулун-Буире на примере участия мусульман таранчи / С. Б. Намсараева // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. – 2012. – № 2. – С. 155–164.

Нанзатов Б. З. Маньковские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение / Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2020а. – № 4 (40). – С. 27–37.

Нанзатов Б. З. Оловские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение / Б. З. Нанзатов, М. М. Содномпилова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2020б. – Т. 31. – С. 17–30.

Нанзатов Б. З. Особенности формирования полиэтнической этнотерриториальной группы на примере Урульгинской степной думы (феномен взаимодействия дагуров, монголов, эвенков и бурят) / Б. З. Нанзатов // Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности / отв. ред. Р. И. Пшеничникова. – Т. I. – Улан-Удэ : ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – С. 134–146.

Нанзатов Б. З. Улюрунгуйские и газимурские хамниганы в конце XIX в.: этнический состав и расселение / Б. З. Нанзатов // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы IX международной научной конференции: в 2-х томах. Т. 1. / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018а. – С. 202–205.

Нанзатов Б. З. Шундуинские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение / Б. З. Нанзатов // *Oriental Studies*. – 2018б. – Т. 11. – № 3 (37). – С. 54–60.

Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века / О. Е. Непомнин. – Москва : Восточная литература, 2005. – 712 с.

Непомнин О. Е. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох / О. Е. Непомнин, В. Б. Меньшиков. – Москва : Восточная литература, 1999. – 334 с.

Непомнин О. Е. Социально-экономическая история Китая, 1894–1914 / О. Е. Непомнин. – Москва : Наука, 1980. – 367 с.

Николаев Д. А. «Экспедиция была очень тяжелая, полная всяких лишений...»: генерал-майор К. В. Церпицкий об участии русских войск в подавлении в Китае восстания ихэтуаней в 1900–1901 гг. / Д. А. Николаев // *Военно-исторический журнал*. – 2015. – № 6. – С. 58–62.

Нимаев Д. Д. Дауры и баргуты: проблемы этнической истории / Д. Д. Нимаев // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2010. – № 2 (42). – С. 122–127.

Новичков В. С. Сущность национальной политики в КНР в период деструкции (1957–1978 гг.) / В. С. Новичков // *Вестник Томского государственного университета. История*. – 2017. – № 45. – С. 48–54.

Ностаева Е. В. Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) / Е. В. Ностаева // *Восточный архив*. – 2010. – № 1 (21). – С. 43–48.

Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. / В. И. Огородников. – Владивосток : Типография Государственного Дальневосточного Университета, 1927. – 94 с.

Омакаева Э. У. Материалы по дагурскому языку XVII в. из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» как лингвистический источник / Э. У. Омакаева, А. А. Бурькин // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. – 2008. – Т. 1. – № 2. – С. 47–56.

Описание Маньчжурии (с картой) / под ред. Дм. Позднеева. – Т. I. – Санкт-Петербург : Типография Ю.Н. Эрлих, 1897. – 620 с.

Остроумов Н. П. Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства / Н. П. Остроумов. – Казань : Типография Императорского Университета, 1879. – 115 с.

Отчет о путешествии в 1894 г. по Маньчжурии, члена Приамурского отдела ИРГО Стрельбицкого (с двумя приложениями) // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. – Т. I. – Вып. IV. – Хабаровск : Типо-литография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1896. – С. 211–312.

Очиров Ц. С. К изучению начального этапа культурной революции в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР (1966–1969 гг.) / Ц. С. Очиров // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 1. – С. 251–256.

Очиров Ц. С. Краткий очерк истории Хулун-Буира (XVII – первая половина XX вв.) / Ц. С. Очиров // Власть. – 2021а. – Т. 29. – № 2. – С. 268–274.

Очиров Ц. С. Социально-экономическое развитие Хулун-Буирского аймака провинции Хэйлунцзян (КНР) в 1969–1976 годах / Ц. С. Очиров // Научный диалог. – 2021б. – № 9. – С. 400–416.

Папцов А. Г. Проблемы водообеспечения аграрного сектора Китая / А. Г. Папцов // Экономика сельского хозяйства России. – 2014. – № 8. – С. 75–78.

Перминова В. А. Японский колониализм: особенности управления / В. А. Перминова // Вопросы истории. – 2014. – № 7. – С. 129–135.

Победа на Халхин-Голе: в поисках исторической истины / отв. ред. А. С. Железняков, Е. Л. Катасонова; Ин-т востоковедения РАН. – Москва : ИВ РАН, 2021. – 348 с.

Позднеев Д. М. Современный Китай (Борьба за китайский рынок) / Д. М. Позднеев. – Ленинград : Изд-во книжного сектора ЛГОНО, 1925. – 87 с.

Поппе Н. Н. Дагурское наречие. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тану-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 6. / Н. Н. Поппе. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1930. – 174 с.

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника / В. В. Радлов. – Москва : Главная редакция восточной литературы, 1989. – 749 с.

Раппопорт В. Маньчжурия: [Полит.-экон. очерк] / В. Раппопорт; Акад. наук СССР Ин-т мир. хоз-ва и мир. политики. – Москва : Воениздат, 1940. – 112 с.

Рассадин В. И. Особенности дагурского языка в сопоставлении с бурятским и монгольским языками / В. И. Рассадин // История и внешние связи бурятского языка / отв. ред. В. И. Рассадин. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 13–17.

Репьева А. М. Нациестроительство. Формирование и существенные характеристики (США и Россия) / А. М. Репьева // Мировая политика. – 2013. – № 2. – С. 68–79.

Ринчино Э-Д. Документы, статьи, письма, / Э-Д. Ринчино. – Улан-Удэ : Редакционно-издательский отдел Минпечати Республики Бурятия, 1994. – 234 с.

Ринчинов А. Б. Влияние критики великоханьского шовинизма на процесс нациестроительства в КНР / А. Б. Ринчинов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «Политология. Религиоведение». – 2018. – Т. 24. – С. 33–40.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят / Г. Н. Румянцев. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2002. – 261 с.

Рунов В. А. Битва за Маньчжурию, 1900–1945 гг. / В. А. Рунов. – Москва : Вече, 2021. – 333 с.

Рябов Н. И. Очерки истории русского Дальнего Востока / Н. И. Рябов, М. Г. Штейн. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1958. – 174 с.

Саблин И. В. «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии / И. В. Саблин // Первая мировая

война в «восточном измерении». Сб. ст. / под ред. Т. А. Филипповой. – Москва : ИВ РАН, 2014. – С. 135–155.

Саблин И. Дальневосточная Республика. От идеи до ликвидации / И. Саблин. – «НЛО», 2020. – 260 с.

Саблин И. В. Транскультурные пространства и конструирование границ в Байкальском регионе: геоинформационный анализ периода 1917–1923 гг. / И. В. Саблин // *Tartaria Magna*. – 2013. – № 1. – С. 12–69.

Санжиева Т. Е. Формирование хозяйственно-культурного комплекса локальной бурятской этнической общины в Китае / Т. Е. Санжиева // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: Материалы 1-й научной экспедиции НГИ. 2004 г. / М. С. Васильева, И. Г. Актамов, С. Ж. Балданов, В. Д. Патаева, Т. Е. Санжиева. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2005. – С. 38–46.

Се Веньсень. Совершенствование механизма государственной поддержки сельского хозяйства в современном Китае / Веньсень Се // *Юридическая мысль*. – 2006. – № 5 (36). – С. 120–124.

Сизова А. А. Политическое измерение деятельности консульской службы России в Застенном Китае во второй половине XIX – начале XX вв. / А. А. Сизова // *Вестник Томского государственного университета*. – 2011. – № 1 (3). – С. 103–107.

Синицын Ф. Л. Трансграничное кочевье в СССР в 1920-е годы / Ф. Л. Синицын // *Вестник РУДН. Серия: История России*. – 2019. – Вып. 18. – № 3. – С. 589–604.

Синь Вэй. Об экономическом развитии этнических меньшинств в провинции Хэйлунцзян в период Китайской Республики (1911–1949) / Вэй Синь // *Современная научная мысль*. – 2022. – № 4. – С. 68–74.

Солин Д. В. Корейский вопрос в международных отношениях (в период с 1945 по 1953 гг.) / Д. В. Солин // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. – 2010. – № 581. – С. 205–216.

Спафарий Н. М. Сибирь и Китай / Н. М. Спафарий. – Кишинев : Изд-во «Картя Молдовеняска», 1960. – 516 с.

Спицын А. Административное устройство Маньчжурии / А. Спицын // Вестник Азии. – 1909. – № 2. – С. 26–54.

Ставров И. В. Малый народ большой страны: положение *хэчжэ* (нанайцев) в современном Китае / И. В. Ставров // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2019. – № 3. – С. 98–115.

Ставров И. В. Позиция КПК по национальному вопросу (1920-е – 1940-е гг.) / И. В. Ставров // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России. Десятые Крушановские чтения / отв. ред. Н. Н. Крадин. – 2021. – С. 494–499.

Ставров И. В. Эволюция позиции КПК по национальному вопросу (1921–2021 гг.) / И. В. Ставров // Россия и АТР. – 2021. – № 2. – С. 83–101.

Ставров И. В. Экономическое развитие национальных районов Северо-Восточного Китая (80-е гг. XX в.) / И. В. Ставров // Ойкумена. – 2007. – Вып. 2. – С. 6–15.

Стасюкевич С. М. Конкурентная борьба на хлебном рынке Северной Маньчжурии в 1920-х гг. / С. М. Стасюкевич // Вопросы истории. – 2010. – № 9. – С. 125–137.

Су Сяохуань. Образование в Китае. Реформы и новшества / Сяохуань Су. – Пекин : Межконтинентальное изд-во Китая, 2002. – 191 с.

Сун Линьлинь. Эволюция и тенденции развития сферы туризма в провинции Хэйлунцзян (КНР) / Линьлинь Сун // Власть и управление на Востоке России. – 2019. – № 2 (87). – С. 29–35.

Сухачева Г. А. «Бич страны». Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е годы XX в. / Г. А. Сухачева // Россия и АТР. – 1992. – № 1. – С. 92–102.

Суходолов А. П. Война на Халхин-голе 1939 года и советско-германский пакт о ненападении / А. П. Суходолов, Т. Дорж, Ю. В. Кузьмин, М. П. Рачков // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 28. – № 4. – С. 585–594.

Суходолов А. П. История Маньчжурии и государства Маньчжоу-Го: марионеточное государство или квази-государство? (рецензия на коллективную монографию: Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / П. Н. Дудин, В. В. Досовицкая, Л. В. Курас, С. В. Карасев, А. В. Тубчинов, В. М. Фоменко, Б. Д. Цыбенков, А. В. Шемелин / науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. – 254 с.) / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин, М. П. Рачков // Российско-китайские исследования. – 2017. – Вып. 1. – № 1. – С. 102–107.

Сюе Цзунчжэн. Синьцзян: этнографический очерк / Цзунчжэн Сюе. – Пекин : Межконтинентальное изд-во Китая, 2001. – 113 с.

Сянянь Ли. Проблема самоопределения национальных меньшинств в теории и политике КПК (с 1922 г. по настоящее время) / Ли Сянянь // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23. – № 4. – С. 124–130

Танака К. Из истории Хулунбуирского движения за государственность / К. Танака // Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в XX в. / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. Л. В. Курас. – Улан-Удэ : Изд.-полигр. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. – С. 45–48.

Тарасов А. П. Исторические судьбы Барги и Забайкалья / А. П. Тарасов // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 4. – С. 50–55.

Тодаева Б. Х. Дагурский язык / Б. Х. Тодаева. – Москва : Наука, 1986. – 190 с.

Тубчинов А. В. Правовая идеология как элемент правовой системы Маньчжоу-Го / А. В. Тубчинов // Eurasia: statum et legem [Евразия: государство и право]. – 2015. – № 1 (4). – С. 182–186.

Улымжиев Д. Б. Цыбен Жамцарано: научная, просветительская и общественно-политическая деятельность в Монголии (1911–1931 гг.) / Д. Б. Улымжиев, Ж. Цэцэгма. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1999. – 168 с.

Усов В. Н. Последний император Китая. Пу И (1906–1967) / В. Н. Усов. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 415 с.

Ушницкий В. В. Дауры: новые этнографические материалы / В. В. Ушницкий // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2014. – № 1 (8). – С. 30–33.

Федоров Д. Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края / Д. Я. Федоров. – Ташкент : Изд-во «Ташкент. Типография штаба Туркестанского военного округа», 1903. – 309 с.

Фоменко В. М. Культурные преобразования японцев в Маньчжурии: свидетельства современников / В. М. Фоменко // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2013. – № 2 (11). – Ч.2. – С. 325–335.

Хао Цинюнь. Китайские ученые о происхождении дауров / Цинюнь Хао // Традиционная культура востока Азии / отв. ред. Д. П. Болотин, А. Р. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 1999. – С. 207–210.

Хишигт Н. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) / Н. Хишигт, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Известия лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 196–208.

Ху Яньсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае и России: сравнительный анализ теоретических подходов и социальных практик (в конце XX – начале XXI вв.) / Яньсинь Ху. – Москва : Компания Спутник +, 2006. – 151 с.

Хухэ Маньдула. Экокультурное представление о Хулунбуирской степи: проблемы сохранения и дальнейшие прогнозы о будущем культурном наследии / Маньдула Хухэ, Хуа Инь // Апробация. – 2013. – № 12 (15). – С. 107–108.

Цибиков Б. Д. Цыбен Жамцарано / Б. Д. Цибиков, Ш. Б. Чимитдоржиев // Выдающиеся бурятские деятели. Том 1 (выпуски 1, 2, 3, 4) / сост.

Чимитдоржиев Ш. Б., Михайлов Т. М. – Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 2009. – С. 72–76.

Цолмон Г. Страницы истории барга-монголов / Г. Цолмон // Регион в приграничном пространстве: материалы международной научной конференции / гл. ред. Е. В. Дроботушенко. – Ч. 1. – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2016. – С. 22–27.

Цыбенков Б. Д. Антияпонская освободительная борьба дауров и баргутов в годы Второй мировой войны / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. – С. 411–419.

Цыбенков Б. Д. В декабре 1939-го: эпизод из партизанской антияпонской войны в даурском районе Морин-Дава / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество. – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2020а. – С. 149–152.

Цыбенков Б. Д. История дауров как конструирование легендарного прошлого / Б. Д. Цыбенков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2019а. – № 4 (36). – С. 276–279.

Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. / Б. Д. Цыбенков. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012а. – 252 с.

Цыбенков Б. Д. История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) / Б. Д. Цыбенков, Юй Шан // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – Т. 22. – 2017. – С. 113–123.

Цыбенков Б. Д. К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2017а. – С. 201–210.

Цыбенков Б. Д. К изучению фольклора дауров / Б. Д. Цыбенков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов / гл. ред. Э. П. Бакаева. – 2015. – № 3. – Элиста : Изд-во КИЦ РАН. – С. 289–301.

Цыбенков Б. Д. Культура и образование дауров в первой половине XX в. / Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2018а. – Т. 25. – С. 115–122.

Цыбенков Б. Д. Культура и образование дауров в XIX–начале XX века / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018 / редколл.: А. В. Шалак [и др.]. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. – С. 362–370.

Цыбенков Б. Д. Культура цыцикарских дауров в XX веке / Б. Д. Цыбенков, Ли Пин // Гуманитарный вектор. – 2019а. – Т. 14. – № 3. – С. 71–79.

Цыбенков Б. Д. Миграции даурского населения в XVII–XVIII веках / Б. Д. Цыбенков // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность / отв. ред. Б. З. Нанзатов. – Вып. 2. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012б. – С. 191–201.

Цыбенков Б. Д. Народно-революционная партия Внутренней Монголии (от создания до сфабрикованного дела конца 1960-х гг.) / Б. Д. Цыбенков, Ц. С. Очиров // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 1. – С. 258–264.

Цыбенков Б. Д. Национально-освободительное движение в Хулун-Буири в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-ламы IX в. 1931 г. / Б. Д. Цыбенков // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – Т. 21. – 2017б. – С. 128–135.

Цыбенков Б. Д. Национальные меньшинства Китая на изломе эпох: цыцикарские дауры в 1913–1945 гг. / Б. Д. Цыбенков, Ли Пин // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2019б. – Т. 27. – С. 80–89.

Цыбенков Б. Д. О времени заселения даурами территории Приамурья: новая интерпретация данных / Б. Д. Цыбенков // Вопросы истории. – 2018б. – № 9. – С. 92–100.

Цыбенков Б. Д. От политики «четырёх чисток» к созданию ревкомов в Хулун-Буири (к реконструкции событий начального этапа «культурной

революции») / Б. Д. Цыбенков, Ц. С. Очиров // *Oriental Studies*. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 493–505.

Цыбенков Б. Д. Развитие культуры даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1950–1980-х гг. / Б. Д. Цыбенков // *Власть*. – 2019б. – № 03 (т. 27). – С. 219–224.

Цыбенков Б. Д. Развитие сельского хозяйства в Даурском автономном хошуне Морин-Дава в 1958–1984 гг. / Б. Д. Цыбенков // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2018в. – № 4 (76). – С. 100–105.

Цыбенков Б. Д. Развитие сельского хозяйства даурского автономного хошуна Морин-Дава в 1980–1990-х гг. / Б. Д. Цыбенков // *Власть*. – 2018г. – № 8. – С. 254–259.

Цыбенков Б. Д. Судьбы даурских офицеров – участников антияпонских мятежей в армии Маньчжоу-Го в августе 1945 года / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // *Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019*. – Иркутск, 2019. – С. 380–388.

Цыбенков Б. Д. Участие дауров в антияпонском сопротивлении (1932–1945 гг.) / Б. Д. Цыбенков, Л. В. Курас // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы X межд. науч.-практ. конф.* / отв. ред. О. А. Шеломихин [и др.]. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2020б. – С. 367–371.

Цыремпилов Н. В. Сангха в эпоху упадка. Реакции российских буддистов на Русскую революцию и Гражданскую войну / Н. В. Цыремпилов // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2019. – № 1–2. – С. 347–370.

Цыремпилова В. Э. Автономный район Внутренняя Монголия конца 1970-х—начала 1990-х гг. в официальной китайской прессе (на материалах газеты «Жэньминь Жибао») / В. Э. Цыремпилова // *Власть*. – 2017. – № 4. – С. 155–159.

Цэцэгма Жамбалын. Бурятская национальная интеллигенция в становлении монгольского государства в первой четверти XX в. / Жамбалын Цэцэгма. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2006. – 231 с.

Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча / К. Е. Черевко. – Москва : Вече, 2003. – 582 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Цокто Бадмажапов / Ш. Б. Чимитдоржиев, Н. В. Ким // Выдающиеся бурятские деятели. Том 1 (выпуски 1, 2, 3, 4) / сост. Чимитдоржиев Ш. Б., Михайлов Т. М. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2009. – С. 69–71.

Чуприна М. В. Роль русских белоэмигрантов в социально-экономическом развитии Маньчжурии в 1920–30-х гг. / М. В. Чуприна // Власть. – 2012. – № 1. – С. 128–130.

Шевченко В. В. Дауры Приамурья (историографические аспекты) / В. В. Шевченко // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй / отв. ред. Н. Н. Крадин, А. Г. Ситдииков. – Владивосток : Изд-во «Дальнаука», 2017. – С. 305–309

Шеломихин О. А. Этномиграционные процессы на территории Приамурья в XVII веке / О. А. Шеломихин // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского / отв. ред. А. И. Донченко. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – № 14. – С. 143–165.

Шемелин А. В. Становление и развитие органов государственной власти Маньчжоу-Го / А. В. Шемелин, П. Н. Дудин // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки. материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом: в 2 ч. / под ред. Е. В. Дроботушенко. – Ч. 1. Чита : Изд-во ЗабГУ, 2015. – С. 27–31.

Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп) / С. М. Широкогоров. – Москва : Наука – Вост. лит., 2017. – 710 с.

Шмыт З. К. Нация и этничность в Монголии / З. К. Шмыт // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 58–70.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. I. / Л. Шренк. – Санкт-Петербург : Изд-во Императорской АН, 1883. – 304 с.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. II. / Л. Шренк. – Санкт-Петербург : Изд-во Императорской АН, 1899. – 314 с.

Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т. III. / Л. Шренк. – Санкт-Петербург : Изд-во Императорской АН, 1903. – 145 с.

Элбэк-Доржи Ринчино о Монголии: избранные труды / сост. Базаров Б. В., Цыбиков Б. Д., Очиров С. Б. – Улан-Удэ, 1998. – 255 с.

Юдицких Ю. Е. Социально-экономическое развитие Китая (на примере Северо-Восточного региона) / Ю. Е. Юдицких, Т. А. Ерёмкина // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Сборник Восточного центра. – 2011. - № 9. – С. 19–24.

Юехун Т. Китайское региональное радио: этапы становления и развития / Т. Юехун, В. Н. Шейн // [Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка](#). – 2009. – № 2. – С. 107–110.

Янь Мэн. Особенности представления в честь 70-летия основания Автономного района Внутренняя Монголия / Мэн Янь // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. – 2019. - № 2 (32). – С. 111–116.

Японские методы умиротворения Манчжурии. (Письмо из Маньчжурии) // Тихий океан. – 1934. – № 4 (6). – С. 160–162.

Яхонтов К. С. Дагурский язык. Введение / К. С. Яхонтов // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1998. – С. 132–149.

1900-1901 гг. Военные действия в Китае. Часть III. Отдел I. Северная Маньчжурия. Отдел II. Южно-Маньчжурский район / сост. Генерал-майор Овсянный. – Санкт-Петербург : Военная типография, 1910. – 300 с.

Электронные ресурсы

Акты о плавании письменного головы Василья Пояркова из Якутска в Охотское море // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты

исторические». – URL: http://sibrelis.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640-1649_gg. (дата обращения: 28.09.2012).

Горбунов Е. А. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке / Е. А. Горбунов. – URL : <https://document.wikireading.ru/18109>. (дата обращения: 12.02.2020).

Дауры // Синьцзян – многонациональный и красочный край. Китайский информационный Интернет-центр China.org.cn. – URL: <http://www.russian.china.org.cn/russian/174539.html>. (дата обращения: 10.05.2012).

Дацышен В. Г. Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв. / В. Г. Дацышен. – Москва : Директ-Медиа, 2014. 232 с. – URL: <https://www.litres.ru/vladimir-grigorevich-dacyshen/ocherki-istorii-mongolii-v-xix-pervoy-chetverti-hh-vv/chitat-onlayn/page-2/>. (дата обращения: 20.04.2018).

Допросы, сделанные Хабаровым даурцам, взятым в плен в 1651 г. // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». – URL: sibrelis.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1650-1659_gg. (дата обращения: 28.09.2012).

Зумрат. Праздник переселения на Запад народа сибо / Зумрат // сайт информационного агентства «Тяньшаньнет». – URL: http://russian.xjts.cn/content/2012-04/26/content_6781544.htm. Дата обращения: 17.03.2012.

История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том I. Агрессия в Маньчжурии. – Москва : Издательство Иностранной литературы, 1957. – 416 с. / Под общей редакцией Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити. // Перевод с японского под редакцией Б. В. Поспелова. В переводе первого тома принимали участие: Б. В. Бейко, В. С. Гривнин, А. А. Искендеров, И. Г. Поздняков и Б. В. Раскин. – URL : http://militera.lib.ru/h/istoriya_voyny_na_tihom_okeane/index.html. (дата обращения: 15.02.2022).

Отписка якутских воевод о походе Ярофея Хабарова на реку Амур // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». – URL:

sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1650-1659 gg. (дата обращения: 28.09.2012).

Скобелев С. Г. Рецензия на книгу «Народы Сибири в составе Государства Российского» (очерки этнической истории). Под ред. Л. Р. Павлинской. Санкт-Петербург : Европейский дом, 1999. – 359 с. / С. Г. Скобелев // Сибирская заимка. – 2002. – № 3. – URL : http://www.zaimka.ru/03_2002/narodysibiri_review/ (дата обращения: 14.09.2011).

Супотницкий М. В. Корейская бактериологическая война / М. В. Супотницкий. – URL : <http://www.supotnitskiy.ru/stat/stat7.html>. (дата обращения: 24.02.2019).

Челобитная С. В. Полякова и его спутников о поведении Я. П. Хабарова на Амуре в 1650–1653 гг. // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». – URL: sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640-1649 gg. (дата обращения: 28.09.2012).

Чжан Цайся. В деревнях близ Цицикара дауры празднуют фестиваль «Кумулэ» / Цайся Чжан. – URL: http://russian.dbw.cn/system/2010/06/07/000241812_01.shtml. (дата обращения: 17.05.2012).

Диссертации и авторефераты диссертаций

Бадагаров Ж. Б. Дагурско-бурятские языковые связи (на материале фонетики и морфологии): автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22. / Бадагаров Жаргал Баяндалаевич. – Элиста, 2013а. – 24 с.

Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911-1921 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. / Батунаев Эдуард Владимирович. – Улан-Удэ, 2013. – 23 с.

Белов Е. А. Русско-китайские отношения в 1911-1915 гг.: автореф. дисс. докт. ист. наук: 07.00.03 / Белов Евгений Алесандрович. – М., 1993. – 37 с.

Болотин Д. П. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII-XVII века): автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.06 / Болотин Дмитрий Петрович. – Новосибирск, 1995. – 17 с.

Дудин П. Н. Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: дис. д-ра ист. наук: 07.00.03 / Дудин Павел Николаевич. – Улан-Удэ, 2020б. – 808 с.

Жабаева Л. Б. Э-Д. Ринчино и формирование государственности монгольских народов в первой четверти XX в.: автореф. дисс. докт. ист. наук: 07.00.03. / Жабаева Лариса Будаевна. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2001. – 39 с.

Жабицкий А. К. Деятельность разведывательных органов России в Северо-Восточном Китае (конец XIX - начало XX вв.): автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. / Жабицкий Андрей Константинович. – Улан-Удэ, 2012. – 26 с.

Кузьмин С. Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: дис. д-ра ист. наук: 07.00.03 / Кузьмин Сергей Львович. – Москва, 2016а. – 584 с.

Мажинский С. В. Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911– 1976 гг.): дис. канд. ист. наук: 07.00.03 / Мажинский Станислав Витальевич. – Томск, 2014. – 214 с.

Мао Гэсунг. Проблемы реформирования сельского хозяйства КНР: дисс. канд. экон. наук: 08.00.14 / Гэсунг Мао. – Москва, 2002. – 150 с.

Миягашева С. Б. Старые баргуты Китая: этническая история и традиционная культура: автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.07. / Миягашева Суржана Борисовна. – Улан-Удэ, 2012б. – 22 с.

Очиров Ц. С. Хулун-Буирский аймак автономного района Внутренняя Монголия в период «культурной революции» (1966-1976 гг.): дис. канд. ист. наук: 5.6.2. / Очиров Цыден Солбонович. – Улан-Удэ, 2021в. – 185 с.

Перминова В. А. Тайвань – «образцовая» колония Японии (1895-1945 гг.): особенности социально-экономических преобразований: дис. канд. ист. наук: 07.00.15 / Перминова Вера Александровна. – Москва, 2016. – 210 с.

Усова А. В. История китайцев, маньчжуров и дауров Зазейского края во второй половине XIX в.: автореф. дис...канд. ист. наук: 07.00.03 / Усова Анастасия Викторовна. – Москва, 2005. – 23 с.

Цыремпилова В. Э. Трансформация позиции Коммунистической партии Китая в отношении монгольского мира последней четверти XX – первой четверти XXI вв. (по материалам китайской официальной прессы): дис. канд. ист. наук: 07.00.03 / Цыремпилова Виктория Эдуардовна. – Улан-Удэ. 2019. – 265 с.

Цэцэгма Жамбалын. Бурятские национальные демократы в революционном движении монгольских народов в первой трети XX в.: автореф. дис...д-ра ист. наук: 07.00.03 / Жамбалын Цэцэгма. – Улан-Удэ, 2006. – 44 с.

Цэцэгма Жамбалын. Научная, просветительская и общественно-политическая деятельность Цыбена Жамцарано в Монголии (1911-1931 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.03 / Жамбалын Цэцэгма. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1999. – 23 с.

Шин В. А. Политика КНР в отношении корейских государств (1949-1997 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.15 / Шин Владимир Алексеевич. – Москва, 1998. – 34 с.

На бурятском языке

Периодические издания

Бадмаева Л. Б. Шэнэхээн буряадууд тухай: замай тэмдэглэл [О бурятах Шэнэхээн: дорожные заметки] / Л. Б. Бадмаева // Агын үнэн. – 1988. – июлиин 30; августын 3, 6.

Балданов С. Ж. Шэнэхээн, Шэнэхээн гэлсэнэлта [На устах: «Шэнэхэн, Шэнэхэн...»] / С. Ж. Балданов // Морин хуур. – 2006. – № 3. – Н. 176-180.

Дагуурнууд – хоккей наададаг таряшад: [беседа с Сяо Пин] / вел Д-Д. Болотов // Буряад үнэн: Дүхэриг. – 2012. – Апрельин 12. – Н. 18.

Пубаев Р. Е. Хүлэн-Бүйрэй буряадууд тухай [О бурятах Хулун-Буира] / Р. Е. Пубаев // Агын үнэн. – 1989. – Майн 24.

Сампилова Ц. Ц. Түүхын үйлөөр төөригдүүлхэн хуби заяан [Судьба, потерянная во время исторических перипетий] / Ц. Ц. Сампилова // Буряад үнэн: Дүхэриг. – 2013. – январин 17. – Н. 20.

Согтын Жамса. Буряад-монголшуудай болон Хитадай арадай республикын Үбэр-Монголой Хүлэн Буйр аймагай Шэнэхээн нютагай түүхэ / пер.: Д. Н. Сультимов, Ж. Б. Бадагаров // Буряад үнэн: Дүхэриг. – 2013. – Июниин 27. – Н. 14; июлиин 11. – Н. 13; августын 1. – Н. 14; августын 8. – Н. 14; августын 22. – Н. 21; августын 29. – Н. 21; сентябриин 12. – Н. 21; сентябриин 26. – Н. 21; октябриин 3. – Н. 21; октябриин 10. – Н. 21; октябриин 17. – Н. 21; октябриин 24. – Н. 21; октябриин 31. – Н. 21; ноябриин 21. – Н. 21; декабриин 19. – Н. 21.

Той Галсан. «Алтан урагай нагасанууд» барга, буряад зон тухай / Галсан Той // Буряад үнэн: Дүхэриг. – 2012. – Апрельин 19. – Н. 18.

Цыбенев Б. Д. Дагуур угсаатантай тобшо танилсуулга // Буряад Үнэн. – № 9 (414). – Мартын 10. – 2005. – Н. 10.

Цыбенев Б. Д. Дагуурнууд гэжэ хэд бэ?: [беседа с Б.Д. Цыбеновым] / вел Д-Д. Болотов / Б. Д. Цыбенев // Буряад Үнэн: Дүхэриг. – 2012. – Апрельин 5. – № 13.

Цыбенев Б. Д. Дэ Хун мэргэн // Буряад Үнэн. – Июлиин 5. – 2005. – Н. 8.

Шэнэхээн буряадай түүхэхээ [Из истории шэнэхэнских бурят] / Ц. Шагдарон хуушан монголһоо буряадшалба [перевод со старомонгольского языка на бурятский язык Ц. Шагдарона] // Толон. – 1991. – Майн 28, 31.

Шэнэхээн буряадуудай ойрын тобшо түүхэ [Краткая новейшая история шэнэхэнских бурят] // Буряад үнэн. – 1993. – Апрельин 1, 8, 15, 22, 29; майн 6, 13, 26.

Литература

Санжа-Ешын Сэмжэд. Шэнэхээн соелой ундарал / Сэмжэд Санжа-Ешын.
– Улаан-Үдэ : НоваПринт, 2013. – 175 н.

Согтын Жамса. Буряад-монголшуудай Шэнэхээн нютагай түүхэ
[История бурят-монголов Шэнэхээн]. – Улаан-Үдэ : Бальжинимаев А. Б., 2017.
144 н.

На монгольском языке

Опубликованные документы

Монголчуудын нэгдсэн улс байгуулахын толоох тэмцэл (1911–1915).
Баримт бичгийн эмхтгэл. I [Борьба за создание единого государства монголов
(1911–1915). Сборник документов. Т. I] / эмхтгэж хэвлэлд бэлтгэсэн: Ж.
Гэрэлбадрах; эрхэлсэн: Ж. Урангуа. – Улаанбаатар : Адмон хэвлэлийн газар,
2014. – 376 с.

Монголчуудын нэгдсэн улс байгуулахын төлөөх тэмцэл (1911–1915).
Баримт бичгийн эмхтгэл. III [Борьба за создание единого государства
монголов (1911–1915). Сборник документов. Т. III] / эмхтгэж хэвлэлд
бэлтгэсэн: Дуутан Ж. Гэрэлбадрах; эрхэлсэн: Хэрээд Ж. Урангуа. –
Улаанбаатар : Адмон хэвлэлийн газар, 2014. – 361 с.

Неопубликованные документы

Монгол Улсын Үндэсний Төв Архив

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 11. МАХН-ын Төв Хороонд Монголд
нийлэхийг хүссэн Тагна Туваа-Урианхайн хязгаарын ард түмний хүсэлт,
тэдний дотоод улс төр, эдийн засаг, ахуйн байдал, намын ажлын талаар тэнд
сууж буй Монголын төлөөлөгчид, Гадаад Дотоод яам, засгийн газар,
Туваагийн хүмүүсээс ирүүлсэн бичиг. 1924.03.24.-1941.07.14. На 137 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 12. Дотоод Монголы ард түмний аж
байдал, намын ажлын талаар МАХН-ын Төв Хорооноос гарсан тогтоолууд. На
119 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 14. Дотоод Монголын ардын хувьсгалт намын Төв Хорооны төлөөлөгчдийн дүрэм, Их-Зуу, Улаанцав чуулганы намын гишүүд, төлөөлөгчдийн их хурлын тогтоосон зүйлүүд. 1926. На 11 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 15. МАХН-ын ТХ-ноос Коминтернд Элбэгдорж Рыскулов нарын зөрөлдөөн, Коминтерний тогтоолын хариу 6 зүйл, Монголд байгаа барга дотоод монголын асуудал, албан хүмсийг томилсон зэрэг асуудлаар явуулсан бичиг цахилгаан. На 97 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 16. Хятадын коммунист намын төлөөлөгч Дин-Тай-И-гийн илтгэл, Хятадаас Монголд суух төлөөлөгчдийн эрх хэмжээний тухай МАХНын Төв Хорооноос гаргасан тогтоолууд. 1929 он. На 111 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 17. Дотоод Монголын ардын хувьсгалт намын их хурлын тунхаглан зарлах бичиг, Улаанбаатар хотод байгаа гишүүдийн зарлагын данс зэрэг материал. На 33 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 18. Дотоод Монголын намын хороог байгуулж мөрийнь хөтөлбөр дүрмийг боловсруулах, МАХНам Коминтернтэй харилцах тухай МАХН-ын тусгай комиссын гаргасан 6 зүйлийн шийдвэр. 1925.5.15.-1925.7.15. На 26 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 27. МАХН-ын Төв Хорооны төлөөлөгчдөөс Гоминданы намын төлөөлөгчтөй хийсэн хэлэлцээний бичиг (хятад, монгол хэл дээр). 1925.5.-1925.12. На 37 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 44. МАХН-ын Төв Хороонд Баруун хязгаарын бага ястны байдлын тухай ирсэн илтгэл хуудас захьдал. На 88 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 54. Ю. Цэдэнбал, Энэтхэгийн сэтгүүлч ДЖ-Алба-г хүлээн авч ярилцсан тэмдэглэл, монголч эрдэмтдийн хуралд ирсэн хүмсийн тэмдэглэл илтгэл хуудас. На 51 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 77. МАХН-ын Төв Хороонд. Тус орны хил хязгаар болон хятад өвөр монгол хязгаарын аймгуудад болж байгаа гадаад дотоод байдлын талаар Дотоод яамнаас ирүүлсэн тусгай мэдээлүүд. 1925-1931. На 157 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 79. МАХНамын Төв Хороо орон нутгийн байгуулагуудын хуучин тамганы дардас. II боть. 1924-1950. На 162 л.

МУУТА. Ф. ЦХ. № 7. Оп. 1. Д. 80. МАХН-ын Төв Хороонд нам ба цэрэг хувьсгалын асуудал, дагаар орох, сургуульд хүмүүсийг явуулах, Дотоод Монголын байдал зэрэг асуудлаар Өвөр Монголын намын хороо, хүмүүсээс ирүүлсэн бичиг. II боть. 1924.4.07.-1930.4.31. На 133 л.

МУУТА. Ф. Т-11. Оп. 2. Д. 1389. На 368 л.

Научные издания

Баба Кимихико. XX зууны Монголын тухай япончуудын ойлголт, түүх-уран зохиолын дүрслэл (япон хэлнээс орчуулсан Б. Сэржав, М. Болормаа) [Монголия XX в. в понимании японцев (свидетельства исторических и художественных произведений) (пер. с япон. Б. Сэржава, М. Болормы)] / Кимихико Баба // Тусгаар тогтнол, нэгдсэн Монгол улсын тухай мөрөөдөл / Япончууд Монголын тухай / эмхэтгэсэн: У. Загдцэсэм, ред. Ц. Батбаяр [Стремление к суверенитету, единому Монгольскому государству / японцы о Монголии / сост. У. Загдцэсэм, ред. Ц. Батбаяр]. – Улаанбаатар : «Бемби сан» хэвлэх үйлдвэрт эхийг бэлтгэж, хэвлэв, 2020. – С. 142–186.

Батбаяр Ц. Монгол, Манжгогийн хилийн хэлэлцээ 1935–1941 он. (Цэрэг-дипломатын түүх) [Пограничные переговоры между Монголией и Маньчжоу-Го в 1935–1941 гг. (Военная и дипломатическая история)] / Ц. Батбаяр, Д. Гомбосүрэн. – Улаанбаатар : «Алтан Үсэг» хэвлэл, 2004. – 152 с.

Батбаяр Ц. Монгол Улсын гадаад харилцаа (1900–1925) [Внешнеполитические отношения Монголии (1900–1925)] / Ц. Батбаяр. – Улаанбаатар : «Бэмби сан» хэвлэх үйлдвэр, 2020. – 304 с.

Батсайхан О. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946) [Монгольская нация на пути к суверенному государству (1911–1946)] / О. Батсайхан. – Улаанбаатар : «Адмон» компанид хэвлэв, 2005. – 353 с.

Батсайхан О. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916) [Суверенитет Монголии (1911–

1916) и Кяхтинский договор 1915 г. между Китаем, Россией и Монголией] / О. Батсайхан. – Улаанбаатар : «Адмон» компанид хэвлэв, 2007. – 317 с.

БНХАУ-ын үндэсний районууд дахь маогийнхны их гүрний бодлого [Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР] / орчуулсан Р. Гонгор; ред. Ж. Чимид. – Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1978.

Бодонгууд Цэрэнжавын Авид. Номун ханы дайн. Монгол бичгээс хөрвүүлсэн: Шарайд Базаржавын Шагдаржав; хэвлэлд бэлтгэсэн: Лувсангийн Алтанцэцэг, Бямбаагийн Сэргэлэн [Война на Номун хане] / Авид Цэрэнжавын Бодонгууд. – Улаанбаатар : Төр, Засгийн үйлчилгээ, аж ахуйг Эрхлэх газрын харьяа хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2005. – 278 с.

Болд Р. Бүрэн эрхээ хязгаарлуулсан тусгаар тогтнол. 1921–1925 [Суверенитет с ограниченными правами. 1921–1925] / Р. Болд. – Улаанбаатар : НЭПКО ХХК, 2021. – 210 с.

Ганбагана Ц. XX зууны эхэн хагас үеийн монгол үндэсний эрх чөлөөний тэмцэл ба Дэмчигдонров ван [Национально-освободительная борьба монгольского народа в первой половине XX в. и Дэмчигдонров ван] / Ц. Ганбагана // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017а. – С. 60–75.

Ганбагана Ц. Дэмчигдонровын Дугарсүрэнгийн тухай товчхон өгүүлэх нь: мэндэлсний зуун жилийн дурсгалд нь зориулав [Краткая статья о Дугарсүрэнгийн Дэмчигдонрове: посвящается к 100-летию со дня рождения] / Ц. Ганбагана // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017б. – С. 328–357.

Ганбагана Ц. Өвөр Монголын өөртөө засах хөдөлгөөнтэй холбогдох хэдэн асуудлын тухай товч өгүүлэх нь [Краткое изучение некоторых вопросов, связанных с автономистским движением во Внутренней Монголии] / Ц. Ганбагана // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана

эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017в. – С. 318–327.

Дашдаваа Ч. Монгол дахь төрийн эргэлт (хоер дахь хэвлэлт) [Государственный переворот в Монголии (второе издание)] / Ч. Дашдаваа. – Улаанбаатар : «Бэмби Сан», 2020. – 375 с.

Дашдаваа Ч. Улаан түүх (Коминтерн ба Монгол) [Красная история (Коминтерн и Монголия)] / Ч. Дашдаваа. – Улаанбаатар : «Бэмби Сан», 2019. – 364 с.

Доржийн Зоригт. Дэ Ван. Судалгааны бүтээл [Дэ Ван. Исследовательская работа] / Зоригт Доржийн. – Улаанбаатар : «АДМОН» компанид хэвлэв, 2009. – 409 с.

Жамсран Л. МАХН, Өвөр Монголд ардын хувьсгалт нам үүсч бэхжихэд тусалсан нь [О помощи МНРП в создании и укреплении Народно-революционной партии Внутренней Монголии] / Л. Жамсран // Дорно дахины судлалын асуудал [Вопросы востоковедения]. – 1991. – № 1 (24). – С. 11–17.

Жамсран Л. Хятад дахь монголчууд [Монголы Китая] / Л. Жамсран, Ү. Эрдэнэбаяр, Н. Алтанцэцэг. – Улаанбаатар : Хэвлэлийн «Сүхбаатар» компанид хэвлэв, 1996. – 182 с.

Идшинноров С. Үйлс нь мөнх гавьяатан [Его заслуги навечно в делах] / С. Идшинноров, Г. Цэрэндорж // Соел урлаг. Ажил үйлс, асуудал, зорилт [Культура и искусство. Дела, вопросы, задачи]. – 1990. – № 4.

Лан Мэй Хуа. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө 1911 оны хөдөлгөөн: нэгдсэн Монгол Улс байгуулах эрмэлзэл [Движение за независимость Монголии в 1911 г.: стремление к созданию единого Монгольского государства] / англи хэлнээс орчуулсан С. Түвшин, хянан нягталсан Ж. Болдбаатар, Ж. Урангуа / Лан Мэй Хуа. – Улаанбаатар : «Соембо принтинг» ХХКб 2011. – 210 с.

Ли Нарангуа. Монголыг нэгтгэх мөрөөдөл ба Хиагтын гэрээ [Мечта об объединении Монголии и Кяхтинский договор] / Нарангуа Ли // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав

[Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017. – С. 9–33.

Лувсандоогийн Чулуунбаатар. Халхын голын дахь дайнд барга, өвөр монголчуудаас оролцсоныг эргэцүүлэхүй [Возвращаясь к участию баргутов и внутренних монголов в войне на Халхин-голе] / Чулуунбаатар Лувсандоогийн // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017. – С. 289–299.

Лхагвадорж Б. Гишүүн Пунсагийн түүх гэх баримтыг нягтлах нь [Исследование источника под названием «История товарища Пунсага»] / Б. Лхагвадорж // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017. – С. 300–317.

Манжуурын хэлэлцээрийн өдөр тутмын тэмдэглэл (1935–1936) [Ежедневные записи переговоров в Маньчжурии (1935–1936)] / эмхэтгэсэн: С. Баттогтох, На. Батболд; ерөнхий редактор: С. Чулуун. – Улаанбаатар : «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв, 2019. – 538 с.

Мягмарсамбуу Г. Бүс нутаг, Монголын түүхэн дэх Барга: улс төрийн түүх (1900–1960 он) [Регион Барги в истории Монголии: политическая история (1900–1960 гг.)] / Г. Мягмарсамбуу. – Улаанбаатар : Соембо принтинг ХХК, 2017а. – 338 с.

Мягмарсамбуу Г. Монгол Улсын баргууд [Баргуты Монгольского государства] / Г. Мягмарсамбуу // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Составитель Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017б. – С. 81–129.

Наками Тацүо. Хайсан болон Удайн хувь заяаг тодруулахуйд (япон хэлнээс орчуулсан Ц. Батбаяр) [К изучению судеб Хайсана и Удая (пер. с япон. Ц. Батбаяра)] / Тацүо Наками // Тусгаар тогтнол, нэгдсэн Монгол улсын тухай мөрөөдөл / Япончууд Монголын тухай / эмхэтгэсэн: У. Загдцэсэм, ред. Ц.

Батбаяр [Стремление к суверенитету, единому Монгольскому государству / японцы о Монголии / сост. У. Загдцэсэм, ред. Ц. Батбаяр]. – Улаанбаатар : «Бемби сан» хэвлэх үйлдвэрт эхийг бэлтгэж, хэвлэв, 2020. – С. 40–52.

Нахиа С. Хянган сургуулийн хороо болон «Хянган даваа» сэтгүүл [Полк Хинганского училища и журнал «Хинганский хребет»] / С. Нахиа // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017. – С. 196–207.

Нямбуу Х. Монголын угсаатны зүйн удиртгал [Введение в этнографию монгольских народов] / Х. Нямбуу. – Улаанбаатар : Сурах бичиг хүүхдийн номын хэвлэлийн газар, 1992. – 197 с.

Оюунгоо. Уламжлал хийгээд одоохчилолтын тухай өвөр монголчуудын танилт ухамсрыг шинжих нь (1930-аад оны өвөр монголын монгол сэхээтэн хийгээд Өвөр Монголчууд) [Изучение восприятия внутренними монголами традиционности и современности (монгольская интеллигенция Внутренней Монголии 1930-х гг. и внутренние монголы)] / Оюунгоо // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017. – С. 231–250.

Өлзий Ж. Дагуур угсаатны эрт, эдүгээгийн байдал / Ж. Өлзий // Дорно дахины судлалын асуудал. Түүх, эдийн засаг, соёл. – 1985. - № 1 (12). – С. 63–70.

Өлзий Ж. Өвөр Монголын өөртөө засах орны зарим үндэстэн, ястны гарал үүсэл, зан заншил [Происхождение и обычаи некоторых народностей Автономного района Внутренняя Монголия] / Ж. Өлзий. – Улаанбаатар, 1990. – 143 с.

Пэрлээ Х. Хятан нар, тэдний монголчуудтай холбогдсон нь [Кидани и их связи с монголами]. *Studia Historica. Instituti Historiae Comiteti scientiarum Reipublica Populi Mongoli. Tomus 1. Fasc. 1.* / Х. Пэрлээ – Улаанбаатар : Улсын хэвлэл, 1959. – 116 с.

Танака Кацүхико. Социалист хувьсгал улс үндэстэнд эрх чөлөө авчирдаг уу? (япон хэлнээс орчуулсан Ц. Батбаяр) [Приносит ли социалистическая революция независимость государствам и народам? (пер. с япон. Ц. Батбаяра)] / Кацүхико Танака // Тусгаар тогтнол, нэгдсэн Монгол улсын тухай мөрөөдөл / Япончууд Монголын тухай / эмхэтгэсэн: У. Загдцэсэм, ред. Ц. Батбаяр [Стремление к суверенитету, единому Монгольскому государству / японцы о Монголии / сост. У. Загдцэсэм, ред. Ц. Батбаяр]. – Улаанбаатар : «Бемби сан» хэвлэх үйлдвэрт эхийг бэлтгэж, хэвлэв, 2020а. – С. 11–14.

Танака Кацүхико. Тусгаар тогтнол уу, автономи уу? (япон хэлнээс орчуулсан Ц. Батбаяр) [Суверенитет или автономия? (пер. с япон. Ц. Батбаяра)] / Кацүхико Танака // Тусгаар тогтнол, нэгдсэн Монгол улсын тухай мөрөөдөл / Япончууд Монголын тухай / эмхэтгэсэн: У. Загдцэсэм, ред. Ц. Батбаяр [Стремление к суверенитету, единому Монгольскому государству / японцы о Монголии / . сост. У. Загдцэсэм, ред. Ц. Батбаяр]. – Улаанбаатар : «Бемби сан» хэвлэх үйлдвэрт эхийг бэлтгэж, хэвлэв, 2020б. – С. 15–25.

Танака Кацүхико. Хиагтын гурван улсын гэрээ (япон хэлнээс орчуулсан Ц. Батбаяр) [Кяхтинский тройственный договор (пер. с япон. Ц. Батбаяра)] / Кацүхико Танака // Тусгаар тогтнол, нэгдсэн Монгол улсын тухай мөрөөдөл / Япончууд Монголын тухай / эмхэтгэсэн: У. Загдцэсэм, ред. Ц. Батбаяр [Стремление к суверенитету, единому Монгольскому государству / японцы о Монголии / сост. У. Загдцэсэм, ред. Ц. Батбаяр]. – Улаанбаатар : «Бемби сан» хэвлэх үйлдвэрт эхийг бэлтгэж, хэвлэв, 2020в. – С. 26–39.

Тахилт Галиндэвийн Мягмарсамбуу. Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргүүн боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он). [История и этнография Барги. Первый том. Краткая история Барги (1734–1960 гг.)]. Редактор: Академич Боржигин-Тавт Жигжидийн Болдбаатар / Мягмарсамбуу Галиндэвийн Тахилт. – Улаанбаатар : «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв, 2021а. – 335 с.

Тахилт Галиндэвийн Мягмарсамбуу. Баргын түүх, угсаатны зүй. Дэд боть. Баргын угсаатны зүй. [История и этнография Барги. Второй том.

Этнография Барги]. Редактор: Түүхийн шинжлэх ухааны доктор (Sc.D), профессор Хар адуутан Сампилдондовын Чулуун / Мягмарсамбуу Галиндэвийн Тахилт. – Улаанбаатар : «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв, 2021б. – 308 с.

Тахилт Галиндэвийн Мягмарсамбуу. Баргын түүх, угсаатны зүй. Гутгаар боть. Цэргийн жанжин Манлайбаатар Жамсрангийн Дамдинсүрэн (1871–1921 он). [История и этнография Барги. Третий том. Военачальник Манлайбаатар Жамсрангийн Дамдинсүрэн (1871–1921 гг.)]. Редактор: Академич Боржигин-Тавт Жигжидийн Болдбаатар / Мягмарсамбуу Галиндэвийн Тахилт. – Улаанбаатар : «Соёмбо принтинг» ХХК-д хэвлэв, 2021в. – 335 с.

Хандсүрэн Ц. Дагуурын заншлын тухай тэмдэглэл [Заметки о даурских обычаях] / Ц. Хандсүрэн // Түүхийн судлал. Studiahistorica institute historiae academiae scientiarum reirublicae populi mongolici. Tomus X. Fasc. 8. – Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академиин Хэвлэл, 1974. – С. 105–111.

Хишигт Н. Чөлөөлөх дайны үед БНМАУ-ын засгийн газраас Өвөр Монголын тухайд баримталсан бодлого, үйл ажиллагаа [Политика и деятельность правительства МНР по отношению к Внутренней Монголии в годы Освободительной войны] / Н. Хишигт // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017. – С. 34–59.

Цэнд гүнгийн хөрвүүлсэн Монголын нууц товчоо [Тайная история монголов, переведенная Цэндэ-гуном] / эрхэлсэн Д. Начин, Бодлогот баатар Цэнд гүн; ред. Ц. Оюунсүрэн. – Улаанбаатар : «Ти Ди Ар Пи» ХХК-д хэвлэв, 2017. – 660 с.

Цэцэгмаа Б. Хорьдугаар зууны дөчөөд оны «өвөр монгол озлогдогсод» [«Военнопленные – внутренние монголы» 40-х гг. XX в.] / Б. Цэцэгмаа // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017. – С. 251–287.

Эрдэнэбаяр. Монголын зангиаст намын тухай [О монгольский партии «зангиаст» (с галстуками)] / Эрдэнэбаяр // XX зууны эхэн хагас үе ба монголчууд. Цэвэгжавын Ганбагана эмхэтгэн найруулав [Первая половина XX в. и монголы. Сост. Цэвэгжавын Ганбагана]. – Улаанбаатар : «Удам соёл» ХХК, 2017. – С. 208–230.

Электронные ресурсы

Ариун. Мэрсээг судалсан бүтээлийн ном зүй [Историография работ, посвященных Мэрсэ]. – URL: <https://www.jstage.jst.go.jp/article/nairiku/pdf/char>. (дата обращения: 21.07.2022).

На классической монгольской письменности

Опубликованные документы

Официальная речь амбаня Гуйфу во время почитания горы Богдо = Boyda ayula-yin taqily-a deger-e Guifu amban-u kiciyengguilen tayiysan yosulal-un üge. M. Bodigerel qangyaba. Šine Barya barayun qošiюн-u soyol teüke-yin materiyal. 2. – Tungliao qota-yin Diančeng keblel-ün kijayartu kompani keblebe, 2010 // Материалы по истории и культуре западного хошуна Новой Барги. Вып. 2. – Тунляо : ООО «Дяньчэн», 2010. – С. 102–103.

Периодические издания

Köke туу [Синее знамя]. 13 мая 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 23 мая 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 30 мая 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 6 июня 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 13 июня 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 20 июня 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 4 июля 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 18 июля 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 25 июля 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 1 августа 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 3 ноября 1942 г.

Köke туу [Синее знамя]. 3 июля 1944 г.

Köke туу [Синее знамя]. 23 марта 1945 г.

Öbür Mongγol-un ɣaraɣ-un setegül [Еженедельный журнал Внутренней Монголии]. 1949. № 36.

Научные издания

Abida. Qingɣan qoyitu muji-yin toyimu bayidal [Обзор развития провинции Северный Хинган] / Abida, Bodo // Qaɣurmaɣ Manču ulus-un Qingɣan-u teüke-yin material [Материалы по истории Хингана периода марионеточного государства Маньчжоу-Го]. – Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2017. – С. 29–34 с.

Altanša N. Köke Mongγol-un ulayan tuɣcid. Degedü [Красные знаменосцы Синей Монголии. Часть первая] / N. Altanša. – Öbür Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 1999. – 528 с.

Angčinquu. Solon Manɣa bayatur-un tuqai [О солонском Манга-баторе] / Angčinquu // Evengki-yin sudulul [Эвенкийские исследования]. – Qayılar, 2004. – № 1. – С. 40–42.

Badmavangčın. Orgi bičigeçi-yin tobči namtar [Краткая биография писаря Орги] / Badmavangčın // Barɣu sudulul-un ügülel-ün tegüberi (nige). Pungçuɣvangjil ɣoollan naɣıraɣulba. [Сборник научных статей по исследованию баргутов. Ч. 1. Гл. ред. Пунцагванжил]. – Külün Buyır : Öbür Mongγol-un soyol-un keblel-un qoriy-a, 2013. – С. 339–342.

Batubayana. Öbür Mongγol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel Külün Buyır ayımaɣ-tu bayıyuluɣdan kögjıgsen ni [Учреждение и развитие Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии в Хулун-Буире] / Batubayana, Altanvčır // Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temečegsen jalayı nige üye-yin-kin. 1945–1949–2005. Öbür Mongγol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayıyuluɣdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčır ɣolčılan naɣıraɣulba [Поколение молодежи, боровшееся за

национальное освобождение. 1945–1949–2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – *Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a*, 2007a. – С. 123–134.

Batubayana. *Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayuçud-un eblel-ün teüken ayan jam-i ergičegülün bodoqu ni* [Размышления о пути Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии] / Batubayana, Altanvçir // *Ündüsüten-ü çilügelelte-yin tülüge temeçegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayuçud-un eblel bayiyuluçdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyal-un tegüberi*. Batubayana, Altanvçir *yołçilan nayırayulba* [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – *Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a*, 2007b. – С. 1–11.

Bayan Y. *Nigedüger baça surçayuli-yin tobçi irelte* [Краткая история начальной школы № 1] / Y. Bayan // *Şine Barçu barayun qoşiyun-u soyol teüke. Vol. 2*. [История и культура Западного хошуна Новой Барги. Ч. 2.]. – *Tüngliao : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya*, 2010. – С. 439–448.

Bilid. *Daçur-un ulamçilaltu uran jokiyal* [Традиционная художественная литература дауров] / Bilid, Şoyiçim, Bilig. – *Ulayan-Qada*, 1987. – 426 с.

Borjigin Namsarai. *Barçu buriyad uç udum-un temdeglel* [Заметки о генеалогии баргутов и бурят] / Namsarai Borjigin, Biligsayıqan // *Barçu sudulul-un ögülel-ün tegüberi (nige)*. *Pungçuıvangjil yoollan nayırayulba*. [Сборник научных статей по исследованию баргутов. Ч. 1. Гл. ред. Пунцагванжил]. – *Külün Buyir : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-un qoriy-a*, 2013. – С. 119–126.

Bilig. *Umaradu-yin böge-yin qubçasu kiged baçaçı edlel-ün tuqai* [Об одежде и принадлежностях северных шаманов] / Bilig // *Üyiles-ün dürüge (kit. Peng cheng)*. *Erkilen nayırayuluçı: D. Serenbatu, ded erkilen nayırayuluçı: S. Qastuyay-a*. [Стремена деяний (*kit.* Великий путь). Главный редактор Д.

Сэрэнбату, редактор С. Хастуяя]. – Көкеçота : Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriya, 2003. – С. 189–199.

Buyandelger J. Eligen qayiratu Qayučin Barγu [Родная сторона - Старая Барга] / J. Buyandelger. – Tüngliao : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1999. – 279 с.

Buyanbatu. Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel-ün Kingyan oron-daki ajillayan-u bayidal-un tuqai yeke kereg-ün temdeglel [Заметки об основных событиях в деятельности Народно-революционного союза Внутренней Монголии в районе Хингана] / Buyanbatu // Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temeçegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayiyuluγdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčir yolčilan nayiraγulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 2007. – С. 153–168.

Buyanjab. Dari-yin utaya bürküjü, γal bambar keyisün nisügen jil-ud-tu. Čerig anggi-du Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel-ün ösön bujaγayiraγsan ni [Годам, прошедшим в пороховом дыму и огненном смерче. Об успешном пополнении воинских частей [членами] Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии] / Buyanjab // Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temeçegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayiyuluγdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčir yolčilan nayiraγulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 2007. – С. 249–295.

Bütegegçi. Yal qalayun jil-ud-i ergičegülün bodoqu ni [Вспоминая огненные годы] / Bütegegçi // Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temečegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Öbör Mongγol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayiyuluγdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčir yolčilan nayırayulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 2007. – С. 105–113.

Čamqad Rejidm-a. Imin-u ögeledčüd [Олеты Имина] / Rejidm-a Čamqad. – Tüngliao : Öbör Mongγol-un keblel-un soyl-un keblel-un qoriya, 2008. – 335 с.

Čo Oršon. Emči Sangja-yin ergičegülül [Размышления врача Санжа] / Oršon Čo // Barγu sudulul-un ögülel-ün tegüberi (nige). Pungčuγvangjil γoollan nayırayulba. [Сборник научных статей по исследованию баргутов. Ч. 1. Гл. ред. Пунцагванжил]. – Külün Buyir : Öbör Mongγol-un soyl-un keblel-un qoriya, 2013. – С. 312–322.

Dayur ündüsüten-ü tobči teüke [Краткая история даурского народа] / naiyayulanbičikü duγuyilang naiyayulaba; Men Zhidun, Üljeiyütü, Bayar. – Kökeqota : Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriya, 1989. – 300 с.

Duγarjab Y. Čögen toγotu ündüsüten-ü suruγčid-tu üjel sanaγ-a ulus törü-yin kümüjil örnigülekü tuqai [О необходимости развития государственной поддержки и идей в отношении учащих из числа национальных меньшинств [Китая] / Y. Duγarjab // Üyiles-ün dürüge (кит. Peng cheng). Erkilen nayırayuluγči: D. Serenbatu, ded erkilen nayırayuluγči: S. Qastuyaγ-a. [Стремения деяний (кит. Великий путь). Главный редактор Д. Сэрэнбату, редактор С. Хастуяя]. – Kökeqota : Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriya, 2003. – С. 362–370.

Duγarsurung O. Yančuur süme-yin yeke kereg-ün temdeglel [Заметки о крупном деле, связанном с сумэ Ганчжур] / O. Duγarsurung // Nekeiyütü. Šine Barγu barayun qošiγun-u süme kiγd. [Нэхийт. Буддийские монастыри Западного

хошуна Новой Барги]. – Kūlūn Būyir : Ōbōr Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2016. – С. 24–27.

Edünkešig. Ōbōr Mongyol-un arad-un qibisqaltu jalayučud-un eblel-ün bayiyuluγdaysan önggerelte [Создание Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии] / Edünkešig // Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temečegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Ōbōr Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayiyuluγdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyaal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčir yolčilan nayiraγulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2007. – С. 114–120.

Engkebatü M. Dayur kelen-ü üges [Слова даурского языка] / M. Engkebatü. – Kūkeqota, 1984. – 337 с.

Gobol Temürdei. Evengki ündüsüten-ü öbertegen jasaqu qošiγun-u γajar jüi [География Эвенкийского автономного хошуна] / Temürdei Gobol. – Qayilar : Qayilar deki Šingova keblekü üiledübüri, 1988. – 91 с.

Go Jou Heng. Jalayučud-un eblel-ün ajil-un tuqai medegülülte [Сообщение о деятельности союза молодежи] / Heng Jou Go // Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temečegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Ōbōr Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayiyuluγdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyaal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčir yolčilan nayiraγulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2007. – С. 28–46.

Jamso Enke. Kulun Buir ogeled-un soyol teuke-yin material [Материалы по истории и культуре олетов Хулун-Буира] / Enke Jamso. – Tungliao : Qota-yin diyaceng keblel-un kijagartu qariguculagatu kompani, 2008. – 208 p.

Jang Će. Öbör Mongγol-un jegün oron-u sayurin yajar-i egüden bütüegsen ba ündüsüten-ü oron-u öbürtegen jasaqu-yi beyelegülügen ni [Создание [революционной] базы в восточной части Внутренней Монголии и основание национальной региональной автономии] / Će Jang, Da Hi Feng, Heng Jou Go, Fei Küng, Mao Ding, Duvei Vang, Ši Jou // Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temečegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Öbör Mongγol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayiyuluγdayсан 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčir yolčilan nayirayulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2007. – С. 3–27.

Mendüsürün M. Dayur ündüsüten-ü naiman yeke shilüg dayulal-un tuqai [О восьми больших песнопениях даурского народа] / M. Mendüsürün // Öbür Mongγol-un ündüsüten-ü bayshi-yin degedü surγayuli-yin erdem šinjilgen-ü sedkül [Научно-исследовательский журнал национального педагогического института Внутренней Монголии]. – Kükęqota, 1990, qabur-un quyučay-a. – С. 111–116.

Meng Ji Dүng. Dayur arad-un aman üliгер [Устные народные сказки дауров] / Meng Ji Dүng. – Kükęqota : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1983. – 468 с.

Mišigdorji S. Ćebęjab-un Jambaljab [Цэбэгжавын Жамбалжав] / S. Mišigdorji // Šine Barγu barayun qošiγun-u soyol teүke. Vol. 2. [История и культура Западного хошуна Новой Барги. Ч. 2.]. – Tүngliao : Öbör Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2010. – С. 345–363.

Mongγol ündüsüten-ü oyir-a orčın üyi-e-yin üjel sanayan-u teүke-yin sudulul. Bulaγ jokiyaba; Sačura, Ćen Yung Ćing orčiγulba [Исследование истории [развития] современных идейных воззрений монгольского народа. Автор: Булаг, переводчики: Сацура, Чень Юнчин]. – Liyouning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2007. – 255 с.

Morindabaya daγur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qoşıγun-u toyimu bayidal [Обозрение Морин-Дава даурского автономного хошуна] / nayırayulun biçikü duγuyılang nayırayulba. Jamsu, Bürinsayın orçıγulba. Erdenıjab orçıγulγa-yı qınaba. – Kükęqota : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1988. – 269 c.

Müren. Jalayučud-un eblel-ün ajıllay-a-nuyud-i ergičęgülün durasaqu ni [Вспоминания виды деятельности союза молодежи] / Müren // Ündüsüten-ü çilügelelte-yin tülüge temeçęksen jalayü nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Öbür Mongγol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayıγuluγdaysan 60 jil-un oi-yı durasaqu jokiyal-un tegüberi. Batubayana, Altanvçir γolçılan nayırayulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2007. – С. 296–306.

Naranjıγal D. Merse-yin amidural-un segül-ün jil-ud [Последние годы жизни Мэрсэ] / D. Naranjıγal, Ї. Daşidava // Öbür Mongγol-un yeke surγayuli. Erdem şinjilgen-ü setegül. – Kükęqota, 2014, 2-duγar quγuçay-a. – С. 36–53.

Oyidob. Külün Büyir ögeled-mongγol-un süme keyed [Буддийские монастыри олет-монголов Хулун-Буира] / Oyidob, Piljid // Külün Büyir ögeled-ün soyol teüke-yin material [Материалы по истории и культуре олетов Хулун-Буира]. – Tüngliao: Öbür Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2008. – С. 34–44.

Oyungγou-a. Daγur kele kiged mongγol kelen-ü bayingγu kereglegdekü ijil γarultai üye-yin udaq-a-yin qarıçayulul [Сопоставление значений одинаковых по происхождению и постоянно употребляющихся слов в даурском и монгольском языках] / Oyungγou-a // Üyiles-ün dürüge (кит. Peng cheng). Erkilen nayırayuluγçı: D. Serenbatu, ded erkilen nayırayuluγçı: S. Qastuyay-a. [Стремена деяний (кит. Великий путь). Главный редактор Д. Сэрэнбату, редактор С. Хастуяя]. – Kökeqota : Öbür Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriya, 2003. – С. 219–229.

Oyungyou-a. Evengki qoşıyın-u Bayantal-a siyang-un dayurčud-un kereglejü bayıy-a kele-yi bayıçayan šinjilekü-ni [Полевое исследование языка дауров, проживающих в сяне Баянтала эвенкийского хошуна] / Oyungyou-a // Öbür mongyol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan [Общественные науки Внутренней Монголии]. 2012. 4-düger quyuçay-a. № 179. – С. 83–89.

Öljei J. Barıy Mongyol-un teüke [История барга-монголов] / J. Öljei. – Tüngliao : Öbür Mongyol-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 415 с.

Piljid. Yapon degeremčid Imin nutuγ-tu bakteritu qalayun kijig delgeregülgösen yal-a nigül [Преступление японских оккупантов, распространивших бактериологическое оружие (тиф) в местности Имин] / Piljid, Nangsalma // Külün Bühr ögeled-ün soyol teüke-yin tobči material. Külün Bühr ögeled-ün sudulyan-u neyigemlig nayırayulaba [Краткие материалы по истории и культуре олетов Хулун-Буира]. – Tüngliyüö : Diyančeng keblel-ün kompani, 2008.

Qosokava Gokuo. Kelmegdegülelte-ber šorong-dü 34 jil [34 года в тюрьмах в результате репрессий] / Altanšaya, Engketuula nar mongyolčilaba [пер. На монг.яз. Алташага, Энхтуул] / Gokuo Qosokava. – Diyan Ma keblel-ün kijayartu kompani, 2015. – 378 с.

Qurlad Mešige. Barıy-yin tobči teüke [Краткая история Барги] / Mešige Qurlad. – Tüngliao : Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2009. – 256 с.

Rašidava. Qingyan čerig-ün bayıyuluγdaysan ba tegün-ü ularil qubisulta [Создание Хинганского войска и его последующие преобразования] / Rašidava // Qayurmaγ Manču ulus-un Qingyan-u teüke-yin material [Материалы по истории Хингана периода марионеточного государства Маньчжоу-Го]. – Öbür Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2017.

Sečenggerel. Dayur, evengki, orčon ündüsüten-ü arad-un aman jokiyal-daki ami-yin uqamsar [Понятие о жизни [дыхании] в народном фольклоре дауров, эвенков, ороحوнов] / Sečenggerel // Üyiles-ün dürüge (*кит.* Peng cheng). Erkilen nayırayuluγçı: D. Serenbatu, ded erkilen nayırayuluγçı: S. Qastuyay-a. [Стремения деяний (*кит.* Великий путь). Главный редактор Д. Сэрэнбату, редактор С.

Хастуяя]. – Kökeqota : Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriya, 2003. – С. 230-238.

Sengdejab В. Аqamad qošiюн darуа Sayiqanjiryal yuvai-yi duradqaqu-ni [Памяти председателя хошуна Сайханжаргала] / В. Sengdejab // Barуу sudulul-un ögülel-ün tegüberi. Šine Barуу Jegün qošiюн-u soyol teüke-yin material. Vol. 2. [Сборник научных статей по исследованию баргутов. Ч. 2]. – Tüngliao : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2017. – С. 474–488.

Serenbatu D. Barуу, buriyad, dayur, evengkičüd-ün ulamjilaltu uruу qurim-un jang üyile-deki erten-ü buliyamal uruу-un ula mör [Остатки древнего обычая похищения [невест] в в традиционной свадебной обрядности баргутов, бурят, дауров и эвенков // Üyiles-ün dürüge (кит. Peng cheng). Erkilen nayiraуuluуči: D. Serenbatu, ded erkilen nayiraуuluуči: S. Qastуyaу-a. [Стремена деяний (кит. Великий путь). Главный редактор Д. Сэрэнбату, редактор С. Хастуяя]. – Kökeqota : Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriya, 2003. – С. 200-205.

Sergüleng S. Batubayar baуši-ban mörögedekü-ni [Памяти учителя Батубаяра] / S. Sergüleng // Barуу sudulul-un ögülel-ün tegüberi. Šine Barуу Jegün qošiюн-u soyol teüke-yin material. Vol. 2. [Сборник научных статей по исследованию баргутов. Ч. 2]. – Tüngliao : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2017. – С. 463–473.

Solon barуу dayur-un Külün Buyir-tu negүjü iregsen tuqai alban bičig // Qurlad Mešige. Barуу-yin tobči teüke [Краткая история Барги] / Mešige Qurlad. – Tüngliao : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2009, с. 230-232.

Sungdui Š. Barуučud Külün Buyir-tu aju түrүjü üy-e ulariуsan tobči teüke [Краткая история баргутов на протяжении многих поколений проживающих в Хулун-Буире] / Š. Sungdui // Barуу sudulul-un ögülel-ün tegüberi (nige). Pungčuyvangjil yoolan nayiraуulba. [Сборник научных статей по исследованию баргутов. Ч. 1. Гл. ред. Пунцагванжил]. – Külün Buyir : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-un qoriy-a, 2013. – С. 108-112.

Šatu. Eblel-i bayiyulun kögгigүlügsen toyimu bayidal [Обзор основания и развития союза [Народно-революционной молодежи Внутренней Монголии] /

Šatu // Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temečegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayıyuluıdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčir yolčilan nayırayulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 2007. – С. 135-152.

Šıranud Eldengge. Külün Buyır-un Kürıyen-eče saluıysan šiltayan [Причина отделения Хулун-Буира от Урги] / Eldengge Šıranud // Barıu sudulul-un ögülel-ün tegüberi (nige). Pungčuıvangjil yoollan nayırayulba. [Сборник научных статей по исследованию баргутов. Ч. 1. Гл. ред. Пунцагванжил]. – Külün Buyır : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-un qoriya, 2013. – С. 113-118.

Tayıbungjırıyal M. Abırmıd-un Dulamsurung [Абирмидын Дуламсурэн] / M. Tayıbungjırıyal // Šıne Barıu barayun qoşıyun-u soyol teüke. Vol. 2. [История и культура Западного хошуна Новой Барги. Ч. 2.] – Tüngliao : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2010. – С. 364–387.

Tegüs. Jegün Mongyol-un jalayučud-un küdelgegen-ü tuqai durasamji [Воспоминания о движении молодежи Внутренней Монголии] / Tegüs // Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temečegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayıyuluıdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčir yolčilan nayırayulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 2007. – С. 47-102.

Tümen. Kan Sheng kiged Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu nam-un kilis kereg [Каншэн и сфабрикованное дело о Народно-Революционной партии

Внутренней Монголии] / Tümen Ju Dung Li. – Begejing : Ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 1996. – 594 с.

Ündüsüten-ü čilügelelte-yin tülüge temečegsen jalayu nige üye-yin-kin. 1945-1949-2005. Öbör Mongyol-un arad-un qubisqaltu jalayučud-un eblel bayıyuluıdaysan 60 jil-un oi-yi durasaqu jokiyal-un tegüberi. Batubayana, Altanvčir yolčilan nayıraıulba [Поколение молодежи, боровшееся за национальное освобождение. 1945-1949-2005. Сборник статей, посвященных 60-летию основания Народно-революционного союза молодежи Внутренней Монголии. Отв. ред. Батубагана, Алтан-Очир]. – Liyuoning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriya, 2007.

Yaldan. Külün Büyir ögeled-ün kübegetü šira qoşıyun-u soyol teüke-yin tobči temdeglel [Краткие заметки об истории и культуре хулун-буирских олетов желтого знамени] / Yaldan // Külün Büyir ögeled-ün soyol teüke-yin material [Материалы по истории и культуре олетов Хулун-Буира]. – Tüngliao : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2008. – С. 20–33.

Yaljud Nangsalma. Ögeled-mongyol-un suryan kümüjil-dü judükügsen minu nige nasu [Моя жизнь, посвященная школьному образованию олетов Хулун-Буира] / Nangsalma Yaljud // Külün Büyir ögeled-ün soyol teüke-yin material [Материалы по истории и культуре олетов Хулун-Буира]. – Tüngliao : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2008. – Р. 163–169.

Yaljud Tübšinima. Barıaçud-un teüken irelte [История происхождения баргутов] / Tübšinima Yaljud. – Qayılar : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. – 152 с.

Yončoıbatu B. Tünggüs evengkičüd-ün soyol teüke-yin durasumji [Воспоминания об истории и культуре тунгус-эвенков] / B. Yončoıbatu. – Külün Büyir : Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2016. – 197 р.

Yongyorjab. Külün Büyir ögeled-ün soyol suryan kümüjil-ün tobči temdeglel [Краткие заметки о культуре и школьном образовании олетов Хулун-Буира] / Yongyorjab // Külün Büyir ögeled-ün soyol teüke-yin material [Материалы по

истории и культуре олетов Хулун-Буира]. – Tüngliao : Öbör Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 2008. – С. 45–65.

Yui Shan. Dayur üндүсүтен-ü eki egüsül-i tobči ügүlekü ni [К изучению происхождения даурского народа] / Shan Yui // Kүlүн-Buyir yeke surγayuli-yin erdem shinjilgen-ü sedkүl [Научный журнал Хулун-Буирского университета]. – Kүlүн Buyir. – 1996.– № 3. – С. 55–57.

Yui Shan (Qas-Uul). Dayur üндүсүтен-ü ulamjilaltu ed keregsel jiči teuken-ü nereyidül [Исторические названия предметов традиционной материальной культуры дауров] // Öbür Mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqayan [Общественный науки Внутренней Монголии]. – Kүkeqota, 2007 on-u 3-duyar quyuçay-a. – № 148. – С. 66–69.

На английском языке

Периодические издания

[Malaya Tribune 18 August 1933.](#)

[Malaya Tribune 26 September 1933.](#)

[Shonan Times \(Syonan Shimbun\) 20 April 1943.](#)

[Singapore Daily News 5 December 1932.](#)

[Singapore Daily News 17 November 1932.](#)

[The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser \(1884-1942\) 27 November 1929.](#)

[The Straits Times 29 July 1992.](#)

Научные издания

Andrew Francis-Tan. Racial Revolution: Understanding the Resurgence of Ethnic Minority Identity in Modern China / Francis-Tan Andrew, Mu Zheng // Population Research and Policy Review. – 2019. – Vol. 38. – Pp. 733–769.

Atwood C. P. Soviet Russia and Imperial Japan: A Comparison of Their Ventures on the Mongolian Plateau // ノモンハン事件（ハルハ河会戦）70周年 2009年ウランバートル国際シンポジウム 報告論文集 [“Collected Papers from

the International Symposium on the 70th Anniversary of the Nomonhan Incident (Khalkhin Gol Battle), held in Ulaanbaatar, 2009”]. ed. Junko Imanishi 今西淳子 and Borjigin Husel / Atwood P. Christopher. – Tokyo : Fūkyōsha, 2010. – Pp. 385–392.

Atwood C.P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire / Atwood P. Christopher. – Indiana University, Bloomington, Facts On File, Inc., 2004. – 678 p.

Atwood C. P. State service, lineage and locality in Hulun Buir / C. P. Atwood // East Asian history. Number 30. December 2005. – P. 5–22.

Atwood C. P. The Mutual-Aid Co-operatives and the Animal Products Trade in Mongolia, 1913-1928 / C. P. Atwood // Inner Asia. – 2003. – Vol. 5. – No. 1. – Pp. 65–91.

Atwood C. P. Young Mongols and vigilants in Inner Mongolia’s interregnum decades, 1911-1931 / C.P. Atwood. – Leiden; Boston; Köln : Brill, 2002. – 1168 p.

Byung-Joon Ahn. Adjustments in the Great Leap Forward and Ideological Legacy, 1959-62 // Ideology and Politics in Contemporary China / Edited by Chalmers Johnson. – Seattle and London : University of Washington Press, 1973. – Pp. 257–300.

Caroline Humphrey. Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols / Humphrey Caroline and Onon Urgunge. – Oxford : Clarendon press, 1996. – 416 p.

Chengzhi (Kicengge). The “Cisan Incident” as an Example of “Direct Legal Appeals” in the Qing Period / Chengzhi (Kicengge) // Studia Orientalia Slovaca. – 2021. – № I. – Vol. 20. – Pp. 179–216.

China’s Ethnic Minorities / “Culture of China” Editorial Board. – Beijing : Foreign Languages Press, 2003. – 118 p.

China’s Ethnic Policy and Common Prosperity and Development of all Ethnic Groups. – Beijing : Foreign Languages Press, 2009. – 153 p.

Christmas Sakura. The Cartographic Steppe: Mapping Environment and Ethnicity in Japan’s Imperial Borderlands. Doctoral dissertation / Sakura Christmas. – Harvard University, Graduate School of Arts and Sciences, 2016. – 316 p.

Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers / Edited by Stevan Hariele.
– Seattle and London : University of Washington Press, 1995. – 379 p.

Daur Folktales. Selected Myths of the Daur Nationality / translated by Mark Bender and Su Huana. – Beijing : New World Press, 1984. – 191 p.

Enze Han. From domestic to international: the politics of ethnic identity in Xinjiang and Inner Mongolia / Han Enze // Nationalities Papers. – 2011. – Vol. 39. – No. 6. – Pp. 941–962.

Ethnic groups in China / Author: Wang Can. Translator: Wang Pingxing. – Beijing : China Intercontinental Press, 2004. – 170 p.

Ezra F. Vogel. Deng Xiaoping and the transformation of China. – Cambridge, 2011. – 876 p.

Gray Jack. Rebellions and Revolutions. China from the 1800s to the 1980s. / Jack Gray. – Oxford University Press, 1990. – 456 p.

Hatanaka Sachiko. Ethnicity and Culture Complex in the Northern Minorities / Sachiko Hatanaka // Ethnicity and Ethnic Groups in China / edited by Chiao, Chian and Tapp, Nicholas. – Hong Kong : New Asia College, Chinese University of Hong Kong, 1989. – P. 23–31.

International rivalries in Manchuria. 1689-1922 / by Paul Hibbert Clyde. – Columbus : The Ohio State University Press, 1926. – 217 p.

Japan in Manchuria. An Analytical Study of treaties and documents / by Mo Shen. – Manila : Grace Trading Co. Inc, 1960. – 463 p.

Japan in Manchuria / by S. Dashinsky, edited by N. Fokin. – New York, б.г. – 47 p.

Jonathan D. Spence. The search for modern China / Spence D. Jonathan. – New York – London : WW Norton and Company, 1990. – 876 p.

Juha Janhunen. Einar Barnes and the Lost Tradition of Dagur Studies in Norway / Janhunen Juha // Studia Orientalia 97. – Helsinki, 2003. – Pp. 77–85.

Juha Janhunen. Manchuria. An ethnic history / Janhunen Juha. – Helsinki : The Finno-Ugrian society, 1996. – 335 p.

Kara György. *Daurica in Cyrillic script* / György Kara. – Budapest : MTA Altajisztikai Kutatócsoport, 1995. – 159 p.

Khabtagaeva B. The Dagur Elements in Solon Evenki / B. Khabtagaeva // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* – 2012. – Vol. 65 (3). – Pp. 335–346.

Khabtagaeva B. The Etymological Remarks on Names of Body Parts in Dagur / B. Khabtagaeva // *Studia Orientalia Slovaca.* – 2021. – № I. – Vol. 20. – Pp. 253–278.

Kim Loretta. Remembered by More Than One Name: Transcription, Multiscriptualism, and Ethnic Heritage in the Case of the Dedule Clan Genealogy / Loretta Kim // *Studia Orientalia Slovaca.* – 2021. – № I. – Vol. 20. – Pp. 47–84.

Kuo Tao-Fu. *Modern Mongolia* / Kuo Tao-Fu // *Pacific Affairs.* – 1930. – Vol. 3. – No 8 (Aug.). – Pp. 754–762.

Li Jinhui. DNA Match Solves Ancient Mystery / Jinhui Li. – URL: <http://www.china.org.cn/english/MATERIAL/16971.html>. – С. 63. (дата обращения: 04.03.2010).

Li Lin. Heritage in Translation: “A Dagur Story” as historical Fiction and Sample Text for Learning Manchu – Part One / Lin Li, Fung Hing-Yu Mavis, Mang-Lung Chong, Kim E. Loretta // *Saksaha. A Journal of Manchu Studies.* – 2016. – Vol. 13. – Pp. 63–73.

Li Narangoa. *Historical Atlas of Northeast Asia, 1590-2010. Korea, Manchuria, Mongolia, Eastern Siberia* / Narangoa Li and Cribb Robert. – Columbia University Press, 2014. – 352 p.

Li Narangoa. *Imperial Japan and national identities in Asia, 1895-1945* / Narangoa Li, R.B. Cribb // *Nordic Institute of Asian studies monograph series*, Routledge, 2003. – 384 p.

Li Narangoa. Mongols between big powers the idea of Man-Mo / Narangoa Li // Монгол туургатны эрт ба эдүгээ. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хоёрдугаар чуулган. August 28-30, 2007. Ulaanbaatar, Mongolia. Edited by Tokusu Kurebito. – Tokio: University of Foreign Studies, 2009. – Pp. 172–181.

Linzhu Wang. The Definition of Indigenous peoples and its Applicability in China / Wang Linzhu // *International Journal on Minority and Group Rights*. – 2015. – Vol. 22. – Pp. 232–258.

Manchuria. A survey / by Adachi Kinnosuke. – New York : Robert M. McBride and company, 1925. – 401 p.

Manchuria: Cradle of conflict / by Owen Lattimore. – New York : The Macmillan Company, 1932. – 311 p.

Matsusaka Y.T. The Making of Japanese Manchuria, 1904-1932 / Y.T. Matsusaka. – London : The Garvard University Asia Center, 2001. – 530 p.

Mitter Rana. The Manchurian myth: nationalism, resistance, and collaboration in modern China / Rana Mitter. – Barkeley : University of California Press, 2000. – 295 p.

Monica Kin-Ian Chang. Heritage in Translation: “A Dagur Story” as historical Fiction and Sample Text for Learning Manchu – Part Two / Chang Kin-Ian Monica, Luk Chi-Hung Gary, Tam Shun-Yung Eugene // *Saksaha. A Journal of Manchu Studies*. – 2016. – Vol. 14. – Pp. 45–56.

Norman Jerry. Notes on Manchu Pronunciation / Jerry Norman // *Saksaha. A Journal of Manchu Studies*. – 2004. – Vol. 9. – Pp. 25–30.

Oidtmann Max. Imperial Legacies and Revolutionary Legends: The Sibe Cavalry Company, the Eastern Turkestan Republic, and historical Memories in Xinjiang / Max Oidtmann // *Saksaha. A Journal of Manchu Studies*. – 2014. - Vol. 12. – Pp. 49–87.

Owen Lattimore. Nomads and Commissars. Mongolia revisited / Owen Lattimore. – New York : Oxford University Press, 1962. – 238 p.

Owen Lattimore. The Mongols of Manchuria / Owen Lattimore. – London : George Allen and UNWIN LTD, 1935. – 311 p.

Prasenjit Duara. Sovereignty and Authenticity: Manchukuo and the East Asia Modern / Duara Prasenjit. – Lanham : Rowman and Littlefield, 2004. - 320 p.

Rupen, Robert Arthur. Mongols of the Twentieth Century / Robert Arthur, Rupen. – Bloomington : Indiana University, 1964. – 677 p.

Saya Makito. The Sino-Japanese war and the Birth of Japanese Nationalism / Makito Saya. – Tokyo : International House of Japan, 2011. – 184 p.

Selected works of Deng Xiaoping (1938-1965) / translated by The Bureau for the Compilation and Translation of Works of Marx, Engels, Lenin and Stalin Under the Central Committee of the Communist Party of China. – Beijing : Foreign Languages Press, 1992. – 342 p.

Selected works of Deng Xiaoping (1975-1982) / translated by The Bureau for the Compilation and Translation of Works of Marx, Engels, Lenin and Stalin Under the Central Committee of the Communist Party of China. – Beijing: Foreign Languages Press, 1984. – 418 p.

Shimunek A. DNA Analysis Reveals Descendants of the Kitan / A. Shimunek // Mongol Survey, number 17, Winter-Spring 2006. – P. 4.

Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Northern Tungus: with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups / S.M. Shirokogoroff. – Shanghai : Commercial Press Ltd., 1929. – 427 p.

Somfai Kara D. The Daur Version of Nisan Saman and Modern Shamanic Practices Among te Daur / D. Somfai Kara // Studia Orientalia Slovaca. – 2021. – № I. – Vol. 20. – Pp. 217–252.

Srba O. The Evolution of the Qing Administrative Stricture of Hulun Buir and the relocation of Dagurs from the Old Barga Aimag in 1920 / O. Srba // Studia Orientalia Slovaca. – 2021. – № I. – Vol. 20. – Pp. 151–178.

Stuart K. China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore / K. Stuart, Xuewei Li and Shelear // Sino-Platonic Papers. Number 60. December, 1994. – Philadelphia : Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994.

The Industrialization of Japan and Manchukuo. 1930-1940 / ed. By E.B. Schumpeter. – New York, 1940. – 944 p.

The Manchuria Year Book. 1932-33 / Toa-Keizai Chosakyoku (East-Asiatic Economic Investigation Bureau). – Tokio, 1932. – 530 p.

The political system of China / Author: Yin Zhongjing. – Beijing : China Intercontinental Press, 2004. – Pp. 170–175.

Tian M. The Baojia System as Institutional Control in Manchukuo under Japanese Rule (1932–45) / M. Tian // Journal of the Economic and Social History of the Orient. – 2016. – № 59. – Pp. 531–554.

Tsybenov B. The Case File of Aula Samdin (Fumingtai): A Historical and Biographical Aspect / B. Tsybenov // Studia Orientalia Slovaca. – 2021. – № I. – Vol. 20. – Pp. 85–112.

U Dunin. Molecular Archaeological Study of Qidan Remains / Dunin U // Buchiha zhi lue // Morin Dawaa Daor aimanei weerie ixkiewu guasei Daor sordulei horil. – 2001. – № 9. – Pp. 61–63.

Uradyн E. Bulag. Alter/native Mongolian identity: from nationality to ethnic group / Bulag E. Uradyн // Chinese Society. Change, conflict and resistance. Third edition. Edited by Elizabeth J. Perry and Mark Selden. – Routledge, 2010. – Pp. 261–287.

Uradyн E. Bulag. Inner Mongolia. The Dialectics of Colonization and Ethnicity Building / Bulag E Uradyн // Governing China's multiethnic frontiers. Edited by Morris Rossabi. – Seattle and London: University of Washington Press, 2004. – Pp. 84–116.

Uradyн E. Bulag. The Mongols at China's Edge: History and the Politics of National Unity / Bulag E Uradyн. – Published in the United States of America by Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2002. – 320 p.

Wallenböck U., Zikmundova V. The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction // Studia Orientalia Slovaca. – 2021. – № I. – Vol. 20. – Pp. 1–46.

Wu Chaolu ([Ujiyediin Chuluu](#)). Daur. Languages of the world. Materials. / Chaolu Wu. – München: Unterschleissheim, 1996. – 49 p.

Wu Chaolu ([Ujiyediin Chuluu](#)). Introduction, grammar, and sample sentences for Dagur. / Chaolu Wu. – Philadelphia: Dep. of Asian and Middle Eastern Studies, University of Pennsylvania, 1994. – 36 p.

Wurlig Borchigud. The Impact of Urban Ethnic Education on Modern Mongolian Ethnicity, 1949-1966 / Borchigud Wurlig // Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers / edited by Stevan Harrel. – Seattle and London : University of Washington Press, 1995. – Pp. 278–300.

Yaqin Li. “Bandit Suppression” in Manchukuo (1932-45). A Dissertation presented to the Faculty of Princeton University in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Recommended for Acceptance by the East Asian Studies. Adviser: Susan Naquin. June 2012. – 227 p.

Young L. Japan's Total Empire: Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism / Louise Young. – Berkeley; Los Angeles; London : University of California Press, 1999. – 490 p.

Ziehaus St. Ethnicity in the Imperial Context: The Daur in the Borderland of the Qing and Russian Empire / St. Ziehaus // Studia Orientalia Slovaca. – 2021. – № I. – Vol. 20. – Pp. 113–149.

На китайском языке

Опубликованные документы

Докладная записка рабочего отдела Единого фронта парткома Внутренней Монголии и организационного отдела по определению характера «инцидента 11 августа [1945 г.]» = 内蒙古 党委统战部, 组织部 «关于呈报对“八一—”事件定性意见的报告 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 569.

Дополнения к письменным показаниям Го Вэньлиня = 郭文林补充笔供 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 581–592.

Запрос инструкций рабочим отделом Единого фронта парткома Внутренней Монголии по определению характера инцидента 11 августа [1945 г.]» = 内蒙古 党委统战部 《关于为“八一一”事件确定起义性质的请示》 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 566.

Запрос консультации [по расследованию «инцидента 11 августа» 1945 г.] = 征求意见件 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 570.

Запрос рабочего отдела Единого фронта парткома Внутренней Монголии и организационного отдела по «докладу о квалифицированном расследовании инцидента 11 августа [1945 г.]» = 内蒙古 党委统战部, 组织部 关于呈报《关于“八一一”事件定性的调查报告》的请示 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 561.

История сражения в районе деревни Гони = 郭尼屯战斗发生的经过 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 558–560.

Обстановка после нападения отряда Ван Мингуя на уезд Кэшань (перевод) = 王明贵部在袭击克山县城以后的状况 (译文) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин: Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 557.

Отчет по итогам расследования «инцидента 11 августа [1945 г.]» = 关于为“八一一”事件定性的调查报告 // Сборник исторических материалов по

истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 562–565.

Отчет по итогам расследования капитуляции Го Вэньлиня и Чжэнчжурчжаба вооруженным силам СССР = 关于郭文林、正珠尔扎布供述投降苏军问途的调查报告 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 599–601.

Отчет рабочего отдела Единого фронта парткома Внутренней Монголии по делу об «инциденте 11 августа [1945 г.]» = 内蒙古党委统战部《关于调查处理“八一—”事件过程的报告》 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 567.

Официальный письменный ответ организационного отдела ЦК КПК и отдела Единого фронта ЦК КПК по определению характера «инцидента 11 августа» [1945 г.] и изучению возраста участников = 中共中央组织部, 中共中央统战部《关于“八一—”事件确定起义性质及参加人员工龄计算问题的批复》 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 571.

Официальный письменный ответ рабочего отдела Единого фронта парткома Внутренней Монголии и организационного отдела по вопросу об участниках военного мятежа «11 августа» [1945 г.] = 内蒙古党委组织部, 统战部《关于对“八一—”起义人员落实政策的批复》 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 580.

Письменные показания Го Вэньлиня = 郭文林笔供 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 581–592.

Проект официального письменного ответа рабочего отдела Единого фронта парткома Внутренней Монголии и организационного отдела о последовательном изучении «инцидента 11 августа» [1945 г.] = 内蒙古党委组织部, 统战部 «关于贯彻落实中央组织部, 统战部对“八一—”起义批复意见的方案» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 572–575.

Протокол совещания № 167 шестой сессии парткома автономного района [Внутренняя Монголия] по вопросу об «инциденте 11 августа» [1945 г.] = 自治区第六届党委第 167 次书记办公会议关于落实“八一—”起义政策问题的会议纪要 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 576.

Рассказ Го Вэньлиня об обстоятельствах капитуляции вооруженным силам СССР = 郭文林谈投降苏军的情况 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 596–598.

Уведомление рабочего отдела Единого фронта парткома Внутренней Монголии и организационного отдела по вопросу об участниках военного мятежа «11 августа» [1945 г.] = 内蒙古党委组织部, 统战部 «关于对“八一一起义人员落实政策有关问题的通知» // Сборник исторических материалов по

истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 577–579.

Устные показания Го Вэньлиня = 郭文林的口供 // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 594–595.

Ю Тянь. Партизанская деятельность 3-го отряда на протяжении года (1942 г.) = 雨田. 第三支队一年来游击活动的检讨 (1942年) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 549–556.

Периодические издания

Хулун-Буир бао от 5 сентября 1956 г. № 287 = 呼伦贝尔报. 1956年9月5日. 第287号.

Хулун-Буир жибао от 1 октября 1958 г. № 886 = 呼伦贝尔日报. 1958年10月1日. 第886号.

Хулун-Буир жибао от 15 августа 1963 г. = 呼伦贝尔报. 1963年8月15日 (星期四).

Хулун-Буир жибао от 14 августа 2018 г. (вторник). Специальный номер. № 3 = 呼伦贝尔日报 [Hulunbeier ribao]. 2018年8月14日 星期四.

Хулун-Буир жибао от 16 августа 2018 г. (четверг) = 呼伦贝尔日报 [Hulunbeier ribao]. 2018年8月16日 星期四.

Научные издания

А Ли. Вечная память (об антияпонской освободительной борьбе даурского народа) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 阿力. 永远的丰碑 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / А Ли. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 145–156.

А Ли. История переселения в Хулун-Буир 730 дауров в составе восьми знамен солонов в период правления маньчжурского императора Юнчжэна // Даурский форум. Ч. II. = 阿力. 雍正十年 730 名达斡尔编人索伦八旗被迁呼伦贝尔的经过 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / А Ли. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 125–139.

А Ли. Подпольная антияпонская борьба национальных меньшинств района Линси Хулун-Буира // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 阿力. 呼伦贝尔岭西地区少数民族在隐蔽战线上的抗日战争 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / А Ли. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019а. – С. 316–342.

А Ли. Принятие Го Даофу христианства и учреждение партии молодежи Хулун-Буира: к истории вопроса // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 阿力. 郭道甫加入基督教及创建呼伦贝尔青年党的历史背景 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / А Ли. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019б. – С. 117–129.

Амуэрту. Воспоминания о даурских повстанцах района Морин-Дава // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов =

阿木尔图 口述, 郭来迪 整理. 回忆 莫力达瓦 达斡尔 起义军 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2019 / Амуэрту, Го Лайди. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 251–255.

Амуэрту. Воспоминания о даурских повстанцах района Морин-Дава // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 阿木尔图口述, 郭来迪整理. 回忆 莫力达瓦 达斡尔 起义军 // 达斡尔族 研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古 托克托县印刷厂印刷, 1989 / Амуэрту, Го Лайди. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 131–136.

Ань Течжун. О реализации прорыва и быстрого развития экономики района за счет максимального использования преимуществ и минимизации недочетов // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 安铁忠. 扬长避短发挥优势寻找民族地区经济快速发展的突破口 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷 厂印刷, 2002. / Течжун Ань. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002а. – С. 41–47.

Ань Течжун. О художественном обаянии даурской народной литературы // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 安铁忠. 浅谈达斡尔族民间文学的艺术魅力 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Течжун Ань. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002б. – С. 164–172.

Ань Му. Общая обстановка в 10-м военном округе Маньчжоу-Го и инцидент в районе р. Синихэ [Шэнэхэн] // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 安牧. 伪满 第十 军管区概况与锡尼河事件始末 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Му Ань. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 304–306.

Ань Хун. Краткое описание даурского традиционного танца «хакэньмай» // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 安宏, 鄂彤光. 达斡尔族“哈肯麦”舞蹈简介 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Хун Ань, Тунгуан Ао. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 173–177.

Ао Баочэнь. Учреждение даурами национальных средних школ // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 敖宝辰, 赵明广, 徐景玉. 达斡尔族中学的建立及贡献 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Баочэнь Ао, Мингуан Чжао, Цзиньюй Сюй. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 116–122.

Ао Лэци. Собрание «чулэхань» и жалоба Чисаня // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 敖乐奇. 楚勒罕与齐三告状 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Лэци Ао. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 62-68.

Ао Синжань. Размышления о проблемах экономического развития даурского народа // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 敖兴然. 我对达斡尔族经济发展问题的思考 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Синжань Ао. – Хух-Хот: Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 193–197.

Ао Хаочжан. Вечная память (воспоминания потомков ветеранов Первой кавалерийской дивизии Внутренней Монголии) // Даурский форум. Ч. I. = 敖好章. 永远的丰碑. 原内蒙古骑兵一师老兵后代的怀念 // 达斡尔论坛. 第三部(上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Хаочжан Ао. – Хулун-Буир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 334–339.

Ао Хаочжан. О необходимости знания исторического прошлого (национального унижения) для конструирования будущего народа // Даурский форум. Ч. II. = 敖好章. 铭记历史勿忘国耻展望未来 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Хаочжан Ао. – Хулун-Буир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 206–218.

Ао Цзинфэн. Военачальник, патриот и национальный герой (о Тувацянга) // Даурский форум. Ч. I. = 敖景峰. 爱国将领民族英雄 // 达斡尔论坛. 第三部(上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Цзинфэн Ао. – Хулун-Буир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018а. – С. 329–333.

Ао Цзинфэн. Исследование антияпонской борьбы дауров // Даурский форум. Ч. II. = 敖景峰. 达斡尔族抗日斗争综述 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Цзинфэн Ао. – Хулун-Буир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016а. – С. 191–205.

Ао Цзинфэн. Краткий обзор участия дауров в освободительных войнах // Даурский форум. Ч. I. = 敖景峰. 达斡尔族在解放战争中综述 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Цзинфэн Ао. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018б. – С. 414–421.

Ао Цзинфэн. Краткое описание участия дауров в антияпонской войне // Сборник по истории дауров, посвященный празднованию 70-й годовщины победы в мировой антифашистской войне] / гл. ред. Нашунбао. Ч. I. = 达斡尔族抗日斗争综述//达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Цзинфэн Ао. – Пекин : Изд-во китайской литературы и истории, 2015, – С. 1–5.

Ао Цзинфэн. Отчет о деятельности научного общества [по изучению истории и культуры дауров] (2014 г.) // Даурский форум. Ч. II. = 敖景峰. 学会工作报告 (2014 年) // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Цзинфэн Ао. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016б. – С. 365–375.

Ао Цзинхай. Борьба против Маньчжоу-Го и Японии // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 鄂景海, 巴图宝音. 反满抗日斗争 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Цзинхай Ао, Батубаоинь. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 472–492.

Ао Чанцин. Воспоминания о кровопролитном сражении антияпонской объединенной армии с японскими агрессорами в районе Гони // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 敖长青. 抗日联军在郭尼屯和日本鬼子浴血奋战的回忆 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. –

北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Чанцин Ао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 130-132.

Аонай. Краткое описание достижений Эньхэбату // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 敖能. 恩和巴图生平事迹简介 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Аонай. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 141-144.

Аэргату. Сопровождение во главе с Гойгударом против русской агрессии // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 阿尔嘎图等. 桂古达尔酋长领导的抗俄斗争 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Аэргату. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 57-61.

Бадажунга. Роль маньчжурской письменности в культурном развитии дауров // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 巴达荣嘎. 满文对达斡尔族文化发展所起的作用 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Бадажунга. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 278-282.

Баиньдалай. Краткая история 43-го кавалерийского полка // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 宝音达来, 佟拉格, 敖永文. 骑兵第四十三团 简史 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Баиньдалай, Тун Лагэ, Ао Юнвэнь. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 161-185.

Баиньту. На рассвете: ход событий военного мятежа «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» // Сборник исторических материалов по истории даурского

народа. Ч. II. = 巴音图. 黎明前的觉醒. 回忆“八一”葛根庙武装起义经过 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Баиньту. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 336-346.

Бай Сяньхэ. Лицом к обществу: экономические меры, предпринимаемые в Мэйлисы-Даурском национальном районе // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 白祥和. 面对人世梅里斯达斡尔族区经济工作的对策 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市人大常委会印刷厂印刷, 2002. / Сяньхэ Бай. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 21-33.

Бай Цзиньчжан. Ход событий военного мятежа «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 白锦章 口述, 封琪 整理. “八一”葛根庙武装起义始末 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Цзиньчжан Бай, Фэнци. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 363-365.

Баоди. О жизни нашего отца Го Вэньтуна // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 宝迪, 阿荣挂, 玛斯克扎布. 我们的父亲郭文通的一生 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Баоди, Жунгуа Э, Масыкэчжабу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 208-216.

Батубаинь. Проблемы преемственности, усовершенствования и развития традиционной культуры дауров // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 巴图宝音. 达斡尔族传统文化的继承创新

与发展问题 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Батубайнь. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 123-140.

Баэрдэн. Дауры на охране границ в Синьцзяне // Даурский форум. Ч. II. = 原著: 郭布勒. 巴尔登改编: 德都尔. 卓仁. 西迁新疆屯垦戍边的达斡尔人 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Баэрдэн, Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 165-182.

Баяжэту. Некоторые вопросы экономического развития селения Куйличен // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 巴雅热图. 浅谈奎力浅屯经济发展的几个问题 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Баяжэту. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 198-204.

Булинь. Воспоминания о создании Вонюту-Даурского автономного района // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 卜林. 成立卧牛吐达斡尔族自治州的回忆 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Булинь. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 214-216.

Булинь. Крестьянское восстание под предводительством Шаолана и Дайфу // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 卜林. 少郎 代夫 农民起义 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 /

卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Булинь. – Хулун-Буир: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 8-29.

Булинь. Участие дауров в антияпонском сопротивлении // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 卜林. 达斡尔人参加抗日战争事迹 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Булинь. – Пекин: Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 439-445.

Бутэгэци. Накануне решающих сражений в антияпонской войне: военный мятеж «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 布特格其. 抗战决胜前的“八一”葛根庙武装起义 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Бутэгэци. – Пекин: Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 366-373.

Бухэ. Третья колонна в военном мятеже «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» (воспоминания) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 布和. 回忆“八一”葛根庙武装起义时的第三梯队 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Бухэ. – Пекин: Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 374-377.

Ван Гочэнь. К вопросу о стратегическом регулировании сельского хозяйства и экономики Мэйлисы-Даурского национального района // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 王国臣. 关于梅里斯达斡尔族区农业和农村经济结构战略性调整的思考 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市人大常委会印刷厂印刷,

2002. / Гочэнь Ван. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 53-60.

Ван Минь. Фрагментарные воспоминания о моем отце [об участнике военного мятежа в Гэгэн-сумэ 11 августа 1945 г.] // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 王敏. 回忆父亲二三事 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Минь Ван. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 398-402.

Ван Хайшань. Военный мятеж «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 王海山. «“八一” 葛根庙武装起义» // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Хайшань Ван. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015а. – С. 322-326.

Ван Хайшань. Память о справедливом товарище Го // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 王海山. 怀念郭义德同志 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Хайшань Ван. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015б. – С. 393-397.

Ван Хайшань. Преамбула военного мятежа «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 王海山. «“八一” 葛根庙武装起义» 序言 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Хайшань Ван. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015в. – С. 319-321.

Ван Цзюнь. Продвижение Северо-Восточной антияпонской объединенной армии в Хулун-Буире // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 王钧. 东北抗日联军 三 进 呼伦贝尔 // 达斡

尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Цзюнь Ван. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015а. – С. 42-50.

Ван Цзюнь. Третий отряд 3-й Северо-Восточной антияпонской объединенной армии: нанесение ударов по японским агрессорам в хошуне Морин-Дава и развертывание революционной деятельности // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 王钧. 东北抗日联军 三路军 三支队 在 莫力达瓦旗 打击 日寇 开展 革命活动 情况 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京 : 中国 文史 出版社, 2015. / Цзюнь Ван. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015б. – С. 21-33.

Ван Цин. Подготовка высококвалифицированных работников культуры как фактор развития национальной культуры // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 王清. 培养民族文化人才发展民族文化 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Цин Ван. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 160-163.

Ван Чицзао. Изучение этнокультурной истории дауров по данным молекулярной антропологии / Чицзао Ван, Мэйсэнь Ши, Хуэй Ли // Журнал университета по исследованиям народов северной части Китая. Серия: Философия и общественные науки. – 2018. – Вып. 5. – № 143 = 王迟早, 石美森, 李 辉. 分子人类学视野下的达斡尔族族源研究 // 北方民族大学学报 (哲学社会科学版) 2018 年第. 5 期. 总第 143 期. – С. 110-117.

Выдающиеся даурские деятели Китая / под ред. Ду Синхуа = 中国达斡尔族名大风采录 / 杜兴华主编. – 北京 : 中央民族大学出版社, 2010 / Ду

Синхуа. – Пекин : Изд-во Центрального народного университета, 2010. – 579 с.

Гао Ва. Роль КПК в создании первой народной власти в Вонюту-Даурском автономном районе // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 高瓦. 有了中国共产党才会有达斡尔族的第一个人民政权卧牛吐达斡尔族自治区 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市人大常委会印刷厂印刷, 2002. / Гао Ва. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 237-242.

Гао Хайцин. История ночного нападения японских солдат на деревню Байяньхуа // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 高海清. 白彦花村夜袭日军经过 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Хайцин Гао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 378-379.

Гао Цидэ. Ликвидация японских офицеров воинскими формированиями 10-го военного округа Маньчжоу-Го в районе р. Синихэ [Шэнэхэн] // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 高其德, 玛格斯尔. 伪满第十军管区部分官兵在锡尼河击毙日本军官的经过 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Цидэ Гао, Магэсыэр. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 301-303.

Гао Чаньюн. К вопросу об особенностях, преемственности и развитии национальной культуры дауров // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 高长永. 论达斡尔民族文化特征及其继承与发展 // 庆祝梅里斯达斡

尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Гао Чанъюн. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 146-151.

Гао Чжицзюнь. Развитие национальной школы в новом периоде // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 高治军. 新时期民族学校的生存与发展 // 二十世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. – 齐齐哈尔市 教育印刷厂, 2000. / Чжицзюнь Гао. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 110-115.

Го Вэньтун цзыньюй [дети Го Вэньтуна]. Легендарная и славная жизнь нашего отца (к 100-летию со дня рождения Го Вэньтуна) // Даурский форум. Ч. I. = 郭文通子女. 父亲传奇而光辉的一生. 纪念父亲郭文通诞辰 100 周年 // 达斡尔 论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2018. 1. / Го Вэньтун цзыньюй. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 378-382.

Го Лихуа. О включении национальных новшеств в образовательные инновации // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 郭丽华. 试论民族创新教育与教育创新 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Лихуа Го. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 85-90.

Го Миншэн. История создания и деятельности даурского отряда самообороны в Морин-Дава // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 郭明升, 郭来迪. 莫力达瓦 达斡尔族 起义

军始末 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2019 / Миншэн Го, Лайди Го. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 244-250.

Гу Циньяо. К изучению возраста Балдачи и других взаимосвязанных с ним вопросов // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 古清尧. 试说巴尔达齐的年龄及相关问题 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Циньяо Гу. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 48-56.

Гуань Синкай. Маньчжуры района Мэйлисы // Материалы по истории и культуре Мэйлисы-Даурского национального района. Вып. 1. = 关兴凯, 张伯谦. 梅里斯的 满族 // 梅里斯 达斡尔族区 文史 资料. 第一辑 / 主编 吴维荣. – 齐齐哈尔市, 1989. / Синкай Гуань, Боцянь Чжан. – Цицикар [б.и.], 1989. – С. 101-112.

Даси. Дауры Хулун-Буира // Даурский форум. Ч. II. = 达西. 呼伦贝尔与达斡尔人 // 达斡尔 论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2016. 3. / Даси. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 140-143.

Гэжилэту. От участия в военном мятеже «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» к созданию первой кавалерийской дивизии Внутренней Монголии (воспоминания) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 格日勒图. 回忆 参加 “八—” 葛根庙武装起义 到 内蒙古 成立 骑兵 第一师 // 达斡尔族 史料 专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Гэжилэту. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 385-389.

Даогэсур. Воспоминания о нашем отце Найралту (к 100-летию со дня рождения) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 道格苏尔, 洛德苏尔, 陶德, 苏日塔拉图, 德格吉德玛, 萨日玛. 深切怀念我们的父亲奈勒尔图. 纪念奈勒尔图诞辰100周年 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Даогэсур, Лодэсур, Таодэ, Сужиталату, Дэгэцзима, Сажима. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 157-165.

Даурские деятели Мэйлисы. = 梅里斯 达斡尔族 人物录 / 多占胜 主编. – 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2017 / гл. ред. До Чжаньшэн. – Харбин : Народное изд-во Хэйлунцзяна, 2017. – 267 с.

Даурский автономный хошун Морин-Дава. = 莫力达瓦 达斡尔族 自治旗志 莫力达瓦 达斡尔族 自治旗史志编纂委员会 编纂. – 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1998 / под ред. комиссии по составлению книги; гл. ред. Телинга. – Хух-Хото : Народное изд-во Внутренней Монголии, 1998. – 1149 с.

Дауры Китая / гл. ред. Ци Цинь = 中国达斡尔族 / 齐勤编著. - 银川: 宁夏人民出版社, 2011 / Ци Цинь. – Иньчуан : Народное изд-во Нинся, 2011. – 430 с.

До Вэньчжун. О реализации идеи опережающего развития экономики национального района // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 多文忠. 实现民族地区经济跨越式发展的探讨 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大常委会 印刷厂印刷, 2002. / Вэньчжун До. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 61-64.

До Хан. Проблема дисперсного проживания этноса: современное состояние и предпринимаемые меры // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 多航. 散居民族现状及其对策 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Хан До. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 68-71.

До Чжаньшэн. Национальное образование и педагогическая деятельность в Мэйлисы-Даурском национальном районе // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 多占胜, 鄂桂林. 梅里斯达斡尔族区少数民族教育工作的回顾与展望 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Чжаньшэн До, Гуйлинь Ао. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 101-108.

До Чжэньсян. Военный мятеж под руководством Го Вэньлиня в районе р. Синихэ [Шэнэхэн] // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 多祯祥. 郭文林在锡尼河率部起义 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Чжэньсян До. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 299-300.

Дугуэрчжабу. До и после военного мятежа «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 都固尔扎布. «“八一” 葛根庙武装起义» 前后 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Дугуэрчжабу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 327-335.

Дэ Шисю. Забота партии отчеканена в сердцах (к 50-летию с момента создания даурского автономного района в уезде Лунцзян) // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 德世岫. 党的恩情铸心中. 纪念确认达斡尔族 族称暨龙江县 达斡尔族 自治区成立五十周年 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大常委会 印刷厂印刷, 2002. / Шисю Дэ. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 262-268.

Дэгэцифу. Где находится путь даурского этноса, ведущий от избавления бедности к процветанию? // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 德格吉夫. 达斡尔人 治穷 致富 之路 在哪里 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Дэгэцифу. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 186-192.

Дэгэцижиху. Победа вооруженного выступления в Гэгэн-сумэ // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 德格吉日呼. 欢呼葛根庙胜利起义 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Дэгэцижиху. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015а. – С. 390-392.

Дэгэцижиху. Жизнь товарища Хай Жуя, отданная революции // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 德格吉日呼. 海瑞同志革命的一生 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Дэгэцижиху. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015б. – С. 179-181.

Дэмуцигэ. История переселения части даурского народа в долину р. Иньхэ // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного

общества Автономного района Внутренняя Монголия = 德木其格. 部分 达斡尔族 迁徙 音河 流域的 一段 历史 // 达斡尔族 研究. 内蒙古自治区 达斡尔 学会 编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Дэмүцигэ. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 102-109.

Жэнь Шао-У. Конгресс, посвященный 250-летней годовщине отправки дауров и эвенков в Синьцзян для охраны границ // Даурский форум. Ч. II. = 任少武. 纪念达斡尔, 鄂温克族 新疆 戍边 250 周年大会上的 致辞 // 达斡尔 论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2016. 3. / Шао-У Жэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 162-163.

Записи о даурских селениях. = 达斡尔族 村屯录 / 主编卜林 – 齐齐哈尔: 齐齐哈尔 铁路 印刷厂, 1993 / гл. ред. Бу Линь. – Цицикар : Типография железной дороги Цицикара, 1993. – 254 с.

И Сун. Даурский этнос. = 达斡尔 族 / 毅松著. – 沈阳 : 辽宁民族出版社, 2012. / Исун. – Шэньян : Народное изд-во провинции Ляонин, 2012. – 201 с.

И Сун. Дауры Китая. = 中国达斡尔人 / 毅松著. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社 / И Сун. – Хулун-Буир : Народное изд-во Внутренней Монголии, 2010. – 252 с.

И Сун. История развития сельского хозяйства дауров // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 毅松. 达斡尔族 历史上 农业的 发展 // 达斡尔族 研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / И Сун. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989а. – С. 213-221.

И Сун. К изучению истории развития товарного хозяйства дауров // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 毅松. 试述历史上达斡尔族商品经济的发展 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / И Сун. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989б. – С. 205-212.

И Сун. Результаты исследований по даурам за последние 40 лет (с момента основания КНР) // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 毅松. 建国四十年达斡尔族研究成就 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / И Сун. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989в. – С. 363-369.

И Сун. Следы освоения защитниками Северного Синьцзяна (по данным «Краткой истории даурского народа») // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 毅松. 祖国北疆开发保卫者的足迹. 读《达斡尔族简史》 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / И Сун. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989г. – С. 81-85.

Изучение истории развития национальностей в рамках современной цивилизации = 现代文化背景下的民族变迁与发展 / 午森, 毅松主编. – 呼和浩特: 内蒙古教育出版社, 2009 / под ред. Ву Сэнь, И Сун. – Хух-Хот : Изд-во просвещения Внутренней Монголии, 2009. – 409 с.

Иминь. Краткое рассуждение о мирном разрешении восстания 1928 г. в Хулун-Буире // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 伊敏. 略论 1928 年 呼伦贝尔 暴动的 和平解决 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社

, 2019 / Иминь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019.
– С. 130-136.

Инь Юй. Демографическое изучение даурского этноса // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 尹宇. 达斡尔族人口 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Юй Инь. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 353-362.

История дауров Китая с древнейших времен до наших дней: в 3-х частях. Ч. I. / гл. ред. Мэн Чжидун = 中国达斡尔族通史: 全 3 册 / 孟志东主编. – 沈阳: 辽宁民族出版社, 2018. – Шэньян : Народное изд-во провинции Ляонин, 2018. – С. 1-373.

История дауров Китая с древнейших времен до наших дней: в 3-х частях. Ч. II. / гл. ред. Мэн Чжидун = 中国达斡尔族通史: 全 3 册 / 孟志东主编. – 沈阳: 辽宁民族出版社, 2018. – Шэньян : Народное изд-во провинции Ляонин, 2018. – С. 377-687.

История дауров Китая с древнейших времен до наших дней: в 3-х частях. Ч. III. / гл. ред. Мэн Чжидун = 中国达斡尔族通史: 全 3 册 / 孟志东主编. – 沈阳: 辽宁民族出版社, 2018. – Шэньян : Народное изд-во провинции Ляонин, 2018. – С. 691-981.

Исследование даурского национального района Мэйлисы / под ред. комиссии даурского национального района Мэйлисы = 齐齐哈尔 梅里斯 达斡尔族 区志 / 梅里斯 达斡尔族区志编纂委员会编. – Хэфэй : Изд-во Хуан, 1999. – 696 с.

Ихэ. К 50-летнему юбилею основания даурского автономного района в уезде Лунцзян [округа Цицикар] // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального

района. = 毅赫. 纪念龙江县达斡尔族自治区建区五十周年 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主 编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Ихэ. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 199-214.

Ихэ. Национальные кадры – основа развития этноса // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 毅赫. 民族干部 是 民族 事业发展的 脊梁 // 二十-世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Ихэ. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 21- 34.

Краткая история даурского народа (переработанное и дополненное издание) / под ред. авторского коллектива «Краткой истории даурского народа» = 达斡尔族简史 / 修订版. – 北京: 民族出版社, 2008. – Пекин : Народное изд-во, 2008. – 177 с.

Краткий очерк даурского автономного хошуна Морин-Дава / под ред. исследовательской группы даурского автономного хошуна Морин-Дава = 莫力达瓦达斡尔族自治旗概况 / 莫力达瓦达斡尔族自治旗概况编写组. -民族出版社 – [б.м.и.] Народное изд-во, 2007. – 253 с.

Ли Сюлань. Багабу – активный сторонник антияпонского сопротивления // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 李秀兰. 抗日志士巴嘎布 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史出版社, 2015. / Сюлань Ли. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 89-96.

Ли Сяогун. О процессе формирования интеллектуальной экономики дауров // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 李晓光. 知识经济 形成过程 中的 达斡尔族 // 二十-世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. –

齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Сяогуан Ли. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 73-76.

Лэ Чжидэ. О пребывании отряда Ван Цзюня в деревне Куйличень (материалы интервью с местным жителем Аола Люшанем) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 乐志德. 王钧的抗联部队在奎力, 浅屯 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京 : 中国文史出版社, 2015. / Чжидэ Лэ. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 81-82.

Лэ Чжидэ. Размышления об изменениях в истории даурского этноса на протяжении 2 тысяч лет // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 乐志德. 对达斡尔族两千年变迁史的联想 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Чжидэ Лэ. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 10-22.

Лю Цзиньмин. Борьба даурского народа против японских захватчиков // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 刘金明. 达斡尔族反抗日本侵略者的斗争 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Цзиньмин Лю. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 451-458.

Лю Цзиньмин. К вопросу о Бомбогоре – предводителе дауров // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 刘金明. 论达斡尔族部落首领博穆博果尔 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Цзиньмин Лю. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 95-104.

Лю Цзиньшан. Демографические изменения в составе дауров Синьцзяна // Даурский форум. Ч. II. = 刘金山, 甲孜. 新疆达斡尔族人口发展变化及其分布 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Цзиньшан Лю, Цзя Ци. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 144-147.

Лю Чанцзян. Рабочей поступью к претворению концепции «тройного представительства» на практике: основные идеи и ускорение деятельности по привлечению инвестиций // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 柳长江. 实践“三个代表”重要思想 加快招商引资工作步伐 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市人大常委会印刷厂印刷, 2002. / Чанцзян Лю. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 48-52.

Лю Цзиньмин. Планирование стратегии и тактики развития даурского образования в XXI в. // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 刘金明. 二十一世纪达斡尔族教育发展策略研究与思考 // 二十一世纪达斡尔族发展研究 / 主编: 何文钧, 杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Цзиньмин Лю. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 97-109.

Ма Гуанжун. Военная кампания в районе р. Нэньцзян // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 马广荣. 向嫩江远征 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Гуанжун Ма. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 137-140.

Ма Юнь. История католической церкви в Вонюту // Материалы по истории и культуре Мэйлисы-Даурского национального района. Вып. 1. = 马

云. 卧牛吐天主教堂的沿革 // 梅里斯 达斡尔族区 文史 资料. 第一辑 / 主编 吴维荣. – 齐齐哈尔市, 1989. / Юнь Ма. – Цицикар, 1989. – С. 132-138.

Ма Яньвэнь. Третий отряд 3-й Северо-Восточной антияпонской объединенной армии: антияпонская партизанская война в аймаке Хулун-Буир и революционная деятельность (воспоминания Чэнь Лэя) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 陈雷 回忆; 马彦文, 毕树信, 高代红 记录整理. 东北抗联 三路军 三支队在 呼盟 打击 日寇 开展 游击 革命活动 情况 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Яньвэнь Ма, Шусинь Би, Дайхун Гао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 97-100.

Маньдуэрту. Бомбогор и Балдачи: к оценке исторических личностей даурского народа // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 满都尔图. 博穆博果尔 与 巴尔达齐: 达斡尔族 历史人物考评之一 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Маньдуэрту. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 85-94.

Маньдуэрту. Вождь национально-демократической революции // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 满都尔图. 民族民主革命的 斗士 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2019 / Маньдуэрту. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 196-201.

Маньдуэрту. Энциклопедический словарь даурского этноса. = 达斡尔族 百科 辞典 / 满都尔图 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2007. /

Маньдуэрту. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2007. – 731 с.

Мужэнь. Концепция обновления, развитие экономики и повышение уровня жизни // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 穆仁. 更新观念, 发展经济, 提高生活水平 // 二十一世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Мужэнь. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 59-62.

Мужэнь. Перспективы развития даурского образования в XXI в. // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 穆仁. 二十一世纪达族教育发展趋势预测 // 二十一世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Мужэнь. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 93-96.

Модэ. Эпоха экономики знаний и потребности в национальных высококвалифицированных кадрах // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 默德. 知识经济时代对我们民族人才素质的要求 // 二十一世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Модэ. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 77-81.

Модэ'рту. Даурский народ в Освободительной войне. = 解放战争中的达斡尔族 / 莫德尔图 编著. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. / Модэрту. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – 579 с.

Модэ'рту. Идти в ногу со временем, развивая себя (даурский этнос в XXI в.) // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 莫德尔图. 顺应时代, 发

展自己 // 二十世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Модэрту. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 35-43.

Можигэньди. Дауры Синьцзяна в период трех революций // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 莫日根迪. 新疆达斡尔族与三区革命 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Можигэньди. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989а. – С. 159-160.

Можигэньди. Дипломатический представитель Мэнгэдэ // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 莫日根迪. 外交使节——孟额德 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Можигэньди. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989б. – С. 114-115.

Мэн Дэжэнь. О преданности бойцов Северо-Восточной антияпонской объединенной армии Китая // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 孟德仁, 口述, 那顺宝 整理 一位忠诚的抗联战士 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Дэжэнь Мэн, Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015а. – С. 112-117.

Мэн Дэжэнь. Я – проводник Северо-Восточной антияпонской объединенной армии Китая // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 孟德仁. 我为抗联当向导 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Дэжэнь Мэн. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015б. – С. 83-88.

Мэн Сунлинь. Даурский шифр = 达斡尔 密码 / 孟松林, [石映照](#) 著 – 北京: 新世界出版社, 2010 / Мэн Сунлинь, Ши Инчжао. – Пекин : Изд-во «Новый мир», 2010. – 249 с.

Мэн Чжидун. Традиции и обычаи даурского этноса // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 孟志东. 达斡尔族习俗 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Чжидун Мэн. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 300-348.

Мэн Лян. Сравнительное кросс-культурное изучение культуры и образования трех национальных меньшинств Северного Китая [дауры, эвенки-солонь, эвенки-орочоны], монголов и китайцев // Даурский форум. Ч. II. = 孟亮. 北方三少数民族, 蒙古族与汉族文化教育的跨文化比较研究 // 达斡尔 论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Лян Мэн. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 321-326.

Мэнхэ. Воспоминания о двух сражениях отряда самообороны – в местностях Аэрла и Куруцзи // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 孟和. 关于 达斡尔 起义军在阿尔拉, 库如奇 两次战斗的 回忆 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Мэнхэ. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019а. – С. 256-259.

Мэнхэ. Дауры в СССР // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 孟和. 苏联境内 达斡尔人情况 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Мэнхэ. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989а. – С. 78-80.

Мэнхэ. История создания восьмизнаменной военной организации // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 蒙和. 八旗 筹办处 始末 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2019 / Мэнхэ. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019б. – С. 37-43.

Мэнхэ. История создания восьмизнаменной военной организации // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 蒙和. 八旗 筹办处 始末 // 达斡尔族 研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古 托克托县印刷厂印刷, 1989 / Мэнхэ. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989б. – С. 122-130.

Мэнхэ. К изучению проблемы развития даурского этноса // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 蒙和. 关于达斡尔族发展问题的 管见 // 达斡尔族 研究. 内蒙古自治区达斡尔 学会编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Мэнхэ. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000а. – С. 409-413.

Мэнхэ. Обращаясь к прошлому, смотреть в будущее // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 蒙和. 回顾 与 瞻望 // 达斡尔族 研究. 内蒙古自治区达斡尔 学会编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Мэнхэ. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000б. – С. 22-32.

Мэнхэ. Судебный иск господина Чжожэньтобу к Цзинь Чуньдэ // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 蒙和. 卓仁托布 先生 等 状告 金纯德 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编.

– 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Мэнхэ. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019в. – С. 273-278.

Мэнхэнасу. О трансформации воззрений Линшэна в период Маньчжоу-Го // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 孟和那苏. 试论凌升在伪满时期的思想动态 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Мэнхэнасу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 234-244.

Нашуньбао. Краткая биография господина Чжожэньтобу // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 那顺保. 卓仁托布先生生平简介 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Нашуньбао. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 279-286.

Нашуньбао. Отстаивая истину, восстанавливать историю во имя памяти боевых товарищей // Даурский форум. Ч. I. = 那顺保. 坚持真理还原历史为战友平反昭雪 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Нашуньбао, Кэлуныгаова. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 371-377.

Нашуньдалай. Развитие национальной экономики дауров после вступления [КНР] в ВТО // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 那顺达来, 呼德. 加入 WTO 后, 达斡尔民族经济发展研究 // 二十一世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Нашуньдалай, Худэ. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 70-72.

Одэнгуа. Краткая, но выдающаяся жизнь господина Го Даофу // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 奥登挂

. 郭道甫先生短暂而光辉的一生 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Одэнгуа. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 211-222.

Одэнгуа. «Железная пята» Квантунской армии Японии // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 奥登挂. 日本关东军的“铁蹄” // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Одэнгуа. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 433-437.

Описание даурского автономного хошуна Морин-Дава (1993-2005) / под ред. Чжожэнь. = 莫力达瓦达斡尔族自治旗志 (1993-2005) / 卓仁, 孟大伟主编. – 呼和浩特 : 内蒙古人民出版社, 2008. / Чжожэнь, Мэн Давэй. – Хух-Хот : Изд-во Внутренней Монголии, 2008. 1028 с.

Оунань. Дауры: этноним и происхождение этноса // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 欧南, 乌珠尔. 达斡尔族的名称及其来源 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Оунань Учжуэр. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 1-9.

Оунань. К изучению проблемы происхождения даурских родов // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 欧南, 乌珠尔. 关于达斡尔族族称与族源问题 // 达斡尔族研究. 内蒙古自治区达斡尔学会编. – 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版, 2000. / Оунань Учжуэр. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 37-48.

Пу И. Сведения о Линшэне в книге Пу И «Первая половина моей жизни» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 溥

仪. 溥仪《我的前半生》有关凌升的叙述 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / И Пу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 247-248.

Пужибу Ц. История в свидетельствах очевидцев // Даурский форум. Ч. II. = 扎·普日布, 玉山. 活的历史见证 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Ц. Пурибу, Юйшань. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 150-155.

Регулярные записи о делах и событиях даурского народа / сост. отделом литературы и истории Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая и комитетом по делам обучения = 达斡尔族百年实录 / 全国政协文史和学习委员会等编. - 北京 : 中国文史出版社, 2008. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2008. – 539 с.

Сайнтана. Краткая история даурской литературы = 达斡尔族文学史略 / 赛音塔娜托娅著. - 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版发行, 1997. / Сайнтана, Туоя. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 1997. – 250 с.

Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 1-315.

Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / гл. ред. Нашуньбао. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 319-698.

Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 庆祝梅里斯达斡

尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂 印刷, 2002. / сост. Ян Ючэнь, Хэ Шичэнь – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – 322 с.

Собрание сведений о даурах. Т. 1 / Редакционный комитет книги «Собрание сведений по даурам» = 达斡尔资料集. 1 / 《达斡尔资料集》编辑委员会编. – 北京 : 民族出版社, 1996. – Пекин : Национальный издательский дом, 1996. – 699 с.

Собрание сведений о даурах. Т. 2 / Редакционный комитет книги «Собрание сведений по даурам» = 达斡尔资料集. 2 / 《达斡尔资料集》编辑委员会编. – 北京 : 民族出版社, 1998. – Пекин : Национальный издательский дом, 1998. – с.

Собрание сведений о даурах. Т. 3 / Редакционный комитет книги «Собрание сведений по даурам» = 达斡尔资料集. 3 / 《达斡尔资料集》编辑委员会编. – 北京 : 民族出版社, 2002. 6. – Пекин : Национальный издательский дом, 2002. 6. – 1180 с.

Состояние языка даурского народа в Морин-Дава хошуне, его использование и направления развития = 莫旗达斡尔族语言使用现状语发展趋势 / 丁石庆 主编. – 北京: 商务印书馆, 2009. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2009. – 300 с.

Су Тао. Воспоминания о военном мятеже «11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 苏涛. 回忆“八一”葛根庙武装起义 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史 出版社, 2015. / Тао Су. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 358-362.

Су Юн. Го Вэньлинь и инцидент в районе р. Синихэ [Шэнэхэн] // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 苏勇. 郭文林与锡尼河事件 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Юн Су. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 308-315.

Су Юн. Краткое описание некоторых исторических личностей – выходцев из дауров // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 苏勇. 几位达斡尔族历史人物简介 // 民国时期的达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Юн Су. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019а. – С. 73-99.

Су Юн. Обучение даурской молодежи в Советском Союзе // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 苏勇. 达斡尔族青年去苏联学习 // 民国时期的达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Юн Су. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019б. – С. 144-147.

Су Юн. От студента до революционера – национал-демократа // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 苏勇. 从青年学生到民族民主革命家 // 民国时期的达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Юн Су. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019в. – С. 241-243.

Су Юн. Партия молодежи Хулун-Буира в движении за независимость региона // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 苏勇. 呼伦贝尔青年党与呼伦贝尔独立运动 // 民国时期的达斡

尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2019 / Юн Су. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019г. – С. 100-102.

Су Футин. Мабудай: история клана = 玛布岱 家族史 / 苏福廷, 苏福荣, 苏靖媛 著. - 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2016 / Су Футин, Су Фурун, Су Цзиньюань. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – 551 с.

Судужи хала. Мабудай и город Цицикар // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 苏都日 哈拉. 玛布岱 与 齐齐哈尔 城 // 达斡尔族 研究 . 内蒙古 自治区达斡尔 学会编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Судужи хала. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 91-94.

Сужундалай. О родственной связи второй жены императора Цяньлуна из семьи Уланара с даурским родом судур // Даурский форум. Ч. I. = 苏荣达来 . 乾隆 皇帝的 第二 皇后 乌喇那拉氏为 达斡尔族 苏都尔 哈勒 绰尔哈 家族人 // 达斡尔 论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2018. 1. / Сужундалай, Сужунчжабу. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 434-435.

Сунь Сюжэнь. Изучение переселения дауров в район Цицикара и основания г. Бокуй // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 孙秀仁. 达斡尔族内迁与齐齐哈尔, 卜魁源流考 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Сюжэнь Сунь. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 69-77.

Сунь Сюэли. Исследование борьбы с обнищанием населения (на примере даурской национальной волости Баянтала) // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 孙学力. 反贫困的人口素质研究 以巴彦塔拉 达斡尔民族乡为个案 // 达斡尔族 研究. 内蒙古自治区达斡尔 学会编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Сюэли Сунь. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 439-445.

Сунь Цзиньци. Становление киданей доляосского периода // Даурский форум. Ч. II. = 孙进己. 辽以前契丹族的发展 // 达斡尔 论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2016. 3. / Цзиньци Сунь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 92-110.

Сунь Чжиюань. Воспоминания о боевой обстановке в районе Гони // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 孙智远. 郭尼战斗情况回忆 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Чжиюань Сунь. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 34-41.

Сухэбилигэ. Природа японского империализма через призму «Дела Линшэна» // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 苏和毕力格. 从“凌升事件”看日本帝国主义的本性 // 达斡尔族 研究. 内蒙古自治区达斡尔 学会 编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Сухэбилигэ. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 122-129.

Сухэбилигэ. Природа японского империализма через призму «Дела Линшэна» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 苏和毕力格. 从“凌升事件”看日本帝国主义的本性 // 达斡尔族 史料专

辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. /Сухэбилигэ. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 279-285.

Сэжэ. Воспоминания об истоках и процессе становления Мэйлисы-Даурского национального района // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 色热. 梅里斯达斡尔族区初建过程的回忆 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Сэжэ. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 255-261.

Тао Гуйшуй. Укрепление индустрии туризма как проявление преимущества и следование веяниям времени // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района. = 陶贵水. 发挥优势与时俱进把旅游产业做大做强 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Гуйшуй Тао. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 65-67.

Тао Юйкунь. Чашунь и «Географическое описание Цзилияня» // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 陶玉坤. 长顺 与 «吉林 通志» // 达斡尔族 研究. 内蒙古 自治区 达斡尔 学会 编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Юйкунь Тао. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 110-115.

Тома. Биография Хуалиньтая – храброго патриота, погибшего в антияпонской борьбе // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 托玛. 抗日 忠魂 — 华霖泰 生平简介 // 达斡尔族 史料

专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Тома. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 268-273.

Тому Важэнь. Национальная даурская литература в XX в. // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 托木 瓦仁, 泰波. 回顾 二十世纪的 达斡尔 民族 文学 // 二十-世纪 达斡尔族 发展研究 / 主编 何文钧 杨优臣. – 齐齐哈尔市 教育 印刷厂, 2000. / Важэнь Тому, Тайбо. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 130-154.

Тэн Шаочжэнь. Происхождение дауров // Даурский форум. Ч. II. = 滕绍箴, 苏都尔, 董瑛. 达斡尔族族源 // 达斡尔 论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2016. 3. / Шаочжэнь Тэн, Судур, Ин Дун. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 12-39.

У Ина. Революционная деятельность Го Даофу // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 吴伊娜. 郭道甫的民族 民主革命 实践 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2019 / Ина У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 223-237.

У Цзэмин. Бесстрашный вождь революционного движения национальных меньшинств Китая // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 沃泽明. 中国 少数民族 民主革命的 无畏 先驱 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2019 / Цзэмин У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019а. – С. 170-195.

У Цзэмин. Выдающийся деятель Северного Китая: непревзойденный и независимый // Даурский форум. Ч. II. = 沃泽明. 北方有神骏 · 绝世而独立 //

达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Цэмин У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016а. – С. 235-258.

У Цэмин. Народный учитель, выдающийся деятель науки [о Мандуэрту] // Даурский форум. Ч. II. = 沃泽明. 国家的园丁, 民族的巨匠 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Цэмин У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016б. – С. 265-273.

У Цэмин. О даурском военном деятеле Ван Хайшане // Даурский форум. Ч. I. = 沃泽明. 论达斡尔族军事家王海山 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Цэмин У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018а. – С. 340-367.

У Цэмин. Охрана нематериального культурного наследия дауров Китая: анализ современной ситуации и предпринимаемые меры // Даурский форум. Ч. II. = 沃泽明. 中国达斡尔族非物质文化遗产保护的形势分析及对策研究 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Цэмин У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016в. – С. 327-353.

У Цэмин. Патриот Вань Жун // Даурский форум. Ч. I. = 沃泽明. 婉荣, 一个悲怆的爱国主义者 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Цэмин У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018б. – С. 383-402.

У Цэмин. Размышления об историческом вкладе даурского народа в победу в Войне сопротивления японским захватчикам // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 沃泽明. 论达翰

尔族在抗日战争中的历史贡献 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Цзэмин У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019б. – С.287-315.

У Цзэмин. Сфера национальной культуры как важная духовная основа даурского этноса // Даурский форум. Ч. II. = 沃泽明. 达斡尔族精神家园是国家重要的文化疆域 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Цзэмин У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016г. – С. 291-311.

У Цзэцзюнь. Очерки развития образования (со времени основания национального района) // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 吴泽君. 恢复民族区以来教育事业发展概述 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市人大常委会印刷厂印刷, 2002. / Цзэцзюнь У. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 109-115.

У Чжаньчжу. Описание дауров Синьцзяна (на материалах поездки в уезд Тачэн) // Даурский форум. Ч. I. = 吴占柱. 新疆塔城行—浅谈新疆达斡尔族特征 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Чжаньчжу У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 317-328.

У Эньци. Особый вклад даурских разведчиков в победу в мировой антифашистской войне // Даурский форум. Ч. II. = 乌恩其. 达斡尔族情报组在世界反法西斯战争中的特殊贡献 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内

蒙古文化出版社, 2016. 3. / Эньци У. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 226-234.

У Эньци. Тени конной разведки // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 乌恩其. 马背谍影 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Эньци У. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 176-178.

Улисы Вэйжун. История основания Вонюту-Даурского автономного района в уезде Лунцзян // Материалы по истории и культуре Мэйлисы-Даурского национального района. Вып. 1. = 乌力斯 卫戎. 龙江县卧牛吐 达斡尔族自治县的建立概况 // 梅里斯达斡尔族区文史资料. 第一辑 / 主编 吴维荣. – 齐齐哈尔市, 1989. / Вэйжун Улисы. – Цицикар, 1989. – С. 15-62.

Улисы Вэйжун. Краткий очерк образования Вонюту-Даурского автономного района в уезде Лунцзян // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 乌力斯 卫戎. 龙江县卧牛吐 达斡尔族自治县建立的概况 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市人大常委会印刷厂印刷, 2002. / Вэйжун Улисы. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002а. – С. 217-236.

Улисы Вэйжун. Основание, упразднение и восстановление Мэйлисы-Даурского национального района // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 乌力斯 卫戎. 梅里斯达斡尔族区的建立撤销及恢复 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈

尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Вэйжун Улисы. – Цицикар : Изд-во
Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002б. – С. 243-254.

Фань Динго. Незабываемая память о населении местности Дахудянь //
Материалы по истории и культуре Мэйлисы-Даурского национального
района. Вып. 1. = 范定国. 难忘的达呼店区人民 // 梅里斯 达斡尔族区 文史 资
料. 第一辑 /主编 吴维荣. – 齐齐哈尔市, 1989. / Динго Фань. – Цицикар, 1989.
– С. 1-14.

Хань Фуцин. Национальная волость народности сибо - Ичэгашань (уезд
Хоргос солонского знамени в Илийском крае Синьцзяна) // Даурский форум.
Ч. II. = 韩富清, 鄂秀梅. 新疆 伊犁 索伦 营 与 霍尔果斯市 伊车嘎善 锡伯族

民族乡 // 达斡尔 论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社,
2016. 3. / Фуцин Хань, Сюэмэй Ао. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней
Монголии, 2016. – С. 187-190.

Хань Хуншань. О необходимости ускорения темпов развития
животноводства в национальном районе // Сборник научных статей,
посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-
Даурского национального района = 韩虹山. 关于加快民族地区畜牧业发展的
几点思考 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适
辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Хуншань Хань. – Цицикар :
Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 16-20.

Хао Вэйминь. Размышления о Го Даофу и монгольском национальном
вопросе // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических
материалов = 郝维民. 刍议 郭道甫 与 蒙古 民族 问题 // 民国时期的 达斡尔族.
史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2019 / Вэйминь Хао. –
Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 202-210.

Хоу Ясэнь. Углубление всесторонней реформы образования в сельской местности как катализатор быстрого развития национального хозяйства // Сборник научных статей, посвященный 50-летию с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 侯亚森. 深化农村教育综合改革促进民族经济快速发展 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大常委会 印刷厂印刷, 2002. / Ясэнь Хоу. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 78-84.

Ху Шаоцэн. К определению места этнокультурной истории дауров // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 胡绍增. 达斡尔民族文化的历史定位 // 二十世纪达斡尔族发展研究 / 主编: 何文钧, 杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Шаоцэн Ху. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 44-54.

Хусылэ. Проводник Красной Армии – Го Чжуанхай // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 呼思乐. 红军向导郭庄海 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京 : 中国 文史 出版社, 2015. / Хусылэ. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015а. – С. 67-74.

Хусылэ. Факты, свидетельствующие о помощи Багабу Красной Армии // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 呼思乐, 恩克巴图. 巴嘎布支援红军的故事 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Хусылэ, Эньхэбату – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015б. – С. 75-80.

Хэ Вэньлян. Дауры в XXI в.: культура, образование, экономика // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 何文良, 何振清. 二十一世纪的

达斡尔人—文化教育及经济 // 二十世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Вэньлян Хэ, Чжэньцин Хэ. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 87-92.

Хэ Вэньчэн. Колыбель даурского образования. Заметки о становлении даурской национальной школы в деревне Цицикар // Материалы по истории и культуре Мэйлисы-Даурского национального района. Вып. 1. = 何文成. 达斡尔族教育的摇篮. 记齐齐哈尔村达族学校的建立和发展 // 梅里斯 达斡尔族区文史资料. 第一辑 / 主编 吴维荣. – 齐齐哈尔市, 1989. / Вэньчэн Хэ. – Цицикар, 1989. – С. 113-125.

Хэ Дэчжи. К изучению вооруженного мятежа в 10-м военном округе провинции Северный Хинган // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 何德志, 卜林. 伪兴安军第十军管区官兵哗变事件 // 达斡尔族史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Дэчжи Хэ, Булинь. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 291-294.

Хэ Минь. О нравственном воспитании в этнических школах // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 何敏, 王乃林. 民族学校德育工作管窥 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Минь Хэ, Найлинь Ван. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 96-100.

Хэ Сицин. Основы культуры даурского этноса // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 何喜庆, 何适辰. 达斡尔民族的文化构成 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈

尔市人大常委会印刷厂印刷, 2002. / Сицин Хэ, Шичэнь Хэ. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 141-145.

Хэ Сяочунь. Основной курс – совершенствование идеи единства наций в национальном районе // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 何晓春. 民族团结进步是民族区工作思路的主旋律 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂 印刷, 2002. / Сяочунь Хэ. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 7-15.

Хэ Цзичунь. Об особенностях и правилах этнического школьного образования // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 何继春, 李平. 浅谈民族学校教育的特点和规律 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂 印刷, 2002. / Цзичунь Хэ, Пин Ли – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 91-95.

Хэ Шичэнь. К изучению экономических проблем национального района // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 何适辰. 关于 民族地区 发展 市场经济 问题 探索 // 二十-世纪达斡尔族发展研究 / 主编'何文钧杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Шичэнь Хэ. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 63-69.

Хэ Шоумин. К вопросу о содержании и новшествах в традиционной культуре [дауров] // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 赫守明. 论民族文化的内涵和创新 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年

文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. /
Шоумин Хэ. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г.
Цицикар, 2002. – С. 152-157.

Хэцигу. Воспоминания об изменениях, связанных с военным мятежом
«11 августа [1945 г.] в Гэгэн-сумэ» // Сборник исторических материалов по
истории даурского народа. Ч. II. = 和其古. 回忆“八一”葛根庙武装起义情
况 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. /
Хэцигу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 380-384.

Хэшигэ. Багабу – герой антияпонского сопротивления // Сборник
исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 何什格, 阿尔拉
热图, 收集, 孟铁英 整理. 抗日英雄巴嘎布 // 达斡尔族 史料专辑/ 那顺宝 主编.
– 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Хэшигэ, Алажиту, Теин Мэн. – Пекин : Изд-
во китайской истории и литературы, 2015. – С. 104-106.

Ци Хойцзюнь. Традиции и современность: условия жизни даурских
крестьян = 祁惠君, 丛静. 传统与现代: 达斡尔族农民的生活. – 北京: 中央民族
大学出版社, / Ци Хойцзюнь, Цун Цзиньчжу. – Пекин : Изд-во Центрального
народного университета, 2006. – 295 с.

Цзидэн. Сэргунь – полководец высшего военного ранга (периода
династии Цин) // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 吉登. 建威将军色
尔袞 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷
厂印刷, 1989 / Цзидэн. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней
Монголии, 1989. – С. 116-117.

Цзинь Фушэн. Краткий обзор изучения происхождения дауров (за
последние 50 лет) // Сборник научных статей, посвященный 50-летию
юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района =

金辅生. 五十年来达斡尔族族源研究概述 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Фушэн Цзинь. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 317-322.

Цзинь Фушэн. Перспективы развития этноса и наши текущие задачи // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 金辅生. 民族的前途与我们当前的使命 // 二十世纪达斡尔族发展研究 / 主编: 何文钧, 杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Фушэн Цзинь. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 55-58.

Цзя Ю. Развитие духовной культуры в сельской местности: новые мероприятия // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 贾友. 广泛开展树新风活动推动农村精神文明建设 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Ю Цзя. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 72-77.

Цзян Цзию. Сунь Жуйтин – боец, искоренивший бандитизм // Материалы по истории и культуре Мэйлисы-Даурского национального района. Вып. 1. = 姜积有. 剿匪勇士—孙瑞廷 // 梅里斯 达斡尔族区 文史资料 . 第一辑 / 主编 吴维荣. – 齐齐哈尔市, 1989. / Цзию Цзян. – Цицикар, 1989. – С. 85-100.

Цзян Цикунь. Кидани южного гарнизона, район оз. Дяньчи (провинция Юннань) // Даурский форум. Ч. II. = 蒋启坤. 戍守南滇的契丹人 // 达斡尔论坛 . 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Цикунь Цзян, Ян

Цзяньсюэ. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 119-124.

Цяо Фушэн. Даурский праздник «кумулэ» // Сборник научных статей, посвященный 50-летию с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 乔福胜, 色热. 达斡尔族的“库木勒”节 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Фушэн Цяо, Сэжэ. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 181-186.

Цяо Чжичэн. К вопросу о строительстве Цицикара и его названии // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 乔志成. 论齐齐哈尔 城建 前后 及 命名 // 达斡尔族 研究. 内蒙古 自治区 达斡尔 学会 编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Чжичэн Цяо. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 95-101.

Чаолубагэнь. Наследуя добродетели предков, стремиться к большей славе (доклад на симпозиуме, посвященном 100-летию со дня рождения Ван Хайшаня) // Даурский форум. Ч. I. = 朝鲁巴根. 传承先辈美德争取更大光荣. 在 王海山诞辰 100 周年学术研讨会上的讲话 // 达斡尔 论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2018. 1. / Чаолубагэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 367-370.

Чэньшу. Кидани после крушения империи Ляо // Даурский форум. Ч. II. = 陈述. 大辽瓦解以后的契丹人 // 达斡尔 论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2016. 3. / Чэньшу. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 63-80.

Чжао Чжань. Краткое сообщение об обнаружении надгробия Балдачи и о тексте его эпитафии // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 赵展, 吴梦龄. 巴尔达奇墓碑的发现和碑文略释 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Чжань Чжао, У Мэнлин. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 105-113.

Чжаожубухэ. Исторические записи о восьмизнаменной военной организации // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 照儒布和. 八旗 筹办处史记 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Чжаожубухэ. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 44-48.

Чжожигэбату. Развитие образования в районе Бутэха в период новейшей истории // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 卓日格巴图. 近代 布特哈 地区的教育事业 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Чжожигэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 30-36.

Чжожэнь. Господин Го Даофу как классический пример единства национальностей // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 卓仁. 民族团结的 典范 —— 郭道甫 先生 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 238-240.

Чжожэнь. Ключевые элементы идейных воззрений [Мэрсэ] // Даурский форум. Ч. II. = 卓仁. 不朽的思想闪耀的灵魂 // 达斡尔 论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼

呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016а. – С. 259-264.

Чжожэнь. О реабилитации по значимым ложным делам, имевшим место в хошуне Морин-Дава // Даурский форум. Ч. I. = 卓仁. 莫旗重大冤, 假, 错案的平反 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018а. – С. 427-433.

Чжожэнь. О Сачжихалэди-хане // Даурский форум. Ч. I. = 卓仁. 关于“萨吉哈勒迪汗” // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018б. – С. 436-437.

Чжожэнь. О четырех больших завоеваниях дауров в истории Китая // Даурский форум. Ч. II. = 卓仁. 达斡尔族在中华民族历史上的四大贡献 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016б. – С. 159-161.

Чжожэнь. Об энциклопедии [Мандуэрту] по истории и культуре дауров // Даурский форум. Ч. II. = 卓仁. 一部承载达斡尔族历史、文化的百科全书 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016в. – С. 274-276.

Чжожэнь. Свидетельства киданьского происхождения дауров // Даурский форум. Ч. II. = 卓仁. 达斡尔族与契丹的渊源关系 // 达斡尔论坛. 下

/ 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016г. – С. 111-118.

Чжожэнь. Хроника действий Северо-Восточной антияпонской объединенной армии Китая на территории хошуна Морин-Дава // Даурский форум. Ч. I. = 卓仁. 东北抗联在莫旗的大事记 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018в. – С. 422-426.

Чжожэнь. Этнос, сумевший в духе времени искусно воспользоваться единственной возможностью // Даурский форум. Ч. II. = 卓仁. 一个善于把握时代精神的民族 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Чжожэнь. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016д. – С. 286-290.

Чжожэньтай. Без следа на снегу, без имени на бумаге: о народном герое, товарище Алэтангата // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 卓仁泰. 雪上无踪, 纸上无名的人民英雄阿勒坦噶塔同志 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Чжожэньтай. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 260-278.

Чжожэньтай. Без следа на снегу, без имени на бумаге: о народном герое, товарище Алэтангата // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 卓仁泰. 雪上无踪, 纸上无名的人民英雄阿勒坦噶塔同志 // 达斡尔族研究. 内蒙古自治区达斡尔学会编. – 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版, 2000. / Чжожэньтай. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 130-145.

Чжожэньтай. Без следа на снегу, без имени на бумаге: о народном герое, товарище Алэтангата // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 卓仁泰. 雪上无踪, 纸上无名的人民英雄阿勒坦噶塔同志 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Чжожэньтай. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 413-425.

Чжоу Ляньчжун. Боец Северо-Восточной антияпонской объединенной армии – Ху Цинжун // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 周联仲. 抗联战士胡庆荣 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Ляньчжун Чжоу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015а. – С. 127-129.

Чжоу Ляньчжун. О ходе военных действий в районе Гони // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 周联仲. 郭尼战斗始末 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Ляньчжун Чжоу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015б. – С. 118-126.

Чжоу Тайпин. К изучению бунта, поднятого в 1920 г. Го Даофу и партией молодежи Хулун-Буира // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 周太平. 1920年代的郭道甫及呼伦贝尔青年党暴动试谈 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Тайпин Чжоу. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 103-116.

Чжэнчжурчжабу. О ликвидации японского офицерского состава воинскими формированиями 10-го военного округа Маньчжоу-Го и капитуляции Красной Армии СССР // Сборник исторических материалов по

истории даурского народа. Ч. I. = 正珠尔扎布. 伪满 第十 军管区 所属部队击毙日军军官, 投降 苏联红军的 经过 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京 : 中国 文史 出版社, 2015. / Чжэнчжурчжабу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015а. – С. 295-298.

Чжэнчжурчжабу. Правда о деле «Сговор Линшэна с СССР» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 正珠尔扎布. 所谓 “凌升通苏” 事件的 真相 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Чжэнчжурчжабу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015б. – С. 230-233.

Чжэнчжурчжабу. Имена и численность уничтоженных [в районе р. Синихэ] японских офицеров (по данным Чжэнчжурчжабу) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 正珠尔扎布. 正珠尔扎布谈被打死日系军官人数与姓名 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Чжэнчжурчжабу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015в. – С. 307.

Чэнь Чжигуй. Вклад даурского народа в дело защиты пограничных рубежей родины и ее объединения // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 陈志贵. 达斡尔族 在 保卫祖国边疆与维护祖国统一中的贡献 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Чжигуй Чэнь. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002а. – С. 269-295.

Чэнь Чжигуй. Дауры - коренные жители бассейна р. Нэньцзян // Сборник научных статей, посвященный 50-летнему юбилею с момента образования

Мэйлисы-Даурского национального района = 陈志贵. 达斡尔族是嫩江流域的世居民族 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市人大常委会印刷厂印刷, 2002. / Чжигуй Чэнь. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002б. – С. 296-316.

Чэнь Чжигуй. Реализация планов по всестороннему развитию даурского этноса в XXI в. // Изучение развития даурского этноса в XXI в. = 陈志贵. 二十一世纪将是达斡尔民族实现全面振兴的世纪 // 二十一世纪达斡尔族发展研究 / 主编: 何文钧, 杨优臣. – 齐齐哈尔市教育印刷厂, 2000. / Чжигуй Чэнь. – Цицикар : Изд-во просвещения, 2000. – С. 1-20.

Чэньшу. Об участии дауров в освоении бассейна р. Уда // Даурский форум. Ч. II. = 陈述. 关于达斡尔地区与乌第河流域 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Чэньшу. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 81-91.

Э Сюфэн. Воспоминания о боевом товарище Дэ Вэньбине // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 鄂秀峰. 回忆老战友 德文斌同志 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Сюфэн Э. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 446-450.

Э Сюфэн. Воспоминания о формировании монгольской бригады самообороны Цицикара // Материалы по истории и культуре Мэйлисы-Даурского национального района. Вып. 1. = 鄂秀峰. 回忆齐齐哈尔蒙古自卫大队的建立和发展 // 梅里斯达斡尔族区文史资料. 第一辑 / 主编 吴维荣.

– 齐齐哈尔市, 1989. / Сюфэн Э. – Цицикар : Изд-во района Мэйлисы округа Цицикар, 1989а. – С. 64-84.

Э Сюфэн. Переселение солонов и «солонский» вопрос // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 鄂秀峰. 索伦移民和索伦事件 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Сюфэн Э. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989б. – С. 151-158.

Э Чжунчунь. Краткий анализ развития культуры и искусства дауров // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 鄂忠群. 浅谈达斡尔族文化艺术的继承与发展 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大常委会 印刷厂印刷, 2002. / Чжунчунь Э. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 158-159.

Э Чэньгуан. Очерки проведения обряда «обо» и сбор травы «кумулэ» в Мэйлисы-Даурском национальном районе // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 鄂晨光, 唐俊芳. 梅里斯 达斡尔族区 历届 敖包会 库木勒 节简述 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大常委会 印刷厂印刷, 2002. / Чэньгуан Э, Цзюньфан Тан. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 178-180.

Эньхэбату. Алэтангата и его работа «Исследование дагур-монголов» // Даурский форум. Ч. I. = 恩和巴图. 阿拉坦噶塔 和他的 «达呼尔蒙古考» // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. /

Эньхэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018а. – С. 9-16.

Эньхэбату. Гасяньдун – священное место для почитания «Саджигалди-хана» // Даурский форум. Ч. II. = 恩和巴图. 祭奠“萨吉勒帝汗”的圣地 - 嘎仙洞 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Эньхэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016а. – С. 1-11.

Эньхэбату. «Даурское письмо» как объект нематериального культурного наследия дауров: проблема преемственности // Даурский форум. Ч. II. = 恩和巴图. 达斡尔族非物质文化遗产“达呼尔文”及传承问题 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Эньхэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016б. – С. 354-359.

Эньхэбату. Заметки о названии «Харандаган-хан», встречающемся в языке и культуре [дауров] // Даурский форум. Ч. II. = 恩和巴图. “哈然达甘汗”名称的语言文化考述 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Эньхэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016в. – С. 312-320.

Эньхэбату. Итоги исследования современной ситуации, связанной с использованием китайского языка даурами Автономного района Внутренняя Монголия // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 恩克巴图. 内蒙古自治区达斡尔族转用汉语普通话现状调查报告 // 达斡尔族研究. 内蒙古自治区达斡尔学会编. – 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版, 2000. / Эньхэбату. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000а. – С. 182-197.

Эньхэбату. Навстречу XXI веку: новый этап дауроведческих исследований // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 恩克巴图. 迎接 21 世纪·把 达斡尔族 研究 事业 推向 新的 发展 阶段 // 达斡尔族 研究. 内蒙古自治区达斡尔 学会编. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Эньхэбату. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000б. – С. 1-21.

Эньхэбату. О вкладе в дело борьбы против Маньчжоу-Го и Японии // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 恩克巴图. 为反满抗日斗争所做的贡献 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Эньхэбату. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015а. – С. 427-432.

Эньхэбату. Память о войне-интернационалисте, герое антияпонского сопротивления – товарище Алэтангата // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 恩克巴图. 纪念 杰出的 国际主义 战士, 抗日英雄 阿勒坦噶塔 同志 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Эньхэбату. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015б. – С. 403-412.

Эньхэбату. Происхождение дауров и монголов в работе Го Даофу «К вопросу о дагур-монголах» // Даурский форум. Ч. I. = 恩和巴图. 达斡尔族 和 蒙古族的 族源 关系 及 郭道甫的 “达呼尔蒙古论” // 达斡尔 论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2018. 1. / Эньхэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018б. – С. 1-8.

Эньхэбату Э. Антияпонская подпольная деятельность Найралту и его сподвижников // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 阿. 恩克巴图, 晓云. 奈勒尔图等人的反满抗日地下活动 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Э. Эньхэбату, Сяюнь. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 137-150.

Эньхэбату Э. Быт и изменения условий жизни хайларских дауров // Даурский форум. Ч. I. = 阿. 恩和巴图. 海拉尔浅 «生活演变» // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Э. Эньхэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018в. – С. 280-289.

Эньхэбату Э. История захвата Хайлара шайкой Сэбуцзиньгэ // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 阿. 恩和巴图. 色布精额匪帮侵人 海拉尔 始末 // 民国时期的 达斡尔族. 史料 专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Э. Эньхэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 64-69.

Эньхэбату Э. Клятва Го Даофу (клянусь своей жизнью, что не стану рабом японцев) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 阿. 恩克巴图, 额尔很巴雅尔. 誓死不做 日本人的 奴隶 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Э. Эньхэбату, Эрхэньбаяр. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 426.

Эньхэбату Э. Краткая биография Сэбуцзинтая // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 阿. 恩克巴图, 色尔森太. 色布精太事略 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Э. Эньхэбату, Сэрсэньтай. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 195-199.

Эньхэбату Э. Краткие сведения о Фулине, Чуньдэ и Хуалиньтае // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 阿. 恩克巴图. 福龄, 春德, 华霖泰 三人 简介 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Э. Эньхэбату. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 259-260.

Эньхэбату Э. Краткий очерк обучения молодежи Хулун-Буира в Монголии и СССР // Даурский форум. Ч. I. = 阿 恩和巴图, 色尔森太. 呼伦贝尔 青年 出国 (蒙古, 苏联) 学习 简况 // 达斡尔 论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2018. 1. / Э. Эньхэбату, Сэрсэньтай. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 295-303.

Эньхэбату Э. Миграции даурского этноса: испытания и бедствия // Даурский форум. Ч. I. = 阿 恩和巴图. 达斡尔人移驻以来的遭遇及灾难 // 达斡尔 论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2018. 1. / Э. Эньхэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 290-294.

Эньхэбату Э. Народный герой антияпонского сопротивления – Линшэн // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 阿. 恩克巴图, 额尔很巴雅尔. 反日民族英雄 — 凌升 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Э. Эньхэбату, Эрхэньбаяр. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 249-258.

Эньхэбату Э. Наши исследования о Го Даофу // Даурский форум. Ч. I. = 阿 恩和巴图. 我们所知道的 郭道甫 // 达斡尔 论坛. 第三部 (上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古 文化 出版社, 2018. 1. / Э. Эньхэбату, Эрхэньбаяр. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018а. – С. 257–275.

Эньхэбату Э. О личных качествах Жунлу и некоторых его делах // Исследования даурского народа. Вып. 4. = 阿. 恩克巴图, 额尔很巴雅尔. 荣禄的为人及其二三事 // 达斡尔族研究. 第四辑 / 孟志东主编. – 呼和浩特: 内蒙古托克托县印刷厂印刷, 1989 / Э. Эньхэбату, Эрхэньбаяр. – Хух-Хот : Изд-во Тогтох хошуна Внутренней Монголии, 1989. – С. 118–121.

Эньхэбату Э. О причинах гибели патриота Линшэна // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 恩克巴图, 额尔很巴雅尔. 爱国先烈凌升等被害的起因 // 达斡尔族研究. 内蒙古自治区达斡尔学会编. – 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版, 2000. / Эньхэбату, Эрхэньбаяр. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 116–121.

Эньхэбату Э. О причинах гибели патриота Линшэна // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 阿. 恩克巴图, 额尔很巴雅尔. 爱国先烈凌升等被害的起因 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Э. Эньхэбату, Эрхэньбаяр. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 274–278.

Эньхэбату Э. Обучение членов партии молодежи Хулун-Буира в СССР и Монголии // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 阿. 恩和巴图, 色布精太. 呼伦贝尔青年党赴苏联, 蒙古学习情况 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Э. Эньхэбату, Сэбуцзинтай. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 137–143.

Эньхэбату Э. Памяти Фуэргэту, погибшего защищая Хайлар во время смуты 1917 г. // Дауры в период Китайской Республики. Сборник

исторических материалов = 阿恩和巴图. 纪念 1917 年匪乱中为保卫海拉尔而牺牲的福尔格图 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Э. Эньхэбату. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 70–72.

Эньхэбату Э. Последние мероприятия Го Даофу // Даурский форум. Ч. I. = 阿恩和巴图. 郭道甫的最后活动 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Э. Эньхэбату, Эрхэньбаяр. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018б. – С. 276–279.

Эньхэбату Э. Развертывание антияпонского движения в окрестностях Хайлара // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. II. = 阿恩和巴图. 海拉尔附近的抗日活动 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Э. Эньхэбату. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 438.

Эньхэбату Э. Реконструкция биографии Сан Жуй // Даурский форум. Ч. I. = 阿恩和巴图. 回忆桑瑞的一生 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Э. Эньхэбату, Мэн Сайцзижима. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 312–316.

Эньхэбату Э. Сведения о Жунлу [отце Го Даофу] // Даурский форум. Ч. I. = 阿恩和巴图, 额尔很巴雅尔. 有关荣录的资料 // 达斡尔论坛. 第三部 (上) / 卓仁主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Э. Эньхэбату, Эрхэньбаяр. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 308–311.

Эрдуньбухэ. О бедности даурских земледельцев и скотоводов и о мерах по ее искоренению // Исследования даурского народа. Сочинения даурского

научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 额尔敦布和 . 达斡尔族 农牧民 中的 贫困状况及 消除贫困的对策 // 达斡尔族 研究. 内蒙古 自治区达斡尔 学会編. – 呼和浩特: 内蒙古 大学 出版社 出版, 2000. / Эрдуньбухэ. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 418–438.

Эрдуньчабу. Линшэн – непоколебимый народный герой, пытавшийся спасти родину // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 额尔敦扎布. 凌升——铁血救国的民族英雄 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Эрдуньчабу. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 245–246.

Эрхэньбаяр. Воспоминания об однокласснике Го Вэньтуне // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 额尔很巴雅尔. 回忆我的同学郭文通 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Эрхэньбаяр. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015a. – С. 202–207.

Эрхэньбаяр. Фрагменты моих воспоминаний о «деле Линшэна» // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 额尔很巴雅尔. “凌升 事件” 中我所经历的片段回忆 // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国 文史 出版社, 2015. / Эрхэньбаяр. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015b. – С. 261–267.

Эрхэньбаяр. «Дело Линшэна» (период правления Маньчжоу-Го) // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 额尔很巴雅尔. 伪满 时期的 “凌升 事件” // 达斡尔族 史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北

京: 中国文史出版社, 2015. / Эрхэнбаяр. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015в. – С. 217–229.

Эрхэнбаяр. Краткая биография Го Вэньтуна // Даурский форум. Ч. I. = 额尔根巴雅尔. 郭文通简历 // 达斡尔论坛. 第三部(上) / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔 : 内蒙古文化出版社, 2018. 1. / Эрхэнбаяр. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2018. – С. 304–307.

Эюнчжабу. Грамотное сочетание централизации и децентрализации как путь к развитию народного хозяйства // Исследования даурского народа. Сочинения даурского научного общества Автономного района Внутренняя Монголия = 额永扎布. 搞好统分结合振兴民族经济 // 达斡尔族研究. 内蒙古自治区达斡尔学会编. – 呼和浩特: 内蒙古大学出版社出版, 2000. / Эюнчжабу. – Хух-Хот : Изд-во Университета Внутренней Монголии, 2000. – С. 414–417.

Юань Бинчэн. Вопросы экономического развития Мэйлисы-Даурского национального района // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 袁丙成, 杨继军. 关于梅里斯达斡尔族区经济发展的战略问题 // 庆祝梅里斯达斡尔族区建区五十周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市人大常委会印刷厂印刷, 2002. / Бинчэн Юань, Цицзюнь Ян. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 1–6.

Ян Ючэнь. Предварительные исследования начала колонизации даурами пограничных земель «Саншили» (три деревни) // Даурский форум. Ч. II. = 杨优臣, 陈志贵, 吴丽华. “三石烈”屯垦与达斡尔族族源初探 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Ючэнь Ян, Чжигуй Чэнь, У Лихуа. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 40–57.

Ян Ючэнь. Сын даурского народа в авангарде современной революции в Китае // Дауры в период Китайской Республики. Сборник исторических материалов = 杨优臣, 陈志贵, 何文钧. 中国现代革命的先驱, 达斡尔民族的骄子 // 民国时期的达斡尔族. 史料专辑 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2019 / Ючэнь Ян, Чжигуй Чэнь, Вэньцзюнь Хэ. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2019. – С. 148–169.

Ян Ючэнь. Формирование этнической общности дауров // Даурский форум. Ч. II. = 杨优臣, 陈志贵, 吴丽华. 达斡尔民族共同体的形成 // 达斡尔论坛. 下 / 卓仁 主编. – 呼伦贝尔: 内蒙古文化出版社, 2016. 3. / Ючэнь Ян, Чжигуй Чэнь, У Лихуа. – Хулун-Буир : Изд-во культуры Внутренней Монголии, 2016. – С. 58–62.

Янь Шацзин. Линшэн – знаменитый патриот даурского народа // Сборник исторических материалов по истории даурского народа. Ч. I. = 闫沙庆. 达斡尔族的著名爱国者 凌升 // 达斡尔族史料专辑 / 那顺宝 主编. – 北京: 中国文史出版社, 2015. / Шацзин Янь. – Пекин : Изд-во китайской истории и литературы, 2015. – С. 286–290.

Яо Цин. Основа работы – понимание, изучение, управление районом и принятие решений в зависимости от местных условий // Сборник научных статей, посвященный 50-летию юбилею с момента образования Мэйлисы-Даурского национального района = 姚卿. 认识区情 研究区情 把握区情 因地制宜 确定基本工作思路 // 庆祝 梅里斯 达斡尔族 区建区 五十 周年文集 / 主编: 杨优臣, 何适辰. – 齐齐哈尔市 人大 常委会 印刷厂印刷, 2002. / Цин Яо. – Цицикар : Изд-во Постоянного городского комитета ВСНП г. Цицикар, 2002. – С. 34–40.

На японском языке

Опубликованные документы

Мансю тэйкоку року хо (Свод законов Маньчжоу-Го). – Чанчунь : Мансю сихо кёкай, 1941.

Неопубликованные документы

Дипломатический архив Министерства иностранных дел Японии (яп. 外務省外交史料館, Гаймушо Гайко Ширёкан)

ДА МИДЯ. REEL. No F-0742. 161210. – Pp. 378-443. 「7 昭和3年8月22日から昭和3年8月26日」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref.B02031788900、満蒙政況関係雑纂／呼倫貝爾ノ部 第一巻 (A-6-1-2-1_16_001) (外務省外交史料館) «7 22 августа 1928 г. - 26 августа 1928 г.». JACAR (Японский центр азиатских исторических записей) Ref.B02031788900, Разные дела, связанные с политической ситуацией в Маньчжурии / Корункайдзи Нобу Том 1 (A-6-1-2-) 1_16_001) (Дипломатический архив Министерства иностранных дел)

ДА МИДЯ. REEL. No F-0742. 161210. – Pp. 445-459. 「8 呼倫貝爾自治獲得運動」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref.B02031789000、満蒙政況関係雑纂／呼倫貝爾ノ部 第一巻 (A-6-1-2-1_16_001) (外務省外交史料館) «8. Движение за обретение автономии в Хулун-Буире». JACAR (Японский центр азиатских исторических записей) Ref.B02031789000, Разное отношение к маньчжурской и монгольской политике / Horunbeir Nobu Volume 1 (A-6-1-2-1_16_001) (Дипломатический архив Министерства иностранных дел)

ДА МИДЯ. REEL. No F-0742. 161210. – Pp. 476-491. 「10 呼倫貝爾自治獲得運動」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref.B02031789200、満蒙政況関係雑纂／呼倫貝爾ノ部 第一巻 (A-6-1-2-1_16_001) (外務省外交史料館) ``10. Движение за обретение автономии в Хулун-Буире". JACAR (Японский центр азиатских исторических записей) Ref.B02031789200, Разные

слухи, связанные с маньчжурской и монгольской политикой / Хулун-Буир Нобу. Том 1 (А-6-1-2-1_16_001) (Дипломатический Архив Министерства иностранных дел)

ДА МИДЯ. REEL. No F-0742. 161210. – Pp. 493-562. 「11 昭和3年8月27日から昭和3年9月7日」 JACAR (アジア歴史資料センター) Ref.B02031789300、満蒙政況関係雑纂／呼倫貝爾ノ部 第一巻 (А-6-1-2-1_16_001) (外務省外交史料館) «11.27 августа 1928 г. - 7 сентября 1928 г.». JACAR (Японский центр азиатских исторических записей) Ref.B02031789300, Разные дела, связанные с политической ситуацией в Маньчжурии / Коринкайдзи Нобу. Том 1 (А-6-1-2-) 1_16_001) (Дипломатический архив Министерства иностранных дел)

Мемуары

Айсинкакура Хиро. Рутэн-но охи. Мансю кютэй-но хигэки (Воспоминания жены брата Пу И – императора марионеточного государства Маньчжоу-Го) – Токио : Бунгэй сьондзю синся, 1960. – 270 с.

Исследования

Аисо Канъити. Сёва кэйдзай си [Влияние японского милитаризма на развитие экономики страны в довоенный период и во время Второй мировой войны] / Канъити Аисо. – Токио : Кёйкуся, 1978. – 253 с.

Аояма Хидэо. Нихон кэйдзай то кэйки хэндо. Аояма Хидэо-хэн [Японская экономика и циклический характер ее развития в период 1919-1956 гг.] / Хидэо Аояма. – Токио : Собунся, 1957. – 272 с.

Вакаки Мансю /Синьцзин/. Мансю тэйкоку сэйфу [Альбом фотографий Маньчжоу-Го]. [б.и.], 1938. – 2 с., 50 л. илл.

Гомикава Дзюмпэй. Кёко но тайги: кантогун сики [Великая ложь. Дневниковые записи бывшего солдата Квантунской армии] / Дзюмпэй Гомикава. – Токио : Бунгэй сьондзю, 1980. – 286 с.

Гомикава Дзюмпэй. Номонхан / Дзэмпэй Гомикава. – Токио : Бунгэй сьондзю, 1976. – 344 с.

Гондо Сёити. Гундэи нити-ман-ро кайва. Гондо Сёити сонота хэн [Японо-маньчжуро-русский военный разговорник] / Сёити Гондо, А. Янушевский, К. Иосида. – Осака : Осакая-го сётэн, 1942. – 236 с.

Дайгаку но сэйсин: Нихон но кёйку то Васэда дайгаку [Место университета Васэда (Токио) в истории японского образования. Сборник статей к 100-летию университета] / Катаока Хиромицу, Тамура Масакацу хэн. – Токио : Сансюся, 1980. – 231 с.

Дзай Ман хаккэй родэми гайкан. Тиан бубусинцу [Русские белоэмигранты в Маньчжурии]. [б.и.], 1938. – 90 с.

Докюменто Сёва си. Т. 2. Мансю дзихэн то ни, ни року [События в Маньчжурии и 26 февраля 1936 г.] / Авая Кэнтаро хэн. – Токио : Хэйбонся, 1975. – 342 с.

Докюменто Сёва си. Т. 3. Ниттю сэнсо [Японо-китайская война] / Утикава Ёсими хэн. – Токио : Хэйбонся, 1975. – 332 с.

Докюменто Сёва си. Т. 5. Хайсэн дзэнго [Поражение в войне] / Имаи Сэйити хэн. – Токио : Хэйбонся, 1975. – 334 с.

Ё Иссю. Тайхэйё сэнсо дзэнъя [Канун войны на Тихом океане] / Иссю Ё. – Токио : Тоганся, 1970. – 257 с.

Ёда Ёсииэ. Сэндзэн но Нихон то Тюгоку [Япония и Китай в период до Второй мировой войны] / Ёсииэ Ёда. – Токио : Сансэйдо, 1976. – 452 с.

Ёсида Киньити. Киндай Ро-Син канкэй си [История русско-китайских отношений] / Киньити Ёсида. – Токио : Кондо сьупанся, 1974. – 300 с.

Иидзука Кодзи. Нихон-но гунтай [Японская армия] / Кодзи Иидзука. – Токио : Хёронся, 1968. – 335 с.

Като Кюдзо. Сибэриа ни цукарэта хитобито [История сибирских экспедиций] / Кюдзо Като. – Токио : Иванами сётэн, 1974. – 234 с.

Кисаки Дзюнъити. Сётю Мансюоко кудзэндзу [Карманный атлас Маньчжоу-Го] / Дзюнъити Кисаки. – Токио : Ихаяси сётэн, 1938. – 8 л.

Кодзима Томоюки. Тюгоку сэйдзи то тайсю росэн [Социальная политика современного Китая] / Томоюки Кодзима. – Токио : Кэйо цусин, 1984. – 375 с.

Мансэн рингё гайкан [Обзор лесного хозяйства Маньчжурии и Кореи]. – Чанчунь : Мансю мокудзай цусинся, 1941. – 408 с.

Мансю син роппо. Нитибум (Новый статут Маньчжурии). – Чанчунь : Мансю косэй гаккай, 1937.

Мизутани Тоё. Мэрусэ ни ёру Монгору хито кёйку но косо то соно засэцу дай 1-зи коккёгассаку-ки ни океру чука кёйку кайшинча то но тэйкэй о чушин ни [Идеи Мэрсэ о развитии монгольского образования и неудачные попытки их претворения в жизнь: период первого сотрудничества с Китайским комитетом реформы образования] / Тоё Мизутани // Вакодайгаку гендай нингэн гакубу киё дай 6-го (2013-нен 3 цуки) [Бюллетень современных общественных исследований Университета Вако № 6 (март 2013 г.)]. – С. 63–80.

Отаке Масами. Дагуру-го онинши но сай косэй гото но ё но масацуон-ка ни цуитэ [Реконструкция фонологической истории дагурского языка (на примере спиранта ё)] / Масами Отаке // Кодай монжи ширёкан хакко [Издания Музея древней письменности (КОТОНОХА)]. – № 124 (март 2013 г.)]. – С. 1–2.

Такаянаги Мицутоси. Сэйкибэцу нихон си [История Японии с древнейших времен до 1957 г.] / Мицутоси Такаянаги, Минору Ватанабэ. – Токио : Мэйдзи сёин, 1958. – 468 с.

Томинага Н. Хоко сэйдорон / Н. Томинага. – Шинкё : Маншукоку минсэйбу кэймуши, 1936.

Эндо М. Маншукоку точи ни океру хоко сэйдо но ринэн то дзиттай: минзоку кёватто хочи кокка тоиу футацу но кокузэ во мегутте / М. Эндо // Азия тайхэё кенкю. – 2013. – № 20. – С. 37–51.

Акира Тоши. Фурунбоиру сэйнен то но угоки Гиёбин Мансю-коку сэйрицу мае но [Создание и деятельность партии молодежи Хулун-Буира до основания Маньчжоу-Го]. – С. 71–86. – URL : <https://core.ac.uk/download/pdf/268151078.pdf>. (дата обращения: 05.07.2022).

На немецком языке

Научные издания

Helwig Schmidt-Glintzer. China: Vievölkerreich und Einheitsstat. – München : Beck, 1997. – 312 p.

Käthe U-Köhalmi. Daurien: Das Keimen und absterbeneines Nomaden reiches / U-Köhalmi Käthe // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Tomus XXXV (2-3), 1981. – Pp. 255–273.

Käthe U-Köhalmi. Über einige Dagurische Ortsnamen aus dem 17. Jahrhundert / U-Köhalmi Käthe // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Tomus XXXVI (1-3), 1982. – Pp. 315–319.

Thomas Heberer. Helwig Schmidt-Glintzer, China. Vielvölkerreich und Einheitsstaat. Von den Anfängen bis heute, Verlag C. H. Beck, München 1997, 312 S. / Heberer Thomas // Comparativ. – Vol. 9. – № 1. – 1999: Polizei und Schwule. – Pp. 102–105.

На чешском языке

Исследования

Zikmundova K. Dagurské příběhy Mandžuska (Dagur Tales of Manchuria). Diplomová práce. Univerzita Karlova. Filozofická fakulta. Ústav asijských studií / Katerina Zikmundova. – Praha, 2022. – 94 p.

Zikmundova K. Merse a Mongolská otázka (Merse and the Mongolian Question). Bakalářská práce. Univerzita Karlova. Filozofická fakulta. Ústav jižní a centrální Asie / Katerina Zikmundova. – Praha, 2018. – 94 p.

На корейском языке

Научные издания

Инь Хуэйдо (Юн Хви-Так). Cooperation and Harmony among Nationalities of [Manchukuo], and Koreans in Manchuria [Сотрудничество и согласие между национальностями [Маньчжоу-Го], и корейцы в Маньчжурии] / Yoon Hwi tak // Journal of Studies on Korean National Movement [Журнал исследований корейского национального движения]. – 2000. – No. 26. – С. 143–172. (на кор. яз.)

Электронные ресурсы

Инь Хуэйдо (Юн Хви-Так). 尹輝鐸 (韓京大). ‘複合民族國家’의 파탄: 만주국의 붕괴와 ‘滿洲國人’의 충돌 수난 // 中國史研究. 第 78 輯 (2012. 6) [Крушение Маньчжоу-Го и конфликт народов государства] // Исследования по истории Китая. – 2012. – Т. 78. – С. 160–197. – URL : <http://webbuild.knu.ac.kr/~china/CHR/chr2012/chr78pdf/chr78-06YoonHT.pdf>. (дата обращения: 05.07.2022.)

Чхон Чун-Хва. 천 춘 화. 만주국의 기원 만들기와 ‘건국신화’의 창출 원리. 최남선의 □만몽문화□를 중심으로 [Создание Маньчжоу-Го и «миф» о принципах основания] // The Journal of Korean Fiction Research. – 2020. – Т. 9. – С. 511–537. – URL : <http://doi.org/10.20483/JKFR.2020.09.79.511> (дата обращения: 05.07.2022).

Полевые материалы автора

ПМА, 2005 - полевые материалы автора, собранные в ходе международной этнографической экспедиции «Дагуры и баргуты Китая» (экспедиционный проект СО РАН) в августе-сентябре 2005 г. в городском округе Хулун-Буир АРВМ КНР. (информаторы: Хас-Уул (Юй Шан), 1951 г.р., Говол Тумурдэй, 1936 г.р., Тогтохын Толи, 1943 г.р., Тогтохын Толто, 1948 г.р., пос. Наньтун; Мэн Суочжу, 1934 г.р., с. Баянтала эвенкийского автономного хошуна городского округа Хулунбуир АРВМ КНР; Лэ Чжидэ,

1935 г.р., г. Нирги даурского автономного хошуна Морин-Дава городского округа Хулун-Буир АРВМ КНР; И Сун, 1960 г.р., г. Хух-хото АРВМ КНР).

ПМА, 2015 - полевые материалы автора, собранные в ходе международной этнографической экспедиции «Монголоязычные народы северо-востока Китая: история, культура, язык» (проект РГНФ) в городском округе Хулун-Буир АРВМ КНР в июле 2015 г. (информаторы: Тодо, 1944 г.р., Хас-Уул, 1951 г.р., Говол Тумурдэй, 1936 г.р., пос. Наньтун эвенкийского автономного хошуна городского округа Хулунбуир АРВМ КНР; Эрчим, 1935 г.р., Ао Чжинсуо, 1952 г.р., Насанбоо, 1950 г.р., Улаан-Зорим, 1956 г.р., Эргунбуку, 1946 г.р., Ао Хочжан, 1947 г.р., г. Нирги даурского автономного хошуна Морин-Дава городского округа Хулун-Буир АРВМ КНР).

ПМА, 2017 - полевые материалы автора, собранные в ходе международной этнографической экспедиции «Монголоязычные народы северо-востока Китая: история, культура, язык» (проект РГНФ) в городском округе Хулун-Буир АРВМ КНР летом 2017 г. (информаторы: Тодо, 1944 г.р., Хас-Уул, 1951 г.р., Говол Тумурдэй, 1936 г.р., пос. Наньтун, семь информаторов с. Баян-Цаган эвенкийского автономного хошуна городского округа Хулунбуир АРВМ КНР)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Схема административного деления Хэйлуньцзянской провинции Китая на 1912 г. (Кузьмин, 2022)

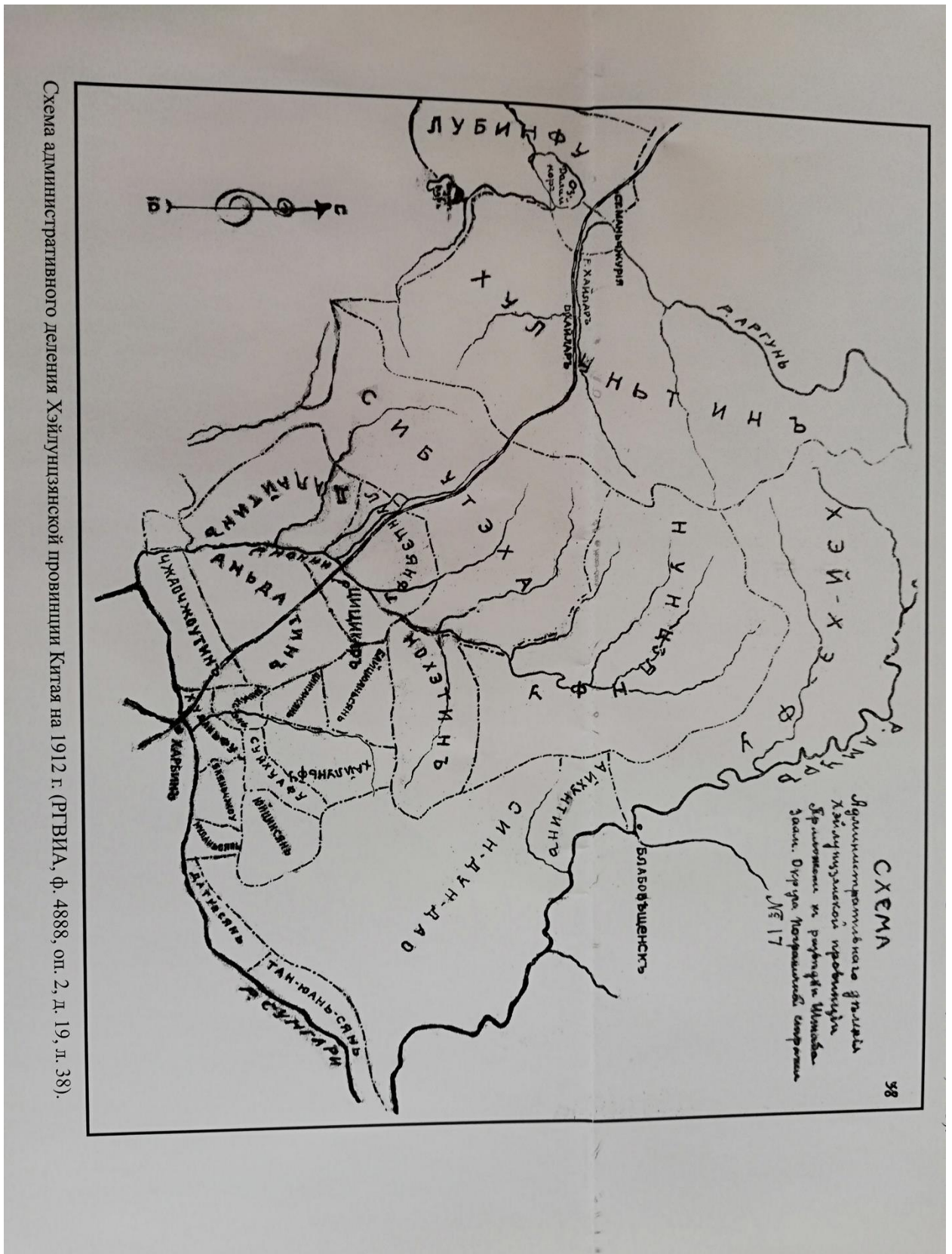
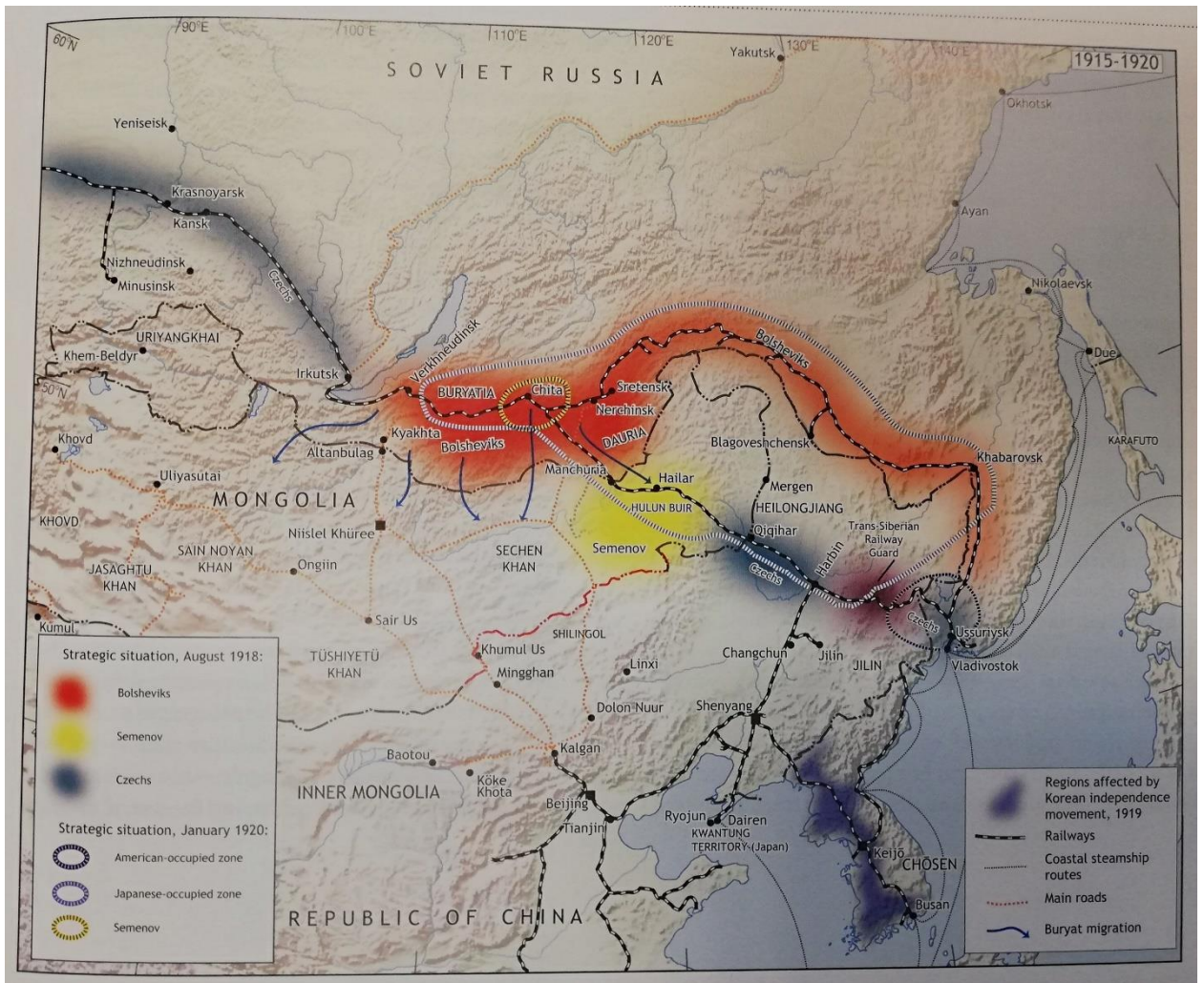

Схема административного деления Хэйлуньцзянской провинции Китая на 1912 г. (РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 19, л. 38).

**Приложение 2. Корея, Маньчжурия, Монголия, Восточная Сибирь.
1910-1915. (Li Narangoa and Robert Cribb, 2014)**

Приложение 3. Корея, Маньчжурия, Монголия, Восточная Сибирь.
1915-1920. (Li Narangoa and Robert Cribb, 2014)

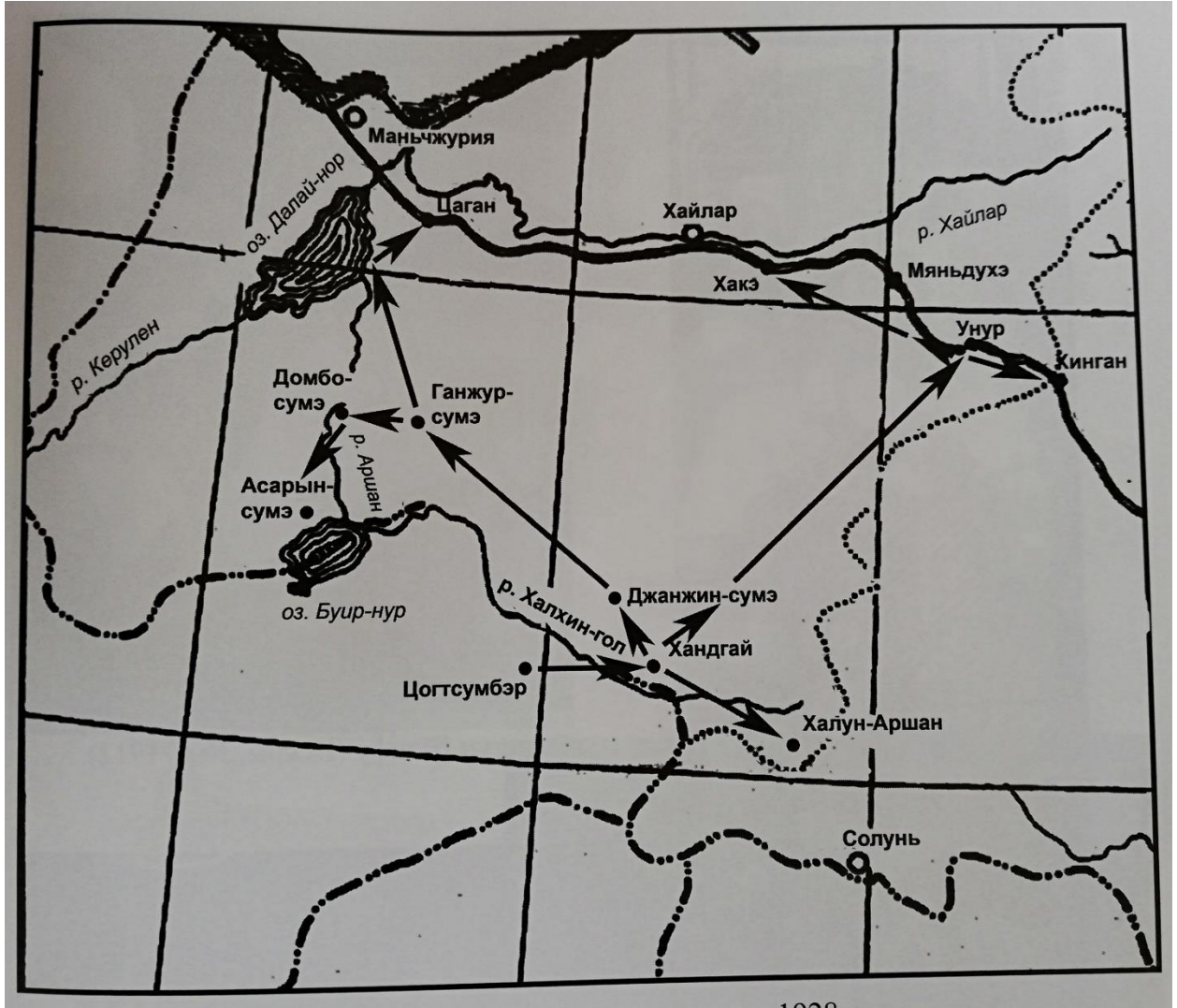
Приложение 5

**Представители Народно-революционной партии Внутренней
Монголии в Улан-Баторе и Барге (Atwood, 2002)**

Представители (в ЦК МНРП или в Барге)	Даты	Ссылка на Центральный партийный архив Монголии
Хуалинтай (временный) Нимажаб (Барга)	30 сентября – 18/22 декабря 1925 г. 15 ноября-18 декабря 1925 г.	7-1-27:40; 7-1- 20:18; 7-1-19:11
Фуминтай Хуалинтай (Барга)	23 декабря 1925 г. - 4 января 1926 г. 23 декабря 1925 г. – 4 января 1926 г.	7-1-19:9 7-1-27:41
Тэгусбаяр (временный)	4 января – 5 марта 1926 г.	7-1-27:41 7-1-27:42-43
Мандалту (постоянный)	5 марта-23 августа 1926 г.	7-1-27: 42-43
Фуминтай (полномочный представитель) Алтан-Очир (советник)	23 августа 1926 г. 23 августа 1926 г.	7-1-27: 44-45 7-1-27: 44-45

*Приложение 6.***Направление боевых действий баргинских повстанцев в 1928 г.**

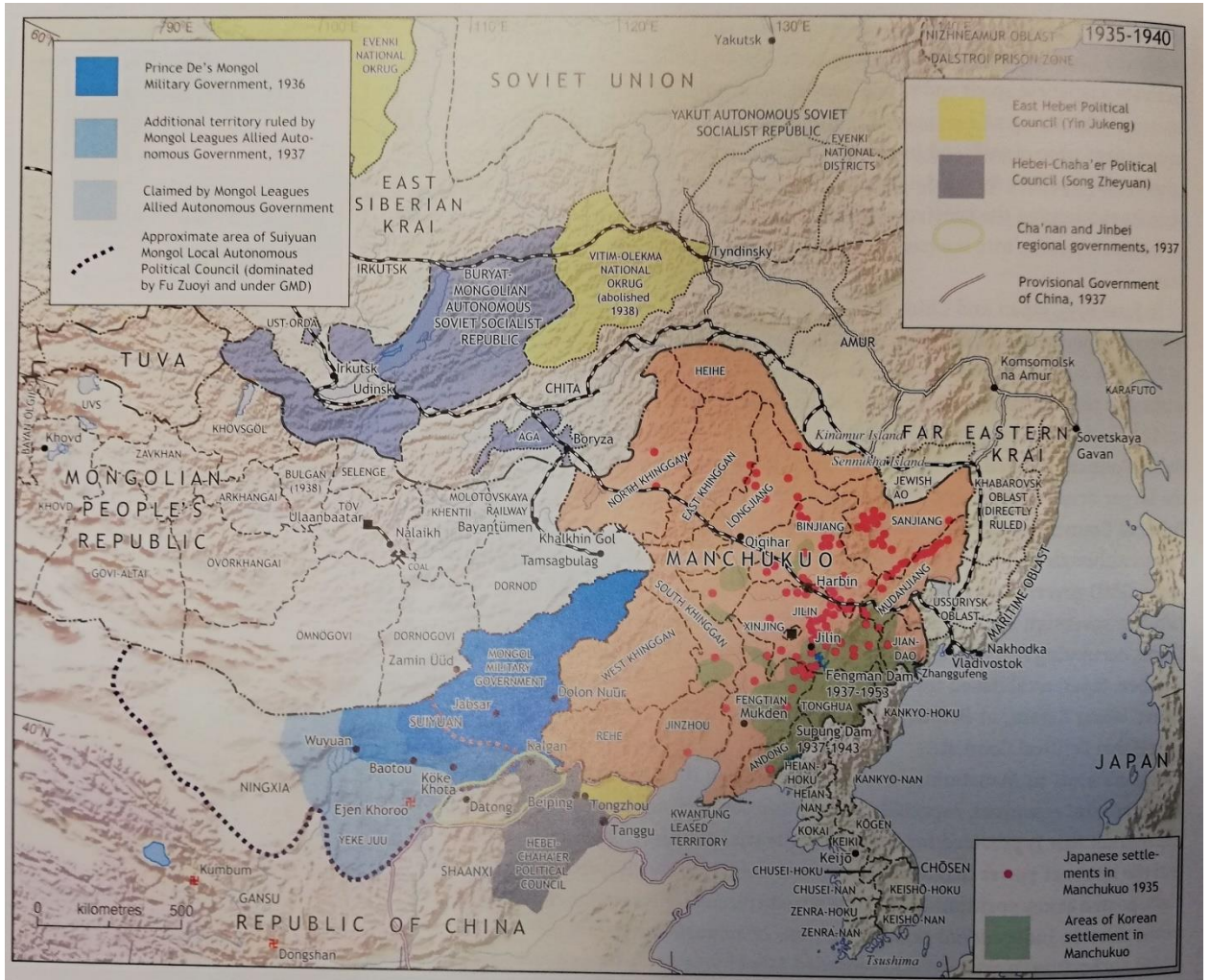
(Кузьмин, 2022)

Приложение 8.

Корея, Маньчжурия, Монголия, Восточная Сибирь. 1935-1940.

(Li Narangoa and Robert Cribb, 2014)

Приложение 9

Участие дауров в антияпонской освободительной борьбе (1932-1945)

Дауры	бутхаские и цицикарские	хайларские
Годы участия в антияпонской борьбе	1932-1945	1939-1945
Деятельность, количество	помощь продовольствием и проводниками китайским партизанским отрядам (офиц. «объединенные армии Северо-Вост. Китая»), единичные случаи ухода в партизаны.	разведывательная и диверсионная деятельность, передача сведений об японских укрепрайонах, аэродромах, складах, передвижении воинских частей. Подпольная группа в Хайларе из 20-30 чел.
Наиболее известные участники антияпонской борьбы	Партизаны Э Шуси, Багабу, Го Цзуанхай	Советские агенты и разведчики Найралту, Хас-Батор, Хаюри, Э-Б. Сандиев
Дауры - офицеры и чиновники Маньчжоу-Го, перешедшие на сторону антияпонского сопротивления	Офицер армии Маньчжоу-Го – Ван Хайшань (поднял мятеж в августе 1945 г. в Вангийн-сумэ), офицер армии Маньчжоу-Го – Э Сюфэн (участник мятежа в Вангийн-сумэ), офицер армии Маньчжоу-Го – Мэдэлту (участник мятежа в Вангийн-сумэ)	Губернатор провинции Северный Хинган - Линшэн (казнен в 1936 г. как просоветский деятель), генерал-лейтенант армии Маньчжоу-Го Го Вэньлин (поднял мятеж в августе 1945 г. в м. Шэнэхэн), генерал армии Маньчжоу-Го Го Вэньтун – агент советской разведки, поднял мятеж в августе 1945 г.

Приложение 10

Перечень даурских автономных административно-территориальных единиц в КНР

Автономный уезд
1) Даурский автономный хошун Морин-Дава городского округа Хулун-Буир АРВМ
2) Даурский национальный район Мэйлисы городского округа Цицикар провинции Хэйлунцзян
Национальная волость
1) Даурская национальная волость Баянтала эвенкийского автономного хошуна городского округа Хулун-Буир АРВМ
2) Даурская национальная волость городского уезда Чжаланьтунь городского округа Хулун-Буир АРВМ
3) Даурско-эвенкийская национальная волость Иньхэ хошуна Арун городского округа Хулун-Буир АРВМ
4) Даурская национальная волость Дуэрмэньцин район Фулаэрци (Хулан-Эрги) городского округа Цицикар провинции Хэйлунцзян
5) Даурская национальная волость Мангэту даурского национального района Мэйлисы городского округа Цицикар провинции Хэйлунцзян
6) Даурско-маньчжурско-кыргызская национальная волость Юи уезда Фуюй городского округа Цицикар провинции Хэйлунцзян
7) Даурско-маньчжурская национальная волость Куньхэ района Айгунь городского округа Хэйхэ провинции Хэйлунцзян
8) Даурская национальная волость Асиэр городского уезда Чугучак округа Чугучак СУАР

Приложение 11

**Собрание по случаю создания даурского автономного района
Вонюту в 1952 г. (предоставлено г-м Су Фуруном)**

Приложение 12

Съезд народных представителей по случаю создания даурского автономного хошуна Морин-Дава в августе 1958 г.

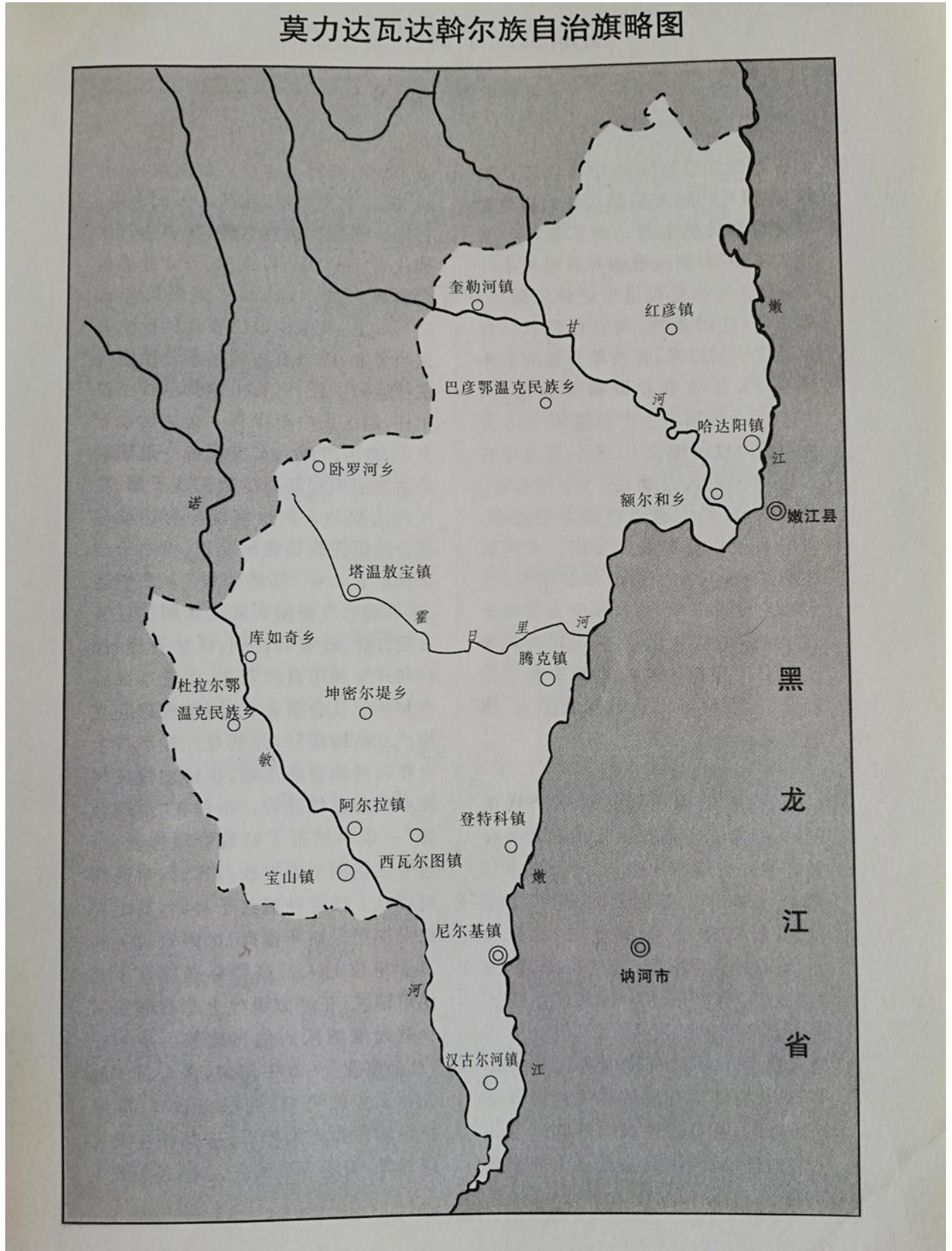
(предоставлено г-м Су Фуруном)

Приложение 13.

Карта даурского автономного хошуна Морин-Дава

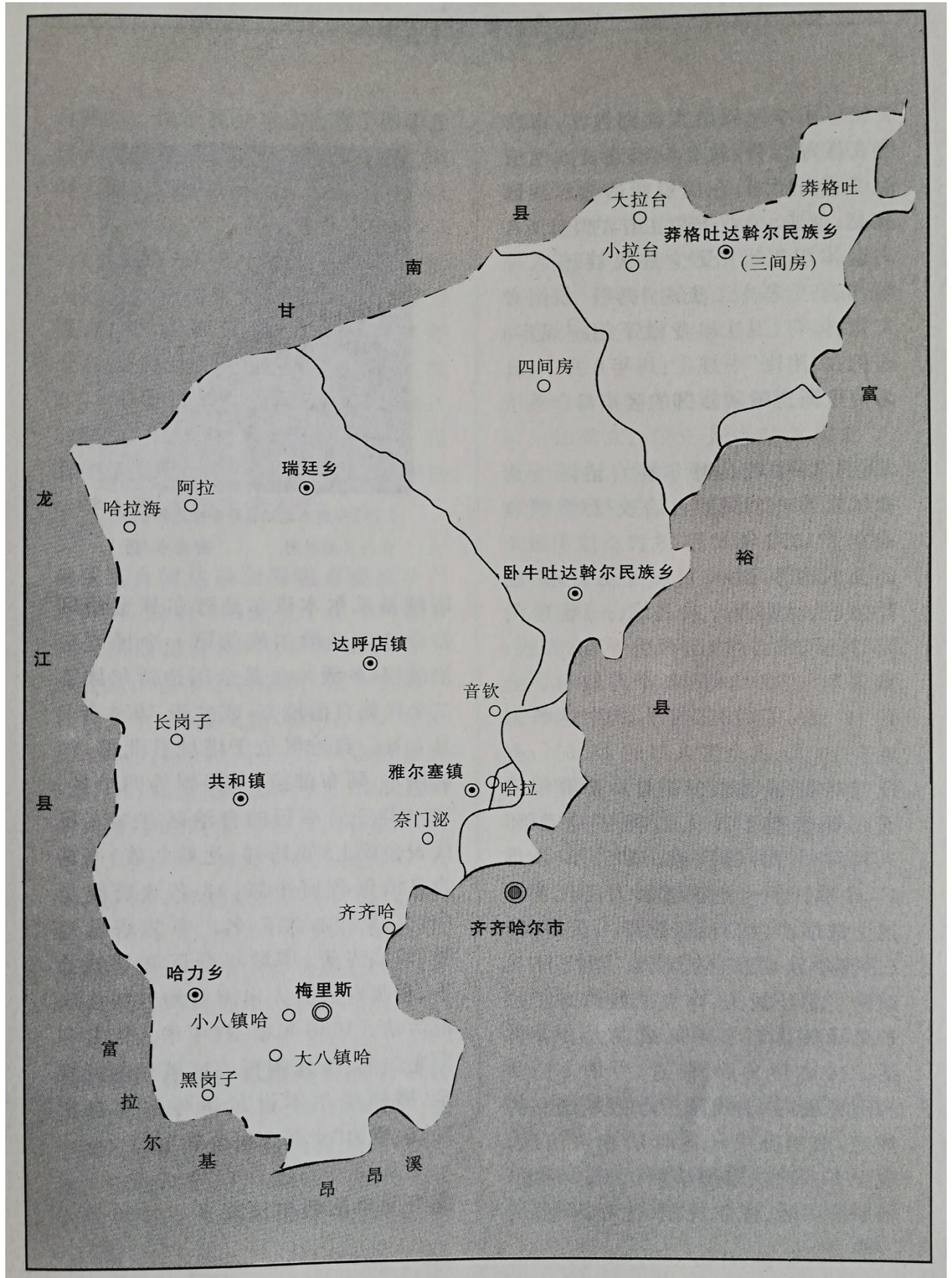
(Маньдурту, 2007)

Приложение 14

Карта даурского национального района Мэйлисы

(Маньдурту, 2007)

Приложение 15

Общонародное собрание по случаю созданию даурского национального района Мэйлисы в 1988 г.

(предоставлено г-м Су Фуруном)

